

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы часто слышим: в политике долго не живут, а в российской — тем более. Увы, для переломной эпохи, какую переживает наше Отечество, это верно, а для политиков, избираемых непосредственно населением, верно вдвойне. Не случайно в Государственной Думе третьего созыва лишь пять депутатов четыре раза подряд избирались по одномандатным округам. Однако и среди них случай Олега Смолина, избравшегося не только народным депутатом России и депутатом Государственной Думы второго и третьего созывов, но также и депутатом Совета Федерации первого созыва (единственного созыва, когда члены Совета Федерации были еще депутатами и избирались населением),— этот случай является единственным в своём роде.

Такое политическое «долгожительство» выглядит исключением вдвойне, если учесть, что речь идёт о депутате из провинции (Омского региона), который практически не был подвержен «принципу маятника», т. е. не качался вместе с массовым сознанием слева направо и опять влево либо от авторитаризма к демократии и обратно. Наконец, случай, когда в стране, переживающей революционные разрушения, депутатом трёх разных парламентов четыре раза подряд непосредственно населением избирается человек, с детства лишённый зрения, крайне редок, если вообще не уникален для мировой парламентской практики.

Олег Смолин по праву считается одним из лидеров российского образования и едва ли не главным среди депутатов парламента разработчиком всех действующих законов в этой области, начиная от первой редакции Закона РФ «Об образовании» 1992 года и заканчивая проектом Национальной доктрины образования, одобренным педагогическим сообществом в январе года 2000-го, включая федеральные законы «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», «О дополнительном образовании», «Об образовании лиц с ограниченными возможностями здоровья (специальном образовании)» и др. Заметно меньше знают парламентарии два других его лица: политическое и, особенно, научное.

Разумеется, политическая позиция автора книги время от времени проявляется в жёстко структурированных и выстроенных по правилам риторики выступлениях во время пленарных заседаний Госдумы либо в острых и афористичных репликах, однако Олег Смолин сохраняет имидж взвешенного политика и никогда не участвует в «кулачных» парламентских боях в прямом или переносном смысле этого слова. Его сильная сторона — аргументы и убеждённость, но вовсе не информационный шум. Принцип его политического поведения — интеллигентная жесткость: критика идей, а не личности оппонента; твёрдая позиция, а не громкие слова, нередко скрывающие готовность «прогнуться».

Эта книга — не только политический портрет целой эпохи, но, хотел того автор или нет, и его политический автопортрет. Внимательный читатель легко

составит по ней целостное представление не только о времени, но и об одном из тех, кто пытался следовать пушкинскому завету «в жестокий век», «восславляя свободу» «и призывая милость к падшим».

Однако, быть может, главное состоит в том, что читатель этой книги найдёт в ней весьма не-обычные для массового сознания научные подходы к анализу эпохи, политических процессов и образовательной политики, радикально отличные как от официальной точки зрения, так и от типичных представлений лидеров оппозиции. Ключевым для этих подходов является понимание российского политического процесса 90-х годов как революции со всеми вытекающими отсюда последствиями. Не во всём соглашаясь с автором и не пытаясь полемизировать с ним, замечу лишь, что аргументация этого подхода выглядит весьма серьёзно хотя бы потому, что сделанные на основе этой гипотезы в начале 90-х годов политические прогнозы, увы, вполне подтвердились и продолжают подтверждаться. Не случайно, несмотря на всю дискуссионность и политическую определённости выводов Олега Смолина, его диссертация в форме научного доклада была единогласно утверждена специализированным Советом Московского государственного педагогического университета и президиумом Высшей аттестационной комиссии, а автор стал доктором философских наук.

Впрочем, открыв книгу, читатель сам сможет оценить далеко не всегда встречающееся в отечественных работах сочетание научной содержательности и яркого, местами публицистического стиля. Думаю, не только учёные, но и все, кто интересуется политикой и образованием, получили ещё один предмет и повод для серьёзных размышлений о судьбах нашей страны, её государственности и о том, какая «национальная идея» способна обеспечить наше общее будущее.

Геннадий Селезнёв

Во дни благополучия
Пользуйся благом,
А во дни несчастья –
Размышляй.

Книга Экклезиаста

К ЧИТАТЕЛЮ

Уважаемый читатель! Книга, которую Вы раскрыли, никак не может быть названа научно-публицистическим дебютом автора, но, скорее, очередным промежуточным финишем на дистанции длиной в жизнь. Не считая книг, подготовленных в соавторстве, этой работе предшествовали следующие крупные авторские публикации:

Куда несет нас рок событий. Политологическая публицистика 1990—1995 гг. М.: “Логос” ВОС.— 1995.

Образование. Революция. Закон. Проблема законодательного обеспечения российской государственной образовательной политики 90-х годов. Часть I. Новейшая революция в России. Опыт политико-ситуационного анализа.— М.: ООО “ИПТК “Логос” ВОС”, 1999.

Три трагедии российской демократии. Систематизированный сборник.— М.: ООО “ИПТК “Логос” ВОС”, 1999.

Знание — свобода. Российская государственная образовательная политика и федеральное законодательство 90-х годов. Систематизированный сборник.— М.: ООО “ИПТК “Логос” ВОС”, 1999.

Подобно трём из четырёх названных здесь книг, эта работа, во-первых, не написана специально, но составлена из материалов, частью опубликованных в омской региональной печати либо в центральных малотиражных изданиях (общее количество таких публикаций превысило 250), частью же сохранившихся в личном авторском архиве.

Во-вторых, для нашего времени подобные книги скорее исключение, чем правило. В отличие от своих предшественников, склонных к многотомным изданиям речей и статей, абсолютное большинство известных политических лидеров постсоветского периода не только обществу, но и самим себе предпочитали не напоминать в конце 80-х годов, о чём говорили в их начале, а в начале XXI века не любят вспоминать о том, что делали в начале последнего десятилетия века XX.

Если бы какому-нибудь издателю пришла в голову верноподданническая мысль выпустить в свет полное собрание сочинений ведущих отечественных политиков, скажем, за 1985—2000 годы (например, “Ельцинским курсом”) или хотя бы “цитатники” их высказываний по определенным проблемам, едва ли кто-нибудь из издаваемых авторов возблагодарил бы такого издателя за подобную книгу. Скорее наоборот: её сочли бы “медвежьей услугой” либо политической провокацией, ибо лозунги вождей менялись с голово-кружительной быстротой, а их политическое поведение вполне соответствовало бытовому принципу: “Обещать — не значит жениться”. Что касается народа, страдающего в подобные эпохи “синдромом девичьей памяти”, то его политическое поведение, как уже не раз приходилось писать, вполне укладывается в известную формулу поэта: Ах, обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад.

Автор в очередной раз решился нарушить “табу” “смутного времени” не только потому, что его позиция по ключевым вопросам за последние 12 лет существенно не менялась, но главным образом для того, чтобы ещё раз напомнить обществу о том, чего оно хотело, начиная борьбу за собственное обновление, и к чему в конце концов пришло.

В-третьих, подобно всем другим книгам автора, “Излом...” — это отражение настроений не отдельного человека, но целой общественной группы, которую можно было бы охарактеризовать как часть российской интеллигенции, сохранившую левые и демократические ориентации (на Западе иногда употребляют термин “несталинистские левые”). Эта группа на первом этапе поддержала реформы М. Горбачёва, однако быстро убедилась в его неспособности к чему-либо, кроме благих порывов, и оказалась в жёсткой оппозиции Б. Ельцину и его “команде” вскоре после их прихода к власти.

В-четвёртых, подобно своим предшественницам, эта книга может служить пособием для изучающих российский политический процесс конца XX века, включая борьбу демократических и авторитарных тенденций в развитии политической системы и различных направлений в образовательной политике.

Вместе с тем эта книга в целом ряде отношений отличается от предыдущих.

Первое. Поскольку объём и характер работы не позволяют опубликовать все материалы по каждой из тем, обозначенных в её подзаголовке, автору приходилось производить отбор этих материалов на основе их политической значимости и теоретического содержания. Предпочтение при этом отдавалось последнему критерию. Именно поэтому в работу включены три из пяти основных разделов докторской диссертации, выполненной в виде научного доклада, а также почти целиком монография “Образование. Революция. Закон”, посвященная исследованию характера политического процесса в современной России.

Второе. Подобно большинству предшественниц, эта работа может рассматриваться как своеобразный отчёт автора перед читателями (и избирателями), однако в данном случае это отчёт не столько политический, сколько научный, а потому и адресован он прежде всего научному и образовательному сообществу, а также всем, кто интересуется современной политикой.

Третье. Хотя, как и в случаях трёх предыдущих книг, читателю предлагается систематизированный сборник, в данном случае он посвящён не одной, но всем основным проблемам, входящим в круг интересов автора, а потому имеет и более сложную структуру.

Книга открывается специальным разделом, посвящённым проблемам методологии. При этом основное внимание уделено специально разработанному методу политико-ситуационного анализа, который резко отличает работы автора от подавляющего большинства современных публикаций по политическим проблемам.

В огромной массе концептуальных интерпретаций того, что происходило и происходит в России (или с Россией), отчетливо выделяются две наиболее распространенные линии, одновременно выступающие и границами спектра мнений. Одно объяснение состоит в том, что все произошло так, как должно было происходить, было заранее предопределено тем или иным набором факторов и иначе быть не могло. Как ни странно, такое объяснение принадлежит радикально-либеральным сторонникам индивидуальной свободы! Другое объяснение сводит главные причины исторической драмы к субъективным факторам: к так называемому предательству “верхушки КПСС” либо к заговору тех или иных международных сил. Такая позиция (что не менее парадоксально, чем первое) разделяется в основном людьми, считающими (или ещё совсем недавно считавшими) себя марксистами, т. е. сторонниками интерпретации истории как естественно-исторического процесса. Впрочем, мы еще не один десяток раз увидим, как в российских условиях эти политические и идеологические противоположности менялись местами.

Напротив, автор этих строк видит свою задачу в том, чтобы показать, как законы исторических ситуаций (в данном случае — законы революции, сознательно или бессознательно “запущенные”) предопределили ход событий, как объективная логика революционного развития подчиняла себе политических лидеров, которые сплошь и рядом оказывались в положении литературного героя, выпустившего джина из бутылки и не способного с ним справиться.

Уверен: эвристические возможности политико-ситуационного анализа как метода исследования и прогностирования новейших российских политических трансформаций далеко не исчерпаны. Именно его использование позволило автору, с одной стороны, дать гораздо более основательное, чем официальная социальная и историческая наука, понимание этих процессов, а с другой — объяснить, почему научные парадигмы и теоретико-политические модели, успешно применявшиеся в других странах, дали в России в этот период прямо противоположные результаты, а сама она стала пользоваться заслуженной репутацией “кладбища методологий”.

Второй и третий разделы книги посвящены, соответственно, концептуальному и историко-хронологическому исследованию новейшей российской революции. Раздел охватывает почти исключительно главы из книги “Образование. Революция. Закон”, причем некоторые из них “освежены” новым статистическим материалом, а периодизация российских радикальных трансформаций доведена до 2001 года. Помимо катастрофы, в качестве ситуационно-типологических характеристик любой социально-политической революции нового и новейшего времени автор рассматривает глобальное отрицание, всеобщий конфликт, аномию, “праздник”, мифологизацию массового сознания и смену политических элит. На взгляд автора, система этих параметров характеризует только данный тип исторических ситуаций, и никакой другой. При этом все названные параметры с теми или иными модификациями без труда обнаруживаются в эпоху так называемых российских реформ, что и позволяет характеризовать первую половину 90-х годов в качестве периода революции.

Кстати сказать, если в период правления Б. Н. Ельцина правящие политические круги и заказная социальная наука старались избежать термина “революция”, то в последнее время он всё чаще проникает в официальные издания и документы, в т. ч. президентского уровня.

В четвёртый раздел книги включены публикации, в которых анализируются проявления демократических и авторитарных тенденций в российском социально-политическом процессе. Помимо теоретических работ, в раздел вошли и публицистические материалы, причём большая их часть чётко подразделяется на две основные группы, посвящённые, соответственно, использованию плебисцитарной демократии в качестве главного механизма эскалации авторитаризма и свёртыванию представительной демократии в процессе формирования суперпрезидентской системы. Именно эти процессы, а также крушение проектов создания новых политических движений левой и социальной ориентации в России автор характеризовал в своё время в качестве трёх трагедий российской демократии. Последняя тема, однако, осталась за рамками данной книги.

Пятый раздел книги охватывает вопросы образовательной политики, однако, преимущественно, в одном из её аспектов — с точки зрения борьбы в ней реформистских и революционно-разрушительных тенденций. Многие десятки авторских работ, посвящённых иным проблемам развития образования (и прежде всего законодательству в этой области), в книгу не включены. Наиболее полно они представлены в систематизированном сборнике “Знание — свобода”.

В целом за последние 15 лет страна пережила четыре волны, четыре попытки проведения реформ или псевдореформ в сфере образования, причём три последние стали объектами политической борьбы.

1. Конец 80-х годов. В этот период свободу творчества педагоги уже получили, а деньги у образования ещё не отобрали. Главная особенность периода — взлёт “педагогике сотрудничества” — безусловно заслуживает положительной оценки.

2. Первая половина 90-х годов. В правительственных документах появляются две ключевые идеи революционного разрушения системы образования под лозунгом её реформирования: приватизация образовательных учреждений и введение образовательных ваучеров. На фоне “переидеологизации” образования свобода педагогического творчества отчасти сохранялась, однако финансирование резко сократилось.

3. 1997—1998 годы — так называемый очередной этап реформирования образования. Ключевые революционно-разрушительные идеи модифицируются: приватизацию предлагается ограничить высшими учебными заведениями, а вместо прямой ваучеризации ввести в системе образования принцип “Деньги следуют за учеником”. Главная идея этапа — попытка решения финансовых проблем образования за счёт изменения механизмов его финансирования при сокращении или неувеличении государственных средств — не выдерживает никакой критики.

4. Весна—лето 2000 — по настоящее время. Идея приватизации образовательных учреждений модифицируется в предложение об изменении их статуса, а образовательный ваучер — в государственное именованное финансовое обязательство. При общей отрицательной оценке того и другого следует иметь в виду, что под давлением общественности и парламентских комитетов обе правительственные стратегемы уже подверглись существенному изменению (скорее даже размыванию) и, вполне возможно, в недалёком будущем “почиют в бозе”.

Шестой, а также заключительный разделы книги посвящены проблемам политического прогнозирования в условиях социальных бифуркаций. Однако если в первом случае речь идёт о бифуркации специфически российской и, соответственно, о сценарно-прогностическом анализе возможных моделей развития России, произведенном в начале 90-х годов, то во втором случае — о бифуркации, которую переживает всё человечество, а следовательно, о перспективах цивилизации, месте в ней России, в т. ч. о доктринальных основах стратегии развития образования как ключевого фактора перехода к информационному обществу.

Хорошо осознавая, что в социогуманитарных науках прогнозирование имеет преимущественно вероятностный характер, полагаю тем не менее, что можно с уверенностью говорить о высокой продуктивности применяемой методологии политико-ситуационного анализа, поскольку прогнозы развития России, сделанные на рубеже 80—90-х годов, к сожалению, в высокой степени подтвердились. Увы, радости это не принесло, ибо удовлетворение специалиста, сделавшего правильный прогноз и тем самым подтвердившего свою квалификацию, не сопоставимо с тревогами гражданина, желающего своему Отечеству совсем иного настоящего и будущего. Поэтому на многочисленные вопросы о том, как чувствует себя действующий политик в роли Кассандры, всегда приходилось отвечать приблизительно одно и то же: “Как специалист я обязан говорить правду и не могу рекомендовать соотечественникам в качестве кардинального средства от всех социальных бед розовые очки; но как политик и гражданин я для того и работаю, чтобы хотя бы отчасти опровергнуть собственные прогнозы”.

В седьмой раздел книги включены публикации, анализирующие последний период отечественной

истории — период стабилизации и реформирования постреволюционного режима. Произведя объективный анализ политики нового российского Президента, легко показать, что надежды, которые связывает с ним часть левопатриотической оппозиции, ещё менее обоснованны, чем критический “информационный шум”, создаваемый правой печатью. Суть политики бонапартизма, которую Президент проводил до весны 2001 года и элементы которой сохранились в настоящее время, предельно проста: некоторые символические жесты — для успокоения левых и вообще старшего поколения (музыка гимна, возвращение красного знамени российской Армии, отказ от выноса тела Ленина из Мавзолея) при реанимации радикально-либерального экономического курса в духе Ельцина — Гайдара. Суть этого курса в равной степени можно было бы выразить формулами: “Экономика против человека” либо “Попытка выхода из катастрофы за счёт бед-ных”. В принципе мы имеем тот самый праволиберальный политический режим с национально-государст-веннической окраской, появление которого было предсказано в статьях, публикуемых в шестом разделе настоящей книги.

Рискуя репутацией специалиста, прогнозы которого обычно сбываются, повторю ещё раз: при продолжении данного курса факторы, обеспечивающие относительно быстрый рост экономики, скоро исчерпаются, социальное неравенство ещё более возрастёт, а международное влияние в лучшем случае останется на нынешнем уровне. Однако действующий Президент сохранит свои полномочия по меньшей мере два срока, а новый курс в духе Рузвельта — де Голля станет возможен лишь при его преемнике. Лет через 7—10 читатель сможет проверить, насколько достоверен этот прогноз, как сейчас, прочитав эту книгу, он может убедиться в том, что осуществились прогнозы предыдущие. Как бы я желал ошибиться хотя бы в этот раз!

Олег Смолин

РАЗДЕЛ 1. СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ПОЛИГОН ИЛИ “КЛАДБИЩЕ” МЕТОДОЛОГИЙ?

(Политико-ситуационный анализ как метод исследования радикальных трансформаций)

Не плакать, не смеяться, а понимать.

Спиноза

Образование. Революция. Закон. Проблема законодательного обеспечения российской государственной образовательной политики 90-х годов. Часть I. Новейшая революция в России. Опыт политико-ситуационного анализа.— М.: ООО “ИПТК “Логос” ВОС”, 1999

ГЛАВА I. НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. “Кладбище” методологий

Рассуждения о том, что в XX в. Россия оказалась жертвой грандиозных социальных экспериментов, стали едва ли не общим местом в речах политиков, публицистике, да и научной литературе. При этом теоретики и публицисты праволиберальной ориентации под “экспериментом” понимают Октябрьскую революцию и последующий советский период, тогда как политики и идеологи левопатриотической ориентации — либеральные “реформы” 90-х гг. В обоих случаях подразумевается, что названные события прервали процесс “органического” развития страны и навязали ей “искусственные” сценарии, разработанные на основе определенной методологии, подчинили ход истории тем или иным теоретическим схемам.

Было бы неверным утверждать, что в рассуждениях подобного рода истина “и не ночевала”. Об опасности механического переноса на российскую (тогда еще советскую) почву институтов и представлений, выработанных в условиях иной культуры, в конце 80-х гг. многократно предупреждали зарубежные ученые, специализирующиеся на исследовании российских проблем, хотя это и не удержало противников “коммунистического эксперимента” от проведения “эксперимента

либерального”. В свою очередь не потерявшие голову российские теоретики, когда представлялся случай, пытались убедить зарубежных политиков в том же, в чем наиболее дальновидные теоретики из индустриально развитых стран убеждали политиков российских. Но, увы, почти с тем же успехом. Вот лишь один пример — отрывок из выступления автора этой книги на заседании Комитета по экономике, науке и технологии Межпарламентской ассамблеи СБСЕ (Вена, июль 1994 г.). Кстати, предупредим читателя, что подобный прием в этой книге, отражающей не только теоретические размышления, но и практические действия политика, будет применяться довольно часто.

“В порядке дискуссии хотел бы заметить уважаемым коллегам-парламентариям, что попытки предлагать России пути выхода из кризиса, основанные на традиционных теоретических схемах, пусть даже и апробированные в других условиях, имеют крайне незначительные шансы на успех. Об этом свидетельствует весь наш российский исторический опыт XX века.

Во-первых,— и об этом здесь много говорили,— в советскую эпоху Россия опровергла теоретические схемы ортодоксального коммунизма.

Во-вторых,— и это известно не всем,— в постсоветскую эпоху Россия успела уже опровергнуть формулы ортодоксального антикоммунизма. Например, формулу господина Черчилля, согласно которой капитализм — это неравное распределение блаженства, а социализм — равное распределение убожества. Наш отечественный капитализм для большинства населения оказался неравным распределением убожества! Неравенство в России растет еще быстрее бедности; оба эти процесса взаимно обуславливают и усиливают друг друга.

В-третьих, к большому сожалению, мы, похоже, опровергаем классическую теорию конвергенцию в том позитивном варианте, который предлагал Джон Гэлбрейт или Андрей Сахаров. В России действительно происходит некоторая гибридизация систем (общественно-плановой и частно-рыночной), однако вместо того, чтобы объединить их достоинства, мы успешно синтезируем пороки.

Наконец, в-четвертых, Россия успела уже опровергнуть схемы ортодоксального неолиберализма. Согласно этим схемам, главное лекарство от бюрократии — это приватизация; чем больше частной собственности, тем меньше бюрократии, и наоборот. Однако в России в последние два с половиной года обвальная приватизация сочетается со столь же обвальная бюрократизацией, хотя в последнем Советский Союз от Запада отнюдь не отставал. Думаю, Россия должна быть благодарна тем зарубежным экспертам, главным образом лейбористской и социал-демократической ориентации, которые предупреждали нас о неизбежном провале применения “шоковой терапии” в такой стране, как наша. И не только в силу национальной ментальности, но и по причинам экономико-географического характера.

Весь мировой опыт доказывает, что “шоковая терапия” может быть успешной — хотя и это не гарантировано — только в небольшой стране с экспортной моделью экономики. Кажется, единственной из таких стран в Европе последних лет стала Чехия. Напротив, основой экономики крупной страны типа Соединенных Штатов или России может быть лишь производство, ориентированное на внутренний рынок. Я поддерживаю идею... о необходимости обеспечения приемлемого жизненного уровня населения в условиях переходного периода, но хотел бы подчеркнуть: для нас это задача не только социальной политики, но и императив экономического выживания. Иначе экономику из порочного круга, когда спад производства и рост бедности взаимно обуславливают друг друга,— из этого порочного круга без активной социальной политики нам экономически не вывести.

Если российский опыт и подтвердил какие-то теоретические конструкции, то, пожалуй, две. Во-первых, это известные законы Паркинсона о неуничтожимости бюрократии. Во-вторых, это давняя идея умеренных политических мыслителей о том, что несовершенные реформы лучше совершенной революции” (Смолин О. Н. Куда несет нас рок событий. Политологическая публицистика 1990—1995 гг.— М.: ИПТК “Логос” ВОС, 1995.— С.101—103).

Разумеется, выступление на международном парламентском форуме — не то же самое, что научный доклад. Количество научных парадигм и методологий социогуманитарного исследования, для испытания которых Россия XX в. в той или иной мере стала полигоном, можно без труда умножить, а их анализ безусловно заслуживает большей глубины и специальных работ. В данном случае наша задача ограничивается ясной постановкой следующего вопроса: какова главная причина того, что в XX в. российский “испытательный полигон” регулярно оказывается вместе с тем и “кладбищем” методологий, причем нередко признанных самими передовыми для своего времени, местом их крушения? Заключена ли эта главная причина в принципиальной ошибочности перенесенных теоретических концепций, в их неприменимости к специфическим российским условиям или же в иных обстоятельствах?

Попытки автора ответить на этот, как и на многие другие, вопрос, будут представлены ниже. Не разделяя постмодернистских концепций, а равно и эклектической теории факторов, здесь лишь стоит заметить, что степень прикладной эффективности той или иной методологии зависит не только от характера исследуемых процессов (социальных, межличностных, внутриличностных) и не только от их цивилизационных параметров (тенденции развития человечества в целом, определенного региона или группы стран, культурно-историческая специфика отдельной страны, например, России), но и от временного масштаба исследования (всемирная история как целое, историческая эпоха, историческая ситуация). Забегая вперед, можно высказать предположение, что помимо ограниченности возможностей самого социогуманитарного познания, предопределенной его объектом, помимо культурно-исторической специфики России, важной причиной, детерминировавшей неудачу применения в XX в. различных политических рецептов, основанных на соответствующих научных методологиях, стали специфические условия и закономерности исторических ситуаций, в которых эти рецепты и методологии применялись, и, в частности, условия и закономерности такой уникальной исторической ситуации, как революция. Следовательно, даже те методологии, которые, казалось бы, не оправдали себя в России XX в., не следует просто отбрасывать как исторический анахронизм, но тщательно верифицировать и корректировать ситуационным анализом.

2. Макс Вебер или Карл Маркс?

В принципе возможны два теоретических подхода к исследованию и периодизации исторического процесса вообще, незавершенного исторического процесса — в особенности. Первый состоит в том, чтобы, руководствуясь упрощенно трактуемым принципом веберовской “понимающей социологии”: “человек сам знает, чего он хочет”, а, может быть, и не подозревая, что “говоришь прозой”, довериться сознанию эпохи, господствующим стереотипам и принять на веру ее самохарактеристики, отыскивая в них рациональный смысл. Именно таким путем идут в настоящее время, пожалуй, большинство авторов, пишущих на современные темы, причем не только публицистов, но и теоретиков, не только сторонников нынешнего политического курса, но и представителей оппозиции, выделяющих от Горбачева до Ельцина три основных этапа развития советского, а затем российского общества начиная с 1985 г.: 1. Ускорение; 2. Перестройка; 3. Реформы.

Сторонники второго подхода вместе с Марксом (впрочем, не только с ним) полагают, что как отдельному человеку, так и целой эпохе нельзя верить на слово в том, что сама она о себе говорит (Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд. Т. 13.— С. 7).

Первый подход предполагает доверие к обыденному сознанию, второй — к теоретическому. При поверхностной интерпретации первый подход может приводить к упрощенным умозаключениям, фиксирующим очевидное, явление; второй — к конструированию сущности столь высокого порядка, что связь ее с явлением может оказаться утраченной и в этом случае она превращается даже не в идеализированный объект, но в самодовлеющую логическую схему, которая, возможно, отвечает эйнштейновскому принципу красоты, но удаляется от непосредственной действительности, как небо от земли.

Не закрывая глаза на все сказанное, автор решительно предпочитает второй подход не только по принципиальным методологическим соображениям, но и с учетом исследовательских задач. Как известно, Макс Вебер полагал, что изучение объективных последствий человеческой деятельности вообще не является социологической проблемой (Вебер М. Избранные произведения / Предисловие Гайденок П. П.— М.: Прогресс, 1990.— С. 18).

Напротив, марксисты не просто видели в этом одну из главных задач социальной философии, что выражено в концепции естественно-исторического процесса, но и пытались предложить конкретное решение этой задачи. Вспомним хотя бы некогда хрестоматийные, а ныне прочно забытые рассуждения Энгельса в работе “Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии” на тему о том, как усилия различных общественных групп обеспечивают движение социальной системы по диагонали параллелограмма, сторонами которого являются направления этих усилий. Причем правило “параллелограмма” многократно осложнено количеством групп и неравенством их сил и в конце концов приводит к результату, не совпадающему полностью с первоначальными намерениями ни одного из субъектов социального действия (Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд. Т. 21.— С. 306).

Как будет показано ниже, это несовпадение особенно ярко проявляется и даже доходит до

противоположности именно в переломные моменты человеческой истории, каковой в последнее десятилетие переживает Россия. Российский экс-премьер В. Черномырдин, вне зависимости от результатов деятельности, уже вошел в политическую историю страны хотя бы в силу шести лет занимаемого им поста. Однако он вряд ли вошел бы в ее интеллектуальную историю, если бы не знаменитая фраза: “Хотели, как лучше, а получилось — как всегда”! Фраза, которая выразила суть революционных процессов и судьбу революционеров, может быть, глубже, чем предполагал ее автор.

Да, читатель, автор этой книги полагает и в дальнейшем попытается доказать, что радикальная трансформация российского (и не только российского) общества, официально называемая реформами, на самом деле имеет революционный характер. Революции же отличаются тем, что разрушают прежние иллюзии с той же скоростью, с какой создают новые. В таких условиях верить новым идеологам на слово — значит заведомо отказываться от поиска научной истины и плыть по течению, объявляя “все действительное — разумным” и единственно возможным либо повторяя при каждом неблагоприятном повороте колеса фортуны: ведь хотели же как лучше...

В противоположность этому попытка проникнуть сквозь старые и новые идеологемы в действительный смысл событий путем анализа объективных последствий человеческих действий связана с повышенным риском (о том, почему это так, речь пойдет ниже). Однако представляется, что такой подход гораздо больше отвечает гносеологической, да и прикладной функции социогуманитарных наук, а потому автор намерен руководствоваться им в дальнейшем.

3. Парадоксальность в квадрате

В российском общественном сознании стало едва ли не общим местом мнение о том, что отечественная социальная реальность — реальность особого рода, которая изобилует парадоксами. Об этом писали все: от П. Я. Чаадаева до Н. А. Бердяева и от А. И. Герцена до теоретиков большевизма.

Хрестоматийно известной, например, правда, обычно в пересказе, стала следующая мысль П. Я. Чаадаева: “Народы — существа нравственные, точно так, как и отдельные личности. Их воспитывают века, как людей — годы. Про нас можно сказать, что мы составляем как бы исключение среди народов. Мы принадлежим к тем из них, которые как бы не входят составной частью в человечество, а существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру. И, конечно, не пройдет без следа то наставление, которое суждено нам дать, но кто знает день, когда мы найдем себя среди человечества, и кто исчислит те бедствия, которые мы испытываем до свершения наших судеб” (Чаадаев П. Я. Философские письма. Письмо первое // Соч.— М., 1989.— С. 21—22). Менее известно, что беды отечественной цивилизации Чаадаев связывал с ее промежуточным положением, с тем, что она не принадлежит ни к Западу, ни к Востоку, и прежде всего с наследием Византии. “По воле роковой судьбы,— продолжает он свою мысль,— мы обратились за нравственным учением, которое должно было нас воспитать, к растленной Византии, к предмету глубокого презрения этих” (т. е. западных) “народов” (Чаадаев П. Я. Философские письма. Письмо первое // Соч.— М., 1989.— С. 26).

Справедливости ради надо заметить, что парадоксальность отличает реальность любого общества, в котором происходит революция, т. е. коренная ломка прежней общественной (социетальной) системы и замена ее новой. Не случайно одни теоретики характеризуют революции как “локомотивы истории”, “праздник для угнетенных” и т. п., а другие — как “рок”, “кару” или “бич божий”, причем нельзя сказать, чтобы обе стороны были целиком не правы. Революция по самой своей природе — это исторический акт, в котором противоречия развития общественной системы достигают своей кульминации, а антагонизм социального прогресса проявляется наиболее ярко. Поскольку же отечественная история в XX в., как никакая другая, быть может, богата революциями (их количество в единицу времени сопоставимо, пожалуй, лишь с историей Франции конца XVIII—XIX вв.), парадоксальность отечественного развития возводится едва ли не в квадрат и затрагивает практически все сферы жизни общества.

Подобно тому, как П. Я. Чаадаев выводил противоречия российской истории из национальной ментальности, современные культурологи и специалисты в области других наук стремятся объяснить ею же (ментальностью) российскую склонность к революционным методам разрешения проблем. Так, один из крупнейших специалистов по истории и теории культуры, сторонник семиотического подхода к ней Ю. М. Лотман замечает: “Идея самостоятельности экономического развития в Западной Европе органически связывалась с постепенным развитием во времени, с отказом от “подстегивания истории”. В наших условиях этот же лозунг отягощен идеей государственного вмешательства и

мгновенного преодоления пространства истории в самые сжатые сроки... Даже постепенное развитие мы хотим осуществить, применяя технику взрыва. Это...— суровый диктат бинарной исторической культуры” (Лотман Ю. М. Культура и взрыв.— М.: Гносис, издательская группа “Прогресс”, 1992.— С. 270).

Не подвергая сомнению справедливость подобного утверждения, хотелось бы заметить вместе с тем, что сама отечественная ментальность (“бинарная культура”) во многом сформировалась под действием катастроф, включая войны и революции. Следовательно, путь выхода из логического круга лежит через поиск тех социально-исторических причин, которые обусловили одновременно и обилие революций, и соответствующий национальный менталитет. Кроме того, как будет показано в дальнейшем, сами революционные условия столь жестко диктуют массам и политическим лидерам линию поведения, что влияние культурных традиций сказывается скорее на форме проявления, чем на содержании процесса, на флуктуациях, нежели на общем направлении и т. п. Поэтому, продолжая мысль предыдущего подраздела, повторим еще раз: когда речь идет о политических революциях, социокультурный детерминизм может быть продуктивен скорее в историческом исследовании, нежели в исследовании политологическом и философском. Следовательно, отдавая дань уважения этой методологии, вряд ли целесообразно в подобных случаях использовать ее в качестве основной.

4. Реформа, называемая революцией,

Социально-политический процесс в Советском Союзе, а затем в Российской Федерации четко подразделяется на три основных этапа. Политическим водоразделом первых двух является так называемый “путч” 19—21 августа 1991 г.

Первый, реформистский, этап — апрель — май 1985 — август 1991 г.; второй, революционный, этап — август 1991 г. по август 1996 г.; третий, постреволюционный, этап — с августа 1996 г. по настоящее время. В этой книге мы многократно столкнемся с описанием противоречий и парадоксов российской действительности, но один из них нельзя не отметить уже сейчас. Этот парадокс состоит в том, что, по крайней мере, с 1988 г. не только политические лидеры во главе с М. Горбачевым, но и крупные ученые типа Т. Заславской называли перестройку революцией (Наращивать интеллектуальный потенциал перестройки. Выступление М. С. Горбачева на встрече с деятелями науки и культуры // Правда.— 1989.— 9 янв.). При этом ученые-обществоведы, в отличие от политиков, стремились к солидной теоретической аргументации посредством типологизации революций и, в частности, различения революций межформационных и внутриформационных (Коренной вопрос перестройки. Беседа с академиком Т. Заславской, президентом Советской социологической ассоциации // Известия.— 1988.— 4 июня.— № 156).

Подобная типология теоретически вполне возможна и могла бы оказаться истинной, если бы интенция исторического процесса действительно состояла, как предполагали в то время, в переходе Советского Союза к новой модели социализма, а не в отказе от любой его модели.

Напротив, с конца 1991 г., когда процесс действительно приобрел революционный характер, его стали именовать “реформами” или “радикальными реформами”, всячески избегая термина “революция”. О необходимости продолжить курс реформ, углубить его, перейти к новому этапу реформирования и тому подобное постоянно говорили Президент Российской Федерации и так называемые молодые реформаторы в Правительстве. Таким образом,— и в этом заключается еще одна грань рассматриваемого парадокса,— пришедшая к власти обновленная политическая элита выдвинула одновременно два логически несовместимых тезиса: о неререформируемости коммунистической системы и о необходимости и безальтернативности проведения в России радикальных реформ! Не менее показательным, что общественное сознание приняло этот логический абсурд как должное. В свою очередь лидеры Народно-патриотического союза и КПРФ, принимая предложенные правила игры и сложившуюся терминологию, говорят о “пагубности нынешнего курса реформ”, о необходимости “изменить курс реформ” и т. п. Похоже, сила массового внушения такова, что стереотипы внедряются на уровне “коллективного бессознательного” нации.

Впрочем, это правило, как и большинство других, предполагает исключения, причем двоякого рода. Первое исключение составляют события нескольких дней в двадцатых числах августа 1991 г., окрещенные “революцией с лицом Ростроповича” (российский аналог термина “бархатные революции”, обозначающего однотипные политические процессы в Западной Европе конца 80-х гг.). Другого рода исключения составляют сравнительно немногочисленные (точнее, мало тиражируемые и рекламируемые) публикации теоретиков и политиков по преимуществу оппозиционных направлений, в которых события 90-х гг. прямо именуются новой революцией (см., например: Бабурин С. Сегодня

действительно идет вторая революция. Вторая попытка уничтожить великую Россию // Московские новости.— 1992.— № 6.— 9 февр.— С.11; Бабурин С. Н. Российский путь.— М.: АНКО, 1995.— С. 59).

Объяснение парадокса следует искать, главным образом, в причинах идеологического характера.

Во-первых, политическое руководство СССР во главе с М. Горбачевым долгое время стремилось подчеркнуть преемственность своей деятельности идеалам Октябрьской революции, очищенным от наслоений сталинизма и брежневской системы. Иными словами, реформисты не прочь были именоваться революционерами, продолжателями дела Октября. Так, например, в докладе М. Горбачева “Октябрь и перестройка” читаем: “Перестройка — не только избавление от застойности и консерватизма предшествующего периода, исправление допущенных ошибок, но и преодоление исторически ограниченных, изживших себя черт общественной организации и методов работы. Это придание социализму самых современных форм, соответствующих условиям и потребностям научно-технической революции, интеллектуальному прогрессу советского общества. Это сравнительно длительный процесс революционного обновления общества, имеющий свою логику и этапы” (Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается.— М.: Политиздат, 1987.— С. 31).

Кстати сказать, такая позиция соответствовала общественному мнению широких слоев интеллигенции. И хотя сейчас об этом стараются не вспоминать, революционная романтика, антисталинские, антибюрократические настроения, соответствующие неоленинскому направлению в политике, отразились не только в художественной публицистике (например, в пьесах Михаила Шатрова), но и в лирике выдающихся поэтов. Вспомним хотя бы Булата Окуджаву (Окуджава Б. Сентиментальный марш // Песни Булата Окуджавы.— М.: Музыка, 1989.— С. 75):

И если вдруг когда-нибудь
Мне уберечься не удастся,
Какое б новое сраженьё
Ни пошатнуло шар земной,
Я все равно паду на той,
На той, единственной гражданской,
И комиссары в пыльных шлемах
Склонятся молча надо мной.

Напротив, российское политическое руководство во главе с Б. Ельциным, особенно в 1991—1993 гг., стремилось отмежеваться от советского прошлого, снять с себя, как выражался Президент России, “красный пиджак”, а потому и слышать не хотело о каких бы то ни было аналогиях и параллелях между событиями 1917—1921гг. и 90-х гг.

Во-вторых, политико-идеологическая группа М. Горбачева стремилась акцентировать новизну целей своей деятельности, дать им четкие идеологические наименования (например, “революционное обновление социализма”), тогда как политико-идеологическая группа Б. Ельцина на протяжении нескольких лет этих целей либо не осознавала, либо стремилась избегать их прокламирования в идеологической форме. Достаточно напомнить, что еще в 1992 г. Президент заявлял: “Главное, что я хочу сказать тем, кто повсюду кричит, будто Россия идет к капитализму: ни к какому капитализму мы Россию не ведем. Россия к этому просто не способна. Россия — уникальная страна: она не будет ни в социализме, ни в капитализме, она будет Россией, которая наконец-то сбросила ярмо рабства, дала свободу человеку, свободу предприятиям, свободу предпринимательству, свободу республикам, входящим в состав России, свободу регионам, областям и краям, с минимальным давлением из Москвы, с минимальным влиянием бюрократии из Центра, с максимальной самостоятельностью на местах, без удельных княжеств” (Ельцин Б. От реформ в России не отступлю // Аргументы и факты.— 1992.— № 42.— С. 1, 2).

В силу этих причин реформисты и называли себя революционерами, тогда как революционеры до сих пор именуются реформаторами. В этой связи небезынтересно заметить следующее. Термин “необольшевизм”, который широко использовался в оппозиционной литературе и литературе объективистского толка, в том числе и автором этих строк, правда, с уточнением: своеобразный необольшевизм наизнанку (см.: Смолин О. Н. Куда ж нам плыть? // Вечерний Омск.— 1990.— 3 марта.— С. 5), представляется неточным в научном отношении. Взгляд большевиков на прежнюю систему в принципе качественно не отличался от взгляда всех предшествующих революционеров. Будучи противниками не определенного классово-антагонистического общества, а классово-антагонистического общества вообще и желая в кратчайшие сроки перейти от предыстории человечества к ее подлинной истории, большевики были не чем иным, как наиболее радикальными

революционерами и довели революционное отрицание прошлого до логического конца. Разумеется, стремление объявить весь советский период “тупиковой цивилизацией”, “ошибкой истории” и т. п. роднит большинство новейших политических лидеров России с большевиками. Однако корень этого родства лежит не в специфической разновидности революционной идеологии (идеологии большевизма), а в ее общих корнях. В этом смысле современных политических радикалов правого толка следовало бы назвать “неореволюционерами наизнанку”.

Учитывая сказанное выше о двух этапах российского социально-политического процесса 1985—1997 г., представляется совершенно неубедительным широко распространенное, особенно в политической публицистике, представление, согласно которому между курсами экономической политики группы Горбачева и группы Ельцина нет принципиальных различий. Характерен в этом смысле один из подзаголовков известной работы Р. Хасбулатова: “И при коммунизме, и при антикоммунизме реформы одни и те же!”. Вот его главная мысль: “Идеи Павлова, Н. Рыжкова, Е. Лигачева, М. Горбачева, А. Аганбегяна, Г. Попова успешно провела в жизнь команда “Ельцина–Гайдара–Бурбулиса”. Правда, если раньше, в “эпоху перестройки”, ценовая реформа увязывалась с постулатом “верности коммунизму”, то в новые времена абсолютно та же самая ценовая реформа увязывается с лозунгом “вперед к капитализму!” Так получают свое трагическое воплощение умствования ошалевших от возможностей экспериментировать бездумных правителей, освободивших себя от морали и от ответственности перед народом” (Хасбулатов Р. И. Великая Российская трагедия. Т. 1.— М.: ТОО Симс, 1994.— С. 57—58).

Несколькими страницами раньше в той же работе автор замечает: “Своеобразие экономической среды в России предопределило обратные эффекты волюнтаристских воздействий совершенно не подготовленных к государственной деятельности “сереньких людей” (Хасбулатов Р. И. Великая Российская трагедия. Т. 1.— М.: ТОО Симс, 1994.— С. 51). Подобная позиция вызывает возражения, по крайней мере, по двум причинам.

Во-первых, при общем направлении смещения курса экономической политики вправо на самом деле речь идет о двух качественно различных типах экономической политики: реформистской и революционной. Применение термина “политика реформы” к политике обоих правительств в сочетании с утверждением об их одинаковости лишь затемняет суть дела. С политической точки зрения желание дистанцироваться от обоих вариантов непопулярного экономического курса вполне объяснимо, но с научной точки зрения оправданий ему вряд ли можно найти.

Во-вторых, представляется поверхностным (весьма неглубоким) объяснение отечественных экономических неудач низкими моральными качествами и непрофессионализмом руководителей. Полагая, что уровень морали и квалификации названных Р. И. Хасбулатовым политических лидеров был весьма и весьма различным, и обсуждая здесь далее эту проблему, хотелось бы заметить главное: концепция “плохих исполнителей” вольно или невольно создает впечатление, что при хороших исполнителях результаты “второй русской революции” могли бы быть иными. На деле, как будет показано ниже, здесь действует целый набор ситуационных закономерностей, а авторы и режиссеры исторической драмы, подняв занавес, нередко сами оказываются в роли марионеток.

Образование. Революция. Закон...М., 1999

ГЛАВА III. РЕВОЛЮЦИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ: К ПРОБЛЕМЕ СИТУАЦИОННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК И ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ

Вопрос о законах исторических ситуаций в отечественной литературе почти 30 лет назад поставил Л. Е. Кертман, как полагалось по канонам времени, на базе классического марксистского наследия, в особенности работ В. И. Ленина по теории революционной ситуации (Кертман Л. Е. Законы исторических ситуаций // Вопросы истории.— 1971.— № 1.— С. 55—68). Приведем главные выводы автора этой работы.

“Анализ ленинского подхода к повторяемости ситуаций позволяет сделать по меньшей мере три вывода. Во-первых, помимо повторяемости систем, процессов, явлений, в истории встречается еще один тип — повторяемость исторических ситуаций, которые, следовательно, поддаются типологическому обобщению. Во-вторых, повторяемость ситуаций носит сущностный характер. Точно так же, как констатация повторяемости систем требует абстрагирования от конкретных особенностей системы в той или иной стране..., констатация типологической общности ситуаций предполагает

абстрагирование от определенных черт данной конкретной ситуации. Однако принцип абстрагирования и уровень абстракции здесь совершенно иной: в первом случае исследователь вообще отвлекается от исторической конкретности, от ситуации, во втором — он изучает именно ситуацию, но ограничивается лишь теми ее чертами, в которых выражается ее сущность. В-третьих, сущностью исторической ситуации является взаимоотношение классов, расстановка классовых сил. Качественное, существенное изменение в расстановке классовых сил приводит к изменению исторической ситуации. Исторические ситуации могут быть отнесены к одному типу, если взаимоотношения классов в принципе одинаковы” (там же.— С. 59).

В свое время позиция Л. Е. Кертмана подвергалась критическому анализу, однако критика эта обычно не поднималась выше своего объекта, по крайней мере, с точки зрения предлагаемых ею позитивных альтернатив. Так, например, не соглашаясь с Л. Е. Кертманом, И. А. Желенина предложила собственную интерпретацию исторических ситуаций в качестве своеобразных “узлов” на пути развития системы, содержанием которых является установление новой взаимосвязи ее (системы) элементов (Желенина И. А. Историческая и революционная ситуации // Проблемы теории социальной революции. Сб. статей под ред. М. Я. Ковальсона.— М.: Изд-во МГУ, 1976.— С. 125—126).

И далее: “Под исторической ситуацией мы понимаем такое состояние общественной системы, которое делает необходимым изменение связей внутри системы при сохранении ее как таковой или выход системы за собственные пределы” (там же). Иначе говоря, под историческими ситуациями понимаются внутрисистемные или межсистемные точки бифуркации, по другой терминологии — такие пограничные состояния процессов, когда количественные изменения могут перейти в качественные и т. п.

Несмотря на продуктивность некоторых идей, высказанных в статье И. А. Желениной, в целом такой подход представляется неприемлемым хотя бы потому, что резко сужает объем понятия “историческая ситуация”. Интерпретировать такие ситуации в качестве “узлов”, переломных моментов в развитии системы или в процессе превращения одной системы в другую — означает отказать в праве именоваться историческими всем социальным ситуациям, в которых преобладают процессы функционирования. Между тем именно из таких ситуаций состоит большая часть исторического процесса, а сами они, как и ситуации развития, поддаются типологизации. Полагать, будто ситуации “застоя” или плавного течения исторического времени не могут быть признаны историческими (а именно это следует из концепции И. А. Желениной) — значит резко и необоснованно ограничивать эвристические возможности понятия “историческая ситуация”.

В настоящее время вряд ли целесообразно идти путем критиков работы Кертмана. Спустя почти три десятилетия после выхода ее в свет гораздо важнее отметить достоинства, чем указывать на очевидные слабости автора, к тому же “стоя на его плечах”. И все же необходимо отметить, по крайней мере, два принципиальных различия в понимании законов исторических ситуаций Л. Е. Кертманом и автором настоящей работы.

Во-первых, по Л. Е. Кертману, типология исторических ситуаций и их законы определяются расстановкой и соотношением классовых сил. Отнюдь не считая классовый подход в принципе ошибочным, нельзя тем не менее не заметить,— и на это обращали внимание и сторонники, и критики революции,— что в поведении людей в условиях революционных кризисов отчетливо наблюдаются сходные тенденции даже при совершенно различном составе субъектов революционного действия. Нет нужды доказывать принципиальные различия в социальной стратификации общества в Англии середины XVII в., Франции конца XVIII в., России второго и последнего десятилетия XX в. Однако общие черты политического процесса в этих столь разных странах и в столь разные эпохи не менее очевидны.

Во-вторых, Л. Е. Кертман рассматривает законы исторических ситуаций как специфические законы исторической науки, которая, как известно, стремится выявить не столько общее, сколько различное, особенности тех или иных стран, культур и т. п., говоря словами Г. В. Плеханова, “физиономию событий”. Не отрицая возможности такого подхода, автор этих строк, напротив, стремится не к индивидуализации, а к генерализации познания, вычленению общих законов революций (по крайней мере — революций нового и новейшего времени), мало зависящих от их (революций) индивидуальных особенностей. Если еще раз воспользоваться терминологией М. Вебера, Л. Е. Кертман рассматривает историческую ситуацию как генетический (исторический) идеальный тип, тогда как автор — как “чистый” (теоретико-социологический) идеальный тип.

Как уже говорилось выше, ученые советского периода чаще всего исследовали проблему исторической ситуации на примере ситуации революционной. Критерий, отличающий последнюю от других исторических ситуаций, очевиден, хотя и формулировался не всегда с достаточной точностью. Так, в цитированной выше статье И. А. Желениной читаем: “Под исторической ситуацией мы

понимаем такое состояние общественной системы, которое делает необходимым изменение связей внутри системы при сохранении ее как таковой или выход системы за собственные пределы". И далее: "Такая историческая ситуация, которая подводит систему к той грани, за которой она превращается в новую.., является ситуацией революционной" (Желенина И. А. Историческая и революционная ситуации // Проблемы теории социальной революции. Сб. статей под ред. М. Я. Ковальзона.— М.: Изд-во МГУ, 1976.— С. 126). Данные определения нуждаются в уточнении, по крайней мере, двоякого рода.

Во-первых, в них смешиваются понятия социальной и политической революции и в следствие этого — необходимость и возможность. Главный критерий революционной ситуации состоит в том, что она делает возможной политическую революцию, тогда как необходимость замены одной социальной системы другой (то есть необходимость революции социальной) коренится в иных, гораздо более глубоких причинах, связь которых с революционной ситуацией имеет сложный и весьма опосредованный характер. Как известно, революционные ситуации весьма часто возникали и возникают там, где прежняя система отнюдь не созрела для того, чтобы превратиться в новую. Они могут быть результатом и незрелости системы, и различного рода нестабильности, и социальных "неравновесий", возникающих по самым разнообразным причинам.

Во-вторых, приведенные выше определения не позволяют четко разграничить понятия революционной ситуации (в качестве предреволюционной) и самой революции как исторической ситуации. Между тем такое разграничение представляется весьма важным для целей настоящей работы. Революционная ситуация непосредственно не создает не только необходимости, но даже возможности появления новой системы, но лишь через посредство другой исторической ситуации — собственно революции. Если отношение названных исторических ситуаций может быть выражено через категории возможности и действительности, то отношение их обеих к процессу появления новой системы в тех же категориях можно представить следующим образом: революционная ситуация — абстрактная возможность выхода за пределы наличной социальной системы; революция — реальная возможность такого выхода (не всякая революция заканчивается победой, и не всякая победившая революция приводит к появлению действительно нового); становление новой социетальной социальной системы — превращение этих возможностей в действительность.

Суть любой революции как исторической ситуации (независимо от конкретной расстановки общественных групп и их интересов) в ее чрезвычайном и первоначально деструктивном характере, который жестко навязывает участникам событий определенные направления деятельности, методы борьбы и стереотипы отношений, но вместе с тем может содержать в себе колоссальные социально-инновационные потенциалы. Пока революция не началась, пока все идет "штатно", жизнедеятельность человека подчинена обычным нормам и происходит под контролем давно сформировавшихся социальных институтов. Но как только "механизм" революции запущен, привычные законы человеческой жизнедеятельности или работают "вхолостую", или подвергаются отрицанию, реализуясь с точностью до наоборот. Неким слабым аналогом могло бы быть сравнение работы человеко-машинных систем в привычном режиме и в режиме аварийном. Иначе говоря, у революции свои признаки и законы, принципиально отличные от параметров функционирования социальных систем и существенно отличные от признаков и закономерностей революционной ситуации, предшествующей революции во времени.

Специально выделив эту проблему в качестве предмета исследования и посвятив ей по сути дела всю оставшуюся часть данной главы, автор заведомо отказался от претензий на открытие совершенно неизвестных истин. Дело в том, что закономерности эти — системно или бессистемно, в "сборе" или по отдельности, с теоретическим обоснованием или без него — уже назывались в работах теоретиков левого и правого направлений, убежденных адептов "религии революции" или ее не менее убежденных противников. Однако именно в силу политической остроты вопроса, во-первых, существует сравнительно мало примеров объективного, неидеологизированного его изучения, а во-вторых, общие ситуационные закономерности революций обычно принимаются за конкретно-исторические и довольно часто — сознательно или бессознательно — приписываются лишь той (или тем) революции, идеология которой противоречит убеждениям аналитика. В особенности это относится к так называемым "первородным грехам" революции, которые легко и уверенно прозреваются сквозь толщу десятилетий (или даже столетий), но никак не обнаруживаются в революции, современником которой является иной автор. Впрочем, теоретики в данном случае идут за политиками и подчиняются той же ситуационной закономерности. Позволю себе в этой связи процитировать одну из собственных публицистических работ начала 1990 г.

"Когда все это только начиналось, когда перестройка еще называлась ускорением и

разворачивалась под фанфары чуть ли не всеобщего требования ввести сухой закон, на вопрос о том, не существует ли в нашей стране революционная ситуация, я позволял себе отвечать иронически: если и существует, то вывернута наизнанку. В революционной ситуации “низы” не хотят, а “верхи” не могут жить по-старому, у нас же, наоборот, “низы” не могут, а “верхи” не хотят жить по-новому.

Теперь революционная ситуация — непреложный факт. Не раз приходилось слышать в рабочей аудитории: “Взять бы автомат, да пострелять...”, но все чаще произносятся и слова великого поэта: “Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!”.

Недавно очередной астролог — знамение зыбкого времени — сообщил нам, что Советский Союз находится под влиянием Урана, цикл которого — 84 года, и поэтому в 1989-м мы пережили аналог 1905 года, а дальше последует аналог столыпинской реформы, и — все к лучшему в этом лучшем из миров! Успокоение, надо сказать, рассчитано на исторически малограмотных, ибо, если развитие идет циклично, в начале XXI века нас ожидает гражданская война, а в 2021 году — 1937-й.

Но дело конечно не в гаданиях и прорицаниях, а в реальных процессах, которые — увы! — напоминают скорее 1917-й. В стране усиливается не просто размежевание (что естественно), но поляризация политических сил, и чем более входит в моду привычка ругать большевиков за экстремизм и нетерпимость в революционные дни, тем чаще проявляется и склонность к экстремизму и нетерпимости в собственных действиях” (Куда ж нам плыть. Размышления у придорожного камня истории // Вечерний Омск.— 1990.— 3 марта.— С. 5; Куда несет нас рок событий.— М.: ИПТК “Логос” ВОС, 1995.— С. 10—11).

Подобно другим типам исторических ситуаций, революции обладают повторяемостью как в синхроническом (по “горизонтали”), так и в диахроническом (по “вертикали”) плане (о повторяемости исторических ситуаций подробнее см.: Желенина И. А. Историческая и революционная ситуации // Проблемы теории социальной революции. Сб. статей под ред. М. Я. Ковальсона.— М.: Изд-во МГУ, 1976.— С. 128—130). Последний, “диахронический”, аспект повторяемости имеет в данном случае особое значение, поскольку, во-первых, в силу чрезвычайного характера данного типа исторических ситуаций и других факторов, о которых речь пойдет ниже, социокультурные особенности данной системы сказываются в эти периоды значительно меньше, чем во времена спокойного развития. Во-вторых, как будет показано в дальнейшем, “жесткость” ситуационных закономерностей во времена революции значительно возрастает. Именно поэтому Франция 1789—1794 гг. по многим параметрам политического процесса гораздо более походит на Россию 1917—1921 гг., чем на современные ей (Франции) Германию или Великобританию.

Говоря о характерных чертах и закономерностях революции как исторической ситуации, необходимо иметь в виду, по крайней мере, три обстоятельства.

Во-первых, каждая из анализируемых ниже характеристик и закономерностей с той или иной степенью интенсивности проявляется в любой революции нового и новейшего времени, т. е. в тех типах социальных революций, которые включают в себя революции политические.

Во-вторых, ни одна из этих характеристик и закономерностей не может считаться исключительной принадлежностью данного типа исторических ситуаций. Напротив, некоторые из этих черт в отдельности или в определенной избирательной совокупности наблюдаются и в других типах исторических ситуаций (ситуации кризисов, войн, реформ, катастроф и т. п.). Так, бифуркации в истории человечества могут быть связаны не только с социальными и политическими, но и с технологическими революциями; отрицание ярко проявляется в периоды реформ, смены научных или культурных парадигм; аномия — в периоды войн, катастроф, разложения прежней системы; появление мифов и утопий — во времена генезиса новой социетальной системы и опять-таки в периоды реформирования.

В-третьих, полным набором характеризующих ниже параметров и закономерностей не обладает ни одна другая историческая ситуация, за исключением ситуации революции. В совокупности они дают то системное качество, которое характеризует только данный тип исторической ситуации и никакой другой.

Исследование ситуационных характеристик и закономерностей революции имеет как эвристическое, так и политическое значение. Первое состоит в том, что наличие или отсутствие определенных параметров позволяет квалифицировать характер социально-политического процесса в определенной стране и в определенное время как реформистский или революционный, разрабатывать новые типологии революций в зависимости от выраженности этих характеристик, объяснить исторические аналогии, возникающие в действиях людей в условиях, казалось бы, несопоставимых исторических эпох и культур и т. п. Второе, практическое значение, как будет показано ниже, заключается в возможности моделирования и прогнозирования событий, кажущихся

многим хаотичными и принципиально непредсказуемыми. В дальнейшем материал первой главы настоящей работы будет расположен таким образом, чтобы, анализируя ситуационные характеристики и закономерности революции, верифицировать гипотезу о революционном характере российского социально-политического процесса 90-х гг., а вместе с тем показать эвристические и практические возможности и пределы применимости ситуационного подхода.

Социально-философские аспекты государственной образовательной политики в условиях радикальной трансформации российского общества. Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора философских наук. М., 2001

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Система методов исследования, применяемых автором, характеризуется широтой спектра, междисциплинарным и многоуровневым построением. Изучение столь сложного феномена, как политика в переходных социумах вообще и, в частности, образовательная политика, пронизывающая принципиально различные области общественной жизни и являющаяся объектом комплексного, перекрестного анализа для различных научных дисциплин,— такое изучение потребовало как специфического применения уже разработанных научных методов, так и разработки новых методов, соответствующих специфике объекта и предмета исследования. При этом используемые автором методы могут быть подразделены на три основные группы: философский, общенаучные и методы специальных наук.

На философском уровне необходимость адекватного теоретического реконструирования динамичных процессов радикальной трансформации российского социума (включая реформы в сфере образования) обусловила применение диалектического метода исследования, который, в частности, позволил раскрыть реальные противоречия политических отношений и процессов (в т. ч. в сфере образования), когда не прос-то различные взгляды, но объективно противоположные интересы крупных общественных сил вызывали к жизни глубокие и крупномасштабные конфликты. Эти конфликты в полной мере проявились и в формировании условий, и в выработке курса образовательной политики, напрямую воздействуя на законодательный процесс в этой области. С другой стороны, именно диалектика позволяет адекватно отразить на теоретическом уровне типичные для периода предреволюционных, революционных и постреволюционных преобразований качественные изменения в социально-экономических и политических процессах, отрицание и коренную ломку прежних институциональной и ментальной систем и противоречивое рождение новых (или реставрируемых старых), поскольку данный метод более всего соответствует характеру названных процессов, объекту и предмету исследования.

На общенаучном уровне автором применялся прежде всего системный метод, позволяющий в междисциплинарном плане обобщить и типологизировать широкий круг явлений, связанных с проблемой законодательного обеспечения государственной образовательной политики в России 90-х гг. Данный метод, в частности, позволил автору:

— выделить и структурировать комплекс признаков, необходимых и достаточных для квалификации революции как особого типа исторических ситуаций;

— проанализировать взаимосвязь и взаимодействие внешне гетерогенных факторов, определявших уровень развития российской демократии вообще, возможности и пределы влияния законодательства на политический курс — в особенности;

— типологизировать российское образовательное законодательство и определить основные направления законотворческого процесса, в т. ч. на ближайшую перспективу.

Применение философского и общенаучных методов для реализации целей, поставленных автором, оказалось необходимым, но недостаточным. Особенность самого предмета исследования поставила проблему комплексного осмысления взаимосвязи объективного процесса качественных изменений социума и случайного, многообразного, во многом субъективного (конъюнктурно-политически обусловленного) течения реальных процессов образовательной политики и ее законодательного обеспечения. Поэтому, наряду с философским и общенаучными, автор широко использовал в работе специальные методы политических, педагогических, исторических, социологических, социально-психологических, юридических и иных гуманитарных наук.

Интерпретируя метод как “приведение в действие соответствующей теории” (Гегель), т. е., другими словами, как использование одной или нескольких социогуманитарных научных парадигм для

получения нового знания, автор пришел к выводу, что ни одна из таких парадигм, охарактеризованных в разделе “Проблема”, взятая в отдельности или даже в совокупности с другими, для целей настоящего исследования не оказалась вполне адекватной без корректировки специально разработанным автором методом политико-ситуационного анализа.

Политико-ситуационный анализ интерпретируется автором как метод исследования, предполагающий:

- выявление (наряду с закономерностями социально-исторического процесса как целого и закономерностями функционирования и развития различных исторических типов социальных систем) специфических характеристик и закономерностей, устойчиво проявляющихся на уровне исторических ситуаций;

- определение и структурирование конкретных множеств названных характеристик и закономерностей, системы которых характеризуют определенные типы исторических ситуаций и никакие другие;

- использование одной из таких систем в качестве критерия квалификации исследуемой исторической ситуации и ее отнесения к определенному типу;

- прогнозирование на основе установленных характеристик и закономерностей данного типа исторической ситуации основных сценариев ее развития и наиболее вероятного из них.

Так, в огромной массе концептуальных интерпретаций того, что происходило и происходит в России (или с Россией), отчетливо выделяются две наиболее распространенные линии, одновременно выступающие и границами спектра мнений. Одно объяснение состоит в том, что все произошло как должно, было заранее предопределено тем или иным набором факторов и иначе быть не могло. Как ни странно, такое объяснение принадлежит преимущественно радикально-либеральным сторонникам индивидуальной свободы! Другое объяснение сводит главные причины новейшей российской исторической драмы к субъективным факторам: к так называемому “предательству верхов” либо к заговору тех или иных международных сил. Такая позиция (что не менее парадоксально, чем первое) нередко разделяется людьми, считающими себя сторонниками марксистской интерпретации истории как естественно-исторического процесса.

Напротив, с помощью названного выше метода автор стремился показать, как законы исторических ситуаций (в данном случае — законы революции, механизм которой был сознательно или бессознательно “запущен” частью политической элиты), предопределили ход и исход событий, как впоследствии объективная логика революционного развития подчиняла себе политических лидеров, которые сплошь и рядом оказывались в положении литературного героя, выпустившего джина из бутылки и не способного с ним справиться.

Отчасти по аналогичным причинам, связанным с воздействием основных закономерностей и характеристик революции, слабо учитываемых теоретиками, в XX в. Россия (Советский Союз) оказалась своеобразным полигоном, а вместе с тем и “кладбищем” идеологий, показав примеры крушения политико-идеологических построений, более или менее успешно реализовавшихся в иных условиях. Так, глобальный кризис “советской модели” социума наглядно показал, по меньшей мере, односторонность теоретических оснований ортодоксального коммунизма. Не менее ограниченными проявили себя в последующие годы и теоретические постулаты догматического антикоммунизма, подобно своему предшественнику, обещавшего народу скорое и гарантированное наступление “светлого будущего” в результате глобального разрушения прежней системы и смены господствующего типа собственности.

Теория конвергенции, если и была реализована в России, то не в позитивной ее интерпретации, которую предлагали, например, Дж. Гэлбрейт и А. Сахаров, предполагавшие, что конвергентная модель общества будет синтезировать достижения общественно-плановой (социалистической) и частно-рыночной (капиталистической) систем. Напротив, радикальная трансформация “советской модели” в модель постсоветскую, по крайней мере, на данном этапе привела к “негативной конвергенции”, к формированию своеобразного “социального кентавра”, противоречиво синтезирующего, казалось бы, несовместимые стороны, в том числе пороки различных цивилизаций и общественных формаций:

- образовательный потенциал и квалификация работника — почти на уровне индустриальных стран Запада, а оплата его труда в реальном исчислении — в несколько раз ниже, чем в странах со средним уровнем развития;

- уравнительность, например, в пенсионном обеспечении — более высокая, чем была в советский период, при общем уровне социального неравенства, значительно превосходящем аналогичные показатели индустриально развитых стран;

— низкая рождаемость — как в развитых странах, но высокая смертность и низкая продолжительность жизни — как в развивающихся;

— практически все проблемы “потребительского общества” при отсутствии его главного атрибута — высокого массового потребления, а значит, и самого “потребительского общества” и т. п.

Опыт последнего десятилетия показал, что классические либеральные и нелиберальные экономические модели в России на практике дают иные, в ряде случаев прямо противоположные результаты, чем это предполагается в теории. Так, например, приватизация как главное “лекарство” от всевластия бюро-кратии в отечественных условиях сопровождалась разрастанием бюрократического аппарата, усилением его коррумпированности и снижением дееспособности.

Стремление автора отобразить детерминированные историко-культурным контекстом качественные трансформации образовательной политики и ее законодательного обеспечения обусловило необходимость синтеза теоретико-фундаментальных (диалектического и системного) методов со специальными методами различных социогуманитарных наук и прикладным подходом, непосредственно апеллирующим к эмпирическим процессам и практически ориентированным, необходимость синтеза методологии различных уровней и направленности. Проводя такой синтез, автор решал проблемы соотношения общего и особенного, закономерного и случайного, показывая на основе изучения прямых и обратных связей между этими двумя полями методологий реальное перетекание конкретных фактов и процессов образовательной политики в закономерности новейшей российской революции, и наоборот — проявления закономерностей качественных трансформаций российского социума в реальных ситуациях и событиях.

Интерпретируя понятие метода в ином аспекте,— как систему способов научного исследования, относительно не зависимых от содержания науки,— автор, помимо набора традиционных специальных методов и методик (изучение и анализ документов, статистических данных и т. п., обобщение результатов социологических опросов, политико-социологическая интерпретация материалов художественной культуры и др.), широко использовал метод включенного наблюдения. Будучи с 1990 г. депутатом федеральных законодательных органов власти (народным депутатом России, депутатом Совета Федерации первого созыва, депутатом Госдумы второго и третьего созывов), автор на протяжении 10 лет постоянно и непосредственно наблюдал поведение и трансформацию сознания российской политической элиты, а в особенности таких субэлит, как парламентская, политико-образовательная и политико-научная.

Более того, став одним из основных разработчиков абсолютного большинства действующих законов, а также законов и законопроектов в области образования, прошедших различные стадии парламентской процедуры, автор оказался еще и участником крупномасштабных социальных и социально-педагогических экспериментов по выявлению эффективности законодательного регулирования социокультурных (в т. ч. политико-воспитательных) процессов в революционных условиях. В данном случае использованные, а отчасти разработанные автором философско-методологические принципы оказались непосредственно воп-лощены не только в теоретическом исследовании как форме практической деятельности, но и в политико-правовой практике как форме исследования, когда верность теоретических построений (и, в частности, прогнозов) регулярно верифицировалась в реальном политическом процессе, и обратно — реальный политический процесс питал новые теоретические обобщения.

Учитывая, что стратегические прогнозы автора (отображенные документально) были в основном подтверждены практикой, можно предположить, что продуктивны и лежащие в их основе теоретические и методологические концепции.

Социально-философские аспекты государственной образовательной политики... Диссертация... доктора философских наук. М., 2001

ИЗ РАЗДЕЛА “ПРОБЛЕМА”

Широта, многоаспектность и междисциплинарный характер исследуемой проблемы предопределили необходимость осмысления весьма широкого круга чрезвычайно разнообразной и, более того, разнородной литературы. Вся совокупность работ, изученных автором, разумеется весьма условно, может быть подразделена на следующие основные группы:

по целям исследования — фундаментальные и прикладные;

по уровню исследования — теоретические и эмпирические;
по характеру изложения — научные, научно-публицистические и публицистические;
по научной принадлежности — философские, исторические, политологические, социологические, педагогические, социально-психологические, юридические, экономические, узкоспециализированные внутри каждой из названных наук, а также междисциплинарные.

Особый вопрос представляет собой группировка использованной литературы по приверженности авторов той или иной научной парадигме. Поскольку сама классификация и типологизация таких парадигм, доминирующих в современном социогуманитарном знании, остается предметом дискуссии, автор считает себя вправе в качестве одного из возможных предложить собственный подход, применимый, как представляется, отнюдь не только в отношении литературы, использованной при исследовании данной темы. Согласно этому подходу, доминирующие в современных социогуманитарных исследованиях научные парадигмы могут быть типологизированы по двум главным основаниям.

В зависимости от представления о характере детерминации общественных процессов можно выделить, как минимум, следующие парадигмы: антропологическую (включая естественную и социальную антропологию); социально-психологическую; индивидуально-психологическую (в том числе фрейдизм и неопрейдизм); технологический детерминизм (от У. Ростоу до постиндустриалистов); социально-экономический детерминизм (марксизм и отчасти неомарксизм); социокультурный детерминизм (М. Вебер и его последователи); “теория факторов” и др.

В зависимости от представления о характере и механизмах развития — по крайней мере, функционализм (включая Т. Парсонса) и теорию конфликта.

В литературе, использованной автором, представлены практически все названные выше парадигмы. Однако, как уже отмечалось, ни одна из них не является абсолютно адекватной для исследования специфического типа политической ситуации в России 90-х гг., но, напротив, все они нуждаются в корректировке политико-ситуационным анализом.

Тема исследования и особенность исторической ситуации предопределили необходимость обращения к работам ведущих действующих политиков, а также значительную степень политизации использованных научных публикаций. Политические убеждения авторов вышеназванных работ в современных российских условиях могут быть подвергнуты трехмерной классификации, а именно:

— согласно классической схеме политической науки: коммунистические, левосоциалистические, социал-демократические, либеральные, консервативные, праворадикальные;

— с точки зрения геополитической ориентации: “западнические” и “славянофильские”, “почвеннические”;

— исходя из представлений о субъекте управления: государственно-чиновнические и самоуправленческие.

Трансформационный характер политического процесса предопределил возможность самых неожиданных сочетаний трех названных выше координат в убеждениях политиков и ученых. Однако, как правило, этих координат бывает достаточно для определения политической принадлежности любого автора.

РАЗДЕЛ 2. НЕТ У РЕВОЛЮЦИИ КОНЦА? РАДИКАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КАК РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС

Еще закон не отвердел,

Страна шумит как непогода.

Хлестнула дерзко за предел

Нас отравившая свобода.

С. Есенин

ГЛАВА II. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ: ПОПЫТКА НЕИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Помимо господствующей оценки российского социально-политического процесса 90-х гг. в качестве периода реформ, в литературе встречаются следующие его характеристики:

революция (с различными, подчас противоположными определениями);
контрреволюция;
реставрация;
антиреволюция;
смута и др.

Первую из этих характеристик, ввиду многообразия прилагаемых к ней определений, невозможно связать с политическими ориентациями теоретиков. Вторая принадлежит, как правило, теоретикам и политикам леворадикальной и еще более левой ориентации, но не правее умеренно левых (см.: Воля. Свободное издание. Спецвыпуск.— 1992.— апрель.— № 1 (6).— С. 1). Третья представлена сравнительно редко и по преимуществу теоретиками околоцентристских направлений (см.: Кутырев В. Перестройка, реставрация, эволюция... Опыт философско-исторического осмысления // Диалог.— 1992.— № 4—5.— С. 28).

Помимо идейно-политических воззрений авторов, придающих понятиям “революция”, “контрреволюция”, “реставрация”, “реформы” ярко выраженный аксиологический аспект, помимо сложности и незавершенности самого процесса, такая разноречивость оценок обусловлена тем, что при кажущейся терминологической очевидности в эти понятия вкладывается весьма различное содержание.

В соответствии с официальной установкой, согласно которой в России осуществляются реформы, отечественные исследования по теории социальных и политических революций представлены в 90-х гг. довольно слабо. Особенно ярко проявляется это в количестве квалификационных работ, выбор тем которых рельефно отражает массовые околонучные представления соискателей и их руководителей о “диссертательности” той или другой проблемы. Так, в каталоге диссертационного зала Российской государственной библиотеки, еще недавно именовавшейся Ленинской, отражена следующая динамика диссертационных исследований по проблемам социальных и политических революций: 1987—1991 гг.— 32 (в том числе 10 защищены иностранцами, преимущественно, кубинцами); 1992—1997 гг.— 2 (данные на октябрь 1997 г.). Электронный каталог Российской парламентской библиотеки за 1994—1997 гг. фиксирует следующее количество публикаций, ключевыми словами в названии которых являются “революция”, “реформа”.

Книги: “революция” — 168, “реформа” — 108;

журнальные статьи: “революция” — 50, “реформа” — 343;

авторефераты: “революция” — 8, “реформа” — 10;

статьи из сборников: “революция” — 4, “реформа” — 35 (данные на октябрь 1997 г.).

Оценивая приведенную статистику, необходимо иметь в виду, что, во-первых, “революция” является ключевым словом для названий работ, посвященных не только революциям социальным и политическим, но также научным, техническим и т. п. Иными словами, количество исследований по проблемам социальных и политических революций в 90-х гг. намного меньше. Во-вторых, существуют, разумеется, исключения из общего правила, о которых речь пойдет ниже. В-третьих, по-видимому, отмеченная тенденция отчасти и объясняет ту поразительную устойчивость дефиниций интересующих нас терминов, которая наблюдается в справочных и учебных изданиях, где содержание этих дефиниций изменилось весьма незначительно.

Кстати сказать, автор этих строк здесь и далее предполагает обращаться в первую очередь к справочным и учебным изданиям, поскольку они более, чем любые другие, с одной стороны, отражают массовые представления, господствующие в науке соответствующего периода, если позволительно так выразиться, обыденное сознание теоретиков, а с другой стороны — оказывают некоторое воздействие, хотя бы и незначительное, но на порядок превосходящее воздействие малотиражных специальных исследований, на массовое сознание, на общественную психологию. Процессы же, происходящие в этом массовом сознании, в том числе обыденном, и должны интересовать прежде всего исследователя ситуационных закономерностей революции.

Как показывают исследования по истории общественной мысли, термин “революция” используется для обозначения крупных общественных перемен начиная с периода классического средневековья. Согласно Р. Н. Блюму, впервые социальные беспорядки и политические перевороты были названы революциями в “Хрониках флорентийских купцов” Джованни и Матео Виллани, относящихся к

середине XIV в. Однако вплоть до Великой французской революции во многих случаях этот термин использовался в значениях, скорее противоположных наиболее распространенному в настоящее время — “не как преобразование, ведущее к новому строю, а как возвращение к старому “доброму” времени, как поворот назад” (Блюм Р. Н. Понятие политической и социальной революции в домарксистской и марксистской общественной мысли // Проблемы теории социальной революции. Сб. статей под ред. М. Я. Ковальзона.— М.: Изд-во МГУ, 1976.— С. 8).

По количеству определений термин “революция” вряд ли может сравниться с такими социально-философскими понятиями, как “общество”, “цивилизация”, “культура” или “личность”, однако термин этот весьма многозначен, причем различные его значения наиболее четко раскрываются при логическом анализе понятия революции в парах с соотносительными категориями.

1. На общефилософском уровне в паре “революция — эволюция” революция выступает как скачок-переворот (взрыв), как быстрое, стремительное качественное изменение, преобразующее сущность системы; эволюция — как постепенное количественное изменение при сохранении сущности или, что, вероятно, ближе к истине, как постепенное качественное изменение (см.: Селезнев М. А. Социальная революция (Методологические проблемы).— М.: Изд-во МГУ, 1971.— С. 78). С этой точки зрения социально-политический процесс в России 90-х гг., как и аналогичные процессы в бывших социалистических странах, несомненно представляет собой революцию. Доказательства этого тезиса, если он вообще нуждается в доказательствах, будут приведены ниже. Здесь же достаточно указать на применение “шоковой терапии”, в результате которого произошло “взрывное” движение от сверхцентрализованной экономики к практически нерегулируемой; на обвальное изменение характера приватизации, темпы которой на порядок превосходили интенсивность аналогичного процесса в период правления Маргарет Тэтчер при противоположном социально-экономическом результате; на разрушение прежней государственности (Советского Союза); на политические перевороты, а также малую (октябрь 1993 г.) и локальную (Чечня) гражданские войны, которые обычно являются верными спутниками революций и т. п.

2. На политологическом уровне в паре “революция — переворот” названные понятия различаются двояким образом: по объему и в аксиологическом аспекте.

Что касается объема понятия, то хорошо известна марксистская традиция, согласно которой термин “революция” может употребляться в широком и узком смысле слова. В широком — для обозначения революции социальной, охватывающей различные сферы жизни общества; в узком — как синоним революции политической, решающей вопрос о власти (Ленин В. И. Детская болезнь “левизны” в коммунизме // Полн. собр. соч. 5-ое изд. Т. 41.— С. 3). В последнем смысле понятия “политическая революция” и “политический переворот” тождественны. Не случайно сам руководитель Октябрьской революции неоднократно называл события октября 1917 переворотом. Если бы этот аспект различия был единственным, жаркие политические споры по поводу того, что произошло в России в октябре 1917 года: революция или переворот,— были бы лишены всякого теоретического смысла.

Однако за этими спорами стоит аксиологический аспект различия между понятиями, ибо, хотя теоретики или нет, для массового сознания революция — нечто легитимное, морально оправданное или положительное, тогда как переворот отождествляется с нарушением закона, заговором, авантюрой и т. п. Поскольку же историю пишут победители, нередко оказывается справедливым афоризм, согласно которому революция — это успешный переворот, удавшийся заговор, а переворот — неудавшаяся революция. С этой точки зрения популярная ныне в литературе оценка большевиков как кучки авантюристов означает лишь то, что, вопреки обещаниям Ленина, спустя 74 года большевики не сумели удержать государственную власть или, может быть, сумели ценой превращения этой власти и самих себя в противоположность.

3. На уровне политико-философского анализа в паре “революция — реформа” выявляется целый ряд характеристик, по которым различаются эти категории (разумеется, все перечисленные ниже противоположности весьма и весьма относительны):

революция — коренное преобразование, реформа — частичное;

революция радикальна, реформа — более постепенна;

революция (социальная) разрушает прежнюю систему, реформа сохраняет ее основы;

революция осуществляется в значительной мере стихийно, реформа — сознательно (в этом смысле при определенных условиях реформа может быть названа революцией “сверху”, а революция — реформой “снизу”).

Понятие реформы, как и понятие революции, достаточно устоялось в социогуманитарных науках, и настолько, что устояло даже под натиском социальных катаклизмов, о чем свидетельствуют

справочные издания. Сравним следующие определения:

“Реформа...— преобразование, изменение, переустройство какой-либо стороны общественной жизни (порядков, институтов, учреждений), не уничтожающее основ существующей социальной структуры; формально — нововведение любого содержания, однако реформой обычно называют более или менее прог-рессивное преобразование” (Большой энциклопедический словарь. Т. 2.— М.: Сов. энцикл., 1991.— С. 263);

“Реформа социальная...— изменение какой-либо существенной стороны жизни общества при сохранении основ его экономического и государственного строя” (Политология. Энциклопедический словарь.— М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993.— С. 341).

Что касается справочного издания, выпущенного в 1995 г., то оно дословно повторяет приведенный выше текст “Большого энциклопедического словаря”, лишь со следующим дополнением: “Реформа ценообразования — коренное изменение системы цен и в значительной мере принципов их формирования” (Краткий словарь современных понятий и терминов.— М.: Республика, 1995.— С. 367).

Почему определение “коренное” используется только для характеристики реформы ценообразования и не применяется к социальным реформам, рациональному объяснению не поддается. Возможно, это реакция на первые результаты шоковой терапии в Российской Федерации. Наконец, “Философский энциклопедический словарь”, изданный в 1997 г., дословно повторяет определение реформы, изложенное в “Краткой философской энциклопедии” 1994 г.

С теоретической точки зрения важным во всех этих определениях является однозначная характеристика реформ как переустройства отдельных сторон, элементов системы, не затрагивающего ее основ, очевидная для подавляющего большинства специалистов. Впрочем, те же специалисты, переходя к анализу политических процессов в России, дружно называют реформами коренную ломку предшествующего общественного строя. Правда, в данном случае не теория, как это часто бывает, разошлась с жизнью, а жизнь разошлась с теорией, но результат для них обеих все тот же.

4. С точки зрения историко-социологической в паре “революция — реставрация” революция интерпретируется как переход к новому типу общества (социетальная система, цивилизация, формация), а реставрация — как возвращение к его прежнему типу. В этом смысле российские “реформы” 90-х гг., если и не представляли собой прямую попытку реставрации дооктябрьской общественной системы, то, по крайней мере, содержали ярко выраженные реставрационные тенденции, по силе соперничавшие с модернизационными, а иногда их превосходившие.

Реставрационные тенденции проявлялись прежде всего в знаковой форме, в отношении к прежним символам: возвращение дореволюционного флага и герба; восстановление топонимов; коренное изменение отношения к символическим историческим фигурам (превращение большинства царей, несмотря на прокламируемые демократические ценности, из дьяволов в героев, а большинства генеральных секретарей — из героев в дьяволов); восстановление храмов и демонстративная религиозность политических лидеров и т. п. При этом некоторые реставрационные проявления приобретали алогичный, полукурьезный, а то и трагикомический характер, лишний раз доказывающий справедливость гераклитова афоризма о невозможности вступить в одну реку дважды. Хорошо известно, например, что станции московского метрополитена никогда никаких названий, кроме советских, не имели. Топонимы же типа Санкт-Петербург в Ленинградской области либо Екатеринбург в Свердловской области невольно вызывают в памяти сатирико-фантастический рассказ одного из комментаторов радио “Свобода” о том, как в славном городе Старосибирске улица Красных партизан была переименована в Белобандитский проспект. Не менее парадоксально выглядит строительство новоделов на фоне продолжающегося разрушения действительно старинных храмов. Что же касается двуглавого орла, то, как известно, он был символом евразийской, точнее, полуазиатской российской монархии. Еще в 60-х гг. прошлого века редактор сатирического журнала “Искра”, известный поэт Василий Курочкин писал в своем стихотворении “Двуглавый орел” (Василий Курочкин. Двуглавый орел // Стихотворения.— М.: Детская лит-ра, 1972.— С. 31—32):

Я нашел, друзья, нашел,
Кто виновник бестолковый
Наших бедствий, наших зол.
Виноват во всем гербовый,
Двуязычный, двуголовый,
Всероссийский наш орел.

Я сошлюсь на народное слово,
На великую мудрость веков:
Двуголовье — эмблема, основа
Всех убийц, идиотов, воров.
Не вступая и в споры с глупцами,
При смущающих душу речах,
Сколько раз говорили вы сами:
“Да никак ты о двух головах!”

Оттого мы несчастливы, братья,
Оттого мы и горькую пьем,
Что у нас каждый штоф за печатью ¹
Заклеймен двугловым орлом.
Наш брат русский — уж если напьется,
Нет ни связи, ни смысла в речах;
То целуется он, то дерется —
Оттого что о двух головах.
Взятки — свойство гражданского мира,
Ведь у наших чиновных ребят
На обоих бортах вицмундира ²
По шести двугловых орлят.
Ну! и спит идиот безголовый
Пред зеркалом ³, внушающим страх,—
А уж грабит, так грабит здорuvo
Наш чиновник о двух головах.

Правды нет оттого в русском мире,
Недосмотры везде оттого,
Что всевидящих глаз в нем четыре,
Да не видят они ничего;
Оттого мы к шпионству привычны,
Оттого мы храбры на словах,
Что мы все, господа, двуязычны,
Как орел наш о двух головах.

Я нашел, друзья, нашел,
Кто виновник бестолковый
Наших бедствий, наших зол.
Виноват во всем гербовый,
Двуязычный, двугловый,
Всероссийский наш орел.

Превращение двуглавого орла в символ новой Российской республики теми, кто сначала вслед за Рейганом называл наследника Российской империи — Советский Союз — “империей зла”, а затем принял непосредственное участие в его (Советского Союза) ликвидации, невозможно характеризовать иначе как очередную иронию истории. Не случайно появление этого герба на новых паспортах спровоцировало политические конфликты на Северном Кавказе и в Дагестане, где он (герб) был воспринят как символ дооктябрьской имперской политики. Впрочем, с учетом республиканской формы правления в новом государстве герб все же пришлось подвергнуть модернизации, что лишний раз доказывает невозможность даже такой реставрации в полном объеме.

¹ “Каждый штоф за печатью”.— Бутылки с водкой запечатывались печатью с изображением двуглавого орла.

² “На обоих бортах вицмундира”.— На пуговицах чиновничьих вицмундиров также был изображен двуглавый орел.

³ Зерцало — треугольная призма с указами Петра I на ее гранях, стоявшая во всех судебных и других правительственных учреждениях дореволюционной России; символ правосудия и государственной власти.

Еще более это становится очевидным, когда речь идет о попытках восстановления существовавших в дооктябрьской России социальных отношений и институтов — от сословий до монархической власти. Разумеется, мало кто станет возражать против освоения и развития культурного наследия дворянской интеллигенции или традиций казачества как особого российского субэтноса. Но когда поднимается вопрос о придании дворянам или казакам статуса сословий в качестве условия развития “новой России”, то полезно чаще вспоминать азбучные истины социологии, согласно которым сословный тип социальной стратификации является элементом доиндустриальной средневековой цивилизации (она же — феодализм), тогда как руководство современной России заявляет о намерении двигаться к цивилизации пост-индустриальной.

В связи с рассматриваемой проблемой заслуживают внимания появившиеся в литературе нетрадиционные трактовки понятия “реставрация”. Так, в интересной, но спорной статье В. Кутырева последняя интерпретируется как процесс перехода от революционной фазы развития к эволюционной, а ее (реставрации) историческое содержание — как преодоление крайностей революционной эпохи, выход из тупика, в который общество впадает при буквальной реализации целей революции. При этом автор указывает на то, что лозунг “возрождения” по содержанию весьма близок понятию реставрации, поскольку означает второе рождение, восстановление того, что уже когда-то существовало, но было отвергнуто (революцией) (Кутырев В. Перестройка, реставрация, эволюция... Опыт философско-исторического осмысления // Диалог.— 1992.— № 4—5.— С. 26—32). Последний тезис представляется истинным, тогда как первый — ложным, причем главным аргументом против него являются исторические аналогии. Вспомним, что реставрации Стюартов в Англии в 1660 г. и Бурбонов во Франции в 1813 г. означали не устранение крайностей революции, а попытки вернуться к дореволюционным порядкам. Обе они привели не к переходу процесса в эволюционную фазу, а к новым политическим революциям (1688 г. и 1830 г. соответственно). Процесс, который В. Кутырев характеризует как реставрацию, с точки зрения исторических аналогий представляется скорее похожим на термидор. Последний все чаще интерпретируется в настоящее время не как синоним контр-революции, а как такой политический переворот, который, не ликвидируя основных завоеваний революции, возвращает ее в рамки реальных исторических возможностей (см.: Якобинство в исторических итогах Великой французской революции. “Круглый стол” в редакции журнала // Новая и новейшая история.— 1996.— № 5.— С. 74, 79, 86—87).

5. В историко-аксиологическом аспекте в паре “революция—контрреволюция” первое из этих понятий означает прогрессивное преобразование, качественный скачок в движении общества вперед, тогда как второе — преобразование регрессивное, откат назад. Поскольку возникновение качественно новой общественной системы — не всегда прогресс, а восстановление прежней — не всегда регресс (революции тоже бывают консервативными), понятия реставрации и контрреволюции взаимосвязанны, но не тождественны. Последнее, как и понятия “прогресс — регресс”, имеет ярко выраженный аксиологический акцент. В силу этого оценка тех или иных исторических событий как революционных или контрреволюционных является относительной и определяется двумя группами факторов: во-первых, объективными последствиями этих событий для общества, которые нередко выявляются спустя многие десятилетия; во-вторых, позициями исследователя (не зря говорят, что прошлое тоже бывает непредсказуемо, а результат зависит от точки зрения).

Небезынтересно отметить, что интерпретация понятия “контрреволюция”, характерная для советского периода, а может, просто отражающая бессознательную установку на революцию как заведомо положительный феномен, широко распространена и в литературе постсоветской, включая справочные издания. Открыв “Краткий словарь современных понятий и терминов” (М.: Республика, 1995.— С. 203), читаем: “Контрреволюция...— активная борьба свергнутых классов и социальных групп против расширения и распространения революции с целью ее подавления и восстановления прежних порядков”. Данное определение содержит сразу несколько неточностей. Во-первых, определение контрреволюции в терминах борьбы классов отражает лишь один из аспектов этого процесса (конфликтологический) и расходится с устоявшимися определениями революции. Во-вторых, контрреволюция может быть делом отнюдь не свергнутых классов, а вновь сформировавшихся общественных групп, о чем свидетельствует, например, опыт стран Азии и Африки, избравших в свое время путь “социалистической ориентации”. В-третьих, увязывая понятие контрреволюции не с регрессом, а с борьбой за восстановление прежних порядков, авторы избегают угроз аксиологического субъективизма, однако при этом не просто фактически отождествляют контрреволюцию с реставрацией, но и оказываются в тупике относительности. Понятие прежних порядков в условиях, например, революционной эпохи во Франции 1789—1871 гг., где произошло более 10 политических переворотов и контрпереворотов, практически не поддается однозначной

интерпретации, ибо прежними по отношению к каждой следующей революции были порядки, установленные революцией предыдущей. В этом случае, например, революцию 1830 г. пришлось бы признать контрреволюцией по отношению к реставрации Бурбонов, которая, в свою очередь, выступала как контрреволюция по отношению к 1789—1794 гг. и т. д. до абсурда.

6. Ричард Саква, рассматривая проблему на политико-философском уровне, попытался вынести ее решение за рамки традиционной системы координат, введя для обозначения событий 1989—1991 гг. в Восточной Европе и Советском Союзе термин “антиреволюции”. По мнению Р. Саквы, “революции 1989—1991 гг. не только положили конец определенному революционному циклу, связанному с русской революцией октября 1917 г., но обозначили завершение целой эпохи, порожденной Просвещением революционности...” (Саква Р. Конец эпохи революций: антиреволюционные революции 1989—1991 годов // Полис.— 1998.— № 5.— С. 24). “Изживание “просветительского революционизма”,— продолжает автор,— означает отнюдь не то, что больше не будет восстаний, переворотов, мятежей и бунтов, а то, что изменился философский смысл подобных событий” (там же), а именно: “отсутствует универсальная система светских догматов, которая могла бы подкрепить надежды на то, что политический переворот откроет путь в царство справедливости, заложит основы лучше мира” (там же).

Другие отличия новейших “антиреволюций” от классических революций прошлого, по мнению Р. Саквы, состоят в том, что “антиреволюции”:

затрагивают урбанизированные общества в условиях мира (там же.— С. 25);

сняли противоположность революции и реформы, будучи тем и другим одновременно и в то же время — ни тем, ни другим (там же.— С. 26);

отрицая революцию как метод, имели более революционные следствия, чем многие так называемые революции, поскольку знаменовали конец эпохи революций и даже самого дискурса просветительской модернизации (там же.— С. 26);

представляли собой революции маневра, поскольку “поиски модели лучшего мира велись не в будущем, а в прошлом или настоящем с вариациями по временной и пространственной осям” (там же.— С. 27);

в известном смысле были “договорными революциями”, для исследования которых может быть использована теория игр и др. (там же.— С. 28).

При этом, согласно Р. Сакве, “отказ от революционного социализма был не “революцией наоборот”... или, сокращенно, контрреволюцией, а “противоположностью революции”... т. е. оппозицией революционному процессу как таковому” (там же.— С. 30). Аргументируя данный тезис, автор концепции называет два, по его мнению, кардинальных различия между антиреволюциями и контрреволюциями: “во-первых, они (антиреволюции — **О. С.**) пытались преодолеть реальные революции, происшедшие в соответствующих странах в 1917 г. и 1945—1948 гг., и, во-вторых, они полностью отвергли всю логику революционного мышления, подчинявшую себе воображение европейцев на протяжении почти двух столетий” (там же.— С. 26).

Позиция Р. Саквы приведена здесь столь подробно не только из-за ее оригинальности, но и из желания предоставить читателю возможность самому убедиться в не слишком высоком качестве ее аргументации.

Во-первых, строго говоря, едва ли не единственным реальным основанием концепции Р. Саквы служит сравнительно мирный, “бархатный” путь осуществления большинства революций 1989—1991 гг. Однако этого явно недостаточно для радикальных выводов об “антиреволюционных революциях”, ибо возможность мирного осуществления революций признавалась и прежде, в том числе даже такими радикальными революционерами, как основатели марксистской теории. Сказанное в значительной мере относится и к тезису о снятии противоположности между реформами и революцией. Такая противоположность в качестве абсолютной существовала лишь в головах революционеров-догматиков, тогда как в реальной жизни реформы нередко перерастали в революцию и практически всегда ее сопровождали, завершая в постреволюционный период процесс трансформации одной системы в другую.

Во-вторых, не более убедительными выглядят аргументы в защиту отличий антиреволюции от контрреволюции: достаточно напомнить, что те, кого Ж. Кондорсе в конце XVIII в. именовал контрреволюционерами, также искали свои социальные идеалы не в будущем, но в прошлом (своей страны) или настоящим (феодалной Европы).

В-третьих, осуществление новейших революций в индустриальных обществах и к тому же в мирное время действительно отличает их от большинства предшественниц. Однако отсюда вовсе не следует, будто эти революции кладут конец просветительскому пониманию модернизации. Скорее

наоборот: их лидеры почти повсеместно выдвигали лозунг “возвращения в цивилизацию”, представляющий собою по сути вариант хрущевского призыва “Догнать и перегнать”, но не за счет более быстрого развития системы, а путем кардинального изменения типа общественного развития. Как будет показано ниже, логика поведения новейших российских “антиреволюционеров” по всем остальным параметрам, включая готовность к применению насилия, воспроизводила логику поведения их предшественников, несмотря на противоположную направленность социального действия и бесконечные заявления о разрыве с традициями прошлого. Возможно, именно эти заявления Р. Саква и принял за сущность процесса. Более того, утверждение о преодолении просветительского дискурса представляется безнадежно оптимистичным и в отношении политических лидеров индустриально развитых стран: война в Югославии убедительно показала, что и среди них преобладает революционно-просветительское стремление “железной рукой загнать человечество к счастью”.

Наконец, в-четвертых, что касается легкости осуществления “договорных революций”, то она найдет свое вполне реалистическое объяснение в предпоследнем разделе работы.

7. Наконец, термин “смута”, нередко используемый для характеристики современного этапа российской истории, не может быть определен через оппозицию к термину “революция”, хотя некоторые авторы располагают его в категориальном треугольнике: “революция — эволюция — смута” (см.: Ландау Г. Революция, бунт, смута // Новое время.— 1994.— № 40.— С. 43—45). Рассматривая революцию как процесс ломки устаревшей формы новым содержанием, а эволюцию, напротив, как процесс обвальной деградации формы под действием обедненного содержания (там же.— С. 44), Г. Ландау интерпретирует смуту как “чистую, без имманентного устремления к ломке во имя совершенной или более упрощенной организации... непосредственную государственно-социальную дезорганизацию” (там же.— С. 45).

На взгляд автора, термин “смута”, во-первых, представляет собой скорее образную характеристику, чем научную категорию, либо, в лучшем случае, если воспользоваться терминологией Макса Вебера,— генетический (исторический) “идеальный тип” в отличие от “чистого” (социологического) “идеального типа”. Во-вторых, при самых разнообразных трактовках, включая и трактовку Г. Ландау, применение данного термина для современного периода российской истории некорректно, ибо это явно период революции либо инволюции. Смута, согласно этой трактовке, должна заканчиваться более или менее восстановлением статуса-кво с незначительными флуктуациями в ту или иную сторону. В России же восстановление статуса-кво невозможно.

Итак, популярный на рубеже 80—90-х гг., особенно в зарубежной публицистике, термин “вторая русская революция” гораздо точнее отражает характер российского социально-политического процесса, чем термин “реформы”. Самой слабой частью этой характеристики является числительное, ибо в зависимости от принятой системы отсчета и объема понятия (революция социальная или только политическая, предполагающая смену лидеров или резкий поворот политического курса) “вторая русская революция” может оказаться как третьей (после 1905 г. и 1917 г.), так и шестой (после 1905 г., февраля 1917 г., октября 1917 г., перехода к НЭПу и сталинского перелома), а скорее всего должна рассматриваться в контексте революционной эпохи (1917—1997 гг.).

Образование. Революция. Закон...М., 1999

ГЛАВА V. РЕВОЛЮЦИЯ КАК КАТАСТРОФА. ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ ОБЪЯВЛЕННЫХ ЦЕЛЕЙ И НЕПОСРЕДСТВЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ РЕВОЛЮЦИИ*.

... Если под катастрофой понимать деструкцию, разрушение системы, признаками катастрофы обладает любая революция, даже “бархатная”. Если же за революцией следует гражданская война, что бывает отнюдь не редко, она превращается в настоящую национальную трагедию.

* Раздел о катастрофах данной статьи переработан и дополнен автором к настоящему изданию. Статистические данные взяты из работ Н. Ф. Герасименко, С. Ю. Глазьева, И. А. Гундарова, В. Л. Иноземцева, А. М. Кацвы, В. А. Коптюга, В. К. Левашова, Г. В. Осипова, М. Н. Руткевича, Б. А. Ручкина, а также из стенограмм пленарных заседаний и парламентских слушаний Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, статистических сборников и других официальных материалов, представленных в Государственную Думу.

Масштаб, длительность и исторические последствия революционной катастрофы, как будет показано ниже, определяются глубиной разрушения прежней системы. Пока же отметим, что новейшая российская революция не стала исключением, и это неоднократно отмечено в литературе. “Какой процесс мы наблюдаем сегодня?” — задается вопросом, например, Н. Малышев. И сам себе отвечает: “Я бы назвал это революцией и регрессом” (Малышев Н. Россия: от настоящего к будущему // Диалог.— 1994.— № 4—6.— С. 55). Более того, с точки зрения социально-экономических последствий новейшая российская революция превзошла, пожалуй, все другие катастрофы мирного времени в XX в. В 90-х гг. в России совпали (точнее — слились) пики падения по нескольким социальным циклам сразу, результатом чего стали, по крайней мере, семь катастроф.

Катастрофа экономическая. По оценкам группы новосибирских ученых во главе с В. А. Коптюгом, в 1985—1995 гг. сельскохозяйственное производство в стране упало в 3,6 раза, промышленное — в 5,3, в т. ч. в легкой промышленности и оборонном комплексе практически в 10 раз. Кризис поразил и те отрасли, которые являлись для России источником поступления валюты. За 1990—1996 гг. добыча нефти уменьшилась на 44%, угля — на 38%, выработка электроэнергии — на 25%.

За 10 лет в 90-е годы Китай увеличил ВВП примерно с 350 млрд. до триллиона долларов, а Россия сократила тот же показатель примерно с триллиона до 350 млрд. долларов. При нынешнем уровне инвестиций, по расчетам С. Ю. Глазьева, через 8 лет объем экономического потенциала станет еще в 2 раза меньше.

По данным Мирового банка, в 2000 г. Россия оказалась где-то между уровнем средне- и слаборазвитых стран по производству на душу населения, в т. ч. на 25—30% ниже таких стран, как Алжир, Сирия, Тунис. Согласно докладу Евросоюза, для того, чтобы достичь пятидесятипроцентного уровня производительности труда стран-членов ЕС, России потребуется 36 лет. В конце 90-х годов федеральный бюджет громадной страны, пересчитанный в доллары, стал меньше бюджета Греции или Финляндии, в 2 раза — меньше бюджета Швеции, в 3,5 раза — меньше бюджета Голландии!

Катастрофа финансовая. Внешний долг России вырос в 90-е гг. с 70 до 158 млрд. долларов (в 2001 г. размер внешнего долга несколько сократился). По размерам внешнего долга Россия вышла на первое место в мире. Для того, чтобы рассчитаться с иностранными кредиторами, нам пришлось бы несколько лет оставаться без питья и хлеба. В 1998 г. каждый четвертый рубль из российского бюджета уходил на возврат долгов и проценты по ним, в 1999 г. — каждый третий рубль, а в 2000 г. — уже каждые два из пяти рублей. Россия и ее финансовый центр — Москва — в любой момент могут быть объявлены банкротами.

Правительство не может даже посчитать все долги России. Расхождения в оценках составляют 1,5 млрд. долларов. При этом долги по детским пособиям составляли на начало февраля 2001 г. 25 млрд. рублей, долги перед оборонной промышленностью — 160 млрд. рублей.

Одна из главных бед нашей экономики — вывоз капитала за границу. Все ведущие экономисты отмечают, что без резкого сокращения оттока капитала за рубеж выхода из кризиса не будет. Однако признавая, что вывоз капитала из России составляет 20 млрд. долларов в год, Президент в своём Послании Федеральному Собранию страны за 2001 год заявляет, что капитал нельзя держать на привязи, он должен иметь законную свободу перемещаться туда, где выгоднее.

Катастрофа технологическая. Ее особенностью является то, что проявилась она в постреволюционный период и стала следствием инвестиционной политики. На протяжении 90-х гг. под руководством новой власти страна не столько создавала новое, сколько делила и проедала то, что создано трудом предыдущих поколений. За некоторым исключением (банковский сектор, строительство офисных зданий фирм-экспортеров природных ресурсов) уровень инвестиций в 90-е годы упал не в несколько раз (как в промышленном производстве и сельском хозяйстве), а в десятки раз.

В 2001 г. выбытие основных фондов превышало их приращивание примерно в 5 раз. В промышленности России доля оборудования в возрасте до пяти лет составляет сейчас менее 10% против 65% в США. По расчетам С.Ю. Глазьева, для того, чтобы обеспечить простое воспроизводство основных фондов, нужно увеличить инвестиции, по крайней мере, в 3 раза.

Особенно тяжелое положение сложилось в сельском хозяйстве и в коммунальной сфере. Если в 1990 г. на каждый выбывающий комбайн приходилось 3 вновь поступающих, то в 2000 г. на 1 поступающий — 30 выбывающих. В результате производительность труда в сельском хозяйстве составляет 1,2% от максимального в мире показателя, которого добилась Голландия.

По официальным данным, на нужды ЖКХ выделяется из бюджетов всех уровней лишь около 1/3 необходимых средств. Большая часть предприятий этой сферы по сути дела банкроты, общая сумма их долгов составляла в конце 2000 г. около 260 млрд. рублей. В результате за последние шесть лет

уровень аварийности в жилищно-коммунальной сфере вырос в 10 раз, 2,5 млн. граждан живут в ветхом и аварийном жилье, 11% жилищного фонда (по данным Госстроя РФ) требует капитального ремонта. В таких условиях удивляться тому, что зимой замерзают не отдельные дома, а целые регионы, не приходится. Не случайно по инициативе бывшего руководителя фракции “Единство” в Госдуме, а ныне министра внутренних дел Б. Грызлова создана специальная комиссия по 2003 году, когда ожидается период наиболее частых и крупных технологических аварий.

Катастрофа социальная. По расчетам названной группы новосибирских ученых, в 1985—1995 гг. средняя заработная плата в стране упала более чем в 3 раза (со 199 до 62 рублей с учетом инфляции); средняя пенсия — в 2,5 раза (с 74,5 до примерно 30 рублей). После кризиса 1998 г. эти показатели надо увеличить, по меньшей мере, вдвое. Таким образом, средний уровень жизни упал в 4—5 раз, а у некоторых групп населения — в 7 раз и более. И до сих пор продолжают споры, восстановлен ли так называемый “докризисный” уровень зарплат и пенсий первой половины 1998 г. Честный труд вообще, квалифицированный — в особенности, обесценился как никогда, причем хуже всего платят работникам оборонных предприятий, медицины, науки, образования, культуры и сельского хозяйства.

По данным организации “Европеен чилдренс траст”, в 10 посткоммунистических странах Восточной Европы и бывшего СССР за чертой или у черты бедности 160 млн. человек (около 40% населения). Среди них около 50 млн. детей. За 10 лет их количество выросло в 10 раз. Из них 40 млн. детей в странах бывшего СССР.

Приведенные данные свидетельствуют о колоссальном и все более углубляющемся разрыве между тончайшим слоем богатых и нищающим большинством населения. По данным Г. В. Осипова, децильный коэффициент (соотношение доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных граждан) возрос с 5 в СССР до, как минимум, 12—15 в современной России, что превышает аналогичный показатель многих стран Западной Европы и США. Другие эксперты дают более высокие проценты разрыва.

Еще одно “достижение реформ” — массовая безработица. По оценкам ФНПР, в России в середине 1998 г. было около 2 млн. зарегистрированных безработных, около 8,5 млн. ищущих работу, а с учетом скрытой безработицы общее количество безработных составило около 20 млн. человек! Несмотря на небольшой рост производства в 1999—2001 гг., безработица по-прежнему остаётся серьезной социальной проблемой.

Катастрофа демографическая, производная от других и может быть самая опасная. Начиная с 1992 г. наблюдается резкое снижение рождаемости и рост смертности, что привело к угрожающему сокращению численности населения России. С 1992 по 1999 гг. население России сократилось со 148 млн. 300 тыс. до 145,5 млн., причем это явление характерно почти для всех регионов страны. Если в 1990 г. естественная убыль населения зафиксирована только в 9 регионах, то в 1999 г. — в 74 республиках, краях, областях. При сохранении нынешних тенденций, по самым оптимистическим прогнозам, население России в ближайшие 25 лет сократится на 10—15 млн. человек. По другим прогнозам, к 2025 году численность населения России не будет превышать 100 млн., а при экстраполяции тех же тенденций в 2050 г. россиян будет 75 млн., а в 2075 — 50—55 млн. человек... Учитывая, что, по прогнозам ООН, население Китая составит к 2025 г. 1,5 млрд. человек, Индии — 1 млрд. 600 тыс., что численность населения США также возрастет на 50 млн. и составит 325 млн. человек, можно с уверенностью предположить возникновение трудно разрешимых геополитических проблем.

Катастрофа нравственная. Её первое проявление — криминализация общества. В конце 90-х гг., по данным международных исследований, среди 85 стран по уровню коррупции Россия вошла в десятку самых криминальных, заняв 76-е место! Бездуховность насаждается “верхами”, которые не только заповили эфир воинствующей пошлостью, но открыто заявляют, что деньги не пахнут, и сами подают пример. Нельзя не согласиться с мнением М. Н. Руткевича, что “границы между законными и незаконными действиями в бизнесе и государственном управлении размыты настолько, что оба верхних слоя российского общества 90-х гг.— новую буржуазию и новую бюрократию — можно считать криминальными по своему происхождению, способу получения доходов, уже нажитому имуществу” (Руткевич М. Н. Процессы социальной деградации в российском обществе // Социс.— 1998.— № 6.— С. 7).

Социологические исследования последних лет показывают: свыше 50% молодых граждан России признают, что главным для них в жизни являются деньги. При этом 20% считают “возможным” и “нормальным” вступление в брак по расчету, 20% — получение взятки, около 10% — взять деньги силой или “взять, что плохо лежит”. В сознании 17-летних криминальный авторитет ценится выше

профессии милиционера, профессия телохранителя – выше офицера вооруженных сил и депутата законодательного органа, а эти профессии, в свою очередь,— выше профессии инженера, научного работника, рабочего.

С 1 января 1987 г. по май 2001 г. в России зарегистрировано более 110 тыс. больных с диагнозом “ВИЧ-инфекция”, причем за 2000 год СПИДом в России заболело больше людей, чем за предыдущие 10 лет. По оценкам профессора М. Покровского, количество реально инфицированных составляет 400—500 тыс. человек и в ближайшие 5 лет возможен рост до 4 млн. СПИД превращается в мощный фактор депопуляции.

Россия никогда не чуждалась водки, а теперь алкоголизм стал массовым и соединился с наркоманией. По данным управления по борьбе с таможенными правонарушениями Государственного таможенного комитета России, оборот наркотиков в Российской Федерации составляет 2 млрд. долларов — почти десятая часть расходной части федерального бюджета. По оценкам МВД, в России до 4 млн. человек потребляют наркотики. Потенциальными наркоманами являются до 80% подростков. Среднестатистический московский наркоман имеет возраст 15 лет, но появились уже и 8-летние наркоманы. Потребление спирта в России составляет от 14 до 18 литров на человека, включая новорожденных и больных, при критическом для национальной безопасности уровне в 8 литров.

Катастрофа геополитическая. Советского Союза (большой России) больше нет, Россия утратила статус сверхдержавы. По оценкам Г. В. Осипова, по 19 из 20 показателей национальной безопасности страна опустилась ниже “красной черты”. Мир фактически стал однополюсным, границы политического влияния и экономического господства единственной на сегодня сверхдержавы — США — значительно расширились. НАТО превратилось в самый мощный в истории военно-политический блок; на смену дипломатии, когда это выгодно Западу, приходят силовые решения, о чем ярко свидетельствуют бомбардировки Ирака и Югославии.

Обещание не расширять НАТО, данное в период объединения Германии, ныне грубо нарушено, три бывших союзника России по Варшавскому договору: Чехия, Венгрия и Польша,— уже приняты в Североатлантический блок, а вопрос о приеме еще девяти, включая бывшие советские прибалтийские республики, рассматривается. Никакие заверения ныне действующих политиков о том, что расширение НАТО не угрожает России, не могут успокоить общественное мнение. В статье “Цели НАТО под вопросом” бывший госсекретарь США Г. Киссинджер откровенно пишет о том, что “любое расширение НАТО неминуемо приведет к проведению новых линий разделов” (цит. по: Осипов Г. В. Россия: Национальная идея. Социальные интересы и приоритеты.— С. 102). Не случайно заявление В. В. Путина о возможности вступления России в НАТО фактически осталось без ответа. В результате исчезновения Советского блока не сократилось, а значительно возросло количество региональных вооруженных конфликтов, способных перерасти в конфликт глобальный.

Каждая из названных выше катастроф может служить или уже послужила предметом крупного самостоятельного исследования. Количество фактов, иллюстрирующих каждую из катастроф, без труда можно увеличить на несколько порядков. Однако задача настоящего раздела в другом, а именно: показать, что и в данном отношении российская социально-политическая ситуация 90-х гг. подпадает под общую типологическую характеристику революционной катастрофы.

Вышеназванные процессы характерны отнюдь не только для России и потому не могут быть объяснены главным образом нашей национальной ментальностью. Хорошо известно, что положение в большинстве бывших республик Советского Союза еще хуже. Не избежали серьезного падения производства и уровня жизни страны Восточной Европы. Так, в 1990 г. в Польше на 24% сократилось промышленное производство, 20% населения имели доходы ниже прожиточного минимума, возникла составившая 581% гиперинфляция. В 1991 г. промышленное производство сократилось еще на 14%, доля населения, живущего ниже прожиточного минимума, увеличилась в 1992 г. на 41% (Зубачевский В. А. История Польши, Венгрии, Чехии, Словакии (конец 80-х — середина 90-х гг. XX века).— Омск, 1996.— С. 12, 15, 21).

В Венгрии объем промышленного производства в 1991 году сократился на 44%, а объем сельскохозяйственного — на 45 процентов. Количество безработных увеличилось с 1,7% в 1990 г. до 12% в 1994 г. Даже в самой благополучной с экономической точки зрения Чехии реальная зарплата снизилась в 1990—1994 гг. на 18%, а по ВВП на душу населения Чехия до сих пор отстает от Греции, занимающей последнее место в ЕС (Зубачевский В. А. История Польши, Венгрии, Чехии, Словакии (конец 80-х — середина 90-х гг. XX века).— Омск, 1996.— С. 37, 38, 58).

Итак, не каждая катастрофа — революция, но каждая революция — в той или иной степени катастрофа. Из такого понимания революции как катастрофы непосредственно вытекает ситуационная закономерность, согласно которой первоначальные ее (революции) результаты

неизбежно оказываются противоположными объявленным лозунгам.

В самом деле, увлечь народ на революционные действия, наряду с ненавистью к прежней системе, могут лишь обещания близкого “светлого будущего”. Идеалы человечества потому и идеалы, что они возвышенны, чисты и прекрасны. Но идеалы революции возвышенны, чисты и прекрасны вдвойне. Среди них мы почти всегда находим свободу, равенство, братство, народовластие, чуть реже — независимость, просвещение и т. п. Однако в условиях катастроф все эти идеалы обычно превращаются в противоположность. Если бы “железнобоким” армии Кромвеля, состоявшей в основном из свободного крестьянства, кто-нибудь рассказал, что оно будет экономически уничтожено и если бы при том ему поверили; если бы французы — участники штурма Бастилии — точно знали, что за этим последуют сто лет революций, войн, а временами террора; если бы российские мужики, восставшие против армий Колчака и Деникина, предвидели насильственную коллективизацию, террор 30-х и нищету 40-х, не известно, решились бы они тогда на свой исторический выбор или нет. Впрочем, может и хорошо, что история не знает сослагательного наклонения, иначе она могла бы остановиться, и Францией до сих пор управляли бы Бурбоны, а Россией — Романовы.

Кстати сказать, на закон противоречия объявленных лозунгов и первоначальных результатов революций указали не кто-нибудь, а марксисты. Остроумные и глубокие наблюдения на эту тему сделал Фридрих Энгельс в известной работе “Развитие социализма от утопии к науке”: “...подготавлившие революцию французские философы XVIII века апеллировали к разуму как к единственному судье над всем существующим. Они требовали установления разумного государства, разумного общества... И вот, когда французская революция воплотила в действительность это общество разума и это государство разума, то новые учреждения оказались... отнюдь не абсолютно разумными. Государство разума потерпело полное крушение. Общественный договор Руссо нашел свое осуществление во время террора... Обещанный вечный мир превратился в бесконечную вереницу завоевательных войн. Не более посчастливилось и обществу разума. Противоположность между богатыми и бедными... еще более обострилась... Чистоган все более и более становится... единственным связующим элементом этого общества. <...> Место насильственного угнетения занял подкуп, а вместо меча главнейшим рычагом общественной власти стали деньги. <...> Одним словом, установленные “победой разума” общественные и политические учреждения оказались злой, вызывающей горькое разочарование карикатурой на блестящие обещания просветителей” (Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд. Т. 19.— С. 193—194).

Увы, ирония истории, а точнее, закономерность революций такова, что по многим параметрам установленная победой Октябрьской революции советская действительность оказалась злой, вызывающей разочарование карикатурой на блестящие обещания социалистов. И не только потому, что действительность была так уж плоха: по целому ряду параметров послереволюционная действительность во Франции XIX в. и в России XX в. была лучше, чем дореволюционная. Однако чрезмерно завышены были обещания революционеров, и поэтому разрыв ощущался особенно остро.

Осознанно или неосознанно отражая названную выше закономерность в художественной форме, вьнки победителей Октября (1917 г.) в конце 80-х гг. пели:

Черная смородина —
Деда сны напрасные!
Черная смородина,
Где сажали — красную!

Но не лучше оказалась и участь победителей “Августа 1991 г.” и нового Октября (1993 г.): явившись миру в белых одеждах поборников ненасилия, гуманизма и прав человека, они закончили расстрелом Парламента, чеченской войной и построением “бандитского капитализма”.

Для того, чтобы проверить гипотезу о противоположности объявленных целей и непосредственных результатов как ситуационной закономерности на примере новейшей российской революции, достаточно сравнить ее первоначальные лозунги с действительностью второй половины 90-х гг.

Народ, руководимый революционерами новейшей формации, боролся за то, чтобы преодолеть застой.— Теперь застой сменился на кризис — самый глубокий кризис в мирное время в истории XX века. По статистическим оценкам, восстановление экономического потенциала страны на уровне 1990 г. произойдет не ранее 2010 г. Два десятилетия для отечественной экономической истории потеряны. “Застой” для многих стал символом процветания.

Народ во главе с революционными вождями боролся за достойный уровень жизни.— В 90-х гг. уровень жизни большинства населения снизился в 2—3 и более раза по различным общественным

группам.

Народ во главе с новыми лидерами боролся за социальную справедливость, против нетрудового социального неравенства и власти теневого капитала.— Ныне по уровню социального неравенства страна “догнала и перегнала” не только Европу, но и Северную Америку, а иностранный капитал стал полновластным хозяином во многих отраслях и регионах России. Средства массовой информации со ссылкой на зарубежных экспертов периодически сообщают о том, что российская экономика является самой криминальной в мире.

Народ боролся против всевластия бюрократии и бюрократических привилегий.— Ныне бюрократический аппарат вырос в России в несколько раз, его привилегии умножились, а бывшие критики интегрированы в систему, стали частью бюрократии.

В конце 80-х гг. будущие революционеры собирали в столицах многотысячные митинги под лозунгом: “Власть — Советам!” — После расстрела российского Дома Советов в 1993 г. один из этих революционеров, ставший Президентом, торжественно объявил, что с властью Советов покончено навсегда.

Народ боролся за демократию и, казалось бы, победил: прежний антидемократический режим рухнул.— Однако новый режим в целом идет по пути свертывания демократии: министры, чиновники администрации, большинство судей назначаются без согласования с кем бы то ни было; плюрализм в электронных средствах массовой информации сведен к минимуму; провозглашенные новой Конституцией права человека неоднократно нарушались указами Президента; прослушивание телефонных и нетелефонных разговоров, в том числе высокопоставленных должностных лиц, стало обыденностью.

Народы во главе с лидерами этнических движений в большинстве своем боролись не за разрушение, а за обновление союзного государства.— Ныне Советского Союза (российского суперэтнуса) более не существует, а бывшие российские инициаторы беловежских соглашений, ставшие государственниками, оплакивают его и призывают к новой интеграции.

Народ, руководимый новыми лидерами — интеллектуалами, боролся за возрождение духовности и культуры.— Теперь власть имущие обычно заявляют, что денег на образование и культуру нет и не будет, что президентский Указ № 1 и соответствующие законы необходимо отменить. В то же время на экранах и в эфире господствует откровенная пошлость и бездуховность.

Если верна популярная в конце 80-х гг. формула, согласно которой революция пожирает своих детей, то “детьми” ее могут быть не только вожди и деятели революции, выпустившие “джина из бутылки”, но и первоначальные прекраснородные революционные лозунги. На судьбе одного из таких лозунгов хотелось бы остановиться чуть подробнее, прибегнув в очередной раз к испытанному способу цитирования собственной работы, написанной летом 1992 г.

“Претерпела метаморфозу и другая благородная демократическая идея периода перестройки — намерение преодолеть отчуждение человека от собственности, сделать его хозяином. Слов нет, это действительно необходимо. Но почему-то при этом вспоминается известный анекдот эпохи “застоя”. Делегат XXVI Съезда КПСС возвращается домой в свой северный край. Ему, естественно, устраивают встречу с народом и, разумеется, расспрашивают о том, что он слышал и видел на съезде. На это наш сын дикой природы и простая душа отвечает: “Я слышал: главное — все для человека, все на благо человека! И я даже видел этого человека!” Конечно, подразумевался незабвенный товарищ Леонид Ильич Брежнев.

Так и я сегодня хочу спросить о том, какого именно человека хотят сделать хозяином: министерского чиновника, который становится руководителем концерна? Денежного магната, нажившего деньги на финансовых махинациях и почти наверняка дававшего взятки тем же чиновникам? Либо работника предприятия, вместе с другими работниками ставшего его совладельцем, через Совет коллектива управляющего предприятием, нанимающего директора и других квалифицированных менеджеров и т. п.? Есть силы, выступающие за первый вариант (например, “Научно-промышленный союз”); есть сторонники второго (большинство лидеров партий “Демократической России”); есть и приверженцы третьего (“Союз трудовых коллективов”, формирующаяся Партия Труда). Призывать же просто, сделать человека хозяином, не уточняя, о каком именно человеке идет речь,— значит лукавить и не более того. Ведь совершенно очевидно, что каждая система под “человеком” понимала представителя правящей в ней элиты: административно-бюрократический социализм — “ответственного работника”, высокопоставленного “управдома”; наступавший криминально-бюрократический капитализм — нувориша либо того же “управдома”, в противоположность “великому комбинатору” перекавалифицировавшегося в миллионеры” (Смолин О. Н. Куда несет нас рок событий // Иртыш. Альманах Омской писательской организации Союза

писателей РФ.— 1992.— № 2.— С. 12—13).

Число подобного рода противопоставлений можно было бы множить без труда. Однако и приведенных вполне достаточно для подтверждения тезиса о революционном характере социально-политического процесса в России 90-х гг. и о противоположности объявленных целей и первоначальных результатов революции. Все революции начинаются с лозунга, выражающего почти всеобщее ощущение: так дальше жить нельзя! Однако порождают они нередко такие бедствия, по сравнению с которыми предреволюционное положение выглядит как вполне благополучное, что порождает социальную ностальгию в некоторых общественных группах. “Как я хочу в эпоху застоя”,— не раз приходилось слышать автору этой книги от разных людей. Однако даже те, кто так говорит, на самом деле имеют в виду отнюдь не прежнюю систему как таковую, но лишь ее положительные стороны и прежде всего — общественную стабильность.

В этой связи стоит заметить, что данная противоположность, наряду с феноменом “маятника” и характеристикой революции как всеобщего конфликта, о которых речь пойдет ниже, является, по-видимому, формой проявления упоминавшегося ранее более общего социально-философского закона — закона противоречивости, более того, антагонистичности общественного прогресса. Сама же революция представляет собой момент истории, в котором этот закон проявляется наиболее ярко, а антагонистический характер общественного прогресса, включая переход явлений в свою противоположность, наиболее очевиден.

Образование. Революция. Закон... М., 1999

ГЛАВА VI. РЕВОЛЮЦИЯ КАК ОТРИЦАНИЕ. ФЕНОМЕН “МАЯТНИКА”

Реализуясь в точке бифуркации (она же — граница меры, момент скачка), революция, несомненно, представляет собой отрицание в общефилософском смысле. Одновременно она является отрицанием и в смысле социально-психологическом. Давно и хорошо известно: одним из главных психологических факторов революции является категорическое отторжение старой системы, и в этом смысле различия между революционерами разных народов и направлений мало существенны. “Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног”,— слышится в гимне Великой французской революции. “Весь мир насилья мы разрушим до основанья...”,— вторит ему “Интернационал”, ставший гимном революции Октябрьской. Мелодия Глинки, использованная в качестве гимна новейшей российской революции, официального текста гимна пока не имеет. Но в массовой песне и текстах рок-композиций, во многом определявших и определяющих стереотипы массового сознания на рубеже 80—90-х гг., на разные лады звучал один и тот же рефрен: “Перемен! Мы ждем перемен!”

И неважно в данном случае, ведут ли перемены к лучшему. События вполне могут развиваться и по сценарию, зафиксированному в печальном афоризме Станислава Ежи Леца: ну бейся, бейся головой о стену камеры! Интересно, что ты почувствуешь, когда пробьешь ее и увидишь, что там следующая камера?.. Неотъемлемый признак революционного сознания состоит в том, что старое ненавистно уже потому, что оно старое, а “свет в конце тоннеля” видится только впереди.

Как уже отмечалось выше, стремление к тотальному отрицанию усиливается, если предреволюционная власть создает впечатление бездействия (справедливое или нет — в данном случае неважно), не проводит назревших реформ либо проводит их хаотически, бессистемно. В таком случае настроение народа все более и более выражается формулой: лучше ужасный конец, чем ужас без конца! А новая революционная власть, начав действовать, вне зависимости от программы действий, в особенности в странах с менталитетом, аналогичным российскому, воспринимается как представитель порядка в беспорядке. Согласно П. В. Волобуеву и В. П. Булдакову, авторам наиболее серьезных в последнее время исследований по истории Октябрьской революции, именно так была воспринята власть большевиков в 1917 г. (Волобуев П. В., Булдаков В. П. Октябрьская революция: Новые подходы к изучению // Вопросы истории.— 1996.— № 5—6.— С. 31). Социологические опросы показывают, что широкие слои народа, в том числе люди с левыми взглядами и установками, с облегчением, если не с энтузиазмом, восприняли в конце 1991 г. начало “шоковой терапии”. Как участник событий свидетельствую, что примерно такие же настроения преобладали среди депутатов “прокоммунистического” V Съезда народных депутатов России, которые одобрили этот курс, не видя ни программы, ни плана мероприятий и даже не пытаясь просчитать последствий.

Революция, несомненно, представляет собой отрицание и в социально-политическом смысле.

При этом опять-таки революционеры разных эпох и направлений сходились в следующем: чем более радикально и стремительно производится разрушение прежней системы, тем быстрее будет происходить по-следующее движение вперед. Так утверждали многие марксисты (Ленин В. И. Очередные задачи Совет-ской власти // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 36.— С. 205), так полагают и современные российские “радикальные реформаторы”, например, А. Стреляный, непрерывно повторяющий в передачах радио “Свобода”, что “нельзя рубить кошке хвост по частям”. История нового времени, правда, этого тезиса не подтверждает. Не касаясь Соединенных Штатов, где феодализма никогда не было, можно сравнить Францию, где произошла наиболее радикальная революция, с Англией и Германией, где революции имели более умеренный характер. Сравнение темпов и уровня постреволюционного экономического развития окажется не в пользу первой, поскольку она сначала уступала Англии, а затем и Германии. По-видимому, это объясняется тем, что более радикальные революции являются и более масштабными катастрофами, разрушая не только отжившие социальные отношения и институты, но также на некоторое время и основы общецивилизационного развития. Что же касается афористической “кошки”, то здесь мы имеем типичную подмену тезиса: вопрос должен был стоять не о том, как следовало “рубить хвост”, а о том, следовало ли “рубить” его вообще.

К сожалению, история революций меньше всего учит радикальных революционеров, тогда как при более спокойной позиции из нее можно было бы извлечь поистине бесценные уроки. Автор попытался это сделать еще в 1990 г.— за год до окончания Советской эпохи, впервые получив слово на общегородском собрании, посвященном 73-летию Октября. Прочитав лишь одно место из этого выступления, позднее опубликованного в сборнике “Куда несет нас рок событий”.

“Наконец, третий урок — урок разумной меры. Весь мировой опыт говорит нам, что если революционный “маятник” слишком далеко идет влево, он затем с такой же силой откатывается в противоположную сторону, и так до тех пор, пока не установится некоторое равновесие. И наоборот: те страны, где размах колебаний меньше, быстрее движутся по пути прогресса. Слова пролетарского гимна “до основанья, а затем...” многими, слишком многими понимались буквально, поэтому новый мир оказался миром насилия.

Надо понять: мир, даже если он очень не нравится, нельзя разрушать до основания, ибо из-под его развалин выглядывают остатки еще более старого мира. Когда до основания разрушили российский капитализм, в сталинском социализме обнаружили черты феодального и даже азиатского способа производства. Если теперь до основания разрушить нынешний мир, это будет возвращением не на путь цивилизации, а к первоначальному, бесчеловечному капитализму.

Стране нужен третий путь: не бюрократический социализм, за который выступают консерваторы, и не первоначальный капитализм, которого открыто или завуалированно требуют псевдодемократы. Борьба, которая идет между ними, это не борьба сторонников и противников свободы, а борьба реакции с контрреволюцией. Реакция мечтает вернуться назад, в 30-е, контрреволюция — еще дальше назад, в 1917-й, хотя бы ценой столетнего отставания” (Смолин О. Н. Куда несет нас рок событий. Политологическая публицистика 1990—1995 гг.— М.: ИПТК “Логос”, 1995.— С. 25).

Теоретическая работа — не политический доклад. В ней следует воздерживаться от жестких политических характеристик направлений, лидеров и событий, но, напротив, пытаться понять логику последних. Однако основная мысль из приведенного выше отрывка представляется мне заслуживающей внимания и в теоретическом отношении. Дело в том, что, “запустив” механизм революционного отрицания, субъекты революции вольно или невольно вызывают к жизни еще одну ситуационную закономерность революции — маятникообразное движение социально-политического процесса.

В принципе цикличность в той или иной мере характерна для любых процессов, происходящих в обществе. Объяснение ей можно давать как на общефилософском уровне (закон отрицания отрицания, принцип необходимого разнообразия и т. п.), так и на уровне конкретно-научном. Хорошо известны экономические циклы, открытые Марксом в “Капитале”, длинные волны экономических колебаний Кондратьева, циклы Питирима Сорокина, ряд Фибоначчи и другие. Колебания революционного “маятника” качественно отличаются от обычных циклов как “рваным” ритмом, почти не поддающимся математической формализации, так и особенно амплитудой (по принципу: “из крайности — в крайность”).

Проявления рассматриваемой закономерности могут быть самыми разнообразными. Едва ли не первыми обратили на нее внимание историки Французской революции, правда, под другим терминологическим обозначением — “качели”. Так были названы победы на выборах во второй половине 90-х гг. XVIII в. попеременно соперничающих политических партий. Для нас более интересно

другое проявление этой закономерности — смещение политического курса революционного правительства влево или вправо, самими правительствами или вместе с ними, в результате политических переворотов или без них. Пользуясь этой закономерностью, как было показано выше, автор и дал прогноз ближайших результатов новейшей российской революции, который в целом подтвердился. Другим примером может послужить проанализированный еще Аристотелем закон политического цикла, согласно которому в случае, если авторитарный режим сменяется неограниченной демократией или охлократией, за ним неизбежно наступает диктатура (Аристотель. Политика. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1911.— С. 164—165). Эта закономерность действует не только в ситуации революции, но в ней проявляется наиболее часто. И, наконец, “закон маятника” может проявляться в смене типов политического лидера или в смене политическим лидером имиджа, лозунгов, характера политики.

Удивительные метаморфозы политических лидеров революционных эпох неоднократно описывались в литературе, правда, с разной степенью объективности. Если, например, эволюция Наполеона от революционного генерала до императора-завоевателя проанализирована достаточно глубоко (см., например, Манфред А. З. Наполеон Бонапарт.— М.: Мысль, 1989.— 733 с.), то лидеры большевизма лишь ждут своих объективных исследователей: метаморфозы их облика, помимо собственной эволюции, связаны и с маятникообразным движением исторической науки. Что касается политических лидеров новейшей российской революции, то резкие перемены их политической линии, не укладывающиеся в рамки тактической гибкости, очевидны и сторонникам, и противникам. Так, известный культуролог и политический публицист, периодически критикующий нынешний режим справа, Л. Баткин в конце 1992 г. насчитал уже 12 различных имиджей действующего Президента России (Баткин Л. Ельцин тринадцатый // Огонек.— 1992.— № 50—52.— С. 4—5). По мнению Томаша Крауса, критикующего российскую политическую систему слева, лидер “второй русской революции” за последние 10 лет выступал, по крайней мере, в трех лицах:

в 1988—1989 гг.— как неоленинист, критик перестройки слева, сторонник “гуманного социализма”;

в 1991 г.— как сторонник буржуазной демократии, отказавшийся сначала от государственного социализма, а после августа — и от социализма вообще;

в 1993 г.— как диктатор, спаситель Отечества (см. об этом: Хасбулатов Р. И. Великая российская трагедия. Т. 1.— М.: ТОО СИМС, 1994.— С. 22—23).

В 1992 г. автор этих строк в связи с приездом Президента России в Омск обратился к нему через газету с открытым письмом, которое озаглавил “Поворот на 180 или на 360?” (Смолин О. Н. Куда несет нас рок событий. Политологическая публицистика 1990—1995 гг.— М.: ИПТК “Логос”, 1995.— С. 83—87). В этот же период на вопрос “Поддерживаете ли вы Ельцина?”, задаваемый в различных аудиториях, приходилось отвечать вопросом: какого именно? В развернутом виде в одной из публикаций ответ выглядел следующим образом:

“... и действительно нужно дать Ельцину шанс, вот только хорошо бы уточнить: как это лучше сделать, какой именно шанс и, если угодно, какому Ельцину:

тому, который на I Съезде российских депутатов категорически возражает против повышения цен, или же тому, который на V Съезде требует “отпустить” (т. е. поднять) их все сразу?

тому, который выступает против союзной бюрократии, или же тому, который санкционирует создание новых бюрократических структур в России (Указ об объединении органов внутренних дел и госбезопасности вообще вызвал шок у честных либералов в Российском парламенте);

тому, который в феврале—марте 1991 г. требует отправить Горбачева в отставку, или тому, который в апреле из Парижа призывает спасти Горбачева, затем еще раз спасает его в августе, чтобы окончательно отправить его в отставку в декабре?

тому, который опять же в марте 1991 г. заявляет, что надо драться с врагами, даже с женщинами, или тому, который несколько недель спустя предлагает нечто вроде национального примирения?

тому, который на III Съезде депутатов России говорит, что необходимо возрождение культуры, или же тому, который на VI Съезде заявляет, что на культуру денег нет?

тому, который в Кузбассе обещает шахтерам, что решающую роль в приватизации будут играть трудовые коллективы, или же тому, который подписывает российский Закон, где последнее слово остается за новыми государственными чиновниками? А может быть тому, который в самом конце 1991 г. издает Указ о программе приватизации, противоречащий им же подписанному Закону?

тому, который призывает бывшие автономии: берите суверенитета “сколько проглотите”, или же тому, который, спустя год, признается: “Я увлекся раздачей суверенитетов”?

тому, кто от имени России подставлял могучее плечо прибалтийским государствам, помогая им

разрушать Союз, или же тому, кто пытался ввести чрезвычайное положение в Чечено-Ингушетии, дабы не допустить разрушения Российской Федерации?

тому, кто предъявлял территориальные претензии Украине, по существу, пытаясь занять место разрушенного “Центра”, или же тому, кто признал нерушимость границ, согласившись тем самым на расчленение русской нации?

тому, который летом 1990 г. предлагал превратить КПСС в блок демократических фракций социалистической ориентации, или тому, который через год с небольшим фактически запретил свою бывшую партию?”

Подобные очевидные метаморфозы одни — представители радикальной оппозиции — пытались объяснить субъективно-психологически (отсутствием убеждений, предательством прежних идеалов и т. п.), другие — авторитарными традициями российских царей, генсеков и даже героев народных сказок (см., например: Хасбулатов Р. И. Великая российская трагедия. Т. 1.— М.: ТОО СИМС, 1994.— С. 23). Представляется, однако, что корень проблемы лежит глубже, а описанный феномен выражает одну из ситуационных закономерностей революции.

Во-первых, как уже говорилось, повороты и изломы революции трудно поддаются прогнозированию. В таких условиях лидер нередко не ведет за собой события, а идет за событиями. Его несут волны массовых настроений, которые, в свою очередь, подчиняются принципу “маятника”. Последнее отмечено целым рядом исследователей. Приведем лишь высказывание из работы А. И. Герцена “С того берега”, относящееся к революции 1848 г. во Франции: “Массы полны тайных влечений, полны страстных порывов, у них мысль не разъединилась с фантазией, у них она не остается по-нашему теорией, она у них тотчас переходит в действие, им оттого и трудно привить мысль, что она не шутка для них. Оттого они иногда обгоняют самых смелых мыслителей, увлекают их поневоле, покидают среди дороги тех, которым поклонялись вчера, и отстают от других вопреки очевидности; они дети, они женщины, они капризны, бурны, непостоянны” (Герцен А. И. Собрание сочинений в 30 т. Т. VI.— М.: Изд. АН СССР, 1955.— С. 68).

Во-вторых, каждый новый этап революции требует от лидера новых лозунгов, новых действий, более или менее соответствующих господствующим настроениям. В таких условиях политические лидеры должны либо заменяться (конституционалисты, жирондисты, якобинцы во Франции), либо изменяться (Наполеон, Ленин, Ельцин). Мы специально выбрали лидеров с противоположными типом мировоззрения и классовыми ориентациями, чтобы показать: эта закономерность является не столько психологической, сколько политической, в основе своей объективной.

Но при этом субъективный компонент в ней безусловно присутствует, только интерпретировать его следует не в примитивном, а в более глубоком философско-психологическом смысле. Может быть, в революции как никогда проявляется проанализированный Эрихом Фроммом механизм самоограничения человеком его собственной свободы, суть которого (механизма) состоит в следующем: в цепи логически и психологически связанных действий человека наиболее свободным является первое действие. Каждое следующее действие предопределено предыдущим, и тем более, чем длиннее “цепь”. В конце концов человек уже не может разорвать им же заданный ход событий, и свобода его оказывается иллюзией (Фромм Э. Душа человека.— М.: Республика. 1992.— С. 94—102).

“Запустив” механизм революции и все более удаляясь от ее начала, политический лидер все более и более отрезает себе пути к отступлению. “Вперед” (или “Назад”) толкает его не только вырабатывающаяся привычка к власти и вера в свое предназначение, но нередко нелегальный (противозаконный) характер его действий, которые, как правило, связаны с применением насилия, и накал социальной борьбы, грозящий лидеру не только потерей власти, но одновременно с нею — свободы или жизни. Для революционной истории, как, может быть, ни для какой другой, справедлива фраза: в историю можно войти, но выйти из нее невозможно. Пути назад, в прежнюю реальность, из революции уже нет. Революционному лидеру остается либо совершать пируэты на мостике корабля, который он же сам и раскачивал, либо быть выброшенным за борт.

Здесь рассмотрены лишь некоторые формы революционного отрицания и примеры проявления феномена “маятника”. Количество тех и других можно было бы без труда увеличить на несколько порядков. В этом, однако, нет необходимости, тем более что тема получит продолжение в последующих разделах работы в связи с анализом других параметров революции как исторической ситуации. В данном случае важно еще раз подчеркнуть, что, во-первых, глобальное отрицание прежней общественной системы и связанный с ним маятникообразный характер социально-политического процесса представляют собой не внешние и случайные, но необходимые и существенные определения революции как исторической ситуации; что, во-вторых, российский социально-политический процесс 90-х гг. этим определениям вполне отвечает, а это, в свою очередь,

следует признать очередным доказательством его (процесса) революционного характера.

Образование. Революция. Закон...М., 1999

ГЛАВА VII. РЕВОЛЮЦИЯ КАК ВСЕОБЩИЙ КОНФЛИКТ

Подобно другим рассмотренным категориальным парам, понятия “революция” и “конфликт” являются взаимопересекающимися. С одной стороны, более общим оказывается понятие конфликта, ибо не каждый конфликт — революция, но каждая революция — конфликт. В этом отношении конфликт выступает как родовое понятие, а революция — как вид конфликта. С другой стороны, понятие революции шире по объему, поскольку революция, конечно, не сводится к конфликту и даже всей совокупности конфликтов, развертывающихся в революционный период.

Понятие, источники возникновения и пути разрешения социально-политических конфликтов по-разному трактуются различными философами, социологами и политологами как зарубежными (Л. Козер, Р. Дарендорф, К. Боулдинг), так и отечественными (В. О. Рукавишников, А. Г. Здравомыслов, А. В. Дмитриев, М. О. Мнацаканян и др.). В данном разделе работы эти дискуссии будут затронуты лишь в той мере, в какой они касаются ее предмета. Для этих целей в качестве рабочего вполне может быть использовано следующее определение Л. С. Санистебана: “...конфликт — это тип социального отношения, в котором его участники противостоят друг другу по причине несовместимых (или полагаемых ими таковыми) целей”; “конфликт — борьба между социальными группами (кастами, сословиями, классами) одной политической системы или столкновение между различными политическими системами” (Санистебан Л. С. Основы политической науки.— М.: МП “Владан”, 1992.— С. 104, 120).

В качестве теоретического парадокса (или курьеза) отметим, между прочим, лишь конфликтологическую концепцию американских исследователей Р. Макка и Р. Флайда, с которой безусловно соглашается Ю. Г. Запрудский. Согласно этой концепции, конфликтная ситуация характеризуется наличием, как минимум, двух сторон, отношения между которыми возникают на базе какого-либо дефицита и построены таким образом, что стороны стремятся к получению выгоды за счет друг друга, причем их действия направлены на достижение несовместимых и взаимоисключающих целей (см.: Запрудский Ю. Г. Внутри конфликта // Социс.— 1993.— № 7. С. 51).

Даже невооруженным глазом нельзя не заметить, что данная концепция, во-первых, фиксирует лишь некоторые причины конфликтов, причем, по-видимому, не самые распространенные; во-вторых, сама она является более чем “прозрачным” отражением рыночной психологии “экономического человека”; в-третьих, она создает ложное представление, будто бездефицитное общество есть вместе с тем и общество бес-конфликтное— представление, которое может стать ложным ориентиром для практической политики.

Тем не менее в отношении некоторых революций, и в особенности новейшей российской революции, именно эта концепция оказалась “истиной первого порядка”, фиксирующей поверхностную связь явлений. Как известно, Февральская революция 1917 г. началась с “хлебных бунтов”, т. е. непосредственным толчком для нее послужил абсолютный дефицит продовольствия. Напротив, в канун “второй русской революции” никто не голодал. Однако и здесь дефицит сыграл роль едва ли не главного непосредственного фактора, “революционизирующего” сознание масс — правда, уже не в абсолютной, а в относительной форме, как дефицит товаров по отношению к наличной денежной массе. Так, согласно одному из опросов 1989 г., даже среди российской интеллигенции (высококвалифицированных специалистов) 73,9% заявили, что убедить народ в успехе перестройки может прежде всего появление продуктов на прилавках. Иначе говоря, проблема дефицита ощущалась как наиболее острая. Можно, конечно, видеть здесь проявление своеобразного фетишизма, ибо налицо поклонение одному лишь виду товаров (см.: Кара-Мурза С. Рыночный обман. Осмысливая мифы перестройки // Правда.— 1993.— 28 января). Однако гораздо проще объяснить данный феномен опытом поколения: хотя официальная пропаганда постоянно рассказывала советскому человеку о “гримасах” рыночной экономики, в особенности в небогатых странах, до того, как были “либерализованы” цены, в глубине своего сознания (или подсознания) он так и не поверил, что товары, лежащие на прилавках, могут быть недоступны подавляющему большинству.

Начиная с 1992 г. ликвидация дефицита представлялась как главное (по сути, единственное) свидетельство успеха “реформ”, а напоминание об очередях было одним из самых мощных аргументов в избирательных кампаниях сторонников существующей власти, в том числе на президентских выборах 1996 г. При этом, естественно, старались не вспоминать (или честно забыли), что ликвидация дефицита товаров была достигнута ценою резкого снижения платежеспособного

спроса (т. е. превращения для большинства населения денег в новый дефицит) и что ликвидация дефицита товаров в начале 90-х гг. была легко достижима в тактическом плане — путем повышения цен в полтора-два раза (но не в десять тысяч раз), а в стратегическом плане — посредством малой приватизации и использования механизмов регулируемого рынка. Таким образом, “истинность” упрощенной теории в истории новейшей российской революции была “подтверждена”... еще более примитивной практикой!

Пора, однако, обратиться непосредственно к конфликтологическим характеристикам революции и их проявлениям в российском социально-политическом процессе 90-х гг.

1. Революция прежде всего представляет собой конфликт открытый, прямое столкновение борющихся сторон — общественных классов, этносов, политических элит, партий или их блоков, лидеров и т. п. Как ни странно, это очевидное утверждение нуждается в дополнительных пояснениях не с точки зрения теории политической революции (то, что последняя нигде и никогда без борьбы не происходила, кажется, никто не отрицает), но с точки зрения теории конфликта.

Дело в том, что лишь некоторые авторы, преимущественно занимающиеся психологическими исследованиями, признают возможность существования латентного (в том числе неосознанного) конфликта или латентной стадии конфликта (см., например: Краткая философская энциклопедия. — М.: Изд. группа “Прог-ресс”, 1994.— С. 221—222). Другие, напротив, полагают, что конфликт “... тем отличается от противоречия, что всегда субъектно осмыслен и представлен известной позицией...” (Семенов В. С. Россия в сети конфликтности: между взрывом и согласием // Социс.— 1993.— № 7.— С. 74). Третьи пытаются сочетать обе эти позиции, подчас вступая в противоречие с формальной логикой. “Конфликт социально-политический,— пишет, например, Э. В. Тадевосян,— высшая ступень в развитии социальных и политических противоречий в обществе, характеризующаяся сравнительно острыми столкновениями сторон..., тенденцией усиления их сознательного противоборства в ходе реализации противоположных интересов” (Тадевосян Э. В. Словарь-справочник по социологии и политологии.— М.: Знание, 1996.— С. 110). Одновременно автор подразделяет конфликты по форме их проявления на открытые (явные) и скрытые (латентные) (там же). Поскольку же острого столкновения и сознательного противоборства в латентном виде быть не может, вопрос о том, оправданно ли с научной точки зрения называть конфликтом латентную стадию или форму проявления процесса развертывания противоречия, остается открытым.

Среди трех позиций, приведенных выше, предпочтительнее представляется первая, и не только из общих соображений, но и с точки зрения исследуемой темы. Если революция есть вид конфликта (а это никем не оспаривается), то следует признать, что в предреволюционный период этот конфликт существовал в латентной форме, тогда как в период революционный приобрел открытый характер. Среди прочего это означает, в частности, что о начале и этапах развития революции следует судить не по состоянию общественного мнения, как это иногда делается в литературе, но по практическим действиям людей и их результатам.

2. Революция, далее, есть конфликт по преимуществу внутренний, обусловленный внутренними противоречиями системы и призванный в той или иной форме их разрешить. Мировая история знает, конечно, немало примеров (в том числе относительно удачных) экспорта революции и контрреволюции, а также еще больше примеров того, как революцию объясняли заговором внешних сил. Поскольку на протяжении 90-х гг. автору неоднократно приходилось высказываться на эту тему и поскольку менять позицию нет никаких оснований, воспроизведу здесь собственные размышления семилетней давности, которые, увы, становятся все более актуальными по мере того, как среди людей, своими руками (или голосами на выборах) помогавших разрушать основы собственного благополучия, на фоне углубляющегося кризиса крепнет вера в то, что они стали жертвой заговора внешних сил.

“Заговоры, конечно, всегда были и, надо полагать, будут. Но никакой заговор не в состоянии разрушить государство, если для этого нет внутренних предпосылок. Сомневающиеся могут попытаться путем заговора разделить на составляющие, например, Испанию или Швейцарию, а ведь это тоже многонациональные государства.

...Версия заговора: выступает в двух вариантах. Начнем с первого, наиболее одиозного — заговора сионистов (в зависимости от уровня культуры различные авторы говорят также о “жидомасонах”, “малом народе” и т. д.). Разумеется, ни один серьезный политолог не может и не будет отрицать существование международного еврейского капитала (наряду с армянским, китайским и т. п.), равно как и активную деятельность израильского лобби в Соединенных Штатах (наряду с другими лобби). Однако отсюда вовсе не следует, что этот капитал и это лобби стремились к разрушению Советского Союза (почему не Китая или Индии?) и что эта задача была им по силам. И уж тем более все это не может служить оправданием антисемитизма. Если, например, в Соединенных

Штатах в последнее время резко активизировалась “русская” мафия и даже теснит знаменитую Коза Ностру (ура, мы хоть где-то “ломим”), то это вовсе не означает, что именно российская эмиграция угрожает американской стабильности, а ко всем русским надо относиться, как к мафиозным элементам.

С небольшими коррективами то же самое можно сказать и о другом варианте версии заговора, который в роли могильщиков Союза представляет крупные иностранные державы, прежде всего США. Безусловно, в Соединенных Штатах существует киссинджеровское направление в политике, сторонники которого считают, что Россия всегда останется соперником Америки, независимо от того, какую общественную систему она (Россия) выберет. Безусловно, правящая американская элита не заинтересована в сохранении сильного политического и экономического конкурента и хотела ослабления Советского Союза. Но вряд ли она хотела его разрушения. Бывшая великая держава, разваливающаяся и кровоточащая, стала едва ли не самым нестабильным регионом в мире и угрожает похоронить под своими обломками не только собственные народы, но также сытый и привыкший к сравнительному спокойствию Запад. Вот почему американцы, сколько было возможно, поддерживали не Ельцина, а Горбачева, призывая российского и других республиканских лидеров к взвешенности и предупреждая общественность об опасности разрушения государства” (Смолин О. Н. Куда несет нас рок событий? // Иртыш. Альманах Омской писательской организации Союза писателей РФ.— Омск.— 1992.— № 2.— С. 14—15).

В дополнение к написанному в 1992 г. стоит сделать два замечания.

Во-первых, тот факт, что руководство Соединенных Штатов Америки и Организации Североатлантического договора, желая ослабления Советского Союза, в свое время боялось его неуправляемого распада, отнюдь не означает, что после разрушения СССР оно поддерживает интеграционные процессы на его бывшей территории. Как раз наоборот: опубликованные в печати высказывания лидеров блока и, в частности, государственного секретаря США свидетельствуют об активном неприятии союза России и Белоруссии, а равно и о поддержке позиции Украины, от этого союза дистанцирующейся. Однако и в этом случае внешний фактор, хотя и влиятельный, не является определяющим в отношениях трех славянских государств.

Во-вторых, когда под занавес новейшей революции между высокопоставленными российскими чиновниками, включая премьера Черномырдина, и американскими политологами неожиданно развернулась публичная дискуссия по поводу международного статуса России и ее внешней политики, правы были вторые, утверждавшие, что Советский Союз проиграл “холодную войну”, а не первые, возмущенно это отрицавшие. Действительно, как уже говорилось, “административно-бюрократический социализм” в условиях нового витка технологической революции не выдержал соревнования с “социальным капитализмом”, главным образом, по способности ассимилировать научные открытия и технические разработки. Но отсюда вовсе не следует, что российская революция — прежде всего результат внешних влияний. Ключ к действительному пониманию проблемы дает ее интерпретация как революции бюрократической, о чем речь пойдет ниже. Однако по иронии истории против требования признать поражение Советского Союза и России в “холодной войне” и вести себя соответственно наиболее шумно выступали как раз те, чьими руками свершилась революционная катастрофа и кто фактически и без того проводил международную политику с позиции слабости! Иначе говоря, новая российская политическая элита не могла смириться лишь с тем, что ее деяния на весь мир были названы своим именем.

3. С конфликтологической точки зрения революция помимо этого выступает как конфликт всеобщий и многомерный. Такой конфликт:

проявляется во всех основных сферах жизни общества (экономической, социальной, национальных отношениях, политической, духовно-культурной);

означает, что в противоборство вовлечены все основные социальные группы и политические организации;

реализуется как по горизонтали (внутри социально-политических структур), так и по вертикали (между подчиненными и руководящими структурами на всех уровнях организации управления).

Если даже ограничиться исключительно сферой политики, универсальность конфликтов проявляется в том, что они реализуются буквально по всем направлениям, а именно как конфликты:

базовые — внутри масс;

между политической элитой и массами;

внутри политической элиты;

между лидерами и общественными группами;

межгосударственные;

межличностные;
внутриличностные.

Проявление каждого из этих конфликтов в условиях новейшей российской революции могло бы стать предметом большого самостоятельного исследования. Некоторые из них уже подверглись изучению социологами и политологами, другие, вероятно, станут предметом политической истории. В последующих разделах настоящей работы нам предстоит вернуться к анализу отдельных сфер проявления и видов конфликтов (преимущественно политических). Поэтому в данном случае обозначим лишь некоторые аспекты проблемы.

Первый аспект — основные факторы и общая динамика развертывания конфликтов в России второй половины 80—90-х гг. Динамика эта, если сосредоточить внимание на политических конфликтах, в общем виде выглядела следующим образом: от латентной стадии развития конфликтов в середине 80-х гг. через их нарастание к пику в 1991 г., при переходе от реформистской стадии процесса к революционной. Затем некоторый спад конфликтности в 1992 г., пик в 1993 г. и новое синусоидальное развитие процесса с нарастанием в моменты более быстрого проведения “реформ”. При этом детерминация уровня социальной напряженности была многофакторной, и если вообще возможно выделить среди многочисленных факторов определяющий, то его неизбежно придется формулировать опять-таки в виде самой общей формулы — глубина и стадии развертывания системного кризиса. Соответственно этому на протяжении всего периода факторы, вызывавшие обострение конфликтов, явно доминировали над факторами их погашения. Среди первых заслуживают особого внимания:

спад производства и, соответственно, потребления товаров, острые проявления дефицита в натуральной либо денежной форме;

рост напряженности в межнациональных отношениях вплоть до разрушения прежней государственности, этнократическая политика в бывших республиках Советского Союза, проявляющаяся, в частности, в виде “великодержавного сепаратизма” (т. е. стремления отделиться от более крупного государственного образования, одновременно пресекая подобные тенденции со стороны этнических меньшинств на собственной территории);

борьба за власть и собственность между первым, вторым и последующими эшелонами управленческого аппарата, общесоюзной и республиканскими, а затем общероссийской и региональными элитами;

скачкообразный рост социального неравенства, дифференциация по доходам, значительно превысившая не только уровень Западной Европы и Японии, но и Соединенных Штатов Америки;

количественный и качественный рост социальных различий между общественными группами, выделяемыми по большинству других оснований социальной стратификации, включая различия социально-классовые, социально-профессиональные (особенно выделение профессиональных отрядов работников, связанных с банковско-финансовой и аналогичными видами деятельности), социально-поселенческие (в особенности относительное обнищание селян по сравнению с горожанами и “северян” по сравнению с другими гражданами страны) и т. п.;

глубокий субкультурный, в том числе ценностный, разрыв между разновозрастными когортами, “конфликт поколений”, усиленный, среди прочего, ускорением исторического времени, более быстрой адаптацией молодежи к новым условиям и более глубокой аномией в молодежной среде;

борьба между “олигархами”, т. е. крупнейшими финансовыми и финансово-промышленными группами, во второй половине 90-х гг. за перераспределение собственности и влияния на власть;

рост зарегистрированной и скрытой безработицы;

усиление отчуждения народа от власти после провала попыток создания некоего аналога “демократии участия” в конце 80-х гг.;

идеологический раскол общества, в том числе по линиям “правые—левые” и еще более — “западники”—“патриоты” и т. п.

Имея в качестве материала для теоретического анализа столь очевидный набор факторов усиления конфликтности, нетрудно было уже в конце 80-х гг. предсказать ее качественный рост. Тем удивительнее, что ряд теоретиков упорно пытались доказать, будто база конфликтов сужается. Именно такую позицию обосновывал В. Г. Костаков, ссылаясь на рост производства в личном подсобном хозяйстве в 1992 г. до 25 %, на отсутствие молодежи на традиционных политических митингах и на то, что, согласно оптимистической оценке Правительства, по основным показателям потребления на душу населения страна оказалась на уровне начала 70-х гг., когда, как известно, конфликтной ситуации не было (Костаков В. Г. Выступление на “круглом столе” “Социальные конфликты в условиях переходного периода” // Социс.— 1993.— № 4.— С. 17). Разумеется, подобная аргументация никакой

теоретической критики не выдерживает. Рост личного подсобного хозяйства совсем не обязательно свидетельствует о развитии рыночных отношений, скорее наоборот, о возврате к натуральности, когда каждая семья из-за отсутствия денег стремится обеспечить себя всем необходимым, производя по возможности продукты своими силами. Отсутствие студентов на политических митингах в начале 90-х гг. свидетельствовало не о сужении базы конфликтов, а как раз напротив, о конфликте поколений, противоположности их ценностных ориентаций, не говоря уже о том, что в 1997—1998 гг. Правительство столкнулось и со студенческими акциями протеста. Наконец, как хорошо знали еще советские марксисты, конфликтность в обществе вызывается не низким уровнем жизни самим по себе, но его снижением в кризисные периоды, а равно и “вымыванием” “среднего класса”. В средние века уровень жизни был ниже, чем в новое время, но ниже была и конфликтность. Ссылаться в условиях кризиса 90-х гг. на то, что уровень жизни 60—70-х гг. не вызывал конфликтов, — значит абсолютно не представлять себе механизмов, определяющих динамику общественных настроений. Впрочем, данный пример, как и другие, ему подобные, важен не с теоретической, а с социально-психологической точки зрения, не как пример научного прогноза, но скорее как образец мифологизации революционного сознания, о чем речь пойдет ниже. То, что с аргументацией политического мифа выступают представители научного сообщества, равным счетом ничего не меняет.

Другой аспект проблемы — выявление наиболее острых конфликтов, требующих первоочередных мер для их разрешения. По этому поводу в литературе высказаны самые различные точки зрения, начиная от стандартных пропагандистских версий, согласно которым наиболее острыми являются конфликты между “реформаторами” и “консерваторами”, “демократами” и “коммунистами”, и заканчивая аргументированным представлением о том, что на первый план в системе конфликтов все более выходит дифференциация по уровню доходов (В. О. Рукавишников. Выступление на “круглом столе” “Социальные конфликты в условиях переходного периода” // Социс.— 1993.— № 4.— С. 16).

Позиция В. О. Рукавишникова действительно представляется обоснованной с логико-исторической и социологической точки зрения. С логико-исторической — ибо при избранной модели развития новейшая российская революция могла непосредственно увенчаться лишь “диким” рынком с крайними формами социального неравенства, бедностью или нищетой широких слоев населения на фоне роскоши (в этом, собственно, и заключалась скрытая суть популярного в начале перестройки лозунга избавления от уравниловки). С социологической — ибо результаты социологических исследований, на которые как раз и ссылался В. О. Рукавишников, убедительно свидетельствовали и продолжают свидетельствовать о высокой ценности социального равенства в массовых представлениях россиян. Впрочем, предоставим слово самим исследователям проблемы. “По-прежнему для большей части россиян равенство является более социально значимой ценностью, нежели свобода. Точнее говоря, для всех без исключения россиян важны и свобода, и равенство. Но если предстоит выбрать между ними, равенство для почти 2/3 (59%) опрошенных представляется более важным, ибо они считают, что “социальные различия между людьми не должны быть слишком большими и никто не должен пользоваться неза заслуженными привилегиями”. На противоположной точке зрения стоит одна треть. Эти люди полагают, что если выбирать, то личную свободу. Свобода в их глазах является более важной, чем равенство, ибо “каждый должен жить как он хочет без каких-либо искусственных ограничений”. Заметим, что, согласно данным опросов, относительное большинство жителей бывших социалистических стран также отдает предпочтение равенству. В традиционных западных демократиях большинство, напротив, выбирает свободу” (Рукавишников В. О., Рукавишникова Т. П., Золотых А. Д., Шестаков Ю. Ю. В чем едино “расколотое общество”? // Социс.— 1997.— № 6.— С. 92).

Однако глубина социальных противоречий, являющихся источником конфликтов, отнюдь не всегда тождественна их остроте. Существует, по крайней мере, еще один фактор, социально-психологический, который на короткий промежуток исторического времени (1991—1997), как представляется, оказался решающим и перевесил влияние более глубоких процессов. Дело в том, что само революционное отрицание пороков (в том числе мнимых) прежней системы заставляло большинство политически активного населения мириться с пороками (вполне реальными) нового социального порядка. Поэтому, будучи недовольными крайностями социального неравенства, они активно против него не выступали, ограничив практические действия лишь случаями прямого мошенничества (борьба обманутых вкладчиков против финансовых “пирамид”, шахтеров — против посредников, торгующих углем и т. п.). С другой стороны, социальная зависть — “свое другое” общинно-уравнительной психологии — по инерции продолжала проявляться у работающих — по отношению к коллегам, получающим чуть более высокую заработную плату; у пенсионеров, не имеющих льгот,—

к льготникам; у инвалидов труда — к инвалидам войны и т. п. Таким образом, дифференциация по доходу внутри бедных и нищих (групп с низкими доходами) препятствовала осознанию и развитию их общего конфликта с нуворишами. Излишне говорить о том, что такая позиция бесконечно облегчала раздел “общенародной собственности” между “старыми бюрократами” и “новыми русскими”.

Вполне возможно, что в постреволюционной исторической фазе конфликты по имущественному расслоению станут в России не только наиболее глубокими, но и наиболее острыми, что будет означать совпадение логического и конкретно-исторического. Однако в фазе предреволюционной и революционной динамика остроты конфликтов по их видам и сферам проявления конфликтности представляется следующей (при этом наиболее острыми признаются те конфликты, которые сопровождаются прямым насилием и человеческими жертвами).

Со второй половины 80-х гг. и до распада Советского Союза наиболее остро проявлялись конфликты национальные, о чем свидетельствует табл. 1. После разрушения Советского Союза они превратились, преимущественно, в конфликты внутригосударственные и межгосударственные, а количество их несколько уменьшилось. Отсюда, однако, вовсе не следует правота тех социалистов, которые утверждают, будто “мирный роспуск” Советского Союза спас его народы от массового проявления насилия и так называемого “югославского варианта”. На самом деле по количеству жертв отдельно взятые гражданская война в Таджикистане или локальная гражданская война в Чечне в десятки раз превосходят все вместе взятые конфликты на национальной почве с применением насилия в 1986—1991 гг.

В 1990—1991 гг. в Советском Союзе и с весны 1992 г. по осень 1993 г. в России по остроте с ними соперничали конфликты политические, в основе которых лежала борьба различных уровней управленческого аппарата за доступ к власти и собственности. Эти конфликты достигают пика 3—4 октября 1993 г. в период малой гражданской войны в Москве, затем ослабевают, но никогда не прекращаются, вновь обостряясь в периоды президентских и парламентских выборов, попыток Парламента выразить недоверие Правительству или попыток Президента утвердить новое Правительство, не опирающееся на парламентское большинство. В конце 1994—1995 гг. и в июле — августе 1996 г. самым острым конфликтом в России становится вновь национальный, завершившийся признанием *de facto* независимости Чечни.

Рассматривая конфликты социально-трудовые, следует отметить, что, развиваясь по нарастающей с конца 80-х гг., они резко потеряли в остроте и массовости в 1993 г., а затем снова пошли на подъем, все чаще сопровождаясь политическими лозунгами (табл. 2).

Таблица 2

Социально-трудовые конфликты на территории Российской Федерации

В 1998 г. социально-трудовые конфликты достигают нового пика, о чем свидетельствуют итоги всероссийской акции протеста профсоюзов 9 апреля и 7 октября. Так, по данным ФНПР, в акции 7 октября, проходившей под лозунгом “Нет — губительным экономическим реформам”, приняли участие более 25 млн. человек, в том числе более 12 млн. приняли участие в забастовках и приостановках работы в почти 39 тыс. коллективов предприятий, учреждений и организаций. Митинги, шествия и пикетирования прошли в 74 республиканских, краевых и областных центрах. В 73 регионах в резолюциях митингов было принято требование об отставке Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина (Вестник профсоюзов.— 1998.— № 11—12.— С. 17).

Характерной особенностью социально-трудовых конфликтов второй половины 90-х гг. стало активное включение в различные акции протеста российской интеллигенции. В 1995—1998 гг. наиболее сплоченно и организованно в забастовочном движении принимали участие работники народного образования (табл. 3).

* Информационный бюллетень ЦК профсоюза работников образования и науки. М., 1998.— № 25.— С. 2—7.

При этом, как показывает анализ выдвигаемых требований, мотивом участия в пикетированиях, забастовках и других формах протеста является не только недовольство материальными условиями жизни, но и общая обеспокоенность состоянием образования в России. Это подтверждается и социологическими опросами участников конфликтов (см.: Кацова А. М. Социально-трудовые отношения и забастовочные действия российских трудящихся в переходный период // Социальный конфликт.— 1998.— № 1.— С. 45; Кинсбургский А. В. Социальное недовольство и потенциал роста // Социс.— 1998.— № 10.— С. 95—96).

Вкратце отметим еще и третий аспект проблемы, связанный, но не совпадающий с двумя другими. Речь идет о выделении наиболее существенного конфликта, т. е. вытекающего из сущности процесса и воздействующего на нее, говоря традиционным языком советской социальной науки, — основного противоречия. Представляется, что после победы антикоммунистической революции в августе 1991 г. выбор между социализмом (в любой форме) и “рыночной экономикой” (т. е. капитализмом) был сделан в пользу последней. После этого борьба шла уже не столько между социалистическими и буржуазными тенденциями, сколько между сторонниками различных моделей капитализма. “Главная линия противоборства внутри переходного российского общества,— отмечает М. О. Мнацаканян,— представлена тенденциями, выражающими основное интегральное, ведущее противоречие между двумя возможными типами рыночных отношений: традиционалистскими и современным, буржуазно-рациональным, продуктивным” (Мнацаканян М. О. О природе социальных конфликтов в современной России // Социс.— 1997.— № 6.— С. 84). Далее, ссылаясь на Макса Вебера, автор доказывает, что капитализм может существовать, по крайней мере, в двух формах: промышленно-рациональной и торгово-авантюристической, связанной с криминалом, коррупцией и т. п. Из этого делается следующий политологический вывод: “... по обе стороны конфликта стоят не в чистом виде силы, аккумулирующие реставрационную политику и реформаторство в лице коммунистов и демократов, а более сложные коалиции и группы. Причем конфликтная линия разделяет как демократический, так и коммунистический, национал-патриотический лагерь” (там же.— С. 85).

Ключевая идея этих рассуждений представляется безусловно справедливой, однако терминология явно нуждается в уточнении. Можно принять с некоторыми оговорками отождествление торгового, криминально-бюрократического капитализма с традиционалистскими отношениями в том смысле, что торговый капитал господствовал в период первоначального накопления и предшествовал капиталу промышленному. Однако очередной российский парадокс, недостаточно учитываемый М. О. Мнацаканяном, состоит в том, что в отечественных условиях 90-х гг. как раз “традиционалисты”, “консерваторы” объективно выступали сторонниками развития промышленного капитализма, тогда как победившая торгово-криминальная его модель создана сторонниками быстрее вхождения России в “западную цивилизацию”!

4. Революция — конфликт в одной из его наиболее острых форм. При любой типологии конфликтов или стадий их развертывания по степени остроты революции займут в ней одно из первых мест. Например, если принять концепцию, согласно которой каждый заверченный конфликт проходит латентную стадию, стадию напряженности, стадию антагонизма (несовместимости сторон) и стадию разрешения, то политической революции, безусловно, соответствуют третья и отчасти четвертая стадии. Политическая революция даже в мирной (“бархатной”) форме всегда представляет собой конфликт, сопровождающийся насилием и уступающий по остроте лишь военным конфликтам. Если же революции осуществляются с помощью вооруженного насилия и ведут к гражданским войнам, которые, как известно, по степени жестокости обычно превосходят войны между государствами, — такие революции представляют собой конфликты в их наиболее острой форме. Помимо этого каждая революция провоцирует насилие и гибель людей опосредованно — в качестве катастрофы и аномии.

В этой связи представляются весьма интересными, хотя отнюдь не бесспорными, попытки ряда авторов (преимущественно демографов и медиков) рассчитать прямые и опосредованные последствия революционных катастроф для развития “человеческого потенциала” общественной системы. Приведем лишь два примера.

В канун новейшей российской революции в газете “Аргументы и факты” была опубликована статья, автор которой попытался оценить прямые и косвенные демографические потери от революции предшествующей (Курганов. И. Три цифры // Аргументы и факты.— 1990.— № 13.— С. 7). Согласно этим расчетам, население России в границах до 1939 г., составлявшее в 1917 г. 143,5 миллиона человек при естественном приросте в 1,7% в год, принятом Госпланом, к 1959 г. должно было составить 319,5 миллионов человек, а в действительности составило 208,8 миллиона. Людские потери России от революционных и постреволюционных событий составили, следовательно, 110,7 миллиона человек, причем только 44 миллиона составляют прямые и косвенные потери, связанные с Великой Отечественной войной, а 66,7 миллиона, или 60% всех потерь — это потери, связанные с революцией и ее последствиями в невоенное время. Нетрудно понять, что смысл статьи заключался в осуждении революционного насилия, а ее пафос в духе времени был направлен против революционеров-большевиков.

Что касается революции новейшей, представляющей для нашей работы больший интерес, воспроизведем следующую точку зрения. “От экономического и социально-политического насилия в

1992—1995 годах, повлекшего рост смертности и обвал рождаемости, лишились права на жизнь 1150 человек на 100 тысяч населения в год. По подсчетам же самых активных антисталинистов, в 30-е годы страна недосчиталась 15 миллионов человек. (Расчеты более объективно исследовавших процессы тех лет ученых-демо-графов дают цифры в 2—3 раза меньшие.) Тем не менее из этих расчетов явствует, что в тот период СССР ежегодно терял приблизительно 898 человек на 100 тысяч населения. На основании этих подсчетов ученый Всероссийского НИЦ профилактической медицины РФ И. Гундаров сделал вывод: в нынешнем российском государстве интенсивность уничтожения человеческого потенциала на 30% выше, чем в самые кровавые годы сталинского режима (см.: Независимая газета.— 1995.— 29 декабря; Серебрянников В. Военное насилие в политических конфликтах // Свободная мысль.— 1996.— № 6.— С. 29).

Разумеется, чистота и достоверность расчетов авторов обеих точек зрения в отношении двух российских революций XX в. вызывают серьезные сомнения. Демографические процессы, как известно, весьма сложны и поликаузальны, а потому вычленив среди множества воздействующих на них факторов единственный “фактор революции” и математически достоверно вычислить его роль вряд ли возможно, не говоря уже о том, что приравнивание потерь от снижения рождаемости к потерям от голода и репрессий представляется методологически недопустимым. Ряд отечественных демографов либеральной ориентации полагают, что демографические процессы 90-х г. лишь на 1/3 детерминированы “реформами”, а на 2/3 — другими факторами. Думаю, не подлежит сомнению то, что политическое и вооруженное насилие в 1917—1921 гг. было распространено в десятки и сотни раз шире, чем в 1991—1997 гг. Однако невозможно отрицать того, что, во-первых, две крупнейшие демографически катастрофы в России XX в. связаны именно с революциями и, что, во-вторых, на демографической ситуации опосредованные формы насилия могут сказываться почти столь же сильно, как и прямые.

Да и последние, увы, стали неотъемлемым атрибутом новейшей российской революции, как, впрочем, едва ли не любой другой. Три попытки государственного переворота со стороны Президента в конце 1992—1993 гг. (10 декабря 1992 г., 20 марта 1993 г., 21 сентября — 4 октября 1993 г.), одна из которых закончилась штурмом Парламента и гибелью, по официальным данным, 143 человек; Чечня, на которую вошедшая во вкус крови власть пыталась перенести опыт насильственного решения проблем и где в результате войны погибли, по разным оценкам, от 80 до 100 тысяч граждан Российской Федерации; новая попытка государственного переворота 18 марта 1996 г. после принятия Государственной Думой постановлений, направленных против Беловежских соглашений; готовность использовать вооруженную силу в случае поражения на президентских выборах 1996 г. при недостаточности других средств — все эти и им подобные примеры проще всего было списать на характер Президента (в прошлом одного из самых жестких секретарей обкомов), когда бы так не поступали и другие революционные лидеры в своем подавляющем большинстве. Большевики в этом смысле отличались от других революционеров главным образом лишь тем, что повторяли вслух: “Революции не делаются в белых перчатках”, тогда как другие с большей или меньшей страстью делали то же самое в ином словесном обрамлении, приписывая “первородный грех революции” лишь своим историческим предшественникам и политическим противникам. С очень небольшой теоретической погрешностью можно сказать, что революция и насилие — близнецы-братья. Не меньше оснований вспомнить при этом и сформулированный Чеховым закон драматургии, согласно которому если в первом акте на сцене появляется ружье, то в третьем оно непременно должно выстрелить. А потому, если российские политические лидеры 90-х гг. действительно хотели создать новую политическую культуру, основанную на демократии, законе, уважении прав человека, у них для этого был лишь один шанс — не начинать революции, ограничиваться проведением реформ.

5. Следствием рассмотренных выше особенностей революции как всеобщего конфликта является еще одна ее важная конфликтологическая характеристика, а именно: неприменимость либо крайне низкая эффективность применения для разрешения революционных конфликтов “цивилизованных” (т. е. выработанных современной цивилизацией) средств и методов. Проиллюстрируем сказанное лишь одним примером.

Как известно, функционализм и теория конфликта, входящие в число наиболее важных для современной социологии и политологии научных парадигм, отражают две стороны существования социальных и политических систем: функционирование и развитие. При этом в обычных условиях функционирование, как правило, преобладает над развитием, что позволяет использовать функционализм; в кризисных условиях, напротив, развитие (изменения) преобладает над функционированием, что обуславливает необходимость использования теории конфликтов.

Как известно, соотношение функционирования и развития в истории человечества не остается

неизменным. Модернизация общества, связанное с нею ускорение темпа и ритма социальной жизни свидетельствуют о том, что это соотношение изменяется в пользу развития, что, в свою очередь, ведет к нарастанию конфликтности. Соответственно цивилизации приходится вырабатывать и совершенствовать средства разрешения конфликтов, обеспечивающие относительную стабильность социальных систем. Одной из таких разработок является теория легитимации конфликта.

Согласно этой теории, ставшей с легкой руки Ральфа Дарендорфа и его сторонников в настоящее время едва ли не общим местом в конфликтологии, стремление к игнорированию, а тем более к подавлению конфликтов приводит лишь к “взрывным” формам их разрешения. Напротив, наилучшим способом управления конфликтом является введение его в некие законные рамки, интегрирование в систему. В качестве форм легитимации конфликта рассматриваются обычно демократические механизмы, принятые в современных политических системах: парламентские выборы, борьба политических партий и их фракций в Парламенте, свобода слова, печати, уличных шествий и т. п. (см. об этом, например: Дарендорф Р. Современный социальный конфликт (Фрагменты книги) // Иностранная литература.— 1993.— № 4.— С. 237). При этом существуют даже некие стандартные формулы, отражающие суть концепции легитимации конфликта. Одна из них гласит: чем больше депутаты конфликтуют в Парламенте, а журналисты — на страницах газет, тем меньше их избиратели и читатели борются друг с другом на улицах и площадях.

Одна из особенностей революции как исторической ситуации, однако, как раз и состоит в том, что подобные механизмы легитимации, позволяющие, как правило, в обычных условиях управлять конфликтами, в условиях революционных либо не действуют, либо превращаются в собственную противоположность, в средство эскалации конфликтов. Можно привести немало примеров, когда выборные органы народного представительства, созывавшиеся, с одной стороны, по требованию политически активных граждан, а с другой — с явной целью “выпустить пар” и направить процесс в русло реформ, на самом деле превращались не просто в средство осуществления революции, но в ее вдохновителя и организатора. Именно такую роль играли английский Парламент в 1640 г., французские Генеральные Штаты в 1789 г., Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в 1917 г. (с той разницей, что они не созывались “сверху”, но были созданы “снизу”), союзный и российский съезды народных депутатов в 1989 г. и 1990 г. соответственно.

Так, уже I Съезд народных депутатов России принял, по крайней мере, три решения, отвечавшие массовым настроениям, но одновременно резко повысившие уровень конфликтности политического процесса. Этими решениями были:

утверждение Декларации о суверенитете (независимости) России, которая стала мощным стимулом разрушения СССР;

принятие за основу “Декрета о власти”, резко ослабившее аппарат КПСС — стержень прежней политической системы, а следовательно, и ее управляемость;

избрание председателем Верховного Совета России Б. Н. Ельцина, использованного позднее новой формирующейся российской экономической и политической элитой в качестве “тарана” против элиты союзной.

Сказанное еще раз возвращает нас к сформулированному в самом начале работы тезису о революционной России как о “кладбище” методологий. В данном случае совершенно очевидно, что не только функционализм как одна из парадигм социогуманитарных наук совершенно не адекватен для революционных условий, но и теория конфликта — противоположная функционализму научная парадигма, которая по логике должна была бы именно здесь показать все свои эвристические возможности,— и эта теория не может в условиях революции быть применена без корректировки ситуационным подходом.

Образование. Революция. Закон...М., 1999

ГЛАВА VIII. РЕВОЛЮЦИЯ КАК АНОМИЯ. РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОЦИПАТИИ

1. Аномия и ее особенности в революционных условиях

Продолжая анализ признаков, не являющихся атрибутами исключительно революции, но в совокупности своей необходимых и достаточных для характеристики именно данного типа исторической ситуации, нельзя обойти вниманием феномен аномии. В отечественной литературе этот

термин повторно получил права гражданства в перестроечный период, хотя различные проявления аномии в разной связи безусловно исследовались и в советское время. Между тем специалисты отмечают, что истоки этого понятия можно найти еще в античной эпохе. “Древнегреческое *anomos* означает “беззаконный”, “безнормный”, “неуправляемый”. Оно встречается у Эврипида и Платона, в Ветхом и Новом Заветах, работах английского историка XVI в. Уильяма Лэмбейерда, французского философа и социолога XIX в. Жана Мари Гийо и в некоторых других источниках” (Феофанов К. А. Социальная аномия: обзор подходов в американской социологии // Социс.— 1992.— № 5.— С. 88). В число же социологических категорий понятие аномии ввел, как известно, Э. Дюркгейм (Гофман А. Б. Социология Эмиля Дюркгейма // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995.— С. 330—331).

Однако, несмотря на широкое использование понятия аномии в новейшей отечественной литературе, несмотря даже на констатацию того очевидного факта, что “понятие “аномия” более всего подходит к различным переходным состояниям общества (периодам революций, периодам реформ, эпохам “перестроек” и т. д.)” (Философский энциклопедический словарь.— М.: ИНФРА-М, 1997.— С. 22),— несмотря на все это, революционные аномии (включая последнюю по времени) изучены отечественными специалистами сравнительно слабо, а в тех работах, где по существу изучается этот феномен, чаще всего не употребляется термин.

В самом общем виде под аномией понимают “любые виды “нарушений” в ценностно-нормативной системе общества” (Философский энциклопедический словарь.— М.: ИНФРА-М, 1997.— С. 22). При этом различные авторы в большей или меньшей степени связывают аномию то с ценностным вакуумом, то с девиациями, то с субъективно-психологическим отчуждением (феномены, впрочем, не совпадающие, но взаимосвязанные и нередко вызываемые общими причинами). Не задаваясь целью дать собственную интерпретацию понятия аномии, обратимся к тем ее аспектам, которые наиболее существенны для понимания революций и наиболее ярко проявляются в эти моменты истории. При этом выявление особенностей революционной аномии, разумеется, возможно лишь при их сопоставлении с общими характеристиками аномии как специфического социального феномена.

Не боясь тривиальности, стоит еще раз отметить, что аномия в ее широком понимании — атрибут любого общества, причем она может выступать как в дисфункциональной роли (нести в себе угрозу деградации или даже уничтожения системы), так и в роли необходимой функции — одного из необходимых условий, делающих возможными инновации. Последнее особенно характерно для традиционных обществ, где нормативно-ценностные системы отличаются крайней жесткостью и единообразием и где без нарушения от века установленного порядка развитие было бы вообще невозможно.

В условиях революции обе эти роли аномии из возможных превращаются в действительные и, более того, приобретают качественно иное содержание. Известный функционалист Роберт Мертон описывает следующий социокультурный механизм возникновения аномии, который он считает основополагающим. “...Культурные цели и институционализированные нормы, совместно создающие формы образцов господствующего поведения, вовсе не находятся друг с другом в неизменных отношениях. Культурное акцентирование определенных целей изменяется независимо от степени акцентирования институционализированных средств. Ценность определенных целей может подвергаться сильному, иногда исключительно сильному превознесению, что вызывает сравнительно малую заботу об институциональной предписанности средств их достижения. Крайним выражением такой ситуации является распространение альтернативных способов поведения в соответствии лишь с техническими, но не с институциональными нормами. В этом гипотетическом полярном случае разрешены любые способы поведения, обещающие достижение всезначущей цели (пример слабоинтегрированной культуры)” (Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социс.— 1992.— № 2.— С. 119).

Представляется, что механизм возникновения аномии описан Р. Мертоном верно, хотя, разумеется, он не универсален и не единственен. Но если это так, революция как историческая ситуация представляет собой в этом отношении пример гораздо более яркий, чем описываемая далее автором приведенной цитаты американская культура с ее “американской мечтой” и чрезмерным акцентированием цели успеха без предоставления всем гражданам необходимых средств его достижения. Выше уже говорилось, что провозглашаемые цели революции обычно высоки как никогда. Но и акцентированы они соответственно. Более того, для многих участников и средства достижения цели (нового социального идеала) превращаются в “цель-в-себе”, в самоцель. Служение делу революции воспринимается ими не только как гражданский долг, но и как смысл жизни. Не удивительно, что подобные цели в подобных условиях оправдывают если не любые средства, то уж

во всяком случае их столь широкий набор, который в обычной ситуации считался теми же людьми абсолютно недопустимым. С этой точки зрения революция, призванная сломать нормативно-ценностные основы прежней системы, аномична по самой своей природе. Это утверждение тем более верно, что в условиях революции социокультурный механизм, описанный Мертоном, отнюдь не исчерпывает причин возникновения аномии. Не меньшую роль играют другие революционные феномены, которые исследуются в настоящей главе.

Вместе со всей прежней системой и даже в первую очередь отрицанию (отвержению, критике, осмеянию) подвергается характерный для нее набор норм и ценностей. Они объявляются устаревшими, противоречащими здравому смыслу, неразумными, антигуманными и т. д. Более того, особенность революции как исторической ситуации состоит в том, что сама аномия (то есть безнормность) становится нормой, углубление дисфункций в прежней системе выступает как одна из функций революции, отказ от системы прежних норм и ценностей сам становится системой, а не исключением, как это обычно имеет место. Такой отказ рассматривается как обязательный для представителей революционных групп и их лидеров. Иначе говоря, мы имеем дело с предписанной аномией!

Забегаая вперед, можно сказать, что предписанная аномия (“обратная иерархия”, по терминологии М. М. Бахтина) роднит революцию с некоторыми видами празднеств, например, античных, где участникам вменялось в обязанность делать как раз то, что запрещалось в обычной жизни. Тем самым предписанная аномия, наряду с другими факторами, вызывает ситуативное расширение границ негативной свободы, о чем речь пойдет ниже.

Следует также иметь в виду, что в ситуациях социального кризиса всегда происходит регрессия к архаическим формам поведения. Поэтому характеристика революции в качестве аномии напрямую связана не только с ее характеристикой как отрицания, но и как катастрофы.

Разумеется, условно подразделяя функциональный и дисфункциональный аспекты революционной аномии и в этом смысле определяя ее особенность в качестве аномии предписанной, мы никак не исчерпываем всего содержания феномена. Если предписанная аномия напрямую следует из того, что любая революция есть отрицание, то, как уже не раз говорилось, любая революция есть вместе с тем катастрофа, а это значит, что наряду с предписанной усиливается и, так сказать, несанкционированная аномия. Практически любая революция сопровождается ростом числа таких правонарушений и таких преступлений, такими формами проявления “падения нравов”, которые не совпадают с интересами новой элиты и против которых она начинает бороться более или менее успешно. Преднамеренное или непреднамеренное провоцирование дезорганизации и анархии, а затем ее подавление — обычная логика поведения новой элиты в условиях революции.

Что касается функциональной роли аномии как одного из необходимых условий инноваций, то и она качественно отлична от своего аналога в условиях стабильного функционирования системы. Очень упрощенно, в виде грубой логической схемы суть дела можно представить следующим образом. В нормативно-ценностной системе любого общества содержится две группы элементов. Одна связана с уровнем развития цивилизации (производства, управления, образования и т. п.), другая — со специфическими особенностями данной системы (общественной формации) — отношениями собственности, типом социальной стратификации, доминирующей идеологией и др.

К слову сказать, автор отнюдь не считает продуктивным полный отказ от формационного подхода, пришедший на рубеже 90-х гг. на смену бездумному и упрощенному его использованию. Ведь еще почти 25 лет назад постиндустриалисты сформулировали идею, согласно которой типология общественных систем зависит от оси исследования, и если на оси технологии важнейшими типами общества являются доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное, то по оси собственности типология выглядит совсем иначе — феодализм, капитализм, социализм (см. об этом подробнее: Бестужев-Лада И. В. Критика социальных показателей в теориях “индустриального общества” // Идеологические проблемы научно-технической революции.— М.: Наука, 1974.— С. 270—271). Впрочем, сформулированную выше идею можно выразить и в других терминах, например, по А. Зиновьеву, выделяющему в общественной жизни деловой и коммунальный аспекты (Зиновьев А. А. Запад. Феномен западнизма.— М.: Центрполиграф, 1995.— С. 30—38).

При всем разнообразии вербальных формулировок общий смысл позиции, провозглашаемой революционерами разных эпох по интересующему нас в данном случае вопросу, сводится к следующему: революция должна сохранить общечивилизационные (общечеловеческие) компоненты нормативно-ценностной системы, решительно заменив при этом компоненты формационные (идеологические) и обеспечив тем самым подъем общества на новый уровень цивилизации. Следовательно, в отличие от обычной “инновационной аномии” количество новых элементов

нормативно-ценностной системы должно перейти здесь в ее собственное новое качество. Сказанное, разумеется, не относится к так называемым “консервативным революциям” (например, исламским).

В соответствии с ситуационными законами революции лозунги и в этом случае обычно расходятся с реальностью, причем расхождение возможно сразу по двум линиям. Революции, по крайней мере, на первых порах, отбрасывают обычно не только нормы и ценности, обязанные своим происхождением особенностям прежней системы, но также часть норм и ценностей общецивилизационного характера. С другой стороны, не каждая революция вводит в “общецивилизационный оборот” действительно новые системообразующие ценности, как это сделали американская и французская революции конца XVIII в. с ценностью индивидуальной свободы или Октябрьская революция в России с ценностью социального равенства. Поэтому и в нормативно-ценностном отношении непосредственные результаты революций бывают обычно крайне противоречивыми, вплоть до возможного понижения уровня цивилизованности, причем тем более, чем значительнее масштабы революционной катастрофы.

Другие аспекты и разновидности аномии, более или менее исследованные специалистами, также проявляются в революционных условиях весьма своеобразно. Так, Роберт Мертон, вклад которого в изучение аномии признается вторым после Эмиля Дюркгейма, выделял, как известно, пять видов поведения, способных вызывать аномию: конформность, инновация, ритуализм, ретритизм и мятеж (Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социс.— 1992.— № 3.— С. 105). Р. Мертон характеризовал свою концепцию как теорию “среднего радиуса действия”. Если, несколько увеличив этот “радиус”, принять ее в качестве рабочей гипотезы и при изучении нашего предмета, становится совершенно очевидно, что среди всех перечисленных форм приспособительного поведения для революционной аномии наиболее важны инновация и мятеж. Поскольку же речь об инновации шла выше, целесообразно начать с мятежа.

“Мятеж, как реакция приспособления,— пишет Р. Мертон,— возникает, когда существующая система представляется препятствием на пути достижения целей, признанных законными. Для участия в организованной политической деятельности необходимо не только отказаться от приверженности господствующей социальной структуре, но и перевести ее в новые социальные слои, обладающие новым мифом” (Мертон Р. К. Указ. соч. // Социс.— 1992.— № 4.— С. 94). Не касаясь пока проблемы политического мифа, которая будет рассматриваться позднее, отметим следующее очевидное соотношение понятий. Термином “мятеж” Р. Мертон обозначает тот особый вид “инновации”, который как раз и возникает в условиях революции (или революционного движения) и качественное отличие которого от прочих “инноваций” состоит в том, что он заменяет (или стремится заменить) общественную систему как таковую.

Другие виды порождающего аномию приспособления, перечисленные Р. Мертоном, при ситуационном анализе революции также легко могут быть обнаружены. Однако проявляются они крайне неожиданно, подчас в формах, противоположных тем, которые описал автор данной классификации. Так, наиболее характерной формой проявления конформности становится “конформизм инновации” — поклонение “новому” единственно по причине его отличия или противоположности “старому”. Это вполне соответствует логике революции как отрицания, причем давление общественного мнения на индивидуума в подобной ситуации не только не ослабевает, как можно было бы ожидать в связи с ослаблением контрольной функции социальных институтов, но напротив, многократно возрастает, а временами приобретает характер морального террора. Стоит напомнить в этой связи, что В. И. Ленину в послеоктябрьский период не раз приходилось сдерживать культурный радикализм своих соратников, и в особенности революционной молодежи. “Почему нам нужно отворачиваться от истинно-прекрасного, отказываться от него, как от исходного пункта для дальнейшего развития только на том основании, что оно “старое”?— риторически спрашивал лидер Октябрьской революции К. Цеткин и продолжал: “Почему надо преклоняться перед новым как перед богом, которому надо поклониться только потому, что “это ново”? Бессмыслица, сплошная бессмыслица” (Цеткин К. о Ленине. Воспоминания и встречи.— М.: Московский рабочий, 1925.— С. 39). Очевидно, что в данном случае здравый смысл революционера вступал в противоречие с законами революции, включая революционное отрицание и революционную аномию.

Что касается ритуализма, который, по Р. Мертону, выступает как “реакция на ситуацию, представляющуюся угрожающей и сомнительной”, и философия которого выражается высказываниями типа “я стараюсь не высовываться”, “я играю осторожно”, “всем доволен”, “не ставьте высоких целей — не будет и разочарований” (Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социс.— 1992.— № 3.— С. 111), то его специфика в революционных условиях состоит в том, что он выступает прежде всего как реакция на “инновацию”, а также как стремление уклониться от всеобщего конфликта. Забегая вперед,

заметим, что в 90-х гг. в отечественной литературе много писали о стремительном вытеснении из российского массового сознания гражданских ценностей ценностями частной жизни, выдавая это подчас чуть ли не за суть революционных изменений в этой области. На самом же деле мы имеем здесь по преимуществу феномен “революционного ритуализма”, хотя целиком к нему проблема, конечно, не сводится.

Наконец, в отношении ретритизма, для которого характерно отвержение культурных целей и институциональных средств и который, по Мертону, встречается реже всего (Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социс.— 1992.— № 4.— С. 111), можно, думается, утверждать, что и эта форма аномии в условиях революции распространяется шире, чем когда-либо. Число ее носителей, являющихся в обществе “чужаками”, неизбежно возрастает, когда дореволюционная система стремительно сменяется постреволюционной. При этом помимо форм, названных Р. Мертоном (лица, страдающие некоторыми видами психозов, для которых характерен уход от реального мира в свой внутренний болезненный мир, отверженные, изгои, бродяги, хронические алкоголики, наркоманы и т. п.) (там же.— С. 91), специфической формой ретритизма в революционных и постреволюционных условиях может выступать “пассивный консерватизм” людей, не принимающих новую систему, но и не борющихся активно против нее. Хорошим примером тому может служить доктор Живаго из одноименного романа Б. Пастернака.

Таким образом, сказанное позволяет сделать вывод о том, что в революционных условиях социальная аномия расширяется едва ли не по всем возможным линиям и приобретает принципиально новое качество. Однако этим особенности революционной аномии не исчерпываются, ибо она в значительной степени требует к себе принципиально иного подхода. Если с социологической точки зрения аномия в обычных условиях — нормальная реакция нормальных людей на ненормальные обстоятельства (Мертон Р. К. Указ. соч. // Социс.— 1992.— № 2.— С. 120—121), то для аномии революционной такого определения, по-видимому, уже недостаточно. Речь здесь идет уже не только о ненормальных обстоятельствах, но, в известном смысле, и о “ненормальных” людях с “ненормальной” реакцией. Иначе говоря, еще одно важное отличие революционной аномии (впрочем, не только ее) заключается в том, что она имеет тенденцию превращаться в социальную психопатологию.

Феномен революционных социопатий в 90-х гг. постепенно становится предметом исследования со стороны отечественных ученых, правда, как и следовало ожидать, преимущественно в отношении революций прошлого. При этом анализ литературы позволяет выделить две различные, хотя не обязательно альтернативные, интерпретации этого феномена. Предоставим сначала слово сторонникам первого подхода, по-новому анализирующим исторический материал 1917 г.

“Всякая революция — как и любая экстремальная ситуация — обнажает крайние стороны человеческой природы. Наряду с выявлением лучших людских качеств революция демонстрирует всю гамму психопатологии массового сознания. Эта последняя менее всего изучена, хотя ее присутствие отмечали все наблюдатели. Свое веское мнение на этот счет оставили В. Вернадский и П. Сорокин. Последний даже заявил, что в революционную эпоху в человеке просыпается не только зверь, но и дурак...”

Принято считать, что в любом обществе в любую эпоху количество ненормальных составляет приблизительно один процент. Сомнительно, что даже в условиях тотального переворота всей системы ценностей и всеобщей “депрограммированности” такие люди не могли бы естественно повести за собой массы. Очевидно, дело не в революционных “психах”, а в достаточно неопределенной прослойке “полунормальных” или психопатических лиц, приобретающих возможность “заражать” растущий слой социально-неприкаянных. К числу последних можно отнести часть солдат, беженцев, депортированных, безработных, люмпенов, пауперов, военнопленных и т. п., общая численность которых могла достигать двадцати миллионов человек. Разумеется, среди них было предостаточно и “революционных идеалистов”, и “загнанных в угол” обстоятельствами людей, и “оборотней революции” (тех, кто цинично использовал социальный хаос в корыстных интересах)” (Волобуев П. В., Булдаков В. П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории.— 1996.— № 5—6.— С. 35).

Очевидно, что в данном случае речь идет о психопатологии в буквальном, прямом смысле, о психопатологии, носители которой получают возможность влияния на ход исторических событий благодаря чрезвычайным социальным обстоятельствам. Последние в этом случае выступают не столько как фактор, рождающий социопатии, сколько как фактор, “резонирующий” их общественное влияние. Несколько иначе расставляют акценты Е. Головаха и Н. Панина, что особенно ярко проявляется при различении ими социопатий и девиаций.

“Различие состоит, во-первых, в том, что девиантное поведение непосредственно связано с актом сознательного выбора (нарушать или не нарушать социальную норму, ограничивающую индивидуальный произвол), тогда как в патосоциальный процесс индивид вовлекается непроизвольно, во-вторых, в отличие от “вечных проблем”, связанных с классическими девиациями, специфические социопатии преходящи, и общество избавляется от подобных патологий по мере формирования новых адаптивных механизмов социального поведения и взаимодействия” (Головаха Е., Панина Н. Патология посттоталитарного общества: от психического самодиагноза к анализу специфических социопатий // *Философская и социологическая мысль*.— Киев, 1993.— № 5.— С. 29).

Оставив в стороне крайне неудачную сентенцию насчет связи классических девиаций с “вечными проблемами” (на самом деле роль психологически всеобщего в возникновении девиаций гораздо меньше, чем социально особенного), отметим более важную характеристику подхода авторов к революционным социопатиям, а именно: они рассматриваются не как результат усиления влияния “ненормальных” на “нормальных” граждан, но прежде всего как временная “ненормальность” нормальных людей в особых обстоятельствах, возникающая и исчезающая вместе с этими обстоятельствами. Другими словами, о психопатологии в данном случае можно говорить не в буквальном, медицинском, но скорее в образном, социальном смысле слова, и выступает она следствием не медицинских расстройств, но социальной интеракции, включая социальное заражение, подражание, конформизм и т. п., резко усиливающиеся в экстремальных условиях. Цитируем в этой связи одного из членов конвента времен Великой французской революции Билльо Варэнна, писавшего позже в мемуарах: “Всего чаще мы и сами не желали, двумя днями или одним днем раньше, принимать тех решений, которые теперь нам ставят в упрек, но эти решения порождал кризис” (цит. по: Лебон Г. *Психология народов и масс*.— СПб.: Макет, 1995.— С. 300). В реальной истории революций, разумеется, имеют место обе разновидности социопатий. Однако для наших целей более важным представляется изучение второй, ситуационной.

Таковы некоторые аспекты исследования и особенности аномии в революционных условиях. Обратимся теперь к российскому социально-политическому процессу 90-х гг., чтобы в очередной раз верифицировать его соответствие очередному критерию революции как исторической ситуации.

2. Аномия и социопатии в России 90-х годов “Криминальная революция”

Одно из первых обстоятельств, которое бросается в глаза при изучении современного российского социально-политического процесса,— это стремительный качественный рост “деструктивной аномии” и связанных с нею форм девиантного поведения. Официальная статистика отражает лишь немногие аспекты этой проблемы, связанные с увеличением числа зарегистрированных преступлений, наркоманов и т. п. Поскольку речь об этом уже шла в разделе “Революция как катастрофа”, приведем лишь некоторые дополнительные данные (табл. 1).

* Материал обновлён к данному изданию.

Однако статистика сама по себе не может дать полного представления о процессах криминализации российского общества. В конце концов рост числа зарегистрированных преступлений наблюдался и в предреволюционный период, а по их количеству на 100 тыс. населения Россия не достигла уровня США и некоторых других индустриально развитых стран. Специфику отечественной криминальности 90-х гг. можно понять в связи со специфическими причинами, ее порождающими, — причинами конкретно-историческими, а не “вечными проблемами”, якобы лежащими в основе девиаций как таковых. Отметим лишь некоторые из таких причин, не иллюстрируя приводимые положения статистическим материалом.

Причина первая — стремительное падение уровня жизни и распространение бедности. Специалисты, утверждающие, что бедность сама по себе преступности не порождает и иллюстрирующие это сравнительными данными положения дел в бедных и богатых странах, абсолютно правы. Но точно так же справедливо и то, что падение уже достигнутого и ставшего привычным уровня потребления воспринимается совершенно иначе, чем просто бедность, и вызывает желание этот уровень вернуть, подчас не считаясь со средствами. Тем более в культурно-идеологической ситуации, о которой речь пойдет ниже.

Впрочем, фактором криминала может быть и бедность сама по себе. В сельских районах Омской области, где автор этой книги регулярно бывал в связи с исполнением депутатских полномочий, не

раз приходилось слышать истории о том, как продуктовые магазины и киоски обворовывали голодные подростки. Иногда их заставляли прямо на месте преступления во время поедания украденного.

Причина вторая — еще более стремительный рост социального неравенства, по показателям которого Россия быстро превзошла не только Западную Европу и Японию, но и Соединенные Штаты Америки. В принципе и социальное неравенство, будучи более мощным фактором девиаций, чем бедность как таковая, не рождает их автоматически, даже когда оно выступает в форме нищеты на фоне роскоши. Россия не стала страной с рекордным уровнем неравенства (в некоторых странах Азии и Африки есть и более высокие показатели), но она могла бы поспорить с другими посткоммунистическими странами за рекорд по темпам роста неравенства. Гигантские состояния возникали в считанные годы, если не месяцы, а вчерашние соседи, которые совсем недавно, по Высоцкому, “все жили дружно вровень так”, мгновенно оказались принадлежащими к полярным социальным стратам. Если учесть к тому же, что в альтернативе между свободой и равенством средний российский гражданин предпочитает последнее, по любой нормальной логике следовало бы ожидать, что подобный рост социального неравенства вызовет массовые посягательства бедных на незаконно и несправедливо нажитые состояния богатых. Однако этого не произошло. По-видимому, революционное желание отринуть прошлое породило своеобразный феномен борьбы за равенство внутри бедных и нищих, когда, скажем, чуть более высокая пенсия у соседа вызывает зависть, а гигантские состояния “новых русских” воспринимаются спокойно, а то и с подобострастием. Поскольку, впрочем, приведенное объяснение этого уникального феномена явно недостаточно, можно отнести его и к числу революционных социопатий. Как бы то ни было, скачкообразный рост социального неравенства хотя и должен быть безусловно отнесен к числу факторов, рождающих девиации (преимущественно в виде внутренней борьбы между криминально-финансовыми группировками), но оказался гораздо менее действенным, чем этого следовало ожидать, исходя из общелогических соображений.

В качестве третьего, особого, фактора российской “криминальной революции” следует выделить избранную модель приватизации. Поскольку тема эта заслуживает специального разговора, ограничимся лишь одним общим замечанием. Для того, чтобы максимально ускорить приватизацию, создать социальную опору новой власти, а заодно и обеспечить собственные материальные интересы на несколько поколений вперед, организаторы приватизации проводили ее в пользу лиц, либо обладающих значительными финансовыми средствами, либо занимающих высокие должности в общественной иерархии. С этой целью управленческому аппарату официально создавались привилегированные условия в получении доли бывшей общенародной собственности. Помимо этого и в гораздо больших размерах условия такого присвоения создавались неофициально. Большинство наиболее высокодоходных предприятий было разделено таким образом, чтобы самые “лакомые куски пирога” достались “своим людям” (Глазьев С. Геноцид. Россия и новый мировой порядок.— М., 1997.— С. 26, 29). Так, семья экс-премьера В. С. Черномырдина стала соучастницей приватизации Газпрома, семья Б. Н. Ельцина — участницей приватизации компании “Аэрофлот. Российские международные линии”. Иначе говоря, всему многоступенчатому управленческому аппарату был подан пример того, как следует делить между собой чужую собственность. Пожалуй, в истории не было примера, которому следовали бы с большей охотой.

Отметим мимоходом, что в социально-психологическом плане раздел государственной собственности осуществить оказалось гораздо легче, чем частной. С одной стороны, не приходилось выдвигать лозунг “Грабь награбленное”, ибо разделяемая собственность была в подавляющей своей части не отобрана у бывших владельцев, а создана трудом миллионов всеми презираемых и проклинаемых “гомо советикус”. С другой стороны, уже накопившееся в условиях “развитого социализма” отчуждение работника от собственности, а равно и иллюзия ее “равного раздела на всех” до минимума снизили сопротивление работников предприятий, которые в других условиях, несомненно, претендовали бы на совладение ими.

Как бы то ни было, всеобщее присвоение (чтобы не сказать растаскивание) управленцами и нуворишами государственной собственности стало едва ли не основной формой “предписанной анонии” в условиях новейшей российской революции, предопределившей ее криминальный характер. В настоящее время это признано отнюдь не только представителями оппозиции, но и такими видными членами властвующей элиты, как Ю. М. Лужков, назвавший ваучерную приватизацию крупнейшей экономической аферой XX в. Политические лингвисты наверняка могли бы отметить (если уже не отметили), что само слово “приватизация” вне специальных текстов приобрело вполне определенный смысл. “Приватизировать” — означает в лучшем случае “взять чужое без спроса”, в худшем — просто “украсть”. Впрочем, тот факт, что криминальная лексика перестала быть лексическим криминалом и

воспринимается скорее как норма, отражает лишь глубокое проникновение криминальных и полукриминальных сюжетов в массовое сознание и подсознание. Еще совсем недавно, чтобы выразить уважение к человеку, ему предлагали сесть. Теперь подобное предложение воспринимается как оскорбительный намек на тюрьму, а потому человека просят... “присаживаться”!

Сказочно быстрое обогащение немногих стало фактором не только банального криминала, но также и аномии в более широком смысле слова, в том числе фактором решительного, хотя и временного, отказа новой элиты от патриотических ценностей. На связь названных выше двух переменных, казалось бы, столь далеких друг от друга, указал еще древнегреческий мыслитель Лисий, следующим образом оценивший уровень патриотизма “новых древних греков”, т. е. тогдашних скоробогачей: “Люди эти находят родину в любой стране или общине, там, где им открывается возможность большей наживы. Их родина — не община, а имущество” (цит. по: Томан Й., Томанова М. Сократ: Роман.— М.: Прогресс, 1981.— С. 301).

Быть может никто так ярко и художественно не опозитизировал антипатриотические ценности, как Владимир Кунин в нашумевшей в свое время повести “Иванов и Рабинович или “ай гоу ту хайфа”!.. Сказка для кино и отъезжающих” (Кунин В. Иванов и Рабинович или “ай гоу ту хайфа”!.. Сказка для кино и отъезжающих.— Ленинград-Мюнхен: СП “Ретур”, 1991). Сюжет повести, хотя и бесхитростен, но уникален для отечественной литературы. Василий Иванов и Арон Рабинович, отчаявшись добиться чего-нибудь в “своей проклятой стране”, мечтают эмигрировать в Израиль. Женившись на сестре друга, каждый берет фамилию жены, превращаясь, соответственно, в Арона Иванова и Василия Рабиновича. Поскольку за морем без денег делать нечего, друзья, продав все имущество, покупают старинную яхту, чтобы, используя связи и низкие советские цены на отделочные материалы, привести ее в порядок и затем выгодно продать какому-нибудь миллионеру. Ремонтируя яхту, доставляя ее к Черному морю, и затем по ходу плавания друзья проявляют чудеса изобретательности и силы духа (можно было бы сказать самоотверженности, если бы цель не была столь утилитарна). В конце концов ввиду земли обетованной яхта не выдерживает и разламывается на части, однако герои наши обрели желанную цель — вырвались с ненавистой Родины (еще раз обратим внимание читателей на то, что действие повести происходит в период горбачевской “перестройки”, когда в стране уже достаточно высок уровень экономической и политической свободы). В соответствии с законами жанра даже катастрофа яхты, которая должна была означать для героев крах надежд на богатую и спокойную жизнь, подается автором книги как катастрофа веселая.

Читатель вправе удивиться: почему подобный сюжет назван уникальным? Ответ прост: до сих пор герои произведений русской литературы, созданных в России или в эмиграции писателями самых разных политических ориентаций, тосковали по Родине, стремились на Родину и совершали незаурядные поступки во имя свободы Родины (как они эту свободу понимали); герои же Владимира Кунина столь же сильно тоскуют на Родине, стремятся прочь с Родины и мечтают освободить себя от Родины. Подобная переориентация — один из самых ярких примеров литературной — шире — художественной аномии, захлестнувшей страну на рубеже 80—90-х гг. Несколько уклоняясь от темы, заметим мимоходом, что аномия в данном случае не ограничивается переоценкой ценности Родины, но затрагивает и другую несущую конструкцию ценностной системы отечественной литературы. Герои Владимира Кунина чувствуют себя настоящими мужчинами и испытывают подлинное наслаждение в общении не с какими-нибудь “ископаемыми” тургеневскими девушками, но в “любви”... с проститутками в греческом порту! Разумеется, ничего подобного также не знала ни советская (“идеологизированная”), ни классическая русская литература от Пушкина до Чехова. Вернемся, однако, к приватизации.

Разумеется, приватизация — не единственный источник экономического криминала в России 90-х гг. Свою роль сыграли нецелевое использование бюджетных средств и кредитов, финансовые махинации на вывозе сырья, разворовывание гуманитарной помощи и т. п. Однако роль приватизации как главного фактора в подобного рода процессах отрицать невозможно.

Четвертый фактор — “массовой культуры” — на рубеже 80—90-х гг. был более значимым для “падения нравов”, чем для криминализации общества, однако и при анализе последней не принимать его в расчет невозможно. Здесь опять-таки следует учитывать количественные и качественные параметры. Первые характеризуют частоту сцен насилия и иных девиаций в единицу эфирного времени, а также темпы роста этой частоты от месяца к месяцу или от года к году. Вторые — содержание соответствующего материала и уровень восприимчивости к нему аудитории. Есть все основания утверждать, что криминализирующая роль “массовой культуры” в России на рубеже 80—90-х гг. была значительно выше, чем на Западе. Приведем лишь минимальную аргументацию:

количество сцен девиантного поведения в российском радио- и телеэфире было выше, ибо в

индустриально развитых странах установлен целый ряд ограничений по времени и каналам на их демонстрацию;

по мнению многих специалистов, включая зарубежных, по уровню жестокости сцен, демонстрируемых в открытом эфире, российские средства массовой информации и кинематограф превзошли в этот период зарубежные аналоги;

особое воздействие на аудиторию должна была оказать чрезвычайная быстрота перехода от установленных в советский период для средств массовой информации правил целомудрия, граничащего с ханжеством, к вседозволенности постсоветского эфира.

Пятая причина состоит в том, что на решающих этапах новейшей российской революции сама официальная идеология приобретала частично криминальный характер. В обоснование этого тезиса напомним несколько тривиальных теоретических положений.

Общеизвестно, что в любых модификациях современного общества действует, как минимум, два кода (системы) морали: официальный и оперативный. Первый охватывает систему официально провозглашаемых норм поведения, как правило, хотя не всегда, освященных авторитетом той или иной религии. Второй код вбирает в себя совокупность норм, которыми члены общества руководствуются в практической жизни. А поскольку речь идет преимущественно об обществах с рыночной экономикой, подобную мораль можно назвать “рыночной”.

Общеизвестно, далее, что подобная мораль далеко не всегда совпадает с требованиями закона и еще гораздо реже отвечает критериям “безгрешного” поведения. Прочитав в этой связи человека, которого трудно обвинить в предвзятости. “На верхних этажах экономики инновация довольно часто вызывает несоответствие “нравственных” деловых стремлений и их “безнравственной” практической реализации. Как отмечал Веблен, “в каждом конкретном случае не легко, а порой и совершенно невозможно отличить торговлю, достойную похвалы, от непростительного преступления”. Как хорошо показал Роббер Бэрнс, история крупных американских состояний переполнена весьма сомнительными инновациями. Вынужденное частное, а нередко и публичное восхищение “хитрыми, умными и успешными людьми” является продуктом культуры, в которой “священная” цель объявляет священными и средства” (Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социс.— 1992.— № 3.— С. 105).

Общеизвестно, наконец, что чрезмерный разрыв между двумя системами морали опасен для общества, а потому оно стремится по возможности уменьшить “дистанцию” между ними. Такой разрыв, между прочим, стал одним из факторов крушения советской системы. И не потому, что уровень морали общества даже в эпоху “развитого социализма” был так уж низок. Напротив, он был никак не ниже морального уровня в обществах индустриально развитых странах хотя бы потому, что в СССР сохранялись еще значительные элементы традиционного общества. Просто провозглашаемая мораль была так удалена от “земли”, что соблюдение ее даже для порядочного человека оказывалось весьма затруднительным, и при этом любые отступления от этой морали, в особенности со стороны “верхов”, воспринимались особенно болезненно. В противоположность этому “западное” общественное сознание (или подсознание) так или иначе исходит из представления о греховности “человеческой природы”, и даже церковь отпускает грехи раскаявшимся. Иначе говоря, разрыв уменьшается не только и, может быть, не столько путем возвышения оперативной морали до официальной, сколько удерживанием этой самой официальной морали от чрезмерного возвышения.

В России на рубеже 90-х гг. разрыв между официальным и оперативным “кодами” морали, казалось бы, должен был увеличиться. Действительно, коммунистическая (или квазикоммунистическая) мораль была объявлена сугубо классово-идеологической и в этом смысле низкой, и ее, согласно официальным заявлениям, следовало заменить общечеловеческой (в том числе христианской). Поскольку же речь шла о периоде первоначального накопления капитала, практическая мораль, естественно, стать выше уж никак не могла. На практике, однако, произошло иное — раздвоение самой официальной морали. В средствах массовой информации и даже со стороны официальных лиц призывы соблюдать христианские заповеди поразительным образом сочетались даже не с их нарушением на практике (это дело обычное), но с пропагандой прямо противоположных ценностей. Популярны журналисты, комментаторы и политики регулярно внушали аудитории, что в криминальном характере новейшего российского капитала нет ничего плохого, что все страны прошли тем же путем, что в конце концов потомки вчерашних пиратов, воров и “разбойников с большой дороги” цивилизовались и стали двигателем прогресса и т. д., и т. п., и пр.

Еще дальше пошел Г. Х. Попов, опубликовавший в “Аргументах и фактах” известное интервью, в котором фактически призывал, не больше не меньше, как установить официальные размеры взятки чиновникам, чтобы покончить с их беспределом! Вот отрывок из этого интервью. На предложение

корреспондента: “Тогда уж надо создать тарифы за услуги, чтобы люди не мучились, кому сколько давать в лапу”,— Г. Х. Попов ответил: “Может быть, это было бы правильно. Это была бы уже иная, более культурная система. Я всегда нервничаю, когда не знаю, кому сколько надо дать, хотя хочется за что-то отблагодарить человека. А по тарифам было бы просто: скажем, 10—20% от стоимости сделки. В Америке так и говорят: 15% к счету. И все довольны друг другом. Можно ли это назвать коррупцией? Можно. Но можно и дополнительной оплатой хороших услуг” (Попов Г. Интеллигенция всегда в оппозиции. Беседа корреспондента Н. Желноровой с мэром г. Москвы Г. Поповым // Аргументы и факты.— 1992.— № 14.— С. 1). В любой “цивилизованной” стране, даже там, где взятки стали системой, подобное предложение, сделанное официально, вызвало бы шок в общественном мнении и немедленную отставку разоткровенничавшегося политика. Однако в России реакции практически не последовало, что может расцениваться как свидетельство глубокой аномии в “верхах” и социопатии — в “низах”.

Все сказанное коротко можно обобщить следующим образом. Поскольку каждая революция отрицает специфические нормы и ценности прежней системы, поскольку она разрушает эту систему с помощью насилия в той или иной форме, т. е. методами, по обычным неревOLUTIONНЫМ меркам противозаконными, каждая революция выступает как криминальная. Отличие новейшей российской революции состоит в том, что, так сказать, “исторический криминал” она дополнила и соединила с криминалом бытовым, с расхищением общественного богатства в пользу революционеров и временным возведением такого расхищения в ранг государственной политики. Это во многом предопределило тот факт, что по масштабам личности и нравственному уровню при сравнительно-историческом анализе лидеры новейшей революции явно уступают лидерам революций предшествующих, в том числе и в своем Отечестве.

Что касается социопатий, то и их новейшая российская революция конечно не избежала, причем формы проявления, соответствующие двум описанным выше подходам, нашли в ней свое воплощение. Как и любое социальное потрясение, она выбросила на поверхность политической жизни некоторое количество психически неуравновешенных людей, временами существенно влиявших на ход событий. Конкурирующие политические организации даже изобрели для такого человеческого материала специфические термины “демшиза” и “комшиза” соответственно. Каждому, кто бывал на политических митингах, подобный контингент знаком. Российская политическая сцена знает людей, которые, будучи сами вполне психически уравновешенными, специально работают на рост психосоциальных патологий и соответствующие группы населения.

С другой стороны, гораздо более интересны многочисленные ситуации, когда поведение вполне нормальных людей может квалифицироваться как психосоциальная патология, причем нередко сами они “задним числом” признают “затмение сознания”. Не раз констатировали это и внешние наблюдатели. Так, Джон Гэлбрейт, которого трудно заподозрить не только в симпатиях к правившей КПСС, но и в левых взглядах вообще, в начале 1990 г. с тревогой констатировал, что в России дискуссия по ряду аспектов перестройки приближается к легкому помешательству, и предупреждал о крайней опасности синдрома упрощений (Гэлбрейт Дж. К. Почему правые не правы // Известия.— 1990.— 1 февраля.— С. 5). Заголовок и содержание статьи указывают на то, что Гэлбрейт правильно уловил одну из особенностей российских социопатий — произрастание большей их части на почве примитивизированного правого либерализма, подобно тому, как в 1917 г. большая часть социопатий произрастала на почве примитивизированного “левого коммунизма”.

Характерные для новейшей российской революции социопатии данного типа имеют некоторую специфику по сравнению с предыдущими революциями, причем как по содержанию, так и по форме. Содержание социопатии обычно напрямую связано с революционным лозунгом, мифом или утопией, восприятие которых приобретает патологический характер. Некоторые из таких мифов или утопий будут охарактеризованы позднее. Стоит заметить в этой связи, что не только достоинства бывают продолжением недостатков, но и, напротив, недостатки — продолжением достоинств. Так, некоторое “обмельчание” политических утопий периода новейшей российской революции имеет среди прочего своим следствием и относительно более слабые социопатии. Достаточно сравнить веру в близкий коммунизм с надеждой на мгновенное наполнение прилавков товарами, доступными для всех.

Что касается форм проявления социопатий, то если исходить из того, что они возникают главным образом в интеракции, в коммуникации людей, непосредственно взаимодействующих между собой, классификация таких групп могла бы стать одной из возможных основ для выделения разных форм социопатий. Например, в соответствии с классификацией революционных толп Гюстава Лебона можно выделить социопатии уличные и парламентские. Пример последней, не отделимый от личного опыта автора и навсегда врезавшийся в память, хотелось бы здесь привести.

Речь идет о голосовании 12 июня 1990 г. на Съезде народных депутатов России за Декларацию о ее государственном суверенитете. В канун голосования на Съезде шла острая борьба и ключевой пятый пункт, утверждавший, что законы России выше законов Советского Союза, прошел сравнительно небольшим числом голосов. И это не удивительно. Каждому здравомыслящему человеку должно было быть очевидно, что принятие Декларации, содержащей данный пункт, будет иметь, по крайней мере, два разрушительных следствия:

а) разрушение Советского Союза — ибо все республики, которые этого еще не сделали, объявят собственные законы выше союзных, что в лучшем случае будет означать превращение единого государства в аморфную конфедерацию;

б) шаг в направлении разрушения самой Российской Федерации, ибо часть российских автономий также неизбежно последует “дурному примеру”.

И тем не менее в решающий день за Декларацию проголосовали более 900 депутатов, против — 2, а 11, включая и автора этой книги, воздержались.

До сих пор в памяти стоят бурные и продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию, которыми встретили результаты голосования объединенные в едином порыве бывшие партократы и демократы, которым вскоре суждено было также стать бывшими. Осталось в памяти и ощущение ирреальности происходящего, ибо невозможно было понять, как люди, находящиеся в здравом уме и твердой памяти, с восторгом разрушают государство, в котором родились и выросли, превращают в иностранцев миллионы соотечественников, включая собственных родственников и друзей. Существуют многочисленные более или менее обоснованные версии причин разрушения Советского Союза. Можно понять также психологические факторы, заставившие депутатов голосовать за “независимость России”: стремление обрести реальную власть и ощутить собственную значимость, давление избирателей и средств массовой информации и т. п. И все же рациональными соображениями объяснить всеобщий восторг разрушения, царивший в тот день, невозможно. Без понимания психологии толпы, описанной Фрейдом и Лебоном, подобные социопатии убедительной интерпретации не поддаются.

В канун парламентских выборов 1995 г. оппозиционные газеты опубликовали список депутатов, голосовавших против пятого пункта Декларации о суверенитете. Таким образом левая оппозиция стремилась откостить от обвинений, в частности со стороны ЛДПР, в том, что она разделяет ответственность за разрушение Советского Союза. Список сыграл свою политическую роль, успокоив левый электорат. Мало кто при этом вспомнил, что большинство включенных в список голосовали за Декларацию в целом, лишив тем самым всякого смысла свою позицию в отношении ее пятого пункта. В контексте нашей проблемы публикация списка — свидетельство запоздалого прозрения и стремления хотя бы частично оправдать “помутнение разума” и “затмение сердца”, которое случилось в тот день и у закоренелых государственников.

Образование. Революция. Закон... М., 1999

ГЛАВА IX. РЕВОЛЮЦИЯ КАК ПРАЗДНИК. НЕГАТИВНАЯ СВОБОДА И СИТУАТИВНОЕ РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ СОЦИАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА

1. Феномен праздника и революционное сознание

До сих пор в настоящей работе анализировались исключительно такие характеристики революции как исторической ситуации, которые в аксиологическом плане могут рассматриваться либо как нейтральные, либо как негативные. Однако попытка ограничиться анализом этих характеристик наверняка была бы односторонней и уж во всяком случае не позволила бы понять, почему не только сами революционеры, но нередко и потомки воспринимали революции как звездные часы человечества, а религией любой революции был оптимизм. Не подлежит сомнению, что одинаково искренни были и Владимир Маяковский, считавший ярчайшим днем в своей жизни “двадцать пятое, первый день” (т. е. день Октябрьского вооруженного восстания), и Юлия Друнина, незадолго до суицида ассоциировавшая дни антикоммунистической революции 19—21 августа 1991 г. со строкой известной песни: “Три счастливых дня было у меня”.

Следует подчеркнуть еще раз: объяснение подобным социально-психологическим феноменам в соответствии с задачами этой книги мы будем искать не в отдаленных исторических последствиях

революции, а в ней самой; не в том, каким общественным отношениям революция открыла дорогу (хотя такое объяснение в ряде случаев могло бы оказаться самым продуктивным), но в природе самого революционного акта.

Ленин был прав, когда утверждал, что революция — праздник для угнетенных. Разве что стоило бы добавить, что это праздник и для будущих новых угнетателей. При этом революционному акту обычно бывает присущ почти весь набор признаков праздничного действия.

Как и любому действительному празднику, революции обычно предшествует ожидание, предчувствие, а со стороны революционеров — и предвкушение грандиозной исторической мистерии. И хотя на эту тему написана громадная литература, тем более в России, где для интеллигенции искать покой в бурях — привычное дело, приведем еще одно свидетельство, принадлежащее биографу человека, который известен не как политик, но главным образом — как композитор. Вот как описывает А. Лиштанберже состояние и мысли своего героя в канун революции 1848 г. в Германии.

“Вагнер очень хорошо понимал, что кризис, который готовился для него, был только началом того великого кризиса, которого ждала с минуты на минуту с мучительной тоской Саксония и вообще вся Германия. Ему казалось, что силы прошлого и силы будущего непримиримо поднялись друг против друга, и что с минуты на минуту должен завязаться решительный бой. Под этим впечатлением он написал... статью, в которой в самом возбужденном лирическом тоне он прославлял пришествие новой эпохи.

“Да! — восклицает он.— Скоро старый мир падет в прах, и новый мир восстанет из его обломков, ибо великая богиня революции спешит на крыльях бури с главой, осененной ореолом из молний, с мечом в одной руке и факелом в другой; взор ее мрачен, гневен, вид ее леденит кровь...” Она сеет ужас в сердцах тех, кто тоскливо хватается за прошлое: царедворцев, чиновников, денежных тузов, государственных людей и трусливых буржуа. “Несчастные!— кричит Вагнер этому стаду обезумевших от страха эгоистов.— Поднимите глаза, посмотрите на этот холм: там собрались лучшие из лучших; с трепещущим от радости сердцем ждут они зари нового дня. Смотрите, это — ваши братья, ваши сестры, это — несчастные, обездоленные, которые в жизни знали только одно страдание, до сих пор чужие на этой земле, созданной для радостей; все они ждут революции, которая томит вас; как избавительница, она вырвет их из рук этого жалкого мира и создаст новый мир, в котором все обретут счастье” (Лиштанберже А. Рихард Вагнер как поэт и мыслитель. — М.: Алгоритм, 1997.— С. 173).

Разумеется, революции как праздника ожидает не все общество, но лишь его часть, жаждущая любой ценой отринуть старый мир (обычно это часть, составляющая большинство политически активного меньшинства). Однако даже у противоположной части общества к ощущению грядущей катастрофы нередко примешивается ожидание грандиозного исторического спектакля и чувство своей сопричастности к нему, в то время как у сторонников революции предвкушение праздника иногда окрашивается в мрачные тона от предощущения катастрофы. Иначе говоря, все как будто находится в ожидании “пира во время чумы”, однако чувства одних акцентируются на первой части определения, тогда как чувства других — на второй.

В качестве необходимой и существенной характеристики праздника как феномена культуры в литературе неизменно отмечается карнавализация. “Праздник,— пишет, например, К. Жигульский,— это период исполнения особых общественных ролей открытым, публичным, коллективным образом. Независимо от того, проявляется ли публично обычная, нормальная общественная структура с ее иерархией или же на время создается иная, даже обратная структура, праздник всегда выступает периодом, когда подобные роли подчеркиваются, выражаются наиболее четко и недвусмысленно” (Жигульский К. Праздник и культура.— М.: Прогресс, 1985.— С. 174). Но разве не то же самое видим мы в революциях, по крайней мере, в большинстве политических революций нового и новейшего времени?

Хорошо известно, например, что французские революционеры конца XVIII в., решая задачи эпохи, облекались тем не менее в костюмы древних римлян, а революционеры середины XIX в. (1848—1850) — в костюмы своих предшественников из века XVIII (см.: Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд. Т. 8.— С. 119). Не чужды были публичного исполнения особых общественных ролей особым образом и российские революционеры разных эпох. При этом декабристы предпочитали римские декорации, а революционеры 1917—1920 гг., хотя и с меньшей интенсивностью, чем их французские коллеги в середине XIX в., ассоциировали свое поведение с конституционалистами, жирондистами или якобинцами.

История революций вполне согласуется со следующим мнением М. М. Бахтина: “В эпохи великих переломов и переоценок, смены правд вся жизнь в известном смысле принимает карнавальную характер: границы официального мира сужаются, и сам он утрачивает свою строгость и уверенность,

границы же площади расширяются, а атмосфера ее начинает проникать повсюду” (Бахтин М. М. Сочинения в 7 томах. Т. 5.— М., 1996.— С. 112). М. М. Бахтин назвал и целый ряд непосредственно связанных с карнавализацией признаков народного праздничного действия, которые могут быть отнесены (отчасти и были отнесены самим Бахтиным) к действию революционному. Среди них:

ощущение почти неограниченной свободы, торжество (всплеск) народной, площадной стихии и противовес жестким рамкам ролевого поведения в обычной (непраздничной) жизни;

“обратная иерархия” (замена привычной системы социальных статусов, ролей, норм и ценностей принципиально иной, вплоть до противоположной — см. предыдущий раздел книги);

преодоление обыденности, приобщение к “большому” (чувству, действию), применительно к революции — ощущение себя маленьким человеком в качестве субъекта истории — “большим человеком сродни всему большому” (там же.— С. 58, 59);

крутой эмоциональный подъем (радость, надежда на будущее, неумеренный оптимизм), восприятие происходящего по формуле “Катастрофа веселая и обновляющая мир” (Бахтин М. М. Сочинения в 7 томах. Т. 5.— М., 1996.— С. 58, 59).

Некоторые из этих характеристик революции рассматривались в предыдущих разделах, на других самое время остановиться сейчас.

2. Праздник и свобода

Свобода — едва ли не главный лозунг любой революции нового и новейшего времени, и революции конца XX в. в этом смысле, конечно, не исключение. Объективный исторический смысл лозунга в революционных условиях был, по крайней мере, тройким.

Во-первых, его мобилизационный потенциал оказался едва ли ни самым высоким среди всех революционных лозунгов. Не случайно он выдвигался как в наборе с равенством, братством и отменой частной собственности, так и в прямо противоположном наборе — с частной собственностью, неравенством (ликвидацией уравнительности) и индивидуализмом. Исключительная привлекательность свободы как общественного отношения и ценности связана не только с культурными, но отчасти и с природными факторами. Известно, что гораздо легче присваиваются (говоря психологическим языком — интериоризируются) человеком именно те общественные отношения и ценности, к которым он расположен в силу своих природных особенностей. С этой точки зрения достаточно очевидно, что свобода как ценность имеет явные природные основания в виде так называемого “рефлекса свободы”. Сказанным о мобилизационном потенциале лозунга свободы можно и ограничиться, ибо в этом смысле революции конца XX в. мало отличаются от своих предшественниц, разве что последние требовали освобождения человечества от угнетения феодального или капиталистического, тогда как новейшие — от “угнетения коммунистического”.

Во-вторых, революции принадлежат к числу тех исторических ситуаций, когда свобода в ее негативном аспекте, “свобода от” действительно резко расширяется, хотя это расширение и имеет временный, ситуативный характер. Эта позитивная особенность революции, столь объединяющая ее участников, как ни странно, связана с двумя другими негативными особенностями и является их обратной стороной. Речь идет о ситуационных характеристиках революции как катастрофы и аномии.

Катастрофа, связанная, среди прочего, и с разрушением институтов социального контроля, расширяет внешние границы негативной свободы:

И больше нет городского —
Гуляй, ребята, без вина!

(Блок А. А. Двенадцать // Блок А. А. Поэмы.— М.: Сов. Россия, 1986.— С. 37.)

Аномия, связанная со снятием многих табу, раздвигает ее внутренние границы.

Повторю еще раз, что негативная свобода является атрибутом не только революционных, но и других исторических ситуаций, связанных с катастрофами и аномиями. Иллюстрацией этого утверждения могут служить стихи из Февральского дневника Ольги Берггольц (Берггольц О. Ленинградская поэма // Поэмы и стихотворения.— Л.: Худож. литература, Ленинградское отделение, 1976.— С. 19):

В грязи, во мраке, в голоде, в печали,
Где смерть, как тень, тащилась по пятам,
Таковыми мы счастливыми бывали,
Такой свободой бурною дышали,
Что внуки позавидовали б нам.

Отличия негативной свободы в условиях революции заключаются не в самом ее (свободы) ощущении, а в его сочетании с другими характеристиками праздника, о которых речь пойдет ниже. Теперь же от психологического восприятия пора перейти к реальному положению.

Реальное развитие свободы в условиях революционной и постреволюционной ситуации происходит волнообразно, при этом расширение негативной свободы не обязательно сопровождается увеличением пространства свободы позитивной и наоборот. Негативная свобода достигает пика в первый период революции — в период революционной демократии (или анархии), сводится до минимума в ее второй период — период революционной или постреволюционной диктатуры (Тарасов А. Этапы революционного процесса // Альтернативы.— 1995.— № 4.— С. 158—159), а затем вновь постепенно расширяется. В этом, как уже отмечалось, проявляется, среди прочего, и феномен “маятника”.

Что касается свободы позитивной, “свободы для”, то для широких слоев народа она обычно достигает нижней критической границы как раз в период революционной катастрофы, которая, в свою очередь, может достигать наибольшего размаха как при революционной демократии, так и при революционной или постреволюционной диктатуре. Обычно наибольшая глубина падения приходится на конец первого из этих периодов и начало периода второго, тогда как экономический подъем обычно приводит не только к расширению позитивной свободы, но и к краху постреволюционной диктатуры, раздвигающему вместе с тем и границы свободы негативной.

В отношении российской революции 90-х гг. ограничимся пока следующим общим замечанием. По сравнению со своими предшественницами (например, революцией 1917 г.) новейшая российская революция гораздо меньше ограничивала негативную свободу граждан, используя в качестве главного средства управления не столько прямое насилие, сколько средства массовой информации. Однако с точки зрения позитивной свободы ее результаты для большинства граждан при сопоставлении за сравниваемый исторический период относительно мирного постреволюционного развития значительно проигрывают.

Другое отличие состоит в том, что предшествующие революции расширяли позитивную свободу отнюдь не только для номенклатуры и членов правящей партии, как пишут в последние 10 лет, но и для представителей групп, имевших прежде низкий социальный статус, в особенности для рабочих. Революции же конца 80—90-х гг., в том числе и “вторая русская революция”, резко расширили границы позитивной свободы для богатых и существенно — для обеспеченных и столь же резко ограничили ее для малообеспеченных и бедных. И если У. Пальме назвал “бунтом богатых” неоконсервативную волну на Западе, то в несравненно большей степени относится эта характеристика к новейшим революциям в Восточной Европе и России.

3. Приобщение народа к историческому действию

Революции нового и новейшего времени, равно как и отечественные войны, принадлежат к числу тех исторических ситуаций, когда на авансцену истории выходит его величество народ. Помимо ощущения почти неограниченной свободы, всплеска народно-площадной праздничной стихии, это порождает и другое следствие: в такие периоды “маленький человек” начинает чувствовать себя субъектом истории, “большим человеком сродни всему большому” (М. М. Бахтин). Чувство это, подобно ощущению свободы, сравнительно мало зависит от содержания революции и ее направленности. В мемуарной и специальной литературе оно описано самыми разными людьми, включая участников событий в июле 1789 г., октябре 1917 г. и августе 1991 г. Если же от ощущения “маленьким человеком” себя в качестве субъекта истории обратиться к его (человека) действительной роли, то она окажется весьма противоречивой.

Вряд ли может быть оспорен тот факт, что активной части народа принадлежит главная роль в разрушении дореволюционной системы, и в этом смысле “маленькие люди”, принявшие участие в таком разрушении, безусловно, становятся субъектами исторического действия. Не случайно впоследствии именно этот момент чаще всего фиксируется в исторической памяти народа как праздник. Гораздо труднее анализировать роль “человека из народа” в создании системы постреволюционной.

Во-первых, как было показано ранее, результаты революции сплошь и рядом бывают неожиданными даже для революционеров и революционных вождей, более того, противоположными первоначальным прекрасноречивым лозунгам. Но если уж в революциях лидеры нередко вынуждены идти за событиями, а не вести их за собой, выступать в качестве проводников “общей воли”, но никак

не штурманов исторического процесса, стоит ли говорить о рядовом гражданине, пусть даже и чувствующим себя “большим человеком”? И этот вопрос отнюдь не снимается тем, что “общая воля”, управляющая событиями, складывается из усилий тысяч и миллионов таких граждан, поскольку сам “маленький человек” обычно оказывается игрушкой общественных сил, вызванных им к жизни совместно с другими “маленькими людьми”, еще в гораздо большей степени, чем политические лидеры. В таких условиях чувство собственной субъектности, возникшее у “человека из народа” в период разрушения прежней системы, нередко превращается в иллюзию либо через некоторое время может смениться разочарованием и ощущением своей полной подвластности враждебной судьбе.

Дав характеристику послеоктябрьского поколения в поэтических строках:

Мы были сваями моста
Из камня и металла.
По нашим сомкнутым плечам
История шагала

(Смольников А. Мои ровесники.— М.: Мол. гвардия, 1968.— С. 13),— их автор сказал не совсем то, что хотел, а, может быть, больше, чем хотел. Хотел, по-видимому, сказать о выдающейся роли поколения как коллективного исторического субъекта, но получилась, скорее, “проговорка”, поэтический парафраз на тему марксова высказывания об историческом процессе, который совершается “за спиной” участников исторической драмы, с той лишь разницей, что в представлении поэта история шла не “позади”, но “по головам” людей экстраординарного поколения, превратившихся в “сваи моста”.

Во-вторых, хотя ведущая роль в создании постреволюционной системы всегда принадлежит экономической и политической элите и выполняющей ее волю бюрократии, степень реального участия “простых граждан” в этом процессе, их реальная историческая субъектность во многом зависят от того, интересы каких общественных групп представляет новая элита и в каких группах она видит свою социальную и политическую опору. В этой связи заслуживают переосмысления некогда хрестоматийные, а ныне забытые по политическим мотивам мысли Ленина. Как известно, он полагал, что в буржуазных революциях задача народа ограничивается разрушением прежней системы, поскольку создание новой вполне по силам правящему меньшинству, опирающемуся на постоянно растущий вширь и вглубь рынок. Напротив, после социалистической революции новую систему приходится создавать сознательно, а это могут сделать только широкие массы. Задача же правящей партии — организовать их деятельность в качестве самостоятельности (см., например: Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-ое изд. Т. 36.— С. 53, 380; более подробный анализ см.: Смолин О. Н. В. И. Ленин о культурной революции как факторе формирования социалистического образа жизни // Вклад вузовской науки в дело ускорения научно-технического и социального прогресса. Тез. докл. юбил. науч.-практ. конф., Омский пединститут, 8—10 декабря 1986 г. Ч. II.— Омск: ОГПИ, 1986). Что же касается причин, породивших в конце концов неудачу реализации концепции самостоятельности народа как главного фактора создания нового общества, то на этот счет есть разные мнения. Одни полагают, что дело в самой самостоятельности и неспособности “кухарок” управлять государством; другие — что причина кроется в чрезмерной бюрократизации общества, покончившей в конце концов с большинством видов такой самостоятельности. Этот вопрос выходит за пределы нашей темы, но, говоря объективно, в какой-то степени эта концепция реализовалась: Советская власть открыла социальным низам дорогу к образованию и привлекла их к управлению на разных уровнях. Как будет показано ниже, это стало одним из факторов, обеспечивавших значительную продолжительность революционно-оптимистических настроений в СССР.

Новейшая российская революция поначалу тоже провозгласила лозунг опоры на народную самостоятельность в строительстве “новой России”, хотя использовать эту самостоятельность предполагалось в прямо противоположном направлении. Вслед за Президентом представители политической элиты дружно начали повторять, что теперь каждый сможет обзавестись собственным “делом” и что стране нужны не “сотни миллионеров, а миллионы собственников”. Оставляя до следующих разделов анализ лозунга о ваучерной приватизации в качестве “народной”, стоит заметить, что новейшие революционеры очень быстро от него отказались. Вместе с ним была похоронена и идея народной самостоятельности как необходимого условия создания новой государственности. Жалуясь на бюрократию и “олигархов”, новая власть очень быстро сделала их своей опорой и центром внимания, позабыв, что еще совсем недавно обещала превратить каждого в хозяина жизни и “вот такого миллионера”.

4. Праздник и революционный оптимизм

Чувства свободы и необыкновенности происходящего, столь роднящие революцию и праздник, порождают еще одну общую для них черту — крутой эмоциональный подъем, ощущение радости и необъяснимый с рациональной точки зрения оптимизм. Может быть потому, что это чувство во многом иррационально, пожалуй, лучше всех его выражают художники, деятели искусства. Каждый, кто хоть немного знаком с историей литературы, без труда приведет тому примеры. А поскольку таких примеров тысячи и тысячи, не станем все упоминать имя классиков типа В. Маяковского или А. Блока. Ограничимся высказываниями авторов не столь именитых, но не ставшими, однако, от этого менее достоверными. Вот что 10 лет назад писал Борис Васильев, которого трудно заподозрить в конъюнктуре и угодничестве перед властью (да и время было уже не то), об Октябрьской революции 1917 г.: “Революции даруют свободу не только обществу, но и личности. И сквозь кровь и вопль гражданской войны подавляющее большинство наших сограждан получило эту свободу, как осознанную необходимость”. Отметив далее, что именно свобода делала завоевания революции лично принадлежащими каждому, писатель продолжает: “Это реальное чувство личной свободы, личной причастности к судьбе государства и питало неистовый энтузиазм первых пятилеток, затаившая алым кумачом черные бездны лагерей” (Васильев Ю. Завидую внукам // Известия.— 1988.— 1 января.— С. 3).

А вот почти одновременно изложенное в стихах мнение поэта Валентина Берестова (цит. по: Диалог. Общественно-политический и литературно-художественный журнал ВОС.— 1989.— № 4), где оптимистические надежды связаны уже с ожиданием новой революции, прямо противоположной по направленности:

Страна всплывает, как со дна морского,
Вся в водорослях, тине и грязи.
И столько здесь волнения мирского
(Взывай, взрывайся, вязни, вывози).
Что чуда настоящего не видишь,
Хотя почти немислимо оно.
А это возникает Китеж,
Когда-то канувший на дно.

Справедливости ради следует сказать, что грядущая катастрофа казалась воскресением града Китежа отнюдь не только поэту, но также широким слоям населения и даже большинству профессиональных политиков, по крайней мере, тех, кому удавалось получить доступ к средствам массовой информации. При этом драматический опыт предыдущих революций, кажется, почти никого и почти ничему не научил.

Историческая роль революционного оптимизма крайне противоречива. С одной стороны, он во многом помогает людям перенести катастрофические последствия революций и нередко сопровождающих их гражданских войн. Без учета этого фактора невозможно понять те граничащие с чудом примеры терпения, самоотверженности, воли, героизма, которыми так богата история любой великой революции. С другой стороны, в психологическом плане революционный оптимизм нередко оказывается сродни опьянению, заставляет не только массы, но и лидеров многократно преувеличивать реальные возможности и совершать стратегические ошибки. Именно об этом говорят строки Федора Тютчева, адресованные декабристам и проникнутые одновременно осуждением, горечью и уважением (Тютчев Ф. И. Стихотворения.— М.: Советская Россия, 1976.— С. 25):

О жертвы мысли безрассудной,
Вы уповали, может быть,
Что станет вашей крови скудной,
Чтоб вечный полюс растопить.

Другой пример относится уже к области не поэзии, но теории. Не традиционный и отнюдь не бесспорный, но весьма интересный анализ воздействия массовых революционных настроений на программу и поведение революционеров и на дальнейший ход исторических событий был выполнен А. П. Бутенко. Проанализировав многочисленные высказывания В. И. Ленина с апреля по октябрь 1917 г. и приведя их в систему, автор пришел к нескольким выводам.

Во-первых, следующая за Февралем российская революция мыслилась Лениным в этот период отнюдь не в качестве социалистической, но как радикальная демократическая революция, способная

обеспечить, соответственно, не непосредственное “введение социализма”, но лишь подходы к решению социалистических задач. Во-вторых, резкое изменение позиции лидеров большевизма произошло в период Октябрьского вооруженного восстания и сразу после его победы (см.: Бутенко А. П. Правда и ложь о революции 1917 года // Социс.— 1997.— № 2.— С. 40—44, 46). В-третьих, цитирую: “Революционная эйфория, видимо, была главной причиной, подтолкнувшей Ленина и большевиков на согласие с подобными решениями” (т. е. с курсом, направленным на непосредственный переход к социализму). “Насколько сильна была в тогдашнем обществе вера в близость социализма, в необходимость такого выбора и такого пути, свидетельствует и то, что даже в Учредительном собрании, открывшемся в марте 1918 г. (на самом деле в январе.— О. С.), партиям “социалистической ориентации” (социал-революционерам и социал-демократам) принадлежало более 85% мест” (там же).

Разумеется, выводы А. П. Бутенко имеют гипотетический характер, однако сам факт революционной эйфории в 1917 г. (как, впрочем, и в любой другой революционный период), а равно и ее влияние на ход политического процесса вряд ли могут быть оспорены.

Как уже отмечалось выше, новейшая российская революция вполне отвечает и этому общему для исторических ситуаций данного типа правилу. Все без исключения официально провозглашенные программы преобразований предреволюционного, а особенно революционного времени, по своей оптимистичности ничем не уступают многократно заклеянным программам первых советских пятилеток, а с точки зрения расхождения поставленных целей и результатов значительно их превосходят. Сопоставляя программы “400 дней”, “500 дней”, обещания кандидата в Президенты Б. Н. Ельцина в канун выборов 1991 г. (о том, что уже через год после его прихода к власти и начала “радикальных реформ” цены в России начнут падать, а заработная плата расти), повторяющиеся из года в год заявления о наступающей или уже наступившей экономической стабилизации, не стоит поддаваться искушению упрощенных трактовок и безоговорочно объявлять все это преднамеренной ложью, хотя в некоторых случаях это имело место. Гораздо глубже, а вместе с тем и ближе к истине, выглядит предположение о том, что российские политические лидеры 90-х гг. точно так же поддались революционной эйфории, как лидеры большевизма в 1917-м и в последующие годы.

Впрочем, гораздо труднее сделать такое предположение в отношении супероптимистических заявлений постреволюционного периода. Одно из них было сделано А. Чубайсом на пленуме партии “Выбор России” в июне 1997 г.

“Реформа, которая была начата Гайдаром, командой Гайдара в 1992 году в тяжелейших условиях, реформа, которая несколько раз была на волоске, сегодня, в эти дни, получила абсолютно уникальный для России исторический шанс быть доведенной до результата, причем до результата, который будет очевиден всем, в том числе и тем, кто физиологически ненавидит все, что мы делали, делаем и будем делать.

У нас твердая, сплоченная команда. За нами мощнейший интеллектуальный потенциал — лучший потенциал — лучший сегодня не только в России, но и в мире. Мы убеждены в том, что мы сумеем реализовать те цели, которые ставили перед собой еще в 1992 году.

Мы понимаем, что сегодня мы можем говорить о подъеме производства так, как ни один коммунист никогда за всю свою жизнь не говорил, не говорит и уже не скажет.

Сегодня мы можем защищать ценности патриотические, государственные ценности так, как ни один коммунист этого не сделает, потому что все его лозунги — пустые слова по сравнению с нашими пониманием того, как и каким образом мы этого можем достичь.

Я думаю, что сегодня мы действительно проходим поворотный этап. Я думаю, чтобы решить те задачи, которые приходилось решать нам в 1992 году и раньше, нужно было просто совершить чудо. Это чудо было совершено” (Чубайс А. Сегодня мы можем защищать патриотические, государственные ценности так, как ни один коммунист этого не сделает... (Выступление на Пленуме Совета партии ДВР 12 июня 1997 г.) // Демократический выбор.— 1997.— № 25 (49).— 19 июня).

Поскольку экономическая и политическая ситуация к 1997 г. не могла уже оставлять никаких сомнений даже у самых фанатичных приверженцев новой системы, подобные заявления напоминают, скорее, не наивные в чем-то иллюзии поколения 1917 г., но казенные и высокопарные заявления Леонида Брежнева на XXVI Съезде КПСС.

Повторим еще раз: святая вера в “светлое будущее”, оптимизм — религия любой революции. Однако интенсивность и длительность такого восприятия происходящих событий существенно меняются в зависимости от того, о какой именно революции идет речь. Интересное наблюдение по этому поводу неожиданно встречаем в книге М. Джиласа “Новый класс”, ставившей своей задачей критический анализ коммунистических революций.

“Иллюзии рождает каждая революция, каждая война даже. Но ведутся они во имя неосуществимых идеалов, мнящихся борцам в пылу битв столь реальными. Кончаются битвы, и с ними, как правило, испаряются иллюзии, бледнеют идеалы. В коммунистической революции не так.

Иллюзии, ею рожденные, очень долго еще живут и в тех, кто за нее боролся, и в массах. Насилие, произвол, открытый грабеж, привилегированность правителей — даже все это не в силах освободить часть народа, не говоря уже о коммунистах, от слепой веры в революционные лозунги. Какой-никакой, “а все-таки социализм”; жестоко и неожиданно, но “все равно продвигаемся к бесклассовому обществу”... Вера и надежда человеческие долго еще живут и после завершения индустриализации” (Джилас М. Лицо тоталитаризма.— М.: Новости, 1992.— С. 191).

Совершенно очевидно: интенсивность и длительность революционно-оптимистических настроений в условиях “реального социализма” объясняются не только тем, что коммунистическая идея действительно отражает многотысячелетние идеалы человечества, и еще в гораздо меньшей степени тем, что в условиях постреволюционной диктатуры вера в “светлое будущее” поддерживалась всеми средствами — от пропаганды до террора (последний скорее уничтожал подобное мироощущение), но прежде всего тем, что эта вера подкреплялась реальным движением общества вперед, повышением уровня цивилизации, несмотря на колоссальные жертвы и разрушения. Выше уже отмечалось, что в период экстенсивной индустриализации темпы развития общества советского типа были значительно выше, чем стран “Запада”, а в большинстве стран, избравших “советскую модель”, — выше, чем в предреволюционный период. Что касается воздействия этого индустриального развития на общественную психологию, то следовало бы вновь осмыслить многочисленные свидетельства деятелей культуры, являвшихся отнюдь не сторонниками, но, напротив, критиками “тоталитарного режима”. Вот, например, свидетельство из книги Ильи Эренбурга “Люди, годы, жизнь”:

“На строительстве магистрали Москва — Донбасс было собрание. Один землекоп, в бараньей шапке, с обветренным лицом, говорил: “Да мы во сто раз счастливее проклятых капиталистов! Они жрут, жрут и дохнут — сами не знают, для чего живут. Такой прогадает, смотришь — повесился на крюке.

А мы знаем, для чего мы живем: мы строим коммунизм. На нас весь мир смотрит...” (Эренбург И. Люди, годы, жизнь.— М., 1966.— С. 602).

“В жизнь входило новое поколение — юноши и девушки, родившиеся накануне первой мировой войны; для них царь, фабриканты, городские были отвлеченными понятиями. Больше домен и мартеновских печей меня интересовали эти новые люди — будущее нашей страны” (там же.— С. 604, 606—607).

“Несмотря на суровый быт, рождались новые чувства, мысли; юноши и девушки часто при мне спорили, существует ли вечная любовь, можно ли оправдать ревность, принижает ли комсомольца грусть, нужны ли строителям стихи Лермонтова, музыка, часы одиночества” (там же.— С. 604, 606—607).

Другая зарисовка принадлежит перу Юрия Нагибина в его повести “Встань и иди”. Приехав к отцу, сосланному за несовершенно преступление, сын был поражен случившейся с ним переменой: “Он стал энтузиастом в том высоком смысле, каким исполнено было это определение в пору подъема и чаяний второй пятилетки. К своей вере он пришел не умозрительно, как иные, он “вработался” в нее, впервые оказался причастен к настоящему, горячему делу. Этому способствовали беззлобие, интеллигентская жертвенность и презрение к капитализму — плод юношеского увлечения марксистской философией” (Нагибин Ю. Встань и иди // Нагибин Ю. Вдали музыка и огни: Повести и рассказы.— М.: Современник, 1989.— С. 37).

Парадокс эпохи состоял в том, что термин “социальный оптимизм” в качестве официального лозунга и характеристики “социалистического образа жизни” был выдвинут в период брежневского “застоя”, т. е. как раз тогда, когда действительные волны постреволюционного оптимизма резко пошли на убыль. Впрочем, и тогда этот лозунг опирался на определенные реальные основания в виде относительной стабильности социальной системы — пусть даже стабильности, поддерживаемой отчасти искусственно и, как выяснилось, недолговечной.

Новейшая российская революция, как и положено революции некоммунистической (точнее, антикоммунистической), подпадает под правило, выведенное М. Джиласом: с ее завершением восторженно оптимистические обещания слышны, пожалуй, лишь от тех, кому это положено по должности, да и то нечасто. Прочитанное выше высказывание А. Чубайса представляет скорее исключение, нежели правило. Большая же часть населения, не желая возврата назад, оказалась вместе с тем глубоко разочарованной результатами политики “реформ”. Это относится не только к

тем, кто в очередной раз попал под колесо истории, но в значительной степени и к тем, кто это колесо вращал.

Сохраним верность стилю данного раздела работы, где теоретические положения иллюстрируются не столько политическими примерами или результатами конкретных социологических исследований, сколько художественным материалом. Конечно, материал этот не удовлетворяет критерию всеобщности, но зато, подобно практике, обладает достоинством непосредственной действительности, отражая глубинные пласты культуры, связанные не только с сознанием, но и с подсознанием людей.

В свое время популярнейшая группа “Наутилус Помпилиус” сделала немало для низвержения системы, где “круговая порука” заставляет людей быть “скованными одной цепью, связанными одной целью”, и предсказывала “за красным восходом — розовый закат”. Тогда подобное настроение было почти всеобщим.

И вот по окончании революционного праздника появляется новый “хит” той же группы, заслуживающий специального комментария не только культурологов, но и политологов. Впрочем, для экономии времени ограничимся подстрочными замечаниями лишь к одному куплету из постперестроечной песни В. Бутусова и И. Кормильцева.

Раньше у нас было время
 (“раньше” — период не “застоя”, но предчувствия революции и ее начала; “время” — историческое: свидетельство ощущения собственной исторической значимости) —

Теперь у нас есть дела
(возвращение с исторического уровня на обыденный, бытовой)
Доказывать, что сильный жрет слабых
(восхвалять “дикий” рынок и конкуренцию),
Доказывать, что сажа бела
(уверять, что все хорошо и страна идет единственно верной дорогой).

Мы все потеряли что-то
В этой безумной войне
(т. е. в революционной борьбе с прошлым и друг с другом).

Кстати, где твои крылья,
Которые нравились мне?
(вместе с ощущением исторического масштаба времени и собственных действий, вместе с окончанием праздника исчезли и “крылья”, т. е. светлые надежды кануна и первых лет революции).

Метод аналогий позволяет сформулировать, как минимум, три причины, объясняющие непродолжительность революционно-оптимистических настроений в России конца 80—90-х гг.

Первая, и, видимо, главная причина — глубина и длительность всеобщего кризиса, явное преобладание антимодернизационных, противои-виллизационных тенденций над тенденциями модернизаторскими, процивилизационными (см. раздел “Революция как катастрофа”).

Вторая — относительно меньшая жесткость внедрения новой идеологии в массовое сознание. Разумеется, ввиду колоссального развития средств массовой информации плотность информационных потоков на сознание народа в конце 80—90-х гг. была не ниже, а выше, чем, например, в 30-х, но при этом плюрализм в значительной мере сохранялся, а насилие имело гораздо меньший размах и несравненно более мягкие формы. Все это позволяло гражданам судить о реальных общественных процессах не только на основе собственного опыта, но и иных источников информации, пусть даже и весьма ограниченных, но не совпадающих с официальными.

Наконец, третья причина — отсутствие привлекательной идеологии, масштабного и продуктивного исторического мифа. Последней проблеме и будет посвящен следующий раздел книги.

* * *

В заключение краткой характеристики революции как праздника попытаемся ответить на риторический вопрос, поставленный в начале этого раздела. Многие революции остаются в памяти потомков как “звездные часы” человечества не только в силу своих объективных последствий и не только потому, что некоторые из них открывают для него новые пути развития. С интересующей нас точки зрения не менее важна субъективно-психологическая сторона, а именно: революции — это те исторические периоды, когда значительная часть людей ощущает ослабление психологического отчуждения от общества.

В свое время Эрих Фромм выделил три основные способы снятия такого отчуждения: оргиастический; растворение человека в группе (толпе); творческая деятельность. При этом автор “Души человека” полагал, что анализирует проблему отчуждения в целом, тогда как на самом деле из контекста работы видно, что речь шла главным образом о его психологических аспектах и лишь отчасти — об аспектах социальных. Если принять точку зрения Э. Фромма в качестве рабочей гипотезы, то совершенно очевидно, что революции используют все названные противоотчужденческие механизмы. Отсюда и то праздничное настроение, ощущение свободы и счастья, которое обычно посещает участников, да и многих “зрителей” естественно-исторического представления, именуемого революцией. Однако, как и в житейском быту, лишь только заканчивается праздник, на смену окрыленности приходит обыденность, а нередко и горькое похмелье...

Образование. Революция. Закон...М., 1999

ГЛАВА X. МИФОЛОГИЗАЦИЯ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ КАК ФЕНОМЕН РЕВОЛЮЦИИ. РЕВОЛЮЦИОННЫЕ УТОПИИ И РЕАЛЬНОЕ УСКОРЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Подобно другим характеристикам революции, мифологизация сознания, формирование социальных и политических утопий являются обязательными признаками данного типа исторических ситуаций, но не могут быть отнесены к признакам, характеризующим исключительно этот тип, и никакой другой. Расширяя предмет анализа, обобщая и существенно упрощая все многообразие существующих концепций, можно сказать, что в социогуманитарных науках существует, по крайней мере, два основных подхода к проблеме социальных и политических мифов и их роли в общественной жизни людей.

Первый подход, который ориентирует социальное познание на идеалы познания естественно-научного и может быть условно назван сциентистским, исходит из того, что социальные и политические мифы — явление безусловно вредное, а избавление от них — одна из важнейших и актуальнейших задач науки и практики. Сторонники этого подхода по своим научным предпочтениям могут принадлежать к различным социологическим парадигмам (технологическому детерминизму, социально-экономическому детерминизму, социокультурному детерминизму, функционализму и т. п.), а по политическим ориентациям — к различным течениям общественной мысли — от либерального до марксистского. Справедливости ради надо сказать, что последние выступают за исторический подход к социально-политическим мифам и утопиям, стремятся выявить их социальные корни, однако в лице большинства своих представителей, как правило, признают прогрессивность лишь домарксистской утопической мысли и разделяют общую антимифологическую ориентацию, характерную для данного подхода.

Приведем характерные примеры из справочных изданий, пренебрегая до поры различиями между мифом и утопией в политике, а также между утопиями политическими и социальными. “Марксистская социология рассматривает утопию как одну из форм неадекватного отражения социальной действительности; однако в прошлом утопия выполняла важные идеологические, воспитательные и познавательные функции”. И далее, “хотя возникновение научного социализма подорвало социальное значение утопии, лишило ее многих прежних функций, утопия не утратила своей роли в качестве специфического жанра литературы” (Философский энциклопедический словарь.— М.: Советская энциклопедия, 1989.— С. 680). “Утопия политическая — иррациональное состояние политического процесса и политического сознания, которое препятствует нормальному предварительно рассчитанному исполнению политического проекта, сильно изменяет его конечные результаты или делает их получение невозможным” (Политология. Энциклопедический словарь.— М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993.— С. 380).

Не давая пока специального комментария, заметим мимоходом, что почти все значительные политические и социальные концепции (включая самые модные в современной России — гражданского общества и правового государства) возникали как утопические проекты (см.: Кравченко И. Рациональное и иррациональное в политике (утопические аспекты политического сознания) // Вопросы философии.— 1996.— № 3.— С. 4), что наличие социально-политической утопии при определенных условиях не только не является препятствием реализации политического проекта, но, напротив, представляет собой одно из необходимых условий его частичного исполнения, причем речь идет об исторических проектах, грандиозных по масштабам. Аргументация этого тезиса — дело будущего. В данном же случае достаточно указать на то, что рассматриваемый подход отчетливо проявляется не

только в изданиях советского и перестроечного периода, но также и периода постсоветского, постперестроечного. Поэтому его нельзя связывать исключительно или главным образом с марксизмом.

Среди сторонников второго подхода также можно найти специалистов разных наук и политических ориентаций (как левых, так и правых). Однако при этом акцентируется обычно специфика социогуманитарного познания, а не его общенаучная природа, да и принадлежат соответствующие специалисты в большинстве своем к антропологическому либо психологическому детерминизму (в особенности же — к психоаналитическому направлению последнего).

Так, Карл Юнг различал, как известно, два типа мышления (психических процессов). Первый тип — логическое мышление, которое направлено на приспособление к внешнему миру вербально и представляет собой инструмент и порождение культуры. Проявляется оно в науке, технике, индустрии. Второй тип — ненаправленное мышление, которое представляет собой поток образов, игру воображения и является необходимым условием духовного творчества, мифологии, религии и т. п. Гипертрофия первого типа мышления, по Юнгу, приводит лишь к тому, что люди становятся богатыми в познаниях, но бедными в мудрости. Второй тип мышления так же необходим, как и первый, но его функция — адаптация человека к его собственному внутреннему миру, установление гармонии с ним. С этой точки зрения демифологизация сознания не только не необходима, но, напротив, вредна. По Юнгу, цивилизация, утратившая своих богов и свои мифы, обречена, ибо миф придает смысл настоящему. Разрушение же мифа приводит к ощущению бессмысленности существования (подробнее см.: Руткевич А. М. К. Юнг об архетипах коллективного бессознательного // Вопросы философии.— 1988.— № 1.— С. 124—133).

Вряд ли стоит подробно говорить о том, что в советский период подобный подход подвергался в отечественной литературе критике, не всегда справедливой и, более того, не всегда вполне марксистской. Гораздо интереснее заметить другое. Уже в период постсоветский вслед за социальными кентаврами (феноменами, причудливо сочетающими плохо совместимые, подчас противоположные общественные отношения) появилось немало странных теоретических гибридов, включая, например, такие, как сочетание в одной и той же работе призывов к демифологизации сознания с утверждениями о возможной положительной роли социальных мифов (см., например: Чудинова И. М. Политические мифы // Социально-политический журнал.— 1996.— № 6.— С. 122, 130—131).

Представляется, что, как и в известной истории с царем Соломоном, в известной мере правы сторонники обоих подходов, однако содержащаяся в каждом из них доля истины проявляется в отношении различных объектов. С некоторыми оговорками в первом приближении можно сформулировать следующий тезис: демифологизация является безусловно важной (но не столь же безусловно выполнимой) задачей социальной науки по отношению к ней самой, но отнюдь не обязательно — по отношению к массовому сознанию.

Пояснения ко второй, наиболее спорной части этого утверждения будут даны ниже. Первая же его часть прямо вытекает из природы науки, смысл и назначение которой, как известно, заключается в поиске объективной истины. Однако в отношении наук социогуманитарных здесь требуется, по крайней мере, две оговорки.

Во-первых, социальное познание всегда имплицитно содержит в себе оценку, вполне избежать которой не удавалось даже тем ученым, кто это декларировал. Не случайно специалисты одной и той же социо-гуманитарной науки, принадлежащие к различным политическим ориентациям, нередко категорически расходятся в оценке одной и той же теоретической конструкции вплоть до того, что одни объявляют ее едва ли не абсолютной истиной, а другие — мифом!

Во-вторых, если сказанное справедливо для прошлого и настоящего, то вдвойне справедливо — для будущего. Как уже отмечалось выше, прогнозы в социальных науках не могут быть в точности подобны астрономическим. Претензии футурологов должны ограничиваться, скорее, набором возможных сценариев развития и определением вероятности реализации каждого из них. Если прибавить к этому, что сам прогноз, став ориентиром для политиков и фактом массового сознания, превращается вместе с тем в известной степени и в фактор формирования будущей реальности, то становится совершенно очевидным, что трудности полной демифологизации в процессе социального моделирования будущего возводятся едва ли не в квадрат.

Гораздо сложнее, а во многих отношениях принципиально иначе, чем в науке, обстоит дело с демифологизацией массового сознания.

1. Потребности в ценностях, в вере (совсем не обязательно — религиозной), “потребность смысла жизни”, как показывают специальные исследования, есть одна из фундаментальных

потребностей человека. Человеческую психологию невозможно свести к ее рациональному началу. Ценности, а тем более вера, не могут быть целиком выведены из разума, не говоря уже о рассудке. Поэтому где вера, там почти всегда и миф. Сказанное относится не только к индивидуальной психологии, но и к психологии общественной. Лозунг 1996 г. “Выбирай сердцем!” при всей его уязвимости для рациональной критики (явно напрашивается сравнение с тертуллиановой формулой: “Верую, потому что абсурдно!”) на самом деле свидетельствовал о высокой квалификации предложивших его специалистов по избирательным технологиям: определенно, они постигли природу массового сознания и его типологические особенности применительно к данной исторической ситуации.

В этой связи заслуживает специального рассмотрения гипотеза К. Мангейма (Мангейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление.— М.: 1991.— С. 113—169). С самого начала определив утопию как “то сознание, которое не находится в соответствии с окружающим его бытием” (там же.— С. 113), автор отличает от нее идеологию как “те трансцендентные бытию представления, которые de facto никогда не достигают реализации своего содержания” (там же.— С. 115). Далее К. Мангейм подробно характеризует четыре основных, по его мнению, типа утопии, начиная от позднего средневековья до наших дней: хилиастическую (оргиастическую), либеральную, консервативную и коммунистическо-социалистическую (там же.— С. 128—155). При этом констатируется следующая тенденция: “каждая конституировавшаяся на новой ступени развития утопия оказывается все более близкой социально-историческому процессу” (там же.— С. 159—160). И далее: “Мы приближаемся к той стадии, когда утопический элемент полностью (во всяком случае в политике) уничтожит себя в ходе борьбы своих различных форм. Если довести до логического конца существующие здесь тенденции, то пророчество Готфрида Келлера — “Последняя победа свободы будет прозаичной” — не может не обрести для нас зловещего звучания” (там же.— С. 159—160).

В этом пункте концепция Карла Мангейма перекликается с теорией возрастания рациональности исторического процесса Макса Вебера. Используя веберовскую терминологию, можно сказать, что оба автора видят в модернизации, развитии индустриального общества главную причину вытеснения в человеческой жизни традиционного, аффективного и ценностно-рационального типов социального действия типом целерациональным. Однако еще более интересно другое: несмотря на сходство позиций, Вебер, как и следует выдающемуся мыслителю, оказывается в этом смысле более глубок и более диалектичен, чем Мангейм. Несмотря на меньший исторический опыт, он убедительно показал, что сверхрационализация социума приводит к его иррационализации (подробнее см.: Вебер М. Избранные произведения. М.: Прог-ресс, 1990.— С. 22—24). И здесь при совершенно иной методологии мы обнаруживаем неожиданное сходство со сторонниками психологического и даже психоаналитического подхода в социологии, которые так резко критиковал сам Вебер!

Так, уже упоминавшийся Карл Юнг полагал, что чрезмерное развитие разума в ущерб эмоциональной стороне человеческой жизни приводит лишь к тому, что темные воды бессознательного могут захлестнуть светильник разума (Руткевич А. М. К. Юнг об архетипах коллективного бессознательного // Вопросы философии.— 1988.— № 1.— С. 127). Иначе говоря, попытка полной демифологизации массового сознания может вызвать еще большую его мифологизацию. Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно обратиться к гигантской литературе, посвященной воздействию на массовое сознание “массовой культуры” — этого неотъемлемого продукта современного индустриального общества (Г. Маркузе, Т. Адорно, Х. Шельски, не говоря уже об авторах антиутопий типа О. Хаксли, Р. Бредбери и др.), к бесконечным дискуссиям о том, становятся ли люди в информационном обществе более информированными или более дезинформированными, к вопросу о причинах роста популярности восточных верований и всякого рода мистических учений в сверхрационализированном западном обществе и т. п. Заканчивая этот сюжет, позволю себе усомниться, что полная демифологизация массового сознания — реальная задача обозримого исторического периода.

2. Как уже говорилось, существуют типы исторических ситуаций, которые особенно активно порождают мифологизацию массового сознания и распространение социально-политических утопий. К их числу безусловно принадлежат ситуации “исторических переломов”, войны и конечно революции. Это признается не только противниками последних, но и их сторонниками. Процитируем хотя бы одного из “последних могикан” эпохи революционного социализма — Фиделя Кастро: “Революциям обычно свойственны периоды утопий, когда их участники, посвятившие свою жизнь благородной задаче, полагают, что исторические цели находятся гораздо ближе, чем в действительности, ибо воля, намерения людей всеисильны и стоят выше требований объективной действительности” (цит. по: Правда.— 1975.— 20 декабря).

Данная характеристика революции как исторической ситуации напрямую связана с другими ее параметрами. Так, всеобщее некритическое отрицание прошлого, наряду с глубокой и почти универсальной аномией, стремительно разрушает прежние мифологемы и тем самым расчищает место для новых. Человек, оказавшийся в условиях катастрофы (и революционной катастрофы в том числе), как правило, стремительно переходит от отчаяния к надежде и обратно, причем надеяться нередко приходится лишь на чудесные, фантастические варианты спасения, что создает благодатную почву для новых мифов. Ощущение социальной бифуркации (переломного момента истории) рождает массовую тягу к конструированию будущего, огромное количество проектов желаемого общественного устройства, в большинстве своем утопических. В свою очередь присущие революции как празднику чувства свободы, оптимизма и социального творчества способны создавать иллюзорные представления о методах и сроках реализации этих идеальных проектов.

Мифологическое сознание революции как типа исторической ситуации характеризуется обычно целым набором параметров, как роднящих его с сознанием исторических ситуаций других типов, так и отличающих от него. В этом плане о предшественницах новейшей российской революции написаны тома и тома. Достаточно вспомнить цитировавшийся ранее до сих пор не потерявший своей глубины и стилистического блеска анализ Ф. Энгельсом главного исторического мифа Великой французской революции — мифа о государстве разума (Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд.-е. Т. 19.— С. 192—193). Великая российская революция 1917—1921 гг. до сих пор ждет своих глубоких исследователей и блестящих стилистов (псевдокоммунистические панегирики и антикоммунистические проклятия не в счет). Аналитические этюды конца 80-х гг. могли бы быть плодотворны, когда бы не были так редки (Мифы нашей революции // Литературная газета.— 1990.— № 10, 11, 12, 13). Новые серьезные исследования стали появляться лишь во второй половине 90-х гг., однако и они, как правило, дискуссионны по методологии и не рассматривают проблему специально. Вот лишь один любопытный фрагмент из подобной работы.

“Триумфаторская мифология победившей революции была впечатляющей. В центре ее символики оказался залп “Авроры”, как бы отрезавший путь в прошлое и возвестивший “начало новой эры” для всего человечества. Этот образ оставался притягательным до тех пор, пока утомленные ожиданием “наследники дела Октября” не созрели для усвоения новой легенды. Понятно, что она должна была начаться с дискредитации революционности” (Булдаков В. П. Имперство и российская революционность. (Критические заметки) // Отечественная история.— 1997.— № 1.— С. 43).

Поскольку историко-социологические экскурсы не являются специальной задачей данной работы, ограничимся характеристикой некоторых параметров революционно-мифологического сознания на примере новейшей российской революции.

А. Стремительное разрушение прежней мифологии и столь же стремительная замена ее новой, противоположной по содержанию. Тот факт, что в Советском Союзе, а затем в России псевдокоммунистические мифы с исключительной быстротой были заменены не “научным либерализмом”, но либеральной мифологией, признается почти всеми серьезными исследователями, включая теоретиков либерального направления (см., например: Кара-Мурза А. А., Панарин А. С., Пантин И. К. Духовно-идеологическая ситуация в современной России: перспективы развития // Полис.— 1995.— № 4.— С. 7). “... В середине 80-х годов,— вторит названным авторам И. М. Чудинова,— под воздействием “нового политического мышления” были развеяны мифы об антагонистических классовых противоречиях буржуазии и рабочего класса, мирового империализма и государственно организованного рабочего класса, о советском народе как носителе мира и прогресса, о нерушимой дружбе народов СССР, о социалистическом содружестве и превосходстве советской демократии. Однако исчезновение старых мифов не избавило нас от появления новых. Идеи общечеловеческих ценностей, их примата над национальными породили мифы о целостности мира и мировом содружестве, о советском империализме, абсолютной ценности прав и свобод человека, об универсальной ценности политического плюрализма” (Чудинова И. М. Политические мифы // Социально-политический журнал.— 1996.— № 6.— С. 122). Между прочим отметим еще раз, что массовое внедрение либеральных мифов в массовое сознание, наряду с другими факторами, обеспечило победу новейшей российской революции и во многом предопределило нынешнее состояние постсоветского общества.

Сказанное тем более верно, что в России в досоветский и советский периоды население привыкло со значительным доверием относиться к печатному слову. Автор этих строк сам неоднократно слышал диалоги между людьми разных поколений приблизительно следующего содержания.

Младший:

— Неужели Вы этому верите?

Старший:

— Конечно. Это же написано в “Правде”...

Младший:

— Но ведь это реклама..!

Когда же после брежневско-черненко-вской бесцветницы и скуки страницы и экраны вдруг заполнились яркими критическими материалами, выполненными по принципу известной песни “И тут всю правду мы узнали про него...”, это произвело букваль-ный переворот в умах. То, что речь идет о замене одних мифов другими, поначалу было ясно немногим. Как и полагается по логике истории, слабые голоса кассандр были подвергнуты всеобщему проклятию и осмеянию.

Б. Обилие политических мифов. В знаменитом докладе на президиуме РАН от 11.02.92 г. “Социально-политическая ситуация в России”, розданном в свое время народным депутатам РФ и хранящемся в личном архиве автора, директор Института социально-политических исследований РАН Г. В. Осипов выделил 6 основных социально-политических мифов начала 90-х гг., которые “вступили в противоречие с основными закономерностями развития современных цивилизованных государств, с их основными нормами и принципами, выработанными в ходе многовековой социальной практики” (Осипов Г. В. Указ. доклад.— С. 9—10).

“Миф первый: о необходимости разрушения в государстве административно-приказной системы”.

“Миф второй: о верховенстве законов различных структурных единиц (городов, районов, областей, республик и т. д.) над законами структур, составными частями которых они являются”.

“Миф третий: о приоритете интересов наций, народов или автономий перед интересами и правами человека”.

“Миф четвертый: о приватизации как средстве создания изобилия предметов потребления”.

“Миф пятый: о возможности перехода к новым экономическим, политическим и социальным структурам без правового регулирования этого перехода”.

“Миф шестой: о русском империализме, об отождествлении Центра с Россией и, как реакция на это, провозглашение суверенитета и независимости всех республик, что, фактически, предопределило государственный распад СССР” (Осипов Г. В. Указ. доклад.— С. 9—10).

В статье “Мифы уходящего времени”, подготовленной позднее на основе доклада, Г. В. Осипов добавил к перечисленным еще 3 мифа:

“о демократии как самоцели и средстве решения всех проблем. Это наиболее опасный в практическом отношении миф”;

“обновленный “экономический детерминизм”, согласно которому “Рынок решает все”;

“о вхождении территории бывшего Союза в евро-американскую цивилизацию” (Социс.— 1992.— № 6.— С. 4—6).

Трудно удержаться и не привести еще два примера мифов новейшей российской революции, которые, как представляется, дополняют и даже уточняют одну из позиций цитированного выше доклада Г. В. Осипова. Имеется в виду миф о распаде “последней колониальной империи” и миф о “независимости России”.

Идеологический миф, согласно которому Советский Союз был последней колониальной империей, оказался настолько прочно “вбитым” в массовое сознание конца 80-х — начала 90-х гг., что им пользовались даже специалисты, прекрасно понимавшие, мягко говоря, условность такого представления. В то время автору этой книги не раз приходилось участвовать в бурных дискуссиях политиков и политологов. Участники дискуссий дружно называли Советский Союз империей (волью или неволью смешивая понятие империи как формы организации крупного государства с понятием колониальной империи), но вынуждены были постоянно оговариваться, что эта империя необычная: Россию очень трудно признать метрополией, ибо она отдавала немалую часть своего национального дохода другим республикам, а, по крайней мере, Украину, Белоруссию и Прибалтику невозможно признать колониями, ибо они имели более высокий уровень жизни, чем “метрополия”. Постоянно задаваемый мною вопрос: имеет ли в таком случае термин “последняя колониальная империя” хоть какой-нибудь смысл? — всегда оставался на подобных дискуссиях без ответа.

Никакой критики не выдерживал и другой вариант той же версии: будто все республики, включая Россию, были колониями некоего “Центра”. Он вообще сильно напоминал историю из гоголевской повести, в которой нос майора Ковалева совершал свои собственные похождения, независимо от хозяина. Ведь каждому добросовестному школьнику должно быть известно, что колониальной империи без метрополии не бывает и что метрополией в империи может быть только государство, но отнюдь не правительство или ведомство.

Люди, которые разрабатывали названный выше миф, много раз публично заявляли: как только ненавистный “коммунистический Центр” перестанет вмешиваться в дела республик и выведет свои войска, все национальные проблемы решатся сами собой, повсюду воцарятся мир и благодать; рынок автоматически наладит экономические связи, и все бывшие части “империи” (прежде всего Россия) пойдут вперед семимильными шагами.

На самом деле и Центр (т. е. Горбачев) давно уже не был коммунистическим, и прогнозы эти подтвердились с точностью “до наоборот”. В другой стране и в другое время это, скорее всего, означало бы полный крах политической и научной карьеры, признание полной профессиональной несостоятельности такого рода специалистов. Но в революционной России 90-х гг. авторы провалившихся прогнозов продолжали и продолжают считаться авторитетами в области политики, межнациональных отношений, их назначали и назначают на высокие посты в министерствах, на должности советников Президента и т. п.

В действительности Советский Союз представлял собой не колониальную империю, а много- и наднациональное государство, подобно тому, как разные варианты таких государств представляют собой США, Великобритания и Индия. Версия же распада “последней колониальной империи” осталась свидетельством не столько недостатка квалификации, сколько избытка мифологизации сознания ее авторов, а может быть, и их беспринципности.

Однако вершиной новейшего российского революционного мифотворчества ни один из перечисленных выше мифов считаться не может. Бесспорным претендентом № 1 на эту роль должен быть признан миф о “независимости России”. В одном из предыдущих разделов уже говорилось о том, что автор этой книги принадлежал к числу очень немногих российских депутатов, не голосовавших 12 июня 1990 г. за государственный суверенитет России и верховенство ее законов над законами Советского Союза. Аналогичную позицию в отношении Беловежских соглашений официально, через голосование, выразить не удалось, поскольку вопрос рассматривался только Верховным Советом, а не Съездом народных депутатов России. Мифологический характер идеи “независимости России” от Советского Союза был очевиден уже в то время, и доказательством тому может служить очередной отрывок из уже не раз цитировавшейся статьи, основная аргументация которой несколько не устарела, несмотря на ее публицистический характер.

“Вообще-то создание новых мифов в революционную эпоху — вещь столь же обычная, как и разрушение старых, но здесь мы имеем дело с мифом уникальным по своей нелепости и претенциозности. В самом деле, каким самомнением должны обладать политические лидеры, чтобы всерьез заявить, будто только они дали независимость государству, существовавшему более тысячи лет! Какое “помутнение умов” долж-но произойти в обществе, чтобы оно поверило таким заявлениям! Если Россия получила независимость, то спрашивается, от кого? Говорят, от горбачевского руководства. Но разве это руководство было немецким или китайским? И как быть с тем, что именно это руководство обвиняли в “русификаторстве”, “русском империализме”, “оккупантстве” чуть ли не все новые республиканские лидеры, кроме команды Бориса Ельцина?

Не менее нелепо выглядит версия независимости России от Украины, с которой она воссоединилась в результате Переяславской Рады, от Грузии, которая вошла в состав Российского государства по Георгиевскому трактату, равно как от Средней Азии или Прибалтики, которые были Россией завоеваны.

От чего на самом деле стала “независимой” Россия, так это от целого ряда исторически принадлежавших ей территорий, от 25 миллионов наших соотечественников, превратившихся в иностранцев, от стратегического паритета, от космодрома “Байконур” и Черноморского флота и т. д. и т. п. Кому только на пользу такая “независимость”?

Впрочем, на последний вопрос ответить несложно: на пользу новой номенклатуре, точнее сказать, второму эшелону прежней бюрократической элиты, который ныне пришел к власти. Сменив статус среднеразвитой по мировым показателям державы на положение “Верхней Вольты без ракет”, мы оказались впереди планеты всей по количеству президентов и иных высокопоставленных должностных лиц на душу населения. Избавившись от своего прежнего начальства союзного уровня, они получили возможность пользоваться привилегиями, ездить за границу, представлять страну в Организации Объединенных Наций, быть в центре внимания и т. д. и т. п. и пр. От одного московского водителя я как-то услышал про 12 июня: “Это праздник Ельцина”. И действительно “День независимости России” — это день независимости российской номенклатуры от номенклатуры союзной. Именно перед ней, российской номенклатурой, этот день открыл блестящие перспективы. В этом сугубо практическом интересе, а не в недостатке квалификации и состоит причина поразительной слепоты ее аналитиков. Допускаю, что некоторые из них не лицемерили, а были

искренни, обещая, что после разрушения Союза мы заживем “долго и счастливо”: просто свое собственное “светлое будущее” они принимали за наше общее. В истории вообще, а в революционные эпохи — в особенности, любая правящая группа стремится представить свой интерес как общенародный, и обычно ей это удается” (Смолин О. Н. Куда несет нас рок событий? // Иртыш. Альманах Омской писательской организации Союза писателей РФ.— Омск.— 1992.— № 2.— С. 16—17).

Продолжая тему, следует согласиться с замечанием И. М. Чудиновой о том, что, “опираясь на миф о преобразовании русского патриотизма в антиимперский патриотизм, Б. Ельцин по существу привел к победе России — РСФСР над Россией — СССР” (Чудинова И. М. Политические мифы // Социально-политический журнал.— 1996.— № 6.— С. 126—127). Однако ее рассуждения о положительной роли этого мифа (там же) более чем уязвимы для критики, ибо “победа” малой России над Россией большой не только стала мощнейшим фактором экономического кризиса, не просто разделила русскую нацию искусственными государственными границами, но означала вместе с тем и “победу” России — РСФСР над самой собой, создав реальную угрозу и ее разрушения. Ко времени выхода статьи И. М. Чудиновой события на Северном Кавказе и, в частности, в Чечне это уже убедительно доказали. Не случайно в середине 90-х гг. активные сторонники и даже участники Беловежских соглашений охотно запускали в политический оборот известную формулу “Кто не сожалеет о распаде Советского Союза — у того нет сердца; кто не мечтает о его воссоздании — у того нет ума”. Если эта формула станет предметом специального анализа, политический психолог наверняка найдет в ней не только свидетельство самоотпущения “грехов” и сожаления о содеянном, но и косвенные доказательства того, что результаты действий “беловежских пущистов” резко разошлись с их намерениями и “декабристы образца 1991 г.” сами отчасти стали жертвой собственного политического мифа.

Разумеется, некоторые из этих положений могут быть предметом научной и политической дискуссии. Так, самым опасным в практическом отношении среди перечисленных Г. В. Осиповым являлся, видимо, не “демократический” миф, от которого вскоре отказались в пользу полуавторитарных методов, но миф “приватизационный”. Именно обвальная приватизация породила систему криминально-олигархического капитализма, сформировавшуюся “на выходе” процесса новейшей российской революции. Точно так же новый “экономический детерминизм”, на взгляд автора этой книги, должен быть выражен не столько формулой “Рынок решает все” (ибо рынок совместим с самыми различными типами социальных систем), сколько принципом мгновенной замены “священной частной собственности” собственности “ничейной” (государственной) в качестве главного условия достижения в кратчайшие сроки нового “светлого будущего”. Именно здесь наиболее ярко проявляется уже отмеченный выше парадокс использования примитивными антикоммунистами против примитивных коммунистов вывернутого наизнанку принципа... самого же примитивного коммунизма: главное — сменить собственность, а остальное приложится. Можно, наконец, без труда умножить перечень новых политических мифов, данный Г. В. Осиповым. Нельзя лишь не отдать автору должное за то, что в начале 90-х гг. он осмелился назвать мифами постулаты, признанные тогда властью и абсолютным большинством “критически мыслящих личностей” едва ли не абсолютными истинами!

В. Крайняя поляризация системы политических мифов и их упрощение. Поскольку любая революция представляет собой всеобщий конфликт, доведение до логического конца противоречий между общественными группами, вполне естественно, что вместе с поляризацией интересов и обострением политической борьбы резко противопоставляются друг другу политические мифы, отражающие интересы названных выше общественных групп. Чаще всего господствующему мифу революционеров о “светлом будущем” противостоит миф консерваторов о не менее “светлом прошлом”. Так, в России 90-х гг. после провала попыток реализации либеральных мифов реанимированы, хотя и остаются принадлежностью политических маргиналов, мифы о Сталине: портреты генералиссимуса все чаще появляются над колоннами демонстрантов, а первые ордена Сталина уже вручены леворадикальным политикам. С другой стороны, сама идеологическая поляризация, равно как и выход на политическую арену широких слоев народа, почти неминуемо ведет к упрощению лозунгов борьбы и их мифологизации. В этой связи, безусловно, заслуживает не только внимания, но и переосмысления то, что Горький в свое время писал о Ленине, а именно Ленин владел искусством упрощать сложнейшие политические проблемы, что необходимо капитану такого корабля, каким является свинцовая крестьянская Россия (Горький А. М. В. И. Ленин.— М.: Политиздат, 1980.— С. 24, 46).

А. М. Горький справедливо подметил социокультурный фактор политических упрощений —

крестьянский состав населения России. Однако еще более важным представляется фактор ситуационный. Предельная упрощенность политических лозунгов, в том числе и мифологизированных — феномен едва ли не любой политической революции. Через 70 лет после того, как Горький сделал свои наблюдения, Россия уже не была страной крестьянской, да и встречали народных депутатов России на пути в Кремль москвичи явно некрестьянского вида. Однако лозунг, который они скандировали: “Землю — народу в частную собственность!”, — по своей упрощенности явно был того же порядка, что и “Грабь награбленное”, а в плане пренебрежения всеми существующими законами логики намного его превосходил.

Г. Значительная доля утопий и антиутопий в составе политических мифов. Оставив культурологам анализ соотношения мифа и утопии как феноменов культуры и ограничившись политико-философскими и политологическими аспектами проблемы, легко заметить, что политический миф по отношению к политической утопии представляет собой понятие родовое, тогда как политическая утопия — один из видов политического мифа. По сравнению с объемом понятия “политическая утопия” объем понятия “политический миф” значительно шире. Политическая утопия — это такой вид политического мифа, который отличается от прочих, по крайней мере, тремя признаками.

Во-первых, это объект отражения. Любая утопия по определению (не случайно в переводе этот термин обозначает несуществующее место), представляет собой мыслительную конструкцию, отражение не существующей, но желаемой системы общественных отношений, тогда как политический миф, наряду с этим, может отражать в специфической (фантастической) форме и объекты вполне реальные.

Во-вторых, это полнота конструкции: социальная и политическая утопии охватывают обычно целую систему представлений, выраженную в логически или художественно законченной форме, тогда как миф вместе с тем может быть отражением определенной стороны, элемента, ракурса этой системы. Поэтому всякая социальная и (или) политическая утопия, пока она не реализована, есть миф, но отнюдь не всякий политический миф может быть назван утопией.

Наконец, в-третьих (и этот признак в интересующем нас аспекте наиболее важен и наиболее дискуссионен), отличительный признак социально-политических утопий от прочих политических мифов состоит в том, что, по крайней мере, в революционные и иные переломные моменты истории они непосредственно побуждают людей к действию. Подобная интерпретация исторической роли социально-политических утопий — не плод свободного творчества автора этих строк. Ее предлагали и предлагают многие специалисты, пишущие на эту тему. Не случайно и весьма удачно сказано, что “утопия — это предшественница проекта”, а “построение утопий — прапроектирование” (Алексеев Н. Г. *Философия образования и технология образования (Философия образования: состояние, проблемы и перспективы (материалы заочного “круглого стола”)* // *Вопросы философии.* — 1995. — № 11. — С. 16).

Аналогичным образом в уже анализировавшейся работе Карл Мангейм видит отличие идеологий от утопий в том, что “своим противодействием им” (утопиям) “удаётся преобразовать существующую историческую действительность, приблизив ее к своим представлениям” (Мангейм К. *Идеология и утопия* // *Утопия и утопическое мышление.* — М.: 1991. — С. 116). “Можно пойти дальше и с достаточным основанием утверждать, — продолжает он, — что существенной чертой самой структурной формы современного становления является то, что постепенно активизирующиеся социальные слои лишь потому оказались в состоянии совершать действия, преобразующие историческую реальность, что они в каждом конкретном случае связывали их с той или иной формой утопии” (там же. — С. 125).

В предыдущих разделах настоящей главы уже не раз отмечалось, что не только массы, но и политические элиты, действуя исключительно на основе рациональных мотивов, скорее всего не смогли бы свершить, а возможно, и не решились бы начать революционное действие. Хотя революционеры разных эпох и народов на разные лады повторяли, что кровь тысяч — ничто по сравнению со страданиями миллионов, будь они наперед способны с точностью рассчитать глубину катастрофы, размах насилия и непосредственные результаты собственного исторического деяния, как правило, противоположные первоначальным лозунгам, далеко не каждый решился бы требовать перехода от оружия критики к критике оружием. И здесь на помощь революционерам, а может быть и истории, приходит утопия. Поистине к революционной эпохе, как к ни какой другой, применим известный афоризм: надо быть зрячим, чтобы знать; надо быть слепым, чтобы делать!

В этой связи вызывает возражения следующее обобщение М. Ласки: “Все утописты — революционеры (хотя не все революционеры — утописты)” (Ласки М. *Утопия и революция* // *Утопия и*

утопическое мышление.— М.: Прогресс, 1991.— С. 183). Хотя по логике цитируемого автора революционером является любой, стремящийся выйти за пределы существующей системы, на самом деле, во-первых, это можно сделать не только революционными, но и реформистскими средствами, а во-вторых, трудно представить себе революционера, не мечтающего об идеальном будущем. Поэтому ближе к истине было бы прямо обратное утверждение: все революционеры — в какой-то мере утописты, хотя отнюдь не все утописты — революционеры.

В истории новейшей российской революции отдельные группы мифов также формировались в целостные социально-политические утопии от “гуманного демократического социализма” через короткий период “рыночного социализма” к “рынку как таковому”, к “рыночной системе”. Возможна и прямо обратная интерпретация: отдельные социально-политические мифы представляют собой лишь искусственно вычлененные части целостной утопии. Как бы ни относиться к современной рыночной экономике, совершенно очевидно, что в России начала 90-х гг. она выступила не в своей реально существующей форме, но в форме утопии. Об этом свидетельствуют, как минимум, три обстоятельства.

Во-первых, она была представлена в предельно упрощенном виде, характерном, скорее, не для конца XX в., а для первой половины XIX в., когда рынок действительно был чуть ли не единственным регулятором экономики.

Во-вторых, все многообразие вариантов рыночной экономики было сведено к единственной модели — американской, заменившей коммунизм в качестве идеальной общественной системы, тогда как на деле историческому опыту и российской ментальности значительно ближе модели европейские.

В-третьих, опозитизированы и восхваляемы оказались не только реальные достоинства рыночной экономики, но и ее общепризнанные пороки (безработица, высокое социальное неравенство, давление на политические элиты “большого бизнеса” и т. п.).

Д. Отсюда следует вывод, казалось бы, совершенно неуместный для сторонника социально-экономического детерминизма, каким считает себя автор, а именно: полное освобождение массового сознания от социально-политических мифов вообще и утопий — в особенности не только не всегда возможно, но и не всегда необходимо, а иногда — вредно!

Социально-антропологическую аргументацию аналогичной точки зрения мы находим опять-таки у Карла Мангейма, который, заметно противореча собственным выводам об исчезновении утопического начала из жизни современного человека, следующим образом подводит итоги своим размышлениям над интересующей нас проблемой. “... Полное исчезновение утопии привело бы к изменению всей природы человека и всего развития человечества. Исчезновение утопии создаст статичную вещь, в которой человек и сам превратится в вещь. Мы окажемся тогда перед величайшим парадоксом, когда человек, достигший самого рационального господства над средой, станет человеком, движимым инстинктом; когда человек после столь долгого, полного жертв и героизма развития, поднявшись, наконец, на высшую ступень сознания — где история перестает быть для него слепой судьбой и он сам становится ее творцом, — вместе с исчезновением всех возможных форм утопии утратит волю к созданию истории и способность понимать ее” (Мангейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление.— М.: 1991.— С. 169).

Переходя от социальной антропологии к философии политики, в реальной истории и политическом процессе необходимо различать, как минимум, следующие виды утопий:

утопии продуктивные (прокладывающие дорогу к прогрессу гуманизма и свободы) и контрпродуктивные (ведущие общество к деградации);

утопии абсолютные (нереализуемые в принципе) и относительные (нереализуемые при данных условиях и представляющие собой, по выражению Ламартина, “преждевременные истины” (см.: Санистебан Л. С. Основы политической науки.— М.: МП “Владан”, 1992.— С. 101).

Разумеется, на практике различение названных видов утопий представляется чрезвычайно сложным. Как правило, более или менее объективная оценка оказывается возможной лишь по прошествии значительного времени, да и тогда она остается предметом научной дискуссии и в еще большей степени — идейной борьбы. Однако трудно оспаривать тот факт, что в эпохи нового и новейшего времени каждая великая революция определенного типа выдвигала вместе с тем и великую идею — относительную продуктивную утопию, воодушевлявшую сторонников на сверхчеловеческие упорство, терпение, усилия и поступки, поражавшие, восхищавшие и ужасавшие современников и потомков. И хотя непосредственные результаты революции, как правило, разочаровывали, со временем новая общественная система несколько приближала человечество к социальным идеалам, зафиксированным в утопии, которая многим не только дореволюционным, но и постреволюционным мыслителям представлялась абсолютной. “Ориентация на максимальные

результаты... может оказаться при определенных условиях заведомо неосуществимой, но в том и смысл, как мы знаем, идеализации целей — в приближении, хотя бы относительном, частичном, неполном к полным воплощениям” (Кравченко И. И. Рациональное и иррациональное в политике (Утопические аспекты политического сознания) // Вопросы философии.— 1996.— № 3.— С. 4).

Утопичность революционного сознания выражается, как известно, в представлениях не только об идеальном будущем, но и об идеально коротких сроках его пришествия. Быть может, никто из художников в столь гротескной форме не отразил эту особенность психологии революционной эпохи, как Андрей Платонов. Прочитаем для примера хотя бы его Александра Дванова: “Даю социализм! Еще рожь не поспеет, а социализм будет готов! А я смотрю: чего я тоскую? Это я по социализму скучал” (Платонов А. Чевенгур.— М., 1990.— С. 120).

В иных, неревolutionных, а тем более в контрреволюционных исторических ситуациях подобная психология вызывает лишь насмешки. Однако, критикуя утопии, нельзя не видеть одного чрезвычайно важного обстоятельства: иллюзии форсированного развития отражают не что иное, как реальное ускорение исторического времени.

В свое время Ленин был прав, когда утверждал, что с точки зрения динамики общественного сознания день революции может быть важнее годов спокойного, мирного развития (Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-ое изд-е. Т. 30.— С. 312). В справедливости такого утверждения может легко убедиться каждый, сравнив, например, Францию 1789 г. и 1804 г., Россию 1917 г. и Советский Союз 1932 г., Советский Союз 1985 г. и Россию 1999 г. и т. п. Во всех случаях постреволюционная страна окажется совершенно иной, чем предреволюционная. В некоторых случаях можно спорить о том, куда бешено спешили исторические часы — вперед или назад, как вообще спорят о направленности стрелы исторического времени. Но невозможно оспаривать, что это историческое время не ползло, не шло и даже не бежало, а летело. Более того, утопическое сознание не только отражало, но и подгоняло историческое время в качестве одного из факторов его ускорения. Разумеется, при этом можно и в конец загнать “клячу истории” — этой знаменитой фразой поэт сказал больше и не совсем то, что хотел! — но вряд ли можно отрицать, что великие и в большинстве своем утопические цели, наряду с факторами, проанализированными выше, рождали у многих ощущение праздника и энергию, неведомую в обычное время.

В этом отношении новейшая российская революция 90-х гг. явно проигрывает ее великим предшественницам. В свое время на это обратил внимание скульптор Эрнст Неизвестный, указавший на то, что рынок сам по себе не может быть вдохновляющей национальной идеологией, и закончивший свою статью в популярном журнале странным с виду пожеланием к революционерам новейшей формации и их сторонникам: “Хорошего Вам мифа, господа!” Пожелание, увы, осталось нереализованным: “великой идеи”, относительной продуктивной утопии новейшая российская революция так и не создала. Быть может, и по этой причине вновь запущенная в российский телеэфир заставка “Время — вперед!” на фоне гигантских, почти остановившихся заводов звучит скорее как невольная ностальгия по прошлому, чем как символ ускоренного исторического прогресса...

Образование. Революция. Закон... М., 1999

ГЛАВА XI. СМЕНА ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ КАК ЗАКОН РЕВОЛЮЦИИ

Едва ли не единственным, однако серьезным аргументом против тезиса о том, что в России произошла очередная революция, является ссылка на мнение видных политологов, согласно которому смена политических элит представляет собой основной закон революции. Действительно, так полагали не только классики зарубежной политологии, но и известные отечественные ученые (о процессах формирования и циркуляции элит см., например: Моска Г. Правящий класс // Социс.— 1994.— № 10.— С. 187—198). В России же, как полагают сторонники рассматриваемой концепции, прежняя политическая элита не только не сошла со сцены, но, напротив, упрочила свои позиции. Поэтому говорить о революции в России некорректно, более точным является тезис о “реформе” или, как некоторые предпочитают, о “реформации”.

Не подвергая сомнению представление о смене политических элит как закономерности революции, хотелось бы заметить, во-первых, что формы проявления этой закономерности бывают весьма различными и зависят среди прочего от меры радикальности революционного отрицания. Если, например, во Франции в конце XVIII в. большая часть аристократии была либо уничтожена, либо

оказалась в эмиграции, то в Англии второй половины XVII в. устраненной (физически или от власти) оказалась лишь часть прежней аристократической элиты, тогда как другая “потеснилась” и дала место выходцам из новых буржуазных слоев. Даже такая радикальная революция, как российская 1917 г., несмотря на гражданскую войну и массовую эмиграцию представителей прежних “верхов”, отнюдь не привела к их полному устранению из властных структур. По оценкам В. Т. Ермакова, уже к весне 1919 г. пятая часть российского генералитета перешла на службу в Советской Армии, к концу гражданской войны — половина, а к 1923 г. — более 80 процентов. В конце 20-х гг. около 80% руководителей промышленности и около 100% ученых Академии наук занимали аналогичные должности в дореволюционной России (Ермаков В. Т. Исторический опыт культурной революции в СССР.— М.: Мысль, 1968.— С. 65—66).

В этом смысле новейшая российская революция не так уж и отличается от своих предшественников. Правда, если в Англии в XVII в. с новыми бизнесменами разделила власть старая аристократия, то в России конца XX в.— старая бюрократия. При этом в отличие от западных коллег представители новейшего российского бизнеса не довольствуются тем, чтобы отправлять в парламент или правительство своих представителей в лице юристов, политиков, менеджеров. Многие из них хотят представлять себя сами (Б. А. Березовский, В. В. Потанин и др.). Таким образом, если представители прежнего управленческого аппарата успешно обменяли власть на собственность, точнее, присоединили собственность к власти, то новые бизнесмены открыто стремятся получить власть в дополнение к уже приобретенной собственности.

Во-вторых, и главное. Кажущееся противоречие российского социально-политического процесса девяностых годов одному из основных законов революции разрешится очень легко, если учесть, что сама эта революция является бюрократической, по крайней мере, по главным движущим силам. Возможность такой революции была предсказана еще марксистской классикой. Не случайно В. И. Ленин в так называемом “Политическом завещании”, т. е. в статьях и письмах 1923 г., предлагал создать систему “защитных механизмов” от бюрократизации путем вовлечения в управленческую деятельность, наряду с партийно-политической элитой, представителей рабочих и крестьян (подробнее см.: Смолин О. Н. “Защитные механизмы” социалистической демократии // Коммунист.— 1988.— № 6.— С. 28—32). Как уже отмечалось, Л. Д. Троцкий и его сторонники полагали, что такой переворот в России произошел при Сталине, принимая за термидор (в смысле контрреволюции) то, что скорее было вторым изданием якобинской диктатуры. К сходным выводам, но с противоположных идеологических позиций пришли авторы теории “революции управляющих”.

Сценарии подобного рода хорошо известны из истории стран Азии и Африки, избравших в свое время путь “социалистической ориентации”, и неоднократно описывались в советской литературе. При отсутствии или ограничении демократии в таких странах происходили, с одной стороны, бюрократизация, а затем и перерождение правящих групп, а с другой — формирование нелегального или полулегального капитала, по преимуществу торгово-ростовщического характера. Обе эти группы срачивались между собой и совершали политический переворот (мирный или вооруженный — в данном случае неважно). Поскольку господствующие позиции в экономике при этом занимал не цивилизованный “производительный”, а бюрократический капитал, трудно привести хотя бы один пример страны, которая бы после такой революции добилась сколько-нибудь впечатляющих экономических успехов.

Аналогия с ситуацией в бывшем Советском Союзе вполне очевидна. Не случайно на возможность подобного развития событий в СССР на рубеже 80—90-х гг. указывали публицисты как левого, так и правого толка (впрочем, многие правые тогда не только назывались, но и действительно были левыми). Несколькими годами позднее, в начале 90-х гг., многочисленные экономисты и социологи, причем опять-таки самых разных направлений, констатировали, что за “командные высоты” в экономике борются в основном две силы: “бюрократы” и “теневики”.

Доказательства бюрократического характера новейшей российской революции содержатся в ответе на известный с древнеримских времен вопрос: кому выгодно? Главные из них состоят в следующем.

1. Численный рост управленческого аппарата. По оценкам специалистов, в Москве он вырос почти в три раза, в регионах — в полтора, два и более раза.

2. Улучшение положения управленцев по отношению к общественным группам, получающим доходы от трудовой деятельности, а во многих случаях — и по отношению к прежнему уровню их собственных доходов с учетом инфляции. Одновременно с этим — рост так называемых привилегий и затрат на обслуживание управленческого аппарата.

Так, согласно Указам Президента от 09.04.97 № 309 “О денежном вознаграждении лиц,

замещающих государственные должности Российской Федерации” и № 310 “О денежном содержании федеральных государственных служащих” установлены следующие размеры оплаты для некоторых должностных лиц (тысяч рублей в месяц): Президент Российской Федерации — 10000, председатель Правительства Российской Федерации — 8000, первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации — 7200, Секретарь Совета Безопасности Российской Федерации — 7200, заместитель Председателя Правительства Российской Федерации — 6500, федеральный министр — член Президиума Правительства Российской Федерации — 6300, федеральный министр — 6000, руководитель Администрации Президента Российской Федерации — 7500, управляющий делами Президента Российской Федерации — 7200, руководитель аппарата Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации — 6300, руководитель аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации — 6300, руководитель аппарата Правительства Российской Федерации — 6300, полномочный представитель Президента Российской Федерации в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации — 6300, полномочный представитель Президента Российской Федерации в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации — 6300, полномочный представитель Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации — 6300, помощник Президента Российской Федерации — 5500. С тех пор заработные платы управленцев были проиндексированы дважды — сначала на 50, а затем еще на 20 %.

И хотя оплата труда российских должностных лиц по сравнению с их западными коллегами, занимающими аналогичные должности, в долларовом исчислении выглядит гораздо более низкой, ее кратность по отношению к средней заработной плате в стране в сравнении с советским периодом существенно выросла, а по отношению к доходам нижних социальных страт выросла многократно. Стоит отметить, что заработная плата выборных должностных лиц и чиновников в ряде субъектов Российской Федерации превышает установленные президентскими Указами размеры, а их реальные доходы во всех случаях превышают заработную плату за счет всевозможных надбавок и премий. Еще более важным фактором дифференциации доходов между управляющими и управляемыми является широко распространенное, хотя и запрещенное законом, совмещение государственной службы с предпринимательской деятельностью, доход от которой, как правило, значительно превышает заработную плату чиновников.

3. Предельное ослабление контроля над управленческим аппаратом как “сверху”, так и “снизу”. Как известно, сталинский режим при всем его тоталитаризме, а может быть благодаря ему, обеспечивал весьма жесткий контроль “сверху” над бюрократическим аппаратом. Как в свое время заметил один из публицистов, Сталин держал свой аппарат “в гончей, поджарой форме”. Вместе с тем элементы контроля “снизу” над определенными уровнями аппарата тоже сохранялись: альтернативные выборы первых секретарей райкомов и горкомов были нередкостью, случались и провалы кандидатур, предложенных более высокими партийными инстанциями. В более мягких режимах Хрущева и Брежнева, с одной стороны, ослаб административно-репрессивный контроль над аппаратом, а с другой, как это ни парадоксально, угасли почти все остатки демократии. Наступивший при Брежневе “золотой век” управленческой стабильности еще раз подтвердил правильность афоризма, согласно которому бесконтрольная власть развратит и святого, и во многом подготовил бюрократическую революцию.

Новейшая российская революция началась с требования покончить с бюрократией или, по крайней мере, поставить ее под контроль, но на самом деле остатки такого контроля ликвидировала. Уже I Съезд народных депутатов России упразднил Народный Контроль, а российская Конституция 1993 г. — контроль Парламента над исполнительной властью и контроль избирателей над депутатами Парламента. Перефразируя непопулярного ныне Маркса, можно сказать, что бюрократическая революция в России победила под возгласы объединенных “демократов” и “партократов”: “Долой бюрократию!”

4. Присвоение в процессе приватизации непропорционально большой (возможно даже большей) части бывшей государственной (“общенародной”) собственности. Вопреки активно формируемому публицистикой общественному мнению, именно этот процесс является решающим доказательством бюрократического характера новейшей отечественной революции и по значимости на порядок превосходит два процесса, названных выше.

В настоящее время ваучерную приватизацию и ее последствия не клеймит только ленивый. В этом отношении лексика лидера ... блока “Отечество” едва ли не превосходит жесткостью лексику лидера ... Народно-патриотического Союза России. Разработчики обвинительного заключения против Президента России используют этот аргумент, указывая на прямое нарушение Президентом в 1992 г.

российского Закона “О приватизации” и инкриминируя ему геноцид российского народа. И действительно, механизм ваучерной приватизации был запущен с грубыми нарушениями Закона. Однако и сам Закон, предполагавший введение именных приватизационных счетов, был, мягко говоря, далек от совершенства и стратегически привел бы к тем же результатам. Вот как оценивались автором ожидаемые результаты реализации Закона в статье, написанной в июне 1992 г., но устаревшей к моменту опубликования, поскольку к тому времени Президент уже “запустил” своим Указом ваучерную модель.

“Я имею в виду... российский Закон о приватизации. Его экономические минусы очевидны: раздав всем инвестиционные книжки на определенную сумму, дающие право на приобретение акций, придется выплачивать дивиденды по этим акциям “живыми” деньгами, а это подхлестнет и без того галопирующую инфляцию; превращение крупных предприятий в собственность огромного числа мелких акционеров, не способных к самоуправлению уже из-за своей многочисленности, сделает директоров и других хозяйственных руководителей по существу бесконтрольными хозяевами этой собственности.

Подобный раздел сам по себе никак не стимулирует экономическую эффективность и производительность труда и т. д., и т. п., и пр.

Спрашиваю одного из депутатов “Демократической России”: “Зачем вы приняли такой неграмотный Закон? Ведь была же у вас программа Шаталина с ее принципом: все продать! Конечно, программа явно несправедливая, но экономически более грамотная?” И слышу в ответ: “Конечно, программа Шаталина была лучше, но если бы мы стали все продавать, начались бы забастовки, а так все будут довольны, каждый получит свое, но акции все равно скоро окажутся в руках самых умных и предприимчивых”. Разумеется, он прав. Пенсионеры, домохозяйки, просто малообразованные люди, не знающие, что делать со свалившейся на них “бумажной” собственностью, а главное — бедные моментально распродадут свои инвестиционные книжки за “живые” деньги, которые в условиях “шоковой терапии” оказались уже не в избытке, а в дефиците.

Вообще история со всеобщим дележом государственной собственности чем дальше, тем больше напоминает мне старую сказку о лисе и медведях, которые делили сыр. В самом деле, внимательный читатель конечно не забыл, что еще руководство Ельцина—Силаева обещало выдать каждому инвестиционную книжку на 7—8 тысяч рублей. В период кампании по выборам Президента России называлась цифра и в 10 тысяч. За полгода “шоковой терапии” цены, по подсчетам Павла Бунича, выросли в 15 раз; по другим подсчетам — в 30. И что же? Президент Ельцин и глава Госкомимущества Чубайс по-прежнему обещают гражданам инвестиционные счета по 7—8 тысяч рублей, иначе говоря, на сумму, составляющую 3—6% прежних обещаний. А кому же достанутся 94—97% собственности, которой прежде собирались нас осчастливить? Ответ очевиден: криминально-бюрократическому капиталу” (см.: Смолин О. Куда несет нас рок событий? // Иртыш. Альманах Омской писательской организации Союза писателей РФ. Омск.— 1992.— № 2. — С. 13).

Что же касается собственно ваучерной приватизации, то этот план изначально оценивался автором как экономически бесполезный (что подтвердил последующий спад производства), социально вредный, поскольку должен был привести к скачкообразному росту неравенства, но политически почти гениальный. Политическая “почти-гениальность” плана заключалась в том, чтобы использовать примитивные стереотипы массовой психологии в духе “казарменного”, уравнилельного социализма для введения не менее примитивного “бандитского” капитализма, для замены уравниловки неконтролируемым социальным неравенством. Уверен, что авторы плана, повторявшие как заклинание, что России нужны не сотни миллионеров, а миллионы собственников, прекрасно понимали суть дела. Тем более ее сознавали противники ваучерной приватизации. Процитирую в этой связи отрывок из собственного выступления на VII Съезде народных депутатов России, которое в свое время под разными названиями обошло немало газетных страниц.

“Нам говорят, что проблему среднего класса решит ваучеризация. Но это либо иллюзия, либо обман. Бумага ценой в 10 тысяч рублей, на которую сейчас не купить и женских сапог, не сделает человека собственником. Напротив. Обладателям торгового капитала выгоднее приобрести предприятия на купленные по дешевке ваучеры пенсионеров, инвалидов, малограмотных людей, чем даже напрямую с аукциона.

Уважаемый Анатолий Борисович Чубайс говорил нам здесь странные вещи. С одной стороны, он утверждал, что народ не глупее депутатов и ваучеры продавать не станет. С другой же стороны, восторгался тем, что курс ваучеров на бирже растет. Конечно, Анатолий Борисович, народ не глупее не только депутатов, но и членов правительства тоже. (Аплодисменты.) Однако скажите, пожалуйста, чьи же ваучеры продаются на биржах, а также с лотков в обмен на сахар, а то и за пол-литра? Где

здесь логика? На мой взгляд, она здесь и не ночевала.

Ваучеризация — это голубая мечта Полиграфа Шарикова. Только он хотел все отнять, чтобы поделить, а нынешние шариковы наизнанку намерены все поделить, чтобы потом отнять. (*Смех. Аплодис-менты.*) (VII Съезд народных депутатов Российской Федерации. Стенографический отчет // Российская газета.— 1982.— 8 декабря. С. 6; 9 декабря.— С. 4).

В научной литературе, и особенно в публицистике либерального направления, бюрократический характер новейшей российской революции нередко представляется как отклонение от “генеральной линии”, “извращение” курса “истинных реформаторов” и т. п. При этом используемые формулировки по смыслу, а иногда почти текстуально повторяют все то, что говорили в свое время критики “бюрократических извращений” социализма. Подобный подход представляется крайне поверхностным, и чтобы показать это, прибегну еще раз к цитированию собственной работы, написанной в середине 1992 г. и опубликованной в начале 1993 г. под заголовком “Куда несет нас рок событий?” Соответствующий раздел работы имел характерное название, заимствованное у Б. Окуджавы: “И рай настанет не для нас...”

“Здесь я, рискуя вызвать гнев читателей, должен сказать несколько слов в апологию перекрашивающихся старых бюрократов (тоже ведь “твари божьи”). Их на чем свет критикуют сейчас и левые, и правые, причем со стороны правых подобная критика представляется мне противоестественной. Слов нет, с точки зрения моральных оценок все верно: грустно и смешно смотреть на людей, которые вчера клялись незамутненными идеалами коммунизма, а сегодня “рвут” в частные структуры, обгоняя порой даже лидеров “демороссов”. Но спрашивается: могло ли быть иначе? Если господа, пришедшие к власти, стремятся как можно быстрее создать себе социальную опору в лице крупных собственников, то кто же иной, кроме “теневиков” и “бюрократов”, может создать этот слой?

Читателю, который в этом сомневается, я рекомендую пойти на аукцион и купить магазин или, на худой конец, квартиру. Гарантирую, что для девяноста с лишним процентов этот “виноград” окажется “зелен”.

Уверен, никакого “либерального” капитализма у нас нет и быть не может. Сделав ставку на классическую частную собственность, новая власть, даже если она этого не хотела, обречена получить капитализм азиатского, бюрократического типа. У “теневиков” — деньги, у “бюрократов” — власть. Деньги хотят получить власть; власть имущие хотят денег. Несомненно и то, что именно бюрократы имеют опыт, связи, производственные и управленческие навыки, т. е. то, что необходимо собственнику. Кому же еще становиться новыми хозяевами жизни? Правда и то, что говорит убежденный “западник” Анатолий Стреляный: никакому народу не по силам взрастить две элиты; человек, который при административном социализме дослужился до секретаря райкома, при капитализме не может не процветать. И наконец, официальная пропаганда без усталости твердит нам, что только предприниматель — это “главный труженик”, “настоящий мужчина”, “единственная наша надежда”, “спасение России” и т. д., и т. п., и пр. Чего ж мы удивляемся, если люди, которые привыкли считать себя “солью Земли”, опорой общества, хотят и при новом режиме сохранить это положение.

Нет, превращение старых бюрократов в новых крупных собственников — это результат не их “порочной природы”, а главным образом, неверно выбранного курса. Господам, которые призывают заменить монополию государственной собственности монополией частной, надо не клеймить бюрократическую приватизацию, а радоваться, что есть люди, которые откликаются на их призывы. Надо быть детски наивным или беспредельно лживым, чтобы надеяться убедить кого-то, будто то, что позволено “быку”, не позволено “Юпитеру”. Думаю, это хорошо понимают и сами авторы газетных агиток.

Смысл же подобной пропаганды состоит лишь в том, чтобы посеять очередные иллюзии, будто результаты правительственного курса так плохи лишь потому, что его извращают бюрократы. На самом деле смена старых бюрократов при сохранении прежнего курса приведет лишь к замещению их “теневиками” и едва ли “новая редька” будет слаще” (см.: Смолин О. Н. Куда несет нас рок событий? // Иртыш. Альманах Омской писательской организации Союза писателей РФ. Омск.— 1992.— № 2.— С. 10—11). Бюрократическая форма новейших революций в России и республиках бывшего СССР, а также в меньшей степени ряде других стран Восточной Европы позволяет легко объяснить такой отмеченный Саквой феномен, как их “договорный характер” и связанную с ним легкость победы: во всех предшествующих революциях нового и новейшего времени экономически и политически доминировавшие общественные группы теряли, как минимум, часть власти и собственности, а иногда были обречены на исчезновение; в новейших же революциях производственная и (или) государственная бюрократия, которой в условиях “реального социализма” позволялось лишь

ограниченно использовать в своих целях государственную собственность, была “обречена” на то, чтобы эту собственность приватизировать, а тем самым умножить и власть. Вполне естественно, что “контрреволюционные” движения в таких условиях были крайне слабы, и не только потому, что социальные низы не понимали, что происходит, но и потому, что они испытывали острейший дефицит политических лидеров.

После всего сказанного без ответа все еще остается, по крайней мере, один важный вопрос: означает ли бюрократический характер новейшей отечественной революции, что закон смены элит в ней не действовал, и, следовательно, либо он не универсален, либо революции все-таки не было? Различные авторы, не всегда четко формулируя эту дилемму, дают тем не менее разные ответы на поставленный вопрос. Так, В. Белоцерковский полагает, что в России экономическая революция не сопровождалась политической. В его статье “Куда несет Россию?” читаем: “И более того, важно сознать — реформа носила революционный характер, закамуфлированный под названием “шоковой терапии”. Она была революцией, произведенной сверху. При том, что в политической сфере революции осуществлено не было. Номенклатура не была устранена от власти и повернула реформу в выгодную ей сторону, по сути, в обратную” (Белоцерковский В. Куда несет Россию? // Свободная мысль.— 1996.— № 6.— С. 26).

Еще дальше идет В. В. Навроцкий. Представив общественное устройство в виде формализованной системы, описываемой пятью обобщенными параметрами: составом, структурой, характером связей между элементами, гомеостатическим механизмом, типом экономики (см.: Навроцкий В. В. Коммунизм и посткоммунизм: опыт сравнительного анализа // Социально-политический журнал.— 1995.— № 5.— С. 202—203) —, автор стремится доказать, что “из пяти параметров системы изменились, причем далеко не кардинально, только два — гомеостатический механизм и тип экономики” (там же.— С. 208). Отсюда делается вывод, согласно которому современная Россия переживает не новое состояние систем, а, скорее, новый этап эволюции старой: “... пока нет оснований ассоциировать с посткоммунизмом новую социальную систему” (там же.— С. 208). Иначе говоря, автор полагает, что изменилась лишь форма общественного процесса, тогда как его содержание осталось прежним. В пользу этого вывода в качестве одного из решающих приводится уже хорошо знакомый нам аргумент: “Действительно, большая часть политической элиты переходит в экономическую элиту, получая капитал и собственность в обмен на политическую власть. Меньшая часть переходит в государственную бюрократию или снова возвращается на политический Олимп, хотя бы в качестве антикоммунистов... Номенклатура по-прежнему владеет средствами производства, хотя и несколько иным образом... Классический коммунизм оплачивал лояльность граждан определенными социальными гарантиями, посткоммунизм не затрудняет себя даже этим” (Навроцкий В. В. Коммунизм и посткоммунизм: опыт сравнительного анализа // Социально-политический журнал.— 1995.— № 5.— С. 206).

Напротив, Л. Ф. Шевцова, стремясь реализовать более объективный “многомерный” подход, утверждает, что советско-российская номенклатура выполнила тройную функцию. “Во-первых, они оказались реформаторами, ибо преобразовали старую систему мирным способом, сохраняя такой ее ключевой элемент, как самое себя. Во-вторых, они одновременно произвели революционные изменения, отодвинув от власти старых лидеров и прямо, безо всяких посреднических механизмов, соединив в своих руках власть и собственность, таким образом изменили основной принцип организации системы. В-третьих, они уже вскоре в своем большинстве превратились в консерваторов, начав препятствовать формированию гибких механизмов ротации и смены власти, появлению конкурирующих элит, а в ряде случаев возвращаясь к прежним способам властвования” (Шевцова Л. С. Дилеммы посткоммунистического общества // Полис.— 1996.— № 5.— С. 88).

Автору этих строк представляется, что, несмотря на бюрократический характер новейшей российской революции, закон смены политических элит и здесь имел место, но в своеобразной форме. В отсутствие контр-элиты смена выразилась в том, что первый эшелон политических лидеров был оттеснен вторым, союзная по-литическая элита — элитами республиканскими и т. п. Достаточно удачный образ новейшей российской революции в свое время был предложен Э. Лимоновым, назвавшем ее революцией замов и экспертов.

Именно это стремление второго эшелона государственной бюрократии избавиться от власти эшелона первого, стремление республиканских политических элит “освободиться” от элиты союзной, а не “заговор русофобских сил”, стало главным непосредственным фактором разрушения прежней государственности. Приведу мнение одного из главных участников этого процесса — мнение *post factum* самокритичное и по двум этим причинам заслуживающее доверия. “После августовских событий 1991 года в Москве центральная (союзная) власть стала распадаться буквально на глазах.

Лихорадочные усилия Михаила Горбачева, стремившегося оживить работу по заключению нового Союзного договора, встречая мощное противодействие республиканских “вождей”, породили губительный новоогаревский процесс. Он, в свою очередь, уже был готов произвести на свет свое детище — Союз Суверенных Государств (ССГ) — так назывался этот проект, явившийся прообразом Беловежских соглашений об СНГ. Я тогда подчеркивал, что это решение — плохое из наихудших, но делать было нечего.

Союзное правительство практически было ликвидировано, а вместо него образован Государственный комитет по управлению экономикой. Союзные республики были в то время буквально одержимы одной мыслью — получить как можно больше прав от умирающего союзного центра. Полагая, что тем самым автоматически будут решаться их обостряющиеся социально-экономические проблемы. Каждый из лидеров республик, собирающихся под председательством союзного Президента, исходил из аксиомы, что именно его республика “содержит весь Союз”. Такой подход был характерен и для руководства Российской Федерации — мы здесь не были исключением, а порою и задавали тон в дезинтеграционных процессах — это надо признать самокритично” (Хасбулатов Р. И. Великая российская трагедия. Т. 1.— М.: ТОО СИМС, 1994.— С. 5—6). Один из тех, кто ввел в научный оборот характеристику новейшей российской революции в качестве бюрократической, признал вместе с тем и тот факт, что лидером этой революции было российское руководство, включая и его самого.

Своеобразное проявление закона смены элит и бюрократическая форма новейшей российской революции, полузакрытый характер российской политической элиты, ее относительно невысокая мобильность периодически вызывают к жизни такой уникальный феномен, как ложные реставрации отношений советского периода. Так, весной 1995 г., в период, когда журналисты и политики подводили итоги десятилетию перестройки, как никогда в последние 10 лет обнаружилась тенденция правящей политической элиты вернуться к прежним общественным формам при новом их содержании, сочетая праволиберальный курс в экономике с государственно-идеологической, а то и левой фразеологией в политике и идеологии.

Действительно, люди, которые спустя 50 лет после советского наступления под Москвой, реализовали в Беловежской пуще одну из ключевых идей плана “Барбаросса” (раздел Советского Союза по национальному принципу) и к тому же несколько лет именовали противников этого раздела не иначе, как “красно-коричневыми”, с энтузиазмом взялись за организацию празднования 50-летия Победы над фашизмом. Едва ли не впервые за последние десять лет из уст премьера России прозвучала похвала Иосифу Сталину. Участники учредительного съезда блока “Наш дом — Россия”, как сообщали средства массовой информации, на всю страну публично заговорили о том, что многопартийность для страны — непозволительная роскошь и что нам хватило бы одной партии (разумеется, их собственной).

Основываясь на подобных фактах, теоретики разных направлений, в том числе упоминавшиеся выше, а также правые либералы и часть интеллигенции упорно стремились доказать, что в стране за десять лет ничего не изменилось: кто правил, тот и правит, разве что Политбюро стало называется Советом Безопасности, а имя “тайного советника вождя” стало явным (тогда он был известен еще в качестве начальника охраны Президента, а не автора книги “Борис Ельцин: от рассвета до заката”).

Увы, это результат или собственного заблуждения, или стремления ввести в заблуждение других. За 10 лет содержание общественных процессов в стране изменилось коренным образом: государственно-бюрократический социализм сменился государственным и еще более бюрократическим капитализмом. Стремление же властвующей элиты частично вернуться к прежним формам означало лишь одно: вчерашние ограниченные в правах распорядители собственности превратились в ее полновластных хозяев. И хотя при этом частью “пирога” пришлось поделиться с нуворишами, полученного достаточно для собственной спокойной жизни, а также для потомков на много поколений. Теперь революций больше не требуется, нужны стабильность и покой. А для этого более всего пригодна однопартийная система (de iure или de facto — вопрос отдельный), а в крайнем случае, и применение насилия. Впрочем, концепция бюрократической революции, следовательно, оказывается наиболее продуктивной и для объяснения подобных исторических казусов, не вписывающихся, казалось бы, в логику российской истории конца 80—90-х гг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итоги всему сказанному о новейшей российской революции можно суммировать в форме нескольких главных выводов.

1. Официальные оценки социально-политических процессов в современной России исходят из следующих постулатов:

в девяностых годах Россия переживает период реформ;

по характеру и перспективам эти реформы демократические;

избранный вариант реформ был единственно возможным, а реальной альтернативы ему не существовало (последний постулат подвергнут сомнению Правительством Е. Примакова, но не администрацией Президента).

Напротив, автор этой книги убежден в том, что приведенные постулаты представляют собой скелет новой социальной мифологии и изображают реальный процесс в искаженном, если не перевернутом виде. Гипотеза, положенная в основу исследования, состояла в том, что:

а) в России произошла новая революция;

б) по содержанию (направленности) эта революция является буржуазной, поскольку интенция ее состоит в восстановлении рыночной системы (что в данном случае равнозначно капитализму), причем не в современной “социальной”, но в крайне примитивной форме, включая дорыночные отношения (бартеризация экономики);

в) с точки зрения характера дореволюционной и постреволюционной системы, а также в значительной степени методов осуществления новейшая российская революция может быть признана революцией бюрократической;

г) с точки зрения господствующей формы капитала, порожденного революцией и ставшего ее двигателем — как компрадорская (в этой связи с поправками на российскую интерпретацию терминов заслуживает внимания характеристика постреволюционной российской политической системы в качестве “торговой демократии”);

д) по юридической форме, отношению к праву (включая право собственности), а также к моральным нормам (включая общечеловеческие), революция вполне заслуженно характеризуется как криминальная;

е) каждой из названных выше характеристик формы новейшей российской революции соответствует одна из трех ее главных движущих сил: бюрократия, компрадорская часть предпринимателей и криминалитет (персональный состав этих общественных групп в существенной части совпадает);

ж) на начальном этапе, как показали президентские выборы 1991 г., революцию поддержало значительное большинство населения России, хотя, как правило, и не сознавая ее последствий, в том числе такие общественные группы, как: работники средств массовой информации; деятели культуры; другие профессиональные отряды гуманитарной и технической интеллигенции; квалифицированные рабочие; в меньшей степени — крестьяне. По мере выявления результатов революции ее социальная и политическая базы сужались;

з) в эскалации новейшей российской революции бюрократические механизмы паразитическим образом сочетались с плебисцитарными по модели Макса Вебера, поскольку именно референдумы и прямые выборы стали главной формой легитимации власти обновленной политической элиты. Соответственно и сама эта революция может быть охарактеризована как плебисцитарная;

и) в революционные периоды истории всегда существуют социальные альтернативы, причем избранная российским руководством модель развития, с точки зрения ее социальных последствий, является одной из наиболее контрпродуктивных;

к) при действительном проведении реформ социально-политический сценарий развития мог бы быть принципиально иным, гораздо более благоприятным для страны и для народа.

2. Главным методом проверки авторской гипотезы о революционном характере общественно-политического развития России в 90-х гг. стал метод политико-ситуационного анализа. В соответствии с этим методом любая политическая революция нового и новейшего времени в качестве особой исторической ситуации обладает определенным набором признаков и может рассматриваться: как бифуркация; как катастрофа; как отрицание; как всеобщий конфликт; как аномия; как “праздник”; как фактор глобальной мифологизации массового сознания; как процесс смены элит и др. Ни один из этих признаков не является характерным исключительно для революции как исторической ситуации, но их система характеризует данный тип исторических ситуаций — и никакой другой. Специальное

исследование исторической ситуации в России 90-х гг. показывает, что она (ситуация) обладает полным набором названных выше признаков и, следовательно, представляет собой ситуацию революции. Гипотеза позволяет объяснить множество социально-политических феноменов, представляющихся парадоксальными или даже “противоестественными” в условиях нормального функционирования системы или ее эволюционного развития, в том числе в условиях экономических и политических реформ.

3. Если новейшую российскую революцию рассматривать в контексте той исторической эпохи, которую она завершила и которая начата революцией Октябрьской, приходится признать, что эта новейшая революция могла иметь один из двух главных результатов.

Во-первых, она могла стать реставрацией (хотя бы неполной) дооктябрьских общественных отношений и институтов, а поскольку наиболее развитые страны мира ушли далеко вперед, оказаться в этом случае революцией консервативной или реакционной.

Во-вторых, новейшая российская революция могла стать “термидором”, т. е. социально-политическим переворотом, не восстанавливающим дооктябрьские порядки, но исправляющим чрезмерные отклонения вектора общественного развития влево при сохранении основных завоеваний предшествующего периода. В этом случае такая революция действительно могла бы ввести Россию в так называемое “общецивилизационное русло”.

До настоящего времени в России явно преобладали не “термидорианские”, а реставрационные тенденции, что делает проблематичным обозримое будущее страны.

4. В отношении социально-политического переворота в СССР и других странах “реального социализма” на рубеже 80—90-х гг. марксова характеристика революций как локомотивов истории вряд ли выглядит более справедливой, чем представление А. Тойнби, согласно которому революция выступает симптомом упадка цивилизации и тормозом общественного развития. Революции конца XX в. подобны скорее бульдозеру, сбрасывающему с исторической дороги накопившиеся завалы, но вместе с тем и саму дорогу превращающему в сплошные ухабы.

5. Возможно, и сторонники, и часть противников революционного преобразования общества согласятся с позицией эсера В. Чернова, выраженной в следующих словах: “Оправдание революции — не в выигрыше времени и в экономии сил. Ее оправдание, высшее и бесспорное, в том, что она является единственным способом двинуться вперед там и тогда, где и когда упрямство командующих групп и классов пытается глухою стеною отстаивать мощное и неудержимое историческое движение” (цит. по: Социс.— 1997.— №2.— С. 31). Если принять эту исходную позицию, новейшая российская революция, в отличие от революций, скажем, 1917 г., оправданий не имеет. Не имеет, поскольку, во-первых, при реформистской модели развития цена преобразований наверняка оказалась бы на порядок ниже и поскольку, во-вторых, политическое руководство М. Горбачева не только не стояло на пути реформ, но, напротив, стремилось к их проведению, хотя и непоследовательно, зачастую без ясного плана и прогноза последствий.

6. Сторонники “теории заговора”, вероятно, увидят в этой книге попытку оправдания политических лидеров новейшей российской революции; приверженцы “радикальных рыночных реформ” — попытку несправедливого обвинения этих лидеров. Те и другие будут неправы. Разумеется, вынесение обвинительного приговора кому бы то ни было не входит в задачу этой книги. С другой стороны, автор никого не оправдывает, но лишь пытается понять более глубокие, чем индивидуальные “страсти”, причины, которые заставляли людей, частью искренне веривших, что сражаются во имя добра, творить зло.

Тем не менее, как минимум, одного оценочного суждения избежать невозможно. Высокопоставленные партийные и идеологические работники, члены ЦК КПСС, теоретики советского марксизма, крупные журналисты и т. п., ставшие лидерами “радикальных реформ”, а прежде закончившие высшие партийные школы или другие учебные заведения, считавшиеся “кузницами марксистских кадров”, обязаны были знать, что такое революция и каковы ее законы. Начиная борьбу за власть, они должны были предвидеть, что за этим последуют колоссальные разрушения, насилие, государственные перевороты и человеческая кровь. Незнание законов истории не освобождает политика от исторической ответственности подобно тому, как незнание закона вообще не освобождает любого гражданина от ответственности уголовной, административной или гражданской.

7. В последнее время политики различных направлений не раз повторяли, что Россия лимит на революции исчерпала. Другие, напротив, доказывают неизбежность и необходимость новой революции. Если иметь в виду историческую цену прежних революций, правые первые; исходя из существующей российской постреволюционной реальности ближе к истине могут оказаться вторые. Вот почему, выступая с прогнозами в различных аудиториях, автор регулярно оказывается в состоя-

нии внутриличностного межролевого конфликта: как политик и гражданин от души желаю своей стране, чтобы она обрела, наконец, стабильность, а проблемы и конфликты разрешались путем действительных реформ в интересах большинства народа; как специалист в области социогуманитарных наук с сожалением должен признать, что в ближайшей и среднесрочной перспективе книги, подобные этой, в Отечестве нашем своей актуальности не утратят.

* * *

Парадоксальность революционного мышления и действия уже многократно отмечалась в этой книге. Парадоксальной оказалась и судьба крылатой фразы, столь популярной в советскую эпоху: “Есть у революции начало — нет у революции конца!” Революция действительно продолжилась, однако вектор ее оказался прямо противоположным тому, который воспевал поэт. Да и близкие его сердцу идеалы Октября новейшая революция объявила ошибкой истории! Вот только по-настоящему воспеть новые идеалы до сих пор никому не удалось: или земля российская оскудела блоками и маяковскими? или, может быть, идеалы не вдохновляют?..

РАЗДЕЛ 3. ХРОНИКА НЕОБЪЯВЛЕННОЙ СМЕРТИ: ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Процесс пошёл...

Михаил Горбачёв

Из статьи «Радикальная трансформация российского общества как революционный процесс: политико-ситуационный анализ, периодизация, перспективы»

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРОЦЕССА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI ВЕКА

В принципе возможны два теоретических подхода к исследованию и периодизации исторического процесса вообще, незавершенного исторического процесса — в особенности. Первый состоит в том, чтобы, руководствуясь упрощенно трактуемым принципом веберовской «понимающей социологии»: «человек сам знает, чего он хочет», а, может быть, и не подозревая, что «говоришь прозой», довериться сознанию эпохи, господствующим стереотипам и принять на веру ее самохарактеристики, отыскивая в них рациональный смысл. Именно таким путем идет в настоящее время, пожалуй, большинство авторов, пишущих на современные темы, причем не только публицистов, но и теоретиков, не только сторонников нынешнего политического курса, но и представителей оппозиции, выделяющих от Горбачева до Путина три основных этапа развития советского, а затем российского общества начиная с 1985 г.: 1. Ускорение; 2. Перестройка; 3. Ре-формы.

Сторонники второго подхода вместе с Марксом (впрочем, не только с ним) полагают, что как отдельному человеку, так и целой эпохе нельзя верить на слово в том, что сама она о себе говорит.

Первый подход предполагает доверие к обыденному сознанию, второй — к теоретическому. При поверхностной интерпретации первый подход может приводить к упрощенным умозаключениям, фиксирующим очевидное, явление; второй — к конструированию сущности столь высокого порядка, что связь ее с явлением может оказаться утраченной и в этом случае она превращается даже не в идеализированный объект, но в самодовлеющую логическую схему, которая, возможно, отвечает эйнштейновскому принципу красоты, но удаляется от непосредственной действительности, как небо от земли.

Не закрывая глаза на все сказанное, автор решительно предпочитает второй подход, поскольку именно он гораздо больше отвечает гносеологической, да и прикладной функции социогуманитарных наук.

При таком подходе социально-политический процесс в Советском Союзе, а затем в Российской Федерации четко подразделяется на четыре основных периода: реформистский, революционный, постреволюционный, период стабилизации и реформирования режима. Внутри каждого из них следует также выделить ряд этапов, вехами которых являются важнейшие политические события. Для краткости, удобства сопоставлений и в связи с тем, что конкретно-историческая периодизация не является самостоятельной задачей данной статьи, большая часть материала представлена здесь в виде таблицы.

Первый, реформистский, период новейшей отечественной истории охватывает время с апреля 1985 по август 1991 г. и характеризуется бессистемными попытками реформирования «государственно-бюро-кратического социализма». Инициатором реформ выступила часть партийно-государственного руководства СССР во главе с М. С. Горбачевым.

Поскольку объективно назревшая необходимость серьезных перемен в той или иной мере осознавалась (или, по крайней мере, ощущалась) значительными слоями общества, постольку и движущие силы проходивших в этот период процессов включали в себя представителей разнородных социальных групп: от политической элиты до широких слоев населения, от «теневых» предпринимателей до неквалифицированных рабочих и люмпенов. Попытка же опираться на разнородные силы, и, главное, отсутствие у инициаторов «ускорения» и «перестройки» определенной модели реформ привели лишь к хаотичности экономической и социальной политики.

В рассматриваемый период неоднократно изменялся вектор провозглашаемых преобразований:

от усиления администрирования и борьбы с нетрудовыми доходами до узаконивания частной собственности с наемным трудом; от заявлений о быстром повышении уровня жизни до ограниченной денежной реформы и первого массового повышения цен; от выдвигания лозунга социальной справедливости и расширения социальных гарантий трудящимся до безудержной пропаганды социального неравенства.

В результате после кратковременного оживления экономического развития страны наступила новая стагнация производства, а затем и значительный его спад.

Сочетание противоположных тенденций характеризует и изменение, происходившее в характере отношений управляющих и управляемых от расширения самоуправления во всех формах до новой волны бюрократизации на уровне республик Союза; от курса на экономическую самостоятельность предприятий до жесткой регламентации их деятельности и передачи хозяйственным руководителям права распоряжаться государственной собственностью. По мнению автора этих строк, уже к середине 1991 г. явственно проявилась бюрократическая форма новейшей российской революции.

Непоследовательность курса на экономическую самостоятельность предприятий и развитие самоуправленческих начал вызвала, с одной стороны, нарастание кризисных явлений в экономике, а с другой, подготовила будущее саморазрушение власти.

Отнесение к политике реформ разнонаправленных, вплоть до противоположностей, изменений политического курса указывает на противоречие не логического анализа, но реальной политики. Автору этих строк запомнилось выступление М.С. Горбачева в Верховном Совете РСФСР в июне 1990 г.— выступление, главным рефреном которого было: не верьте моделям! Попытки же реформирования общества без определенной модели реформ стали одной из главных причин замены эволюционных процессов политикой революционного разрушения.

Попытка осуществления демократии в гигантском многонациональном государстве при отсутствии у его руководства политической воли и ясного плана действий полностью провалилась. Создание выборных органов государственной власти при ухудшении экономической ситуации привело к тому, что они стали каналами выражения недовольства народа. Это резко усилило центробежные тенденции в системе по всем линиям. Модель «авторитарной демократии», предлагавшаяся А. Миграняном и, возможно, способная спасти ситуацию, была категорически отвергнута на волне демократической эйфории.

Казалось бы, переломной точкой в развитии социально-политического процесса мог стать референдум 17 марта 1991 г. Однако руководство Михаила Горбачева, во-первых, безнадежно опоздало с его проведением и, во-вторых, не сумело по-настоящему воспользоваться результатами. Выиграло же от референдума (если шаг в направлении деструкции Союзного государства можно считать выигрышем) российское руководство, присоединившее к союзному собственному референдуму о введении президентской системы и немедленно реализовавшее его результаты в виде поправок к Конституции и проведения президентских выборов.

Второй, революционный по характеру, период новейшей российской истории датируется августом 1991 — августом 1996 г. В эти годы, называемые в периодической печати и популярной литературе периодом «радикальных реформ», в действительности происходила революционная ломка системы государственно-бюрократического социализма и замена ее системой государственно-бюрократического капитализма.

В отличие от предыдущего периода, когда руководители страны не имели модели преобразований и с заметным отставанием во времени реагировали на колебания массовых настроений влево или вправо, обновленная российская политическая элита в качестве ориентира четко определила западную либеральную демократию, прежде всего в американском варианте (правда, нередко искаженном).

Поскольку спектр социальных сил, поддерживающих направление проводимой политики, постоянно сокращался, преобладали тенденции директивного введения рыночных (капиталистических) отношений. Основной эшелон движущих сил новейшей революции на этот период составляли работники государственного аппарата, верхняя часть структуры административно-управленческого персонала системы производства, «новые богатые», работники средств массовой информации, большая часть известных представителей творческой интеллигенции. Значительные слои народа (рабочих, крестьян, технической и гуманитарной интеллигенции) поддерживали «курс реформ» лишь в первые полтора — два года.

Революционные методы радикального преобразования общества обусловили и основные параметры экономической политики Правительства. На первых этапах периода ее основу составляла «шоковая терапия»: либерализация цен при высоком уровне инфляции, обвальная приватизация,

вытеснение системы бесплатных социальных услуг. На завершающем этапе происходило фактическое продолжение прежнего курса при формальном осуждении «шоковой терапии». Была завершена ваучерная приватизация и осуществлен переход к продаже государственной собственности, провозглашен курс на финансовую стабилизацию — ограничение инфляции путем сжатия денежной массы.

Социально-экономический результат «возвращения в мировую цивилизацию» хорошо известен: глубокий экономический кризис, стремительный рост социального неравенства, поляризация социальных групп.

Провозглашенные политические цели также не были достигнуты: вместо демократического политического режима на разных этапах периода страна прошла путь от анархии через авторитаризм к режиму авторитарной демократии (авторитарному по содержанию, демократическому по механизмам формирования политическому режиму).

На протяжении всего периода происходила значительная бюрократизация общества на основе соединения административной и финансово-экономической власти. Даже до антиконституционного переворота 21 сентября — 4 октября 1993 г., явившегося второй после 1991 г., кульминацией «второй русской революции», реальная власть почти исключительно находилась в руках Президента и Правительства, тогда как ст. 104 Конституции создавала юридическую иллюзию о всевластии народных депутатов России. Съезда. На самом деле ст. 104 de facto никогда не реализовалась, выполняя лишь роль объекта для массированных атак и формирования мифа о захвате власти Советами. В действительности же после полного подчинения законодательной власти исполнительным структурам на предыдущем этапе эта власть попыталась лишь частично изменить баланс в свою пользу. При этом борьба шла не между сторонниками президентской и парламентской республик, как это обычно представлялось в средствах массовой информации, а между сторонниками авторитарного суперпрезидентского режима и режима более демократического, т. е. в рамках различных вариантов президентской республики. Таким образом, за мифом о захвате власти Советами стояло лишь нежелание бывших демократов возвращаться к элементарным нормам демократии, связанным с системой разделения властей.

После принятия новой Конституции практически полностью исчез парламентский контроль над исполнительной властью в центре и на местах и контроль избирателей над депутатами законодательных органов, произошел спад самоуправленческих инициатив в результате нарастающей апатии широких слоев населения. Несмотря на публичное осуждение насилия, масштабы его применения возросли: Москва (май 1993 г., сентябрь—октябрь этого же года), Северная Осетия, Чеченская республика, а на территории бывшего Советского Союза — все республики Закавказья, Таджикистана, Молдавия.

Существенной характеристикой периода является также возрастающий на всем его протяжении уровень влияния оппозиции, основными лозунгами которой были: изменение «курса реформ», воссоздание Союзного государства, защита национальных интересов России, отстранение от власти «антинародного режима», в конце периода — изменение Конституции.

В целом период характеризуется «решающими успехами» приватизации и передела собственности, формированием системы государственно-бюрократического капитализма, необратимыми (в обозримой перспективе) изменениями социальной стратификации и образа жизни. Вопреки мнению организаторов акции устрашения в период кампании по выборам Президента в 1996 г., даже победа кандидата Народно-патриотического союза России на этих выборах привела бы не к возврату «административного социализма», но лишь к существенному смещению политического курса влево и в направлении защиты государственных интересов. Иначе говоря, к замене реставрационных (по отношению к Октябрю 1917 г.) тенденций термидорианскими в описанном выше смысле.

Логически революционный период преобразований российского общества заканчивается победой кандидата партии власти на президентских выборах 1996 г. и окончанием войны в Чечне. Однако в начале следующего, постреволюционного, периода в политику едва не вмешалась медицина. Состояние здоровья Президента накануне выборов и сразу после них могло сделать его победу «пирровой», а новые выборы в установленные Конституцией сроки грозили принести успех кандидату оппозиции, собравшему небывалое до того число голосов. И тогда судьба новейшей российской революции могла вновь оказаться на чаше весов, хотя, повторим, изменилась бы скорее модель, чем тип общественной системы. Учитывая это, данный этап можно считать пограничным между революционным и постреволюционным периодами развития общества, хотя по основным объективным критериям он должен быть отнесен к последнему периоду.

Возвращение Президента к активной политической деятельности означало, что период

социальной революции в основном завершена, в России сложилась новая социальная система и в дальнейшем борьба будет происходить главным образом между сторонниками различных ее модификаций и различными финансово-экономическими группировками.

Третий, постреволюционный, период современной российской истории продолжается до настоящего времени, однако мы ограничимся двумя первыми годами. Его можно охарактеризовать как время завершения в основном социальной революции посредством политического и экономического реформирования созданной на предыдущих этапах системы.

Правящая элита продолжила прежнюю экономическую политику с небольшими модификациями: переход от ваучерной приватизации к продаже остатков государственной собственности; политика «финансовой стабилизации» и связанные с ней новые волны «кризиса неплатежей»; значительное увеличение государственного долга путем создания «пирамиды» государственных казначейских обязательств и роста внешних заимствований государства; неудавшиеся попытки «реформирования» социальной сферы путем дальнейшего вытеснения бесплатных услуг платными (реформы пенсионного обеспечения, образования, медицины и др.).

Происходила дальнейшая концентрация капитала и его сращивание с государственной властью, продолжался, хотя и с замедлением темпов спада, экономический кризис. Попытки «молодых реформаторов» интенсифицировать прежнюю политику встретили сопротивление с двух сторон. С одной стороны, попытки упорядочить сбор налогов, заставить высокодоходные группы населения «делиться» с остальными, отдавая положенное, и разговоры о равном доступе на конкурсной основе к бюджетным деньгам для различных компаний вызвали недовольство, в особенности А. Чубайсом, со стороны части «олигархов». С другой стороны, стремление резко сократить унаследованные от советского периода бесплатное образование и бесплатную медицину, а также социальные гарантии и льготы, установленные законодательством в начале 90-х гг., обернулось мощным сопротивлением со стороны левой оппозиции, профсоюзов и широких слоев общественности. При этом рассуждения в духе Б. Немцова о ста миллионах льготников, процент которых в России выше, чем в любой другой стране, не слишком убеждали оппонентов. И не только в связи с тем, что задевали их собственные материальные интересы, но и потому, что еще большее количество людей в России имели доходы ниже минимального потребительского бюджета (который примерно в 2-2,5 раза больше прожиточного (физиологического) минимума) и потому считали себя вправе на льготы претендовать. Провал курса либерал-технократов под прикрытием «прагматика» В. Черномырдина стал в конце концов главной причиной смены Правительства.

«Новый курс», провозглашенный премьером С. Кириенко, на самом деле представлял собой лишь небольшую модификацию старого. Предложения несколько уменьшить налог на прибыль и отчисления с предприятий во внебюджетные фонды перекрывались увеличением НДС; введение налога с продаж, призванного увеличить налоговые сборы с высокодоходных групп, должно было сопровождаться снижением налогового бремени на доходы, превышающие 100 млн. руб., и увеличением налога на работающих по совместительству: параллельно в Парламент были внесены законы, в очередной раз отменяющие и приостанавливающие действие многочисленных социальных льгот. По расчетам руководителей промышленных предприятий, имеющимся в личном архиве автора, суммарная налоговая нагрузка на предприятия в этом случае оказалась бы даже несколько выше прежней, а для физических лиц эта нагрузка увеличивалась значительно. В целом новую политику можно оценить как: а) преимущественно фискальную; б) затрагивающую интересы высокодоходных групп населения лишь в незначительной степени и не производящую качественного перераспределения налоговой нагрузки в пользу малообеспеченных групп. По указанным выше причинам речь шла скорее о модификации старой политики, нежели о политике нового курса.

В постреволюционный период продолжалась дальнейшая бюрократизация системы управления, особенно на региональном уровне. В руках избранных губернаторов концентрируются значительные финансовые средства, сосредотачивается контроль над правоохранительными органами и средствами массовой информации.

Более серьезные изменения происходят в рядах оппозиции. Наряду со значительным ростом влияния происходит ее разделение на левую (КПРФ, НПСР) и правую («Яблоко»); несмотря на публичную демонстрацию жесткости, отчетливо видна тенденция к превращению обоих крыльев в «системную оппозицию» (умеренность позиций «красных» губернаторов; вхождение в Правительство в личном качестве представителей обеих ветвей оппозиции).

Победа В. Путина на президентских выборах 2000 г. знаменовала наступление периода стабилизации и реформирования режима. Основными тенденциями этого периода явилось усиление авторитарных тенденций и ослабление влияния оппозиции, особенно в Государственной Думе.

Активно используя державно-патриотическую риторику и высказывая позитивные оценки в адрес лидеров левой оппозиции, новый Президент продолжил, вместе с тем, праволиберальный экономический курс, о чем свидетельствуют новый Налоговый кодекс, дальнейшее сокращение социальных гарантий и т. п.

Таким образом, анализ данного периода позволяет сделать вывод, что правящая элита не нуждается более в революционных методах, что период социальной революции в основном завершен. В России сложилась новая социетальная система и в дальнейшем борьба будет происходить главным образом между сторонниками различных ее модификаций и различными финансово-экономическими группировками.

ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ ПЕРИОДОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В СССР — РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (1985—2001 гг.)

Первый период — апрель 1985 г. — август 1991 г.

Таблица 1 (часть 1)

№ этапа	Дата	Содержание этапа и (или) наименование этапа	Характер процесса
1.			
1.1.			
1.2.			
1.3.			
	1.4.		
	1.5.		
	Дата		
	Апрель 1985 г.— август 1991 г.		
	Апрель 1985 г.— январь 1987 г.		
	Начало 1987 г.— середина 1988 г. (от январского 1987 г. Пленума ЦК до XIX партийной конференции)		
	Июнь 1988 г.— май 1989 г. (от окончания XIX конференции КПСС до начала I Съезда народных депутатов России)		
	Июнь 1989 г.— май —июнь 1990 г. (от I Съезда народных депутатов СССР, провозглашения независимости республик Прибалтики до принятия Декларации о суверенитете России и избрания Б. Н. Ельцина Председателем Верховного совета РСФСР на I Съезде народных депутатов РСФСР)		
	Июнь 1990 г.— август 1991 г.		
		Бессистемные попытки реформирования «государственно-бюрократического социализма»; «ускорение», затем «перестройка»	
		Попытки реставрации и улучшения «административного социализма»; «ускорение»	
		Непоследовательные попытки реформ в направлении самоуправленческого социализма; «перестройка»	
		Замедление экономической реформы, перенесение центра тяжести на реформу политической системы; курс на регулируемую однопартийную демократию при фактическом формировании зачатков политического плюрализма; «революционная перестройка» с уточнением: «реформа политической системы»	
		Первый период двоевластия (партийные органы — новые выборные органы государственной власти, прежде всего — Съезд народных депутатов и Верховный Совет СССР); развитие в направлении смешанной экономики: продолжение стагнации экономической реформы в государственном секторе при легализации «теневое капитала»; узаконивание политического плюрализма, провал попыток создания «социалистического плюрализма»; начало прямого разрушения СССР, тенденции к разрушению РСФСР	
		Второй период двоевластия (помимо прежней линии — по линии: центр — союзные республики); курс на полную смену общественного строя; активные процессы разрушения союзной государственности; явные тенденции к разрушению Российской Федерации (Декларации о суверенитете, особенно Татарстана, Тувы)	
			(эволюционный или революционный) Эволюционный, реформистский Эволюционный, реформистский Эволюционный,

реформистский
Эволюционный,
реформистский

Эволюционный, реформистский при наличии элементов революционного разрушения политической системы
Сочетание эволюции и революции: попытки продолжения политического реформирования в условиях начавшейся социальной революции

Таблица 1 (часть 2)

	№ этапа	
1.		
1.1.		
1.2.		
1.3.		
	1.4.	
	1.5.	
	Дата	
Апрель 1985 г. — август 1991 г.		
Апрель 1985 г.— январь 1987 г.		
Начало 1987 г.— середина 1988 г.		
Июнь 1988 г.— май 1989 г.		
Июнь 1989 г.— май — июнь 1990 г.		
Июнь 1990 г.— август 1991 г.		

Основные движущие силы
процесса

Часть партийно-государственного аппарата; политические элиты национальных республик, значительные группы интеллигенции, в том числе работники средств массовой информации; в конце периода — второй эшелон управленческого аппарата, легализовавшиеся «теневые» предприниматели; по мере нарастания кризиса — все более широкие слои народа

Часть партийно-государственного аппарата, левоориентированные слои интеллигенции

Часть партийно-государственного аппарата; значительные слои гуманитарной и инженерно-технической интеллигенции, в том числе работники средств массовой информации

Часть партийно-государственного аппарата; члены реформистских партийных клубов; широкие группы гуманитарной и технической интеллигенции; работники средств массовой информации; легализовавшиеся «теневые» предприниматели; хозяева новых кооперативов; иные «новые богатые»; часть квалифицированных рабочих

Часть партийно-государственного аппарата; члены реформистских партийных клубов; широкие группы гуманитарной и технической интеллигенции; работники средств массовой информации; легализовавшиеся «теневые» предприниматели; хозяева новых кооперативов; иные «новые богатые»; значительные слои рабочего класса, прежде всего квалифицированные рабочие; большая часть населения крупных городов; небольшая часть работников сельского хозяйства

Те же, что на предыдущем этапе, но особенно активно — политические элиты и широкие слои населения в национальных республиках

Основные тенденции экономического развития (подъем, оживление, стагнация, спад, кризис)

Оживление — новая стагнация — спад

Оживление
Оживление
Стагнация
Спад

Кризис

Таблица 1 (часть 3)

	№ этапа	
1.		
1.1.		
1.2.		

1.3.

1.4.
1.5.
Дата

Апрель 1985 г.— август 1991 г.
Апрель 1985 г.— январь 1987 г.
Начало 1987 г.— середина 1988 г.
Июнь 1988 г.— май 1989 г.
Июнь 1989 г.— май — июнь 1990 г.
Июнь 1990 г. — август 1991 г.

Характеристика
экономической политики
правительства

От усиления администрирования через недолгие попытки стимулирования самоуправления к приватизации; рост заработной платы и усиление социальных гарантий; нарастание дефицита и внешнего долга; главное — бессистемность

Обновление кадров; антиалкогольная кампания; борьба с нетрудовыми доходами
Непоследовательно проводимый курс на самостоятельность государственных предприятий и участие работников в управлении ими; ослабление антиалкогольной кампании; прекращение «борьбы с нетрудовыми доходами»
Стагнация реформы в государственном секторе экономики; открытие широких возможностей обогащения и появление первых крупных состояний за счет непроизводственных операций; увеличение денежной массы в обращении и дефицита товаров

Узаконивание частной собственности с наемным трудом; расширение системы социальных гарантий, не обеспеченных финансовыми средствами; нарастание дефицита и массового недовольства им
Начало приватизации; первое массовое повышение цен; ограниченная денежная реформа; продолжение расширения социальных гарантий, не обеспеченных финансами

Основная тенденция изменения социальной стратификации (усиление неравенства — ограничение неравенства)

От ограничения социального неравенства к его скачкообразному росту

Ограничение неравенства

Некоторое усиление неравенства, в том числе не связанного с результатами труда

Значительное усиление неравенства, как правило, не связанного с результатами труда

Качественный рост социального неравенства, не связанного с трудовыми затратами; начало процесса поляризации доходов «высшего», «низшего» класса

Новый виток усиления социального неравенства и поляризации общественных групп

Таблица 1 (часть 4)

№
этапа

1.
1.1.
1.2.
1.3.

1.4.
1.5.
Дата

Апрель 1985 г.— август 1991 г.
Апрель 1985 г.— январь 1987 г.
Начало 1987 г.— середина 1988 г.
Июнь 1988 г.— май 1989 г.
Июнь 1989 г.— май — июнь 1990 г.
Июнь 1990 г.— август 1991 г.

Изменение характера отношений управляющих
и управляемых (расширение самоуправления,
дебюрократизация — свертывание
самоуправления, бюрократизация)

В целом расширение самоуправления, дебюрократизация

Сочетание противоположных тенденций: усиление администрирования при одновременном «проветривании элиты»

Заметная дебюрократизация: расширение самоуправления на предприятиях, введение альтернативных выборов

Значительная дебиюрократизация общества: децентрализация управления; выборность руководителей предприятий и учреждений; первые за много десятилетий альтернативные выборы народных депутатов СССР

Значительная дебиюрократизация в политике при общем ослаблении власти: элементы политического плюрализма; формирование организованной легальной оппозиции («Демократическая Россия»); выборы съезда народных депутатов РСФСР фактически на многопартийной основе; начало свертывания производственного самоуправления (отмена выборности хозяйственных руководителей)

Стагнация развития самоуправленческих начал; новая волна бюрократизации на уровне республик; расширение прав хозяйственных руководителей в распоряжении государственной собственностью и ослабление контроля над ними; выявление бюрократической формы новейшей российской революции

Тип
политического
режима

Переходный: от жестко авторитарного к демократическому с охлократическими тенденциями

Жестко авторитарный с тенденциями к ослаблению

Авторитарный с демократическими тенденциями

Ослабленный авторитарный с явными демократическими тенденциями

Демократически-авторитарный (авторитарный по форме, демократический с элементами охлократии по содержанию)

Демократический при ослабленной власти и охлократический в тенденциях

Таблица 1 (часть 5)

№
этапа

- 1.
- 1.1.
- 1.2.
- 1.3.

1.4.
1.5.
Дата

Апрель 1985 г.— август 1991 г.

Апрель 1985 г.— январь 1987 г.

Начало 1987 г.— середина 1988 г.

Июнь 1988 г. — май 1989 г.

Июнь 1989 г.— май — июнь 1990 г.

Июнь 1990 г.— август 1991 г.

Доминирующая
идеологическая кампания
в средствах массовой
информации

Критика: от частной, затрагивающей отдельные стороны советской системы до тотальной критики социализма в любой форме

Критика «застоя»

Критика сталинизма; возвращение к первоначальным идеалам Октября

Возвращение к ленинской модели социализма, под которой подразумевался НЭП; начало критики ленинизма, в меньшей степени — марксизма

Критика большевизма, ленинизма, несколько меньше — марксизма

Критика всех форм социализма, включая социал-демократические модели

Основные
лозунги власти

Ускорение; перестройка; рыночная социалистическая экономика

Ускорение; гласность; кадры

Перестройка (к концу периода — революционная перестройка); гласность; демократизация; преодоление отчуждения работника от собственности; социальная справедливость

Рыночная экономика, правовое государство, права человека, вхождение в цивилизацию, гуманный, демократический социализм, неявно подразумевающая социал-демократическую модель

Реформы; рыночная экономика; обновленный Союз; президентская система

Уровень влияния и
основные лозунги
оппозиции

Меняющиеся: от социальной справедливости и передачи власти Советам к неограниченной частной собственности и президентской республике

В организованной форме оппозиция отсутствует; влияние несущественно

Возникновение оппозиции в связи с недовольством темпами реформ; лозунги четко не оформлены, относятся скорее к темпам проведения, чем к программе и характеру реформ

Отмена ст. 6 Конституции; введение многопартийной системы; ликвидация власти аппарата, привилегий номенклатуры

Вся власть — Советам; возрождение России; многопартийная система; устранение от власти партийного аппарата; частная собственность; суверенитет республик

Радикальные реформы; частная собственность, в том числе на землю; суверенитет республик; президентская система в республиках

Таблица 1 (часть 6)

	№ этапа	
1.		
1.1.		
1.2.		
1.3.		
	1.4.	
	1.5.	
	Дата	
Апрель 1985 г.— август 1991 г.	Апрель 1985 г.— январь 1987 г.	
Начало 1987 г.— середина 1988 г.		
Июнь 1988 г.— май 1989 г.		
Июнь 1989 г.— май — июнь 1990 г.		
Июнь 1990 г. — август 1991 г.		
	География и (или) размеры применения насилия	
	Практически все республики Советского Союза, за исключением Украины и Белоруссии; к концу периода утрата контроля центральной власти над ситуацией	
	Отдельные вспышки насилия невооруженного характера на национальной почве (Алма-Ата, декабрь 1986 г.)	
	Социальная напряженность в союзных республиках и некоторых автономиях; конфликт в Нагорном Карабахе	
	Быстрое нарастание конфликтности в союзных республиках и автономиях, расширение географии применения насилия: Карабах, Тбилиси	
	Дальнейшая эскалация насилия, изгнание турок-месхетинцев из Узбекистана	
	Все республики Закавказья; Приднестровье; Вильнюс; Чечня	
	Основное направление смещения курса Правительства (влево или вправо)	
	Сначала несколько влево, затем по нарастающей вправо	
	Влево	
	Немного вправо	
	Существенно	
	вправо	
	Более резко вправо	
	Резко вправо	
	Основное направление колебаний массовых настроений (влево или вправо)	
	Сначала несколько влево, затем по нарастающей вправо, но колебание влево слабее, а вправо — значительно сильнее, чем смещение курса правительства	
	Влево	
	В связи с начавшимся политическим размежеванием изменения в массовых настроениях противоречивы, настроения части общества продолжают смещаться влево, другой части — вправо	
	Стремительно вправо	

Стремительно вправо
Резко вправо

Второй период — август 1991 г.— август 1996 г.

Таблица 2 (часть 1)

	№ этапа	
2. 2.1. 2.2. 2.3. 2.4. 2.5. 2.6.		
Дата		
Август 1991 г.— август 1996 г.		
19 августа — середина декабря 1991 г.		
Середина декабря 1991 г. — 10 декабря 1992 г.		
10 декабря 1992 г.— 21 сентября 1993 г.		
21 сентября — 4 октября 1993 г.		
4 октября — 12 декабря 1993 г.		
Декабрь 1993 г.— август 1996 г.		
	Содержание этапа (или) наименование этапа	
Революционная ломка системы государственно-бюрократического социализма, замена ее системой государственно-бюрократического капитализма; период «радикальных реформ»		
Период политических переворотов и контрпереворотов, включая:		
а) 19—21 августа 1991 г. — провал попытки «антиконституционного переворота в защиту Конституции»;		
б) 21 августа — 28 октября—1 ноября 1991 г.— фактическое упразднение Союзного центра, легитимация «авторитарной демократии» в Российской Федерации;		
в) 1 ноября — середина декабря 1991 г.— ликвидация Советского Союза и ее псевдолегитимация (Беловежские соглашения и их ратификация Верховными Советами РСФСР, Украины, Белоруссии)		
Продолжение революционного разрушения прежней системы; первый период «авторитарной демократии» в России		
Новый (в Российской Федерации — первый) период двоевластия и политических переворотов, включая:		
а) 10 декабря 1992 г. — 20 марта 1993 г.— переход Президента от тактики конституционного переворота (неудавшаяся попытка лишить Съезд народных депутатов кворума 10 декабря 1992 г.) к тактике антиконституционного переворота (Указ «Об особом порядке управления страной» от 20 марта 1993 г.);		
б) 20 марта — 25 апреля 1993 г.— кампания по подготовке и проведению референдума о доверии федеральным органам законодательной и исполнительной власти;		
в) 25 апреля — 21 сентября 1993 г. — относительная победа Президента на референдуме; возвращение к подготовке антиконституционного переворота		
Антиконституционный переворот; малая гражданская война в Москве; кульминация и конец двоевластия		
Период авторитарного режима, делегитимизации федеральной власти и отчасти региональной власти		
Легитимация и квазилегализация режима; второй период «авторитарной демократии», включая:		
а) декабрь 1993 г.— декабрь 1994 г.— относительная стабилизация политического режима в мирных условиях;		
б) декабрь 1994 г.— декабрь 1995 г.— война в Чечне, начало фактического распада Российской Федерации;		
в) декабрь 1995 г.— август 1996 г.— относительная победа оппозиции на выборах в Государственную Думу; избирательная кампания и победа партии власти на президентских выборах; окончание войны в Чечне и ее независимость от России de facto		
	Характер процесса (эволюционный или революционный)	
Революционный		
Революционный		
Революционный		
Революционный		
Революционный		
Революционный		
Революционный: продолжение социальной революции при отсутствии политических переворотов		

№
этапа

- 2.
- 2.1.
- 2.2.
- 2.3.
- 2.4.
- 2.5.
- 2.6.

Дата

Август 1991 г.— август 1996 г.

19 августа — середина декабря 1991 г.

Середина декабря 1991 г. — 10 декабря 1992 г.

10 декабря 1992 г.— 21 сентября 1993 г.

21 сентября — 4 октября 1993 г.

4 октября — 12 декабря 1993 г.

Декабрь 1993 г.— август 1996 г.

Основные движущие силы процесса

«Второй эшелон» государственного аппарата; верхняя часть административно-управленческого персонала системы производства; «новые богатые»; республиканские и региональные политические элиты; работники средств массовой информации; большая часть известных представителей шоу-бизнеса; в первые полтора — два года — значительные слои народа (рабочих, крестьян, технической и гуманитарной интеллигенции и т. д.)

Республиканские политические элиты; активисты национальных движений; «второй эшелон» аппарата государственного управления; «новые богатые»; работники средств массовой информации; большая часть гуманитарной и технической интеллигенции; значительная часть квалифицированных рабочих; часть крестьянства

Республиканские и региональные политические элиты; активисты национальных движений; «второй эшелон» аппарата государственного управления; «новые богатые»; работники средств массовой информации; большая часть гуманитарной и технической интеллигенции; поддержка со стороны квалифицированных рабочих и крестьян начинает уменьшаться

Республиканские и региональные политические элиты; активисты национальных движений; «второй эшелон» аппарата государственного управления; «новые богатые»; работники средств массовой информации; большая часть гуманитарной и технической интеллигенции; ослабление поддержки со стороны рабочих, крестьян, части интеллигенции

Республиканские и региональные политические элиты; активисты национальных движений; «второй эшелон» аппарата госуправления; «новые богатые»; работники средств массовой информации; значительная часть гуманитарной и технической интеллигенции; часть армии и других силовых структур; ослабление поддержки со стороны рабочих, крестьян, части интеллигенции

Республиканские и региональные политические элиты; активисты национальных движений; «второй эшелон» аппарата госуправления; «новые богатые»; работники средств массовой информации; значительная часть гуманитарной и в меньшей степени технической интеллигенции; ослабление поддержки со стороны рабочих, крестьян, части интеллигенции

Республиканские и региональные политические элиты; аппарат госуправления; «новые богатые»; работники средств массовой информации; значительная часть гуманитарной интеллигенции; дальнейшее сокращение поддержки власти со стороны рабочих, основных профессиональных отрядов специалистов, особенно крестьянства; расширение социальной базы существующего режима со стороны высокодоходных групп населения (особенно в период президентских выборов 1996 г.)

Основные тенденции
экономического развития (подъем, оживление,
стагнация, спад, кризис)

Глубокий кризис с постепенно замедляющимися темпами спада

«Обвальный» системный кризис

Глубокий кризис

Дальнейшее стремительное углубление кризиса

Не поддается характеристике ввиду краткости этапа

Продолжение кризиса

Кризис; с 1995 г.— снижение темпов спада

№
этапа

- 2.
- 2.1.
- 2.2.
- 2.3.
- 2.4.
- 2.5.
- 2.6.

Дата

Август 1991 г.— август 1996 г.
19 августа — середина декабря 1991 г.
Середина декабря 1991 г.— 10 декабря 1992 г.
10 декабря 1992 г.— 21 сентября 1993 г.
21 сентября — 4 октября 1993 г.
4 октября — 12 декабря 1993 г.
Декабрь 1993 г.— август 1996 г.

Характеристика экономической политики
правительства

«Шоковая терапия»: «либерализация» цен; «обвальная» приватизация; вытеснение системы бесплатных социальных услуг платными; начиная с середины периода — «финансовая стабилизация», т. е. сжатие денежной массы

Основные параметры трудно поддаются описанию и систематизации ввиду отсутствия какой бы то ни было стратегии и низкой управляемости экономики

«Шоковая терапия»: «либерализация» цен; приватизация (главным образом малая); заметное сокращение бесплатных социальных услуг

Продолжение политики «шоковой терапии»: «свободные» цены при высоком уровне инфляции; начало ваучерной приватизации; сокращение бесплатных социальных услуг

Не поддается характеристике ввиду краткости этапа

Продолжение прежней политики посредством указов, включая программу приватизации и изменения в налоговое законодательство

Фактическое продолжение курса «шоковой терапии» при формальном ее осуждении: завершение ваучерной приватизации и переход к продаже государственной собственности; политика «финансовой стабилизации» — ограничение инфляции путем сжатия денежной массы; дальнейшее вытеснение бесплатных социальных услуг платными

Основная тенденция изменения социальной стратификации (усиление неравенства — ограничение неравенства)

Стремительный рост социального неравенства, резкая поляризация социальных групп

Значительная поляризация

Стремительный рост неравенства

Еще большая поляризация общества; качественно новый уровень социального неравенства; оформление в качестве особой общественной группы обладателей торгово-бюрократического капитала

Не поддается характеристике ввиду краткости этапа

Не поддается характеристике ввиду краткости этапа

Усиление неравенства, формирование групп со сверхвысокими доходами («новых богатых»)

Таблица 2 (часть 4)

№
этапа

- 2.
- 2.1.
- 2.2.
- 2.3.
- 2.4.
- 2.5.
- 2.6.

Дата

Август 1991 г.— август 1996 г.
19 августа — середина декабря 1991 г.
Середина декабря 1991 г. — 10 декабря 1992 г.
10 декабря 1992 г.— 21 сентября 1993 г.
21 сентября — 4 октября 1993 г.

4 октября — 12 декабря 1993 г.
Декабрь 1993 г.— август 1996 г.

Изменение характера отношений управляющих
и управляемых (расширение самоуправления,
дебюрократизация — свертывание
самоуправления, бюрократизация)

Бюрократизация общества на основе соединения административной и финансово-экономической власти
Устранение союзной бюрократии; стремительный рост бюрократии на уровне бывших союзных республик
Бюрократизация как преобладающая тенденция: резкое ограничение прав законодательных органов власти;
формирующаяся бесконтрольность исполнительной власти; численный рост центрального и местных аппаратов;
назначение чиновников сверху донизу и т. п.

Дальнейшая бюрократизация общества: рост аппарата управления в центре и на местах

Не поддается характеристике ввиду краткости этапа

Бюрократизация: чрезвычайный характер управления; временное исчезновение всякого контроля над
исполнительной властью

Бюрократизация на основе соединения административной и финансово-экономической власти; практически
полное отсутствие парламентского контроля над исполнительной властью в центре и на местах и контроля
избирателей над депутатами законодательных органов; спад самоуправленческих инициатив в результате
нарастающей апатии широких слоев населения

Тип
политического
режима

От анархического через периоды авторитаризма к авторитарно-демократическому

Анархический, разрушение властных структур на союзном уровне; «авторитарная демократия» — на российском
Авторитарно-демократический (авторитарный по содержанию, демократический по форме)

Авторитарно-демократический: формально-юридически — «всевластие Съезда народных депутатов» (ст. 104
Конституции); в реальности — фактически неограниченная власть Президента

Авторитарный, опирающийся на прямое насилие

Авторитарный, опирающийся на прямое насилие

Авторитарно-демократический: авторитарный по содержанию, демократический по механизмам формирования

Таблица 2 (часть 5)

№
этапа

- 2.
- 2.1.
- 2.2.
- 2.3.
- 2.4.
- 2.5.
- 2.6.

Дата

Август 1991 г.— август 1996 г.

19 августа — середина декабря 1991 г.

Середина декабря 1991 г. — 10 декабря 1992 г.

10 декабря 1992 г.— 21 сентября 1993 г.

21 сентября — 4 октября 1993 г.

4 октября — 12 декабря 1993 г.

Декабрь 1993 г.— август 1996 г.

Доминирующая идеологическая кампания
в средствах массовой информации

Периодическая смена крайнего антикоммунизма (включая критику всех форм левых взглядов — вплоть до левого
либерализма — и всего наследия советского периода — конец 1991 г., конец 1993 г., первая половина 1996 г.) —
кампаниями национального квазипримирения (1994 г., первая половина 1995 г.)

Тотальная критика любых идеологий левой ориентации, большинства центристских направлений, любых
вариантов государст-веннической идеологии как наносящих вред «курсу реформ»

Тотальная критика любых идеологий левой ориентации, любых вариантов государственнической идеологии
большинства центристских направлений как наносящих вред «курсу реформ»; критика парламента и
парламентской системы в российских условиях; отождествление демократии с президентской властью

Массированная критика всех форм левых, центристских и государственнических воззрений, и в особенности

Парламента и местных советов как центров их сосредоточения

Более умеренная критика Конституции и Парламента ввиду неясности исхода борьбы

До начала избирательной кампании — массированная критика любых форм политического инакомыслия; с началом избирательной кампании — умеренная критика с элементами плюрализма

В периоды а) и б) — более умеренная критика любых форм оппозиции; кампании национального квазипримирения; постепенный поворот от «антиимперской» позиции к «государственной» идеологии; на этапе в) — возобновление тотальной критики всех форм левых и центристских взглядов

Основные лозунги власти

Возвращение в «мировую цивилизацию»; радикальные реформы: свободные цены, приватизация, позднее — финансово-экономическая стабилизация; независимость России; позднее — укрепление российской государственности, новая интеграция бывших республик Советского Союза

На уровне Союза: обновленный Союз; Союзный договор; переход к рынку. На уровне РФ: ликвидация империи; независимость; радикальные реформы; укрепление президентской системы

Радикальные реформы; президентская власть; всеобщая частная собственность; свободные цены

Реформы; неограниченная частная собственность; формирование нового среднего класса (подразумевая класс частных собственников; разделение властей: сильная президентская власть как символ демократии; новая Конституция

Новая Конституция; двухпалатный Парламент; сильная президентская власть; защита «курса реформ»

Новая Конституция; продолжение реформ; всеобщая частная собственность; стабильность (как залог сохранения существующего режима)

Возвращение в мировую цивилизацию; продолжение реформ; приватизация; финансовая стабилизация; российская государственность

Таблица 2 (часть 6)

№
этапа

- 2.
- 2.1.
- 2.2.
- 2.3.
- 2.4.
- 2.5.
- 2.6.

Дата

Август 1991 г.— август 1996 г.

19 августа — середина декабря 1991 г.

Середина декабря 1991 г. — 10 декабря 1992 г.

10 декабря 1992 г.— 21 сентября 1993 г.

21 сентября — 4 октября 1993 г.

4 октября — 12 декабря 1993 г.

Декабрь 1993 г.— август 1996 г.

Уровень влияния и основные лозунги оппозиции

В начале периода уровень влияния незначительный, затем нарастающий. Лозунги: изменение «курса реформ»; воссоздание Союзного государства; защита национальных интересов России; отстранение от власти «антинародного режима»; в конце периода — изменение Конституции

Влияние оппозиции незначительно. Лозунги: сохранение Союзного государства; постепенные рыночные реформы; защита государственных интересов России и интересов русскоязычного населения за ее пределами

Сохранение Союзного государства; постепенные рыночные реформы; защита государственных интересов России и интересов русскоязычного населения за ее пределами; восстановление власти Советов. Корректировка или изменение «курса реформ»; смешанная экономика с разными формами собственности; постепенная и частичная приватизация; восстановление реальных полномочий законодательной власти; соблюдение действующей Конституции

Конституция; законность; изменение курса реформ; одновременные досрочные выборы Президента и Парламента

Устранение незаконного режима мирным путем; изменение «курса реформ»; голосование против Конституции; досрочные выборы Президента

Сохранение прежних лозунгов: постепенный рост влияния; тенденция к превращению в «системную оппозицию»

География и (или) размеры

применения насилия

Москва (май, сентябрь — октябрь 1993 г.); Северная Осетия; Чеченская республика. На территории бывшего Советского Союза: все республики Закавказья; Таджикистан; Молдавия
 Политическое насилие: Москва, Санкт-Петербург, столицы прибалтийских государств и др.; вооруженное насилие: Приднестровье, Абхазия, Чечня, Таджикистан
 Чечня; Северная Осетия; прежние «горячие точки» на территории бывшего СССР
 Попытки невооруженного насилия в Москве (конец марта 1993 г.); вооруженное насилие в Москве (9 мая 1993 г.) и в Чечне
 Москва: политическое насилие; вооруженное насилие; малая гражданская война. Санкт-Петербург, Новосибирск, Брянск и другие крупные города — политическое насилие
 Чрезвычайное положение в Москве, применение или угроза применения политического насилия во многих регионах (досрочное незаконное прекращение полномочий региональных и местных органов законодательной власти)
 Чечня: на этапе а) — политическое и вооруженное насилие; на этапах б), в) — локальная гражданская война

Таблица 2 (часть 7)

№
этапа

- 2.
- 2.1.
- 2.2.
- 2.3.
- 2.4.
- 2.5.
- 2.6.

Дата

Август 1991 г.— август 1996 г.
 19 августа — середина декабря 1991 г.
 Середина декабря 1991 г. — 10 декабря 1992 г.
 10 декабря 1992 г.— 21 сентября 1993 г.
 21 сентября — 4 октября 1993 г.
 4 октября — 12 декабря 1993 г.
 Декабрь 1993 г.— август 1996 г.

Основное направление
смещения курса Правительства
(влево или вправо)

Резко вправо с некоторым ослаблением «угла поворота» и периодическими слабыми отклонениями влево от основного курса
 Стремительно вправо
 Еще более вправо
 Вправо
 Резко вправо
 Вправо
 В экономике остается стабильно правым; в идеологии — смещение к центру

Основное направление
колебаний массовых настроений
(влево или вправо)

Сначала резко вправо, затем существенно влево с небольшим правым поворотом в первой половине 1996 г.
 Стремительно вправо — в крупных городах, менее заметно — в остальной части страны
 Сначала несколько вправо, затем существенно влево, однако непропорционально падению уровня жизни
 Немного влево (за исключением периода массовой агитации накануне референдума 25 апреля)
 Заметно влево
 Несколько влево
 Несколько влево при усиливающемся осознании невозможности возврата к дореволюционной действительности

Третий период — август 1996 г. — август 1999 г.

Таблица 3 (часть 1)

№
этапа

- 3.1.

- 3.2.
- 3.3.
- 3.4.
- 3.5.

Дата

Август 1996 г.— декабрь 1999 г.

Август 1996 г.— февраль — март 1997 г.

Март— апрель 1997 г.—март — апрель 1998 г. (от возвращения Президента к активной политической деятельности и прихода в Правительство «молодых реформаторов» до смены премьер-министра и части состава Правительства)

Март — апрель 1998 г.— август 1998 г.

Сентябрь 1998 г.— май 1999 г.

Май — декабрь 1999 г.

Содержание этапа
и (или) наименование этапа

Постреволюционный: попытка завершения демонтажа элементов прежней системы (главным образом в области социальных гарантий)

«Малый застой»; частичная дестабилизация политического режима и временное замедление «радикальных реформ»

Попытка придать «реформам» второе дыхание, в особенности в социальной сфере

Объявление Правительством нового курса при фактически незначительной модификации прежнего

Существенная модификация курса. Критика «реформ без населения»

Этап подготовки передачи власти новому Президенту

Характер процесса
(эволюционный или революционный)

Эволюционный, реформистский; курс на завершение социальной революции посредством политического и экономического реформирования новой системы

Завершение в основном социальной революции при отсутствии политических революций или новых значительных реформ

Эволюционный, реформистский; курс на завершение социальной революции посредством политического и экономического реформирования новой системы

Эволюционный, реформистский при интенсификации предшествующего курса

Эволюционный, реформистский

Эволюционный, реформистский

Таблица 3 (часть 2)

№
этапа

3.

- 3.1.
- 3.2.
- 3.3.
- 3.4.
- 3.5.

Дата

Август 1996 г.— декабрь 1999 г.

Август 1996 г.— февраль — март 1997 г.

Март— апрель 1997 г.—март — апрель 1998 г.

Март — апрель 1998 г.— август 1998 г.

Сентябрь 1998 г.— май 1999 г.

Май — декабрь 1999 г.

Основные движущие силы
процесса

Республиканские и региональные политические элиты; «новые богатые»; часть гуманитарной и технической интеллигенции; поддержка со стороны рабочих и крестьян продолжает уменьшаться; с середины периода — обострение борьбы между компрадорским и национально ориентированным капиталом

Республиканские и региональные политические элиты; «новые богатые»; часть гуманитарной и технической интеллигенции, в том числе работники средств массовой информации

Те же, что на предыдущем этапе. Особенность этапа — резкое обострение борьбы между олигархическими группами «новых богатых»
 Дальнейшее сокращение поддержки курса «реформ» со стороны рабочих, крестьян, профессиональных отрядов специалистов, особенно учителей и врачей. Обострение борьбы между компрадорским и национально ориентированным капиталом
 Дальнейшее обострение борьбы между различными финансово-экономическими группировками. Некоторое расширение социальной базы режима за счет гуманитарной и научно-технической интеллигенции и национально ориентированного капитала
 Продолжение действия прежних тенденций. Усиление опоры на представителей силовых структур

Основные тенденции экономического развития (подъем, оживление, стагнация, спад, кризис)

Глубокий кризис с постепенным замедлением темпов спада, временами — «нулевой рост»
 Продолжение кризиса; замедление темпов спада
 Кризис; в конце 1997 г. — приближение к «нулевому росту»
 Продолжение экономического спада; обострение финансового кризиса, включая падение курсов ценных бумаг и угрозу девальвации национальной валюты
 В начале этапа — глубокий кризис, вызванный финансовым крахом августа 1998 г.; затем — существенное оживление.
 В целом стагнация: некоторое оживление в ряде отраслей (ВПК, добыча и переработка нефти), углубление кризисных явлений в других (энергетика, легкая промышленность, коммунальное хозяйство)

Таблица 3 (часть 3)

№ этапа	3.
3.1. 3.2. 3.3. 3.4. 3.5.	
Дата	
Август 1996 г.— декабрь 1999 г.	
Август 1996 г.— февраль — март 1997 г.	
Март— апрель 1997 г.—март — апрель 1998 г.	
Март — апрель 1998 г.— август 1998 г.	
Сентябрь 1998 г.— май 1999 г.	
Май – декабрь 1999 г.	
Характеристика экономической политики правительства	
Продолжение прежней экономической политики с небольшими модификациями: переход от ваучерной приватизации к продаже остатков государственной собственности; новые волны «кризиса неплатежей»; значительное увеличение государственного долга путем создания «пирамиды» государственных казначейских обязательств и роста внешних заимствований государства; попытки «реформирования» социальной сферы путем дальнейшего вытеснения бесплатных услуг платными	
Продолжение в основном прежнего курса; рост государственного долга, особенно внутреннего; новая стадия «кризиса неплатежей»	
Неэффективные попытки активизации «курса реформ»: внесение в Парламент и провал проекта Налогового кодекса; разработка концепции реформирования образования и последующий формальный отказ от нее; разработка новых вариантов реформы образования, здравоохранения и пенсионной системы	
Продолжение в основном прежнего курса, усиление новых тенденций, проявившихся на предыдущем этапе: перенос основной налоговой нагрузки с юридических лиц на граждан; рост платных услуг за счет бесплатных в образовании, медицине, культуре; новые попытки сокращения социальных льгот	
Поддержка отечественного производителя. Усиление государственного регулирования. Основа оживления экономики — относительно низкие и стабильные цены на энергоносители, ограничение импорта в результате скачка курса долларов	
Сохранение прежних тенденций в несколько ослабленном виде	
Основная тенденция изменения социальной стратификации (усиление неравенства — ограничение неравенства)	

В целом усиление неравенства: дальнейшая концентрация капитала и его сращивание с государственной властью
 Усиление неравенства и концентрации финансово-бюрократического капитала; формирование «семибанкирщины»
 Изменения незначительны
 Фактическое усиление неравенства за счет роста задолженности по выплатам заработной платы и социальных пособий
 Дальнейшее усиление неравенства в результате кризиса 17 августа 1998 г. Резкое сокращение новых «средних» слоев, связанных с предпринимательской деятельностью
 Изменения незначительны

Таблица 3 (часть 4)

№ этапа	3.
3.1. 3.2. 3.3. 3.4. 3.5.	
Дата	
Август 1996 г.— декабрь 1999 г. Август 1996 г.— февраль — март 1997 г. Март— апрель 1997 г.—март — апрель 1998 г. Март — апрель 1998 г.— август 1998 г. Сентябрь 1998 г.— май 1999 г. Май – декабрь 1999 г.	
Изменение характера отношений управляющих и управляемых (расширение самоуправления, дебюрократизация — свертывание самоуправления, бюрократизация)	
Бюрократизация, особенно на региональном уровне: концентрация в руках избранных губернаторов финансов, контроля над правоохранительными органами и средствами массовой информации. Общая тенденция к бюрократической дезинтеграции страны Бюрократизация. Следствие прямых выборов губернаторов и глав местного самоуправления — дальнейшая концентрация власти в руках избранных руководителей Бюрократизация, среди прочего связанная с концентрацией власти на уровне регионов и сокращением финансовой базы местного самоуправления Сохранение прежних тенденций Изменения незначительны Усиление влияния силовых структур	
Тип политического режима	
Авторитарно-демократический («режимная система», «мнимый конституционализм») Авторитарно-демократический с элементами «авторитарной анархии» (вследствие борьбы за власть и влияние на большого Президента между членами его окружения) Авторитарно-демократический. Единственный признак некоторого ограничения власти Президента — решение Конституционного суда, признающее противоречащим Конституции возвращение Президентом в Парламент законов без рассмотрения на основании мнимого нарушения регламента палат Федерального Собрания Авторитарно-демократический; в связи с обострением финансового кризиса — проработка командой Президента возможностей использования неконституционных методов для подавления сопротивления «непопулярным» мерам Авторитарно-демократический: попытка создания более широкой коалиции путем включения в Правительство профессионалов из левых политических движений Авторитарно-демократический	

Таблица 3 (часть 5)

- 3.1.
- 3.2.
- 3.3.
- 3.4.
- 3.5.

Дата

Август 1996 г.— декабрь 1999 г.
Август 1996 г.— февраль — март 1997 г.
Март— апрель 1997 г.—март — апрель 1998 г.
Март — апрель 1998 г.— август 1998 г.
Сентябрь 1998 г.— май 1999 г.
Май – декабрь 1999 г.

Доминирующая
идеологическая кампания
в средствах массовой
информации

Доминирующая идеологическая кампания отсутствует. Продолжается критика всех направлений оппозиционной идеологии при существенном ослаблении интенсивности и жесткости этой критики
Существенное ослабление критики оппозиционных идеологий; «информационная война» между финансовыми группами
Продолжающаяся критика левой оппозиции временами уступает по интенсивности взаимным нападениям финансовых группировок (Б. Березовский — А. Чубайс)
Наряду с продолжающейся критикой левой оппозиции и Парламента, критика некоторых мер Правительства, затрагивающих интересы крупного бизнеса
Критика правительственными СМИ курса предыдущего Правительства
Информационное обеспечение второй чеченской войны. Информационные войны между финансовыми группами.
Преобладание в СМИ критики Ю. Лужкова и «Отечества» по сравнению с критикой «левых»

Основные
лозунги власти

«Возвращение в цивилизацию»; продолжение реформ, приватизация; финансовая стабилизация; порядок; поиск «национальной идеи»
Сохранение в основном прежних лозунгов; явное ослабление антикоммунизма
Сохранение в основном прежних лозунгов. Главный среди «новых» — сокращение социальных льгот и количества льготников
Верность реформам; новый экономический курс; антикризисная программа стабилизации и наполнения бюджета; «жить по средствам»
Продолжение реформ, но отказ от «реформ без населения»
Обеспечение приемственности власти и укрепление государственности

Уровень влияния и
основные лозунги
оппозиции

Значительный рост влияния оппозиции; разделение ее на левую (КПРФ, НПСР) и правую («Яблоко»); несмотря на публичную демонстрацию жесткости, тенденция к превращению обоих крыльев в «системную оппозицию» (умеренность позиций «красных» губернаторов; вхождение в Правительство в личном качестве представителей обеих ветвей оппозиции). Сохранение прежних лозунгов; выдвижение лозунга отрешения Президента от должности
В целом влияние оппозиции на прежнем уровне при некотором расширении географии «вхождения во власть» и снижении остроты политических кампаний; дополнительный лозунг — отстранение от власти большого Президента
Влияние оппозиции сохраняется на прежнем уровне. Помимо прежних лозунгов выдвинуты: устранение из Правительства «молодых реформаторов»; весной — летом 1997 г.— сбор нескольких миллионов подписей за отставку Президента; в конце 1997 г.— начале 1998 г.— требование проведения «круглых столов» и создания Правительства «народного доверия»
Уровень влияния и основные лозунги прежние; выдвижение официального обвинения против Президента и создание думской Комиссии для рассмотрения вопроса об основаниях отрешения Президента от должности
Некоторый рост влияния оппозиции, вхождение представителей оппозиции в Правительство. Лозунг левой оппозиции: импичмент Ельцину без отставки Правительства

№
этапа

3.

- 3.1.
- 3.2.
- 3.3.
- 3.4.
- 3.5.

Дата

Август 1996 г.— декабрь 1999 г.
Август 1996 г.— февраль — март 1997 г.
Март— апрель 1997 г.—март — апрель 1998 г.
Март — апрель 1998 г.— август 1998 г.
Сентябрь 1998 г.— май 1999 г.
Май – декабрь 1999 г.

География и (или) размеры
применения насилия

Чечня, Дагестан, Северная Осетия, Ингушетия, террористические акты в ряде регионов России, насильственный разгон студенческой демонстрации в Екатеринбурге
Чечня; Северная Осетия; Ингушетия; Дагестан
Чечня, Дагестан, Северная Осетия, Ингушетия (захват заложников, террористические акты)
Чечня, Дагестан, Северная Осетия, Ингушетия (захват заложников, террористические акты); насильственный разгон студенческой демонстрации в Екатеринбурге
Этап относительно мирного развития
Попытка вторжения в Дагестан со стороны радикальных исламистов. Начало второй чеченской войны

Основное направление смещения курса Правительства (влево или вправо)

Курс умеренно правый с небольшими колебаниями к центру либо еще более вправо в вопросах социальных гарантий
Немного к центру при меньшей интенсивности демонтажа остатков прежней системы
По сравнению с «малым застоём» предыдущего периода—немного вправо, особенно в области социальной политики
Скорее влево в экономической политике, скорее вправо, в особенности в области социальной политики
Немного влево
При фактическом продолжении экономической политики Правительства Примакова немного вправо в идеологии и социальной политике

Основное направление
колебаний массовых настроений
(влево или вправо)

Рост оппозиционных настроений и политической апатии; усиление поддержки как левого, так и правого крыла оппозиции
Существенно влево (после поправления перед президентскими выборами); рост забастовочного движения
В целом немного влево; при этом часть левого электората переориентируется на правую оппозицию («Яблоко»)
Аналогично предыдущему периоду
Существенных колебаний массовых настроений не было
Колебания произошли не по линии «влево — вправо», а в сторону усиления государственных и даже националистических настроений (поддержка чеченской войны, успех блока «Единство»)

Четвертый период — январь 2000 г.— 2001 г.

№
этапа

- 4.
- 4.1.
- 4.2.

Дата

Январь 2000 г.— 2001 г.

Январь 2000 г.— весна 2001 г.

Весна 2001 г.—

Содержание этапа
и (или) наименование этапа

Период стабилизации и реформирования режима

Реформирование политической системы. Попытка создания авторитарного бонапартистского режима

Свертывание политики бонапартизма при сохранении его элементов. Отказ от тактики двух блоков в Государственной Думе 3-го созыва

Характер процесса
(эволюционный или
революционный)

Эволюционный, реформистский

Эволюционный

Эволюционный

Таблица 4 (часть 2)

№

этапа

4.

4.1.

4.2.

Дата

Январь 2000 г.— 2001 г.

Январь 2000 г.— весна 2001 г.

Весна 2001 г.—

Основные движущие силы процесса

Федеральная и часть региональной политических элит, значительная часть интеллигенции, некоторое увеличение поддержки режима со стороны рабочих и крестьян

Расширение политической базы существующего режима, связанное с надеждами на изменение условий жизни при новом Президенте и усилением государственных начал

В основном те же, что и на предыдущем этапе. Тенденция к блоку федеральной власти с компрадорскими и сырьевыми группами класса предпринимателей

Основные тенденции
экономического развития (подъем, оживление,
стагнация, спад, кризис)

Подъем

Подъем

Некоторое замедление темпов экономического подъема

Таблица 4 (часть 3)

№

этапа

4.

4.1.

4.2.

Дата

Январь 2000 г.— 2001 г.

Январь 2000 г.— весна 2001 г.

Весна 2001 г.—

Характеристика экономической политики
правительства

Новая попытка реализации праволиберального экономического курса

Декларирование и отчасти воспроизводство социально-экономического курса начала 90-х годов. Введение самого низкого в Европе и Америке налога на доходы физических лиц. Замена страховых отчислений в пенсионный и иные социальные фонды единым социальным налогом, сокращение социальных налоговых льгот

Активизация праволиберального экономического курса. Некоторое снижение налога на прибыль и отмена большинства социальных льгот. Принятие нового Земельного кодекса, предполагающего полную свободу оборота городских земель. Начало пенсионной реформы, переход от принципа солидарности поколений к накопительным принципам. Резкое сокращение в интересах предпринимателей числа лицензируемых видов деятельности. Принятие законов, облегчающих вывоз капитала из России.

Основная тенденция изменения социальной стратификации (усиление неравенства — ограничение неравенства)
Продолжение действия прежних тенденций. Повышение пенсий и минимальной оплаты труда сопоставимо с темпами инфляции
Существенных изменений по сравнению с предыдущим этапом не произошло
Тенденция к усилению социального неравенства, несмотря на повышение минимальных доходов

Таблица 4 (часть 4)

№
этапа
4.
4.1.
4.2.
Дата
Январь 2000 г.— 2001 г.
Январь 2000 г.— весна 2001 г.
Весна 2001 г.—

Изменение характера отношений управляющих
и управляемых (расширение самоуправления,
дебюрократизация — свертывание
самоуправления, бюрократизация)

Дальнейшая бюрократизация управления
Перераспределение властных полномочий в пользу центральных органов власти и усиление влияния силовых структур
Попытки дебюрократизации в экономике при продолжающейся бюрократизации в политической сфере

Тип
политического
режима

Авторитарно-демократический
Усиление авторитарных тенденций, попытка создания жесткой вертикали власти
Существенных изменений не произошло

Таблица 4 (часть 5)

№
этапа
4.
4.1.
4.2.
Дата
Январь 2000 г.— 2001 г.
Январь 2000 г.— весна 2001 г.
Весна 2001 г.—

Доминирующая
идеологическая кампания
в средствах массовой
информации

Усиление в жизни общества государственных начал и идеологическое обеспечение проводимых экономических реформ без использования термина «либеральная реформа»
Участие государства в информационных войнах между финансовыми группами. Информационное обеспечение второй чеченской войны и нарастающего авторитаризма
Доминирующая идеологическая кампания отсутствует

Основные
лозунги власти

Дебюрократизация экономики, снижение налогов, жить по средствам и т. п.
Защита прав собственности и результатов приватизации, диктатура закона, жить по средствам

Существенных изменений не произошло

Уровень влияния и
основные лозунги
оппозиции

Стабилизация влияния различных политических сил в обществе. Ослабление влияния левой оппозиции в Парламенте. Критика курса Правительства при фактическом отказе от критики Президента
Сокращение влияния оппозиции
Согласно социологическим опросам, некоторый рост влияния левой оппозиции, несмотря на продолжающуюся политическую пассивность

Таблица 4 (часть 6)

№

этапа

4.

4.1.

4.2.

Дата

Январь 2000 г.— 2001 г.

Январь 2000 г.— весна 2001 г.

Весна 2001 г.—

География и (или) размеры
применения насилия

Продолжение второй чеченской войны

Чечня. Применение подразделений силовых структур для подавления протестного движения (Выборгский ЦБК, московский завод «Кристалл»)

Чечня. Активизация вооруженного сопротивления сепаратистов

Основное направление смещения курса Правительства (влево или вправо)

Вправо в экономической политике, к центру в идеологии

Незначительно вправо в экономической политике

Существенно вправо в экономической политике

Основное направление
колебаний массовых настроений
(влево или вправо)

Стабилизация симпатий политически активных групп, усиление политической апатии значительной части населения

Преобладание политической пассивности основной части населения

Существенных изменений не произошло

Статья полностью опубликована: Критический марксизм: Продолжение дискуссий. / Под ред. А. Бузгалина и А. Колганова. М.: Слово, 2001.— С. 240—321.

РАЗДЕЛ 4. ПРИВЕТ, ДЕМОКРАТИЯ: ДИАЛЕКТИКА ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ И АВТОРИТАРНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В РОССИЙСКОМ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Люди никогда не пользуются свободой, которая у них есть, но требуют той, которой у них нет...

С. Кьеркегор

ПРОБЛЕМА ДЕМОКРАТИИ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ РОССИИ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

1. Демократия: интерпретация и тенденции

Проблема демократии является одной из наиболее актуальных для современного общества вообще, для России — в частности по целому ряду причин.

Во-первых, исторический опыт второй половины XX в. показал, что страны с демократическими режимами, как правило, добиваются больших экономических успехов, чем страны с режимами авторитарными. Это связано с тем, что именно демократия создает наилучшие условия для проявления инициативы, без которой невозможно эффективное производство.

Во-вторых, правительства стран с демократическими режимами обычно совершают меньше ошибок в управлении, не говоря уже о злоупотреблениях властью и преступлениях против личности. Другими словами, демократия — это своеобразный защитный механизм общества от узурпации власти. Не зря говорят: власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно. Демократия не всегда способна выполнить эту защитную функцию. В условиях кризисов дают сбои и демократические механизмы, однако в развитых странах это все же исключения из правила.

В-третьих, для современного человека демократия все более становится самостоятельной ценностью. Люди не хотят быть колесиками и винтиками какой бы то ни было, пусть даже хорошо отлаженной системы, предпочитают сами решать свои проблемы хотя бы и ценой ошибок.

В-четвертых, в России проблема демократии стоит особенно остро, поскольку страна, по-видимому, переживает начало длительного и сложного периода формирования демократических форм правления — периода, который обычно сопровождается попытками установления авторитарных режимов как леворадикального (неосталинского) толка, так и правого (неопиночетовского) характера. Ситуация осложняется очень широким распространением в массовом сознании стереотипов авторитарно-патриархальной культуры, выработанных историей России в досоветское и советское время.

Термин «демократия» (в переводе с греческого — народовластие) весьма многозначен. В современной социологии и политологии им обозначается: а) форма государства (прежде всего такие ее элементы, как форма правления и политический режим); б) принцип организации политической жизни и политических институтов, обеспечивающий активность и равноправие участников; в) те виды социальных движений, которые в политическом спектре занимают позиции левее либерализма, но не имеют четкой социалистической ориентации. Термины «право» и «лево» употребляются здесь в общепринятом в политической науке всего цивилизованного мира значении: «право» означает ориентацию на большее социальное неравенство, «лево» — на большее социальное равенство. При таком подходе либералы оказываются в центре политического спектра, социал-демократы, а тем более коммунисты — левее, неоконсерваторы — правее, неонацисты занимают крайне правые позиции.

В справочной и популярной литературе, не говоря уже о публицистике, часто встречаются упрощенные определения демократии, к которым следует относиться критически. В качестве примера можно привести следующее определение: демократия — «форма государственного устройства, при котором осуществляется правление народа» (Современная западная социология. Словарь.— М.: Политиздат, 1990.— С. 82).

Определение это неудачно, как минимум, по трем позициям: во-первых, понятие «форма государственного устройства» в политической науке прочно закрепилось за территориальным или национально-территориальным устройством государства; во-вторых, демократия, за редким исключением, — это власть политической элиты, т. е. власть почти всегда от имени народа, иногда — для народа, но почти никогда — самого народа; в-третьих, «правление народа», т. е.

непосредственное управление всем народом, вообще проблематично и возможно разве что в гипотетическом будущем.

Избегая упрощений, в качестве рабочей гипотезы можно принять следующее определение: демократия — одна из форм государственной власти (типов политического режима), которая характеризуется официальным признанием: 1) народа в качестве источника власти; 2) принципа подчинения меньшинства большинству; 3) политической свободы и равноправия граждан.

Изучение политической истории позволяет сделать два вывода по проблеме соотношения демократии, с одной стороны, социальной и экономической эффективности системы — с другой.

1. На различных этапах исторического развития более жизнеспособными и эффективными оказываются то более, то менее демократические политические системы. Прямой связи между двумя этими переменными не существует. Так, античные демократии одерживают победу над восточной деспотией персов, однако вслед за этим проигрывают монархии Александра Македонского. Спустя две с половиной тысячи лет в конце 30-х — начале 40-х гг. XX в. европейские демократии одна за одной проигрывают войну гитлеровскому тоталитаризму, но спустя несколько десятилетий выигрывают экономическое соревнование у гораздо более жизнеспособных авторитарных режимов в Советском Союзе и Восточной Европе.

2. Тем не менее, по крайней мере в новое и новейшее время среднестатистически, в крупном историческом масштабе, демократические политические системы оказываются более жизнеспособными, нежели антидемократические. Эту ситуацию отражает известная формула У. Черчилля, согласно которой демократия — это плохая форма управления, но ничего лучшего человечество еще не выдумало. О причинах, вызывающих к жизни эту закономерность, говорилось выше в связи с актуальностью проблемы демократии.

В целом решение проблемы «эффективность — демократия» аналогично решению проблемы «эффективность — социальная справедливость». Демократические политические системы в среднем, в тенденции, по большому счету эффективнее. Однако в каждом отдельном случае обществу приходится искать оптимальную меру демократии, тот ее уровень, который оно может себе позволить. Поэтому в новое и новейшее время в целом преобладает демократическая тенденция. Но развитие общества и в этом отношении происходит циклично, волнообразно. Так, согласно одному из американских исследований, мир пережил — если перефразировать терминологию Н. Д. Кондратьева — три длинные волны демократических колебаний.

Первая началась в середине XIX в. и продолжалась до первой мировой войны. В результате введения выборности и расширения избирательных прав к этому времени на Земле насчитывалось около 30 государств с демократическим режимом. В период между двумя мировыми войнами волна «отхлынула», что выразилось, главным образом, в формировании тоталитарных режимов (Муссолини, Гитлера, Сталина и др.). К 1942 г. на планете осталось около 15 государств с демократическими режимами.

Вторая волна началась после разгрома гитлеровской Германии и самурайской Японии и продолжалась до середины 70-х гг. Ее откат приходится, условно говоря, на десятилетие — 1975—1985 гг.

С середины 80-х гг. начинается новый «прилив» демократии, и в настоящее время, по оценкам американской организации «Фридом Хаус», при демократических режимах живут не менее 70% землян — абсолютный мировой рекорд всех времен и народов. Разумеется, можно спорить о критериях деления государств на демократические и недемократические, выбранных «Фридом Хаус», еще больше — о ее праве вынесения «приговора» по этому вопросу. Однако сама тенденция последнего десятилетия отражена, по-видимому, верно.

Вместе с тем западные политологи в большинстве своем отмечают, что демократия — явление хрупкое и не существует абсолютных гарантий ее сохранения даже в развитых странах Запада, не говоря уже о странах с переходной экономикой или третьем мире. Согласно логике циклического развития, на смену демократическому «приливу» должен прийти «отлив». При этом вполне возможно, что в настоящее время он уже начался.

2. Некоторые концепции демократии и опыт России

Основания типологизации

Известные в истории формы реализации демократической модели управления отличаются

большим разнообразием. Однако еще более разнообразны концепции демократии, которые могут классифицироваться по самым различным основаниям: от научных парадигм до политической ориентации авторов.

В зависимости от преобладающей ориентации на прямую или представительную демократию можно выделить две большие группы теорий: 1) идентиторные, плебисциторные (чаще говорят — плебисцитарные); 2) репрезентативные (представительные).

Первые ориентируются непосредственно на волю народа и общественное благо, отвергают легитимность конфликта интересов. При этом предполагается, что воля народа выражается непосредственно на народных собраниях или в результате всеобщего голосования, а реализовать ее может не обязательно сам народ, но уполномоченный им вождь или партия.

Вторая группа теорий понимает демократию как компетентное и ответственное перед народом представительное управление. При этом в парламентской демократии видят защиту от сиюминутных массовых настроений и увлечений, иррациональных и эгалитарных (уравнительных) тенденций массового сознания. Эффективность управления связывается с разделением труда и компетентностью специалистов (подробнее см: Политология. Учебное пособие / Под общ. ред. Ю. А. Северова. Часть I.— Тула, 1994.— С. 79).

Другая классификация теорий демократии основывается на различиях в понимании ее центральной проблемы: субъект или механизм (Мигранян А. Демократия в теории и исторической практике.— Коммунист.— 1990. № 1.— С. 33—37).

1. Концепции, для которых главным является вопрос о том, кто правит. Родоначальником таких концепций принято считать Платона, который дал следующую классификацию политических форм: царская власть — правление одного; аристократия — правление небольшой части лучших и благородных; демократия — правление всех свободных граждан. Исторический парадокс состоит в том, что к этой группе концепций склонялись как аристократические мыслители, так и наиболее радикальные демократы. Первые (от Платона до Ортега-и-Гассета) требовали ограничения прав «черни», которая губит общество; вторые же во имя демократии для народа считали необходимым ограничение прав высших классов (французские революционеры — якобинцы, революционное крыло социалистов-утопистов, Чернышевский и Добролюбов — в России). Для радикальных демократов основной ценностью было равенство, во имя которого они готовы были в чем-то поступиться индивидуальной свободой.

2. Теории, главным для которых является вопрос о том, как осуществляется управление, как функционирует власть, правит ли закон и одинаков ли он для всех. По политической принадлежности это, главным образом, — либеральные концепции демократии. Здесь основной ценностью признается индивидуальная свобода, «свобода от»: от вмешательства государства в экономику, в частную жизнь человека и т. п. Другие характерные ценности: либерализм — индивидуализм и неотчуждаемые права. Именно в рамках либерального направления были разработаны концепции «естественных прав человека» и правового государства, ставшие элементами классической теории демократии. (Таким образом, в СССР, а затем в России, в условиях кризиса оказались перевернутыми представления не только о правых и левых в политике, но также о либерализме и демократии: отечественные «радикальные демократы» — на самом деле по современным западным понятиям — неоконсерваторы; напротив, действительными радикальными демократами являются те, кто стремится создать гарантии участия в управлении для наименее обеспеченных слоев граждан.)

Принципы классической теории демократии остаются основополагающими для функционирования политических систем в наиболее развитых странах Запада. Однако созданная на основе этих принципов модель управления обществом — это отнюдь не некий идеал, а скорее наименьшее зло. Уже в XIX веке классическая теория демократии подвергалась критике как со стороны правых либералов, так и со стороны левых радикалов. Первые (например, Алексис де Токвиль), опираясь на опыт революций, справедливо утверждали, что торжество воли большинства отнюдь не всегда совместимо с индивидуальной свободой, и может рождать не меньший деспотизм, чем власть тирана. Вторые не менее справедливо обращали внимание на то, что в обществе, разделенном на полярные социальные группы, политическое равноправие не может быть реальным, что политические преимущества неизбежно получают группы, обладающие экономической властью, и что демократия в таких условиях по существу представляет собой лишь форму легитимации (узаконивания) власти той или иной элиты.

Наконец, третья классификация теорий демократии напрямую связана с их политической ориентацией. В этом плане наиболее популярными в настоящее время являются либерально-плюралистические, консервативно-элитарные концепции и концепции демократии участия

(партиципаторной или партиципаторной демократии).

Плюралисты исходят из того, что современное общество разделено на множество социальных групп, в которых формируются политические интересы, отражаемые соответствующими политическими организациями. Широкие массы граждан индифферентны (безразличны) в политическом смысле и не стремятся к непосредственному выполнению властных полномочий. Для них несравненно легче избрать правителей, чем заниматься поисками ответа на политические вопросы. Общие черты плюралистических концепций можно представить следующим образом:

признание заинтересованной группы центральным элементом демократической политической системы, гарантирующим реализацию интересов, прав и свобод личности. Сама личность при этом оттесняется на второй план, хотя и не отрицается ее статус как первичного субъекта власти;

рассмотрение соперничества и баланса групповых интересов как социальной основы демократической власти, ее динамики;

узаконивание «разумного эгоизма», личного и группового интереса как генератора политики;

значительное расширение сферы деятельности государства, рассмотрение его как арбитра, сохраняющего равновесия соперничающих интересов;

трактовка множественных, плюралистических элит как главного проводника влияния масс на политику;

забота о формировании демократической культуры как условие цивилизованного характера борьбы интересов и безболезненного разрешения функциональных конфликтов (Пугачев В. П. Основы политологии.— М., 1992).

Элитаристы исходят из представления о том, что политическое неравенство является одной из необходимых основ любой общественной структуры. Демократию как народовластие они считают мифом, поскольку народ к самоуправлению не способен, а его непосредственное вмешательство в политику разрушает структуры управления. Вместо правления народа элитаристы предлагают концепцию правления, одобряемого народом, роль которого сводится к выбору одной из конкурирующих элит, представленных политическими партиями. Демократия, по мнению элитаристов, обеспечивается не широтой участия масс, а активной конкуренцией элит при минимальной активности граждан. От концепции плюралистов этот подход отличается тем, что ориентируются на сужение круга лиц, допускаемых к «тайнству» управления. Ориентация концепции откровенно правая.

Сторонники партиципаторной (партиципаторной) демократии, или «демократии участия», по политическим ориентациям принадлежат к левым реформистам разных мастей — от левых либералов до реформистов-коммунистов. Для них современная западная демократия отнюдь не идеал, но объект реформирования. Смысл реформ состоит в том, чтобы обеспечить более широкое участие народа в управлении обществом. Для этого предлагается:

1) сочетание прямой и непосредственной демократии. Демократия представляется в виде пирамиды, основанием которой служит прямая демократия (выборы и самоуправление), а на каждом уровне выше основания представлена демократия делегатов;

2) контроль за всеми органами власти со стороны общественности;

3) опора парламентских фракций и комитетов на массовые общественные движения, привлечение представителей этих движений к разработке законопроектов и решений исполнительной власти;

4) доступность общественным движениям средств массовой информации, которая, по мнению сторонников концепции, как раз и позволяет заменить традиционную представительную демократию «демо-кратией участия»;

5) развитие самоуправления на уровне районов, трудовых коллективов, общественных движений.

Среди всех приведенных именно концепция партиципаторной демократии представляется наиболее соответствующей тенденциям развития современного общества.

Марксистская концепция демократии и современность

В настоящее время в России одной из наиболее дискуссионных проблем является проблема «марксизм и демократия». Большинство специалистов соглашаются с тем, что марксизм принадлежал к радикальному крылу радикальной демократии, а Ленин — к радикальному крылу марксизма. В свете исторического опыта основные марксистские идеи по этому вопросу выглядят следующим образом.

Во-первых, для марксизма вообще и В. И. Ленина в особенности было характерно акцентирование классового характера демократии. Марксисты справедливо подчеркивали ее узкие, ограниченные пределы в греческих государствах-полисах, в средневековых феодальных республиках и т. п. Перед современным ему обществом молодой Энгельс очень резко ставил следующую дилемму: либо настоящее рабство, т. е. деспотизм, либо настоящая свобода и равенство, т. е. Коммунизм (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд. Т. 1.— С. 526—527). Опыт XX в. не опроверг необходимости классового подхода к демократии, однако показал, что по мере роста уровня производительных сил и культуры доля общечеловеческих функций в деятельности политической системы повышается. В наиболее развитых странах Запада современное социальное государство достаточно активно занимается регулированием экономики, в значительной мере берет на себя осуществление социальных гарантий для малообеспеченных и т. п. К. Маркс и В. И. Ленин не то чтобы не видели подобных явлений, но не придавали им существенного значения потому, что в XIX—начале XX в. такие тенденции проявились слабо, отчасти именно из-за радикализма своей политической позиции. Суть ее четко выражена в ленинском положении о том, что демократии, которая возникла при частной собственности, цены придавать не следует (Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-ое изд. Т. 39.— С. 200). Во-вторых, классовым подходом определялась противоречивая оценка марксистами роли демократии в условиях капитализма. С одной стороны, эта демократия признавалась безусловным прогрессом, поскольку она дает личности политические свободы и, в частности, позволяет лучше организовать рабочему классу. В этой связи теоретики марксизма всегда предпочитали более демократический режим менее демократическому, а демократическую республику считали лучшей политической формой для перехода к социализму, демократии трудящихся (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд. Т. 22.— С. 237).

С другой стороны, буржуазная демократия признавалась неподлинной, обманом народа, современным аналогом греческих рабовладельческих республик. К. Маркс не раз говорил о хлеме буржуазного парламента, о парламентарском кретинизме, о том, что угнетенным раз в несколько лет позволяют решать, кто именно из представителей господствующего класса будет в парламенте представлять и подавлять их (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд. Т. 17.— С. 344). Такая жесткая критика обосновывалась обычно двумя аргументами.

Первый: в условиях капитализма правящая элита применяет обычно мелкие изъятия, ограничения избирательных и других прав, которые в совокупности выталкивают бедноту из политики. В настоящее время в ряде стран Запада такие ограничения сохраняются: например, ценз оседлости «работает» против бездомных и безработных, ценз грамотности — против не имеющих возможности получить образование и т. п. Однако опыт наиболее передовых стран убедительно доказывает, что без подобных ограничений современная западная демократия вполне может обойтись.

Второй аргумент: высокий уровень социального неравенства, характерный для капитализма, превращает политическое равенство в фикцию. В этом отношении ситуация на современном Западе тоже существенно изменилась: сформировался мощный средний класс, который может позволить себе участие в политике, уже не столь отчужден от нее; неравенство активного права, права избирать стало гораздо меньшим. Однако для того, чтобы быть избранным на сколько-нибудь высокий пост, по-прежнему требуются значительные суммы денег. Зарубежная политическая социология убедительно показывает, что, как правило, среднестатистически победа на выборах определяется именно финансовыми затратами. Скажем, минута телевизионного времени в Соединенных Штатах обходилась кандидатам в Президенты на послед-них выборах в не менее ста тысяч долларов. Чтобы позволить себе подобные затраты, очевидно, надо быть либо финансовым магнатом, либо опираться на поддержку «большого бизнеса». Не случайно отцу братьев Кеннеди приписывается высказывание такого рода: «С деньгами, которые затрачены на Джона, можно избрать в Сенат собственного шофера».

В этой связи неубедительной представляется популярная точка зрения, согласно которой современная западная демократия уже совершенно утратила классовый характер и представляет собой демократию вообще. Несмотря на расширение социальной базы государства на Западе и его успехи в создании социальных гарантий для неимущих, основную роль в политической жизни продолжает играть экономическая элита. Именно поэтому западные политологи, начиная с В. Парето и Г. Моска, вообще доказывали, что современная (в терминологии марксистов — буржуазная) демократия сводится к праву выбора элиты, представляет собой форму легитимации ее власти. Не случайно политическая наука Запада, включая левых либералов, социал-демократов и других теоретиков левого направления, продолжает искать пути ослабления влияния социального неравенства на политическую сферу, искать механизмы, позволяющие представить в политической жизни интересы разных слоев, в том числе и малообеспеченных.

В итоге классическая марксистская политология приходила к выводу о том, что демократия представляет собой наилучшую политическую оболочку капитализма как с точки зрения рабочих, так и с точки зрения буржуа. Она позволяет реализовать лучший из двух возможных способов политического господства, а именно: манипулирование сознанием масс без применения в обычных условиях прямого насилия. Поэтому демократия представляет собой правило для высокоразвитых капиталистических стран, авторитарные режимы — исключение из правила. Последующие исторические события показали, что именно демократический и, как иногда выражаются, «социализированный» капитализм оказался способным выиграть экономическое соревнование у административно-бюрократического социализма, тогда как фашистский вариант капитализма потерпел полное поражение.

Итак, в отношении демократии при капитализме основные элементы марксистской концепции во многом сохраняют свое значение, хотя она безусловно нуждается в корректировке соответственно изменившимся условиям. Иначе обстоит дело с марксистским прогнозом развития демократии при переходе к новому обществу. Суть этого прогноза такова:

1. В переходный период — установление диктатуры пролетариата, которая предполагает расширение демократии для трудящихся и ее ограничение для представителей бывших эксплуататорских классов.

2. В социалистическом обществе — сохранение государства как органа, охраняющего остатки социального неравенства, как говорил Ленин, буржуазное государство без буржуазии.

3. С исчезновением классов при переходе к коммунизму — отмирание государства, а значит и демократии как политической формы (Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-ое изд. Т. 43.— С. 90—91, 99).

Наиболее острым остается вопрос о диктатуре пролетариата, по которому в современной политической теории представлены три основные позиции.

Первая из них — ортодоксально-коммунистическая. Ее разделяет, например, марксистская рабочая партия — партия диктатуры пролетариата. Правда, установление диктатуры пролетариата мыслится не в форме прямого захвата власти, а через пропорциональное представительство различных социальных групп в Советах (такое представительство дало бы примерно 60% мест рабочим). Опыт СССР и других стран административного социализма показывает, что диктатура пролетариата легко может переродиться в диктатуру бюрократии.

Вторая позиция — либеральная. Суть ее в том, что любая диктатура тяготеет к универсальности и длительности насилия, и потому идея диктатуры пролетариата изначально ошибочна и порочна. Привлекательной стороной позиции является ее гуманистический пафос, однако мировая история практически не имеет опыта смены общественных формаций (или, на языке западной социологии, типов социетальных систем) без установления авторитарных режимов той или другой формы, в той или иной степени. Не случайно в России к авторитаризму все больше склоняются политики, осуществляющие новейшую революцию, т. е. изменение самих основ общественного строя.

Третью позицию занимают левые партии демократической ориентации как на Западе, так и в России. Суть позиции в том, что идея диктатуры пролетариата в свое время имела историческое оправдание, но ныне уже устарела. В доказательство приводится изменение социальной структуры стран Запада и повышение ценности личности и ее свободы в общественном сознании наиболее цивилизованных стран.

Плебисцитарная теория демократии

Термин «плебисцит» может быть переведен с латинского как принятие решения посредством всенародного голосования. Широкое использование этой процедуры и составляет главную особенность плебисцитарной теории демократии.

Практика плебисцитарной демократии берет начало в античных полисах, где важнейшие решения по вопросам государственной и общественной жизни принимались на народных собраниях голосованием всех граждан. В Европе XX в. плебисциты неоднократно использовались для решения вопросов территориального размежевания (например, отделение Норвегии от Швеции).

В настоящее время классической страной плебисцитарной демократии считается Швейцария, где референдумы проводятся регулярно и подразделяются на три основных вида:

- 1) обязательные — если вновь принятый закон затрагивает Конституцию страны;
- 2) условные, которые могут проводиться по любому закону в течение 3 месяцев со дня его принятия, если в поддержку референдума удастся собрать определенное количество подписей;
- 3) совещательные, которые проводит Правительство или Парламент, когда нет уверенности в

поддержке большинством населения того или иного законопроекта, либо когда хотят заручиться поддержкой этого большинства.

Своеобразный вариант теории плебисцитарной демократии разработал знаменитый немецкий социолог и политолог Макс Вебер. Согласно Веберу, сложные общественные системы XX в. значительно больше, чем прежде, нуждаются в управлении и потому переживают новый виток бюрократизации. Бюрократизация общества, с одной стороны, позволяет поднять профессионализм и компетентность управленческих кадров («рациональная бюрократия»), а с другой стороны, может приводить их (управленцев) к всевластию, тормозящему необходимые преобразования, и тем самым — к окостенению общественных структур.

Спасение от бюрократии Макс Вебер видит в плебисцитарном харизматическом лидере, который один только и способен защитить граждан от ее всевластия, а в необходимых случаях — обеспечить прорыв на пути реформ. Поскольку понятия типа «народный суверенитет», «народовластие» и т. п., согласно Веберу, утопичны, немецкий политолог предлагает следующий механизм реализации демократической процедуры: народ выбирает лидера, которому доверяет; после этого лидер говорит: «А теперь замолчите и подчиняйтесь мне!» Ни народ, ни партии не должны вмешиваться в то, что он делает (подробнее см.: Мигранян А. М. Плебисцитарная теория демократии Макса Вебера: временный политический процесс // Вопросы философии.— 1989.— № 6.— С. 148—158). Очевидно, что такого рода «демократия» отличается от авторитарного режима лишь способом установления.

Оценивая теорию и практику плебисцитарной демократии, современная политическая наука отмечает, что эта система может более или менее успешно функционировать лишь при определенных условиях.

Первое из них — общественная стабильность. В обстановке высокой социальной напряженности, а тем более глубоких политических и экономических кризисов немногие граждане способны сохранить здравый смысл и сделать свой выбор осознанно. Не случайно именно в момент кризиса уравновешенные, добропорядочные и педантичные немцы отдали предпочтение Гитлеру и его партии, а страна древней культуры — Грузия — вполне законно избрала своим Президентом Звиада Гамсахурдиа, от которого потом избавилась лишь в результате малой гражданской войны.

Второе условие — развитие демократической традиции. Только лидер, который, что называется, «с молоком матери» впитал уважение к Закону и правам граждан, получив на выборах большую власть, будет воздерживаться от того, чтобы узурпировать ее целиком. Только граждане, воспитанные в тех же традициях, не позволят избранному ими лидеру это сделать. Поэтому такая система успешно функционирует в США, но весьма рискованна в Латинской Америке и государствах бывшего СССР.

Третье условие — сильная политическая оппозиция, имеющая доступ к средствам массовой информации. В противном случае общественное мнение зачастую удается обработать в направлении, выгодном для власти.

Статистика показывает, что даже при наличии перечисленных условий референдум, как правило, выигрывает тот, кто его проводит. Если же эти условия отсутствуют, плебисцитарная демократия, которая, на первый взгляд, представляется высшим воплощением народовластия, на самом деле дает политической элите широкие возможности манипулирования общественным сознанием. Причем этот вид манипулирования, пожалуй, самый худший, ибо это манипулирование народом посредством самого народа. Нетрудно убедиться, что в бывших республиках бывшего Советского Союза, где увлечение плебисцитарной демократией приобрело чуть ли не повальный характер, ни одного из перечисленных условий нет. Поэтому и результаты референдумов, а равно и прямых президентских выборов оказываются здесь проблематичными. В одних случаях эти результаты просто игнорируются (например, результаты референдума 17 марта 1991 г. о сохранении СССР); в других — референдумы по одному и тому же вопросу в короткие сроки дают противоположные результаты (например, на Украине 17 марта и 1 декабря 1991 г.); в третьих — законно избранные таким путем президенты нередко вскоре лишаются власти (Грузия, Азербайджан). Следовательно, требуется осторожность в применении к отечественным условиям плебисцитарной теории демократии вообще, веберовского ее варианта — в особенности.

3. Проблема перехода от авторитаризма к демократии в конце XX века

В последние десятилетия XX в. проблема перехода от авторитаризма к демократии оказалась в центре внимания политиков и политологов. Это следствие, с одной стороны, большого числа попыток такого перехода, осуществляемых или провозглашаемых многими странами, а с другой —

чрезвычайной сложности этого процесса, который нередко заканчивается относительными неудачами, а то и полным провалом.

Образцовой страной в плане смены авторитарного политического режима демократическим признается Испания, хотя и в ней не обошлось без попытки государственного переворота, предпринятой частью офицерства. Испанский опыт пакта Монклоа (пакта о гражданском согласии) в последнее время активно пытаются внедрить в России. Специалисты выделяют три основные особенности испанского политического процесса, обеспечившие его положительный результат и весьма сильно отличающиеся от процессов в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе.

Во-первых, постепенность: когда испанский диктатор Франко передал власть королю Хуану Карлосу, а тот, в свою очередь, назначил премьер-министром Адольфо Суареса, это вызвало глубокое разочарование в обществе, поскольку Суарес имел прочную репутацию консерватора; однако Суарес вел реформы хотя и медленно, но неуклонно, что и обеспечило им успех.

Во-вторых, законность: основные политические силы Испании договорились о том, что будут действовать на основе существующих законов, как бы плохи те ни оказались; законы, принятые при диктаторе Франко, соблюдались до тех пор, пока не отменялись законным же порядком; стремление не соблюдать Конституцию или законы на том основании, что они тормозят реформы, пресекалось; легитимность в ее веберовском понимании не противопоставлялась легальности (законности), а прочно основывалась на ней.

В-третьих, опережение экономических реформ политическими: поскольку экономика в переходный период не подвергалась сколько-нибудь серьезным преобразованиям, а тем более — экспериментам, социальная стабильность в обществе сохранялась, что позволяло реформировать политическую систему в относительно спокойных условиях без больших потрясений.

Характер политического процесса в странах Восточной Европы и бывшем Советском Союзе был совершенно иным: не постепенным, эволюционным, а революционным, основанным главным образом не на легальности (законности), а на революционной целесообразности; не последовательным, а параллельным во всех сферах общественной жизни, что вызвало одновременно экономический кризис, крайнее социальное расслоение, политические потрясения, в ряде случаев — распад государственности, разрушение старых стереотипов общественного сознания и замену их новыми.

Очевидно: испанский опыт в третьем его компоненте в Восточной Европе и России применен быть не мог. В Испании авторитарный режим сменялся демократическим при сохранении типа экономической системы общества (рыночно-капиталистической), в Восточной же Европе и бывшем Советском Союзе главной составляющей процесса стала именно смена общественно-экономической системы. Что касается двух других компонентов испанского опыта (постепенности и законности), то отказ от их использования определялся волей политических элит. При этом революционный характер политического процесса с неизбежностью породил, как минимум, две его особенности.

Первая — острые конфликты между политическими субэлитами и ветвями власти, особенно вновь избранными президентами и парламентами, конфликты, разрешаемые с помощью политического и военного насилия, включая малые гражданские войны. Исключение из правила составляют либо малые страны с европейским типом политической культуры (Чехия), либо страны с декоративной парламентской властью (Туркменистан, Узбекистан).

Вторая особенность — резкие колебания политического «маятника» сначала в сторону неограниченной демократии и даже охлократии, а затем, как предсказывал еще Аристотель, в сторону нарастания авторитарных тенденций. Проявления этих тенденций — создание в большинстве стран с переходной экономикой суперпрезидентских республик, незаконный роспуск парламентов как «тормоза реформ», продление президентских полномочий путем референдумов, в ряде случаев — ущемление в правах национальных меньшинств, замена выборности всеобщим назначением руководителей исполнительной власти, ограничение роли власти судебной и т. д. и т. п.

Все это доказывает, что, во-первых, существует определенная закономерная связь между уровнем производства культуры и социальной стабильности в обществе, с одной стороны, и уровнем демократии — с другой. Обществу приходится жить «по средствам», имея столько демократии, сколько оно может себе позволить, чтобы не разрушить основ своей жизни. Во-вторых, переход от авторитаризма к демократии осуществляется в разных странах неодинаково, в том числе в большинстве посткоммунистических государств он, по-видимому, будет происходить волнообразно, сопровождаясь периодами реставрации авторитаризма.

Социально-философские аспекты государственной образовательной политики... Диссертация... доктора философских наук. М., 2001

**РАЗДЕЛ ВТОРОЙ. ДИАЛЕКТИКА ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ И АВТОРИТАРНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ
В РОССИЙСКОМ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ**

Как показано в работах автора, в принципе смена отечественных политических режимов в 1985—2000 гг. вполне укладывается в схему, хорошо известную еще античным мыслителям: авторитаризм — попытка создания «демократии без берегов» (охлократии) — новое нарастание авторитарных тенденций. Эта логика вполне соответствует и описанному выше феномену «маятника».

Социально-политические революции (т. е. социальные революции, осуществляемые посредством политического переворота, предполагающие слом прежней политической системы, замену политических элит и т. п.) по самой их природе вообще редко совместимы с более или менее последовательной демократией, что подтверждает и статистический анализ: в подавляющем большинстве случаев новая власть либо с самого начала устанавливается как авторитарная, либо на смену периоду революционной демократии приходит период революционной диктатуры.

Даже в ситуациях подлинно великих и прогрессивных социальных революций на практике до сих пор практически нигде не удавалось разрешить противоречие между демократической природой такой революции и авторитарной формой власти, вытекающей из революции политической. Коренная ломка (или «радикальная трансформация») одной социетальной системы и замена ее другой, как правило, невозможна без сильной власти. Такой власти требуют: множественные катастрофы и мобилизационная экономика, с помощью которой их обычно приходится преодолевать; необходимость регулирования и подавления социальных конфликтов, угрожающих полным разрушением общественной системы; деструкция социальных институтов, связанная с нею anomia и политическая анархия и т. п. Однако, с другой стороны, как показывает исторический опыт, «диктатура пролетариата» очень легко превращается в диктатуру бюрократии, а харизматические лидеры — в вождей авторитарных или тоталитарных режимов.

Теоретические ключи к решению данной проблемы хорошо известны. Главный из них — развитие «демократии участия» (партисипаторной демократии), «базисной демократии», «самоуправления трудящихся» и т. п. Однако с помощью этих ключей «дверь» в подлинно гуманное и демократическое общество до сих пор открыть не удалось.

Именно революционный характер социально-политического процесса стал главной причиной срыва попыток заключения пакта о гражданском согласии, неоднократно предпринимавшихся в России, по аналогии с пактом Монклоа, обеспечившим в Испании плавный переход от авторитаризма к демократии. Возможность такого перехода определяли три основные особенности испанского политического процесса: постепенность; легальность, которая не противопоставлялась, как в России, легитимности в ее веберовском понимании, но выступала ее основой (законы, принятые в период авторитаризма, соблюдались до тех пор, пока не отменялись законным же порядком); опережение экономических реформ политическими. Сопоставление данной сущностной характеристики испанских реформ с опытом Китая, где, напротив, экономические реформы осуществлялись в условиях относительной политической стабильности, указывает на статистическую закономерность более общего характера, а именно: вероятность одновременных успешных преобразований всех сфер жизни общества достаточно низка.

Характер политического процесса в большинстве постсоциалистических стран был совершенно иным: не постепенным (эволюционным), но революционным, основанным главным образом не на легальности, но на «революционном правосознании», готовности следовать праву лишь в той мере, в какой оно не противоречило «интересам реформ»; не последовательным, но параллельным во всех сферах общественной жизни. Последнее было детерминировано тем, что в Испании авторитарный режим сменялся демократическим при сохранении типа экономической системы общества (рыночно-капиталистической), тогда как в Восточной Европе и бывшем СССР главной составляющей процесса стала именно смена типа общественно-экономической системы.

При этом революционный характер политического процесса с неизбежностью породил: острые конфликты между политическими субэлитами и ветвями власти, особенно вновь избранными президентами и парламентами — конфликты, разрешаемые с помощью политического и военного

насилия, включая малые гражданские войны; создание в большинстве стран с переходной экономикой суперпрезидентских республик; незаконный роспуск парламентов как «тормоза реформ»; продление президентских полномочий путем референдумов; в ряде случаев — ущемление в правах национальных меньшинств; замену выборности всеобщим назначением руководителей исполнительной власти; ограничение роли власти судебной и т. д., и т. п. Исключение из правила составляют либо малые страны с европейским типом политической культуры (Чехия), либо страны с чисто декоративной парламентской властью (Туркменистан, Узбекистан).

В условиях новейших революций в большинстве стран бывшего СССР существовало, как минимум, три основных фактора (или группы факторов), детерминировавших, при всех различиях в интенсивности их проявления, нарастание авторитарных тенденций:

- 1) чрезвычайно широкое использование механизмов плебисцитарной демократии;
- 2) подавление законодательной власти исполнительной властью вообще и президентской властью — в особенности;
- 3) крушение попыток создания новых массовых движений левой, левоцентристской либо просто социальной направленности.

Три названных фактора, которые резко ограничили возможность воздействия законодательства на политический курс и которые автор в свое время характеризовал как три трагедии российской демократии, заслуживают специального рассмотрения.

1. Исследованию роли *плебисцитарных механизмов* в формировании политической системы постреволюционной России в работах автора предпослан анализ места соответствующей теории среди различных концепций демократии. При всем многообразии таких концепций и их классификаций для целей настоящего исследования наиболее важно подразделение последних в зависимости от преобладающей ориентации на прямую или представительную демократию:

а) на плебисцитарные (идентиторные), которые ориентируются непосредственно на волю народа, отвергают легитимность конфликта интересов и исходят из предположения, что воля народа выражается непосредственно на народных собраниях или в результате всеобщего голосования, а реализовать ее может не обязательно сам народ, но также уполномоченный им лидер или партия;

б) на репрезентативные (представительные), которые интерпретируют демократию как компетентное и ответственное перед народом представительное управление, видя в парламентской демократии защиту от сиюминутных массовых настроений и увлечений, иррациональных и эгалитарных тенденций массового сознания и связывая эффективность управления с разделением труда и компетентностью специалистов.

На протяжении последнего столетия отечественной истории своеобразной экспериментальной апробации в России были подвергнуты две концепции: марксистская, авторы которой принадлежали к числу наиболее радикальных сторонников представительной демократии (но отнюдь не предполагали ею ограничиваться), и концепция М. Вебера, представляющая собой своеобразную интерпретацию идеи о непосредственном народном волеизъявлении.

По иронии истории, но в точном соответствии с ситуационными закономерностями революции обе эти теории дали результаты, прямо противоположные ожидаемым. По замыслу авторов марксистской концепции демократии, ее реализация уже в сравнительно короткий период диктатуры пролетариата должна была привести к демократии нового типа, обеспечивающей власть трудящихся, а затем к постепенному отмиранию государства вместе с демократией как его политической формой. Однако страна получила продолжительную серию сменяющих друг друга тоталитарных и авторитарных режимов. Аналогичным образом, согласно замыслу М. Вебера, разработанная им концепция плебисцитарной демократии должна была обеспечивать харизматическому лидеру свободу от сковывающего влияния бюрократии и тем самым — возможность стратегического прорыва в переходных обществах. Поскольку понятия типа «народный суверенитет», «народовластие» и т. п., согласно Веберу, утопичны, немецкий политолог предлагал ограничить роль народа в политическом процессе избранием сильного авторитарного лидера, который, в свою очередь, должен ограничить дальнейшее вмешательство народа в политику, вместе с тем защитив его от бюрократии. Однако в России 90-х годов эта концепция была использована как главный механизм легитимации результатов «революции управляющих»!

Автором показано, что система, созданная по модели Макса Вебера, может более или менее успешно функционировать, не вырождаясь в чистый авторитаризм, лишь при определенных условиях.

Первое из них — гражданско-демократический тип политической культуры вообще и развитые демо-кратические традиции — в особенности. Только лидер, который на уровне культурных архетипов впитал уважение к Закону и правам граждан, получив на выборах большую власть, способен

воздерживаться от того, чтобы узурпировать ее целиком. Только граждане, воспитанные в тех же традициях, не позволят избранному ими лидеру это сделать. Поэтому подобная система сравнительно успешно функционирует в США или Франции, но в большинстве случаев рождает авторитаризм в Латинской Америке или в государствах бывшего СССР.

Второе условие — сильная политическая оппозиция, имеющая доступ к средствам массовой информации. В противном случае общественным мнением зачастую удается манипулировать в направлении, выгодном для правящей политической элиты. Если в предыдущих революциях преобладающими были методы принуждения, включая прямое насилие, то в новейших революциях конца XX в., включая российскую, преобладает именно политическое манипулирование.

Разумеется, подобные методы широко используются во всех странах, в том числе самых демократических. Однако для России и других стран, переживших новейшую революцию, особую важность имеет как раз смена методов политического управления, их новизна, поскольку в предыдущий период большинство граждан привыкли принимать навязанное им мнение за свое собственное. Лишь новейшие социологические исследования показывают снижение доверия к средствам массовой информации, а также эффективности их действия на массовое сознание.

Третье, и, по-видимому, главное условие — относительная общественная стабильность. В обстановке высокой социальной напряженности, а тем более глубоких политических и экономических кризисов лишь немногие граждане способны сохранить здравый смысл и делать свой выбор вполне осознанно. В революционных же условиях, когда политически активное меньшинство народа, движимое ненавистью к прежней системе и надеждами на лучшую жизнь, с одной стороны, разрушает привычные устои экономического и духовного бытия, а с другой — страдает от возникающего хаоса, избирателям вдвойне труднее принять сколько-нибудь взвешенное решение и просчитать последствия своих действий. Немаловажно и то, что, как уже отмечалось, в такой исторический период новые иллюзии множатся почти столь же быстро, сколь низвергаются старые. Исключающие друг друга результаты референдумов и прямых выборов, с легкостью достигавшиеся правящими политическими элитами России и стран СНГ в 90-х гг., как раз и отражают нестабильность в обществе, зигзаги революции.

На взгляд автора, во-первых, разрабатывая данную концепцию в качестве элемента стратегии антибюрократического прорыва, М. Вебер явно имел в виду не социальную революцию, противником которой он был, но политическую реформу; во-вторых, на взгляд автора, даже в исторической ситуации реформы риски, связанные с реализацией веберовской концепции (авторитаризм, злоупотребление властью и т. п.), существенно превышают шансы на осуществление прорыва к более высокому типу рациональности.

Сказанное о необходимых условиях, обеспечивающих относительную эффективность и безопасность функционирования плебисцитарной демократии по модели М. Вебера, относится в основном и к иным плебисцитарным моделям и механизмам легитимации власти, и, в частности, к использованию референдумов при принятии политических решений.

Анализ ситуации в развитых индустриальных странах показывает, что даже при наличии названных выше условий в статистически значимом большинстве случаев референдум выигрывает тот, кто его проводит. Если же такие условия отсутствуют, плебисцитарная демократия, которая, на первый взгляд, представляется высшим воплощением народовластия, на самом деле дает политической элите чрезвычайно широкие возможности манипулирования волеизъявлением народа. Причем данный вид манипулирования с аксиологической точки зрения едва ли не худший, ибо его можно характеризовать, перефразируя известную формулу К. Маркса, как манипулирование народом посредством самого народа.

Очевидно, что в России и бывших республиках СССР, где использование плебисцитарных механизмов легитимации власти новой политической элитой приобрело чрезвычайно широкий размах, все три охарактеризованные выше условия эффективного функционирования данных механизмов отсутствуют. Поэтому соответствие волеизъявлению народа результатов референдумов и прямых президентских выборов является проблематичным, а иногда ставится под сомнение международными организациями (Беларусь, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Украина и др.). В одних случаях эти результаты просто игнорировались (например, результаты референдума 17 марта 1991 г. о сохранении СССР); в других — референдумы по одному и тому же вопросу в короткие сроки давали прямо противоположные результаты (например, на Украине 17 марта и 1 декабря 1991 г.); в третьих — законно избранные таким путем президенты вскоре лишались власти (З. Гамсахурдиа в Грузии, А. Эльчибей в Азербайджане).

Совместно с политэкспертом А. Ю. Глубоцким автором создана база данных о референдумах на

территории СССР и бывших республик СССР в 1991—2000 гг., включая сведения о 1 общесоюзном референдуме, 2 референдумах в республиках и бывших республиках СССР (в т. ч. 6 общероссийских), 24 референдумах в субъектах Российской Федерации, созданных с учетом национальных особенностей (республики и округа), 13 референдумах в других субъектах РФ, 2 региональных референдумах в бывших республиках СССР и 4 референдумах в непризнанных республиках. При этом, в случае вынесения на референдум нескольких вопросов одновременно, референдум по каждому из них рассматривался в качестве особой политической единицы и особого объекта исследования.

Анализ собранных данных показывает, во-первых, чрезвычайно высокий процент референдумов, выигранных организаторами. Среди исследованных 96 референдумов 70 могут быть однозначно оценены как выигранные инициаторами (72,9%); 19, на которых был получен отрицательный ответ или которые не состоялись, условно могут быть оценены как проигранные (19,7%); в 7 случаях однозначная оценка итогов референдума в категориях «победа или поражение организаторов» затруднена.

Во-вторых, выявляется четкая зависимость последствий референдума от того, соответствовали или не соответствовали намерения его организаторов господствующей исторической тенденции и прежде всего — сущностным характеристикам и закономерностям революции как исторической ситуации. Помимо описанных выше условий эффективного функционирования плебисцитарной демократии, именно такое соответствие обеспечило, например, правящей политической элите победу в апреле 1993 г. на референдуме по вопросу «Доверяете ли Вы Президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину?» в ситуации колоссального падения производства и жизненного уровня. Именно такое несоответствие обусловило нежелание и неспособность союзной политической элиты обеспечить реализацию результатов референдума 17 марта 1991 г.

В научных и публицистических работах автора показана особая роль и антидемократический характер использования плебисцитарных механизмов при принятии Конституции РФ 1993 г. При этом были сформулированы аргументы как общетеоретического, так и конкретно-исторического характера.

Суть общетеоретических аргументов заключается в том, что референдум по проекту Конституции в целом, а также по проекту основных ее положений «в пакете», является отнюдь не актом сознательного выбора модели общественного и государственного устройства, но всего лишь актом выражения доверия или недоверия правящей политической элите и (или) политическому лидеру: во-первых, на таком референдуме гражданам по существу предлагается дать единственный ответ на несколько десятков (или сотен) разнородных вопросов, однако с рациональной точки зрения такой однозначный ответ невозможен; во-вторых, подавляющее большинство населения в любой стране (а тем более в кризисной, революционной России) проектов Конституции вообще не читает, даже если они выносятся на референдум; в-третьих, большинство из абсолютного меньшинства граждан, прочитавших проект Конституции, не имеет достаточной политико-юридической квалификации для его глубокого осмысления.

Однако и вариант референдума по основным положениям Конституции, когда гражданам приходилось бы голосовать за них не «в пакете», а за каждое в отдельности, отнюдь не избавляет организаторов и население от трудностей, средоточием которых оказывается «вопрос о вопросах» (т. е. о том, какие вопросы выносить на референдум и как их формулировать), причем эти трудности условно могут быть разделены на три основные группы:

— политико-юридические — в случае весьма вероятного утверждения не всех, а лишь части концептуальных положений новой Конституции, работу над ее проектом по сути пришлось бы начинать сначала;

— политико-морального характера — какие именно основы общественного и государственного устройства должны считаться устоявшимися, самоочевидными, и о каких следует опрашивать мнение народа, ставя их тем самым под сомнение (обычно политические элиты выносят на референдум лишь такие вопросы и в таких формулировках, по которым поддержка народа была бы в высокой степени гарантирована, и нет никаких оснований полагать, что российская элита стала бы исключением из этого правила);

— политико- и юридико-технические — даже при подлинном желании не манипулировать населением, а выявить его действительное мнение весьма сложно найти формулировки, позволяющие получить результат, который нельзя было бы интерпретировать различным образом (проанализировано на примере проблемы президентской и парламентской республики в России).

Что касается конкретно-исторических условий принятия российской Конституции в декабре 1993 г., то референдум проводился не только по самой недемократической модели (голосование за

Конституцию в целом), но и в ситуации, близкой к чрезвычайному положению при фактической делегитимизации всех основных институтов государственной власти, что нашло отражение в соответствующем решении Конституционного Суда. Действительно, Президент Российской Федерации:

- не имел права указом отменить прежнюю Конституцию, однако отменил;
- не имел права распускать Съезд народных депутатов России, однако сделал это;
- не имел права назначать референдум, однако назначил;
- назначил выборы в двухпалатный парламент до того, как конституционное решение о его создании было формально узаконено референдумом;
- не имел права указом отменить множество законодательных актов, однако аннулировал их действие;
- приостановил деятельность Конституционного Суда;
- не включил в число отмененных законов действовавший Закон «О референдуме РСФСР» и, следовательно, даже по революционной (нелегальной, противозаконной) законности этот Закон продолжал действовать, а результаты референдума необходимо было определять в соответствии именно с ним.

Посредством референдума 12 декабря 1993 г. Конституция РФ приобрела псевдолегальный характер. Тем самым, во-первых, была окончательно установлена крайне диспропорциональная система распределения полномочий между законодательной и исполнительной властями, а во-вторых, введен в действие текст статьи 43 Конституции, устанавливающей право на образование (о чем речь пойдет в разделе 4).

2. Анализируя основные тенденции в развитии отношений между законодательной и исполнительной властями в СССР и России, автор показал, что на последних этапах периода реформ (со второй половины 1988 и примерно до второй половины 1990 г.) господствующей тенденцией было движение страны в направлении представительной демократии, а одним из основных требований политической оппозиции стал лозунг: «Власть – Советам». Однако в соответствии с законами революции, уже в конце реформистского периода в новую мифологию вошли два деструктивных политических мифа, а именно:

- 1) Советы – антипод парламентаризма;
- 2) всевластие Советов таит в себе угрозу новой диктатуры.

В действительности, как показано автором, *Советы – не антипод представительной демократии*, но одна из форм ее реализации, причем самых радикальных. Историческая драма Советов заключалась не в том, что они были антидемократическим политическим институтом, но как раз напротив, в том, что они были слишком демократичны и в этом отношении превосходили реальные возможности эпохи. В обоих случаях, когда предпринимались попытки реализации концепции советской демократии, в 1917-1918 и в 1989—1990 гг., наряду с необычайным всплеском народной инициативы, эти попытки дали и массу негативных последствий, причем пороки оказались продолжением достоинств, а достоинства превратились в собственную противоположность:

- демократизм — в популизм, поскольку депутаты, подконтрольные избирателям, легко принимали решения, не обеспеченные организационными и финансовыми ресурсами;
- антибюрократизм — в непрофессионализм, ибо выходцы из народа не владели искусством законодательства и административного управления;
- децентрализация — в «парад суверенитетов», вплоть до суверенитета отдельного уезда или района.

Поскольку аналогичные тенденции в период революционной демократии наблюдались в большинстве стран (например, во французской революции 1789—1794 гг. и в европейских революциях 1848—1850 гг.), очевидно, что они представляют собой органические пороки не столько советской системы, сколько первоначального этапа демократического развития вообще.

Второй миф заслуживает внимания в силу:

- своеобразной политической устойчивости при противоположном аксиологическом использовании: он входил в мифологию советского и постсоветского периодов, однако в первом случае власть Советов оценивалась как одно из главных достижений, тогда как во втором – как наследие антидемократического прошлого;
- исторической деструктивности: в первом случае он прикрывал власть «партократии», т. е. партийных органов, а во втором — стремление к установлению нового полуавторитарного режима посредством создания системы суперпрезидентской власти.

Автором показана несостоятельность квазюридической аргументации данного мифа, включая

ссылки на статью 104 Конституции РСФСР (а затем РФ), согласно которой Съезд «правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению Российской Федерации», ввиду того, что:

— отражая вектор изменения общественных настроений, Съезд народных депутатов России в первые два года своей деятельности последовательно смещался вправо, что в политической сфере проявилось, в частности, в добровольной передаче всё большего объема полномочий по управлению обществом от представительной власти к исполнительной под лозунгом «разделения властей». При этом в соответствии с логикой революции данный принцип приобрел содержание, противоположное исходному (ограничение не произвола исполнительной власти, но полномочий Парламента, превращение его скорее в законсовещательный, чем в законодательный орган);

— формально присутствуя в Конституции, статья 104 никогда не применялась на практике, поскольку иными статьями были детально прописаны полномочия Съезда народных депутатов, Верховного Совета, Правительства, а затем и Президента;

— даже в тех случаях, когда российский Парламент принимал решения в полном соответствии с его компетенцией, эти решения исполнялись лишь постольку, поскольку были совместимы с целями и представлениями околопрезидентской политической субэлиты.

В работах автора проанализированы генезис и динамика формирования суперпрезидентской системы в России, включая перераспределение в ее пользу реальной власти за счет иных властных структур. При этом раскрыты антидемократический характер, роль и структура политического мифа, в позитивной форме которого президентская власть была представлена в массовом сознании, включая следующие основные мифологемы:

— иллюзорно-авторитарная, т. е. отражающая массовые авторитарные иллюзии (президентская власть гарантирует порядок в стране);

— квазидемократическая (прямые выборы Президента всеобщим голосованием есть высшая форма демократии, волеизъявления народа);

— псевдогосударственническая (сильный Президент — залог суверенитета («независимости») России);

— псевдореформаторская (сильный Президент — гарант радикальных реформ в России, подобно тому, как это имело место в Чили при Пиночете);

— основанная на ложной альтернативе (авторитарная президентская республика как якобы единственное спасение от диктатуры).

Принятые в мае 1991 г. поправки к Конституции РСФСР, как показано автором, нарушили баланс властных полномочий, поставили Президента над Парламентом, а Правительство вывели из-под контроля парламентариев. Об опасности такого подхода на IV Съезде народных депутатов России предупреждали лишь два его участника: автор этих строк и фактический руководитель Конституционной комиссии О. Г. Румянцев, заявивший, что создаваемая президентская система представляет собой смесь французской с латиноамериканской.

В дальнейшем конфликты между двумя ветвями власти, вопреки официальному мифу, развивались не по линии «реформаторы — консерваторы», но между сторонниками революционной ломки прежней системы, сосредоточенными в структурах исполнительной власти, и реформистами, в большинстве своем представленными в структурах власти законодательной (депутаты, по самому их статусу обязанные реагировать на мнение избирателей, не могли с той же скоростью двигаться вправо и принимать «непопулярные» решения, как это делала президентско-правительственная часть политической элиты). Точно так же это были конфликты не между сторонниками президентской и парламентской республики, но между приверженцами (убежденными или вынужденными) различных моделей президентской системы (французской, американской и т. п.) и защитниками системы суперпрезидентской.

Конституция 1993 г. с формально-юридической точки зрения резко изменила, а фактически узаконила сложившуюся практику отношений между президентской и парламентской ветвями власти. При этом по сравнению с парламентами индустриально развитых стран, в т.ч. в президентских республиках, российский Парламент оказался, как минимум, пятикратно ограничен в правах.

Во-первых, депутаты обеих палат российского Парламента ограничены в праве законодательной инициативы. Согласно статье 104 Конституции РФ, «Законопроекты о введении или отмене налогов, освобождении от их уплаты, о выпуске государственных займов, об изменении финансовых обязательств государства, другие законопроекты, предусматривающие расходы, покрываемые за счет федерального бюджета, могут быть внесены только при наличии заключения Правительства Российской Федерации».

Поскольку решение вопроса о том, требует ли данный законопроект затрат из федерального бюджета, не всегда очевидно и многократно вызывало споры на пленарных заседаниях Госдумы и заседаниях ее Совета между парламентской и президентской либо правительственной сторонами; поскольку подготовка финансово-экономического обоснования законопроекта, отсутствие которого не позволяет получить за-ключения Правительства, представляет значительные трудности для парламентских комитетов, аппарат которых в количественном отношении на порядок уступает аппаратам аналогичных комитетов в парламентах развитых стран; поскольку до принятия Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» сроки представления правительственных заключений на проекты федеральных законов не были установлены законодательно и, соответственно, заключения на законопроекты, не поддержи- ваемые Правительством, направлялись в Госдуму с большими задержками, а соответствующие правительственные документы нередко именовались не заключениями, но замечаниями или отзывами Правительства РФ, что давало возможность президентской либо правительственной стороне утверждать, будто закон принимается в нарушение статьи 104 Конституции РФ. В силу этих и ряда других причин данная конституционная норма и особенно практика ее применения существенно затрудняли реализацию права законодательной инициативы парламентариями.

Во-вторых, за редким исключением депутаты Парламента не в состоянии добиться того, чтобы закон вступил в силу без санкции Президента и (или) Правительства. Большинство же законов, направленных на расширение социальных прав граждан, включая законы в области образования, отклонялись Президентом, как правило, по финансовым причинам при юридических мотивировках (см. раздел четвертый).

Согласно Конституции РФ, для преодоления президентского вето требуется 2/3 голосов в обеих палатах Парламента. Поскольку, с одной стороны, подавляющее большинство законопроектов социальной направленности вносилось депутатами от политической оппозиции, а с другой — в Госдуме всех трех созывов сильны были позиции проправительственных фракций (даже в 1995—1999 гг. левая оппозиция располагала не более чем 210 голосами), одобрение законов в прежней редакции большинством в 300 голосов в каждом созыве Госдумы удавалось менее чем в половине от общего числа попыток.

В Совете Федерации вероятность преодоления президентского вето была меньше и снижалась соответственно тому, как менялся порядок формирования данной палаты. Поскольку Совет Федерации первого созыва формировался путем прямых выборов в двухмандатных округах, а его депутаты непосредственно ощущали связь с избирателями, показатели голосований по социальным законам в такой палате были ниже, чем в Госдуме, однако кардинально от ее показателей не отличались. Совет Федерации второго созыва имел гораздо более низкие показатели голосований по социальным законам, поскольку формировался по должности из руководителей законодательных (представительных) и исполнительных органов власти субъектов РФ, а, следовательно, с одной стороны, федеральная исполнительная власть обладала «рычагами» давления на региональных лидеров в виде трансфертов, субвенций и ссуд регионам, которые они представляли, а с другой — этим лидерам приходилось предварительно оценивать, способен ли соответствующий региональный бюджет принять на себя часть расходов, которые в большинстве случаев предусматривались тем или иным социальным законом.

Есть серьезные основания полагать, что показатели голосований по социальным законам в Совете Федерации третьего созыва будут еще ниже, чем у региональных лидеров, поскольку члены верхней палаты вообще не станут нести никакой ответственности перед населением, но, напротив, окажутся в высокой степени зависимости от лидеров регионов, с одной стороны, и от федеральной исполнительной власти — с другой.

В-третьих, хотя в случае преодоления вето обеими палатами Парламента действующая Конституция не оставляет Президенту иного варианта поведения, кроме подписания закона, а в случае несогласия — последующего обращения в Конституционный суд, законы многократно возвращались в обе палаты Парламента без рассмотрения с мотивировкой о действительных или мнимых нарушениях регламента депутатами этих палат. Обращаться же в Конституционный суд приходилось парламентариям, что на годы затягивало процедуру рассмотрения законов и еще более снижало эффективность законотворческого процесса. Так продолжалось вплоть до вынесения Конституционным Судом специального решения по Федеральному закону «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации».

В-четвертых, согласно действующей Конституции, палаты Парламента не наделены правом

толкования не только Основного закона страны, но также принимаемых ими федеральных конституционных законов и федеральных законов. Подобная ситуация в парламентской практике более или менее развитых стран — крайняя редкость: по общему правилу толкование законов осуществляют те, кто их принимает. В России же правом официального толкования Конституции и вынесения решений о соответствии ей федерального законодательства наделен лишь Конституционный суд, а фактически законы трактуются Президентом. Соответственно Президент неизменно отклонял попытки депутатов Государственной Думы ввести в различные законопроекты нормы о праве Парламента толковать принимаемые им законы.

В-пятых, по Конституции Российский парламент не наделен правом контроля над исполнением законов, что также является крайне редким исключением в мировой парламентской практике. Автор этих строк входил в число разработчиков поправки к статье 102 Конституции РФ, предполагавшей наделение контрольными функциями для начала хотя бы верхней палаты Парламента — Совета Федерации, однако эта поправка не была рассмотрена ввиду того, что федеральный закон, устанавливающий порядок внесения поправок в Конституцию, был принят лишь пятью годами позднее.

Таким образом, при действующей Конституции и существующей политико-юридической практике российский Парламент никак не может претендовать на статус полноправного законодательного органа, а тем более первой ветви власти. Он лишь способен помочь либо помешать законодательному (но не фактическому) «запуску» тех или иных нововведений в экономической, социальной и других сферах жизни общества. Эта общая ситуация предопределила и те ограничения возможностей законодательного регулирования образовательной политики, о которых речь пойдет в разделе четвертом.

3. Как показано в работах автора, третьим важнейшим условием, способствовавшим нарастанию авторитарных тенденций, включая ослабление воздействия Парламента на политический курс в целом и на образовательную политику — в частности, стало *крушение попыток создания новых политических движений левой, левоцентристской и социальной ориентации*. В совокупности с ситуационными характеристиками и закономерностями революции, описанными в разделе первом, это обстоятельство может служить ключом к очередному парадоксу российского политического процесса, а именно: в стране, где, согласно опросам, в ситуации выбора между индивидуальной свободой и социальным равенством до 2/3 населения предпочитают последнее, левые постоянно оказывались в меньшинстве в обеих палатах Парламента (наивысшее достижение — около 45% в Государственной Думе второго созыва) и регулярно проигрывали президентские выборы.

Действительно, в России 90-х годов существовали, по крайней мере, две группы факторов, которые по логике вещей должны были усиливать левые настроения:

1) провал курса экономической политики в духе «шоковой терапии», о чем речь шла в разделе первом;

2) особенности национальной ментальности, в которой прочно укоренились представления о социальной справедливости коллективистского и во многом уравнительного характера. Многочисленные представители социогуманитарных наук, различающиеся парадигмальными и политическими воззрениями, в том числе на основе исследований методами контент-анализа, давно сделали вывод о том, что «архетипы» классической российской культуры, включая культуру XIX и начала XX вв., ориентированы не на материальный интерес и личное обогащение, а скорее на нестяжательскую самореализацию, а иногда — самоотречение в интересах других людей. Пропаганда примитивной рыночной психологии плохо совместима с таким культурным контекстом (подробнее см. раздел третий).

Однако роль названных выше факторов, в иных условиях способных вызвать «левый поворот», в ситуации новейшей российской революции весьма неоднозначна. Так, экономический кризис и связанное с ним обнищание широких слоев населения вызывали скорее не леводемократические, но крайне левые (неосталинистские) и крайне правые настроения либо апатию и равнодушие к любой политике. Уравнительные же стереотипы массового сознания, во-первых, как уже отмечалось, были использованы при осуществлении ваучерной приватизации, а во-вторых, регулярно провоцируют массовое недовольство не столько нуворишами, воспользовавшимися результатами приватизации, сколько представителями низшего (в лучшем случае — среднего) класса, получающими якобы несправедливо более высокую заработную плату (пенсии, льготы и т. п.).

Проанализированные в разделе первом факторы «правого поворота» следует дополнить еще одним, причем весьма парадоксальным: доминирование левой психологии при неприятии левой идеологии. В силу революционного отрицания и ненависти ко всему старому широкие слои электората

(до 1/3) не голосуют на выборах за левые политические течения, нередко превосходя их лидеров левизной настроений, поскольку не приемлют партийных названий и терминологии, ассоциирующихся с «социалистической» эпохой, но либо вообще не участвуют в выборах, либо голосуют за тех, кого принимают за новую оппозицию левого толка.

В таких условиях, с точки зрения политики вообще и образовательной политики — в частности, необходимость новых массовых движений левой и (или) социальной ориентации обуславливалась как общими, так и конкретно-историческими причинами.

Во-первых, именно конкуренция левых и правых в политике в индустриально развитых странах позволяет находить более или менее соответствующее исторической ситуации решение одной из фундаментальных проблем современной цивилизации — проблемы соотношения индивидуальной свободы и социальной справедливости. Общеизвестно, что в данное время и в данной стране более эффективными могут оказаться управленческие решения, лежащие в русле то более левой, то более правой политики, что и обеспечивает попеременный приход к власти блоков социал-демократического и либерально-консервативного типа.

Однако сколько-нибудь объективный макроисторический анализ показывает, что на длинных «дистанциях» социального развития человечества вектор политического курса заметно смещается влево, к более справедливому обществу. Так, феодальное общество (средневековая цивилизация) справедливее рабовладельческого; современный «социальный» капитализм («потребительское общество») справедливее капитализма первоначального и т. п. Другими словами, вопреки известному мнению Р. Арона, по большому счету, более эффективное общество в конце концов оказывается более справедливым — и наоборот. Предположение, будто в конце XX века эта тенденция кардинально сменилась на противоположную, вряд ли обоснованно и во всяком случае нуждается в проверке опытом многих десятилетий.

Подтверждением данному тезису могут служить и тенденции общественного развития в индустриально развитых странах Запада, связанные частью с современным этапом технологической революции, частью — с влиянием «реального социализма», в основном уже ликвидированного, частью же — с отношениями между странами «золотого миллиарда» и так называемым «третьим миром». Речь идет о формировании экономического уклада, основанного на групповой собственности работников или, по крайней мере, на их существенном участии в прибылях и управлении; об относительно высоком среднем уровне жизни; о развитой системе социальных гарантий; об активном экономическом регулировании; об ограничении социального неравенства и т. п. Многие специалисты — от социал-демократов до правых либералов типа Ф. А. Хайека — не без некоторых оснований считают все это проявлением социализации.

Во-вторых, сильная оппозиция — одно из абсолютно необходимых условий сохранения демократии в политических системах современного типа вообще, а в постсоциалистических странах с переходной экономикой — в особенности. В России же при доминировании правых в политике действительная оппозиция может быть только левой. Попытки (например, «Яблока») во второй половине 90-х гг. провозгласить правую оппозицию при наличии фактических представителей данного политического объединения в Правительстве имели чисто тактический характер (сбор части голосов протестного электората) и закончились вместе с созданием либеральной коалиции, включившей «Яблоко» и СПС.

В-третьих, в России 90-х гг., переживавшей маятникообразное движение вправо, новые массовые движения левой ориентации были необходимы не только для сохранения политического равновесия, но и потому, что в таких условиях практически все политические течения также оказались сдвинутыми вправо на одну ступень по отношению к их западным аналогам: коммунисты искали варианты сочетания социал-демократических идей с государственнической идеологией, социал-демократы тяготели скорее к либерализму, чем к социальности, радикальные же либералы по сути разделяли позиции зарубежных неоконсерваторов, а нередко еще более правые.

Наконец, в-четвертых, идея общедоступного и бесплатного образования, вошедшая в XX в. в число общецивилизационных, по своему смыслу и историческому генезису связана с левой и социалистической идеологией. Соответственно реальная политическая поддержка законопроектов, направленных на защиту и развитие образования, осуществлялась в Парламенте преимущественно депутатами голосами левых фракций и групп. Так, выполненный автором анализ результатов 38 голосований фракций и групп в Государственной Думе второго созыва по 17 ключевым законам и законопроектам, направленным на поддержку образования, дает следующие средние показатели: КПРФ — 84,3%; Аграрная депутатская группа — 73,2%; группа «Народовластие» — 66,4%; фракция ЛДПР — 64,6%; «Яблоко» — 56,1%; «Российские регионы» — 49,6%; фракция НДР — 42,3% (при

среднем уровне поддержки законов в области образования в 62,8%).

Однако детерминированная историческими условиями потребность в создании новых массовых политических движений левой и (или) социальной ориентации в России 90-х гг. не была реализована в силу целой совокупности причин не только объективного характера, вызвавших смещение политического курса вправо, но и характера преимущественно субъективного, к которым относятся:

— разочарование широких слоев населения в политике вообще и своеобразная «политическая аллергия» на партийность — в частности как реакция на полупринудительную партийность в советский период;

— кадровый дефицит политиков в левой части спектра в силу множества причин, включая массовый уход в бизнес и попытку «капитализировать способности» многочисленных представителей интеллигенции;

— боязнь руководства официальных профсоюзов на протяжении долгого времени втягиваться в политику, а затем смещение позиций профсоюзного руководства вправо (правее многих лидеров, представляющих интересы национального капитала);

— непонимание значительной частью руководства КПРФ стратегических интересов левого движения в целом, предпочтение им узкопартийных интересов и нежелание «делиться электоратом» с другими движениями левой и социальной ориентации;

— организационная слабость и разобщенность левых активистов вне коммунистического и профсоюзного движения.

Совокупность этих причин предопределила ситуацию, когда большинство возникавших новых движений левой, левоцентристской и социальной ориентации либо остались карликовыми, либо вообще сошли с политической сцены.

Крушение попыток создания новых массовых движений левой и (или) социальной ориентации непосредственно сказалось не только на характере российского политического режима, но также на масштабах влияния Парламента на политический курс.

Во-первых, оно облегчило правящей политической элите достижение победы на референдумах и президентских выборах, ибо, создав своим политическим противникам имидж сторонников возврата к прошлому и используя тем самым настроения революционного отрицания, она получила удобную мишень для подконтрольных СМИ и одновременно эффективное средство запугивания населения.

Во-вторых, по тем же причинам и с помощью тех же методов правящей элите удавалось начиная с 1993 г. уменьшить представительство в парламентах депутатов левой и социальной ориентации. В свою очередь, это затрудняло прохождение через парламентскую процедуру социальных законов, и, в частности, законов, направленных на поддержку образования, а тем более — преодоление президентского вето в отношении таких законов.

В-третьих, отсутствие новых массовых движений левой и (или) социальной ориентации, безусловно, ослабляло, с одной стороны, внепарламентскую борьбу за принятие социальных законов (в том числе в области образования), а с другой стороны — давление на представителей власти с требованием исполнения уже принятых законов. Профсоюзы, которые в таких условиях могли бы взять на себя соответствующую роль, в большинстве случаев с нею не справлялись, в том числе и по причине самого характера чисто профсоюзных требований и методов борьбы, предполагающих минимальное вмешательство в политику.

В-четвертых, и главное: отсутствие названных выше массовых движений при слабой реформированности Компартии было дополнительным фактором, сводившим к минимуму шансы левых получить политическую власть и тем самым — принципиально изменить курс экономической и социальной (в том числе образовательной) политики. Опыт постреволюционного развития государств на территории бывшего СССР и постсоциалистических государств в Восточной Европе показывает, что в соответствии с закономерностями революции как исторической ситуации, несмотря на некоторые колебания политического «маятника», ни одна слабо реформированная и не изменившая названия компартия власть получить не смогла. Напротив, бывшие компартии, объявившие о переходе на социалистические или социал-демократические позиции, в данном регионе приходили к власти неоднократно (Польша, Литва, Венгрия, Болгария), а то и просто ее не отдавали (Узбекистан). Поскольку же КПРФ, фактически изменив идеологию, сохранила название и основные организационные принципы, единственный способ добиться победы на выборах для левого блока в целом заключался в формировании новых массовых движений названного выше типа. Отсутствие же их в политическом спектре в значительной степени предопределило тот факт, что партии, ориентированные на защиту интересов работников, в том числе социальной сферы, на протяжении всего рассматриваемого периода находились в оппозиции и могли лишь в той или иной степени

влиять на политический курс, но никак не определять его.

Таким образом, как показано в работах автора, три проанализированных выше политических фактора, выступавших как зависимые переменные по отношению к ситуационным характеристикам революции как исторической ситуации и детерминировавших, наряду с факторами экономического и культурного характера, нарастание авторитарных тенденций, непосредственно детерминировали формирование в России авторитарно-демократического режима (демократического — по форме легитимации и авторитарного — по характеру функционирования власти), «режимной системы» (Р. Саква), режима «мнимого конституционализма» (по терминологии М. Вебера). Тем самым были резко ограничены пределы влияния законодательства на политический курс вообще и на образовательную политику — в частности.

ПО ПУТИ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Думаю, большинство читавших Тезисы ЦК согласятся с тем, что если намеченные меры будут приняты, а главное — воплощены в практику, если их не постигнет судьба госзаказа и прочих хороших начинаний, это станет большим шагом на пути демократизации общества. Ограничение срока пребывания на руководящих постах, принцип состязательности при проведении выборов партийных органов, восстановление полновластия Советов, сокращение лишних звеньев беспредельно раздутого аппарата — за эти и многие другие положения Тезисов обеими руками проголосует каждый, у кого они не отнимают жирного куса общественного пирога или холопского удовольствия быть «повелеваемыми» и наслаждаться покоем, ибо «наверху» уже все продумано.

Однако время недоброй памяти «единодушного одобрения» прошло, хочу надеяться, навсегда, и нельзя, особенно обществоведам, ограничиваться простой поддержкой Тезисов. Нужно идти дальше, дальше... Вот лишь некоторые соображения дискуссионного характера.

1. «Защитные механизмы»

В нашумевшей статье «Причины и следствия» (Урал.— 1988.— № 1) ее автор Сергей Андреев подметил общий недостаток многих партийно-правительственных постановлений последних десятилетий: эти постановления принимались с расчетом на то, что все, кому положено, будут их выполнять. Думается, не вполне свободны от этого недостатка и Тезисы ЦК КПСС. В самом деле, представим себе, что удалось решить одну из главных политических задач современного этапа нашего развития — разграничить функции партийных, советских и хозяйственных органов. Но что делать, если партийные комитеты различных уровней будут продолжать командовать Советами, как это сплошь и рядом делается сейчас? Куда обратиться коллективу, общественной организации, права которых ущемлены? Очевидно, в законе о разграничении функций нужно определить не только границы «возможного и невозможного», но и санкции за их нарушение, а также механизм реализации этих санкций. Один из вариантов — система конституционных судов, уже давно существующая в Югославии. Важную «защитную» роль могло бы сыграть также восстановление Центральной контрольной комиссии — органа, который, согласно Ленину, призван контролировать оперативную деятельность партийных органов и руководителей, вплоть до Политбюро и Генерального секретаря ЦК.

Говоря об этом, не могу согласиться с политической формулой, прозвучавшей в омских средствах массовой информации с легкой руки делегата XIX партийной конференции А. К. Грезина: «Перестройке не нужны защитники, перестройке нужны участники». Сам делегат — человек эрудированный, имеющий определенную политическую позицию и по отношению к реформе управления экономикой настроенный достаточно радикально. Однако независимо от намерений, от трактовки понятия «защитники» объективное политическое содержание формулы, на мой взгляд, сводится к двум моментам: 1) пусть каждый занимается своим делом, предоставив большую политику тем, кому положено ею заниматься; 2) перестройку незачем и не от кого защищать.

Не акцентируя внимание на том, что Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев не раз говорил прямо противоположное (каждый волен иметь свое мнение), нужно сделать одно замечание по существу. Именно непонимание необходимости защиты, излишняя вера общественности в то, что теперь-то все пойдет нормально и т. п., помогли краху политического процесса, начатого XX съездом КПСС, и экономической реформы 1965 года. Поэтому всякое благодушие и успокоенность сейчас не простительны. Тревога общественности за будущее нашего развития не только оправданна, она жизненно необходима и в обозримом будущем должна оставаться перманентной.

Да, перестройке нужны участники, но еще больше — защитники, ибо из печати и жизни мы знаем, что последние часто рискуют профессиональной карьерой, добрым именем, психологическим комфортом, и поэтому их так остро недостает. Думаю, верным лозунгом омской делегации и наказом ей от коммунистов могла бы стать иная формула: «Защитить перестройку, помочь ей словом и делом!» В этом смысле, на мой взгляд, заслуживает также внимания идея создания демократического фронта, предложенная в Эстонии,— фронта не только содействия перестройке, но и ее защиты. Возможны и другие меры «защитного» характера.

2. Советам — всю полноту власти!

Призывы разграничить функции, покончить с подменой советских и хозяйственных органов партийными звучали на XXVII съезде КПСС и последующих Пленумах ЦК. Немало их было и прежде. Однако результатов практически нет и, думаю, быть не могло. Можно сколько угодно призывать партийных руководителей не вмешиваться, не подменять, не администрировать (вероятно, некоторые и внемлют). Нельзя только, будучи материалистом, думать, что от всего этого, в принципе, можно избавиться, пока первым политическим лицом в районе, области, стране будет секретарь соответствующего партийного комитета, а не советский руководитель. Ведь кто за все отвечает, обычно всем и распоряжается, особенно когда функции не определены законом? Вспомним: В. И. Ленин был не Генеральным секретарем ЦК, а Председателем правительства (Совета Народных Комиссаров), и именно советские выборные должности рассматривались как ключевые. Прибавим к этому, что более высокое положение партийных руководителей в «табеле о рангах» едва ли соответствует демократическим принципам: если мы, коммунисты, имеем хотя бы абстрактную возможность избирать лиц, занимающих ключевые политические посты, то беспартийные такой возможности лишены вовсе. Передать всю власть Советам, а партии оставить общее политическое руководство обществом — значит сделать важный шаг по пути преодоления отчуждения народа от власти, а именно эта задача поставлена в Тезисах ЦК.

3. Сменяемость руководящих кадров

В порядке покаяния надо сказать, что, сосредоточив внимание на принципиально ином, чем при капитализме, характере власти в социалистическом обществе,— характере, который определяется отсутствием господствующего класса,— наша общественная наука, большей частью, правда, не своей охотой, умалчивала о том, что с точки зрения форм, процедур, механизмов организации политической жизни мы не только не превзошли буржуазную демократию, а во многом от нее отстали. Взять хотя бы процедуру выборов, которые в большинстве случаев давно, по сути, превратились у нас в назначение. Думаю, практическое воплощение идей, заложенных в Тезисах ЦК, позволило бы преодолеть отставание и в этих вопросах, а с учетом иного характера нашей власти — значительно выйти вперед по уровню реальной демократии.

Однако общество, претендующее на соответствие ленинской концепции социализма, не может довольствоваться мерками буржуазной демократии и в вопросах форм, процедур и механизмов. Маркс и Ленин, как всем известно, считали признаком власти трудящихся не просто выборность всех без исключения должностных лиц, но и их сменяемость в любое время. К сожалению, это положение не отражено в Тезисах ЦК. Правда, оно декларируется в некоторых юридических актах, но почти не осуществляется на практике, по крайней мере, по инициативе снизу.

Право отзыва должностных лиц перестанет быть формальным, если будет создан надежный механизм его реализации. Это могут быть, например, опросы общественного мнения с регулярной публикацией их результатов. Причем в отличие от правил, принятых в капиталистических странах, где такие опросы служат обычно критерием оценки эффективности или неэффективности политического манипулирования, падение доверия коллектива (народа) ниже определенного уровня означало бы досрочные выборы.

Кстати, о самих выборах. В Тезисах ЦК специально оговорено право выдвижения на любую должность или место более одной кандидатуры, что, безусловно, заслуживает поддержки. Однако жизнь много раз убеждала, что самые лучшие демократические установления легко поддаются бюрократическому выхолащиванию и умертвлению, если не продуман вопрос о гарантиях. Из текста Тезисов следует, что можно выдвигать, а можно и не выдвигать более одной кандидатуры, и бюрократия наверняка будет склоняться к последнему варианту. Думаю, надежнее было бы зафиксировать

обязательное выдвижение нескольких кандидатур на каждое место или должность, выдвижение же единственного кандидата допускать лишь в случае отказа всех остальных и оговорить специальным решением, которое принималось бы 3/4 голосов при тайном голосовании. Такая «принудительная» демократия необходима хотя бы временно, пока новая традиция не закрепится в политической культуре.

Не менее важно максимально сократить число ступеней избирательной «лестницы»: ввести прямые (по первичным организациям) выборы делегатов на все конференции и съезды, прямые (на конференциях и съездах) выборы секретарей всех партийных комитетов, вплоть до Генерального секретаря ЦК КПСС. Ныне многоступенчатость — действенное средство отчуждения рядовых коммунистов от принятия важнейших партийно-политических решений.

4. Посредством самого народа

Фраза К. Маркса об управлении народом посредством самого народа многократно встречается в политических документах последнего времени и известна едва ли не каждому школьнику старших классов. В недавнем прошлом, однако, дело представлялось так, что мы или уже достигли такого управления, или вот-вот к нему придем. В доказательство приводились цифры о количестве в Советах рабочих и крестьян.

Вместе с тем ни для кого не секрет, что в большинстве органов, располагающих реальными управленческими функциями, члены, не принадлежащие к аппарату управления, составляют ничтожное меньшинство и не имеют возможности существенно повлиять на дела, да и они нередко подбираются по принципу «удобства». Не случайно, проанализировав результаты выборов в Верховный Совет СССР, — выборов, процедура которых демократичнее, чем, скажем, на партийные съезды и конференции, — Ю. Буртин (Известия. — 1988. — 29 апреля) делает вывод о том, что в Советы попадают преимущественно начальники и молчаливники. Удивительно ли, что при таком положении интересы первых при непотворении вторых нередко оказываются независимыми от интересов общества, а иногда — противоположными этим интересам, что произошло массовое перерождение кадров и т. п.?

Путь к решению проблемы указан еще в 1923 году В. И. Лениным. Как известно, он предлагал пополнить ЦК и Центральную Контрольную Комиссию рабочими и крестьянами в количестве, достаточном для обеспечения их решающего влияния в этих органах, причем рабочими и крестьянами не по происхождению, а по социальному положению на момент выборов. Это поставило бы высшие исполнительные органы партии и их руководителей под непосредственный контроль народа в лице его выборных представителей, причем контроль постоянный, а не от съезда к съезду, и абсолютно необходимый, ибо бесконтрольная власть, как заметил Михаил Шатров, развратит и святого.

Нельзя обойти эту важнейшую идею, говоря о возвращении к ленинизму. Однако время, думаю, требует внести в нее некоторые коррективы. Во-первых, поскольку интеллигенция уже давно стала социалистической, есть все основания включить ее представителей на равных в рабоче-крестьянское ядро руководящих органов. Главное — сохранить ленинский принцип формирования этого ядра из людей, не занимающих административных постов. Во-вторых, «рядовые» (не выше руководителя среднего звена) рабочие, крестьяне, интеллигенты должны, думается, составить прочное ядро (например, 60 процентов) не только в центральных, но во всех органах партии, общественных организациях, Советах народных депутатов и советах трудовых коллективов. В-третьих, по крайней мере, часть таких членов руководящих органов целесообразно избирать не на съездах, конференциях и т. п., где основная масса голосующих не знает деловых, политических и человеческих качеств кандидатов и вынуждена, не рассуждая, поднимать руки за тех, кого отобрали «наверху», а на собраниях крупных партийных или общественных организаций при тайном голосовании и нескольких кандидатурах, предоставив тем же организациям, и только им, право отзыва. Это ограничило бы возможности давления штатного аппарата на несогласных, возможности избавления от них.

Знаю, многие считают ленинское предложение, о котором идет речь, архаичным или утопичным, иронизируя над возможностями «кухарок» и «кухаркиных детей» управлять государством и самими собой. Нелишне напомнить поэтому, что Ленин считал подобный предрассудок нелепым, диким, гнусным и мерзким. В том, что это предрассудок, убеждает и личный опыт. Работая в середине 70-х годов в одной из ШРМ Омска, я знал немало парней, по уровню политической культуры стоявших выше иных студентов-старшекурсников исторического факультета педагогического института (не в обиду последним будь это сказано).

Что действительно необходимо, так это изменить принцип отбора политиков из народа. Конечно, демагогу-бездельнику среди них не место, но не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: не всегда передовик производства — это лучший общественный деятель. Последнему необходимы умение выйти за рамки профессиональных интересов, политическая культура, гражданское мужество, определенные организаторские и ораторские навыки. Уверен: таких талантов, как и всяких других, в народе вполне достанет, если искать именно их, а не тех, кто «единодушно голосует и громко хлопает».

Считаю необходимым вынести, хотя бы спустя 65 лет, эту принципиальную ленинскую идею на обсуждение партийной конференции. Другого столь же прямого и надежного пути к тому, чтобы покончить с отчуждением народа от власти, у нас нет.

Опубликовано: Вечерний Омск.— 1988.— 15 июня.— С. 2 (в рубрике «Обсуждаем Тезисы ЦК КПСС к XIX Всесоюзной конференции КПСС»). Первоначальное название «Власть — Советам».

ВЫБОР

В последние недели точкой кипения политических страстей в нашей стране стал намеченный на 17 марта первый в истории референдум по вопросу о судьбе Советского Союза. Российский Парламент добавил к этому вопросу еще один. Как специалист по политическим наукам хочу представить читателям основные аргументы сторонников и противников референдума с тем, чтобы выбор можно было сделать более осознанно и квалифицированно. Итак, вспомним школьные уроки математики и порассуждаем «от противного», т. е. от противоположного, проанализируем основные возражения против референдума.

Возражение первое, наиболее серьезное: референдум проводится недостаточно квалифицированно или недостаточно честно по отношению к собственному народу. С этим возражением приходится согласиться, и вот почему.

Во-первых, референдум лучше было проводить раньше, не дожидаясь углубления кризиса, и не на территории всего Союза, а лишь в тех республиках, которые поставили вопрос об отделении от него. Это позволило бы сберечь немало миллионов на нужды малоимущих, которых у нас, увы, слишком много.

Во-вторых, оставляет желать много лучшего формулировка вопроса, предложенная Верховным Советом СССР: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантированы права и свободы человека любой национальности?» Очевидно, эта формулировка содержит, как минимум, три вопроса сразу:

а) о Союзе как федерации (именно это слово является здесь ключевым, а не названия субъектов федерации — республики или государства — как многие думают);

б) о равноправии всех граждан Союза;

в) о его названии (Союз Советских Социалистических Республик).

Трудно сказать, где здесь кончается непонимание «законов жанра» (на референдум должны выноситься вопросы, сформулированные просто, ясно и не допускающие двусмысленного толкования) и начинается недоверие к собственному народу. Безусловно, три различных вопроса в один «складывать» не следовало. Это лишь породило обоснованную критику и подозрения в тайных намерениях. Верховный Совет Союза, безусловно, поступил бы правильно, если бы разделил этот вопрос на три. Как, скажем, голосовать при такой формулировке сторонникам Союза, но не социалистам? А таких сейчас немало. Боюсь, эта склонность руководства не слишком доверять своим гражданам может выйти боком не только ему (руководству), но и стране: процент голосующих за Союз скорее всего будет ниже, чем мог бы при более квалифицированных формулировках.

Правда, некоторым утешением лидерам Союза может послужить то, что так поступают не они одни. Например, во время недавно проведенного опроса населению Литвы предлагалось определить, хочет ли оно, чтобы эта республика была независимым демократическим государством? Как видим, и здесь то же самое. Кто будет голосовать против демократического режима? Да и термин «независимое государство» употребляется в Литве уже несколько лет, хотя до недавнего времени обычно прибавляли: «в составе Союза».

А вот какую телеграмму я как российский депутат недавно получил из Москвы: «Группа народных депутатов предлагает внести на референдум РСФСР 17 марта 1991 года следующие два вопроса:

1. Должна ли РСФСР сама определять объем полномочий, передаваемых Союзу, и всенародно

избирать своего Президента?

2. Одобряете ли Вы политику Правительства СССР, Верховного Совета СССР и Президента СССР?»

Как видим, и здесь первая формулировка содержит два вопроса, причем они соединены еще более искусственно, нежели формулировки Верховного Совета СССР, второй же вопрос вообще включает в себя три разных позиции. Это все равно как, если бы больного спросили: «Хотите ли Вы, чтоб Вам удалили воспаленный аппендикс, но заодно отрезали бы и часть здорового кишечника?»

Да, и Центру, и республикам, и правым, и левым, и тем, кто называет себя демократами, и тем, кто не называет, надо учиться честности в политике, учиться уважать свой народ. Кстати, исправить формулировку Союзного референдума мог бы Верховный Совет России, как это было сделано в Казахстане. Однако политика, как и жизнь, есть искусство возможного, и выбирать нам придется из того, что предлагают. А поэтому продолжим анализ.

Возражение второе, агитационное: референдум задуман руководством КПСС как средство сохранения и укрепления ее монополии на власть. Кто против такой монополии, должен голосовать против Союза. Выдвигающие этот аргумент нередко достигают цели. Ни для кого не секрет, что престиж компартии резко упал, а недовольство ею столь же резко выросло, и нет лучшего средства дискредитировать референдум, чем свести его содержание к межпартийной борьбе. Однако при мало-мальски объективном подходе это возражение не выдерживает никакой критики.

Во-первых, по этому вопросу, как и по большинству других, в компартии нет единства. Сейчас в ней представлены 4—5 различных направлений слева — направо, разными являются и позиции компартий различных союзных республик.

Во-вторых, в СССР и России существует немало политических партий и течений не коммунистической и не социалистической ориентации, выступающих за Союз. К их числу принадлежит, например, мусульманское, и не только мусульманское, духовенство, Христианско-демократический Союз России, весь центрист-ский блок, включая Либерально-демократическую партию Советского Союза, Российский народный фронт. Странниками Союза являются Демократическая партия Советского Союза, Конституционно-демократическая партия — Партия народной свободы и целый ряд других. У всех этих политических течений соединение вопросов о сохранении Союза и о том, называть ли его социалистическим, конечно, восторга не вызывает. Однако они считают, и, думаю, справедливо, что интересы выживания страны не сопоставимы с партийными амбициями. Парадоксально, но факт. Моя личная точка зрения в этом вопросе куда ближе к кадетской, нежели к точке зрения коммунистов Грузии.

Повторю еще раз: ставить вопрос о судьбе страны на карту в межпартийной карточной игре, где к тому же игроки не соблюдают правил и склонны к мошенничеству, значит рисковать благосостоянием, а может быть, и жизнью многих тысяч своих граждан.

Возражение третье, голодно-иллюзорное: на референдуме надо голосовать против, чтобы Россия вышла из Союза, после чего все мы будем жить, говоря словами Михаила Жванецкого, «долго и счастливо». Основанием для такой позиции является тот действительный факт, что Россия остается одним из «кормильцев» Союза: по различным данным, Россия в 1990 г. отдавала Союзу на 20—70 млрд. рублей больше (в пересчете на мировые цены), чем от Союза получала. В 1991 г. это «донорство» сократилось, но не прекратилось. Когда российское руководство и Парламент требуют дальнейшего сокращения этого «донорства», я, безусловно, поддерживаю такую позицию, хотя и не понимаю, почему при этом Россия заключает соглашения с прибалтийскими государствами, продолжая поставлять им сырье по ценам намного ниже мировых и покупать продукцию по завышенным ценам. Думаю, прекращать «кормление» надо именно с тех, кто собирается от Союза отделяться.

Да, пока Россия принадлежит к числу тех, кто «везет» на себе Союз. Однако мысль о том, что, выйдя из Союза и тем самым развалив его, республика начнет процветать,— это заблуждение кризисного, «голодного» сознания. Давайте «просчитаем» хотя бы самые элементарные очевидные последствия.

Во-первых, несомненно будут продолжать рваться налаженные экономические связи, а это в условиях монополистической экономики больно ударит по карману. На каких предприятиях Омска я бы ни выступал, повсюду приходилось слышать одно и то же: недопоставка комплектующих из Грузии, Армении, Прибалтики вызывает перебои в работе, падение заработной платы, отток людей и все прочие прелести экономической лихорадки. Мне не приходилось видеть расчетов, во сколько миллиардов обойдется разрушение экономических связей при развале Союза, но совершенно очевидно, что счет пойдет на десятки. Надежда же на то, что при политическом распаде страны

возможно будет сохранить экономические отношения, это чистая маниловщина — нигде и никому это не удавалось. На чем, кроме нашей неизбывной веры в чудеса, основаны подобные проекты, сказать не берусь.

Во-вторых, выход России из Союза и его распад резко обострит проблему беженцев на территории нашей республики. Так было везде и всегда: французы бежали на родину из Алжира, португальцы — из Анголы, русские — из Польши и Финляндии. То, что все эти государства получили право на самоопределение,— факт, безусловно, положительный, но не для тех, кто бежал, и не для тех, к кому бежали. Ясно, что обустройство каждого беженца на новом месте — это несколько десятков тысяч рублей. Помножим их на несколько миллионов и получим, что только на этом республика проиграет все, что могла бы выиграть от прекращения «донорства». Лидер Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцин выразил готовность принимать беженцев на территории России, и это конечно благородно, однако непонятно, за счет каких средств, ведь российский бюджет и так сведен с большим дефицитом. Чуть более года назад Г. Х. Попов настаивал на том, чтобы расходы на обустройство беженцев несла та республика, откуда они вынуждены уезжать. Теперь, выдвинув план «дефедерализации», он от этого отказался, как, впрочем, и от многого другого. А жаль. Идея не потеряла своей актуальности.

В-третьих, надо реально себе представлять, что распад Союза — это и распад самой России. Здесь я позволю себе несколько отступить от логики изложения, поскольку считаю необходимым открыть глаза читателям на одно печальное обстоятельство, а именно: с демократами в национальном вопросе дела в стране обстоят гораздо хуже, чем многим кажется. Принято считать, что недемократический, великодержавный курс проводит только центр, военно-промышленный комплекс и т. п. На самом деле на уровне республик великодержавности ничуть не меньше, но только это своеобразный «великодержавный сепаратизм». Суть его проста. Молодая республиканская бюрократия хочет как можно быстрее избавиться от Союза, стать полновластным хозяином на своей территории, но при этом по отношению к национальным меньшинствам ведет себя ничуть не лучше, а порой и хуже, чем центр по отношению к союзным республикам. Так, демократически избранный грузинский Парламент единогласно (!) проголосовал за ликвидацию Юго-Осетинской автономии. Там не нашлось ни одного настоящего демократа ни среди коммунистов, ни среди новых движений, называющих себя демократами. Скажу прямо, есть подобные настроения и в Российском парламенте. На заседаниях комитетов, не говоря уже о кулуарах, не раз приходилось слышать, что вот отцы-основатели Соединенных Штатов были мудры, и поэтому организовали государство по территориальному, а не национальному признаку, а большевики, допустив создание национальных республик, навредили стране. За этим следуют обычно призывы вернуться к формам организации, характерным для Российской империи.

Хотя это чаще всего приходится слышать от людей, причисляющих себя к демократам, к демократии это, конечно, не имеет никакого отношения, не говоря уже о том, что такая программа абсолютно утопична. Люди, желающие избавиться от Союза, но «закрутить гайки» в собственной республике, не могут или не хотят понять простой вещи: Россия — это уменьшенный Союз. И как она ведет себя по отношению к Союзу, так и республики, входящие в Российскую Федерацию, ведут себя по отношению к ней. Стоило российскому Парламенту принять решение о том, что наши законы будут безоговорочно выше союзных, как целый ряд бывших автономных республик объявил свои законы выше не только союзных, но и российских. Дальше этот процесс перекинулся на отдельные области и даже районы.

Я не принадлежу к поклонникам внутривнутриполитических талантов советского Президента. Но готов повторить еще раз: если российское руководство, вступив в блок с сепаратистами (т. е. сторонниками отделения республик) сможет превратить его в «Президента «Садового кольца», то будущий Президент России (а, к сожалению, он, видимо, будет: тоска по «хозяину» слишком велика), сам окажется главой некоего лоскутного государства. Скорее всего не только для Союза, но и для России будут потеряны нефть Татарстана, золото и алмазы Якутии и т. п.

«Великодержавные сепаратисты» во всех республиках справедливо осуждают центр за попытки применения насилия в национальном вопросе, однако сами они склонны действовать теми же методами, когда дело касается сохранения целостности республики: вспомним ту же Грузию или Молдову. Чтобы избежать подобных методов, у России есть только один путь: не подавать дурных примеров, решать споры с центром цивилизованными методами.

В-четвертых, если удержать Союз в прежнем виде невозможно без насилия, то и развал его обернется не меньшей, а может быть, еще большей кровью. Как бы ни относиться к нашим «отцам-основателям», а рассчитывали они на «Союз нерушимый» и границы проводили соответствующим

образом. Так, русские, безусловно, преобладают в Северном Казахстане, в Крыму и так называемой Новороссии (Донбасс, Одесская область и др.). Если Союз сохранится в новой форме, границы республик принципиального значения не имеют, если же он будет разваливаться, из-за них неминуемо возникнут конфликты. Как быть, в частности, если Грузия требует отделения, а Южная Осетия хочет воссоединиться с Северной и остаться в Союзе? Как быть, если отделение потребует Украина? Конфликтовать с ближайшим по языку и культуре народом или смириться с тем, что несколько миллионов русских окажутся иностранцами на чужой территории? Нормального выхода здесь нет, а, как когда-то пел Высоцкий, «есть только вход, и то не тот». Не случайно, когда Российский парламент принял закон, угрожающий целостности Союза, в здании Верховного Совета на Краснопресненской набережной появились представители американского посольства. Они уговаривали депутатов подумать о последствиях: ведь если начнется борьба республик за обладание стратегическим оружием, не поздоровится уже не только Союзу, но и его соседям, а возможно, и всему миру. «Подумайте о Соединенных Штатах, не разваливайте Союз»,— так, несколько утрируя, можно выразить точку зрения американских партнеров. Перефразируя поэтов, можно сказать: «Не дай нам Бог сойти с ума!»

Соображение четвертое — «как бы чего не вышло»: союзное руководство может попытаться использовать результаты референдума для укрепления своих позиций и, в частности, для того, чтобы насильственно удерживать республики, стремящиеся к отделению. Соображение это не лишено оснований, хотя бы в том смысле, что сослаться может сам черт на доводы Священного писания. Однако если учесть, что результаты референдума будут подсчитываться по республикам, и при этом следовать элементарной логике, то выводы должны быть скорее обратные. Скажем, если население Грузии высказывается против ее вхождения в Союз, у руководства в Москве остается единственный выход: садиться за стол переговоров и обсуждать условия отделения этой республики. Так что и здесь, по идее, референдум должен послужить демократии. Я не говорю уже о том, что доверие или недоверие к какому-либо политическому лидеру или группе не может идти ни в какое сравнение с интересами выживания страны. Кстати, распространенное мнение о том, что российское руководство выступает против референдума, было несколько раз опровергнуто заместителем Б. Н. Ельцина Р. И. Хасбулатовым на заседаниях Верховного Совета РСФСР.

Подведем итоги. Неквалифицированно выполненная или намеренно запутанная формулировка вопроса, который вынесен на союзный референдум, заставила немало честных и демократически настроенных людей заколебаться в выборе. Очевидно, выбирать теперь предстоит по принципу «меньшего зла». Ответить «да» — значит, во-первых, дать некоторые, хотя и не слишком большие, козыри в руки Президента; во-вторых, сохранить названия «советский» и «социалистический» за союзом республик, многие из которых склоняются скорее на капиталистический путь. Ответить «нет» — значит потребовать выхода Российской Федерации из Союза, то есть его разрушения. Это равнозначно, как уже говорилось, катастрофе для нашей страны, а возможно, и для других народов. В таких условиях я свой выбор сделал: буду голосовать «за». Желаю не ошибиться и вам, уважаемые читатели.

Опубликовано с сокращениями: Омская правда.— 1991.— 13 марта.— С. 1 (под названием «Сложный выбор»).

ДВУХ ПРЕЗИДЕНТОВ РОССИЯ НЕ ВЫДЕРЖИТ

В последнее время ситуация в пока еще Советском Союзе все чаще вызывает в памяти гегелевский афоризм: история повторяется. Только у других народов сначала в виде трагедии, затем — в виде фарса. А мы, похоже, как всегда идем другим путем: от фарса к трагедии...

В самом деле, кажется, совсем недавно отгремели политические баталии по поводу введения поста Президента в СССР. Как и следовало ожидать, пример оказался заразителен: ему последовал целый ряд республик, а ныне очередь дошла и до Российской Федерации. Вопрос о введении в ней президентского поста вынесен на референдум 17 марта. Обратимся к аргументам сторонников превращения России в президентскую республику.

Аргумент первый: нужен «хозяин». В республике анархия, разрываются экономические связи, распадаются структуры власти, под угрозу поставлены жизнь и имущество граждан и т. п. В таких условиях необходима сильная исполнительная власть, лучше всего — президентская.

Этот аргумент представляется наиболее и, пожалуй, единственно серьезным, однако отнюдь не бесспорным. Годичный опыт союзного президентства — лучшее доказательство тому, что само по

себе оно ничего не дает. Власти у политического лидера Союза становится все больше, а порядка и стабильности в стране — все меньше. Когда же Президент страны пытается употребить эту власть сплошь и рядом не ко времени и не к месту, его усилия оказываются либо тщетными (Указ о сдаче оружия), либо лишь провоцируют и без того высокую социальную напряженность (поддержка приказов министров обороны и внутренних дел о совместном патрулировании городов). На каком основании, кроме нашей неизбывной веры в чудеса, народ пытаются убедить, что в России будет иначе?

Аргумент второй: будем «как все». Суть его проста: в других республиках введены президентские системы, а чем хуже Россия?

И действительно, Президенты уже избраны в Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане, Туркмении и некоторых других республиках преимущественно с мусульманскими культурными традициями. Нет Президентов в Армении, Грузии, на Украине, в Белоруссии, в республиках Прибалтики. Вводить или не вводить президентскую систему — дело каждого народа. Однако непонятно, почему Россию хотят сориентировать на Восток, а не на Запад?

Когда вводили союзное президентство, его противники, в том числе и я, предупреждали, что то же самое сделают союзные республики и тем самым процесс разрушения страны не ослабнет, а усилится. Но Россия — это уменьшенный Союз. И уже сейчас бывшие автономии видят в российском президентстве такую же угрозу своей самостоятельности, как союзные республики — в президентстве союзном. Многие из республик, входящих в РСФСР, заявили о намерении ответить на избрание российского Президента введением таких же постов у себя. Все это не укрепит, а ослабит единство России. Излишне говорить о том, что страна с несколькими десятками Президентов, над которыми возвышается еще один «генеральный Президент», достойна лишь смеха сквозь слезы.

Аргумент третий: Президент — залог суверенитета. Будет Президент — будет и суверенная Россия, и наоборот.

Для агитации не слишком образованных людей такая позиция, безусловно, годится, однако не более того. Попробуем отрешиться от очередных иллюзий и еще раз обратиться к реальности. Сравним положение двух республик: Туркмении, где Президент избран всеобщим голосованием и, кажется, 98% пришедших на избирательные участки, и Латвии, где Президента нет вовсе. Кто возьмется доказать, что Туркмения более суверенна? Суверенитет республики определяется не тем, как называется должность ее лидера, а тем, какую реальную политику проводят высшие органы республиканской власти. Кстати, идею суверенитета, как любую другую идею, легче всего дискредитировать, если во имя защиты довести ее до абсурда.

Четвертый аргумент окрашен в демократические цвета: союзного Президента выбирал съезд, а российский будет избран народом. Первое — плохо, поскольку недемократично; второе — демократично, и поэтому хорошо.

Этот аргумент не хуже предыдущего действует на массовое сознание, однако для специалиста и он неубедителен. Дело в том, что здесь смешаны два вопроса: 1) о демократизме процедуры; 2) о демократизме установленного на основе этой процедуры политического режима.

С процедурной точки зрения всенародные выборы Президента, нет слов, выглядят куда как предпочтительнее. Однако избранный таким образом глава государства становится практически независимым от Парламента, оказывается, по существу, вне всякого контроля. Небезынтересно, что введение поста Президента предусмотрено обоими наиболее известными проектами Конституции России. Один из них, внесенный инициативной группой коммунистов, предусматривает менее демократическую процедуру (выборы на съезде), но меньший объем президентских полномочий. Второй же — официальный — демократическую процедуру (всенародные выборы), но зато более авторитарную и практически бесконтрольную президентскую власть. По проекту Конституции Российской Федерации смещение Президента возможно лишь при наличии 2/3 голосов «за» в каждой палате Верховного Совета и 2/3 — в Конституционном суде, да и то лишь в случае, если будет признано, что Президент совершил преступление. В наших условиях чего-либо подобного представить себе просто не могу. Вспоминается блестящая реплика депутата А. Денисова при выборах Президента Союза: ни Генеральному прокурору СССР, ни Председателю Верховного Суда даже в кошмарном сне не может привидеться, чтобы они привлекли к ответственности руководителя страны. То же самое можно сказать и о России. Поэтому не лишено смысла замечание знакомого политолога, заметившего, что первый вопрос референдума (о сохранении Союза) вызывает у него стыд, второй же (о президентстве) — ужас. Если Конституция вознесет президентское кресло высоко над депутатами, если мы всенародно посадим на этот «трон» неподходящую фигуру, то исправить ошибки и злоупотребления нового лидера будет невозможно и некому.

Об одном заблуждении надо сказать особо. Наше общественное сознание склонно

ориентироваться не столько на политические позиции, сколько на людей. Вера в доброго «барина»: Генсека, Президента и т. п., — в нас неиссякаема. Поэтому очень часто рассуждают так: сторонники Ельцина должны выступать за президентскую власть в России, сторонники Горбачева — против. Такая позиция неверна по сути, не говоря уже о том, что есть немало людей, которым оба эти лидера представляются, парламентски выражаясь, далекими от политического идеала. На самом деле мы не знаем, кто станет Президентом Российской Федерации. Знаем только, что в условиях кризиса общественное сознание резко поляризуется, а это создает опасность победы радикала либо с той, либо с другой стороны. Ходячая фраза о том, что народ не ошибается, — иллюзия: ошибается, да еще как, особенно в критических ситуациях. Классический пример — избрание высококультурными, добропорядочными и уравновешенными немцами партии Гитлера в период «Великой депрессии». Но и в СССР уже есть примеры, когда под лозунгами демократии к власти приходят антидемократические национал-радикальные режимы.

Итак, соображения в пользу президентской власти, по крайней мере, сомнительны, а риск очень велик. Усилить исполнительную власть действительно нужно, но лучше это сделать, расширив полномочия премьера и не выводя его из-под депутатского контроля. Почему же, несмотря на очевидную ясность вопроса, идея президентства витает в воздухе? И кто ее поддерживает?

На уровне психологии — естественная жажда стабильности и порядка. Люди устали не только от очередей и «бескормицы», но и от постоянного социального и психологического напряжения. Не случайна популярность следующего анекдота. «Покажите нам еще раз по телевизору похороны Брежнева», — обращаются граждане на телестанцию. И в ответ на удивление руководства поясняют: «Первый раз мы смеялись, теперь мы будем плакать».

В политическом плане идею сильного Президента поддерживают радикальные течения как левого, так и правого толка и их сторонники. Одни, настроенные крайне лево, надеются, что Президентом станет второе издание товарища Сталина или, по крайней мере, Андропова, что такой Президент «закрутит гайки», наведет порядок и дисциплину, покончит с мафией, разгонит кооператоров и восстановит социальную справедливость. Другие радикалы — правые — напротив, рассчитывают на сильную власть неопиночетовского образца, которая с помощью административного насилия введет рынок, разгонит колхозы и нерентабельные предприятия, внедрит насильственную приватизацию и «железной рукой» будет защищать новых собственников от недовольства сограждан. К сожалению, именно такую позицию занял в последнее время Г. Попов (см. его статьи: Огонек. — 1990. — № 50, 51; Московские новости. — 1990. — № 42). Интересно заметить, что именно в этом вопросе совершенно совпадают точки зрения В. Алксниса, который считается у нас «правым», и «левого» А. Собчака. Они по-разному смотрят на национальный вопрос, на проблемы армии, но оба требуют введения рынка под защитой жесткой авторитарной власти.

Теперь эта точка зрения пропагандируется и в Омске. Вспоминаю недавнюю публичную дискуссию в общественно-политическом центре на заседании клуба избирателей с народным депутатом России (фамилии опускаю, поскольку защищаю идеи и борюсь против идей). Коллега сначала высказался в том смысле, что наша общая задача — не допустить новых репрессий в стране, не допустить, чтобы кого-нибудь снова вешали. Однако через несколько минут он выступил против меня в защиту Пиночета. Оказывается, этот генерал был не так плох, он провел в своей стране экономическую реформу и департизацию всех государственных органов. Неплохо бы и нам такого Пиночета годика на три — примерно так закончил свою мысль российский депутат.

В том же плане высказался на публичной дискуссии в педагогическом институте другой коллега — на сей раз депутат Союза, за которого я в свое время агитировал, как за демократа, и который именно в этом качестве получил поддержку избирателей. Теперь его позиция изменилась едва ли не на противоположную: «коммунистический тоталитаризм» — это тупик (с этим я абсолютно согласен), иное дело — режим пиночетовского толка. Конечно, лучше бы обойтись и без него, но если уж не удастся — переживем: будет неограниченная частная собственность, экономическая свобода, а диктатура со временем отпадет.

Первый коллега «забыл», что Пиночет начинал именно с репрессий: правда, его солдаты не столько вешали, сколько стреляли и пытали. «Забыл» он и о том, что Пиночет просидел в президентском кресле не три года, а почти семнадцать. Второй коллега не упомянул, что экономическая свобода, основанная на неограниченной частной собственности, — это свобода для абсолютного меньшинства. Скажем, в одной из наиболее благополучных стран, бывшей ФРГ, хозяева собственного «дела» составляли 9%, в Англии акционеров, включая мелких, всего около 20% и т. д. Оба умолчали о том, что экономическая реформа в Чили, особенно поначалу, проводилась за счет обнищания большинства населения, да и сейчас, спустя 17 лет, более половины его находится за

чертой бедности. До «светлого будущего» чилийцам не ближе, чем нам. Судя по результатам референдума о судьбе Пиночета, большинство чилийцев абсолютно не разделяют восторгов моих коллег по поводу такой цены за экономический прогресс.

Но самое главное не в этом. Бесспорно, любая позиция имеет право на существование. Но совершенно непонятно, почему людей, поменявших первоначальные демократические ориентации на противоположные, мы продолжаем называть демократами? Не пора ли к этому определению добавить «бывшие»? Ведь если бы чилийцам рассказать, что есть место на земном шаре, где сторонники Пиночета считаются демократами, они наверняка решили бы, что речь идет о «Канатчиковой даче» или ином «Доме скорби».

Кто ошибется, кто угадает: «фанаты» товарища Сталина или же сеньора Пиночета? — с абсолютной точностью предсказать невозможно, одно ясно: в любом случае проигравшей окажется демократия. Ясно также, что введение президентской власти с громадными полномочиями и практически неподконтрольной депутатам является наилучшей легитимной (законной) формой установления авторитарного режима левого либо правого толка, а потому не надо повторять ошибок Союза. Если один Президент способен издать столько Указов, что граждане не успевают приходить в себя, то двух Президентов Россия не выдержит.

Опубликовано с сокращениями: Омский вестник.— 1991.— № 7.

СПАСЁТ ЛИ НАС ПРЕЗИДЕНТ?

Несколько недель назад на одной из моих многочисленных встреч с избирателями немолодая уже дама решительно заявила: «Вот если бы у нас в России был Президент, мы, наверное, не остались бы нагишом». Выражения я смягчаю, на самом деле сказано было круче. Я пытался выяснить, на чем основана такая уверенность. Ведь не секрет, что в мире есть много богатых стран без Президентов и еще больше бедных стран с Президентами. Да и у нас в Союзе Президентов становится все больше, а одежды все меньше. Я сказал собеседнице: «Один Президент у Вас уже есть. И если, по Вашему мнению, он раздевал народ, почему Вы думаете, что другой будет непременно одевать? Может быть, напротив, он будет помогать первому?»

Возразить что-либо она не смогла, но не думаю, что мне удалось ее вполне убедить. И не удивительно: ведь чуть больше года назад, когда выбирали Президента Союза, статьи с названиями типа «Да спасет нас Президент» публиковали известные ученые и политики. Как видим, не спас. И тем не менее все то же самое повторяется уже про будущего Президента России.

Слушая собеседницу — труженицу, достойную всяческого уважения, прожившую, как большинство людей ее поколения, тяжелую жизнь, — я думал о том, что подобные иллюзии — это ее беда, а не вина. И не только потому, что они вообще свойственны кризисным эпохам. Зимой этого года на конференции в Москве американские политологи из Йельского университета не раз говорили своим советским коллегам, что демократия при низкой политической культуре — вещь весьма опасная, что в Советском Союзе процветают демагогия и популизм, и удивлялись, почему мы против этого не боремся.

Цель этой статьи как раз и состоит в том, чтобы разъяснить интересующимся некоторые вопросы, связанные с президентской властью, и помочь сделать осознанный выбор в пользу одного из кандидатов, не агитируя ни за кого из них.

Даже при первом взгляде на современную политическую жизнь России сразу бросается в глаза, что из всех многочисленных теорий демократий, выработанных политической наукой, массовое сознание и официальная российская пропаганда как будто «замкнулись» на одной — плебисцитарной. Как известно, плебисцит означает всенародное голосование и отличается от референдума лишь тем, что результаты его имеют консультативное значение. Согласно плебисцитарной теории демократии, разработанной известным немецким социологом Максом Вебером, демократия понимается так: народ всеобщим голосованием выбирает лидера, которому доверяет. После этого лидер говорит: «А теперь замолчите и подчиняйтесь мне». Ни народ, ни партии не вправе вмешиваться в то, что он делает. Совершенно очевидно, что речь здесь, по сути, идет не о демократическом режиме, а о жесткой авторитарной, т. е. полудиктаторской, власти, имеющей вместе с тем легитимную (законную) основу.

Думаю, что те 50 с небольшим процентов граждан России, которые на референдуме голосовали за введение поста Президента, в большинстве своем не подозревали, что являются поклонниками Макса Вебера. Но политики знают, во всяком случае обязаны знать и объяснить народу возможные варианты развития событий в случае практической реализации такого рода теории в нашей стране.

Идеи плебисцитарной демократии, иначе говоря, законно оформленного, окультуренного вождизма, не случайно овладевают массами чаще всего в переломные и кризисные моменты. В такие моменты действительно нужна достаточно сильная и авторитетная исполнительная власть, а популярный лидер может стать символом единства нации. Однако эта «медаль» имеет свою оборотную сторону, да не одну, а целых две.

Во-первых, плебисцитарная демократия неминуемо рождает популизм. Для того чтобы быть избранным, лидер должен понравиться всем, предлагать только популярные решения (а они отнюдь не всегда верные), приспособливаться к среднему уровню и средним вкусам, которые к тому же сплошь и рядом представляют собой стереотипы, внушенные средствами массовой информации и массовой культурой, т. е. теми, кто этими средствами обладает. В условиях кризиса к этому добавляется еще одна шикарная возможность: крой крепче тех, кто был у власти, и успех обеспечен. Мой друг, профессор истории, любит повторять: «Стоит мне сделать что-нибудь такое, чтобы вызвало неудовольствие Президента Горбачева, и избрание в народные депутаты, а может быть, и повыше, мне обеспечено». Увы, в этом слишком много правды.

Синдром популизма легко обнаружить, как минимум, у трех из шести кандидатов в Президенты России. Вспомним хотя бы, как генерал Макашов, выступая на Съезде народных депутатов России, призывал всех, кто против повышения цен, написать об этом на бюллетене в день голосования, давая понять, что он в случае победы отменит павловскую реформу. А чего стоит заявление лидера либерал-демократов Владимира Жириновского о том, что в случае его избрания к Президенту России будет выстраиваться длинная очередь из лидеров других республик и государств?! Но недалеко ушло и российское руководство, предложившее объявить Днем суверенитета России — 12 июня. Оказывается, ни князь Святослав, ни Дмитрий Донской, ни Минин и Пожарский, ни Петр I, ни, наконец, победители фашистской Германии не дали суверенитета России и не смогли его отстоять. Это сделали лишь народные депутаты простым голосованием 12 июня 1990 г. При всем к ним (т. е. к нам) уважении принятие подобного постановления — верх исторической несправедливости и самонадеянности. Политический же смысл его ясен, как день: голосуйте за того, кто дал России суверенитет.

Теперь многие интеллигенты, включая тех, кто активно внедряли идею плебисцитарной демократии в массовое сознание, удивляются: как могли депутаты допустить к президентской компании явного популиста Жириновского? Однако удивляться нечему: ответ содержится в условии задачи. У украинцев есть пословица, вольный перевод которой звучит так: видели очи, что покупали, — ешьте, хоть повылазьте! Иными словами: хотели побыстрее окончательно взять власть с помощью плебисцитарной демократии — получайте ее такой, какой она только и может быть в России, да еще в условиях кризиса. К тому же, отвечая на вопросы депутатов Демократической России, Владимир Жириновский показал способность фехтовать словами в их же собственном стиле, чем и обеспечил себе симпатии другой половины российского съезда, в большинстве не способной к такого рода словесным поединкам. Как бы то ни было, популизм в России расцвел пышным цветом, и плоды его будут для большинства совсем не такими, какие оно предвкушает.

Во-вторых, и это известно всем сколько-нибудь серьезным политологам, система власти, основанная на плебисцитарной демократии в духе Вебера, способна более или менее успешно функционировать в странах с развитыми демократическими традициями, где уважение к Закону впитано с молоком матери и где к тому же существуют сильные противовесы, мощные «защитные механизмы», ограничивающие возможность превращения всенародно избранного Президента в диктатора. Если же этих условий нет, такая возможность более чем реальна. Не случайно в зарубежной политической науке до сих пор продолжается дискуссия о том, виновен ли Макс Вебер как один из авторов Конституции Германии, заложивший в нее идеи плебисцитарной демократии, в приходе Гитлера к власти, и если да, то в какой степени.

Теперь читатель может по достоинству оценить уровень политграмоты комментатора отечественного телевидения, на всю страну недавно удивлявшегося тому, как могло случиться, что самая демократическая процедура (всенародные выборы Президента) явно ведет к установлению нового авторитарного режима в Грузии, к своеобразному большевизму с противоположным знаком? Причем антидемократический характер режима Гамсахурдия признается подавляющим большинством зарубежных наблюдателей и специалистов независимо от политической ориентации. На самом деле удивляться конечно нечему: здесь не парадокс, а закономерность. В условиях всеобщего кризиса, господства авторитарно-патриархальной политической культуры и распространения радикального рационализма в Грузии ничего другого и ждать было нельзя. Удивительно здесь лишь то, что наши телекомментаторы продолжают этому удивляться.

Между Грузией и Россией есть, конечно, различия. Например, национал-радикальные настроения выражены у нас, к счастью, гораздо слабее. И все же, положив руку на сердце, надо прямо сказать: в России нет условий, обеспечивающих безопасное функционирование плебисцитарной демократии веберовского типа: демократические традиции в политической культуре выражены крайне слабо, а «защитные механизмы» либо не успели создать, либо специально урезали.

Начну с последнего условия. В нашем общественном сознании прочно утвердился ложный стереотип о том, что сами по себе всенародные выборы Президента являются гарантией соблюдения им Конституции и Законов, что демократически избранный Президент обязательно будет гарантом демократии. Между тем западные политологи прекрасно понимают, что поручать Президенту охранять Конституцию — все равно что волку — стеречь овец!

В этой связи не могу не сказать о принципиальном дефекте «Закона о Президенте РСФСР», закрепленном теперь в Конституции России. Этот Закон по существу выводит Правительство из-под контроля Верховного Совета и Съезда народных депутатов. Верховный Совет лишь соглашается на назначение премьера и может потребовать отставки Правительства в целом. Все остальные кадровые вопросы решают Президент и премьер-министр. Мне приходилось уже говорить с трибуны съезда, что, случись какое-нибудь новое дело о новых миллиардах, депутаты не смогут даже отправить в отставку провинившегося министра, что Верховный Совет при такой ситуации превратится в Гайд-парк, где сражаются ораторы, а вся реальная власть достанется президентской команде. Увы, сторонники демократии на съезде оказались по этому вопросу в «подавляющем меньшинстве». И «Демократическая Россия», и «Коммунисты России» проявили завидное единодушие и дружно проголосовали за антидемократическую статью. Кстати, такое трогательное единство в последнее время наблюдается все чаще. Кажется, только социал-демократ О. Румянцев сказал в своем выступлении, что такая система представляет собой смесь французской и латиноамериканской. Я бы добавил: с явным перекосом в сторону латиноамериканской суперпрезидентской республики, т. е. режима жесткой личной власти. В итоге депутаты добровольно лишили себя, а заодно и Россию одного из важнейших «защитных механизмов» — контроля над Правительством.

Еще хуже обстоит дело с традициями политической культуры. Когда наблюдаешь многотысячные митинги, на которых восторженно и фанатически скандируются имена новых лидеров, становится не по себе: ведь все это уже было и у нас, и у других тоже. Создается впечатление, что массовое сознание жаждет не демократии, а смены хозяина. В таких условиях интеллигенция обязана объяснять народу, как опасен любой культ личности, будь то личность правого, левого или без конца меняющего позиции лидера. Вместо этого слишком многие интеллигенты формируют и распалют культовое сознание. Овации и славословие, которые мы слышим в последнее время в адрес новых руководителей, вполне достойны «славных» застойных времен. Да и терминология почти та же, разве что «измов» не слышно.

Но главное все же в другом. В сознании радикально настроенных людей принцип: «демократия — ценность сама по себе» все больше уступает место другому принципу: «демократия — это когда наши у власти». Обратили ли вы внимание, читатель, на разительные перемены в позиции многих депутатов, причисляющих себя к демократам, после того как они пришли к власти? Нет? Тогда позвольте напомнить.

Межрегиональная депутатская группа на союзном съезде справедливо требует вывести средства массовой информации из-под контроля номенклатуры, избирать руководителей союзных газет, радио, телевидения на Съезде народных депутатов или Верховном Совете.— Большинство депутатов «Демократической России» на российском Съезде народных депутатов голосуют против моей поправки точно такого же содержания. В их числе: Ельцин, Хасбулатов, Шахрай и... Полозков!

Межрегиональная депутатская группа, справедливо беспокоясь о судьбе демократии, голосует против предоставления Президенту Союза дополнительных полномочий.— «Демократическая Россия» требует как можно больше власти российскому Президенту.

Депутаты межрегиональной группы постоянно предупреждают общественность об угрозе диктатуры.— Депутаты «Демократической России» на III и IV Съездах прямо требуют жесткой власти, а один из них, выступая вместе со мной в Клубе избирателей, публично заявил, что стране полезен был бы собственный Пиночет, ненадолго, годика на три!

При таких условиях я не удивлюсь, если окажется пророческим замечание одного знакомого москвича: «Мы 70 лет терпели от одних, теперь будем терпеть от новых. Надо же в кого-то верить!»

Думаю, читателю давно ясно: никаких надежд на Президентов-спасителей я не питаю. Более того, считаю, что риск установления авторитарного, антидемократического режима в наших условиях

далеко перевешивает некоторые плюсы плебисцитарной демократии по веберовскому рецепту. Тем не менее я голосовал в целом за принятие конституционных поправок, связанных с введением поста Президента, поскольку такова была воля избирателей. Последнее, что я еще могу сделать,— это, не агитируя, попытаться помочь омичам правильно выбрать «своего» кандидата в Президенты.

Итак, если вы считаете, что в обществе люди должны как можно меньше различаться по уровню богатства, что рынок можно использовать только в очень малых дозах, что можно и нужно отменить реформу Павлова, снизить цены, закрыть торгово-закупочные кооперативы, если вы верите, что в этом случае экономика будет работать, если вы любите «твердый порядок», ваш кандидат — генерал Макашов и его вице-президент — профессор Сергеев.

Если переход к рынку вы считаете необходимым, но плавно и постепенно, с упором на социальную защиту малообеспеченных граждан и коллективное владение предприятиями, ваш кандидат — Николай Рыжков, при условии, что вы верите, что ему под силу провести такую реформу.

Если вы равнодушны к идеологическим ценностям («измам»), если вам все равно, каков будет общественный строй и в чьих руках государственная власть, лишь бы можно было сносно прожить, если вы сторонник сосуществования разных экономических укладов и разных политических течений — ваши кандидаты — Вадим Бакатин, Владимир Жириновский, Аман Тулеев. При этом имейте в виду, что Владимир Жириновский обещал заботиться о русских за пределами Российской Федерации, Аман Тулеев — первым же Указом — улучшить положение детей, а Вадим Бакатин — больше средств вкладывать в народное образование.

Наконец, если вы считаете, что переход к рынку нужно осуществить как можно быстрее и радикальнее, что спасение экономики — в снятии всех ограничений на деятельность кооперативов и частных предприятий, что частная собственность должна стать основным экономическим укладом, а частные предприниматели и кооператоры способны вытащить нас из кризиса, ваш кандидат — Борис Ельцин. Курс Бориса Николаевича по отношению к Союзу предсказать не берусь, поскольку в апреле—мае он был совершенно иным, нежели в феврале—марте: на смену объявлению войны союзному правительству пришла идея «круглого стола» и соглашения «9+1» с Президентом Горбачевым.

Кандидатов в Президенты России я перечислил слева направо. Напомню: «левыми» в политике во всем цивилизованном мире называют партии и деятелей, ориентирующихся на большее социальное равенство, «правыми» — тех, кто ориентируется на большее неравенство. С этой точки зрения генерал Макашов близок к левым радикалам, Николай Рыжков — к умеренно левому течению, В. Бакатин, В. Жириновский, А. Тулеев представляют разные варианты центристской позиции, причем Тулеев, насколько можно судить, несколько левее других. Самым «правым» среди кандидатов в Президенты является Б. Ельцин, хотя его часто меняющаяся, как у Президента Горбачева, позиция труднее всего поддается оценке.

Для тех, кто озабочен будущим отечественной демократии, добавлю, что демократические режимы во всех странах, где они есть, держатся на политических партиях и лидерах, более или менее близких к цент-ру. Напротив, радикалы правого или левого толка нередко склоняются к жесткой, полудиктаторской власти. Выводы, думаю, очевидны.

Каждый избиратель должен проголосовать за одного из перечисленных кандидатов, а если симпатий не вызывает ни один — вычеркнуть всех. Но прийти на выборы нужно обязательно: напомню, что подсчет голосов будет вестись не от списочного состава, а от числа явившихся.

И последнее. Довольно часто приходится слышать: за такого-то кандидата голосовать нельзя потому, что он представляет партократию. Должен прямо сказать, что эта позиция, имевшая основания еще год назад, сейчас безнадежно устарела. Во-первых, из двенадцати кандидатов в Президенты и вице-президенты девять — члены КПСС. Даже Борис Николаевич взял себе вице-президента из ЦК компартии РСФСР, не говоря уже о том, что и сам был «партокротом» два десятилетия.

У всех этих кандидатов разные взгляды, так что принадлежность к КПСС в идейном плане теперь уже ничего не значит. Во-вторых, за последний год явно обнаружилось сращивание части бывших парт- и непартбюрократов с частью бывших демократов на почве любви к «священной частной собственности». Дело в том, что если эта собственность станет основным экономическим укладом, главными собственниками, наряду с бывшими «теневиками», станут бывшие начальники. Поэтому уже сейчас многие из них готовы обменять власть на собственность, активно ищут и поддерживают новых хозяев. Им, в отличие от большинства народа, и обеспечено «светлое будущее» при новом «изме».

Знаю, что мои высказывания у многих вызовут неудовольствие, и тем не менее хочу повторить, что строка Интернационала: «Никто не даст нам избавления: ни бог, ни царь и ни герой»,— сейчас

столь же верна, сколь и сомнительна другая его строка: «Добьемся мы освобождения своею собственной рукой».

Пусть каждый перед голосованием еще раз взвесит: своего ли кандидата он выбрал.

Опубликовано: Вечерний Омск.— 1991.— 7 июня.— № 111.— С. 1, 3.

ДОРОГА, НО В КАКОЙ ВЕК?

Размышления над проектом Конституции Российской Федерации

Центром идейной и политической борьбы, развернувшейся в последнее время в России, стал вопрос об отношении к новой российской Конституции. Как известно, на обсуждение общественности вынесено два проекта этого документа. Один подготовлен рабочей группой Конституционной комиссии во главе с депутатом О. Г. Румянцевым, другой — инициативной группой коммунистов России. Официально объявлено, что первый документ Конституционная комиссия приняла за рабочую основу, хотя из 102 ее членов «за» проголосовали 37, «против» — 33, второй опубликован как альтернативный. Рамки газетной статьи позволяют остановиться лишь на некоторых моментах основного проекта и дискуссий вокруг него.

Разработчики этого проекта не раз и не без гордости заявляли, что он «деидеологизирован», поскольку из него исключены слова «социалистическая» и «советская» в названии республики и тексте статей. Однако сама Конституция в любом обществе есть первый документ государственной идеологии, и если можно освободить ее от идеологических терминов, так называемых «измов», то от идеологии, т. е. определенной системы ценностей,— никогда. В этом смысле «деидеологизация» Конституции — свидетельство такого же идеологического догматизма, как и бесконечное упоминание идеологических терминов. Мне, социалисту, представляется, что бороться надо не за термины в названии республики, а за содержание Конституции: в конце концов, северо-американские штаты не именуются соединенными буржуазными, а Швеция — полусоциалистическим королевством!

Идеология любой Конституции определяется тем, как трактуются в ней, как минимум, четыре вопроса: собственности, власти, прав человека, национальный. Вот ключевые положения официального проекта по поводу собственности в Российской Федерации.

Статья 1.7., параграф 2. «Право собственности и наследования, равенство всех видов и форм собственности, стабильность отношений собственности гарантируются государством». В варианте, розданном народным депутатам России до официальной публикации, здесь значилось: «Основа экономики — свободный предприниматель...».

Статья 3.1.1. «Неотчуждаемое естественное право быть собственником является гарантией осуществления интересов и свобод личности и предполагает нравственное, рациональное использование собственности». В тексте для депутатов такой гарантией объявлялось «неотчуждаемое естественное право частной собственности».

Как видим, в первоначальном варианте идеологический пафос выражен ярче и откровеннее, в опубликованном же идеология «закрашена». Но суть дела не меняется: провозглашая равноправие всех форм собственности, авторы душой на стороне «естественного права» «священной частной собственности». В этом, кстати, легко убедиться, внимательно проанализировав уже принятый Закон «О собственности в РСФСР». Чего же ждать России, если Конституция будет принята и, в отличие от своих предшественниц, чего доброго, станет работающей?

Начнем с «высоких материй» — «естественного права». Как знает каждый, мало-мальски знакомый с историей общественной мысли, эта идея была крупным достижением позднего средневековья и начального периода Нового времени, т. е. «зари» капитализма, несла в себе сильный антисловный гуманистический заряд. Однако вытаскивать ее из «нафталина» и представлять как новое слово юридической науки в конце XX в., по меньшей мере, странно.

В самом деле, если бы можно было спросить античного грека о его естественных правах, он наверняка назвал бы в их числе право владеть людьми — рабами. На подобный же вопрос средневековый феодал заявил бы о своем естественном праве на землю, к которой прикреплены крестьяне, и т. п. Вообще, большинство людей каждой исторической эпохи считают «естественными» именно порядки своего времени, «неестественными» или даже «противоестественными» — порядки эпох минувших или будущих. В кризисные моменты, подобные нашему, это положение выворачивается наизнанку: «противоестественным» представляется то, чему поклонялись вчера.

Видимо, авторы всерьез вознамерились ограничить историю России достижениями человечества

200-летней давности и «остановить мгновенье». Так, секретарь рабочей группы Конституционной комиссии О. Г. Румянцев, будучи в США, обещал, судя по сообщению «Голоса Америки», создать документ, который переживет века, а в первом проекте этого документа можно прочесть: «Основные принципы конституционного строя Российской Федерации не могут быть отменены» (статья 1.12). Спрашивается, чем это отличается от заявлений о «вечности Рима», китайской «Поднебесной империи», от наших собственных недавних официальных фраз о полной и окончательной победе социализма? Ныне формулировка статьи изменена, но претензии на внеисторичность остались.

Теперь о частной собственности как гарантии прав и свобод. Это положение верно, однако с двумя принципиальными оговорками. Оно верно, во-первых, для условий классического капитализма. Уже в современных высокоразвитых странах Запада интересы и свободы большинства граждан гарантируются не собственностью, которой у них или нет, или слишком мало, а политикой так называемого социального государства (система страхования, обязательный минимум заработной платы и т. п.). Во-вторых, это верно лишь для тех, кому посчастливилось стать хозяином собственного «дела», а такие повсюду составляют меньшинство. Скажем, в ФРГ 80-х — не более 9%, да и среди них до 90% и более мелких предпринимателей. Кстати, когда именно предприниматель провозглашается основой экономики, предпочтение заведомо отдается этому меньшинству перед остальными гражданами.

Разработчики официального проекта не раз заявляли, что подготовили документ XXI века и что Россия стоит перед конституционно-правовой революцией. На мой взгляд, последнее настолько же истинно, насколько первое ложно. Принятие Конституции действительно может стать началом политического и экономического переворота, началом нового пути России. Но куда поведет этот путь?

Думаю, руководствуясь принципами «естественного права», «священной частной собственности», Россия действительно может оказаться европейским государством, но не будущего, а, в лучшем случае, прошлого века. Еще более вероятно, что она окажется в той группе экономически зависимых стран «третьего мира», где господствует капитал азиатско-бюрократического и мафиозного типа. Среди практических последствий «конституционной революции» назову лишь два.

Во-первых, не успев освободиться от власти одной элиты, бюрократической, народ попадает под власть другой — буржуазной, ибо популярная формула: «У кого собственность — у того и власть» относится, конечно, не только к бюрократии, но в еще большей мере к крупным частным предпринимателям. Да и новой эта элита будет лишь отчасти. Во время разложения бюрократической системы именно корыстные чиновники имели больше возможностей для незаконного обогащения. Теперь эти средства будут пущены в ход. Следует ожидать скорого прекращения борьбы радикальных приватизаторов и худшей части консервативных «аппаратчиков»: «священная частная собственность» их помирит. Большинство же народа останется «при своих интересах».

Во-вторых, такой ход событий создаст в России еще более высокое социальное напряжение, возможно, вызовет малую гражданскую войну. «Простые» люди довольно быстро обнаружат, что лидеры, на которых возлагалось столько надежд, привели в царство не свободы, а новой несвободы. И тогда есть основания ожидать, что всеобщая ненависть к бюрократии перекинется на новых «хозяев жизни», начнется сопротивление курсу на классический капитализм.

Судя по всему, это понимают и сторонники такого курса, ибо «плач» по «твердой руке» слышен теперь не только из консервативного, но и из противоположного лагеря. Выступая в начале января по «Радио России», известный радикальный экономист В. Селюнин несколько раз повторил, что стране нужен Столыпин, знаменитый, среди прочего, «столыпинскими галстуками». Чилийский диктатор А. Пиночет неожиданно для себя стал положительным героем немалого числа российских радикалов. Наконец, в официальном проекте Конституции (вариант А) предполагается система очень сильной президентской власти, которая при отечественных традициях в любой момент может превратиться в авторитарный режим.

Итак, совершенно очевидно: путь классического капитализма, к которому склоняются авторы официального проекта, как и путь возврата к прежней, административно-бюрократической модели социализма, вряд ли возможен без диктатуры или полудиктатуры, только в одном случае это будет диктатура неосталинистского толка, в другом — неостолыпинского или неопиночетовского. Так что все хорошие статьи о правах человека в новом проекте могут разделить судьбу аналогичных статей Конституции-1937.

Но есть ли третий путь? Думаю, да. Чтобы выйти на него, в Конституцию нужно заложить следующие экономические принципы:

1. «Смешанная экономика», многообразие форм собственности, включая частную,

преимущественно в форме мелкого предпринимательства. Такое многообразие необходимо, чтобы гарантировать достаточно высокую эффективность производства.

2. Основа экономики — не свободный предприниматель, а свободный работник, имеющий преимущественное право быть собственником используемых им средств производства, т. е. имущества своего завода, колхоза, ферм и т. п., а значит, и право на коллективное предпринимательство.

Реализация преимущественного права работника быть собственником должна быть законодательно закреплена в двух основных формах:

а) в форме полномочного коллективного владения государственными предприятиями без права их распродажи;

б) в форме коллективно-долевой собственности западного типа, где акционерами являются только работники, акции распределены более или менее равномерно, наемный труд практически отсутствует, а напротив, коллектив нанимает администрацию предприятия.

Обосновывая эти положения на внеочередном Съезде народных депутатов России, я говорил о том, что производство, где работник является собственником, эффективно не только экономически, но и социально. Такие предприятия на Западе успешно конкурируют с частными, гораздо реже разоряются, на них рабочий чувствует себя комфортнее, лучше трудится, не бастует. Даже администрация Президента Дж. Буша предоставляет экономические льготы фирмам, продающим акции собственным работникам, но не потому, разумеется, что она «покраснела», а потому, что хорошо понимает преимущества «экономики участия». Парадокс состоит в том, что в странах капитализма наибольшие заслуги в движении к такой экономике принадлежат социал-демократам, однако социал-демократическая партия Российской Федерации, одним из лидеров которой является О. Г. Румянцев, отдает предпочтение не народным, а частным предприятиям.

И, наконец, о процедуре принятия Конституции. На I Съезде депутатов России Б. Н. Ельцин обещал, что на референдум будут вынесены ее основные принципы. Те из них, что получают одобрение, станут базой для работы Конституционной комиссии. Теперь же секретарь этой комиссии настаивает на референдуме по проекту в целом или по двум альтернативным проектам. Считаю, что в таком случае референдум превратится в форму политического манипулирования: большинство народа не прочтает двух проектов или не разберется в юридических тонкостях и ему придется голосовать наобум, вверяя судьбу случаю или популярному политическому деятелю. Да и как можно голосовать за сотню статей и параграфов разом, если половина из них вполне приемлема, а другая вызывает возражения?

Иное дело — принципы. Манипулирование возможно и здесь, но выбор куда реальнее: Советы или «десоветизация»; Президент: да или нет; частные или народные предприятия как основа экономики; земля: продавать или не продавать и т. п. Хорошо бы Председателю Верховного Совета РСФСР вспомнить его первоначальное обещание. Уверен: дорога в XXI век нам не закрыта. Но чтобы на нее выйти, надо не оглядываться на ступени, пройденные западной цивилизацией, а ориентироваться на те тенденции и рост-ки нового, которые она отчетливо проявляет сейчас. Дело за малым: чтобы большинству народа, когда он придет на референдум, не отказали историческое зрение и здравый смысл.

* * *

Эта статья была написана осенью 1991 г. по предложению корреспондента одной из центральных газет. Однако по причинам, мне неизвестным, в свет так и не вышла. С тех пор минул целый исторический период: Конституция, которая считается принятой 12 декабря 1993 г., в сравнении с тем проектом, который подвергался критике в этой статье, выглядит как великий грех на фоне мелкого прегрешения. Мне не раз уже приходилось говорить, что все ее содержание могло бы быть изложено в двух статьях:

Статья 1. Президент всегда прав.

Статья 2. Если Президент не прав, смотри статью 1.

Что же касается главного разработчика конституционного проекта, которому посвящена данная статья, — Олега Румянцева, то он давно перешел в оппозицию. В период малой гражданской войны в Москве в сентябре—октябре 1993 г. он был не с теми, кто расстреливал, а с теми, кого расстреливали, и вел себя в высшей степени достойно. Ныне Олег Румянцев активно выступает с идеями русского социализма.

ГЛАС НАРОДА — ГЛАС БОЖИЙ?

Ещё раз о том, кто и как должен принимать новую Конституцию России

В условиях «шоковой терапии» мучивший нашу общественность два последних года вопрос: как нам обустроить Россию? — явно уступил место другому: как жить, чтобы выжить? Однако вскоре нам предстоит вернуться к первому вопросу, отчасти потому, что правильный ответ на него является условием успешного решения второго, отчасти же потому, что приближается VI Съезд депутатов России, а на него, как известно, вынесен доработанный проект Конституции Российской Федерации. Оставляя в стороне достоинства и недостатки проекта, разбор которых мог бы стать предметом особого большого разговора, хочу обратить внимание читателей лишь на один вопрос, вынесенный в подзаголовок статьи: кто и как должен этот проект принимать?

Ответ Конституционной комиссии однозначен: весь народ на референдуме (см. ст.140). У общественности этот ответ возражений как будто не вызывает. Более того, кажется, что демократия в России наконец-то восторжествует окончательно: граждане сами выберут свою судьбу, свое будущее. Однако это лишь на первый взгляд.

Для того, чтобы понять, какие подводные политические рифы могут ожидать российский корабль, если курс его будет определяться общим собранием «команды и пассажиров», обратимся к замыслу разработчиков Конституции, который изложен в ст.12. Прочтем ее первый пункт: «Провозглашенные в настоящем разделе Конституции основы конституционного строя РФ: государственный суверенитет, приоритет прав и свобод человека, народовластие, политический плюрализм, рыночное хозяйство, социальное государство, федерализм, разделение властей, верховенство права, открытость РФ и ее вовлеченность в мировое сообщество, гарантии незыблемости конституционного строя — не могут быть отменены». Вот так: никем и никогда. Ни больше и не меньше. Как пели в 60-х: «Будет людям счастье, счастье на века!»

Конечно, тревоги разработчиков легко понять: страшен призрак системы тоталитарного социализма, велико желание сделать безвозвратной происходящую на наших глазах смену общественного строя. Однако незыблемость общественных систем в истории провозглашалась уже десятки раз едва ли не со времен царя Хаммурапи. Вспомним хотя бы китайскую «Поднебесную империю» или Москву — «Третий Рим», или, наконец, полную и окончательную победу социализма в СССР — словосочетание, вызывающее у одних смех радости, у других — смех сквозь слезы. Неужели будем пробовать еще раз? Неужели разработчики не понимают, что если социальные потрясения будут продолжаться, последующее поколение политиков станет обращаться с ельцинской (или румянцевской) Конституцией так же, как мы сейчас обращаемся с брежневской? Стоит ли вообще обманывать сознание верующих (а сознание неверующих — раздражать) термином «незыблемость» в условиях разваливающейся страны, разрушение которой не обошло и Российскую Федерацию (Татарстан, Чечня?)

Именно желание обеспечить незыблемость конституционного строя, создать документ, который, как в США, мог бы пережить века, — ключ к вопросу о том, почему Конституцию предлагают принимать не иначе, как референдумом. Только путем референдума допускаются также и изменения отдельных положений первого раздела проекта, не затрагивающие основ конституционного строя (ст.12.2). Иначе говоря, в поисках стабильности Конституции авторы обращаются к идее плебисцитарной демократии, т. е. такой, где решения принимаются всем народом непосредственно, путем голосования (плебисцита). Последуем же за ними, попросив у читателей прощения за некоторое злоупотребление теорией.

Зарубежная политическая наука, давно изучающая этот вопрос, убедительно показала, что плебисцитарная демократия может более или менее нормально функционировать, по крайней мере, при трёх условиях:

- а) развитая система демократических традиций;
- б) высокий уровень общественной стабильности;
- в) наличие сильной оппозиции.

Совершенно очевидно, что о двух первых условиях мы можем только мечтать, да и третье исчезло после распада и запрета КПСС. Как справедливо заметил Борис Кагарлицкий, — один из лидеров Партии Труда, — для современной России характерен плюрализм власти при вакууме оппо-

зиции. В условиях же господства авторитарно-патриархальной культуры, лишь поменявшей плюсы на минусы, когда кризис нарастает, большинство средств массовой информации представляют, по существу, одно направление, голосующим нередко отказывает здравый смысл. При этом плебисцитарная демократия даёт сбой, как минимум, троякого рода.

Во-первых, демократическая процедура нередко ведёт к установлению не демократического, а авторитарного режима. Пример — прямые выборы Президента Грузии, от которого удалось избавиться только в результате малой гражданской войны, т. е. совершенно недемократическим способом. Во-вторых, когда это невыгодно властям, с результатами референдума просто не считаются. Вспомним хотя бы дружный выход из Союза республик, население которого высказалось за участие в нем. В-третьих, итоги референдумов почти повсеместно совпадают с позицией руководства, особенно если руководитель достаточно популярен. Результаты отечественных президентских выборов и плебисцитов, когда «за» голосует 83, 84, 99% и т. п., вызывают у специалистов-политологов скорее тревогу, чем удовлетворение, ибо такое единодушие справедливо считается признаком недоразвитой демократии и плюрализма. Не удивительно, что на Украине, где 18 марта 1991 г. подавляющее большинство населения высказалось за участие в Союзе, а спустя всего лишь 7 месяцев 1 декабря население также дружно проголосовало за полную независимость.

Отечественный опыт в очередной раз убеждает: народ всегда прав, а «глас народа — глас божий» только в метафизическом, всемирно-историческом смысле, — в том смысле, что рано или поздно народ находит дорогу к истине, а история ставит точки над «і». В конкретной же политической ситуации, особенно кризисной, мы сплошь и рядом слышим не глас народа, а крик отчаяния, которое толкает людей либо на то, чтобы слепо идти за национальными элитами, либо голосовать за крайние политические течения.

Тем более неприемлемо всенародное голосование в той сфере, как это предлагается разработчиками, т. е. за Конституцию в целом. Мне не приходилось встречать данные социологических опросов, однако личный опыт общения с избирателями свидетельствует: добрая половина их не прочла и не прочтёт проекта, а из оставшейся половины значительное большинство не подготовлено к тому, чтобы разбираться в юридических тонкостях. Тем и другим не останется иного выбора, как довериться случаю либо мнению политического деятеля и голосовать наобум. Кроме того, голосовать придётся за полторы сотни статей и несколько сот параграфов сразу, а среди них есть очень хорошие, хорошие, средние, плохие и очень плохие. Сознательный выбор в такой ситуации более чем проблематичен, рано как и надежды с помощью плебисцитарной демократии увековечить конституционный строй: если кризис будет продолжаться и новой власти потребуется отменить Конституцию либо какие-то её положения, эта новая власть сумеет не хуже нынешней овладеть общественным сознанием и провести референдум с заранее заданными итогами.

Говоря о всеобщей «зацикленности» на идеях плебисцитарной демократии, не могу не упомянуть курьёзный, на мой взгляд, факт. В передаче Российского радио 1 декабря 1991 года блока «Свобода и достоинство» депутат М. Салье не без основания иронизировала по поводу намерений принять референдумом новый конституционный проект. Однако взамен она предложила провести выборы в Учредительное собрание по партийным спискам и...приложить к каждому списку проект новой Конституции, разработанный данной партией! Другими словами, за один проект голосовать нельзя, поскольку нельзя одним махом одобрить или отвергнуть множество самых различных статей, а вот за десяток проектов — пожалуйста.

Поистине «умом Россию не понять!» А что проектов будет не менее десятка — в этом нет ни малейшего сомнения. Даже если предположить невероятное, что мы очень быстро от «дикой» многопартийности перейдем к современной партийной системе, представлены будут, как минимум, коммунистический, социал-демократический (возможно в двух вариантах), либеральный и правоконсервативный проект экономического устройства. Помножим их на варианты устройства государственного (от унитарного до конфедеративного), а затем на возможные формы правления (от парламентской республики до, чего доброго, конституционной монархии) — и сразу увидим необозримое множество документов. Уверен: те, кто все это прочтет и сможет сознательно голосовать на референдуме, составят доли процента от общего числа избирателей. Следовательно, здесь мы имеем тот же подход, что и у конституционной комиссии, но многократно ухудшенный. Впрочем, улучшать путем ухудшения — это тоже в нашей национальной традиции.

Вполне понимаю разработчиков, которым хочется сохранить свое творение в целостности и не отдавать его «на растерзание» Российского съезда народных депутатов. Однако это все же меньшее из зол, ибо альтернатива ему — манипулирование народом посредством самого народа, т. е. худший вид манипулирования. В утешение авторам могу лишь напомнить, что на Российском съезде

депутатские поправки к Конституции в абсолютном большинстве своем не проходят, но зато легко принимается все, что предложено или поддержано руководством. Вспомним хотя бы, как II Съезд народных депутатов Российской Федерации (первый из внеочередных) за 40 минут принял 16 поправок к Конституции, предложенных конституционной комиссией. Для сравнения могу сказать, что за 200 лет было принято 26 поправок.

Если же всё-таки нам так мила плебисцитарная демократия, что жить без неё уже невмочь, следует вернуться к решению I Съезда народных депутатов России и вынести на референдум основные принципы Конституции, сформулировав их предельно просто и чётко, и желательно в альтернативной форме. Есть, разумеется, минусы и у этого варианта, но здесь мы, по крайней мере, проявим больше уважения к нашим согражданам.

Итак, решающее слово за Российским съездом.

Статья опубликована с сокращениями: Российская газета.— 1992.— 4 марта. — С. 3.

ПЛЕБИСЦИТ КАК СРЕДСТВО УТВЕРДИТЬ МНЕНИЕ. СОБСТВЕННОЕ

Политические лидеры и средства массовой информации в большинстве случаев представляют будущий референдум как долгожданное торжество демократии в России.

Однако столь благостной картина выглядит лишь с первого взгляда. Даже беглый анализ обнаруживает массу подводных камней.

Начнем хотя бы с вопроса о том, как будут выноситься на референдум основные положения Конституции: «в пакете» (блоком) или каждое в отдельности? Нельзя же всерьез думать, что гражданин, придя на избирательный участок, будет механически подсчитывать приемлемые и неприемлемые положения Конституции и в зависимости от этого голосовать «за» или «против»? Вообще, если вся эта процедура и отличается чем-либо от процедуры союзного референдума 17 марта 1991 г., то только в худшую сторону: тогда нам предлагали односложно отвечать на три (или четыре) различных вопроса, теперь же «в пакете» будет, вероятно, вопросов 15 или 20! Неуважение к собственному народу, стремление использовать его лишь в качестве объекта политического манипулирования очевидны.

Однако и второй вариант референдума, когда гражданам придется одобрять или не одобрять каждое из основных положений Конституции в отдельности, — вариант, безусловно, гораздо более честный, — отнюдь не избавляет организаторов и население от трудностей. Средоточием их станет следующая проб-лема: какие вопросы выносить на референдум и как их формулировать? Сами же трудности условно могут быть подразделены на три группы.

Первая — трудности политико-юридические. Если отношение большинства населения к референдуму будет осмысленным, а не механическим, достаточно вероятно ситуация, когда утвержденными окажутся не все, а лишь часть положений новой Конституции. Если в число последних попадет, например, герб — беда не столь велика. Но за бортом вполне могут оказаться положения концептуального характера, скажем, вопросы собственности или организации власти.

Вторая — трудности политико-морального характера. Именно их преодолеть будет, пожалуй, сложнее всего. Многие специалисты-политологи признают, а богатый опыт различных стран свидетельствует: правящие политические элиты в большинстве случаев проводят референдумы не для того, чтобы выяснить мнение народа, а для того, чтобы с его помощью утвердить свое собственное и возвести его в закон. Причем именно плебисцитарная демократия нередко оказывается наиболее приемлемой для населения формой легитимации (узаконивания) власти политической элиты.

В свое время этого теста не выдержала союзная политическая элита, группировавшаяся вокруг ЦК КПСС и Верховного Совета СССР. На референдуме 17 марта 1991 г. она вынесла формулировку, в которой к двум «локомотивным» вопросам (о сохранении союзной государственности и о соблюдении прав человека) «подвесила» также и вопрос о названии государства (Союз Советских Социалистических Республик), а тем самым косвенным образом и вопрос о характере общественного строя. Все это стало объектом обос-нованной критики со стороны тогдашней оппозиционной «Демократической России».

Аналогичного теста совсем недавно не выдержали лидеры современной «Демократической России», собиравшие подписи граждан и депутатов под требование референдума по вопросу о собственности на землю. Большинство людей, заполнявших подписные листы, наверняка не заметили

казалось бы незначительной подмены тезиса, которую содержала предложенная формулировка.

Они выступили за право частной собственности на землю, имея в виду прежде всего тех, кто ее обрабатывает. Но вопрос был поставлен уже о безусловном праве частной собственности, т. е. праве, ничем не ограниченном. Неограниченное же право вообще, а право частной собственности на землю — в особенности, едва ли можно найти в истории человечества.

Подготовка предстоящего референдума, безусловно, вызовет борьбу за формулировки между президентской и пропарламентской частями правящей элиты, а также между ней и оппозицией. Наложный VII Съездом запрет на проведение 11 апреля любых других референдумов, кроме как по основным положениям Конституции, в этом смысле мало что дает.

Конечно, оппозиция не сможет вынести на него прямой вопрос о досрочном прекращении полномочий Президента, а течения, называющие себя радикальными демократами, — о роспуске Парламента. Однако «основные положения Конституции» — понятие столь широкое, что под него вполне можно подвести практически все основные параметры политического будущего страны.

Прежде всего, я думаю, вызовет бурю политических страстей вопрос о вопросах, т. е. о том, какие именно основы общественного и государственного устройства России должны считаться устоявшимися, самоочевидными и о каких следует спрашивать мнение населения.

Иначе говоря, ставить их под сомнение. В качестве иллюстрации возьмем лишь два примера, хотя число их можно было бы без труда умножить. Речь идет о том, следует ли выносить на референдум вопросы о форме правления в Российской Федерации (республика или монархия) и о праве республик (а может быть, краев и областей) на выход из состава России.

Политическая честность требует вынесения их на референдум хотя бы потому, что за это выступает существенная часть населения.

Что же касается права на выход из России, то на VII Съезде народных депутатов упорно муссировались слухи о том, будто политические руководители восьми российских республик намеревались поставить этот вопрос на всенародное голосование в случае реализации известной инициативы Президента.

Повторю: оба вопроса имеют право на постановку. Однако первый из них выглядит более чем экстравагантным в конце XX в., а второй — более чем несвоевременным в условиях продолжающегося экономического и политического кризиса. Поэтому вопрос: «выносить или не выносить?» — не раз встанет перед организаторами референдума с гамлетовской остротой, равно как и проблема выбора меньшего из нескольких больших зол.

Предположим, однако, что российская политическая элита явила миру редкое исключение — высокий образец уважения к собственному народу. Увы, и в этом случае отнюдь не все трудности позади.

Оказывается, даже при подлинном желании не манипулировать населением, а выявить его действительное мнение, весьма сложно найти формулировки, позволяющие получить результат, который нельзя было бы интерпретировать различным образом.

Ни для кого не секрет, что после решения VII Съезда из окружения Президента не раз звучали призывы решить с помощью референдума вопрос о том, какой быть нашей республике: президентской или парламентской? И тем самым покончить с попытками Парламента в той или иной мере взять Правительство под свой контроль. На самом же деле подобная постановка вопроса даже при самых лучших намерениях вряд ли имеет смысл.

Во-первых, мировая практика знает разные модели как президентской, так и парламентской республики с различным распределением функций между законодательной и исполнительной властью. Чем бы ни закончился референдум, выбор одной из этих моделей все равно останется прерогативой депутатов — нынешних и будущих.

Во-вторых, распространенное (точнее, распространяемое) мнение, будто на последних съездах народных депутатов России происходила борьба между сторонниками президентской и парламентской республик, — мнение заведомо ложное.

Если бы даже поправки к Конституции, предполагающие назначение и увольнение в отставку ведущих членов Правительства Президентом с согласия Парламента, — т. е. те самые поправки, против которых часть «радикальных демократов» готова была сражаться в рукопашную, — были приняты Съездом, это отнюдь не превращало президентскую республику в парламентскую.

В парламентской республике, как известно каждому мало-мальски политически образованному человеку, правительство формирует не президент, а премьер-министр, как правило, лидер победившей партии или блока. В данном же случае речь шла всего лишь об одной модели

президентской республики.

Иначе говоря, если население на референдуме выскажется за президентскую республику, что при наших авторитарных традициях вероятнее всего, Президенту это равным счетом ничего не дает. Республика наша и без того президентская, а по некоторым параметрам даже суперпрезидентская. Если же большинство голосов получит парламентская республика, что маловероятно, референдум обернется крупной победой оппозиции: депутатам придется либо ликвидировать институт президентства вообще, либо свести роль Президента к функциям «свадебного генерала».

Но и это еще не все. Надо иметь в виду, что голосование двух, а тем более одной формулировки едва ли не по любому вопросу об основах конституционного строя резко ограничивает для граждан реальные возможности выбора, заранее как бы подсказывая им желательный для организаторов ответ.

Учитывая к тому же, что формулировки «президентская республика» или «парламентская республика» допускают различную интерпретацию, а рядовому гражданину вообще мало что говорят, вопрос следовало бы сформулировать иначе. Например, таким образом.

«Как, на ваш взгляд, должно формироваться Правительство?»

1. Правительство формирует Президент. Председатель Правительства назначается с согласия Верховного Совета: да, нет.

2. Правительство формирует Президент. Председатель Правительства, его заместители и министры (следует список) назначаются Президентом с согласия Верховного Совета: да, нет.

3. Президент назначает членов Правительства с согласия Верховного Совета: да, нет.

4. Верховный Совет избирает председателя Правительства, который формирует его состав: да, нет».

В качестве общего вывода остается лишь повторить: проведение референдума даже в лучшем варианте, т. е. по каждому из основных положений конституционного проекта, потребует от организаторов такого уровня политической честности и уважения к своему народу, какой у представителей политических элит встречается редко.

Поэтому уже сейчас с большой вероятностью можно утверждать: скорее всего референдум станет не источником стабильности, а фактором дестабилизации общества, не победой демократии, а, в лучшем случае, ее имитацией, в худшем же — поражением.

Опубликовано: Российская газета.— № 23.— 1993.— 14 февраля. — С.1—2.

ОТ ФАРСА К ТРАГЕДИИ, ИЛИ ЧЕТЫРЕ ВОЗМОЖНЫХ ПУТИ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА

Текст произнесенного выступления на IX (внеочередном) Съезде народных депутатов Российской Федерации

Не кажется ли вам, что кризисы власти у нас повторяются все чаще и чаще? Причем, если обычно говорят, что история повторяется дважды: сначала в виде трагедии, а затем в виде фарса,— то мы, возможно, движемся от фарса к трагедии!

Парадоксально, но факт: на недостаток власти громко жаловались и продолжают жаловаться как раз те исполнительные структуры, которые имеют ее более чем в достатке де-юре, в избытке — де-факто. Ни для кого не секрет, что с осени 1991 года и до недавнего времени Президент Российской Федерации имел такие полномочия, какие и не снились ни одному из его коллег ни в одной цивилизованной стране!

Кончилось это развалом государственности, великой депрессией в экономике, агонией образования и культуры. Однако Президент просит все новых и новых полномочий, вот только неясно для чего: неужели у нас есть еще что разрушать?

Уже с весны 1992 г. Президент Российской Федерации то и дело намекал, а иногда говорил прямо, что собирается распустить Парламент, т. е. совершить государственный переворот. Правда, министр обороны столь же регулярно утверждал, что переворот — это слухи, а Парламент до последнего времени склонен был верить министру обороны, а не Президенту.

В конце концов прав оказался конечно Президент, а слухи подтвердились: страна, по существу, получила ГКЧП номер 2. Хотя теперь переворот пытались сделать без танков (по крайней мере пока), так сказать, в мягких перчатках. Правда, ранг организаторов стал выше: возглавил дело не вице-президент, а Президент. Но суть дела не меняется: даже в тексте Указа, который был скорректирован задним числом и отступает от телеобещаний Президента, его указы ставятся выше законодательных актов Съезда и

Верховного Совета. При этом там есть еще и ссылки на разделение властей! Думаю, от таких ссылок с Ш. Монте-скье и другими идеологами этого принципа, будь они живы, случился бы инфаркт.

Вообще на месте советников Президента я бы осторожнее составлял послания Верховному Совету о конституционности. Если в это послание вводятся такие нелепости и юридические извращения, как «неконституционность Конституции», а единственным гарантом конституционности объявляется Президент, остается только записать от его имени фразу Людовика XIV: «Конституция — это я».

Единственное, что может оправдать господина Шахрая — вероятного автора этого документа, — это выступление господина Волкогонова, который говорил уже от имени даже не Конституции, а самой истории и почти произнес: «История — это я».

С претензией советников Президента быть главными толкователями Конституции связана и кампания травли Председателя Конституционного Суда. Уважаемые коллеги, бывшие коммунисты, а теперь уже и бывшие демократы! Неужели вы так быстро забыли август 1991 г.? Неужели вы не помните, за что тогда упрекали Председателя Комитета конституционного надзора СССР Алексеева? Упрекали именно за то, что он пытался соблюсти юридические формальности, когда попытка переворота была очевидна! Почему же к Зорькину применяется другой стандарт? Или ваш принцип: демократия — это когда «наши» у власти? Ведь совершенно очевидно, что новые гэкачеписты начали отступать и придавать своим действиям более приличный вид именно потому, что в критическую минуту прозвучал голос Зорькина. Честь ему за это и хвала!

Действительная вина Конституционного суда в другом: он до сих пор проявлял слишком большую мягкость по отношению к нарушителям Конституции. Не получили оценки ни Беловежские соглашения, ни призывы Президента к разгону Парламента.

Итак, острейший политический кризис налицо и надо искать пути выхода из него. Таких путей можно представить себе четыре.

Первый и лучший путь — досрочные всеобщие выборы и Парламента, и Президента. Не секрет: мы оказались в ситуации, близкой к двоевластию, но не потому, что у Президента мало полномочий, а потому, что исполнительная власть хочет исполнять лишь те решения законодательной власти, которые ее устраивают, что дико для демократического государства.

Но если двоевластие возникло, из него история знает два выхода: либо полноценный переворот, либо досрочные выборы. Думаю, все согласятся: выборы гораздо лучше.

Поэтому я призываю: уважаемый Президент, уважаемые коллеги, давайте перестанем испытывать терпение сограждан, не будем тратить 25 миллиардов рублей народных денег и без всякого референдума примем поправки к Конституции и согласованные решения о всеобщих досрочных выборах. На них каждому из нас, а тем более Президенту, никто не мешает выставить свою кандидатуру. Выборы и будут тем самым вотумом доверия, который якобы кто-то мешает получить.

Второй путь — компромисс. Вещь эта очень заманчивая, но, во-первых, ее пробовали уже много раз, а во-вторых, компромиссы с теми, кто не уважает Конституцию, ничего хорошего дать не могут. Пройдет несколько месяцев, и мы услышим новое обращение, затем увидим новые указы, круче прежних. Это не разрешение кризиса, а его откладывание в долгий ящик.

Путь третий — импичмент, отрешение от должности. Не сомневаюсь: в стране с развитыми демократическими традициями был бы применен именно этот вариант. Президент США, заявивший по национальному телевидению, что его указы будут выше законов или что конгрессменов и сенаторов надо разогнать, был бы отстранен от должности в течение нескольких дней. Но у нас другие традиции: чем больше должностное лицо нарушает Конституцию, тем увереннее оно объявляет себя ее гарантом.

Правда, подписанный Президентом Указ отличается от обращения по телевидению, как вода от крови: вместо увольнения Ножикова и Мухи Ельцин принес им извинения; вице-президент Руцкой уже не идет на опрос в связке с Президентом; даже самого названия «особый порядок управления» в Указе уже нет!

Возникает вопрос, что это такое: провал в памяти или, быть может, шутка? Но подобные шутки президентов в демократических странах заканчиваются ответными шутками парламентов в виде импичмента!

Несмотря на то, что для отстранения Президента от должности оснований вполне достаточно, этот вариант имеет ряд недостатков: во-первых, скорее всего для него не хватит голосов; во-вторых, не вполне ясно, как поведут себя силовые структуры; в-третьих, для многих наших сограждан это решение будет выглядеть не вполне легитимным. Люди станут рассуждать примерно так: Президента

избирал народ, он и должен решать судьбу Президента. Поэтому и третий путь представляется проблематичным.

Четвертый путь — референдум. Уважаемые коллеги, позволю себе напомнить, что я всегда выступал против референдума по Конституции еще тогда, когда большинство нынешних противников были «за». И сейчас считаю, что референдум в нынешней России скорее всего будет не формой народовластия, а формой манипулирования народом. И вот почему.

Во-первых, мы находимся фактически уже в ситуации чрезвычайного положения. Референдум в такой ситуации проводят только диктаторы и различного рода хунты. Так, в Германии в 1933 г. был проведен референдум о доверии курсу Гитлера, и что вы думаете — доверили.

Во-вторых, совершенно очевидно: нового референдума громче всех требуют те, кто не выполнил решений предыдущего — о судьбе Советского Союза. Сделать народ судьей в споре властей призывают люди, один раз уже презревшие этот суд, обвиняют оппонентов в недоверии к народу силы, бессовестно злоупотребившие этим доверием. Увы, нет никаких гарантий, что с новым референдумом не произойдет того же самого.

В-третьих, средства массовой информации, по крайней мере радио и телевидение, находятся, по существу, в одних руках, а потому все несогласные шельмуются и газетные «утки» плодятся с быстротой инкубаторских цыплят.

В-четвертых, действительно велик риск, что референдум станет еще одним толчком к разрушению Федерации, к разбеганию ее субъектов.

Все это так. Референдум — плохо, но лучше, чем полноценный переворот, поэтому, если ни один из трех предыдущих путей не будет реализован, нам остается только этот. Причем Съезд обязан взять инициативу на себя и попытаться не допустить манипулирования народом России.

Во-первых, не может быть и речи о референдуме в апреле по Конституции и избирательному закону. Подавляющее большинство населения проекта Конституции не читало и не прочтет, избирательного закона вообще еще никто не видел. Заставлять людей голосовать за двух «котов в мешке» разом — значит потерять не только уважение к собственному народу, но и политическую честь.

Во-вторых, на референдум 25 апреля необходимо вынести вопрос об одновременных досрочных выборах Президента и народных депутатов либо два вопроса о выборах каждой из властей в отдельности. По сути, это поглощает вопрос о доверии Президенту, на котором он настаивал, но если Президент хочет, пусть и проводит опрос о доверии самому себе.

В-третьих, в постановлениях Съезда должны быть заранее прописаны варианты решений при том или другом исходе референдума, иначе с его результатами будет то же самое, что и с результатами референдума о судьбе Советского Союза, проведенного 17 марта 1991 г.

В-четвертых, новый закон о выборах до его принятия должен быть обсужден и согласован с основными политическими блоками и профсоюзами через механизм «круглого стола».

Опубликовано: Девятый (внеочередной) Съезд народных депутатов Российской Федерации, 26-29 марта 1993 г.: Стенографический отчет. — М.: Республика, 1994. — С. 707—710.

РЕФЕРЕНДУМ: НЕ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ?

Бывшая страна наша — Советский Союз — и государства, возникшие на ее обломках, помимо рекордов самовредительства, могли бы, пожалуй, претендовать на мировой рекорд по проведению референдумов и прямых выборов в единицу времени. При этом через короткие промежутки времени и почти с равным воодушевлением граждане голосовали: за Союз и за полную независимость (Украина, Средняя Азия, Казахстан), за ликвидировавшего Советскую власть Гамсахурдиа и за ликвидировавшего власть Гамсахурдиа Шеварнадзе (Грузия), за Президента Эльчибея и за недоверие тому же Президенту (Азербайджан) и т. д. и т. п. и пр. В чем же причина поразительной податливости народов нашего бывшего Отечества, снова и снова идущих на поводу у политических элит?

Известный американский публицист левой ориентации Майкл Дэвидову в ряде своих публикаций и выступлений на радио «Парламент» назвал такой причиной доверчивость народа, отсутствие у него политического опыта, справедливо подчеркивая, что любой другой народ при катастрофических результатах деятельности, подобных российским, немедленно сменил бы правящую политическую элиту или субэлику. Слов нет, доверчивость граждан России находится за пределами рационального объяснения. Народ наш вслед за своим великим поэтом мог бы вновь и вновь повторять: «Ах,

обмануть меня нетрудно, я сам обманываться рад!» Однако достаточно очевидно, что такое объяснение лежит на поверхности и названная причина сама является следствием факторов более глубокого порядка.

И первый среди них — общеисторическая ситуация страны, переживающей так называемую «вторую русскую революцию». Оставляя в стороне вопрос о том, какова эта революция и куда она нас в конце концов выведет: в светлое будущее или в светлое прошлое, — должен заметить, что при всем различии революционных и контрреволюционных переломов, которые знала история, все они характеризовались и некоторыми общими чертами, тенденциями. Одна из наиболее очевидных тенденций — так называемые «качели», т. е. маятниковообразные колебания настроений общественных групп, образующих массовую базу революций. Почти 150 лет назад об этом немало писал Александр Герцен — свидетель французской революции 1848 г.: «Массы полны тайных влечений, полны страстных порывов, у них мысль не разъединилась с фантазией, у них она не остается, по нашему, теорией, она у них тотчас переходит в действие... Оттого они иногда обгоняют самых смелых мыслителей, увлекают их поневоле, покидают середь дороги тех, которым поклонялись вчера, и восстают за других, вопреки очевидности; они дети, они женщины, они капризны, бурны и непостоянны».

Попросту говоря, в условиях, когда политически активное большинство народа, движимое ненавистью к прежней системе и надеждами на лучшую жизнь, с одной стороны, разрушает привычные устои экономического и духовного бытия, а с другой — страдает от возникающего хаоса, гражданам трудно принять сколько-нибудь взвешенное решение и просчитать последствия своих действий. Немаловажно и то, что в такой исторический период новые иллюзии плодятся почти столь же быстро, сколь низвергаются старые. Исключающие друг друга результаты референдумов и прямых выборов, с легкостью достигаемые правящими политическими элитами, как раз отражают нестабильность в обществе, приливы и отливы революции, а чаще — просто ее зигзаги.

Другим, и, может быть, не менее важным фактором, обеспечивающим правящим элитам почти беспроигрышную ситуацию на референдумах и прямых выборах, является смена методов политического управления. Если в советский период широко использовались методы принуждения, включая прямое насилие, то в настоящее время преобладает политическое манипулирование, и прежде всего при помощи средств массовой информации. Не секрет, что подобные методы широко используются во всех странах, в том числе самых демократических. Для нашего же Отечества исключительно важна именно новизна этих методов.

Во-первых, в предыдущую эпоху важнейшие решения принимались за спиной граждан, и это до смерти им надоело. Теперь политически активное население хочет непосредственно решать главные вопросы жизни страны, в том числе и такие, в которых оно не слишком хорошо разбирается. Регулярные опросы общественного мнения показывают, что за принятие новой Конституции референдумом высказались около половины респондентов, тогда как внимательно изучили хотя бы один из конституционных проектов считанные проценты.

Во-вторых, естественное стремление людей определять собственную политическую судьбу, не быть заложником чужих политических игр сочетается в наших условиях с глубоким наследием авторитарно-патриархальной культуры. Это выражается, в частности, в ориентациях на личности, а не идеи (концепции, программы и т. п.), а также в исключительной доверчивости к печатному или прозвучавшему по теле- и радиоканалам слову. Вот примеры того и другого. В газете «Известия» от 6 февраля 1993 г. были приведены результаты опроса общественного мнения, показывающие, что 32% его участников в случае референдума по новой Конституции голосовали бы за президентский проект. И все бы ничего, как говорится, вольному — воля, да маленькая неувязка: в то время президентского проекта никто еще не видел. Официально он был опубликован, напомню, лишь после апрельского референдума! Невероятно, но очевидно: 32% опрошенных были готовы голосовать за какую угодно Конституцию, лишь бы ее предложил Президент!

Примеры другого рода связаны с влиянием средств массовой информации вообще и художественной интеллигенцией — в особенности на ход и исход последнего референдума. Как показали специальные исследования, исход этот в крупных городах и регионах страны в значительной мере коррелирует с распределением времени в центральных и местных средствах массовой информации между сторонниками Президента и Парламента. Если учесть, что, по официальным заявлениям руководителей телерадиокомпаний «Останкино», это распределение было осуществлено в пропорции 80% на 20% и, по некоторым оценкам, примерно 11% голосов из 58% Президент получил благодаря поддержке художественной интеллигенции (прежде всего представителей шоу-бизнеса), то ошибка большинства специалистов, прогнозировавших отрицательный ответ граждан на второй вопрос, не выглядит удивительной. Подчеркну еще раз: речь здесь идет не о правильности или

неправильности той или другой политической позиции, а о мотивах и методах ее определения, выбора. Если, например, знакомый студент-историк, в общем мыслящий и знающий уже, где лево, где право, кто такие консерваторы, либералы, социал-демократы и коммунисты и чего можно от них ожидать, заявляет, что на референдуме будет голосовать, как Кинчев, то совершенно очевидно, что преобладают здесь не рациональные мотивы, а конформизм, воспитанный прежней системой и успешно использованный новой. Разница лишь в том, что прежняя система навязала себя народу грубо и примитивно, новая же, наряду с действительным расширением границ свободы, сплошь и рядом ее имитирует, создает иллюзии свободы. Оказавшись в однонаправленном информационном потоке, люди, сами того не замечая, принимают навязанную им свыше точку зрения как свою собственную. Не случайно ряд объективных зарубежных наблюдателей отметили, что в России в период последнего референдума использовались «шоковые» методы пропаганды, которые в цивилизованных странах в подобных случаях не применяются.

Сказанное, разумеется, не исчерпывает основных факторов плебисцитарного бума, равно как и секрета успехов в манипулировании народом посредством самого народа, однако дает возможность сделать прогноз вероятности дальнейшего использования референдумов в случае развития событий по одному из следующих политических сценариев.

Сценарий первый — позиционная борьба: обе ветви власти продолжают выяснять отношения между собой, но ни одна из них не отваживается на решительную атаку: и Президент, и депутаты стремятся «досидеть» свой срок до конца. При этом сценария нового референдума в ближайшее время ожидать не следует, зато через год—полтора он достаточно вероятен. Предметом его скорее всего станет новая Конституция или блок конституционных вопросов, вызывающих несогласие между Парламентом и Президентом. Даже накануне истечения своих полномочий депутаты могут отказаться принимать Конституцию, разработанную президентской командой. И не потому, что в ней нет Съезда — тогда это уже особенного значения иметь не будет, а потому, что, по мнению достаточного числа парламентариев, к которому принадлежит и автор этих строк, во всех президентских проектах нарушаются:

- а) баланс форм собственности в пользу частной,
- б) баланс полномочий федеральных властей — в пользу, естественно, Президента,
- в) баланс субъектов федерации.

Однако к весне 1995 г., если не будут приняты новая Конституция или требуемые поправки к ней, лидеры исполнительной власти скорее всего попытаются воспрепятствовать новым выборам в прежние структуры. Тогда-то испытанное оружие плебисцита вновь будет расчехлено.

Сценарий второй — схватки. В случае реализации этого сценария инициатива подобного развития событий почти наверняка будет исходить от исполнительной власти либо в форме прямого роспуска Парламента и назначения досрочных выборов, либо в форме постоянных нарушений Конституции и законов, провоцирующих ответные действия.

В большинстве теоретически возможных вариантов борющимся сторонам для придания легитимности своим действиям потребуются новый плебисцит. Предположим, Президент распускает Съезд народных депутатов и назначает (если назначит) выборы в постоянно действующий Парламент с функциями, которые сам же Президент и будет определять. Конституционный суд, естественно, отменит это решение. Референдум останется единственным способом придать действиям Президента вид легитимности в глазах отечественной и международной общественности.

Предположим, за нарушения Конституции, установленные Конституционным судом, Съезд народных депутатов отрешит Президента от должности. Президент наверняка не подчинится этому решению, ссылаясь на результаты референдума 25 апреля. И тогда уже Парламенту придется назначать новый плебисцит.

Вариант третий — компромисс. Законодательная и исполнительная власти договариваются между собой о совместных действиях в сфере социально-экономической политики и о согласованном ведении конституционного процесса. В этом случае вновь обращаться к населению необходимости нет, если, конечно, не воскреснет идея «проштамповать» согласованный проект Конституции еще и всенародным голосованием.

Понимая, что политический прогноз скорее напоминает предсказания синоптика, нежели астронома, и не имея возможности дать подробную аргументацию, рискну высказать предположение: с позиций осени 1993 г. наименее вероятным представляется третий сценарий, наиболее вероятным — увы! — второй. При этом, однако, политическим группам, рассчитывающим в очередной раз прибегнуть к плебисциту как к средству утверждения собственного мнения, полезно иметь в виду два обстоятельства: во-первых, «маятник» общественных настроений близок к тому, чтобы качнуться если

не влево, то, как минимум, в сторону от политики вообще, во-вторых, даже тот небольшой прорыв единого информационного «фронта», который представляет собой радио «Парламент» и «Парламентский час» на телевидении, заметно осложняет внушение населению иллюзий о безальтернативности нынешнего экономического и политического курса.

Итак, на вопрос, поставленный в заголовке статьи, с достаточной вероятностью можно ответить: Россию ждет новый референдум, и, возможно, не один. Однако уже следующая попытка политической элиты получить «отпущение грехов» может закончиться неудачей.

Усилиями революционеров из второго эшелона управления прежней системой Россия во второй раз в XX в. оказалась в ситуации двоевластия. Из этой ситуации история знает два наиболее вероятных выхода: досрочные выборы либо государственный переворот. Как специалист по политическим наукам, занимающийся теперь и практической политикой, уверен: одновременные или близкие по времени досрочные выборы законодательной и исполнительной власти, хотя они не гарантируют стабильности, несравненно лучше новых попыток переворота, новых ответных попыток импичмента и новых референдумов, результаты которых истолковываются теми, кому это выгодно, так, как им это выгодно, и реализуются тогда, когда им это выгодно. Чтобы иметь право утверждать: глас народа — глас Божий,— нынешние политические «пастыри» сами должны хоть немного верить в проповедуемую ими религию демократии, а не употреблять без конца имя Бога всуе, призывая спасать демократию с помощью «просвещенного» авторитаризма. Увы, в этом смысле остается лишь уповать на прекрасное далеко, ибо позиция правящей ныне в России политической элиты, несомненно, может быть выражена формулой: демократия — это когда «наши» у власти!..

Статья была подготовлена для журнала «Народный депутат» в августе 1993 г., однако публикация не состоялась в виду государственного переворота 21 сентября — 4 октября 1993 г.

Опубликована: Смолин О. Н. Три трагедии российской демократии. Систематизированный сборник. — М.: ООО «ИПТК «Логос» ВОС», 1999.— С. 128—133.

СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ РОССИИ: УГРОЗА ТОТАЛИТАРИЗМА ИЛИ ГАРАНТ ДЕМОКРАТИИ?

«Что делать со съездом, который не вписывается в правовую государственность?», «Наша законодательная власть дожила до самого элементарного политического климаткса», «Не съездить ли по съезду?» — такими и подобными им фразами пестрит сегодняшняя «независимая» «демократическая» печать. Еще перед VII Съездом народных депутатов Российской Федерации (декабрь 1992 г.) С. Алексеев, бывший председатель Комитета Конституционного надзора (!) СССР и мэр Санкт-Петербурга, видный юрист-правовед (!) А. Собчак открыто предложили Президенту нарушить Конституцию и издать Указ о роспуске Парламента, а сам Президент 20 марта попытался реализовать эту рекомендацию, объявив, что указы и распоряжения Президента выше любых решений Съезда и Верховного Совета. При этом Б. Ельцин не раз заявлял, что позиция большинства депутатов — это «позиция дешевого популизма и откровенной демагогии, дезорганизации сложных преобразований и в конечном счете восстановления тоталитарной советской коммунистической системы».

Оставив на совести авторов вопрос о допустимости подобных призывов и действий в демократическом государстве, посмотрим, насколько обоснованы претензии к Парламенту? Действительно ли Съезд и Верховный Совет консервативны, действительно ли они представляют собой силу, способную вновь качнуть маятник исторического развития России до отказа «влево»?

Чтобы ответить на эти вопросы, следует, на наш взгляд, обратиться к недолгой, но бурной истории российского Парламента и проанализировать нынешнее соотношение партийных и фракционных сил (что, как будет показано ниже, не всегда совпадает). Но прежде о самих понятиях «левые» и «правые» в современной России, так как у нас на самом деле если не все наоборот, то, по крайней мере, многое не так, как на Западе.

Приблизительно до 1989 г. оценка тех или иных политических ориентаций в России (тогда еще в Советском Союзе) совпадала с общепринятой в цивилизованном мире: социал-демократы, социалисты и коммунисты признавались левыми; противники социалистической идеи в любых ее формах — правыми. Иначе говоря, как и во всем мире, критерием деления на правых и левых служило отношение политических течений к идее социального равенства и, соответственно, ориентация на интересы общественных групп, выступающих в большей или меньшей степени либо его сторонниками, либо противниками.

Однако в 1989 г. эти общепринятые оценки общественных движений резко сменились на противоположные. В качестве ведущего, а зачастую единственного, ориентира на оси «право» — «лево» на словах было провозглашено отношение к демократии, а на деле — отношение к существовавшей тогда власти: левыми стали называть всех противников режима (и чем радикальнее, тем «левее»), правыми же — его сторонников.

Оставляя в стороне теоретические и социальные предпосылки такого сальто мортале, отметим лишь одно обстоятельство, в известной мере помогающее понять и ситуацию в Парламенте. Официальная пропаганда десятилетиями укрепляла в общественном сознании стереотип: лево — всегда хорошо, право — плохо. Теперь этот стереотип был использован против создавшего его режима. Вообще, ирония истории так называемой «второй русской революции» (точнее, реставрации) состоит в том, что «казарменно-коммунистические» идеи и представления сплошь и рядом используются для разрушения «казарменно-коммунистических» отношений. Последний пример — всеобщая ваучеризация, когда уравнительный раздел собственности будет иметь своим следствием скачкообразный рост социального и имущественного неравенства.

Испорченный политический компас облегчил новой элите (точнее, пополненному второму эшелону старой элиты) завоевание власти, но стал подводить при использовании властных полномочий. В результате началась «новая» переориентация, и ныне, весной 1993 г., все смешалось в отечественной политической пропаганде: на страницах одной и той же газеты, из уст представителей одной и той же партии или фракции Парламента те или иные политические движения называются то «левыми», то «правыми». Авторы данной статьи, как, уже надеемся, понял читатель, придерживаются общепринятого в политологии критерия деления политических течений на левые и правые.

Но вернемся к вопросу о Российском парламенте. Напомним, что идея двухступенчатого Парламента (Съезд — Верховный Совет) родилась в период перестройки и отражала объективную реальность переходного периода. В условиях рождавшегося многообразия социальных интересов и отсутствия классической многопартийной системы именно эта двухступенчатость позволяла (и позволяет, по нашему мнению, до сих пор), с одной стороны, учитывать доминирующие общественные настроения (за счет всего состава депутатского корпуса, работающего на местах), с другой стороны — законодательно обеспечить курс реформ (за счет работающего на профессиональной основе Верховного Совета).

Отражая вектор общественных настроений, Парламент России в первые два года своей деятельности шаг за шагом смещался вправо. В экономической сфере это проявилось в обосновании и законодательном закреплении курса на господство частной собственности, в политической — в передаче все новых и новых полномочий по управлению обществом от представительной власти к исполнительной под флагом разделения властей. В связи с этим уместно напомнить, что принцип разделения властей был сформулирован в период борьбы с абсолютной монархией. Считалось, что представительная власть — это власть, отражающая интересы различных слоев народа, в то время как исполнительная — власть, представляющая правящую элиту. Разделение властей родилось, следовательно, из стремления ограничить власть элиты, ввести ее в законные рамки. Сейчас в России об этом забывают, и не случайно.

Свою, и немалую, долю ответственности несет Парламент России и за развал Советского Союза. Напомним, что именно I Съезд народных депутатов принял «Декларацию о государственном суверенитете РСФСР», провозгласившую верховенство Конституции и Законов РСФСР над законодательными актами Союза; что Российская Федерация раньше западных стран признала в сентябре 1991 г. независимость Прибалтики; что Верховный Совет республики под аплодисменты ратифицировал Беловежские соглашения.

Результаты этих шагов хорошо известны. Проводимая новой правящей элитой политика неизбежно вела и продолжает вести к неуправляемому спаду производства, массовой безработице, обнищанию народа, разрушению всего хозяйственного механизма и, как следствие, к широкомасштабным социальным и межнациональным конфликтам. Под угрозой оказались не только перспективы оздоровления и реформирования экономики, но и демократические институты, целостность Российской Федерации.

В этих условиях в массовом общественном сознании все активнее стала намечаться «переоценка ценностей». Конечно, коренного перелома не наступило, но движение «вправо» если и не прекратилось, то, во всяком случае, резко замедлилось. Это не могло не сказаться как на деятельности Парламента в целом, так и на позиции отдельных его фракций.

В настоящее время в российском Парламенте насчитывается 15 политических фракций. Как уже

отмечалось, фракции Российского парламента — совсем не то же самое, что фракции в парламентах развитых стран Запада (или развитых стран Востока).

Во-первых, они были созданы не перед выборами и не для них, а после выборов, задним числом, в большинстве случаев из бывших членов КПСС. В настоящее время большинство депутатов, входящих во фракции, беспартийны. Более или менее приближаются к однопартийности лишь фракции «Свободная Россия», которая объединяет членов Народной партии Свободной России, и «Коммунисты России». Довольно часто в рамках одной фракции сотрудничают депутаты, принадлежащие к партиям, отнюдь не находящимся в блоке, а иногда отмежевывающимся друг от друга. Например, в группе «Смена — Новая политика», по словам ее координатора О. Плотникова, состоят представители около десяти партий. Несмотря на провозглашение принципа, согласно которому каждый депутат может быть членом только одной политической фракции, некоторые сотрудничают в двух и более, а в начале деятельности Парламента находились даже такие, кто состоял одновременно в двух основных соперничающих фракциях: «Коммунисты России» и «Демократическая Россия».

Во-вторых, фракции весьма неустойчивы, постоянно происходят расколы, слияния и т. п. Ряд фракций, ярко заявив о себе на одном-двух Съездах, сходят с политической арены («Объединенная фракция республиканцев и социал-демократов», «Гражданское общество», «Беспартийные депутаты») и на их месте появляются новые депутатские объединения (в конце 1992 — начале 1993 г. зарегистрированы три новые фракции: «Родина», «Согласие ради прогресса» и «Свобода слова»). Численность фракций систематически меняется. Так, от фракции «Коммунисты России», которая первоначально насчитывала 355 депутатов, осталось на декабрь 1992 г. 68 депутатов. Среди покинувших эту фракцию и ныне, судя по официальным данным, числящихся в списке депутатов, не участвующих во фракциях, бывший Председатель Совета Министров РСФСР А. В. Власов, бывший секретарь ЦК КПСС Ю. А. Манаенков, другие бывшие партийные функционеры.

В-третьих, вследствие этих и других обстоятельств анализ результатов голосования членов различных фракций выявляет крайне низкие индексы групповой сплоченности. Исключение составляют, пожалуй, лишь «Демократическая Россия», «Радикальные демократы», отчасти «Коммунисты России», наиболее близкие к фракциям парламентских партий. Координаторы фракции «Демократическая Россия», подобно парламентским организаторам на Западе, регулярно анализируют результаты голосования своих членов и проводят с ними «разъяснительную» работу. Напротив, индексы групповой сплоченности в таких фракциях, как «Смена — Новая политика», «Россия», «Родина», сильно колеблются в зависимости от вопросов, по которым идет голосование.

Напомним, что в качестве альтернативных на голосование выносилось еще два проекта — от редакционной комиссии Съезда и от субъектов Федерации. При этом 72 депутата (из 934 принявших участие в голосовании), или 7,7%, проголосовали за все три проекта!

В-четвертых, большинство фракций до сих пор не имеют четких платформ. Программные установки многих фракций, особенно правого фланга политического спектра, были сформулированы еще в период борьбы с КПСС и отражали лишь самую общую ориентацию их деятельности. Многие депутатов объединяют не столько эти платформы, сколько симпатии к определенным политическим лидерам и сформировавшиеся уже личные связи.

Например, «Левый центр — Сотрудничество» — это фракция генерал-полковника Дмитрия Волкогонова. Поэтому многие военные депутаты, а также депутаты, оказавшиеся в комитетах соответствующего профиля, стали членами этой фракции, хотя по своим «кулуарным» позициям они гораздо левее либеральных устремлений своего лидера.

Приведем несколько сокращенных самохарактеристик фракций российского Парламента.

«Коммунисты России»

Группа создана 19 мая 1990 г. на I Съезде народных депутатов РСФСР, еще до организационного оформления Компартии Российской Федерации. В программном заявлении отмечается, что эта фракция социалистической ориентации, выражающая и отстаивающая конкретные жизненные интересы различных слоев населения России: наемных работников умственного и физического труда, коллективных и индивидуальных производителей, источником доходов которых являются личный труд и собственность, а также студентов, пенсионеров, других малоимущих граждан. Группа ставит целью сохранять и развивать достижения советской формы власти, соединяя ее преимущества с выгодами парламентаризма. Главной целью провозглашается

создание социального строя, основанного на преобладании коллективной и индивидуальной собственности, на идеалах свободы личности и демократии, способного обеспечить справедливость и благосостояние для большинства россиян.

«Аграрный союз»

Фракция была создана до открытия заседаний I Съезда народных депутатов РСФСР, зарегистрирована 17 мая 1990 г. как группа «Продовольствие и здоровье». По настоянию группы на I Съезде был решен вопрос о списании задолженности с колхозов и совхозов, созван II (внеочередной) Съезд, утвердивший программу возрождения российской деревни. На V Съезде группа перерегистрировалась во фракцию «Аграрный союз». Основными целями и задачами фракция считает законодательную защиту агропромышленного комплекса России, утверждение подлинного приоритета АПК, законодательное развитие решений II Съезда народных депутатов о возрождении российской деревни. Фракция выступает за многоукладность сельской экономики, равенство всех форм собственности, за право крестьянина самому выбирать форму собственности и хозяйствования.

Фракция «Россия»

Возникла осенью 1990 г. как альтернативная «Демократической России» и «Коммунистам России». Члены фракции выступили не с позиций России в границах РСФСР, а той России, которая складывалась на протяжении тысячи лет. Программные положения фракции:

1. Россия — суверенное государство, созданное многонациональным российским народом, обеспечивающее достойную жизнь каждому советскому гражданину, свободное развитие всех наций, их культур, традиций и обычаев.
2. Добровольный союз суверенных государств как единое экономическое, социальное и политическое сообщество.
3. Духовное и нравственное возрождение народа.
4. Рыночная экономика. Развитие всех типов и форм собственности, прежде всего народных предприятий.
5. Социальная защищенность и социальная справедливость.
6. Правовое государство. Самоуправление народа, верховенство закона, разделение властей, многопартийность.

«Смена — Новая политика»

Организационно оформилась еще до I Съезда народных депутатов как группа политиков нового поколения. Вначале поддерживала движение «Демократическая Россия», позже выделилась организационно, затем идейно. На VI и VII Съездах выступила с резкой критикой Правительства, требовала коррекции программы реформ и осуществления антикризисных мер. Своими целями декларирует:

1. Стабильное демократическое государство, основанное на разделении законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, разграничении полномочий между различными уровнями государственного управления и местного самоуправления.
2. Развитое гражданское общество.
3. Цивилизованный рынок.
4. Национально ориентированное и социально ответственное предпринимательство.
5. Приоритет прав личности над правами наций и государства.
6. Интегрирование республики в мировое сообщество.

«Свободная Россия»

Фракция возникла в апреле 1991 г. по инициативе А. Руцкого, первоначальное название — «Коммунисты за демократию». В своей деятельности руководствуется программными документами Народной партии «Свободная Россия». Фракция заявляет о поддержке радикальных реформ при

обеспечении социальной защиты населения, о политическом союзе с Президентом, оставляя одновременно за собой право конструктивной критики, коррекции решений и методов деятельности Президента и Правительства.

«Демократическая Россия»

Фракция зарегистрирована 23 мая 1990 г. и представляет собой одноименное движение. Своими программными установками определяет:

1. Становление и развитие гражданского общества, приоритет прав личности перед интересами групп (классов).

2. Всемирное развитие и приоритет частной собственности в условиях свободной конкуренции. Последовательная поддержка мер по приватизации, освобождению государства от функций монопольного производителя, распределителя и собственника.

3. Решительное противодействие попыткам реставрации тоталитарного военного коммунистического режима, росту влияния неонацистских, националистических и прокоммунистических сил.

4. Установление верховенства норм международного права над нормами внутреннего законодательства, за исключением Конституции и конституционных законов.

5. Поддержка тех шагов Президента и Правительства, которые направлены на реальные широкомасштабные экономические, социальные и политические реформы.

Представленные программные документы дают возможность утверждать, что спектр провозглашаемых фракциями Российского парламента экономических и политических позиций охватывает ориентации, характерные для более или менее левой социал-демократии, правой социал-демократии, социал-либерализма, леволлиберальные и ярко выраженные праволиберальные взгляды. Уже платформа ЦК КПСС к XXVII Съезду Коммунистической партии Советского Союза, а еще более проект новой Программы КПСС были выдержаны в социал-демократическом духе. Социал-демократическая же партия Российской Федерации тяготеет скорее к социал-либерализму. И далее все политические течения как бы сдвинуты на одну ступень вправо.

В этих условиях традиционное деление на левых и правых не исчезает, но на первый план выдвигаются другие критерии, по которым различаются основные парламентские блоки.

Анализ расстановки политических сил в Парламенте позволяет выделить три основные ориентации.

Во-первых, оппозиционный блок «Российское единство», объединяющий фракции «Отчизна», «Аграрный союз», «Россия», «Коммунисты России». Блок нельзя однозначно относить к «левым», в него входит широкий спектр политических объединений, от коммунистов до кадетов и христианских демократов.

Во-вторых, центристы, входящие в два блока: «Созидательные силы», объединяющий фракции «Смена — Новая политика», «Промышленный союз», «Рабочий союз — Реформы без шока» и «Демократический центр», в который вошли члены фракций «Левый центр — Сотрудничество», «Свободная Россия», «Суверенитет и равенство». Стратегические цели и практические действия этих двух блоков в настоящее время совпадают, хотя между ними и есть разногласия относительно глубины и формы предлагаемых изменений в осуществляемом Президентом и Правительством курсе реформ.

В-третьих, парламентская коалиция реформ, основу которой составляют «Радикальные демократы» и «Демократическая Россия». Хотя эта коалиция, образованная в апреле 1992 г. на основе индивидуального членства, на VII Съезде не прошла перерегистрацию и формально перестала существовать, фактически она продолжает свою деятельность.

Вне стен Парламента эти политические направления поддерживаются, соответственно, объединенной оппозицией, «Гражданским союзом», блоком «Демократический выбор». С известной долей условности эти направления можно различать по следующим основным позициям.

Первое и главное — отношение к государственным интересам России. Блок «Российское единство» объединяет по преимуществу радикальных государственников, патриотов, а также национал-патриотов. Блоки центристских сил — умеренных государственников. Депутаты, входящие ныне в коалицию реформ, при наличии союзного Центра занимали ярко выраженную антигосударственную («антиимперскую») позицию. В настоящее время большая часть из них продолжает отождествлять государственническую позицию с «имперской» и при этом по-прежнему

уповает на лозунг «Запад нам поможет». Меньшая часть пытается переосмыслить этот вопрос, что привело к созданию в Парламенте фракции «Согласие ради прогресса».

Катастрофические последствия разрушения Союза, ослабление хозяйственных связей между республиками в составе Российской Федерации, малый объем и неэффективность использования иностранной помощи, слепое следование Правительства рекомендациям МВФ привели к тому, что в обществе все яснее стала осознаваться необходимость опоры на собственные силы, интеграции республик СНГ. Это не могло не сказаться на депутатском корпусе, и позиции государственников, несомненно, укрепились.

Доказательством тому может служить, например, создание фракции «Родина», объединившей умеренно-правых государственников, которые прежде в большинстве своем входили в «Демократическую Россию». Еще более симптоматичны ностальгия по Союзу и стремление снять с себя ответственность за его разрушение, отчетливо прозвучавшие на VIII и IX Съездах в речах не только Р. Хасбулатова, но даже и Б. Ельцина.

Второй критерий — отношение к методам и темпам преобразований. Именно к методам и темпам, потому что основное направление реформ — к рынку — оспаривается относительно редко.

В условиях России либерализация цен, а именно с этого начали Президент и Правительство, неизбежно вылилась в легализацию спекуляции как нового распределительного механизма, что, в свою очередь, привело к разорению основной части населения. Широко рекламируемая «приватизация через ваучеризацию», будучи по видимости разделом собственности, в действительности представляет собой ее передел и вследствие заниженной цены ваучеров позволяет обладателям торгово-бюрократического капитала купить предприятия даже дешевле, чем это можно было бы сделать напрямую, с аукционов.

Естественно, что в этих условиях коалиция реформ, выступающая за «шоковую терапию», жесткую монетаристскую политику, ускоренную приватизацию с упором на классическую частную собственность, минимальную («адресную») социальную защиту, стала утрачивать влияние в депутатском корпусе, «Российское единство» по этому поводу не имеет однозначной позиции, но в большинстве случаев ратует за восстановление государственного заказа и государственного регулирования экономики в переходный период, за приватизацию с широкими правами трудовых коллективов и более постепенную, более высокий уровень социальной защиты для малообеспеченных, хотя бы и ценой инфляции. Блок центристских сил занимает промежуточную позицию, как правило, акцентируя интересы производителей.

Таким образом, суть разногласий в Парламенте состоит не в том, двигаться или нет дальше по пути реформ (как пытаются представить дело Президент и его команда), а в выборе между неолиберальной и социально ориентированной (социал-демократической) моделями рыночной экономики. Число сторонников последней действительно увеличилось, о чем свидетельствуют цифры опроса народных депутатов в период VII Съезда.

На вопросы анкеты ответило 317 депутатов, представляющих все парламентские фракции, что позволяет говорить о достаточной степени представительности полученных данных.

Третий критерий, по которому могут быть выявлены различия между основными парламентскими блоками, состоит в их отношении к демократии вообще, к конституционности и законности — в частности. И особенность нынешней ситуации состоит в том, что те, кого в России обычно называют демократами, действительно имели некоторые основания на это почетное наименование пока находились в оппозиции, когда страна переживала полосу демократического романтизма.

Символом романтических иллюзий этого периода, пожалуй, может служить требование народного депутата СССР Б. Ельцина образца 1989 г. ежегодно проводить референдумы о доверии политическому лидеру страны (тогда им был М. Горбачев).

В настоящее время, однако, ситуация поменялась коренным образом: именно из рядов «Демократического выбора» то и дело раздаются требования об установлении «просвещенного» авторитаризма, а депутаты, принадлежащие к коалиции реформ, регулярно голосуют за дополнительные полномочия Президенту, а при случае — за роспуск или приостановку деятельности Советов. Аргументация такой позиции имеет, конечно, чисто идеологический характер — Советы клеймятся, как «гнезда партократии». Символом нового этапа политической истории России, связанного с поворотом к авторитаризму, может служить заявление все того же Б. Ельцина, но теперь уже Президента Российской Федерации, о том, что снять его с должности может только Господь Бог,— заявление, свидетельствующее, что от прежнего имиджа демократического романтика не осталось более ничего.

Впрочем, дело в данном случае отнюдь не сводится к смене оппозиционной политической роли

на властную. Корень проблемы глубже. Как известно, именно правым либералам досталась в России роль революционеров, разрушающих прежнюю систему, так сказать, «до основания, а затем...». И как бы ни ругала нынешняя печать марксистов, жизнь в данном случае показывает их правоту: наиболее вероятным типом политического режима при смене общественных отношений является, конечно, авторитарный.

Надо иметь в виду — и в этом особенность российского политического спектра по сравнению с западным,— что сторонники жесткой власти, «железной руки» и т. п. как в стране, так и в Парламенте имеются у нас не только на краях политической палитры, но также и среди течений, более или менее близких к центру. Однако, во-первых, среди центристов их значительно меньше; во-вторых, оказавшись в оппозиции, бывшие приверженцы псевдокоммунистического авторитаризма активно используют те же антиавторитарные лозунги, которые некогда привели к власти «Демократическую Россию»; в-третьих, благодаря «своему» Президенту, формирующему «силовые» структуры исполнительной власти, именно бывшие демократы, как никто другой, располагают возможностями реализации своих новых авторитаристских тенденций и поэтому превратились в главную угрозу для демократии в России. Впрочем, подобными метаморфозами мировую политическую практику не удивишь. Достаточно напомнить, что прогрессивный либерал Клинтон, став Президентом, активно вмешивается в политическую ситуацию в России на стороне своего коллеги, тогда как ярко выраженный консерватор Киссинджер предупреждает Правительство США об опасности такого вмешательства.

Излишне говорить о том, что эта новая ситуация не только не фиксируется российскими средствами массовой информации, но в их кривом зеркале выворачивается наизнанку. Так, стоило Председателю Верховного Совета Р. Хасбулатову предложить альтернативную правительственную программу экономической реформы, предполагающую большую роль государства, как он тотчас был обвинен в том, что пытается вернуть Россию к временам тоталитаризма, и, естественно, в измене демократии. Вообще в России сначала «отлучили» от демократии коммунистов (среди которых есть, безусловно, разные группы), затем социалистов, социал-демократов, а в последнее время «отлучают» и умеренных либералов. Если бы движение «маятника» вправо продолжалось, от демократии, не исключено, были бы «отлучены» Б. Ельцин и Е. Гайдар, а «истинными демократами» предстали бы только сторонники восстановления династии Романовых.

Четвертая позиция, разъединяющая политические блоки, характеризует их отношение к социальным группам, составляющим новую экономическую и политическую элиту. Если блок созидательных сил вообще, а «Промышленный союз» в особенности, ориентируются на так называемый «директорский капитализм», на то, чтобы преимущественное положение среди новых собственников заняли бывшие руководители, прежде всего хозяйственные, то коалиция реформ, провозглашающая себя приверженцем либерального капитализма, на самом деле обеспечивает большую свободу нуворишам — новым предпринимательским структурам в значительной степени криминального характера. Впрочем, финал в обоих случаях будет одинаков — криминально-бюрократический капитализм. В одном варианте более бюрократический и менее криминальный, в другом — наоборот. Думаю, в этом аспекте борьба блоков будет ослабевать, а единство — нарастать. И закончится дело сращиванием теневого и бюрократического капиталов, как это происходило во многих странах третьего мира. Правда, правая часть «Российского единства» и блок созидательных сил отдают предпочтение национальному предпринимательству, а коалиция реформ сознательно или неосознанно работает в интересах компрадорского капитала. Поэтому с точки зрения экономического будущего страны победа линии «Промышленного союза» представляется меньшим злом.

Подведем некоторые итоги. Совершенно очевидно, что кочующие по страницам печати, волнам эфира и телеэкрана обвинения Съезда народных депутатов России в антиреформизме и коммунистическом тоталитаризме представляют собой политические агитки не слишком высокой пробы. Во-первых, среди народных депутатов в настоящее время почти не осталось ортодоксальных коммунистов. Преобладают же в Парламенте правые социал-демократы, либералы и псевдолибералы разных мастей. Во-вторых, до недавнего времени Съезд и Верховный Совет не только не мешали попыткам проведения экономических реформ по рецептам неоконсервативной чикагской школы, но, напротив, дали под эти реформы чрезвычайные полномочия Президенту. В-третьих, из истории хорошо известно, что угроза установления тоталитарного или авторитарного режима исходила, за крайне редким исключением, не от представительной, а от исполнительной власти. Представительная власть чаще всего и выступала как основа демократии. Несмотря на все реальные и мнимые недостатки нынешнего Съезда народных депутатов России, это утверждение относится и к нему. Действительные же пороки Парламента, позволившие политическим лидерам в

большинстве случаев успешно им манипулировать и сделавшие его соавтором политической трагедии страны, во многом связаны с его квазифракционной структурой, о которой подробно говорилось выше.

Совершенно очевидно, что в ближайшем будущем создание в российском Парламенте фракций по типу развитых стран Запада практически невозможно. Идея о том, чтобы разбиться, наконец, на коммунистов, социалистов, социал-демократов, либералов и неоконсерваторов, не раз высказывалась в парламентских кулуарах, в том числе и автором, однако не находила поддержки. Приверженность лидерам и личным связям оказывалась сильнее. Видимо, псевдофракционная структура российского Парламента будет сохраняться до самого конца, облегчая манипулирование им и ослабляя левый фланг политического спектра.

Но и после новых выборов, которые представляются необходимыми, вряд ли можно ожидать возникновения Парламента с небольшим числом партийных фракций. Наиболее вероятный вариант — Парламент польского типа с множеством микрофракций, не способный принять сколько-нибудь кардинальных решений. Множество мелких враждующих парламентских группировок позволяет исполнительной власти бесконтрольно проводить собственную линию и при этом, во-первых, сохранять легитимность, а во-вторых, списывать провалы экономической и социальной политики на мешающий ей Парламент, превращая его в «козла отпущения» и объект ненависти широких слоев народа. В случае необходимости это даст возможность ввести «по просьбам трудящихся» авторитарный режим.

Подготовлено совместно с доцентом А. Е. Комаровым. Опубликовано на английском языке в сборнике «Левое и рабочее движение в бывшем СССР». Материалы информационного агентства «Экономика и демократия». — М., 1993. — С. 11—29.

ПРИВЕТ, ДЕМОКРАТИЯ!

Теперь пришло время рассказать о том, как и почему на V Съезде депутатов России победила линия чрезвычайщины и демократия в республике была основательно урезана.

Вообще говоря, ничего неожиданного в этом нет. Специалистам хорошо известно, что революции, меняющие тип общественной системы, в абсолютном большинстве случаев, если не всегда, сопровождаются авторитарными режимами: от сравнительно мягких до чисто диктаторских. К тому же многие отечественные политики, боровшиеся за власть под лозунгом демократии, получив ее, стали требовать «административного насилия», «железной руки», «демократической диктатуры» (все выражения принадлежат Гавриилу Попову). Теперь эти требования стали реальностью. Тем самым была подтверждена справедливость утверждения, что Россия живет вопреки Гегелю: здесь все неразумное — действительно, а все действительно — неразумно. Каждое новое правительство жалуется на недостаток власти, но как только получает ее в избытке, выясняется, что не хватало ему совсем другого. Думаю, читатель догадывается, чего именно.

Съезду были предложены от имени Президента два проекта постановлений, в которых за обычными с виду юридическими формулами скрывался по существу переворот во всей системе власти и в методах политического управления. Один из проектов предусматривал запрет на проведение выборов до 1 декабря 1992 г., за небольшим исключением, и вместо этого назначение Президентом всех руководителей исполнительной власти, вплоть до районного уровня. Учитывая уже упоминавшийся «синдром девичьей памяти», которым поражено наше общество, хочу напомнить: когда полтора года назад Борис Гидаспов, имеющий репутацию архиконсерватора, предложил Президенту Горбачеву назначить в края и области своих представителей, у тогда еще демократов это вызвало бурю возмущения, а Гидаспова объявили сторонником диктатуры. Теперь представители Президента — уже реальность. Идет назначение глав местной администрации, но об угрозе диктатуры почти никто не вспоминает. Видимо, опять «Юпитеру» позволено то, что не позволено «Быку».

Второй проект давал право Президенту издавать Указы, противоречащие российскому законодательству, и если Верховный Совет в 7-дневный срок не успеет приостановить или отменить эти Указы, они автоматически становятся Законами. В перерывах между сессиями Верховного Совета его функции в этом отношении возлагались на Президиум. Кроме того, любые законопроекты по вопросам экономики и управления российский Парламент имел право рассматривать только по представлению Президента или по согласованию с ним. Иначе говоря, вся система власти переворачивается с ног на голову: Президент становится главным законодателем, а

Верховный Совет превращается в своеобразный Конституционный суд, которому остается лишь решать, мириться или не мириться с незаконными Указами Президента. Что в этой ситуации остается на долю Конституционного Суда — ведомо одному Богу.

В нормальном парламенте такие законопроекты вызвали бы бурю. У нас же как бывшие коммунисты, так и бывшие демократы в большинстве своем спокойно «проглотили» попытку превратить Парламент в «фиговый листок» исполнительной власти. Говорю — большинство, но, по счастью, не все. Против проектов решительно выступила группа «Смена», объединяющая депутатов до 40 лет. Московская радикальная печать тут же объявила «Смену» наследниками «Коммунистов России», чем оказала последним незаслуженную честь: оказывается, чтобы защищать демократию, нужно быть коммунистом! На самом деле все, конечно, не так. Во-первых, группа «Смена» объединяет вовсе не коммунистов и даже не социалистов, а, выражаясь традиционным марксистским языком, буржуазных демократов, но демократов! Во-вторых, бывшая группа «Коммунисты России» состояла в большинстве из руководителей различных регионов и, даже оказавшись в оппозиции, далеко не всегда отстаивала демократию. Теперь же окончательно сформировался антидемократический блок из бывших коммунистов и бывших демократов. Это и определило исход Съезда.

Но вернемся к группе «Смена». Молодые романтики демократии и, может быть, последние ее защитники действовали квалифицированно и решительно. Они провели через редакционную комиссию проекты альтернативных постановлений, которые удерживали развитие страны в рамках нормальной демократической практики, не давая скатываться к чрезвычайщине. Выступление группы «Смена», которое произнес ее координатор Андрей Головин, отличалось яркостью и убедительностью. Представляю читателю судить об этом самостоятельно, приводя отрывки из этого выступления.

«Сегодня противостояние идет не по старым линиям «правые — левые», «радикалы — консерваторы», а по принципу «разрушитель — созидатель».

«По существу же можно сказать только следующее: отказаться от права законодательной инициативы на любой срок ни один демократически избранный в истории человечества парламент не имеет права, не покончив в тот же самый день политическим и моральным самоубийством. Лучше уж разойтись или быть разогнанным».

«Почему исполнительная власть считает, что в лице Верховного Совета она имеет врага или, по крайней мере, тормоз? Почему вместо нормального взаимодействия она предпочитает провоцировать депутатский корпус, пытаясь принимать решение за спиной представительной власти? Складывается впечатление, что кому-то опять необходимо создать в массовом сознании образ врага взамен скончавшегося Цент-ра и покойной КПСС, чтобы было на кого взвалить ответственность за собственное бездействие и непрофессионализм».

«Предложена ли нам сколько-нибудь конкретная программа, реализация которой требует чрезвычайных полномочий? Нет, нам предлагают санкционировать очередной эксперимент над Россией, авторы которого сами не очень хорошо представляют себе, что же они затеяли. Единственный смысл всего происходящего — в очередной раз возбудить общественное мнение и на его волне восстановить свою падающую популярность».

«Если действительно Президент хочет либерализовать цены, для этого дополнительные полномочия не нужны: существует статья 23 Закона «О предприятиях и предпринимательской деятельности», где сказано, что любое предприятие свободно устанавливает цены на свою продукцию, кроме тех, которые установлены перечнем Совета Министров. Так зачем же называть ликвидацию этого перечня ученым словом «либерализация?»

«Рынка в нашей стране нет не потому, что у Правительства не хватает полномочий, а потому, что их слишком много. Вся экономика сейчас под контролем Правительства. Чтобы создать рынок, следовало бы скорее отказаться от части своих полномочий по управлению экономикой: перестать диктовать предприятиям, банкам, местным организациям власти».

«Либерализация цен таит в себе угрозу резкого спада производства и разрушения производственного и научно-технического потенциала страны, разорение нерентабельных предприятий может привести в разряд «лишних людей» миллионы квалифицированных рабочих, инженеров специалистов. Необходимо ясно представлять себе угрозу утраты накопленного «человеческого капитала», восстановление которого потребует десятилетий».

«Мы призываем и всех депутатов обеспечить Правительству нормальные условия для решения стоящих перед ним задач. Правительство должно заниматься не политическими интригами, а экономическими реформами. Обеспечить ему поддержку — вот первейшая задача Президента и

Верховного Совета».

«Мы предлагаем создать систему цивилизованных отношений между исполнительной и законодательной властью. Если Президент хочет стать «новым Рузвельтом», надо помнить, что тот 100 первых дней не вылезал из конгресса, работал с ним над принятием неотложного пакета антикризисных мер. Надо перенять этот американский опыт выхода из их «великой депрессии», и сделать это поздно, чем никогда».

Обсуждение проектов шло по законам одновременно двух жанров: драмы и комедии. Достаточно сказать, что за один из президентских проектов проголосовали 618 депутатов, а за проект редакционной комиссии, отражающий совершенно иную, если не противоположную линию,— 576! Таким образом, как минимум полторы сотни депутатов голосовали за оба проекта сразу, демонстрируя тем самым либо полную некомпетентность, либо абсолютную бесхребетность. Честь Парламента и российской демократии пытались спасти одни лишь депутаты группы «Смена», раз за разом выходявшие к микрофону и предлагавшие поправки, направленные против чрезвычайщины. Однако Сергей Шахрай, который, перейдя в резидентскую структуру, окончательно забыл о своем демократическом прошлом, используя свой авторитет и квалификацию для того, чтобы эти поправки «похоронить». Когда неожиданно для всех Съезд принял поправку Председателя Совета республики депутата Рябова, резко ограничивающую диктаторские замашки исполнительной власти, именно Сергей Шахрай пригрозил Съезду снять президентский проект вообще. Испуганный своей победой депутат Рябов стал срочно перекраивать собственный текст. Надо сказать, основания для испуга были: на Съезде циркулировали упорные слухи о том, что команда Президента настроена на разгон Парламента, а все тот же Сергей Шахрай уже не раз призывал Верховный Совет не делать дальнейших самоубийственных шагов.

В итоге деятельности Согласительной комиссии Парламенту позволили сохранить хорошую мину при плохой игре — вернули право принимать законы не только по указке Президента, но и по собственной инициативе. Несколько ограничен и «беспредел» исполнительной власти в кадровых вопросах: теперь для назначения глав администраций требуется хотя бы формальное согласие органов местной власти и народных депутатов России от соответствующих округов. Иначе говоря, в результате «торжества демократии» мы вернулись к принципу: царь приказал, и бояре приговорили. Я голосовал за все поправки группы «Смена», хотя и понимал, что поделаться уже ничего невозможно: исход борьбы predetermined блоком старой и новой номенклатуры.

В итоге мы получили то, что лидер социал-демократов Олег Румянцев справедливо назвал своеобразным чрезвычайным положением. Более того, Закон о чрезвычайном положении не дает Президенту ни права подменять Президента России, ни права назначать всех начальников сверху донизу. Постановлением же Съезда такие права предоставлены. Все это тем более опасно, что президентская команда, как показала история с Чечней, склонна к силовым методам — сказывается наследие партийного и военного прошлого. Правда, нам говорят, что все это временно, что демократию мы «усыпляем» ненадолго, всего лишь на год. Потом реанимируем — и будет краше прежней! Но, во-первых, нет ничего более постоянного, чем временные чрезвычайные меры, а во-вторых, не зря Сергей Шахрай выступал против поправок «Смены» о прекращении деятельности постановлений 1.12.92 г. Значит, ЧП намерены продлевать.

Вспоминаю, как, вернувшись с союзного Съезда, где Президенту Горбачеву были предоставлены значительно меньшие полномочия, депутат А. В. Минжуренко, тогда еще мой коллега, говорил о том, что структуры для диктатуры уже созданы, дело только за диктатором. Сейчас уже нечего прибавить к этим словам. Так что в прошлом высокопоставленные руководители, а ныне подследственные по делу ГКЧП могут спать спокойно в своих камерах: в части зажима демократии их дело живет и побеждает. Оно в надежных руках.

Опубликовано: Омское время. Приложение к газете «Коммерческие вести».—1992.— № 0.

НЕ ТОСКУЙТЕ ПО ПИНОЧЕТУ!

Снова и снова на встречах с избирателями, в очереди, в автобусе и в застольной беседе слышу я одно и то же: «Когда же наконец кончится этот бедлам? Хватит липовой демократии, наелись! Остановить этот беспредел может только диктатура!» И так далее в том же духе. Налицо явный поворот массового сознания от демократических иллюзий периода очарования революцией к авторитарным иллюзиям этапа чуть ли не всеобщего разочарования в ней.

А разочароваться есть от чего. Почти все благородные, демократические и слегка

прекраснодушные лозунги, с которых начиналась наша революция, сменились на совсем иные, порой прямо противоположные: вместо повышения жизненного уровня — «шоковая терапия»; вместо социальной справедливости — демонстративная роскошь нуворишей и верхушки бюрократии на фоне бедности или нищеты большинства; вместо свободного труда — свободное предпринимательство, причем сплошь и рядом свободное от труда; вместо права работника быть хозяином своего предприятия — право денежного магната купить это предприятие вместе с работниками; вместо шумной заботы о пенсионерах, инвалидах и многодетных — объявление социальной защиты чуть ли не главным тормозом реформ; вместо возрождения культуры — ее невиданное «обмассовление»; вместо демократии — проповедь «просвещенного» авторитаризма.

К счастью власть имущих, народ в эпоху кризиса страдает «синдромом девичьей памяти». Ныне мало кто вспоминает, что популярность в народе лидерам межрегионалов и «Демократической России» принесла именно борьба за демократию, заслуживающая всяческого уважения. Увы, ныне бывшие демократы с той же страстью требуют новых и новых дополнительных полномочий Президенту (ДДР, «Демократическая Россия», Республиканская партия), «авторитарной» президентской республике (Сергей Шахрай), «административного насилия», «железной руки» (Гавриил Попов) и т. п.

В свое время межрегиональная депутатская группа требовала избрания руководителей государственных средств массовой информации на Съезде народных депутатов с тем, чтобы сделать их независимыми от любой номенклатуры, однако обязанными проводить в жизнь линию высшего органа государственной власти. Когда такое же предложение я внес на III Съезде народных депутатов России, против него дружно проголосовали Борис Ельцин, Сергей Шахрай, Руслан Хасбулатов и ... Иван Полозков!

Когда Михаил Горбачев получил от союзного Съезда право проводить в жизнь экономическую реформу посредством президентских Указов, пресса, претендуя быть демократической, трубила о наступлении реакции. Когда же гораздо большие полномочия были даны Борису Ельцину, реакционерами были объявлены все те, кто этому противился.

Если говорить прямо, то решения V Съезда народных депутатов России, предоставившего Президенту чрезвычайные полномочия, по существу означали введение в стране своеобразного чрезвычайного положения, некоего ЧП без ГКЧП. Тогда было заявлено, что это только на год, исключительно во имя стабилизации положения и сохранения демократии. С тех пор положение непрерывно дестабилизируется, а демократия свертывается. Однако теперь нам вновь говорят, что нужны дополнительные полномочия, а отмена ныне действующих представляет угрозу демократии.

Еще весной 1992 г., накануне VI Съезда российских депутатов, Сергей Шахрай сформулировал в «Аргументах и фактах» дилемму, с его точки зрения стоящую перед Россией: либо «авторитарная» президентская республика, либо фашизм. Дилемма эта примечательна в двух отношениях.

Во-первых, как видим, о демократии речь уже не идет. Она стала для нас «непозволительной роскошью». Но тогда спрашивается: за что боролись? Не лучше ли было в таком случае последовать рецептам А. Миграняна и законным путем сформировать авторитарный режим на уровне Советского Союза? По крайней мере, крови пролилось бы гораздо меньше.

Во-вторых, трудно поверить, чтобы такой квалифицированный человек, как С. Шахрай, не понимал: авторитарная президентская власть в наших условиях — это не спасение от диктатуры, а скорее всего путь к ней. Причем путь кратчайший при любом из двух возможных сценариев развития событий.

Сценарий первый — выборы. Можно допустить, хотя мне не кажется это особенно вероятным, что отчаявшийся в результате экономических экспериментов и разрушения государственности народ России проголосует на выборах за кандидата в Президенты, склонного к милому сердцу Гавриила Попова «административному насилию» (например, за В. Жириновского). В этом случае модель авторитарной президентской власти, вложенная в конституционный проект того же С. Шахрая, это как раз то, о чем только и может мечтать подобный лидер и что обеспечит ему установление крайне жесткого политического режима легитимным или полулегитимным путем.

Сценарий второй — переворот, опирающийся на военную или иную силу. Проправительственным средствам массовой информации угроза такого переворота видится то в так называемой «красно-коричневой» (на самом деле красно-белой) оппозиции, то в Руслане Хасбулатове. Слов нет, в рядах противников нынешнего Правительства наверняка есть люди, готовые в случае чего свергнуть его с помощью насильственных действий. Однако мало хотеть, надо мочь. Пожалуй, офицерское собрание как ни что другое показало полную неспособность нынешней армии к подобным действиям. Что же касается Р. Хасбулатова, то позволю себе напомнить, что он не является главнокомандующим, не

назначает министров внутренних дел, безопасности и т. п. Президент России был абсолютно прав, когда на пресс-конференции, посвященной годовщине путча, жестко заявил, что в России нет сил, способных осуществить государственный переворот. Абсолютно прав, за одним исключением. И это исключение... «команда» самого Президента.

К установлению открыто авторитарного режима Президента России подталкивают: очевидный крах политики «шоковой терапии»; угроза частичного разрушения российской государственности; рост социальной и национальной напряженности; неравномерное движение вправо различных ветвей власти (Парламент в этом смысле отстает от Правительства); наконец, авторитарные традиции, закрепленные в политической культуре общества и личной культуре его лидеров. В подтверждение последнего приведу лишь несколько примеров.

На Западе уход Правительства в отставку — обычное явление. В России же в преддверии Съезда средства массовой информации с ужасом вещают о намерении депутатов «свергнуть Правительство». Иначе говоря, голосование за отставку Правительства приравнивается к вооруженному восстанию, а депутаты — к матросам «Авроры». Невозможно представить себе, чтобы президент Соединенных Штатов, Франции или какой-нибудь другой цивилизованной страны грозил депутатам высшего органа государственной власти, заявляя, что он им чего-либо никогда не забудет или что «их надо разогнать». Точно так же невозможно представить себе, чтобы приближенный Президента, занимающий государственный пост, которого нет в Конституции, угрожал «стереть в порошок», предположим, Конгресс или Национальное собрание. В России же все это не только в порядке вещей, но и к тому же люди, делающие подобные заявления, посрамляя Тартюфа, больше всего беспокоятся за судьбы демократии.

Наконец, невозможно представить себе, чтобы в мало-мальски правовом государстве министр обороны вмешивался в политические отношения между Президентом и Парламентом, заявляя, что армия на стороне Президента, и прозрачно намекая на желание «укоротить» век законодательной власти и превратить очередную оттепель в «культпросвет» (т. е. просвет между двумя культурами).

Таким образом, и при политическом сценарии государственного переворота наиболее вероятно установление авторитарного режима именно «командой» Президента. И тем вероятнее, чем большими полномочиями его наделяет Конституция. Именно Президенту подчинены силовые структуры власти; моральные преграды для нелегитимных действий, судя по всему, давно пройдены; что же касается правовых запретов на разгон законодательной власти, то все тот же Сергей Шахрай предложил обойти их путем вынесения незаконного решения о роспуске Съезда и Верховного Совета на референдум. Есть, конечно, еще проблема: реакция официальных кругов и общественного мнения стран Запада. Однако общественное мнение уже пытаются формировать четыре самых «демократических» министра, а официальные круги, как показывает их отношение к государственному перевороту в Грузии, сквозь пальцы смотрят на «нарушение демократии во имя демократии». В конце концов всем известна характеристика Рузвельтом Сомосы-отца: конечно, сукин сын, но наш сукин сын.

Интересно отметить, что противоречия Парламента и Президента отнюдь не так велики, как их изображают. Это некий аналог различий в программах «Демократической России» и «Гражданского союза», стратегические цели которых почти целиком совпадают (рыночная капиталистическая экономика), различаются же средства и сроки их реализации, а также те социальные группы, которым отводится роль лидера реформ. В случае «Демократической России» это новые предпринимательские структуры («нувориши»), обладатели по преимуществу торгового компрадорского капитала; в случае же «Гражданского союза» это директорский корпус («технобюрократия»), обладатели капитала по преимуществу промышленного, национального.

Совпадение стратегических целей «команды» Президента и лидеров Парламента, равно как и покладистость Съезда народных депутатов, раз за разом дававшего Борису Ельцину все новые и новые полномочия, лишней раз доказывает, что российская законодательная власть в действительности не является помехой в проведении реформ по бурбулисовско-гайдаровскому сценарию и, следовательно, так называемое спасение реформ отнюдь не требует разгона Парламента. В большинстве своем не такие уж мы, депутаты, и хорошие, чтобы заслужить эту честь — пострадать за демократию. На самом деле стремление к такому разгону — это результат, с одной стороны, поисков очередного «козла отпущения», а с другой — обкомовского менталитета многих нынешних лидеров, привыкших стучать кулаком по столу и затыкать рты несогласным.

В таких условиях возможности выбора Парламента сводятся к старой альтернативе: «умереть стоя», снискав некоторую не вполне заслуженную репутацию защитника интересов народа, или «жить на коленях», все более превращаясь в простой придаток исполнительной власти, в механизм

узаконивания ее незаконных решений наподобие доперестроечного Верховного Совета. Вероятно, оптимальным вариантом были бы перевыборы и Президента, и Парламента, причем сначала Президента, ибо, оставив без присмотра отечественную исполнительную власть, страна получает хороший шанс очень долго ожидать следующих парламентских выборов либо получить скорые парламентские выборы в условиях чрезвычайного положения. Что выберет Парламент — предсказать не берусь, но скорее всего интересы самосохранения возобладают, следствием чего будет окончательное падение рейтинга законодательной власти, а вместе с нею и демократии вообще.

Пора, однако, вернуться к началу. Поворот массового сознания от демократических иллюзий к авторитарным несказанно облегчает исполнительной власти процедуру освобождения от власти законодательной. В условиях, когда «говорильня» и почти неизбежные в Парламенте политические склоки на фоне всеобщего развала надоели большинству населения хуже горькой редьки, авторитарный режим можно ввести, так сказать, по просьбам трудящихся, манипулируя общественным мнением на референдуме. Можно, например, поставить вопрос так: кому вы больше доверяете — Президенту или Парламенту? И хотя опросы общественного мнения показывают, что большинство людей не верят уже никому, не думаю, чтобы на референдуме это большинство догадалось выразить недоверие обеим ветвям власти, требуя тем самым перевыборов и Президента, и депутатов. Скорее всего торжество плебисцитарной демократии, как это уже не раз случалось в истории, будет означать конец демократии представительной, по крайней мере, на определенное время.

Введение в России режима личной власти облегчается еще и тем, что широкие слои населения почти не различают диктатуру левого и правого толка. Между тем, несмотря на сходство методов, различия между ними кардинальны. Если левый диктатор опирается на государственную собственность, подавляет предпринимательство вообще, «теневую» экономику и спекуляцию — в частности, вводит более или менее уравнильное распределение, то правый — наоборот: опирается на частных собственников, поощряет любое предпринимательство (в том числе «теневую» экономику и спекуляцию), а неограниченное социальное неравенство объявляет нормой, естественным и главным условием прогресса. Примером наиболее жесткой левой диктатуры может служить режим Сталина, сравнительно мягкой — режим Андропова. Классический для XX в. пример правой диктатуры — режим Гитлера, более мягкий, хотя тоже кровавый ее вариант — режим Франко или Пиночета.

Когда «маятник» так называемой второй русской революции начинал двигаться вправо, ее лидеры прежде всего, естественно, развенчали сталинскую и вообще «коммунистическую» диктатуру. Однако когда этот «маятник» прошел центр и продолжал свое стремительное движение, те же лидеры стали прямо или косвенно восхвалять южнокорейских, чилийских и тому подобных диктаторов правого толка. На II Съезде народных депутатов России, впервые услышав мимоходом брошенное Борисом Ельциным (тогда еще Председателем Верховного Совета) благожелательное замечание о Пиночете, я не придавал этому большого значения. На фоне восхваления тогдашним премьером российского Правительства и членом КПСС Иваном Силаевым политики Столыпина и провозглашения им (Силаевым) «святости» частной собственности удивить нас было невозможно уже ничем. Однако когда прокливаемый чилийскими демократами Аугусто Пиночет, неожиданно для себя, стал чуть ли не героем для демократов российских, стало ясно, что мы имеем дело не с казусом, а с явлением.

Итак, налицо две встречные тенденции: стремление «верхов» узаконить в более или менее приличных нормах диктатуру торгово-бюрократического капитала и тоска «низов» по «твердой руке», которая бы их от этого капитала защитила. Однако если первые знают, чего хотят, то вторые частью дезориентированы: они постоянно слышат, да к тому же и видят, что сталинская модель привела страну в конце концов к кризису, а вот Пиночет Чили из кризиса вывел. Правда им «забывают» напомнить, что, во-первых, при этом погибли тысячи людей; что, во-вторых, в первые годы правления Пиночета страна была доведена почти до полной нищеты; что, в-третьих, в настоящее время Чили преуспевает по меркам Латинской Америки, но отнюдь не по европейским или североамериканским, и, наконец, что, в-четвертых, модель «шоковой терапии», более или менее пригодная в маленькой Чили, совершенно неуместна в России, подобно тому как лекарство для кошки совсем не обязательно помогает слону.

*Некоторые социальные и экономические показатели Чили
Информация к размышлению*

Валовой внутренний продукт (ВВП): 1970 г.— 100%; 1985 г.— 126%; 1990 г.— 170%. В расчете на душу населения ВВП в 1985 г. был ниже, чем в 1970 г.

Доля населения за чертой бедности: 1970 г.— 17%; 1987 г.— 38%; 1990 г.— 35%.

Уровень безработицы: 1973 г.— 4,8%; 1982 г.— 20%; 1989 г.— 7,2%.

Уверен: поразительно устойчивая в сравнении с катастрофическими результатами деятельности популярность Президента Ельцина (если только можно верить опросам) в большей мере связана с тем, что многие «простые» люди все еще видят в нем борца за справедливость, некое улучшенное подобие Андропова, тогда как по своей исторической роли он скорее Пиночет. Скажу больше: знаю людей, которые и самого Пиночета истолковывают наподобие Андропова, всерьез надеясь, что он (Пиночет), в отличие от Сталина, будет подлинным «отцом народа», а нуворишей прижмет к ногтю.

Нет, дорогие соотечественники, оставшиеся товарищи и новоиспеченные господа (дай Бог, если не господа нищие)! Поверьте противнику любой диктатуры и специалисту, невеселые прогнозы которого до сих пор, к несчастью, сбывались: все будет как раз наоборот. Демократия, даже в ее нынешнем оскопленном варианте, несравненно лучше крепкой и «здоровой» диктатуры торгово-бюрократического капитала. Отечественный же Пиночет может быть лишь новым изданием Сталина наизнанку. А тем праволиберальным демократам, которые помогут ему прийти к власти, придется, как в Чили, стать в оппозицию, если у них осталось хоть что-нибудь от демократических ценностей.

Не тоскуйте по Пиночету: он прольет кровь, окончательно разрушит экономику и превратит страну в задворки цивилизации. Выбираться же на ее столбовую дорогу придется потом несколько десятилетий, а сколько-нибудь приличную жизнь увидят — нет, не дети ваши, а в лучшем случае — внуки. Не тоскуйте по Пиночету: его тень и без того маячит над Россией. Если же ваши желания помогут ей обрести плоть и кровь и в конце концов вы увидите подлинное лицо того, на кого возлагалось столько надежд, то содрогнетесь от ужаса. Но будет уже слишком поздно...

* * *

Статья была уже написана, когда пришло известие о том, что новым Президентом Соединенных Штатов стал Билл Клинтон. По этому поводу в кругах российской политической элиты, ориентированных на Парламент, 4 и 5 ноября царил душевный подъем. В кулуарах Верховного Совета циркулировала, в частности, следующая информация: незадолго до выборов представители «Демократической России» встречались с людьми Буша и те будто бы обещали, что, став Президентом, он в случае разгона Парламента «закроет глаза» либо лишь для порядка пожурит своего российского коллегу; люди же Клинтона, напротив, будто бы заявляли о твердой поддержке демократии в России и давали понять, что новый Президент решительно осудит любые неправомерные действия исполнительной власти. Выслушав все это в очередной раз от высокопоставленного российского депутата, который прямо сказал, что теперь разгон Парламента невозможен, я предложил ему такой способ проверки кулуарной информации: если в ближайшее время антипарламентская кампания пойдет на убыль, значит, все это правда.

С тех пор призывы к разгону Съезда и Верховного Совета заметно ослабли, так что, вполне возможно, судьба российской демократии решилась за океаном!

Опубликовано с сокращениями: Правда.—1992.— 28 ноября.— № 177.— С. 2.

ТРИ ТРАГЕДИИ РОССИЙСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Прежде всего, читатель, позвольте поздравить вас с «полной и окончательной победой демократии» в России: Парламент расстрелян; большинство Советов распущено; Конституционный суд по существу ликвидирован; ряд общественно-политических движений и газет запрещены; радио и телевидение играют «в одни ворота»; создан новый бюрократический монстр под названием «Выбор России», объединяющий министров, глав администраций и прочее высокое и не очень высокое начальство. Давно обещанное светлое пиночетовское будущее наступило. Но чтобы извлечь уроки и оценить перспективы, необходимо еще раз вернуться к трагедии 21 сентября — 4 октября, к трагедии российской демократии...

В августе—сентябре экономическая и политическая ситуация в России заметно обострилась. На смену примитивным агиткам времен референдума о том, что экономическая стабилизация уже наступила, что страна начинает выбираться из ямы и т. п., пришли холодные статистические данные.

Международный валютный фонд оценил уровень падения производства в России в 1993 г. в 13%, российское Министерство экономики — в 16, Министерство финансов — в 17,5%. Таким образом, за три года (1991—1993) экономика России будет обрушена не менее чем наполовину. Подчеркну: я ссылаюсь не на данные оппозиции, а на оценки Правительства либо независимых экспертов, которым нет необходимости сгущать краски. По мнению таких специалистов, собранных в одной из передач радио «Свобода», средний жизненный уровень в России с начала «шоковой терапии» до настоящего времени упал приблизительно в 3 раза, и даже знаменитому российскому терпению, кажется, приходил конец. Целый ряд профсоюзных организаций назначил на октябрь массовые коллективные действия в защиту социальных прав трудящихся.

Со своей стороны Борис Ельцин объявил август временем «артиллерийской подготовки» и назначил на сентябрь «решающую схватку». Полтора месяца часть страны иронически напевала: «Артиллеристы, Ельцин дал приказ», а другая часть этот приказ выполняла. Каюсь: я не поверил угрозам совершить переворот в сентябре, еще раз — и уже в последний — оценив Бориса Ельцина не так плохо, как он того заслуживает.

Однако 21 сентября последовал Указ № 1400. Той же ночью Конституционный суд вынес решение о нарушении этим Указом полутора десятков статей Конституции и оценил эти нарушения как заслуживающие отрешения Президента от должности. На следующую ночь Съезд народных депутатов России, десятый, чрезвычайный и последний, отрешил Президента Ельцина от должности и назначил исполняющим обязанности Президента Александра Руцкого. Спустя два дня Съезд принял постановление о проведении одновременных досрочных выборов народных депутатов и Президента Российской Федерации не позднее марта 1994 г.

Забегая вперед, хочу сказать, что не только Съезд, но и Конституционный суд жестоко поплатился за свою верность закону и демократии. После расстрела Парламенту Председателю Конституционного суда Валерию Зорькину стали звонить от Сергея Филатова, руководителя администрации Президента. Раз за разом требовали отставки. Зорькин отказывался. Тогда запугали двух конституционных судей: Руткина и Олейника, — которые присоединились к Витруку, Аметистову, Кононову, и прежде защищавшим не Конституцию от Президента, а Президента от Конституции. Руткин и Олейник также стали требовать от Зорькина подать в отставку, чтобы спасти Конституционный суд. Зорькин отказывался и объяснял, что с Конституционным Судом поступят так же, как с Генеральным прокурором Степанковым: сначала используют, а затем все равно уберут, и, кстати, оказался прав. В конце концов Валерия Зорькина довели до тяжелейшего гипертонического криза, но и тогда давления не прекратили. В то время, когда врач пытался оказать Зорькину помощь, снова позвонили от Филатова. Вопрос был тот же: «Будет ли Зорькин подавать в отставку?» Врач просил подождать хотя бы 3 часа, ссылаясь на тяжелое состояние пациента, ему ответили, что подавать в отставку можно в любом состоянии. В конце концов Зорькин написал заявление об отставке. Конституционный суд собрали для того, чтобы отменить решение по Указу № 1400, но сделать этого не смогли. И тогда деятельность Конституционного суда «приостановили», выразив пожелание его полностью ликвидировать, заменив Конституционной палатой в составе Верховного Суда. Думаю, читатель помнит, что Конституционный суд был избран пожизненно.

И после всего этого блок «Выбор России» выдвигает своими лозунгами свободу, собственность и законность!.. Имей эти господа хоть какие-то жалкие остатки морали, они должны были написать: «Расстрелянная свобода! Краденая собственность! Беззаконие!»

Но вернемся к событиям в Москве, где трагедия неминуемо двигалась к кровавой развязке. На мой взгляд, события эти четко подразделяются на три этапа.

Первый этап — 21—27 сентября — можно было бы назвать этапом малого насилия, или иначе «мягкого кнута и большого пряника». В этот период организаторы переворота действовали в основном как политические сантехники. В здании Парламента отключались вода, свет, канализация и конечно телефоны. Уже на этом этапе Дом Советов был оцеплен милицией, так что сказки о том, будто оцепление связано с появлением в Парламенте вооруженных боевиков, власти могут рассказывать только абсолютным несведущим людям, которые воспринимают мир исключительно с экрана брагинско-носовецкого телевидения. А телевидение это давно уже превратилось, по словам Высоцкого, в «ящик для идиота».

Правда, и в этот период были отдельные столкновения, а тактика властей по отношению к защитникам Парламента выглядела более чем двуличной: официальные заявления — «никакого штурма» плюс угрозы по неофициальным каналам. Первого штурма в Парламенте ожидали с воскресенья 26 на понедельник 27 сентября.

Что касается «пряника», то его обещали как народным депутатам, так и работникам аппарата.

Еще накануне первого же голосования на Съезде был распространен текст президентского Указа, по которому нам предлагали годовую зарплату с большими «накрутками» (по разным оценкам, от двух до трех миллионов рублей), московские квартиры в частную собственность, высокооплачиваемые и непыльные должности в структуре исполнительной власти. Могу сказать прямо: никогда, ни до, ни после, я не испытывал и, конечно, уже не испытаю такой нежной заботы родного правительства, как в тот период. В московскую служебную квартиру, в которой я за эту первую неделю провел несколько часов, звонили из Министерства образования, из Министерства труда, оставляли телефоны моему помощнику. Не знаю, что собирались обещать, но внимание было трогательным.

За прошедшие три года мне не раз приходилось критиковать депутатский корпус России за недалекость, за послушание и другие грехи. Но справедливости ради надо сказать: своим поведением в критический момент большинство депутатов эти грехи искупили. На 2 октября «купленными» оказались 96 человек, в подавляющем большинстве своем — бывшие демократы. Поэтому, когда институтский коллега и бывший секретарь райкома партии заявил мне, что в «Белом доме» депутаты защищали не демократию, а привилегии, я всерьез подумал о том, что в обществе произошел какой-то сдвиг по фазе морали: ведь больших привилегий, чем те, что обещал господин Ельцин, придумать было просто невозможно.

Особо хочу сказать о работниках аппарата Верховного Совета, большинство которых составляют женщины. Им под двери тоже подкладывали текст президентского Указа с обещаниями больших выплат, с правом уйти в отпуск с полным сохранением заработной платы, однако каждое утро они проходили сквозь цепи ОМОНа, иногда перелезали через заборы, сидели в холодном и темном «Белом доме», мыли посуду холодной водой и одному Богу известно, как умудрялись поддерживать жизнь в осажденном Парламенте. Честь вам и хвала, русские женщины! Когда-нибудь при другом парламенте и другом президенте, но не ранее как через несколько лет, история рассудит, кто на самом деле совершал преступление, а кто пытался им помешать.

Что касается моей личной судьбы, то весь первый этап я провел в стенах Парламента. Однако во вторник, 28 сентября (кстати, в день 70-летия моего отца, фронтовика-коммуниста, а затем директора школы, известного в прошлом своей непокорностью высокому наробразовскому начальству), я покинул «Белый дом» для того, чтобы участвовать во Всероссийском совещании представителей стачечных комитетов, которое проводилось Федерацией независимых профсоюзов России. Думаю, читатель понимает, к чему я как председатель Совета Партии Труда призывал профсоюзных лидеров на совещании: бороться за экономические интересы наемных работников, а там, где люди «созрели», — и за демократию. Выступление было встречено с сочувствием, некоторые предложения вошли в итоговый документ, однако вернуться обратно в Парламент было невозможно.

Начался второй акт драмы — этап массового, по преимуществу невооруженного насилия. Он охватывает период с 28 сентября по 2 октября. 28 сентября Парламент был окружен колючей проволокой, бронетранспортерами, грузовиками с солдатами внутренних войск. Цепи ОМОНа стали плотными, а тактика его — сверхжесткой. С этого времени часть народных депутатов, которые не могли вернуться в «Белый дом», в том числе и я, работали в Краснопресненском райсовете, примерно в 20 минутах ходьбы от здания Парламента.

Сверхжесткая блокада Парламента имела своим следствием резкую эскалацию напряженности и насилия, причем, как минимум, по двум причинам. Во-первых, если прежде оцепление Дома Советов было настроено более или менее благодушно, смотрело сквозь пальцы на проходящих людей, иногда пропускало массовые колонны демонстрантов к зданию Парламента, то теперь оцеплению была предписана, повторю, так называемая сверхжесткая тактика. Суть ее проста: не подпускать к себе никого, разгонять всех, кто приближается к цепям.

Об этой тактике я знаю отнюдь не с чужих слов. 29 сентября группа депутатов Московского Совета, которые, в отличие от нас, признавались депутатами и по ельцинскому Указу № 1400, решила пройти в «Белый дом» для того, чтобы лучше понять сложившуюся там ситуацию и, возможно, выступить посредниками между Парламентом и московской мэрией, на которую Виктор Черномырдин валил все грехи за блокаду. Излишне говорить, что депутаты шли не с камнями, не с железными прутьями, а с удостоверениями, значками и мегафоном. В мегафон они сообщали омовцам, что по президентскому Указу сохраняют свои полномочия, а значит — депутатскую неприкосновенность и право входить на любой объект на территории Москвы. Несколько депутатов России, в том числе и я, естественно, к колонне пристроились. Однако оказалось, что уничтожить демократию наполовину нельзя. Как только Ельцин частично отменил Конституцию и законы, принятые Верховным Советом, ОМОН точно так же отменил те законы, которые оставил в силе Ельцин. Вооруженные парни из оцепления «Белого дома» не только не реагировали на депутатские права моссоветовской колонны,

но, напротив, предъявили собственные права в виде резиновых дубинок. То и дело разъяренные опричники нового царя выскакивали из шеренги и били людей дубинкой по чему попало и как попало. Говорят, по инструкции бить по голове дубинками запрещено, но если президенту закон не писан, о выполнении каких инструкций может идти речь! В числе прочих преимущества новой демократии на собственном затылке ощутил и я, впрочем, отделался легче многих других. Например, депутат из Татарстана Владимир Морокин, который бросился защищать Раузу Низметдинову — председателя Комитета по делам семьи, материнства и детства — от разъяренного омоновца, получил гораздо больше и с переломанными ребрами лежал в больнице.

Вторым драматическим последствием жестокого оцепления «Белого дома» стала невозможность управлять из него митинговыми страстями. Прежде защитники Парламента неизменно придерживались тактики ненасильственного сопротивления перевороту. Именно эту тактику все время внушал Руслану Хасбулатову известный политолог, режиссер «Театра на досках» Сергей Кургинян. Он призывал митинговать, петь песни, зажигать костры, ходить с флагами и иконами, но ни в коем случае не отвечать насилием на насилие. И в первый период, повторю, это, безусловно, удавалось. Сам я много раз слышал призывы с балкона «Белого дома» не поддаваться на провокации, гнать с митинга пьяных, если такие появляются и т. п.

Ситуация резко изменилась, когда митинговые страсти выплеснулись на улицы Москвы. Сначала люди пытались митинговать поблизости от оцепления «Белого дома», у станций метро «Баррикадная» или «Улица 1905 года». Однако ОМОН быстро разгонял эти летучие митинги, применяя все ту же сверхжесткую тактику. Тогда Моссоветом была разрешена серия митингов на площадях Москвы.

2 октября один из таких митингов проходил на Смоленской площади. Когда ОМОН начал теснить собравшихся демонстрантов, те сначала кричали, что они здесь на законном основании, а затем взялись за булыжники и железные прутья. ОМОН открыл огонь, был убит человек — инвалид без ноги. После этого митингующие построили баррикады и отбили несколько атак ОМОНа. Судя по радиоперехватам, атакующие были в полной растерянности. Применить оружие они больше не решились, а разогнать толпу другими средствами не смогли. В 9 часов вечера на площадь пришел депутат Илья Константинов и увел митингующих от баррикад.

В этот же день к нам в Краснопресненский райсовет звонили участники митинга и говорили о том, что движение идет на спад. Людей избивают, применяется тактика индивидуального террора, когда омоновцам показывают, кого именно надо бить (именно так был избит Виктор Алкснис). Говорили нам и о том, что в следующий выходной день ожидать массового движения не приходится, что нужны иные политические решения. Я рассказываю все это для того, чтобы было понятно: по крайней мере, в Краснопресненском райсовете того, что произошло третьего, а потом четвертого октября, никто не ожидал. Официальная версия, будто защитники «Белого дома» затягивали переговоры, ожидая насилия на улицах, представляет собой грубую ложь.

День 3 октября я провел в Краснопресненском райсовете, на периферии главных событий — так решили руководители координационного совета депутатов в изгнании. Поэтому, не пересказывая фактов, большинство из которых уже известно, изложу версию, которая пришла мне в голову через 2 часа после начала кровопролития. Эта версия получает все больше доказательств и уже высказывалась в таких изданиях, как «Независимая газета» и «Московские новости», которые даже ныне правящая номенклатура не решается объявить «красно-коричневыми». Суть версии проста: законное по большому счету руководство страны в лице Александра Руцкого и Руслана Хасбулатова, приняв решение о штурме мэрии и «Останкино», совершило трагическую ошибку и попало в расставленную ему ловушку, по существу ускорив разгром Парламента. В пользу этой версии говорят следующие факты.

1. Участники митингов на Смоленской и Октябрьской площадях, в том числе мой товарищ по исполкому Партии Труда профессор Московского университета Александр Бузгалин, человек с международным именем, организатор многих конференций ученых левой ориентации, сообщают о том, что омоновцы в этот день как бы раздраживали толпу. Против демонстрантов применялись немного газа, немного дубинок, резиновые пули, стрельба, по преимуществу поверх голов. Когда же толпа в ответ начинала двигаться на омоновские оцепления, они, как правило, не оказывали большого сопротивления, передислоцируясь на заранее известные места и обеспечивая возможность движения митингующих лишь в определенном направлении — к Дому Советов. Кстати, ОМОНа в этот день и на Октябрьской, и на Смоленской площадях, и у Дома Советов было меньше, чем обычно, а главный организатор убийств Виктор Ерин в интервью радио России подтвердил, что ОМОН был не столько прорван, сколько передислоцирован.

2. Когда защитников «Белого дома» обвиняют в том, что они первыми применили насилие, это опять-таки ложь. Огонь по толпе демонстрантов открыл ОМОН около «Белого дома». Два человека были убиты немедленно, многие ранены, и когда толпа приблизилась к зданию Парламента, из мэрии продолжали по ней стрелять. И даже у здания «Останкино», по сообщению радио «Свобода», огонь первыми открыли охранявшие его части. Одна из первых пуль попала в ногу гранатометчику, в ответ на первый этаж здания полетела граната. И тогда открылась беспорядочная стрельба со всех сторон, от которой погибли, главным образом, не вооруженные люди, а демонстранты, пришедшие к «Останкино» требовать прямого эфира для Александра Руцкого.

3. Указ Бориса Ельцина о чрезвычайном положении в Москве вводился в действие с 16 часов 3 октября. Если учесть, что митингующие подошли к зданию Парламента не ранее чем без пятнадцати или без десяти четыре, легко понять, что Указ этот был подготовлен заранее и лишь ждал своей очереди.

4. Утром и днем 4 октября московские радиостанции передавали противоречивые сообщения. С одной стороны, они призывали москвичей сдавать кровь, медикаменты и бинты для помощи раненым, с другой — официальные чиновники от здравоохранения объявляли, что ничего этого делать не надо, что всего припасено в достатке. Спрашивается: когда и для чего?

5. По сообщению все того же радио «Свобода», Сергей Филатов, уезжая с переговоров из Свято-Данилова монастыря в 12 часов дня 3 октября, продолжать переговоры явно не собирался. Следовательно, команда Ельцина делала именно то, в чем сейчас обвиняет своих противников. Затягивала переговоры, ожидая повода, чтобы применить насилие, и провоцируя этот повод. Напомню, что многие советники президента, включая Анатолия Ракитова, руководителя одного из исследовательских центров при нем, давным-давно уже заявили о том, что другого выхода, кроме штурма Дома Советов, нет. Приняв решение о штурме мэрии и «Останкино», А. Руцкой и Р. Хасбулатов против своей воли помогли Ельцину оправдать кровь в глазах российского и мирового общественного мнения.

Финал трагедии известен и неизвестен. Мы до сих пор не знаем, сколько вооруженных и невооруженных людей погибли в здании Парламента, сколько их вывезли через подземные тоннели и станции метро и тайно захоронили. Попытки узнать что-то о судьбе этих людей не имели никакого результата. Хоронят и награждают лишь тех, кто расстреливал. Малая гражданская война в столице тенью прошла по регионам, коллективам и семьям. Главная проблема сейчас, чтобы она не превратилась в большую гражданскую войну. Кстати, в последнем обращении расстрелянного Съезда народных депутатов России, написанном Сергеем Бабуриным, нет призыва к мести, в нем есть призыв сохранить в стране гражданский мир, несмотря на преступление власти. Всю правду о событиях в Москве мы узнаем очень не скоро, если вообще узнаем. Сейчас можно подвести лишь некоторые предварительные итоги, которые я и хочу обозначить как три трагедии российской демократии.

Первая — трагедия самоуничтожения. Российский Парламент, как любили говорить прежде, породил своего собственного могильщика. Именно Съезд народных депутатов России избрал Б. Ельцина Председателем Верховного Совета, он много раз давал ему чрезвычайные полномочия, принял поправки к Конституции, выводящие Президента и Правительство из-под контроля Верховного Совета, без конца прощал такие заявления и указы, за которые в любой цивилизованной стране президент не только лишился бы должности, но и пошел под суд. С другой стороны, Б. Ельцин расстрелял Верховный Совет, в котором изначально большинство составляли его сторонники.

Вторая трагедия — трагедия защитников. Я говорю сейчас не о гибели сотен людей, в большинстве безоружных, которые пришли защищать Закон. Перед их памятью слова кажутся лишними, можно лишь склонить голову. Я говорю о том, что в решающий момент сил, готовых защищать демократию, оказалось в России удивительно мало. Ни для кого не секрет, что демократию в России удушили именно бывшие демократы, а среди защитников «Белого дома» отнюдь не все действительно хотели демократической перспективы.

Рамки статьи не позволяют мне подробно проанализировать ошибки Парламента, да и время сейчас не то, но об одном надо сказать особо. А именно о том, что на экранах телевизоров среди защитников «Белого дома» мелькали люди со стилизованной свастикой на рукаве — члены «Русского национального единства», попросту баркашовцы. Когда эти ребята появились в Краснопресненском райсовете, мы с друзьями настояли, чтобы они оттуда были удалены: лучше не иметь защитников вовсе или иметь их меньше, чем оказаться под охраной людей, у которых на рукаве свастика. К сожалению, то же самое не было сделано руководством Верховного Совета. Считаю это принципиальной и грубой ошибкой. Кстати, именно баркашовцы увели из здания Парламента Сергея

Кургиняна, постоянно внушавшего Руслану Хасбулатову тактику ненасильственного сопротивления перевороту. В решающий момент у руководства Верховного Совета толковых советников не оказалось.

Теперь всех без разбора сторонников парламентской демократии именуют «красно-коричневыми», как будто не замечая, что самая националистическая организация — васьильевская «Память» — уже скоро год как поддерживает Бориса Ельцина.

Третья трагедия — трагедия перспективы, причем как экономической, так и политической. Победа сторонников «шоковой терапии», «команды» Гайдара приведет к тому, что страна получит еще один шок. Уже отпущены цены на хлеб, принято решение о резком повышении квартирной платы, а также об отказе от индексации пенсий пропорционально росту цен и замене ее равными для всех минимальными компенсациями. На очереди урезание индексации заработной платы в бюджетных сферах, возможно, отказ от выплаты пенсий работающим, вероятно, массовое банкротство предприятий. По некоторым данным, в Омске уже имеется список на кандидатов в банкроты.

В политической области ближайшие перспективы также не сулят ничего хорошего. Ни о каких свободных выборах речи быть не может. «Положение о выборах» меняется чуть ли не каждую неделю, в будущем Парламенте, как некогда в брежневском Верховном Совете, большинство будут составлять назначенные президентом начальники, которым разрешено совмещать свою должность с парламентскими обязанностями. На всякий случай функции этого Парламента еще предельно ограничены. Смысл же нового проекта Конституции может быть коротко выражен фразой: «И это все о нем (президенте) и немного обо всех остальных!»

И тем не менее у оппозиции нет выбора: на выборы без выбора надо идти. Даже усеченный, полупридушенный Парламент лучше, чем полное отсутствие Парламента. Весьма вероятно, что этот Парламент хотя бы отчасти повторит историю прежнего Верховного Совета: начнет петь Борису Ельцину за здоровье, а закончит — за упокой. Никому, в том числе и парламентариям, не нравится, когда их держат, как говорил один популярный герой, «за болвана в старом польском преферансе».

Бойкотировать выборы бессмысленно. Об этом позаботились авторы «Положения». Выборы будут признаны действительными, если на них явятся всего 25 процентов избирателей, чего, разумеется, в цивилизованных странах не делают. Впрочем, мы уже привыкли догонять цивилизацию задом наперед.

Впереди, судя по всему, годы реакции. И тем не менее надо приниматься за работу. Пусть глаза боются, а руки делают.

Опубликовано: Омское время.— 1993.— № 41.— С. 1.

СЕНАТ РЕСПУБЛИКИ ИЛИ ИМПЕРАТОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ?

О расстановке сил и перспективах российского Совета Федерации

Предлагаемый анализ основывается на опыте первого заседания верхней палаты Федерального Собрания России и потому неизбежно имеет предварительный характер. Дальнейшая работа Совета Федерации, несомненно, потребует корректировки сделанных здесь выводов.

Верхнюю палату российского Парламента нередко рассматривают как некий аналог американского Сената, а депутатов соответственно именуют сенаторами. И действительно, главная функция той и другой палаты состоит в том, чтобы представлять в высшем органе законодательной власти интересы регионов независимо от численности населения, а в России еще и интересы национально-государственных образований. Однако на этом аналогия заканчивается, и начинаются оригинальные российские изобретения, которые вряд ли можно отнести к завоеваниям демократии.

Во-первых, согласно статьям 95 и 96 новой Конституции, Совет Федерации не избирается, а формируется. В него должны войти по одному представителю от законодательной и исполнительной власти субъектов Федерации. Хотя Конституция напрямую этого не утверждает, предполагается, что членами Совета Федерации станут председатели областных и республиканских законодательных собраний, а также главы администраций и президенты республик в составе России. Совмещение в одном лице должностей губернаторов и сенаторов — это первая новация современной российской политической системы, насколько можно судить, не имеющая аналогов в мире. Последнее вполне естественно, ибо российский вариант грубо нарушает систему разделения властей, о которой так много шумела российская политическая публицистика.

Для характеристики последствий подобного совмещения может быть использован следующий

образ: в любом государстве представители исполнительной власти — это, так сказать, «волки» по должности; законодателям же отводится функция «егерей», расставляющих «флажки», за которые «волкам» выходить не положено (как известно, принцип публичного права, в отличие от частного — разрешено только то, что разрешено). В таком случае, превращать губернаторов в сенаторов — все равно что назначать волков егерями.

Во-вторых, в соответствии с пунктом 9 заключительных и переходных положений Конституции депутаты Совета Федерации первого созыва осуществляют свои полномочия на непостоянной основе. Сенатор по совместительству — нечто вроде хирурга-любителя — еще одна российская новация, вряд ли способствующая продуктивной работе Парламента. Особенно нетерпимым подобный статус становится в отношении Председателя палаты, его заместителей, руководителей комитетов и т. п. Не случайно уже на первом заседании Совета Федерации мучительно решался вопрос о том, как обойти данные нормы только что принятой Конституции.

В-третьих, отсюда следует, что Совет Федерации задумывался разработчиками Конституции отнюдь не как аналог американского Сената, а как нечто среднее между Императорским Государственным Советом дореволюционной России и Верховным Советом советской эпохи. От первого он унаследовал принцип назначения части членов (главы администраций), от второго — процедуру «законотворчества», сводящуюся к одобрению кадровых назначений и юридических актов собравшимися на короткое время «представителями народа».

Однако по сравнению с Верховным Советом эпохи Сталина или Брежнева Совет Федерации выполняет и новые функции. Например, функцию одного из трех фильтров на пути утверждения законопроекта. Напомню, что, согласно статье 104 новой российской Конституции, законопроекты о введении или отмене налогов, освобождении от их уплаты, о выпуске государственных займов, об изменении финансовых обязательств государства, другие законопроекты, предусматривающие расходы, покрываемые за счет федерального бюджета, могут быть внесены только при наличии заключения Правительства. При этом обязанность Правительства давать такое заключение не оговаривается. Во-вторых, Совет Федерации может отклонить законопроект, принятый Думой, и тогда это вето преодолевается двумя третями голосов. Наконец, право вето на принятый обеими палатами законопроект принадлежит Президенту и преодолеть его можно лишь двумя третями голосов каждой из палат.

Несмотря на всю ущемленность и двусмысленность положения верхней палаты российского Парламента, опыт ее первого заседания позволяет утверждать, что расчеты разработчиков Конституции оправдались не вполне. Совет Федерации, по-видимому, будет заметно лояльнее режиму, нежели Государственная Дума, но скорее всего не станет слепым проводником политики исполнительной власти.

Лояльность Совета Федерации предопределена его социально-профессиональным составом. По данным мандатной комиссии, 11 депутатов представляют структуры президентской власти, 7 — федеральное Правительство, 71 — территориальные и местные органы исполнительной власти. Итого 89 из 171 избранного к настоящему времени депутата Совета Федерации.

Правда, далеко не все представители исполнительной власти связаны формальной политической принадлежностью. К «Выбору России» среди членов Совета Федерации принадлежит 6, к другим политическим течениям правой половины спектра — 4. Однако вполне естественно, что должностные лица, либо непосредственно назначенные Президентом как главы областных администраций, либо подчиненные ему через вертикаль исполнительной власти, при открытом голосовании по абсолютному большинству вопросов будут поддерживать того, кто их назначил. Проведение президентской линии через Совет Федерации облегчается и тем, что главы администраций изначально связаны должностным статусом и личными знакомствами. Им предлагается жить в специальной гостинице, отдельно от других депутатов встречаться с премьер-министром, другими руководителями Правительства, в том числе в неофициальной обстановке.

Тем не менее «президентская машина голосования», в качестве которой задуман Совет Федерации, уже в первые дни работы несколько раз дала сбой. Так, явный фаворит, «человек Президента» Владимир Шумейко не прошел на должность Председателя Совета при первом выдвижении и, более того, во втором туре получил 81 голос против 79 у представителя оппозиции Петра Романова. Победу Шумейко при втором выдвижении обеспечили голоса все тех же глав администраций, с которыми была проведена соответствующая работа, а также, по-видимому, голоса представителей национальных республик, после того как выяснилось, что Петр Романов был одним из основателей Русского национального собора. Хотя сам Романов какого-либо национализма на заседаниях не проявил, репутация этой организации явно пошла ему во вред.

Второй сбой едва не произошел при утверждении председателя Комитета по обороне и безопасности. Всего трех голосов не хватило для занятия этой должности генералу Петру Ширшову, который не просто поддержал решение Конституционного Суда по Указу Президента Бориса Ельцина № 1400 о роспуске российского Съезда народных депутатов, но 4 октября 1993 г., когда танковые пушки стреляли по зданию Парламента, снял с себя генеральскую форму. Если кворум в зале в этот момент не был близок к предельно допустимому, Ширшов, несомненно, возглавил бы важнейший комитет Совета Федерации.

Не располагая достаточным для анализа статистическим материалом, по общему тону можно утверждать, что в Совете Федерации радикальные настроения как правого, так и левого толка представлены крайне слабо. Официально о своей принадлежности к левым политическим течениям заявили 14 депутатов, в том числе к Коммунистической партии Российской Федерации — 11, к Союзу коммунистов Карелии — 1, к Аграрной партии — 1, к Партии Труда — 1. Большинство депутатов стремятся продемонстрировать окологосударственные позиции и, в частности, дистанцироваться от радикальных рыночников гайдаровского толка. Преобладающая позиция может быть определена как правогосударственная.

Очень отчетливо обнаружилась в верхней палате российского Парламента и другая нарастающая в России тенденция — тенденция если не национализма, то государственнических настроений. Большинство выступающих, включая недавних сторонников разрушения Советского Союза, апеллируют к национальным российским чувствам, ратуют за великую Россию, призывают «собирать камни», которые они же совсем недавно разбрасывали, выступают за тесную интеграцию с республиками бывшего Союза. Если к тому же учесть, что значительная часть представителей новой номенклатуры принадлежала к номенклатуре и в прежние времена и часто недовольна вторжением нуворишей в экономику и политическую жизнь, можно предположить, что общей латентной целью деятельности Совета Федерации будет некая модель государственного капитализма национального толка.

Последующая работа верхней палаты российского Парламента должна подтвердить или опровергнуть эту гипотезу.

Написано в соавторстве с А. Е. Комаровым. Опубликовано: Позиция.— 1994.— № 5 (под заголовком «Совет Федерации: будет ли он карманным»).

ИМПИЧМЕНТ БЕЗ ОТРЕШЕНИЯ: ПОПЫТКА ЧЕТВЁРТАЯ — И ПОСЛЕДНЯЯ

К итогам работы Государственной Думы второго созыва

1. «Полуправный» Парламент: стереотипы и действительность

Драматические события 12—19 мая 1999 г. и в особенности их кульминация — голосование по вопросу об отрешении от должности Президента Б. Н. Ельцина 15 мая — знаменовали не просто окончание предыдущего и начало очередного этапа постновейшей политической истории России (если сохранить за советским периодом наименование новейшей истории), но и фактическое подведение политических итогов работы Государственной Думы второго созыва. И даже если Думе суждено «дожить» до установленного Конституцией окончания срока депутатских полномочий, ее историческое время прошло. При этом то, что должно было стать звездным часом Парламента, обернулось днем его поражения, а для части депутатов — годами позора!

Восторженный шум (чуть не сказал: радостный лай), которым встретили итоги думского голосования контролируемые Правительством и «олигархами» средства массовой информации, исключал, разумеется, возможность сколько-нибудь серьезного анализа, а нередко вступал в противоречие со всеми системами логики, известными человечеству. Так, Станислав Кучер — известный ведущий программы «Обозреватель» — посылал в адрес депутатов, так сказать, «из двух стволов» проклятия, суть которых можно свести к риторическим вопросам: 1) Как посмели поднять руку на Президента? и 2) Почему продались? Очевидная любому старшему школьнику мысль о том, что если ты развенчиваешь тех, кто «продались», надо, по крайней мере, с уважением относиться к тем, кто «поднял руку» и, наоборот, если ты критикуешь «поднявших руку», следует восхвалять «продавшихся» — эта мысль «обозревателю» в голову так и не пришла. И это не удивительно: Уголовный кодекс не предусматривает статьи за насилие над логикой!

Подобные замечания вовсе не означают попытки оправдания Государственной Думы, а тем более — самооправдания. Задача этой статьи совершенно иная, а именно: попытаться понять характер исторической драмы, пережитой нижней палатой российского Парламента и, более того, в какой-то степени исторической драмы российского парламентаризма в период после принятия Конституции 1993 г. Это, в свою очередь, предполагает отказ от ряда стереотипов, постоянно внедряемых в массовое сознание на протяжении всего срока работы Государственной Думы второго созыва.

Стереотип первый — о «коммунистической Думе» или в более культурном варианте — о «левом думском большинстве». Интересно, что известный вклад в создание этого стереотипа внесли сами левые депутаты, переоценившие успех коммунистов и их союзников на выборах 1995 г., а равным образом, и историческое значение избрания члена КПРФ Геннадия Селезнева председателем нижней палаты Парламента. Вербальным знаком легкой эйфории, царившей в левых кругах в начале 1996 г., может служить популярный тогда анекдот.

Вопрос: Какой товар стал в России самым дефицитным?

Ответ: Лопаты. Бывшие коммунисты выстраиваются за ними в очередь, чтобы откапывать партбилеты, зарытые на огородах!

Разумеется, анекдот «канул в Лету» вместе с эйфорией, зато стереотип был подхвачен и использован проправительственной пропагандой, организаторы которой быстро сообразили, что провалы «политики реформ» можно будет теперь списывать не только на «проклятое коммунистическое прошлое», но и на думское «коммунистическое большинство».

Между тем после регистрации фракций и групп расклад политических сил в Государственной Думе второго созыва в начале 1996 г. выглядел следующим образом:

Достаточно математических знаний среднего ученика 2-го класса, чтобы убедиться: фракция КПРФ вместе с союзными ей Аграрной группой и группой «Народо-властие» имели в начале срока полномочий второй Государственной Думы 210 голосов. С учетом того, что, во-первых, для принятия федерального закона и даже любого Постановления Государственной Думы требуется 226 голосов, что, во-вторых, важнейшие думские решения, включая поправки к Конституции, федеральные конституционные законы, выдвижение обвинений против Президента Российской Федерации, принимаются большинством в 300 голосов, что, в-третьих, союзники коммунистов не связаны партийной дисциплиной, а потому не все и не всегда голосовали солидарно, искусственный характер стереотипа о «коммунистической Думе» должен был быть с самого начала очевиден любому добросовестному аналитику.

В действительности же, поскольку вторая по численности фракция в Государственной Думе (НДР) изначально была проправительственной, а значительная часть «независимых» (внефракционных) депутатов принадлежала к партиям и движениям праволиберальной ориентации, левые в Государственной Думе не могли принять ни одного решения без поддержки либо ЛДПР, либо «Яблока», либо группы «Российские регионы». Что же касается решений, требующих конституционного большинства в 2/3, то они могли приниматься лишь при поддержке левых со стороны, по крайней мере, двух отнюдь не союзных им фракций или групп. Не имея в Думе большинства, необходимого для принятия решений, левые вместе с тем обладали меньшинством, достаточным для того, чтобы ни одно серьезное решение не могло быть принято без их прямого или косвенного согласия, так сказать, блокирующим пакетом голосов. Впрочем, об этом речь впереди.

Возможно, формирование стереотипа о «левом думском большинстве» в пропрезидентских средствах массовой информации в какой-то степени стало результатом верности традиции, а также самоотравления пропагандой: к левому большинству по инерции и из идеологических соображений продолжали относить Жириновского («детище КПСС и КГБ»), тогда как на самом деле ЛДПР от позиции беспринципного качающегося Центра в начале срока полномочий Государственной Думы к концу этого срока нередко занимала нишу правее НДР. Эта позиция, с одной стороны, сделала ее рупором пропрезидентского окружения (что у «Семьи» на уме, то у Жириновского на языке), а с другой — предопределила формирование по целому ряду вопросов жирино-эндээровских или жирино-яблочных коалиций, которые еще 3 года назад казались невозможными и противоестественными. Основой формирования таких коалиций периодически выступают то прочерномырдинские, то антикоммунистические настроения.

Стоит заметить, что и к концу срока полномочий Государственной Думы второго созыва ее фракционно-групповой состав принципиально не изменился, о чем свидетельствуют следующие данные:

Стереотип второй — об ответственности Государственной Думы за срыв процесса «реформ», а тем самым — за дальнейшее ухудшение положения большинства народа. Широкий резонанс вызвало, в частности, «озвучивание» этого стереотипа Президентом во время выступления перед депутатами Федерального Собрания с ежегодным президентским посланием «Россия на рубеже эпох (О положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)» 30 марта 1999 г. В отличие от первого, второй стереотип имеет сложную структуру и включает в себя, по крайней мере, три составляющих, которые можно сформулировать следующим образом:

в России происходят реформы;

эти реформы призваны и способны улучшить жизнь большинства населения России;

Государственная Дума в состоянии изменить ход и исход реформ.

Каждый из этих постулатов, безусловно, заслуживает того, чтобы стать предметом специальной работы, хотя все они представляются мне либо сомнительными, либо откровенно ложными.

Для начала замечу, что тезис о российских реформах, равно как и реформаторах, представляется мне весьма удивительным на фоне заявлений этих самых реформаторов о том, что коммунистическая система по самой своей природе была нерепформируема. Как можно реформировать то, что реформированию не поддается, знают, очевидно, только «ночь глубокая» да теоретики, умудрившиеся соединить в одну концепцию два столь несовместимых положения.

На самом деле совершенно очевидно, что в первой половине 90-х гг. в России произошла очередная революция со всеми неизбежными ее признаками, включая, по крайней мере, пять революционных катастроф: экономическую, социальную, демографическую, нравственную и геополитическую. После победы Бориса Ельцина на выборах 1996 г. (действительной или мнимой — это вопрос другой) наступило время реформ. Но это реформы не вместо, а вместе с революцией, не взамен ее, а в ее завершение, не избавляющие систему от разрушения, но довершающие разрушение системы, не реконструктивные, но деструктивные и т. п.

Когда в уже упоминавшемся Послании Федеральному Собранию Президент России говорил, что Россия застряла где-то посередине между капитализмом и социализмом, он был одновременно прав и неправ. Прав — поскольку в стране от советских времен действительно сохранились остатки системы социальных гарантий: низкий пенсионный возраст, сравнительно низкие цены за аренду жилья и коммунальные услуги, преобладание бесплатного и «малоплатного» образования, «пережитки» бесплатной медицины и т. п. Неправ — поскольку ликвидация этих «родимых пятен» социализма под лозунгом завершения «радикальных реформ» приведет страну не к современному «социализированному» капитализму, какой мы наблюдаем в большинстве развитых стран, но к полной и окончательной победе «бандитского капитализма», по выражению Бориса Немцова и Анатолия Чубайса, которые, будучи одними из главных вдохновителей такого капитализма, в последнее время ведут против него шумную словесную борьбу.

Отсюда совершенно очевидно, что «реформы» социальной сферы по-российски не только не способны улучшить жизнь большинства населения, но никогда для этого и не предназначались. В этом смысле Е. М. Примаков совершенно справедливо именовал их «реформами без населения». Напротив, правая печать потому и именуется подобные меры «непопулярными», а их противников клеймит как «популистов», что суть новейших «социальных реформ» заключена в непрерывном «обрезании» социальных гарантий под непрерывно тающие, словно «шагреновая кожа», бюджеты. Правда, в отличие от бальзаковской, бюджетная «шагреновая кожа» сокращается под действием не одного, а сразу двух факторов: экономического кризиса и «предпринимательской» деятельности «новых русских» из числа бывших государственных чиновников совместно с государственными чиновниками из числа «новых русских».

Интересно, что факт подобного «предпринимательства» не оспаривается не только левыми, но и правыми, однако странным образом никак не увязывается с характером «социальных реформ». То Григорий Явлинский вдруг заявляет (цитирую по памяти): во всем мире банки собирают деньги у населения и вкладывают их в производство, а в России они забирают деньги из бюджета и отправляют их за рубеж; то профессор Стенфордского университета Михаил Берштам вещает по «Свободе» о необходимости приватизации остатков российской промышленности при одновременной национализации государственных финансов, в настоящее время приватизированных «олигархами»; то, наконец, уже упоминавшиеся основоположники «бандитского капитализма» требуют заменить его капитализмом «народным», понимая под этим равный доступ всех компаний к дележу «бюджетного пирога» (по-видимому, «народ» в России в их понимании состоит исключительно из владельцев компаний!). Разумеется, при столь своеобразном понимании можно утверждать, что «российские социальные реформы» направлены на улучшение жизни «народа», поскольку они никак не

ограничивают свободу бизнесменов от бюджета. При любой же другой, менее экзотической, трактовке понятия «народ» направленность социальных реформ против этого самого народа вряд ли может быть опровергнута самой изощренной логической эквилибристикой. В самом деле, как можно оценить следующие предложения «молодых (и не очень молодых) реформаторов»:

о повышении пенсионного возраста — при невиданном в мирное время снижении средней продолжительности жизни, особенно у мужчин;

о том, чтобы работающие пенсионеры не имели права одновременно получать заработную плату и пенсию — в ситуации, когда сумма их обеих сплошь и рядом оказывается ниже прожиточного минимума;

о всеобщем введении платного или, по крайней мере, частично платного образования, а равно и медицины — при условии, что 3/4 населения принадлежат, по меркам индустриально-развитых стран, к различным группам «низшего класса»;

о перенесении основной тяжести налогового бремени с предприятий на граждан — когда эти самые граждане в значительном своем большинстве месяцами не получают заработную плату, а долги по ней исчисляются рекордными астрономическими цифрами и т. д. и т. п.

С любой точки зрения, кроме чисто идеологической или «радикально-экономической», срыв планов подобного «реформирования» должен быть поставлен в заслугу, но никак не в вину Государственной Думе. Впрочем, нельзя забывать, что, с одной стороны, названные выше «реформы» были сорваны лишь отчасти, а с другой — в российской исторической ситуации 90-х годов с помощью массированной обработки общественного сознания немалое число граждан сумели убедить в том, что им выворачивают карманы для их же собственного блага!

Наконец, по поводу способности Государственной Думы определяющим образом повлиять на ход и исход российских реформ необходимо заметить следующее.

Нижняя палата российского Парламента по своему конституционному статусу действительно способна помочь либо помешать законодательному — подчеркиваю: законодательному — «запуску» тех или иных нововведений и, более того, почти непрерывно этим занималась. Вспомнив еще раз многочисленные президентские либо правительственные проекты, отметим, что именно благодаря позиции Парламента пенсионный возраст в России все еще один из самых низких в мире, работающие пенсионеры получают полную пенсию, образование и даже медицина по закону в основном бесплатны, а из всех законопроектов Правительства Кириенко, призванных переложить тяжесть налогов с юридических лиц на граждан, принят только один — налог с продаж, да и тот вводится по усмотрению субъектов Российской Федерации.

Однако драма российского парламентаризма во многом тем и определяется, что основная палата Парламента представляет собой орган скорее законосоветательный, чем законодательный, не полно-правный, а бесправный или, как иногда говорят, «полуправный». Она подобна человеку, который пытается бороться со своим противником, имея связанные руки. Сами наименования «дума» и «думцы» ассоциируются с образом людей, которым позволено сколько угодно думать, но не действовать, вызывают в памяти строки из Некрасовского «Рыцаря на час»:

Суждены вам благие порывы,
Но свершить ничего не дано...

В справедливости этих утверждений легко убедится каждый, кто внимательно прочтет российскую Конституцию и задумается над проблемой исполнения федеральных законов. При этом становится очевидным, что новый российский Парламент хотя, в отличие от Верховного Совета, и не является репрессированным, зато, как минимум, пятикратно «поражен в правах».

Во-первых, депутаты Государственной Думы, да и сама нижняя палата Парламента, по крайней мере, дважды ограничены в праве законодательной инициативы. С одной стороны, согласно статье 104 Конституции РФ, «законопроекты о введении или отмене налогов, освобождении от их уплаты, о выпуске государственных займов, об изменении финансовых обязательств государства, другие законопроекты, предусматривающие расходы, покрываемые за счет федерального бюджета, могут быть внесены только при наличии заключения Правительства Российской Федерации». До принятия федерального конституционного Закона о Правительстве сроки представления Правительством заключений на проекты федеральных законов нигде не оговаривались, и таких заключений нередко приходилось ждать многими месяцами. К тому же нередко документы, направленные из Правительства в Парламент, именовались не заключениями Правительства РФ, а замечаниями Правительства РФ на такой-то законопроект, что давало представителю Президента право утверждать на пленарных заседаниях, что Закон принимается в нарушение 104-й статьи Конституции!

С другой стороны, проект федерального бюджета на очередной год, в котором выражена квинтэссенция экономической политики, не может быть внесен в Государственную Думу никем, кроме Правительства, и, следовательно, парламентским комитетам волей-неволей приходится искать варианты частичного исправления, а то и просто ретуширования праволиберального экономического курса вместо того, чтобы принципиально поменять этот курс.

Во-вторых, за редким исключением Государственная Дума не в состоянии добиться того, чтобы законопроект стал законом без согласия Президента. Президент же в большинстве случаев отклоняет законы, направленные на расширение социальных прав граждан. Так, новая редакция статьи 7 Закона «О ветеранах», предусматривающая право стать ветераном труда для мужчин, имеющих трудовой стаж 40 лет и женщин — 35 лет, четырежды принималась Государственной Думой второго созыва, но ни разу не была подписана Президентом. За три срока депутатских полномочий автора из 9 законов в области образования, доходивших до Президента, с первого раза подписан лишь один! В свое время получали президентское вето обе редакции Закона РФ «Об образовании», Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», Федеральный закон «О выплате пенсии за выслугу лет работникам образования, занятым педагогической деятельностью в школах и других учреждениях образования для детей», Федеральный закон «О социальной защите инвалидов», Федеральный закон «О государственной поддержке начального профессионального образования» и т. д. и т. п. Сколько раз за тот же период отклонялись законы, предусматривающие повышение минимальной заработной платы или минимального размера пенсий, просто не счесть.

Нередко высокий процент отклоненных Президентом законов выдается за показатель низкого качества их юридической проработки. Слов нет, в каких-то случаях и это, наверное, имеет место. Однако гораздо чаще за юридической казуистикой президентских писем об отклонении законов скрывается простое, как три рубля, желание не допустить увеличения или даже поддержания на прежнем уровне бюджетных расходов на социальную сферу. Примером тому может служить полуанекдотический случай о том, как дважды отклонялся Президентом Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». После первого вето мы сочли, что на конфликт идти не стоит и текст с президентской стороны можно согласовать. Приняв практически все замечания представителя Президента в Государственной Думе, мы приняли закон повторно и спокойно ожидали его подписания, когда неожиданно на согласованный текст последовало... повторное вето! Думаю, в американской или французской прессе при такой ситуации был бы крупный скандал. У нас же на такие «мелочи» никто не обращает внимания. Как выяснилось, представитель Президента просто был в командировке и не успел оповестить своих коллег из главного ГПУ при Президенте о том, что все согласовано. Они же в соответствии с общей установкой на отклонение написали повторные замечания о несоответствии закона Конституции, Гражданскому Кодексу и т. д. и т. п. и пр., причем длиннее прежних. От законодателя требовали, например, объяснить в Законе, что такое факультативные курсы! Число таких примеров можно множить без труда.

Вернемся, однако, к главному. Для того, чтобы преодолеть вето Президента, требуется 2/3 голосов в обеих палатах Парламента. Как уже говорилось, в Государственной Думе это возможно лишь при условии поддержки левого блока со стороны, как минимум, двух не союзных ему фракций и групп (ЛДПР, НДР, «Яблока», «Российских регионов» — в любом сочетании). Такая поддержка сама по себе — сравнительная редкость. Именно из-за ее отсутствия Государственная Дума не смогла, например, принять ни одной из подготовленных поправок к Конституции, направленных на устранение дисбаланса полномочий между Президентом и Парламентом, в том числе на превращение нижней палаты из «думы» в настоящий законодательный орган.

Еще реже набирается 2/3 голосов за преодоление президентского вето в верхней палате Парламента — Совете Федерации, нынешний состав которого, в отличие от Совета Федерации первого созыва, формируется уже не путем прямого избрания, но по должности — из руководителей законодательных (представительных) и исполнительных органов власти субъектов Российской Федерации. Понятно, что региональные лидеры, и в особенности губернаторы, без особой нужды не хотят «ссориться» с Президентом, в то же время испытывая гораздо более слабое давление избирателей по сравнению с депутатами Государственной Думы. Помимо всего прочего, у Президента и Правительства всегда есть «рычаг» давления на регионы в виде трансфертов и субвенций. Работая в Совете Федерации первого созыва, лично слышал от руководителя законодательного собрания одной из областей, а ныне ее губернатора, следующие рассуждения (цитирую близко к тексту): «Мужики! Я-то понимаю, что бюджет никуда не годится! Но если я за него не проголосую, моей области не дадут ни рубля!» В условиях, когда подавляющее большинство российских регионов и республик является дотационным, подобный «рычаг» влияния оказался исключительно действенным.

Справедливости ради к этому следует добавить, что в большинстве законов социальной направленности, принимаемых Государственной Думой, по крайней мере, часть расходов отнесена не к федеральному, но к региональным и местным бюджетам. Соответственно главам законодательной и исполнительной власти субъектов федерации, составляющим верхнюю палату Парламента, приходится семь раз подумать перед голосованием, способен ли региональный бюджет принять на себя соответствующие расходы. По важности этот фактор вполне сопоставим с президентско-правительственными механизмами воздействия на членов Совета Федерации и еще более затрудняет принятие федеральных законов, направленных на социальную поддержку граждан, а в особенности на преодоление вето Президента по таким законам.

В-третьих, даже в случаях, когда в обеих палатах Парламента набиралось необходимое для преодоления вето 2/3 голосов, долгое время «гаранта Конституции» было невозможно заставить выполнить ее элементарное требование — подписать соответствующий закон. В ход шли регламентные ухищрения: депутатов обвиняли то в неоднократном возвращении к одному и тому же вопросу, то в неточности формулировок при постановке его на голосование, то в голосовании бюллетенями «не такими, как надо», то вообще считали «по головам». В последнем, как известно, особенно преуспел представитель Президента в Государственной Думе А. А. Котенков. При этом не помню ни одного случая, когда бы подобный «поголовный учет» производился при рассмотрении в зале законопроектов, внесенных Президентом либо Правительством. Зато эта сомнительная процедура каждый раз пускалась в ход, когда Парламент пытался преодолеть вето Президента либо рассматривал «неудобный» для него федеральный конституционный закон.

Быть может, наиболее драматический для страны «регламентный» сюжет был связан с Федеральным Законом «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» и относился к рубежу 1995—1996 гг. Тогда и Государственная Дума, и Совет Федерации первого созыва сумели преодолеть вето Президента по названному выше Закону в редакции, предусматривавшей установление размера минимальной заработной платы, пенсий и пособий не ниже прожиточного минимума в Российской Федерации. Даже в тогдашнем, выборном, Совете Федерации обсуждение Закона шло трудно: депутаты трижды возвращались к голосованию и лишь с последней попытки набрали необходимые 2/3 голосов. Не скрою: наряду с другими, мне также пришлось убеждать и удалось убедить часть депутатов голосовать за это решение. Действующая Конституция — и позднее это было подтверждено Конституционным судом — не оставляла Президенту никакого другого выбора, кроме как подписать Закон, а в случае сомнений в чистоте соблюдения процедурных норм — обжаловать действия Парламента в том же Конституционном Суде. Президент же, не сделав ни первого, ни второго, без рассмотрения вернул Закон в Совет Федерации, указав верхней палате Парламента на нарушение ею ее же собственного регламента.

Вместо того чтобы немедленно обратиться в Конституционный суд, Совет Федерации по инициативе тогдашнего председателя палаты В. Ф. Шумейко вступил с Президентом в переписку. Суть письма, направленного В. Ф. Шумейко в адрес главы государства, можно свести к формуле: не царское это дело — заниматься мелочами вроде парламентского регламента! В ответ была получена грозная отповедь, суть которой заключалась в том, что Президент — сам себе голова, лучше всех знает свои полномочия и не потерпит, чтобы кто-то указывал ему на нарушение Конституции.

Пока автор этих строк, избранный к тому времени депутатом Государственной Думы второго созыва, совместно с коллегами готовил проект обращения в Конституционный суд, новый, формируемый по должности, Совет Федерации отменил решение своих предшественников, но когда попытался повторно принять Закон в прежней редакции, за него было подано всего 44 голоса против 120 голосов в выборном Совете Федерации первого созыва!

В результате согласительных процедур Закон был подвергнут «секвестру», что и требовалось президентской стороне. Теперь в нем записано: «Минимальный размер оплаты труда и минимальный размер пенсии по старости в Российской Федерации поэтапно повышаются до величины прожиточного минимума. Соотношение между минимальным размером оплаты труда, минимальным размером пенсии по старости и величиной прожиточного минимума на очередной финансовый год устанавливается федеральным законом о федеральном бюджете на соответствующий год». Кстати сказать, даже эти нормы Закона, мало что дающие рядовому гражданину (ибо приближать минимальные зарплаты и пенсии к прожиточному минимуму можно десятилетиями!), не выполнены Правительством при подготовке федерального бюджета на 1999 г. и скорее всего, несмотря на запрос автора этих строк на имя премьера С. В. Степашина, не будут выполнены и при представлении бюджета 2000 г.

Один из многочисленных парадоксов революционной России 90-х гг. заключается в том, что

юридический фетишизм и юридический нигилизм поразительным образом не только сочетаются, но и взаимно обуславливают друг друга. По поводу любой из бесчисленных проблем в средствах массовой информации, а то и от Президента можно услышать: это потому, что Дума не приняла необходимых законов! Но лишь только закон подписан Президентом и вступает в силу, как те же лица начинают «петь» по-другому: закон плохой — мы его исполнять не будем!

Стараясь избегать как юридического фетишизма, так и юридического нигилизма, не будем преувеличивать значение того факта, что Президент не исполнил свою собственную Конституцию и не подписал Федеральный закон «О прожиточном минимуме в Российской Федерации». Скорее всего, даже если бы Закон был подписан, он вошел бы в число хронически неисполняемых. Однако вступление Закона в силу стало бы бесспорным основанием для выдвижения требований о повышении минимальных размеров оплаты труда, пенсий, пособий со стороны профсоюзных, ветеранских и иных общественных организаций социальной направленности, а также со стороны политической оппозиции. Не исключено, что это хотя бы отчасти заставило бы президентскую команду пересмотреть курс экономической политики в направлении большего баланса интересов между «новыми русскими» как социально-политической опорой власти и подавляющим большинством народа.

В-четвертых, согласно действующей Конституции, Государственная Дума не наделена правом толкования не только основного закона страны, но также принимаемых Парламентом федеральных конституционных законов и федеральных законов. Подобная ситуация в парламентской практике более или менее развитых стран — крайняя редкость: по общему правилу толкование законов дают те, кто их принимает. В России же правом официального толкования законов наделен лишь Конституционный суд, а по факту законы трактуются Президентом и его окружением, причем сплошь и рядом совершенно произвольно. Конституционный же суд в лучшем случае подтверждает либо опровергает президентскую трактовку по запросам Парламента, иногда спустя годы. Так было с запросом о правомерности действий Президента в период чеченской войны, когда Конституционный суд, за исключением четырех своих членов, к удивлению всей страны признал, что Президент действовал в пределах своих полномочий. Так было и с Законом «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации», который был возвращен Президентом в Парламент без рассмотрения на основании нарушения Госдумой и Советом Федерации, по мнению Президента, регламентных норм — в этом случае Конституционный суд признал действия Президента неправомерными.

Излишне говорить о том, что попытки Государственной Думы ввести в различные законопроекты нормы о праве Парламента толковать принимаемые им законы неизменно отклонялись Президентом России.

В-пятых, ни российский Парламент в целом, ни Государственная Дума — в частности, не наделены правом контроля над исполнением законов — и это тоже уникальная ситуация в мировой парламентской практике. Обычно контрольная функция входит, так сказать, в «джентльменский набор» полномочий любого законодательного органа в условиях сколько-нибудь демократической системы. Автор этих строк входил в число разработчиков поправки к 102-й статье Конституции, предполагавшей наделение контрольной функцией для начала хотя бы верхней палаты российского Парламента — Совета Федерации. Впрочем, эта попытка расширить полномочия Парламента, как и все другие, закончилась ничем.

Подводя итоги сказанному, следует заметить, что при действующей Конституции и существующей политико-юридической практике Российская Государственная Дума никак не может претендовать на статус ведущей палаты полноценного Парламента. Соответственно и российский политический режим 90-х гг., согласно азбуке политической науки, никак не может характеризоваться как режим демократический, но в лучшем случае — как авторитарно-демократический, т. е. авторитарный — по существу, демократический — по форме легитимации власти. Политическая наука, включая ее классика Макса Вебера, давным-давно выработала для подобных режимов специальный термин — мнимый конституционализм.

2. Государственная Дума второго созыва: вина и беды

Итак, стереотипы российской официальной пропаганды в отношении работы Государственной Думы второго созыва либо содержат истину в незначительных дозах, либо просто являются ложными. Однако это отнюдь не означает, что нижняя палата Российского парламента и, в частности, фракция и

депутатские группы левой ориентации оказались в положении «без вины виноватых» и не могли сделать ничего другого, кроме того, что делали. Напротив, могли и должны были — если не для спасения страны, то, по крайней мере, для спасения собственной политической чести, для будущего левого движения, а тем самым — и для подготовки будущих перемен к лучшему, будущего возрождения отечества. Вот только вина Государственной Думы и представленных в ней левых депутатов совсем не такова, как ее изображают средства массовой информации, а подчас прямо противоположна. В целом слабости в работе Госдумы и ее левого крыла, которые могут быть поставлены в вину нижней палате Парламента, сводятся к трем основным.

«Перфектофобия» — испуг перед призраком прошлого

Читателю, воспитанному на агитках и «страшилках» на тему о намерении левых вернуть страну к Сталину и Брежневу, подобное утверждение наверняка покажется нелепым, если не абсурдным. И тем более нелепым, что в выступлениях последнего времени лидеры КПРФ и других левопатриотических организаций чаще упоминают Сталина, чем Ленина, а лидеры рангом пониже в средствах массовой информации и на митингах постоянно ностальгируют по прошлому, доказывая, что в Советском Союзе все было «лучшее в мире». Тем не менее берусь утверждать: синдром революционного отрицания вкупе с антикоммунистической пропагандой настолько сильно подействовал на лидеров левого движения, вызвал столь сильный испуг, что они, как правило, не отваживаются не только делать решительных шагов, но даже и предлагать те меры по усилению государственного регулирования экономики, которыми пользовались в свое время Франклин Рузвельт, послевоенные правительства европейских стран и без которых выход из глубочайшего российского экономического кризиса представляется невозможным. Вот лишь несколько «упрямых» фактов.

Во-первых, вспомните, уважаемый читатель, кто в России, кроме Виктора Анпилова и аналогичных ему левых радикалов, публично требует пересмотра результатов ваучерной приватизации, называя ее крупнейшей экономической аферой XX в.? Это отнюдь не Геннадий Зюганов, но руководитель «образцового капиталистического города» Юрий Лужков! И причина здесь не только в том, что за Лужковым стоят конкуренты нынешних «олигархов», а равным образом и часть самих «олигархов», чувствующих себя обделенными в период великого передела созданной другими собственности, но и в том, что Лужков не боится обвинений в попытке вернуть страну к Брежневу и Сталину, хотя сам он, кстати сказать, гораздо авторитарнее Геннадия Зюганова. Что же касается Сталина, имя которого столь часто упоминается лидерами НПСР и других патриотических организаций, то во второй половине 90-х гг. его дух тревожит не только левых, но и правых (В. Жириновский и даже В. Черномырдин), причем не только антикоммунисты, но и коммунисты отдают ему дань уважения не в качестве одного из «классиков марксизма», но как раз напротив — в качестве государственника, который ценою колоссальных жертв воссоздал и укрепил, по одной терминологии, Российскую империю, а по другой — Великую Россию.

Во-вторых, предвыборная платформа Геннадия Зюганова в 1996 г., — та самая, по поводу которой средства массовой информации, захлебываясь от подлинного или притворного ужаса, дружно кричали, что как только он придет к власти, так у всех все отберет, — эта предвыборная платформа была никак не партийной, но общенациональной и, более того, не только не содержала ничего специфически коммунистического или вообще радикального, но, напротив, была весьма, а может быть, даже слишком умеренной. Ни национализации, ни рабочего контроля, даже никаких мер в духе «нового курса» Рузвельта — ничего подобного в этой программе записано не было.

Вспоминаю свой разговор в канун выборов с лидером левого крыла британских лейбористов Кеном Ливингстоном, приехавшим в Москву, чтобы на месте ознакомиться с президентской кампанией по-российски. Мало того, что видный политик был просто поражен абсолютным неравенством возможностей, созданных для кандидатов в Президенты в российском эфире и печати, и утверждал, что ничего общего с европейской демократией эта практика не имеет. Изучив все ту же предвыборную платформу Геннадия Зюганова, Кен Ливингстон прямо заявил, что его хоть сейчас можно принимать в лейбористскую партию и, более того, что эта платформа недостаточно радикальна для условий рекордного российского кризиса.

В-третьих, несмотря на то, что в Государственной Думе второго созыва левые имели крупнейшую фракцию, две депутатских группы, а Юрий Маслюков возглавлял один из ведущих экономических комитетов — Комитет по экономической политике; несмотря на то, что в канун президентских выборов 1996 г. печать была полна сообщениями о подготовленном левыми законопроекте,

предусматривавшем выкуп государством наиболее доходных предприятий по цене их продажи либо переоценку их стоимости и уменьшение доли акций, принадлежащих негосударственным акционерам, в соответствии с реально затраченными ими средствами; несмотря на убийственные оценки результатов приватизации, данные специальной думской комиссией,— несмотря на все это ни один закон, требующий принципиального пересмотра результатов приватизации, на пленарном заседании Государственной Думы второго созыва не рассматривался!

Впрочем, как минимум, однажды эта проблема была поставлена, но поставили ее не левые экономисты, а автор этих строк в специальном Федеральном Законе «О государственной поддержке начального профессионального образования». Этот Закон, принятый Государственной Думой и Советом Федерации в 1996 г., но отклоненный, как почти все законы в области образования, Президентом Российской Федерации, предусматривал среди прочего возвращение в федеральную собственность решением суда учреждений начального профессионального образования, созданных на государственные деньги до 1992 г., приватизированных вместе с предприятиями и не используемых по назначению. Государственная Дума пыталась преодолеть вето Президента, но не смогла. Приведенный ниже отрывок из стенограммы пленарного заседания Государственной Думы, на котором обсуждался вопрос, дает представление о том, какую ярость и негодование со стороны представителя Президента вызвала эта, кажется, единственная попытка Государственной Думы посягнуть на «святая святых» — итоги приватизации.

А. А. Котенков: «Закон нарушает положение Конституции о правах собственника. Я прошу обратить ваше внимание на пункт 3 статьи 1, в котором предписывается: «Находящиеся в собственности...» — я пропускаю там другие показатели — «... негосударственных организаций и не используемые для образовательных целей в системе начального профессионального образования объекты учебной, производственной и социальной инфраструктуры... созданные до 1992 года, подлежат передаче в федеральную собственность решением суда». Простите меня, мы прекрасно знаем о том, что многие учебные заведения профессионального образования были расформированы и их инфраструктура сменила собственника. Извините меня, иначе, как экспроприацией это назвать нельзя».

О. Н. Смолин: «Нарушения статьи 35 Конституции и так называемой экспроприации в законе нет и в помине. Цитирую часть 3 статьи 35: «Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда». Уважаемые коллеги! Откройте наш закон, статья 1, пункт 2, часть вторая: там так и написано — «судебным решением». В 1992—1993 годах законодательной и исполнительной властью было издано несколько актов, запрещавших приватизацию образовательных учреждений вместе с соответствующими предприятиями. У меня на руках один из таких документов — это постановление Правительства № 312 от 13 мая 1992 года, подписанное Борисом Николаевичем Ельциным. Могу прочесть пункт 8, если хотите: «Установить, что не допускается изъятие или изменение служебного назначения зданий и сооружений, используемых учреждениями, предприятиями и организациями системы образования, предоставленных им земельных участков без согласования с Министерством образования...» и так далее по тексту. Никаких экспроприаций мы вообще не проводим. Речь идет только о том, чтобы суды спокойно разобрались, что было сделано законно, а что нет» (Стенограмма пленарного заседания Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.— 16 октября 1996 г.; Стенограмма пленарного заседания Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.— 23 октября 1996 г.).

В дальнейшем единственный, кто на памяти автора на пленарном заседании Государственной Думы ставил вопрос о необходимости Закона о национализации, был, как ни странно, печально известный Альфред Кох! Вероятно, с его стороны подобная постановка вопроса имела тройкий смысл:

а) косвенное признание того, что приватизация в России по объему, а особенно по темпам и механизмам, вышла за сколько-нибудь рациональные рамки;

б) своеобразный упреждающий удар (пусть лучше Госкомимущество само подготовит удобный для него Закон о реприватизации, чем это сделают левые);

в) отражение настроений некоторых новых собственников, которые, сняв «финансовые» сливки с не-ожиданно обретенных предприятий, не имея способности к управлению и не желая делать серьезные инвестиции, хотели бы повторно обогатиться за счет государства, вернув ему на выгодных для них условиях то, что совсем недавно получили практически даром.

Повторю: левые в Государственной Думе ни разу не довели проект закона о национализации (либо шире — о пересмотре результатов приватизации) до пленарного заседания Государственной Думы, и это лучшее доказательство того, как сильно подействовало на их лидеров шельмование в средствах массовой информации и обвинения в намерении вернуть прошлое.

На самом деле, отказавшись по ключевому направлению от попытки сдвинуть влево курс экономической политики и сосредоточившись преимущественно на символах (гимн, герб, флаг, попытка восстановления памятника Дзержинскому и т. п.), левые в Государственной Думе совершили ошибку, по крайней мере, тройкого рода: с одной стороны, они отдали Лужкову лозунг, который должен был стать одним из основных в их собственной программе; с другой — вызвали недовольство лево-радикальной части избирателей, у которых усилилось ощущение, что Государственная Дума занимается исключительно разговорами и парламентскими играми; наконец, в-третьих, сохранили для официальной пропаганды возможность пугать народ все тем же лозунгом: «Все отберут», тогда как из законопроекта сразу стало бы ясно, что речь может идти лишь о частичной национализации, о возвращении в государственную собственность наиболее доходных предприятий, приватизированных с нарушением закона и по бросовым ценам. Разумеется, подготовленный левыми проект закона о национализации не имел никаких шансов на подписание Президентом и достаточно мало шансов — на прохождение через Совет Федерации. Однако даже обсуждение закона в Государственной Думе и обнародование связанных с ним ожидаемых доходов в бюджет стали бы доказательством серьезных намерений левой оппозиции, наличия у нее внятной экономической программы и в конце концов укрепили бы влияние левых среди избирателей.

Дефицит кадров и идей в области экономики

Наряду с испугом перед призраком прошлого, этот дефицит во многом объясняет сравнительно низкую эффективность, — не скажу: результатов, поскольку они зависят в основном от Президента, — но самой законотворческой деятельности Государственной Думы. Причем совершенно очевидно, что дефицит этот имеет две составляющие: кадровую и концептуальную. Начнем с первой.

Дефицит кадров, в свою очередь, выражается двояким образом: с одной стороны, большинство квалифицированных экономистов в современной России принадлежат не к левым, но к правым или центристским движениям; с другой — большинство квалифицированных экономистов в составе левых политических движений принадлежат не к левому, но к правому их крылу, оказываются, так сказать, самыми правыми среди левых.

Вспоминаю свой разговор с одним из лидеров фракции КПРФ в Государственной Думе второго созыва в самом начале ее работы. Спрашиваю: почему левые добровольно отдают правым ключевые экономические комитеты (в том числе бюджетный и комитет по собственности)? Слышу в ответ: при нынешнем Президенте сделать в экономике все равно ничего нельзя, а если возьмем под себя комитеты, придется за политику этого Президента еще и отвечать; пусть уж это делают «Яблоко» и НДР. Подобная аргументация не лишена оснований, однако есть в ней и невысказанные опасения, что, оказавшись у руля экономических комитетов, думские экономисты из числа левых фракций окажутся не слишком способными продуцировать идеи и законопроекты, направленные на качественное изменение курса экономической политики. И это опасение в целом подтвердилось: во второй Государственной Думе крупномасштабные инициативы левых в области экономической политики сравнительно немногочисленны и относятся, главным образом, к 1998 и 1999 гг. (идеи бюджета развития, повышения налога на верхнюю часть супердоходов физических лиц, слабые попытки регулирования вывоза капитала, включая усиление уголовной ответственности за нарушение законодательства в этой сфере и т. п.).

Разумеется, дефицит экономических кадров и концепций должен быть поставлен в вину левым, и в особенности тем, кто формировал предвыборные списки КПРФ — единственной левой партии, которой удалось преодолеть 5-процентный барьер. Однако справедливость требует признать, что это не только вина левых, но в еще большей степени их беда. Говорю: беда, поскольку проблема имеет свои корни не только в кадровой политике, но и в объективных процессах. Таких корней, как минимум, два.

Во-первых, среди трех наиболее эффективных методов управления народом: насилие, подкуп и обман (манипулирование с помощью средств массовой информации), — новейшая российская революция, в отличие от своей предшественницы — революции Октябрьской, явно отдавала предпочтение двум последним, впрочем, не избегая и первого. Буржуазный характер революции и ее бюрократическая форма заведомо предполагали привлечение с помощью подкупа на ее сторону не только всякого рода начальства, которому почти даром передавалась собственность, созданная усилиями всего народа, но также и верхних слоев интеллигенции, которые в новых условиях получили возможность «капитализировать» свои способности. Среди первых ушли в бизнес очень многие способные экономисты, вместе с бытием срочно поменяв и свое сознание, некогда сформированное

догматизированным марксизмом. Это во многом объясняет дефицит экономических кадров среди левых законодателей.

Во-вторых, характерный для любой революции феномен «маятника», общие тенденции эпохи сказываются не только на массовом сознании, но и на сознании теоретиков. Когда-то Фридрих Август Хайек удивлялся тому, что большинство современных ему политиков и экономистов видели перспективу развития цивилизации в усилении государственного регулирования, плановых начал, ограничении рыночной стихии, что для него во всех случаях было равнозначно социализму. Теперь ситуация прямо обратная: подавляющее большинство экономистов, за исключением немногочисленных левых радикалов и сторонников самоуправленческих моделей, которые оказались в положении политических маргиналов, не видят иных перспектив, кроме рыночной экономики (что в данном случае равнозначно капитализму). В рамках же этой модели наиболее логичными представляются разного рода либеральные проекты, отличающиеся лишь по степени радикальности (Е. Гайдар, В. Черномырдин, Г. Явлинский и др.). Отсюда — общее поправление левых экономистов, с одной стороны, и дефицит у них концептуальных идей — с другой.

Если прибавить к этому, что, погружившись в работу экономических комитетов, левые экономисты быстро убеждаются в том, как сложно изменить ситуацию при действующей Конституции и Гражданском кодексе и расстановке политических сил, и вместе со всеми депутатами попадают в сферу действия лоббистов всевозможных фирм, зачастую представляющих криминально-бюрократический капитал, исчезают последние сомнения в том, что идейный и кадровый дефицит среди левых экономистов закономерен и объясним, хотя в глазах широких слоев населения это вряд ли может служить оправданием для Государственной Думы.

Дефицит стратегической инициативы и политического мужества

Политические противники левых в Государственной Думе второго созыва давно подметили одно уникальное обстоятельство, отличающее российскую политическую систему второй половины 90-х гг., а именно: правительственный политический курс, который левая оппозиция резко критиковала как антинародный и антигосударственный (добавим: критиковала совершенно справедливо), в Парламенте частично одобрялся голосами... все той же оппозиции! Вот лишь несколько фактов.

Государственная Дума конституционным большинством утвердила назначение премьера В. Черномырдина в 1996 г. и премьера С. Степашина в 1999 г. Последнее особенно выразительно, ибо С. Степашин, известный как один из активных организаторов Чеченской войны, был утвержден спустя всего 4 дня после того, как Госдуме не хватило 17 голосов, чтобы выдвинуть против Президента России обвинения в совершении особо тяжкого преступления как раз за развязывание Чеченской войны! Хотя и не сразу, с третьей попытки, но «изнасилованная», как тогда говорили, Государственная Дума в апреле 1998 г. дала согласие на назначение премьер-министром С. Кириенко, подтвердив еще раз, что в России Президенту сходит с рук любая политическая нелепость или прихоть. В памяти остались несколько однотипных коротких диалогов в тот напряженный апрельский день третьего голосования по кандидатуре С. Кириенко, причем все — с депутатами левых фракций.

— Олег Николаевич, как голосуете?

— Разумеется против, а Вы?

— Это неправильно: нельзя давать им возможность роспуска Государственной Думы — потом выборов не дождемся!

И хотя лидеры фракции «Яблоко» напрасно «надували щеки», утверждая, что никто из членов фракции за Кириенко не голосовал (на самом деле, вопреки фракционному решению, несколько депутатов бюллетени взяли), нельзя сказать, чтобы в критике левых «яблочники» были совсем не правы: во всяком случае, С. Кириенко в тот день не мог быть утвержден без некоторого количества депутатских голосов от левой оппозиции.

Наконец, невозможно отрицать и того, что часть левых депутатов ежегодно отдавали свои голоса за Закон о федеральном бюджете, в котором выражена квинтэссенция экономической политики Правительства, тем самым принимая на себя и часть ответственности за нее. Более того, для обоснования этой позиции был изобретен специальный аргумент, который использовался на пленарных заседаниях Государственной Думы, в том числе даже ее Председателем, главным образом против депутатов фракции «Яблоко», но не только против них. Суть этого аргумента в том, что депутаты, голосующие против бюджета, якобы не имеют права подавать к нему поправки в интересах своих регионов, отраслей или организаций. Такую норму предлагалось даже внести в

регламент, хотя антиконституционность подобного ограничения права законодательной инициативы совершенно очевидна.

Оставим, однако, в стороне вопрос об отношении к морали позиции депутатов фракции «Яблоко», которые благодаря многолетнему доминированию в бюджетном Комитете, как правило, успешно закладывали в федеральный бюджет интересующие их строки и объекты, но затем голосовали против бюджета в целом. Отметим более важные. Демонстративный отказ большинства «яблочников» от поддержки федеральных бюджетов, их готовность, как в случае с Сергеем Кириенко, идти на досрочные выборы депутатов Госдумы в совокупности с жесткой критикой правительственного курса (даже когда Михаил Задорнов и Оксана Дмитриева уже находились в составе Правительства) — все это, наряду с податливостью части левых, имело два важных политических последствия.

С одной стороны, левые потеряли часть своего потенциального электората, а с другой — «Яблоко» свой электорат расширило, причем отчасти именно за счет электората левых. Последнее объясняется довольно просто: в условиях, когда преобладают «протестные голосования», когда люди плохо различают левых и правых вообще, левую и правую оппозицию — в особенности, — в таких условиях за «своего» принимается каждый, кто резко выступает против существующего режима и экономической политики, вне зависимости от того, за какой режим и за какую экономическую политику он ратует.

На самом деле есть серьезные основания предполагать, что курс «яблочного» правительства, например, по отношению к бюджетным сферам, был бы не менее, а возможно, и более жестким, чем курс критикуемых ими правительств. Напомню, что именно министр финансов Михаил Задорнов предлагал в 1999 г. сделать то, чего не предлагал сделать даже министр финансов Анатолий Чубайс — сократить расходы на образование на 4,5 миллиарда рублей (с 17,2 до 12,7 миллиарда). От полного финансового краха систему образования спас только приход к власти премьер-министра Евгения Примакова. Напомню, что среди 7 фракций и групп Государственной Думы фракция «Яблоко» имеет только пятый результат голосований по 20 ключевым законам и законопроектам в области образования и стоит ниже не только коммунистов (84,3%), аграрников (73,2%) и «Народовластия» (66,4%), но и фракции Жириновского (64,6%), в среднем отдавая за законы в области образования лишь 56,1% голосов, что примерно на 6,5% ниже среднего по Думе. Хуже фракции «Яблоко» по вопросам образования в Государственной Думе голосовали лишь группа «Российские регионы» (49,6%) и фракция «НДР» (42,3%).

Разумеется, во фракции «Яблоко» есть социальное (социал-демократическое) крыло, однако в тех случаях, когда речь идет не о политических заявлениях, а о реальных действиях, партийную позицию определяют не социал-демократы, но руководящее либеральное ядро. Поэтому вполне вероятно, что часть избирателей, которые проголосуют за «Яблоко», принимая его за реальную альтернативу курсу Б. Ельцина (например, за защитника интересов интеллигенции), в случае прихода этой партии к власти вынуждена будет повторять вслед за В. Черномырдиным: хотели — как лучше...

Вернемся, однако, к Государственной Думе и ее левому крылу. Помимо фракционного состава палаты (где левые, напомню еще раз, получили около 210 голосов), ее нерешительность в критические моменты борьбы объясняется прежде всего двумя обстоятельствами. Первое из них — опыт Октября 1993 г.; второе — неурегулированность вопроса о политических и социальных гарантиях для депутатского корпуса в случае досрочного роспуска Госдумы.

Хотя сравнительно немногие депутаты Госдумы второго созыва, включая автора этих строк, лично пережили московскую трагедию 21 сентября — 4 октября 1993 г., призрак горящего российского «Белого дома» вставал в депутатской памяти каждый раз, когда возникала угроза роспуска нижней палаты Парламента. Согласно известному афоризму, каждый вопрос имеет три решения: правильное, неправильное и «как в армии». При всей склонности российского Президента решать ключевые проблемы последним способом страх многих парламентариев перед повторением танкового расстрела представляется сильно преувеличенным.

Во-первых, в отличие от предшественницы, нынешняя Конституция России дает Президенту чрезвычайно широкие возможности для роспуска Государственной Думы на законном или полузаконном основании. Законными основаниями могут быть, например:

постановка вопроса о доверии Правительству, проводящему «непопулярные» меры;

отставка популярного премьера и предложение Думе другой, заведомо худшей кандидатуры (причем эту процедуру Президент может повторять хоть каждую неделю, не нарушая Конституции, пока унижение Парламента не превысит все возможные пределы) и др.

Справедливости ради стоит отметить, что разработчики Конституции впопыхах не прописали в

ней возможность увязывания вопроса о доверии Правительству с принятием какого-либо ключевого законопроекта (например, бюджета), как это делается, скажем, во Франции. Это дает возможность Думе, хотя опять же унижительную, одновременно выразить Правительству доверие и провалить важный для него законопроект.

Полузаконные возможности возникают при действительных или мнимых коллизиях между конституционными нормами. Такая ситуация как раз и могла возникнуть в мае 1999 г., если бы Госдума, с одной стороны, набрала 300 голосов за выдвижение обвинения против Президента, а с другой — трижды не утвердила кандидатуру нового премьера. Тогда, согласно статье 93 Конституции, Президент не имел права роспуска Госдумы в течение всего срока процедуры отрешения от должности, но не более 3 месяцев. Согласно же статье 111 Конституции, после трехкратного отклонения предложенных кандидатур он должен был распустить Государственную Думу и назначить новые выборы. И хотя совершенно очевидно, что статья 93 не предполагает никаких исключений и коллизия норм является вымышленной, в России конца 90-х гг. прав, наверняка, оказался бы тот, у кого больше прав, т. е. Президент, который скорее всего, не дожидаясь решения Конституционного суда, издал бы Указ о роспуске Госдумы, а если бы она не подчинилась Указу, мог в очередной раз попытаться применить силу оружия. Кстати сказать, даже в этом случае у Президента был вполне конституционный и выгодный для него выход. Он состоял в том, чтобы немедленно после третьего отклонения кандидатуры издать Указ о роспуске Государственной Думы, но не со дня подписания Указа, а, например, со дня окончания трехмесячного срока после начала процедуры отрешения Президента от должности.

Во-вторых, как показывает собственный опыт, в обоих случаях, когда депутаты Госдумы второго созыва действительно проявили характер, Президент не пошел на прямое насилие и вынужден был отступить. Первый из таких случаев — принятие в марте 1996 г. в канун пятилетней годовщины референдума о сохранении Советского Союза постановления Госдумы, осуждающего Беловежские соглашения. И хотя всем с самого начала было очевидно, что юридических последствий это решение иметь не будет, что одним постановлением одной палаты российского Парламента невозможно отменить решение полутора десятков законодательных органов и такого же количества президентов, а тем более спустя семь с лишним лет вновь «войти в ту же реку», — несмотря на все это президентская команда решила перед выборами использовать ситуацию в своих интересах и по сути начала репетицию очередного государственного переворота.

Воскресным вечером 18 марта 1996 г. здание Государственной Думы было занято спецподразделениями, которые «искали мину», будто бы заложенную неизвестным злоумышленником. Депутаты и сотрудники аппарата из здания были удалены. «Поиски» продолжались всю ночь и утро следующего дня, пока не был получен приказ оставить здание Парламента. Согласно информации газеты «Завтра», Президент отказался от попытки насильственного разгона Государственной Думы лишь после того, как министр внутренних дел Анатолий Куликов заявил, что не выполнит антиконституционный приказ. Поскольку Анатолий Куликов, в отличие от Александра Коржакова, еще не выпустил в свет своих воспоминаний, с абсолютной достоверностью подтвердить или опровергнуть эту информацию не представляется возможным. Ясно одно: отступить от первоначальных намерений Президента заставила какая-то важная причина, и скорее всего этой важной причиной была позиция силовых структур, после октября 1993 г. не желавших нести ответственность за кровь защитников Конституции, на сей раз уже не «хасбулатовской», но «ельцинской».

Второй, и, кажется, последний пример политического мужества Государственной Думы — ее поведение в августе — сентябре 1998 г., когда провал эксперимента с Сергеем Кириенко завершился попыткой Президента произвести знаменитую «рокировку» и вернуть на прежнее место только что отставленного Виктора Черномырдина. После двух провальных голосований, согласно кулуарной информации, Президент подготовил третье письмо с представлением В. Черномырдина на должность премьера. Выступление же последнего на телевидении должно было начать массовую антипарламентскую по существу и антикоммунистическую по лозунгам кампанию. На сей раз Президента заставила отступить уже не мягкость силовых структур, но жесткость позиции Государственной Думы, большинство депутатов которой впервые явно предпочитали унижению досрочный роспуск. С другой стороны, в случае объявления досрочных выборов президентская команда могла получить в новой Государственной Думе уже не мифическое, а реальное оппозиционное большинство.

Что касается политических и социальных гарантий, то, согласно Федеральному закону «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания

Российской Федерации», в случае досрочного роспуска Государственной Думы депутатские полномочия последних прекращались немедленно, а связанные с досрочным увольнением с работы выходное пособие и другие социальные блага предусматривались только для депутатов Государственной Думы первого созыва. Разумеется, это также не повышало уровня политического мужества парламентариев. Однако каждый идущий в политику в российских условиях 90-х гг. обязан был знать, что это «производство» не только вредное, но и рискованное, где постоянно приходится делать выбор, в том числе между честью и благополучием.

Повторю еще раз: если бы большинство депутатов Государственной Думы обладали политической решительностью и не отдавали политическую инициативу команде Президента, страна могла бы получить последствия двоякого рода: либо при сохранении прежнего политического статуса роль, а значит и ответственность Государственной Думы *de facto* оказалась бы гораздо выше, что в свою очередь могло положительно сказаться на уровне социальной защищенности широких слоев населения; либо страна избрала бы Государственную Думу третьего созыва скорее всего более жестко настроенную по отношению к разрушительному экономическому курсу и способную в большей степени повлиять на ход событий. Совершенно очевидно, что оба варианта развития политического процесса предпочтительнее того, который реализовался в действительности. Однако оба они предполагают то самое сослагательное наклонение, которое истории неизвестно. И часть вины за это несет Государственная Дума второго созыва, в том числе ее левое крыло. Не случайно в кулуарах Государственной Думы от представителей президентской команды не-однократно приходилось слышать: нам повезло с лидерами оппозиции.

Разумеется, рассуждать о возможных политических сценариях гораздо легче, чем принимать ответственные решения, способные обернуться жизненной драмой для сотен людей. Однако если справедлива формула «На войне — как на войне», то не менее справедлива и иная ее интерпретация: «В революции — как в революции!» И хотя Россия переживает уже постреволюционный период, главные революционеры по-прежнему у власти. Строить же отношения с ними исключительно с помощью компромиссов и «круглых столов — значит заранее примириться с поражением.

3. «Импичменты» по-российски

Все, что было сказано выше о «поражении в правах» российской Государственной Думы, о бедах и вине депутатов, включая левое крыло, проявилось в концентрированном виде, когда в нижней палате Парламента началась процедура выдвижения обвинения против Президента Российской Федерации. В день первого пленарного заседания, посвященного этому вопросу, один из депутатов фракции ЛДПР потребовал, чтобы выступающие не употребляли слова «импичмент», и даже сам не знал, насколько был прав. Засорение русского языка «американизмами», против которого боролся депутат,— лишь внешняя сторона дела. Гораздо важнее другое: ни одна из четырех попыток отрешения Президента Ельцина от должности, в которых автору довелось принимать участие, ничем не напоминала аналогичную американскую процедуру. Впрочем, обо всем по порядку.

Первая попытка отрешить от должности Президента Ельцина была предпринята Съездом народных депутатов России 28 марта 1993 г. Неделями раньше Президент совершил первую в том году попытку государственного переворота, издав 20 марта Указ «Об особом порядке управления страной до преодоления кризиса власти», который Руслан Хасбулатов остроумно высмеял, как «ОПУС». Указ предусматривал, в частности, что решения высших органов законодательной власти — Съезда народных депутатов России и Верховного Совета — действуют в части, не противоречащей указам Президента, т. е. поставил не один десяток конституционных норм с ног на голову. Конституционный суд решением от 23 марта 1993 г. констатировал: «Обращение Президента Российской Федерации к гражданам России 20 марта 1993 года, в котором он обнародовал свои действия и решения по введению в стране особого порядка управления до преодоления кризиса власти, в ряде своих положений... не соответствует частям первой и второй статьи 1, части первой статьи 3, части второй статьи 4, статье 5, части третьей статьи 81.5, части пятой статьи 104, статьям 132.2, 136.4 Конституции Российской Федерации, а также Федеративному договору (статье VII Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации)».

Для того чтобы «раскачать» Съезд, группа народных депутатов России одновременно с вопросом об отрешении Президента Б. Ельцина от должности поставила и другой вопрос — о снятии с

должности Председателя Верховного Совета России Р. Хасбулатова. Отнюдь не бесспорная логика сторонников этой идеи сводилась к тому, что среди депутатского корпуса может обнаружиться некоторое количество людей, желающих избавиться не от одного из участников конфликта (хотя бы и главного его организатора), но от обоих сразу. Дополнительную пикантность ситуации придавало то, что для отрешения от должности Президента требовалось 2/3 голосов Съезда, тогда как для снятия Председателя Верховного Совета — всего лишь половина.

Обсуждение обоих вопросов было сравнительно недолгим, а голосование по ним дало следующие результаты: за отрешение от должности Президента России — 617, за снятие с должности Председателя Верховного Совета — 339. Необходимого количества голосов оба решения не набрали. Впрочем, как выяснилось позднее, риску в этот день подвергался один лишь Р. Хасбулатов. Президент России — это вам не какой-нибудь Никсон или Клинтон — с должности уходит не собиравшись вне зависимости от результатов голосований. Вот как описывает планы президентской команды на случай отрешения от должности Бориса Ельцина его многолетний верный друг Александр Коржаков в нашумевшей книге «Борис Ельцин: от рассвета до заката»: «Президент получил план спустя сутки. Суть его сводилась к выдворению депутатов сначала из зала заседаний, а затем уже из Кремля. По плану Указ о роспуске съезда в случае импичмента должен был находиться в запечатанном конверте. После окончания работы счетной комиссии (если бы импичмент все-таки состоялся) по громкой связи из кабины переводчиков офицеру с поставленным и решительным голосом предстояло зачитать текст Указа. С кабиной постоянную связь должен был поддерживать Барсуков, которому раньше всех стало бы известно о подсчете голосов.

Если бы депутаты после оглашения текста отказались выполнить волю президента, им бы тут же отключили свет, воду, тепло, канализацию... Словом, все то, что только можно отключить. На случай сидячих забастовок в темноте и холоде было предусмотрено «выкуривание» народных избранников из помещения. На балконах решили расставить канистры с хлорпикрином — химическим веществом раздражающего действия. Это средство обычно применяют для проверки противогазов в камере окуривания. Окажись в противогазе хоть малюсенькая дырочка, испытатель выскакивает из помещения быстрее, чем пробка из бутылки с шампанским. Офицеры, занявшие места на балконах, готовы были по команде разлить раздражающее вещество, и, естественно, ни один избранник ни о какой забастовке уже бы не помышлял.

Президенту «процедура окуривания» после возможной процедуры импичмента показалась вдвойне привлекательной: способ гарантировал стопроцентную надежность, ведь противогазов у парламентариев не было» (Коржаков А. Борис Ельцин: от рассвета до заката.— М.: Издательство «Интербург», 1997.— С. 159).

Можете ли Вы, читатель, представить себе, как отрешенный от должности Президент Соединенных Штатов «выкуривает» конгрессменов и сенаторов из здания Парламента с помощью спецсредств? Можете ли Вы представить себе, что тот же Президент, расстреляв Парламент, в конце концов не оказывается пожизненно в хваленом пенитенциарных учреждениях, а то и просто на электрическом стуле? Нет, импичмент — это у них. Это у них, когда в Сенате не хватает голосов для импичмента, Президент приносит свои извинения нации за мелкие грехи. У нас же во искупление своих великих грехов он готов потравить депутатов газом, а то и просто расстрелять Парламент. Какой уж тут «импичмент»!

Вторая попытка отрешить от должности Президента Ельцина приходится на 22 сентября — 4 октября 1993 г. Как известно, накануне, 21 сентября, Президент России издал Указ № 1400, которым фактически отменил Конституцию, распустил Парламент и назначил досрочные выборы нового двухпалатного Парламента на 11—12 декабря.

Заключение Конституционного Суда на президентский Указ № 1400 констатировало: «Указ Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина от 21 сентября 1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» и его Обращение к гражданам России 21 сентября 1993 года не соответствует части второй статьи 1, части второй статьи 2, статье 3, части второй статьи 4, частям первой и третьей статьи 104, абзацу третьему пункта 11 статьи 121.5, статье 121.6, части второй статьи 121.8, статьям 165.1, 177 Конституции Российской Федерации и служат основанием для отрешения Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина от должности или приведения в действие иных специальных механизмов его ответственности в порядке статьи 121.10 и 121.6 Конституции Российской Федерации».

До сих пор отчетливо помню ночь с 22 на 23 сентября 1993 г. Полутемный зал заседаний Верховного Совета, до отказа набитый российскими депутатами. Полутемный — поскольку подача электроэнергии была уже ограничена; переполненный — поскольку он был рассчитан лишь на 256

депутатов, избранных в постоянно действующий Верховный Совет, но никак не на всех тех из 1068 народных депутатов России, кто в соответствии с Конституцией и вопреки президентскому Указу на Съезд явились. Хорошо помню и собственные безуспешные попытки добиться принятия Постановления съезда не только об отрешении от должности Б. Н. Ельцина, но и о назначении одновременных досрочных выборов Президента и народных депутатов России. Тогда многие депутаты еще думали, что, сняв Президента, можно сохранить Съезд до конца срока полномочий. Прозрение наступило лишь через несколько дней.

Взгляд автора на дальнейшие события и причины кровавого исхода национальной драмы в свое время был изложен в статье «Три трагедии российской демократии». Здесь же стоит лишь в очередной раз заметить, что вторая попытка отрешения Президента Б. Н. Ельцина от должности, еще менее, чем первая, напоминала «импичмент». Вообще, импичмент как особая процедура, проводимая законодательным органом, возможен лишь там и тогда, где и когда уважение к закону и к законодательному органу стало стержнем политической культуры, элементом повседневного быта политической элиты и широких слоев народа. В условиях же страны с авторитарной культурой, где самодержавие веками было ограничено только царубийством, а власть Генерального Секретаря по многим позициям превосходила самодержавную, да еще страны, переживающей очередную революцию,— в таких условиях сила неизменно оказывается выше права, торжество «плебисцитарной демократии», включая прямые выборы Президента народом, оборачивается новым авторитаризмом, а «рациональная бюрократия» — бесстыдной камарильей. Впрочем, для обозначения последней чаще используется термин сицилийско-российской политической науки — «семья».

Третья попытка отрешить от должности Президента Б. Н. Ельцина относится к началу 1995 г. и вызвана военной авантюрой в Чечне. И в этом случае автору довелось быть непосредственным участником событий, на сей раз в качестве депутата Совета Федерации первого созыва. На пленарном заседании 18 января 1995 года решением палаты была создана специальная рабочая группа для подготовки проекта решения по чеченскому вопросу. Среди семи человек, составивших эту группу, преобладали депутаты, в тот период более или менее оппозиционные Президенту: Рамазан Абдулатипов, Елена Мизулина, Николай Кондратенко, Александр Титкин и автор этих строк. Соответственно и подготовленный проект решения оказался достаточно радикальным. Он не только требовал прекращения военных действий в Чечне, но и предлагал Государственной Думе поставить вопрос о доверии Правительству и начать процедуру отрешения Президента Б. Ельцина от должности. Разумеется, авторы проекта понимали, что он не имеет шансов быть принятым даже выборным Советом Федерации первого созыва. Однако при тайном голосовании, на котором настояла комиссия, от 60 до 70 «сенаторов» проголосовали за недоверие Правительству и отрешение Президента от должности — результат в высшей степени примечательный (см.: Совет Федерации. Заседание пятнадцатое: Стенографический отчет.— М.: Издание Совета Федерации.— 1996.— С. 354—372). Однако тем все и кончилось, ибо в Государственной Думе первого созыва дальше неудачной попытки сбора подписей процедура отрешения Президента от должности не пошла.

И вот, наконец, 13—15 мая 1999 года. Если до сих пор в российском политическом лексиконе 90-х гг. прилагательное «черный» закреплялось обычно за каким-нибудь одним днем недели (например, «черный вторник» — день одной из крупнейших финансовых махинаций или «черное воскресенье» — день расстрела российского Парламента), то теперь можно говорить о трех «черных» днях сразу. По аналогии с «импичментом» их можно было на английский манер назвать «черным уик-эндом». Не пытаясь повторить ни материалов Комиссии по выдвижению обвинения против Президента Б. Ельцина, ни многочисленных публикаций в печати, стоит заметить, что последняя попытка отрешения Президента России от должности была более всего похожа на импичмент, хотя по-прежнему оставалась далека от него, как земля от неба. На основных отличиях российской процедуры, тем более очевидных, что совсем незадолго до нее импичменту едва не был подвергнут Президент Соединенных Штатов Б. Клинтон, мы вкратце и остановимся. Главных отличий, по крайней мере, четыре: обилие и характер обвинений; уровень уважения к Парламенту и специальной Комиссии; методы воздействия на парламентариев; ожидаемые последствия и результаты.

Обвинения: de facto u de ure

В канун и в ходе процедуры выдвижения обвинения против Президента как его представитель в Парламенте, так и многие депутаты (например, депутат А. В. Митрофанов от ЛДПР) постоянно пытались доказать, что материалы российской Комиссии по выдвижению обвинения плохо

проработаны и не идут ни в какое сравнение с материалами аналогичной Комиссии американского Конгресса. При этом в пример соотечественникам ставились обилие томов по «делу Клинтона» и детальнейшая фактология о его высказываниях и поведении в соответствующие дни жизни, распisanная чуть не по минутам. Представляется, однако, что подобная аргументация — это в лучшем случае хорошая мина при плохой игре, а в случае ЛДПР — попытка оправдания очередного политического кульбита лидера. Ведь надо же как-то объяснить, почему «защитник Советского Союза» и «критик прозападного режима» выступил в роли едва ли не самого яростного апологета Б. Ельцина, превзойдя по преданности и темпераменту не только лидера НДР, но и самого представителя Президента в Государственной Думе.

В действительности сравнение обвинений двух Президентом дает результаты прямо противоположные мнению защитников российского политического режима. Суть вопроса — не в количестве томов (по «делу Ельцина» их тоже вполне достаточно), но в масштабах и тяжести содеянного. Потому-то американский спецпрокурор, а затем и спецкомиссия скрупулезно собирали свои материалы по крохам, иногда действуя по принципу известной песни Александра Галича «а из зала кричат: давай подробности!», что свои обвинения, если не с юридической, то, по крайней мере, с политической и человеческой точки зрения, им приходилось «возводить на песке», едва ли не «высасывать из пальца». Потому-то российской Комиссии не было никакой необходимости подглядывать в замочную скважину президентского кабинета или спальни, что руины возглавляемой Б. Ельциным России у всех перед глазами. Потому-то российское общественное мнение и воспринимало американскую политическую трагедию как фарс, по формуле «с жиру бесятса», что стабильность и достижения США при Клинтоне, а равно и его мелкие прегрешения, не идут ни в какое сравнение с аналогичными параметрами деятельности российского Президента. «Нам бы их проблемы, а им бы — нашего Президента», — постоянно приходилось слышать автору на встречах с людьми. Весьма остроумно, хотя и «на грани фола», та же мысль была выражена в известной частушке, обошедшей страницы многих газет и начинавшейся строками:

Говорят, что Клинтон Билл
Только Монику любил...

Переходя от фактической стороны дела к юридической, стоит указать на следующий парадокс: действия Президента Б. Ельцина, наиболее жестко осуждаемые массовым сознанием, не всегда столь же очевидно содержат признаки преступления и, наоборот, действия, в которых юридический криминал усматривается легко, не всегда столь же жестко осуждаются массовым сознанием. Это во многом объясняет тот факт, признанный потом ошибкой, что обвинения против Президента России были выдвинуты сразу по 5 пунктам: группа депутатов, выдвигавшая обвинения (в нее входил и автор), не могла игнорировать, с одной стороны, юридическую сторону вопроса, а с другой — общественные настроения. Сказанное относится и к позиции тех депутатов, которые публично демонстрировали свою юридическую беспристрастность. Такой известный юрист из фракции «Яблоко», как С. Попов, голосовал «за» по трем пунктам обвинений против Президента, а именно: в развале СССР в 1991 г.; в расстреле российского Парламента в 1993 г.; в развязывании чеченской войны в 1994—1996 гг., заявляя, что по двум другим пунктам при наличии фактической вины Президента трудно установить юридический криминал. На взгляд же автора, при наличии заключения Конституционного суда, согласно которому, развязывая чеченскую войну, Президент действовал в пределах своих полномочий, юридическая обоснованность обвинения Президента по этому пункту столь же дискуссионна, как и по пунктам о развале армии и геноциде собственного народа.

Пожалуй, с формально-юридической точки зрения наиболее обоснованными выглядят два первых пункта обвинения Президента: в развале Советского Союза и в расстреле российского Парламента. В первом случае невозможно доказать законность «ропуска» СССР путем денонсации Союзного договора 1922 г. Дело в том, что уже Конституция 1936 г. превратила СССР из договорной федерации в конституционную и, соответственно, автоматически действие этого договора прекратила. Денонсация несуществующего договора в качестве «законного основания» для «ропуска» Советского Союза была блестящей политической манипуляцией, благополучно выполненной в условиях воспаленного революционного сознания. Соблюдая хоть какую-то законность, распустить СССР было невозможно в принципе, хотя каждая республика имела право выйти из его состава на условиях, определенных специальным законом.

С другой стороны, и Декларация о государственном суверенитете РСФСР (12 июня 1990 г.), которая фактически способствовала разрушению Советского Союза, формально требовала лишь

суверенитета России в его составе и, следовательно, ни в малейшей мере не могла служить основанием для Беловежских соглашений. Ссылки на одобрение Беловежских соглашений Верховным Советом имеют лишь моральное, но никак не юридическое значение, ибо, во-первых, Верховный Совет не был высшим органом государственной власти в Российской Федерации — таковым, как известно, был Съезд народных депутатов, а во-вторых, согласно Конституции СССР, даже высшие органы власти даже самых крупных республик не могли принять решения о разделе страны, но лишь о начале процедуры выхода республики из ее состава. Под какую статью «подвести» действия Президента одной из республик по развалу Союзного государства — это уже проблема юристов. Но совершенно очевидно, что подобные преступления относятся к числу особо тяжких.

Если антиконституционному роспуску СССР пытались хотя бы придать некий псевдозаконный флер, то государственный переворот 21 сентября — 4 октября 1993 г. абсолютно лишен даже такого прикрытия. Решение Конституционного Суда по поводу Указа Президента № 1400 уже цитировалось выше. При его наличии Верховный Суд, несмотря на давление президентской администрации, вряд ли смог бы опровергнуть обвинения в адрес Президента, в крайнем случае он согласился бы с наличием в действиях Президента признаков преступления, предусмотренного частью 3 статьи 285 УК РФ — злоупотребление должностными полномочиями, повлекшее тяжкие последствия.

Вспоминаю свой разговор в сентябре 1998 г. в кулуарах сотой межпарламентской конференции с виднейшим, пожалуй, юристом фракции «Яблоко», к тому же происходивший в присутствии нескольких известных политиков. Тогда профессор права говорила почти дословно следующее: «Я посмотрела документы: 1993 год — это чистая «уголовка». Верховному Суду будет невозможно уклониться от обвинения».

Как уже говорилось, чеченская война была самым кровавым конфликтом на территории Российской Федерации и унесла, по разным оценкам, от 80 до 100 тысяч человеческих жизней, включая примерно 15 тысяч жизней российских парней, направленных Президентом и недалекими политиками из его окружения на усмирение мятежной республики. И хотя война велась без объявления чрезвычайного либо военного положения, и хотя в ее начале и Государственная Дума, и Совет Федерации принимали решения с требованием войну остановить, и хотя Парламент не ратифицировал Хосавьюртского договора, *de facto* делавшего Чечню независимой, Конституционный суд признал, что в этом конфликте Президент действовал в пределах своих полномочий. Таким образом, в России 90-х гг. был создан чрезвычайно опасный прецедент оправдания насилия: выяснилось, что можно уничтожить сотню тысяч граждан своей страны и при этом ни за что не отвечать.

Отметим между прочим, мягко говоря, не часто упоминаемую в российских средствах массовой информации связь между Беловежской Пущей и Чеченской войной. Дело в том, что Президент Джохар Дудаев был прямым политическим детищем Президента Бориса Ельцина. Он не просто рассуждал по той же логике: если Россия считает возможным выйти из Советского Союза вопреки Конституции СССР, то точно так же Чечня вправе выйти из состава России вопреки ее Конституции. Он не просто воплотил знаменитый лозунг Бориса Ельцина: берите суверенитета, сколько проглотите! Он к тому же еще и представлял себя патриотом СССР (большой России), регулярно выступая с заявлениями следующего типа: Россия незаконно вышла из состава Советского Союза; Чечня же закону верна и из состава СССР не выходила; поэтому она вынуждена была выйти из состава России; как только Беловежские соглашения будут отменены и Советский Союз восстановлен, Чечня признает себя республикой в составе этого Союза. Разумеется, за этой логичной конструкцией скрывался сепаратизм. Однако трудно оспорить, что конструкция была логичной, а по отношению к российскому Президенту — логичной убийственно.

С юридической стороны наиболее спорными выглядели два последних обвинения Президента: в развале армии и в геноциде российского народа. При этом сложность заключалась не в том, чтобы привести доказательства депопуляции или подрыва обороноспособности, но в том, чтобы доказать, что злоупотребления должностными полномочиями, повлекшие эти последствия, совершены Президентом из корыстной или иной личной заинтересованности. И все же на примере обвинения в геноциде риску утверждать, что признаки преступления в обоих случаях были налицо. В пользу такого утверждения свидетельствуют, по крайней мере, три группы фактов.

Во-первых, если в России 90-х гг. можно говорить о какой-либо стабилизации, то прежде всего — о стабилизации кризиса. Одной из стабильных кризисных тенденций этого времени стало сокращение населения, причем столь сильное, что специалисты дружно говорят о крупнейшей демографической катастрофе мирного времени в XX в. Согласно округленным данным официальной статистики, смертность в России превысила рождаемость: в 1992 г. — на 220 тыс. человек, в 1993 г. — на 750 тыс.,

в 1994 г.— на 920 тыс., в 1995 — на 785 тыс. человек и т. д. При этом даже самые «объективные» (т. е. приверженные президентскому курсу) демографы полагают, что, по крайней мере, на 1/3 это сокращение — результат «политики реформ»! Другие уверены, что «заслуги» этой политики гораздо выше. Если же говорить о будущем, то, согласно все тому же Госкомстату, при продолжении нынешних тенденций население Российской Федерации к середине XXI в. сократится вдвое.

Во-вторых, от имени Правительства, назначенного Президентом, всецело ему подчиненного, ответственного перед Президентом, но «безответственного» перед Парламентом, обществом и Государственной Думе многократно предлагались проекты «реформ», а также законопроекты, которые своим неизбежным следствием должны были иметь дальнейшее сокращение населения страны: повышение пенсионного возраста при снижении средней продолжительности жизни; вытеснение бесплатной медицины платными услугами при нищающем населении; сокращение круга лиц, получающих детские пособия, при падении рождаемости и т. п. (см. первый раздел статьи). Предполагать же, что, разрабатывая и внося в Парламент подобные проекты, Правительство либо администрация Президента были не в состоянии прогнозировать их демографические последствия,— значит усомниться не только в квалификации, но и в дееспособности высшего руководства страны.

В-третьих, на протяжении 90-х гг. Президент многократно, в том числе с грубыми нарушениями Конституции, отклонял принятые Парламентом законы, направленные на поддержание жизни граждан, т. е. те самые законы, принятие которых если не остановило бы демографическую катастрофу, то, по крайней мере, уменьшило бы ее масштабы. Важнейшим среди таких законов, без сомнения, является Федеральный закон «О прожиточном минимуме в Российской Федерации», драматическая история которого описана выше. Многократно отклонялись Президентом также поправки к Федеральному Закону «О ветеранах», Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», многочисленные попытки Парламента поднять минимальные размеры заработной платы и пенсий. К близкой автору области законодательства об образовании Президент проявил особую «заботу», на протяжении 7 лет (с 1992 г. по 1999 г.) регулярно отклоняя все принятые Парламентом законы, за исключением одного. Среди других дважды отклонялись: новая редакция Закона РФ «Об образовании», Федеральные Законы «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», «О государственной поддержке начального профессионального образования», «Об образовании лиц с ограниченными возможностями здоровья». Другими словами, студенты, дети из малообеспеченных семей, которые учатся в ПТУ, а также дети-инвалиды пользовались особой «милостью» Президента. Уверен: если когда-нибудь будет выполнено специальное статистическое исследование, оно докажет, что Президентом чаще всего отклонялись законы, направленные на поддержку социально-демографических групп, где смертность значительно превышает среднестатистические показатели, т. е. групп, как раз и нуждающихся в особой заботе государства.

С точки зрения интерпретации фактов подобного рода самого серьезного внимания заслуживает книга бывшего министра российского «демократического» Правительства С. Ю. Глазьева, которая так и называется — «Геноцид». В частности, прослеживая историю российской приватизации 90-х гг., автор на большом материале убедительно показывает, что президентско-правительственная «команда» в большинстве случаев выбирала варианты решения, наиболее вредные для страны и ее народа, но наиболее полезные для криминального и иностранного капитала, в том числе лиц и компаний, к этой «команде» наиболее приближенных (Глазьев С. Геноцид. Россия и новый мировой порядок.— М., 1997).

Таким образом, если задаться вопросом, который с римских времен ставят перед собою все, кто пытается раскрыть преступления, а именно вопросом: «Кому выгодно?», становится очевидным, что утверждение о наличии в действиях Президента признаков преступления имело не только политические, но и известные юридические основания.

Неуважение к Парламенту

Это неуважение стало вторым отличием процедуры отрешения по-российски от импичмента по-американски, причем проявлялось оно сразу с трех сторон: администрации Президента; лиц, приглашенных в качестве свидетелей, и средств массовой информации.

Хотя на рассмотрение вопроса о своем отрешении от должности в Парламент не явились оба Президента (Б. Клинтон и Б. Ельцин), в США президентская администрация всячески подчеркивала свою готовность сотрудничать со спецпрокурором, со спецкомиссией и, наконец, с обеими палатами Федерального Парламента. Адвокаты Президента США бывали на всех заседаниях, а сам он давал

показания Большому Жюри. Напротив, несмотря на несопоставимую тяжесть обвинений, из администрации российского Президента постоянно раздавались пренебрежительные высказывания в адрес специальной думской комиссии, да и самой «прокоммунистической» Государственной Думы. По какой-то противоестественной логике депутатов более всего обвиняли в политизации вопроса, хотя по самой своей природе отрешение от должности Президента (будь то США или Россия) — это акт политический, причем ключевой. Не случайно не только в условиях криминально-олигархического режима в России, но и в относительно благополучных Соединенных Штатах при голосовании по этому вопросу депутаты разделились не по юридической квалификации и не по степени «гуманизма» в отношении к обвиняемому, но главным образом по партийно-политической принадлежности.

Соответственно Президентам вели себя и лица, приглашенные в качестве свидетелей. В Соединенных Штатах показания дали все без исключения, кто был приглашен. В России на пленарное заседание Государственной Думы не явился ни один из тех, кого можно считать ключевыми фигурами событий. В числе приглашенных, но не явившихся: Михаил Горбачев, Руслан Хасбулатов, Александр Руцкой, Павел Грачев и многие другие. Показания же давали либо политики второго ряда, либо юристы, приглашенные левыми фракциями и группами. Разумеется само собой, что никакой ответственности за отказ от сотрудничества со спецкомиссией Парламента никто не понес.

Еще более различалось отношение к процедуре средств массовой информации. Общим было, пожалуй, лишь то, что в обоих случаях они, хотя и по-разному, не отражали общественного мнения. Как известно, в Соединенных Штатах около 2/3 всех граждан выступали против импичмента Президента Б. Клинтона. Однако газеты, теле- и радиоканалы стремились более или менее равноценно представить точки зрения как сторонников, так и противников американского Президента. Сначала конгрессмены, а затем и сенаторы выстраивались в очередь перед телекамерами для того, чтобы заявить о своей позиции, причем слово предоставлялось всем, а не сторонникам только одной партии. В России, где, согласно опросам, за отрешение от должности Б. Ельцина выступали 3/4 всего населения, средства массовой информации в большинстве своем в объективность не играли, но обрушили всю мощь «четвертой власти» на законодательную власть, которая в любой цивилизованной стране признается первой, в данном случае на Государственную Думу. Соответственно и эфир был заполнен лояльными к Президенту или откровенно правыми политиками, которые на все лады доказывали неправомочность или, в лучшем случае, бессмысленность процедуры отрешения. Собственно говоря, ничего удивительного в этом нет: ведь уже вскоре после избрания Б. Ельцина Председателем Верховного Совета России в июне 1990 г. «ностальгия по демократии» у многих ведущих российских политиков и журналистов сменилась «ностальгией по Пиночету». Казалось бы, «откуда у хлопца чилийская грусть»? Но, видимо, такова судьба России, что и революция, и контрреволюция мыслятся в ней в мировых категориях. Вот только как собираются новые господа построить в России демократию, методично по делу и без дела дискредитируя представительную власть, без которой демократия невозможна, — так и останется загадкой либо политическим уравнением, решение которого лежит в области мнимых чисел.

Политическое давление и подкуп парламентариев

В любом современном государстве, даже самом что ни на есть демократическом, Президент (или Премьер) и его «команда» ведут работу с депутатами Парламента. Практически в любом государстве эта работа не ограничивается рамками цивилизованного лоббизма, о чем свидетельствуют периодические скандалы. Однако в условиях российского «бандитского капитализма» «обработка» депутатов приобретает самые грязные и примитивные формы. Методы такой обработки стары, как само государство. Отличие эпохи «полной и окончательной победы демократии» заключается лишь в том, что подкуп по значимости приближается к насилию, а иногда его превосходит. Так, уже во время утверждения премьером С. В. Кириенко депутатов не только пугали роспуском, но по Государственной Думе ходили упорные слухи о том, что некоторым депутатам в обмен на голос «за» предлагалось по несколько тысяч долларов.

В канун и во время процедуры выдвижения обвинения против Президента России оба метода применялись с размахом, а «ставки» возросли. Согласно все той же кулуарной информации, теперь уже только за неучастие в голосовании можно было получить до 35 тыс. долларов. Лидер фракции В. Рыжков, сделавший рефреном пламенных обвинений в адрес левых фракций слово «выгода», был абсолютно прав. Вот только... совершенно перепутал адрес! Что же касается политического давления, то автору пришлось наблюдать душевные муки одного из депутатов левой фракции, которому лично

позвонил Президент Поволжской республики и угрожал компроматом в случае, если он проголосует за отрешение. В конце концов совесть и советы товарищей взяли верх. Однако вряд ли кто-то, кроме координаторов в администрации Президента, может точно ответить на вопрос, сколько было случаев, когда верх взяли угрозы и подкуп.

Самое поразительное в этой истории заключается в том, что едва ли не все средства массовой информации сообщали о давлении на депутатов и предполагаемом подкупе некоторой их части. Многие каналы на депутатов за это обрушились, и вполне справедливо. Однако, кажется, ни один канал и ни одна «респектабельная» газета не догадались одновременно поставить вопрос о морали и ответственности администрации Президента — организаторов предполагаемого подкупа. Между тем стоит в очередной раз напомнить, что Президент Р. Никсон в 1972 г. вынужден был уйти в отставку, совершив грех гораздо меньший — установив подслушивающие устройства в штаб-квартире демократической партии. Совершенно очевидно: если бы в ходе расследования хотя бы один факт дачи или предложения взятки депутату Государственной Думы удалось доказать, это вполне могло послужить основанием для начала новой процедуры выдвижения обвинения против Президента России. Однако, по-видимому, после расстрела Парламента, коробки из-под ксерокса с полумиллионом долларов, грязного компромата против Генерального Прокурора, сомнительных развлечений во время волжского «круиза» и описания всего этого и многого другого в книге А. Коржакова все уже настолько свыклись с тем, что окружение Президента давным-давно находится вне всякой морали и права, что никому даже в голову не пришло где-либо специально поставить вопрос об ответственности организаторов «мелкооптового рынка» по покупке депутатских голосов. Уверен: в любой стране с минимально развитыми демократическими традициями это стало бы скандалом, на порядок превосходящим Уотергейт.

Действительные результаты и ожидаемые последствия

На протяжении года, предшествовавшего неудачной процедуре отрешения, автору не раз приходилось давать политические прогнозы насчет того, наберет ли нижняя палата необходимые для выдвижения обвинения 300 голосов. Каждый раз на основе анализа расклада голосов во фракциях и группах ответ был таким: скорее нет. И все же надежда, как ей и положено, не умирала до последнего. Уже вполне предчувствуя исход, депутаты левых фракций до самого конца хотели верить, что чувства и логика их обманывают. Незадолго до объявления результатов голосования в зале распространилась весть, что обвинение по Чечне набрало 283 голоса. Через несколько минут кто-то из вновь прибывших пустил слух, что таких голосов 302. Угасшая было надежда на минуту воскресла. Но тут же официальное сообщение комиссии в очередной раз подтвердило, что в политике чудес не бывает. Впрочем, даже эти результаты, которые большинство левых переживали как поражение, примечательны во многих отношениях и, более того, содержат в себе нескольких маленьких побед.

Во-первых, для данного состава Государственной Думы, который регулярно утверждал бюджеты, кандидатов в премьеры, но не смог принять ни одной поправки к Конституции, такой результат представляется достаточно высоким. Более 70 депутатов, не принадлежащих к левым фракциям, но высказывающихся за отрешение от должности Президента-«реформатора» — результат достаточно симптоматичный. Прибавим к этому, что, не будь давления и подкупа, результат мог быть и иным: за отрешение Президента от должности не проголосовали 17 депутатов, в свое время подписавших документ о выдвижении обвинения, т. е. ровно столько, сколько не хватило до 300 голосов! Чем объясняется разительная перемена точки зрения, догадаться не трудно.

Во-вторых, примечательны результаты голосования некоторых бывших активных сторонников Президента. Так, за отрешение Б. Ельцина проголосовали бывшие члены межрегиональной депутатской группы Тельман Гдлян и Элла Памфилова, бывший лидер демократической платформы в КПСС Владимир Лысенко и бывший личный друг Президента, начальник его охраны Александр Коржаков. Сужение политической базы режима проявляется здесь вполне наглядно.

В-третьих, результаты голосования фракции «Яблоко» заслуживают упоминания по двум причинам. С одной стороны, эта самая дисциплинированная в Думе фракция, объявившая о солидарном голосовании, дала весьма высокий процент «брака». За солидарное решение не проголосовали 9 депутатов — почти 20% фракции. Очевидно, президентские «администраторы» поработали с депутатами фракции очень плотно. С другой стороны, 25 депутатов фракции (более 54%) проголосовали за отрешение Президента Б. Ельцина от должности по пункту о расстреле российского Парламента, в свое время поддержанному их лидером Г. Явлинским. А 5 из 46 осудили Президента за незаконный роспуск Советского Союза. И это тоже свидетельство постреволюционной «переоценки

ценностей».

В-четвертых, накануне парламентских выборов результаты голосований позволяют четко разделить политиков, относящих себя к оппозиции, на действительных и мнимых противников режима. Так, С. С. Сулакшин — в свое время член межрегиональной депутатской группы, затем автор книги «Измена», посвященной российским реформам,— голосовал точно так, как советовала президентская администрация — за отрешение Президента по всем пунктам, кроме Чечни! Теперь доказывать свою принадлежность к оппозиции ему будет достаточно трудно, какими бы соображениями он на самом деле ни руководствовался. «Раскрутка» результатов голосования перед выборами в Государственную Думу может существенно сказаться на их (выборов) результатах по одномандатным округам.

Что касается ожидаемых последствий выдвижения обвинения против Президента России, то по этому поводу средства массовой информации и массовое сознание были почти единодушны (именно потому, что первые формировали последнее): процедура в России кончится ничем. Во время многочисленных встреч автору постоянно задавали два несовместимых вопроса: 1) Почему вы его до сих пор не сняли? и 2) Зачем вы затеяли это бесполезное дело? Такое явно не диалектическое «единство противоположностей» — один из феноменов кризисного сознания. Попросту говоря, в голове современного российского гражданина все смешалось еще больше, чем в толстовском доме Облонских. С одной стороны, жизненный опыт подсказывает ему, что терпеть дальше невозможно. С другой стороны, телевизионные передачи типа «Зеркало» или «Итогов» внушают, что ничего сделать нельзя. Вот и сидит он «на двух стульях» сразу, обвиняя тех, кого еще недавно избирал, одновременно и за мнимое бездействие, и за действия, единственно возможные при данных условиях.

Действительно, на основе действующей Конституции снять с должности Президента России едва ли не труднее, чем встретиться с живым инопланетянином. Для этого требуются: 2/3 голосов в Государственной Думе; решение Верховного Суда о совершении Президентом не какого-нибудь, а тяжкого преступления; решение Конституционного Суда о точном соблюдении процедуры; 2/3 голосов в Совете Федерации, большинство членов которого, как уже говорилось, экономически зависимы от дотаций из Центра. Наконец, все должно быть уложено в трехмесячный срок. В противном случае даже если будет доказано, что Президент является иностранным шпионом, вся процедура автоматически прекращается. Прибавим к этому, что, например, Верховный Суд теоретически мог вернуть дело в Государственную Думу, сославшись на то, что не имеет достаточной законодательной базы для его рассмотрения. И тогда процедура отречения Президента от должности прекратилась бы в самом начале. Наконец, после выдвижения обвинения Государственной Думой Президент мог решиться на очередную попытку государственного переворота, каких на протяжении срока полномочий он совершил немало.

И тем не менее развитие событий по одному из сценариев данной группы было отнюдь не предопределено, поскольку, в отличие от 1993 г., российская политическая элита давно уже устала от своего лидера, а военные, наученные опытом парламентского расстрела и чеченской трагедии, отнюдь не рвутся за него в бой. Другой сценарий, который и готовили руководители левых политических движений, заключался в том, чтобы сразу после выдвижения обвинения Государственной Думой собрать Совет Федерации и добиться принятия большинством «сенаторов» постановления с требованием о добровольной отставке Президента. В отличие от формального отрешения, для такого постановления достаточно простого большинства голосов. В этом случае президентская «команда» оказалась бы перед весьма сложным выбором: либо продолжать борьбу в условиях нарастающего недовольства народа и политической элиты, либо уйти, получив от Парламента все возможные гарантии будущей жизни для бывшего Президента и «Семьи». Не берусь предсказать результата, но второй вариант не представляется абсолютно фантастическим.

Отсюда следует, что попытки обвинить Госдуму в пустой трате времени и отказе от работы над законами — ее прямой обязанности — не выдерживают никакой критики. Во-первых, попытка выдвижения обвинения против Президента России заняла три дня, из которых днем планового пленарного заседания был только один. В тех же Соединенных Штатах при несопоставимых основаниях для обвинения было затрачено на порядок больше времени. Во-вторых, и главное: в случае успеха отрешение Президента Б. Ельцина от должности могло стать главным практическим делом Государственной Думы. Именно практически — ибо необходимость смены экономического и политического курса давным-давно назрела и перзрела и остро ощущается обществом. Только такая смена позволит стране начать медленно и упорно выбираться из «кювета», куда она свалилась на крутом повороте истории. При нынешнем Президенте страна будет продолжать катиться вниз по

склону под восторженные крики мародеров о «единственно верном курсе реформ». В революционные и постреволюционные эпохи политический год — срок немалый. Вот почему, сознавая, что для отрешения Президента Б. Ельцина от должности левые в Государственной Думе сделали почти все, что могли, не могу тем не менее унять чувства горького разочарования. И поскольку история не прощает политикам упущенных шансов, в памяти моей всплывают нектати со школьных времен знакомые строки из лермонтовского стихотворения, по странному созвучию названного «Дума»:

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovitой,
Ни гением начатого труда.

Опубликовано: Смолин О.Н. Три трагедии российской демократии. Систематизированный сборник.— М.: ООО «ИПТК «Логос» ВОС», 1999.

ВТОРАЯ ОШИБКА ТРЕТЬЕЙ ДУМЫ

Уважаемый читатель! Помните ли Вы старую историю о возвращении домой делегата, кажется, XXVI съезда КПСС?

Жена спрашивает:

— Борщ есть будешь?

В ответ он молча поднимает руку.

Жена:

— Котлету положить?

Подняты две руки.

Жена:

— А может тебе водочки налить?

Хлопает в ладоши.

Именно эту историю я вспомнил 31 мая, когда Государственная Дума подавляющим большинством голосов одобрила все 3 законопроекта, предложенные Президентом, и, в частности, новый законопроект о формировании Совета Федерации. В тот день мне не удалось получить слова ни от моего «Агропрома» (Агропромышленной группы), где я оказался в меньшинстве, ни по электронной записи, ни по записке в Президиум с просьбой дать возможность высказаться депутату выборного Совета Федерации первого созыва. Поскольку же вопрос считаю принципиальным, остается предложить свою точку зрения в печати. Суть позиции четко выражена в заготовленном, но не произнесенном тексте выступления, который привожу полностью, практически не редактируя.

Уважаемые коллеги!

Сегодня я хочу выступить в личном качестве, как депутат Совета Федерации первого созыва, напрямую избравшегося тогда населением.

Крупной, а может быть, крупнейшей ошибкой Государственной Думы первого созыва было принятие Федерального Закона «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания», который заменил выборность верхней палаты российского Парламента ее формированием по должности. В результате страна получила уникальную ситуацию, когда губернаторы одновременно являются сенаторами, работают на непрофессиональной основе (по принципу: «землю попашут — попишут стихи») и почти не пропускают социальных законов.

Но сегодня мы, похоже, собираемся совершить вторую ошибку, приняв в первом чтении законопроект, предложенный Президентом. Давайте посмотрим на этот законопроект объективно.

Совершенно очевидно, что этот проект имеет три явных достоинства.

Во-первых, он устраняет губернаторов из верхней палаты Парламента и тем самым — грубое противоречие нынешнего порядка формирования Совета Федерации принципу разделения властей, когда те, кому положено исполнять законы, сами же их и принимают.

Во-вторых, он соответствует действующей Конституции. Хорошо бы еще, если бы сама эта Конституция соответствовала демократии, логике и законам политической науки.

В-третьих, он делает Совет Федерации профессиональной палатой профессионального

Парламента, и это нужно приветствовать.

Однако этим достоинства законопроекта исчерпываются и многократно перекрываются его недостатками. Вот лишь некоторые.

1. К нынешним членам Совета Федерации можно относиться по-разному: можно с ними соглашаться или не соглашаться; нельзя не видеть, что через систему трансфертов и другие каналы они оказались в зависимости от федеральной исполнительной власти. Но нельзя не понимать, что это «тяжелые политические фигуры». Сейчас нам предлагают заменить их «пешками». Эти «пешки» будут дважды зависимы: с одной стороны, от тех, кто их направил в Совет Федерации, а с другой — от федеральной исполнительной власти — и не смогут принять буквально ни одного решения самостоятельно. Более того, одна из этих «пешек» станет третьим по важности «ферзем» в российской политической элите. Доверять такой палате решение важнейших вопросов отечественной политики более чем странно.

2. Новые члены Совета Федерации будут абсолютно неподконтрольны избирателям. Если нынешние губернаторы и руководители законодательных органов прямо или косвенно отвечают перед населением в своих регионах, то новые члены Совета Федерации станут отвечать только перед губернаторами или руководителями законодательных собраний. Следовательно, законы, направленные на улучшение жизни народа, будут проходить через новый Совет Федерации еще хуже, чем через прежний. Напомню: в нашем, выборном, Совете Федерации первого созыва за важнейший Федеральный закон «О прожиточном минимуме», который тогда предусматривал установление минимальной заработной платы и пенсии не ниже официального прожиточного минимума, проголосовало 120 депутатов; в нынешнем Совете Федерации — 44 члена; боюсь, в новом Совете Федерации подобные законы не наберут и десятка голосов.

3. Нам говорят, что новый Совет Федерации создается по типу германского бундесрата, но забывают одну маленькую деталь: бундесрат — это верхняя палата парламента в парламентской республике. Он уравнивает чрезвычайно сильную нижнюю палату. Кто в этом сомневается, пусть сравнит бундестаг с Государственной Думой: у них Парламент формирует Правительство — у нас Правительство формирует Парламент; они контролируют исполнение законов — мы такого права лишены и не можем даже внести закон без заключения Правительства; наконец, большинство в 2/3 депутатов бундестага обеспечивает принятие любого закона, а у нас в 90% случаев закон принять невозможно без согласия Президента и Правительства.

Теперь нам предлагают к «полуправной» нижней палате Парламента добавить еще и чрезвычайно ослабленную верхнюю «палату пешек». Парламент России в этом случае окончательно превратится в придаток исполнительной власти.

Вообще политическая система общества — это не супермаркет, где с разных полок можно выбирать себе товары по вкусу, не имеющие отношения один к другому. Это именно система. И когда мы пытаемся к суперпрезидентской республике по латиноамериканскому образцу добавить еще и слабую верхнюю палату по образцу германскому, получается, мягко говоря, странный гибрид. Помните, как Агафья Тихоновна в гоголевской «Женитьбе» выбирала себе мужа? «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазаровича, да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича...». Кажется, в политике мы пытаемся поступить наоборот: к сколиозу Василия Васильевича прибавить хромоту Агафона Никитича и все это соединить с талией 60-го размера Фомы Фомича. Ничего доброго из этого не получится, а будет лишь дальнейшее свертывание и без того чрезвычайно урезанных остатков российской демократии.

Депутат Мизулина уже представила сегодня альтернативный законопроект, который предусматривает выборность членов Совета Федерации и более или менее согласует эту позицию с конституционными формулировками. Сегодня здесь противники выборов много раз ссылались на слово «формирование» в Конституции. Это мы слышим с 1994 года, и можно было бы слушать и дальше, если бы Конституционный суд давным-давно не разъяснил право законодателя трактовать термин «формирование» и как назначение, и как выборы.

Знаю: многие депутаты думают, будто ко второму чтению в президентский проект можно встроить выборную структуру. Однако на самом деле это так же невозможно, как пристроить, например, небоскреб к землянке. Не случайно уважаемый представитель профильного Комитета уже заявил, что никаких выборов не будет. На самом деле проект депутата Мизулиной поддается улучшению в направлении большего соответствия Конституции. Президентский же проект улучшению в направлении большего соответствия демо-кратии не поддается.

Уважаемые коллеги! Сегодня в этом зале уже не раз говорили, что мы принимаем историческое

решение, и это действительно так: если проголосуем за выборный Совет Федерации, история российской демократии нам этого не забудет (демократии в нормальном, а не извращенном смысле слова); проголосуем за назначение Совета Федерации — уподобимся тому щедринскому мужику, который сам вил веревки, чтобы его связывали. Призываю Вас не совершать очередной политической ошибки и принять в первом чтении проект, представленный депутатом Мизулиной!

Когда на табло появились результаты рейтингового голосования (362 — за президентский проект, 100 — за проект, представленный Мизулиной), я уже не испытал никаких чувств. Во-первых, депутату, который не поддерживал «независимость» России, Беловежскую пущу, ваучерную приватизацию и массу других «реформ», не привыкать оставаться в «подавляющем меньшинстве». Во-вторых, подлинный шок я испытал несколькими минутами раньше, услышав, как депутат Елена Мизулина, которую я высоко ценю по профессиональным и человеческим качествам и которая с блеском (быть может, даже красотой) доказала преимущества своего проекта, в заключительном слове вдруг заявила, что проголосует... и за президентский проект!

Впрочем, это лишь еще один симптом того, что в России заканчивается время не только весьма относительной демократии, но и вообще — правых демократов.

Это впечатление укрепилось еще более, когда стало ясно, что фракции СПС, «Яблоко» и ОВР (которая шла на выборы как центристская или даже левоцентристская, но неожиданно для всех и, кажется, для себя оказалась в правом блоке) приняли решение в случае необходимости голосовать за преодоление вето Совета Федерации на президентский законопроект, вопреки очевидным порокам новой модели формирования Совета Федерации, которая, безусловно, будет самой худшей из всех существовавших в России. Причем поправки, согласованные представителями обеих палат, не только не улучшили, но еще более ухудшили эту модель.

Действительно, Совет Федерации, напрямую избираемый населением регионов, может быть профессиональным (работающим на профессиональной основе), независимым (зависимым главным образом от избирателей) и сильным. Нынешний Совет Федерации — это палата непрофессиональная (члены работают по совместительству), зависимая (через трансферты и другие каналы), но сильная. Новая модель формирования сделает будущий Совет Федерации профессиональным (работающим на профессиональной основе), но дважды зависимым (от региональных лидеров и федеральной исполнительной власти), а главное — слабым.

Справедливости ради следует сказать, что и сами «сенаторы» практически ничего не сделали для самозащиты, если не считать «бунта на коленях», когда за отклонение первого варианта Закона о формировании Совета Федерации тайно проголосовали 113 человек, против — 9, но затем в кулуарах до 50 тех, кто был против Закона, утверждали, что они голосовали «за». При повторном рассмотрении Закона члены верхней палаты напоминали скорее покорных овец, нежели полновластных региональных князей. Впрочем, им, кажется, первым выпала доля своею политической судьбой подтвердить одну из закономерностей революции, которая, как известно, пожирает своих детей. Губернаторы лично обеспечили прохождение в Государственную Думу большинству из тех депутатов, которые покончили с ними в качестве законодателей.

Совершенно очевидно, что ослабление одной из палат Парламента есть ослабление Парламента в целом, а значит, голосование за президентский проект есть голосование против демократии. Есть все основания ожидать, что усиление власти Президента и нарастание авторитаризма будет происходить за счет ослабления:

- Совета Федерации;
- губернаторов (которых Президент сможет снимать с должности);
- руководителей местного самоуправления (которых, за исключением мэров крупных городов, смогут снимать с должности губернаторы);
- Государственной Думы (за счет отмены партийных списков и избрания в нижнюю палату Парламента 450 «денежных мешков»);
- средств массовой информации;
- тех «олигархов», которые отказались полностью подчиняться правящей олигархии.

Не случайно зарубежные политологи образно говорят, что путинские реформы превратят российскую суперпрезидентскую систему «из конституционной монархии в абсолютную». В таких условиях, за исключением отдельных фигур из правой части политического спектра (например, Владимир Рыжков), действительными защитниками остатков парламентаризма в России выступили главным образом левые политики, и прежде всего фракция Компартии и часть Агрпромышленной группы в Государственной Думе. Требуя введения выборной модели Совета Федерации, они оказались гораздо большими демократами, чем те, кто так любит себя именовать. Симптоматично

заявление Владимира Гусинского на НТВ о том, что подконтрольные ему средства массовой информации совершили крупную ошибку, поддержав Бориса Ельцина на выборах в 1996 году.

Думается, интеллигенции, второй раз в истории XX века попавшей под «колесо» революции, которую она сама же и подготовила, пришло время ответить самой себе, по крайней мере, на два вопроса:

1) не пора ли вернуть слову «демократия» его изначальный смысл, а к термину «демократы», вошедшему в российский политический лексикон в конце 80-х годов, добавить определение «бывшие»?

2) не пора ли вернуться к старому лозунгу на новый лад: действительные сторонники демократии слева и справа — объединяйтесь!? В том числе для ее защиты от бывших демократов.

Опубликовано: Вечерний Омск. — 2000. — 15 августа. — С. 3.

РАЗДЕЛ 5. УЧЕНЫЕ — СВЕТ: КТО ПРОТИВ?

(Борьба реформистских и революционных тенденций в образовательной политике 90-х годов)

Блажен человек, который снискал мудрость, и человек, который приобрел разум, потому что приобретение ее лучше приобретения серебра, и прибыли от нее больше, нежели от золота: она дороже драгоценных камней; никакое зло не может противиться ей... и ничто из желаемого тобою не сравнится с нею.

Книга притчей Соломоновых

Социально-философские аспекты государственной образовательной политики... Диссертация... доктора философских наук. М., 2001

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ. ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЙ, ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ В РОССИИ 90-х ГОДОВ

1. Понятие образовательной политики

Исследование характера, содержания и специфики российской государственной политики в области образования 90-х гг., а тем более — образовательной политики в целом, невозможно без предварительного анализа содержания этих понятий, результаты которого можно суммировать в виде нескольких основных тезисов.

1.1. Термин «политика» по количеству определений принадлежит к числу лидеров в социогуманитарных науках. Для целей настоящего исследования наиболее важны три группы таких определений:

- политика как одна из сфер общественной жизни, связанная с отношениями между государствами и большими социальными группами;
- политика как собственно деятельность людей, включая политическое участие;
- политика как курс правительства, его органов, руководства крупного административно-территориального образования, политической партии и т. п.

Данные подходы являются не альтернативными, но комплиментарными, взаимно дополняющими друг друга, причем последняя дефиниция представляет собой частный случай определения политики как деятельности и, во-первых, характеризует, главным образом, деятельность субъектов управления, а, во-вторых, акцентирует внимание на ее направленности. Это значение термина подразумевается прежде всего, когда говорят об экономической, социальной, культурной, военной политике и т. п., тогда как прилагательные в подобных словосочетаниях указывают на сферу общественной жизни. Соответственно в работах автора термины «политика в области образования» и «образовательная политика» употребляются преимущественно для обозначения политического курса.

Первое, Большинство специалистов по философским и политическим наукам не рассматривают политику в области образования в качестве самостоятельного направления, в лучшем случае включая ее в структуру политики социальной или культурной. Это обстоятельство, равно как и практически полное отсутствие специальных статей на данную тему в справочных изданиях по философским, политическим и педагогическим наукам, можно рассматривать как отражение подсознательной недооценки роли образования и соответствующей области политики в обществе.

В противоположность этому законодатель не только выделил политику в области

образования в качестве важного направления государственной политики в целом, но еще в 1992 г. провозгласил сферу образования приоритетной (статья 1 Закона Российской Федерации от 10.07.92 г. № 3266-1 «Об образовании»), подтвердив эту позицию и в 1996 г. (статья 1 того же Закона — в редакции Федерального закона от 13.01.96 № 12-ФЗ). Более того, в рамках единой образовательной политики государству предписывается в качестве самостоятельного направления проводить политику в области высшего и послевузовского профессионального образования (статья 2 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании»), а в законах и законопроектах, принятых Парламентом или внесенных в него, фигурируют также государственная политика в области начального профессионального образования, дополнительного образования, образования лиц с ограниченными возможностями здоровья и т. п.

В этом вопросе практика, как представляется, опередила политическую и философскую науку, а исследователи оказались в долгу у законодателей. Стремление восполнить этот пробел, проанализировать, обосновать и ввести в теорию то, что уже вошло в практику законодательства, и является одной из целей настоящей работы.

Третье. Как с теоретической, так и с практической точки зрения представляется необходимым различать два близких, но не совпадающих по объему и содержанию понятия: «*политика в области образования*» и «*образовательная политика*». Первое из них охватывает комплекс мер, предпринимаемых либо программируемых государством, его органами, политическими партиями и другими субъектами политического действия в отношении образования как социального института; второе, помимо этого, включает в себя образовательные компоненты и образовательное воздействие других направлений внутренней политики (экономической, социальной, информационной и т. п.). Практический смысл данной концепции заключается в том, чтобы побудить политиков, включая и самих законодателей, принимая решения по вопросам экономики, социальной жизни, собственно политической сферы и т. п., учитывать их образовательную составляющую и прогнозировать образовательные последствия.

В России 90-х гг. Президент, Правительство, да и Парламент гораздо больше внимания уделяли политике в области образования, нежели образовательной политике в ее широком значении, что в известной мере можно отнести к факторам (хотя, конечно, далеко не самым важным), препятствующим выходу системы образования из кризиса.

Четвертое. Наряду с другими детерминантами, государственная политика вообще, государственная образовательная политика — в частности, с одной стороны, задает рамки деятельности людей (физических лиц) и организаций (юридических лиц), устанавливает набор вариантов поведения, среди которых возможен выбор. С другой стороны, она во многом определяет и вероятность выбора того или иного варианта поведения большинством участников общественного процесса и тем самым — доминирующее направление деятельности этих участников.

Подобно другим направлениям внутренней политики, образовательная политика устанавливает, по крайней мере, три основные координаты политического пространства и, соответственно, три ограничителя свободы выбора. Эти координаты суть:

- финансово-экономическая, определяющая уровень финансирования образования, распределение и варианты использования финансовых средств;
- правовая, устанавливающая границы поведения субъектов образовательного процесса и компетенции органов управления, своеобразные «флажки», выход за которые не допускается;
- культурно-идеологическая, охватывающая установки и ориентации общественного сознания, которые влияют как на содержание образования, так и на выбор решений, признаваемых допустимыми или недопустимыми в данной конкретной ситуации.

Пятое. Для правильного понимания значения термина «государственная политика в области образования», употребляемого в действующих законах и, соответственно, в работах автора, необходимо иметь в виду, что в Российской Федерации государство, согласно действующей Конституции РФ, представлено двумя уровнями: федеральным и субъектов Федерации. При этом в соответствии со статьей 73 Конституции РФ «Вне

пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации субъекты Российской Федерации обладают всей полнотой государственной власти».

Радикальное изменение в 1993 г. конституционных норм, относящихся к местному самоуправлению, привело к тому, что это самоуправление, а вместе с ним и большинство учреждений дошкольного и общего образования были отделены от государственной власти, превратившись в муниципальные. Не рассматривая в данном случае вопроса о том, как и почему это произошло, необходимо иметь в виду, что в сложившейся ситуации регулированию с помощью федеральных законов поддается главным образом курс федеральной образовательной политики (разумеется, в пределах специфических возможностей российского законодательства), а политика в этой области субъектов Федерации и органов местного самоуправления — в гораздо меньшей степени. Соответственно и работы автора посвящены преимущественно федеральной образовательной политике.

2. Образование как фактор модернизации и обеспечения национальной безопасности России

Исследование образовательной политики вообще, а в социумах, переживающих радикальные трансформации, — в особенности, невозможно без анализа социально-политической роли образования, важнейшими аспектами которой являются его воздействие на модернизацию и национальную безопасность страны. Тематически объединяя два, казалось бы, столь различных аспекта, автор исходил из того, что влияние образования на процессы модернизации общества достаточно очевидно, хотя несмотря на это (а может быть, вследствие этого) и не получило достаточно глубокого и детального освещения в литературе. Напротив, взаимосвязь образования и национальной безопасности еще недавно воспринималась как нонсенс либо интерпретировалась крайне узко (военная подготовка, военное образование, обучение специалистов для спецслужб и т. п.).

Между тем специальный анализ показывает, что, не совпадая ни по объему, ни по содержанию, ни по аспекту отражения реальности, понятия «модернизация» и «национальная безопасность» с точки зрения их образовательных аспектов имеют между собой много общего. И это не случайно, ибо в современных условиях национальная безопасность любого народа может быть обеспечена только на базе успешной модернизации, хотя, разумеется, к ней не сводится. Модернизация — одно из необходимых и достаточных условий обеспечения национальной безопасности, условие интегральное, определяющее, но не исчерпывающее.

Автор солидаризируется с широкой трактовкой *модернизации* как процесса перехода от традиционного (доиндустриального) общества к современному (индустриальному и далее — постиндустриальному), в отличие от узкой интерпретации, связывающей модернизацию исключительно с индустриализацией и ее последствиями. Логически возможны различные модели модернизации, которым исторически в большей или меньшей степени могут соответствовать ее особенности в тех или иных странах и которые поддаются типологизации по разным основаниям.

Например, по характеру стимулов развития можно выделить два типа модернизации: один базируется преимущественно на внутренних стимулах (большинство индустриально развитых стран или так называемых стран первого эшелона), другой — главным образом на стимулах внешних, включая поражение в войне, угрозу утраты национального суверенитета, колониальное завоевание и т. п. (большинство развивающихся стран Азии и Африки).

С точки зрения преобладающей культурной ориентации модернизация может выступать как заимствованная (или навязанная), когда вместе с новыми технологиями репродуцируется и иная культура, иногда воспринимаемая как враждебная (например,

петровские реформы) и как самобытная, стремящаяся сочетать новейшие технологические и организационно-управленческие достижения с культурными традициями страны, переживающей модернизацию (например, послевоенная Япония — и это тем более парадоксально, что она потерпела поражение в войне и была оккупирована, тогда как петровская Россия, напротив, переживала период политического подъема и военных побед). В данном отношении применительно к России и находящимся в аналогичном положении странам модернизация, безусловно, содержит элементы вестернизации, но отнюдь не тождественна последней.

Приведенные типологии модернизации отнюдь не исчерпывают всех возможных, несмотря на очевидную близость, не совпадают между собой, поскольку отражают различные аспекты проблемы, и могут быть сведены к третьей, синтетической, согласно которой возможны следующие «идеальные типы» модернизации:

— органическая (по преимуществу основана на внутренних стимулах и развивается на базе национальной культурной традиции);

— догоняющая (в преобладающей степени базируется на внешних стимулах и заимствует образцы и стереотипы культуры более модернизированных стран. Помимо этого, определение «догоняющая» указывает на отставание данного социума не только в уровне экономического и культурного развития, но и в скорости течения исторического времени, осуществления процесса модернизации);

— опережающая (может базироваться и на внешних стимулах, но предполагает достаточный внутренний потенциал и источники развития; развивает традиции отечественной культуры; ставит целью не воспроизведение (хотя бы и в сокращенном виде) всех этапов эволюции или наличного состояния наиболее модернизированных стран, но на основе анализа и прогноза тенденций развития цивилизации — воспроизведение ее состояния в обозримом будущем). В конкретной исторической ситуации рубежа XXI в. эта модель предполагает обращение к опыту стран не только Запада, но и Востока. В чистом виде до настоящего времени она нигде не реализовалась, однако элементы опережающего развития присутствуют в траекториях движения СССР, Японии, новых индустриальных стран, а также Индии, совершившей прорыв в развитии новых информационных технологий.

Что касается интерпретации понятия «национальная безопасность», то эта проблема выводится автором из плоскости национального вопроса. Национальная безопасность — не безопасность одной из наций, проживающих на территории страны, пусть даже самой крупной, ведущей нации. Это совокупность условий, обеспечивающих суверенитет и защиту стратегических интересов государства, полноценное развитие общества и всех граждан. Такое понимание национальной безопасности вошло в мировую политику и науку — от американского президента Теодора Рузвельта, который предложил данный термин, через «школу политического реализма» до современных теоретиков.

В работах автора, включая доклад на специальных парламентских слушаниях в мае 1996 г., показано, что образование выступает универсальным, хотя отнюдь не единственным, фактором как модернизации, так и обеспечения национальной безопасности страны, воздействуя на все без исключения формы организации макросоциальной (социетальной) системы, на все без исключения ее структурные элементы, а тем самым — на все уровни национальной безопасности (безопасность общества, государства, личности) и ее главные составляющие.

Так, экономическая и военная безопасность современного государства невозможна без квалифицированных кадров. Технологическая безопасность — без тех же кадров и научного потенциала, обеспечивающего соответствующие разработки. Обеспечение технологической безопасности, помимо этого, неосуществимо без реализации специальных образовательных программ, формирующих культуру пользователей современных информационных систем, а также критического отношения и устойчивости граждан к возможному манипулированию сознанием со стороны средств массовой информации.

Что касается безопасности культурного развития, выделяемой многими

специалистами, то образование как фундамент культуры, несомненно, является ее основой. Как показали социологи самых разных направлений, ни одна общественная система, ни одно государство не может нормально функционировать и развиваться без системы ценностей, объединяющей ее членов. Нация, лишенная своих ценностей, превращается в толпу. Одно из первых мест в формировании ценностей народа принадлежит образованию.

Учитывая, что в большинстве работ, посвященных проблеме национальной безопасности России, образовательная проблематика вообще не выделяется, стремясь восполнить этот теоретический пробел и исходя из идеи непосредственной связи уровня национальной безопасности и степени модернизации страны, автор в качестве рабочей гипотезы предпринял попытку сформулировать в первом приближении систему образовательных параметров национальной безопасности, которая основывается отчасти на принятых в международной практике показателях, поставленных, однако, в иной контекст, отчасти — на разработках отечественных ученых, а отчасти на собственных разработках.

Среди других параметров данная система включает в себя показатели, фиксирующие:

- долю расходов на образование от ВВП и от расходной части бюджетов различных уровней;

- среднее число лет обучения населения старше 16 лет;

- средние показатели уровня знаний обучающихся, получаемые при сравнительных международных исследованиях;

- долю (процент) лиц определенного года рождения, получающих среднее (полное) общее образование в образовательных учреждениях всех типов и видов;

- долю выпускников образовательных учреждений среднего (полного) общего и всех уровней профессионального образования, признанных практически здоровыми по медицинским показателям;

- количество на 10 тысяч населения студентов высших учебных заведений, учреждений среднего профессионального образования, учащихся в учреждениях начального профессионального образования;

- долю выпускников учреждений среднего (полного) общего и профессионального образования, имеющих положительную социальную мотивацию;

- долю выпускников названных образовательных учреждений с патриотической ориентацией (положительное отношение к своей стране, а среди лиц мужского пола — готовность ее защищать) и др.

Отражая основные аспекты проблемы (количественные, качественные, ценностные), данная система показателей не является исчерпывающей и нуждается в дальнейшей разработке, которая важна не только с точки зрения оценки состояния образовательных компонентов национальной безопасности, что само по себе имеет большое значение, но и для решения сугубо практических задач введения подобных параметров в действующее законодательство (разумеется, в той мере, в какой они вообще поддаются законодательному регулированию).

В глобальном контексте роль образования в модернизации и обеспечении национальной безопасности страны связана с перспективами ее перехода к информационному обществу (в других определениях — «обществу профессионалов», «обществу знаний», эпохе компьютерной революции и др.), в связи с чем в общественной жизни происходит ряд качественных изменений.

Важнейшие из них касаются области материального производства, где создание материальной, ограниченной, массовой и преимущественно стандартной индустриальной продукции сменяется созданием продуктов информационных. Последние имеют универсальную ценность, доступ к ним с технологической точки зрения может быть неограниченным, они тиражируемы, но буквально не потребляемы («снашивается» лишь носитель информации, информация же как таковая лишь устаревает или, напротив, становится всеобщей основой знаний). Соответственно развитие производства информационных продуктов приводит к существенным изменениям в структуре

общественного производства. Исходным пунктом становится процесс компьютерной революции и экспоненциальный рост информационных технологий и телекоммуникаций. Индустрия как таковая уходит на задний план, и доля занятых в этой сфере в индустриально развитых странах сокращается менее чем до 30%.

В таких условиях образование становится ключевой сферой, где, во-первых, формируется работник, способный осуществлять деятельность в условиях информационного производства; где, во-вторых, данная способность работника поддерживается и воспроизводится (дополнительное профессиональное образование взрослых, включая профессиональную переориентацию, повышение квалификации, профессиональную переподготовку); где, в-третьих, освоение накопленных знаний и информации соединяется с производством новых знаний (фундаментальными и прикладными научными исследованиями, опытным производством и т. п.). Последнее имело место всегда, а в условиях перехода к информационному обществу научные исследования становятся обязательным элементом образовательного процесса, по меньшей мере, в учреждениях высшего профессионального образования.

Соединение высокого потенциала и богатых отечественных традиций в сфере образования — с одной стороны, генезис информационного общества как глобальный контекст российских трансформаций — с другой, делают образование той сферой, в которой заключены реальные возможности преодоления системного кризиса российского общества.

Эта роль образования тем важнее, что возможности использования других ресурсов интенсивного развития, отвечающего требованиям постиндустриальной революции, кроме образования и теснейшим образом связанной с ним науки, в России сведены к минимуму: предложения ряда политических движений осуществлять модернизацию за счет увеличения добычи сырья (например, на основе соглашений о разделе продукции) приведут лишь к досрочному истощению невозобновляемых природных ресурсов и окончательному превращению страны в сырьевой придаток государств «золотого миллиарда»; индустрия и сельское хозяйство находятся в посткатастрофическом состоянии и нуждаются в модернизации, которая может быть осуществлена прежде всего за счет развития названных выше наукоемких технологий и кадров высшей квалификации, обладающих значительным новаторским потенциалом.

Тем самым образование становится одной из ключевых сфер будущей модернизации российской экономики. При этом в условиях перехода к информационному обществу оно в еще большей мере, чем в условиях индустриального производства, является сферой, не потребляющей ресурсы общества, а создающей важнейший ресурс экономического и социального развития — высококвалифицированную, обладающую творческим потенциалом рабочую силу, фактически занимая в этом отношении место первого подразделения общественного воспроизводства, которую ранее выполняло производство средств производства для производства средств производства (этот тезис специально аргументирован А. В. Бузгалиным). Помимо этого, а отчасти благодаря этому, как было многократно показано отечественными и зарубежными экономистами (С. Г. Струмилин, Э. Денисон), в XX в. образование является областью с наиболее высокой отдачей долгосрочных инвестиций.

Образование выступает одновременно и важнейшим фактором модернизации социально-политической сферы общества, причем в данном случае принципиальной установкой системы образования должно стать не столько формирование и приход во власть просвещенной элиты, сколько рост социально-политического и правового сознания «рядовых» граждан, формирование гражданской политической культуры, без которой невозможно и становление гражданского общества, а также базирующейся на нем демократии.

Что касается роли образования в модернизации собственно духовной жизни общества, то следует подчеркнуть: в советскую эпоху (и, в частности, в РСФСР) уровень развития общего и профессионального образования был значительно выше, чем в странах с аналогичным уровнем производства и потребления на душу населения. Несмотря на

господство авторитарной политической системы и «экономики дефицита», система образования в СССР характеризовалась высокими количественными и качественными достижениями, в частности, развитием новых, прогрессивных моделей образования и образовательных информационных технологий. Последние были адекватны мировому уровню научно-технического прогресса до начала компьютерной революции. Все это позволяло обеспечивать как уровень общего и профессионального образования, соответствующий стандартам индустриально развитых стран, так и явные достижения в области подготовки кадров высшей квалификации в аспирантуре и докторантуре.

Инерционность развития системы образования (а это одна из устойчивых закономерностей эволюции данной сферы) сказалась и в ходе революционных изменений 90-х годов, когда качественные сдвиги в системе образования оказались значительно меньшими, чем, например, в политической сфере. В то же время чрезвычайно сложными оказались задачи поддержания необходимого уровня образования как одной из ключевых сфер (наряду с художественной культурой, наукой и т. п.), обеспечивающих преемственность «старой» и «новой» общественных систем.

История России (и не только России) знает примеры, когда модернизация общества осуществлялась за счет истощения, частичной деградации или даже частичного уничтожения главного ресурса общественного развития — человеческого. Однако, во-первых, такой антагонистический характер прогресса был возможен либо на стадии доиндустриального общества (петровские реформы), либо на стадии так называемой экстенсивной индустриализации (сталинский «перелом»). Построение же постиндустриального общества в прямом и переносном смысле на костях миллионов людей представляется невозможным, в частности, и вследствие принципиального изменения роли «человеческого фактора» в современных индустриальных и социальных технологиях. Во-вторых, даже в периоды «варварских» модернизаций досоветская и советская власть необходимость форсированного развития образования понимала, хотя и придавала ему классовый и (или) идеологический характер. Вопрос о том, когда такая необходимость будет осознана и практически реализована новейшей российской политической элитой, остается открытым. В любом случае императивом времени является формула, предложенная автором еще на парламентских слушаниях в Совете Федерации 25 апреля 1994 г.: через образование — к реформированию общества в интересах большинства народа.

При этом важно иметь в виду, что методы реформирования образования в России не могут быть заимствованы из других сфер общественной жизни как вследствие высокого уровня развития данной системы в Советском Союзе, так и по причине ее высокой инерционности и консерватизма. Для обеспечения модернизации России сохранение высокого образовательного уровня населения важнее перестройки системы. Эволюция и реформы здесь принципиально предпочтительнее революций, и, может быть, это тот редкий случай, когда справедливой является формула Ф. И. Штрауса: быть консерватором — значит маршировать во главе прогресса!

Таким образом, образование — один из важнейших интегральных факторов модернизации и обеспечения национальной безопасности страны, и тем более важный, чем выше уровень ее развития. Модернизацию и национальную безопасность России невозможно обеспечить только или главным образом средствами образовательной политики. Но точно так же невозможно обеспечить ее и помимо образовательной политики, точнее, как будет показано ниже, без принципиального изменения образовательной политики по целому ряду ключевых параметров.

3. Новейшая революция и факторы дестабилизации российского образования в 90-х годах

Как показано автором, революционный характер социально-политического процесса вообще, характер и специфика российской революции — в особенности — породили, по меньшей мере, пять факторов как внутреннего, так и, особенно, внешнего (по отношению к

политике в области образования, но отнюдь не образовательной политике в целом) характера, вызывавших дестабилизацию и угрожавших деструкцией российской системе образования, призванной обеспечить важнейшие аспекты модернизации и национальной безопасности страны.

1. Перманентным фактором дестабилизации российской системы образования, угрожающим самому ее существованию, а, следовательно, модернизации и национальной безопасности страны, с начала 90-х гг. стал *финансово-экономический кризис и хроническое недофинансирование образовательных учреждений*, основные параметры которого будут охарактеризованы ниже. В данном случае важно отметить, что именно высокая инерционность образования, обеспечившая в известной мере устойчивость данного социального института, в кризисной ситуации, в случае, если уровень финансирования в реальном исчислении превысит предел устойчивости системы, превратится в фактор, многократно усложняющий ее восстановление.

2. В социальном плане главным фактором дестабилизации российской системы образования, главной угрозой осуществления ею модернизаторских функций и роли в обеспечении национальной безопасности страны стал *скачкообразный рост социального неравенства* и, как следствие, высокий уровень неравенства прав граждан в образовательной сфере. Причем, несмотря на более стабильные (в сравнении с другими социальными институтами) средние показатели функционирования системы образования, нарастание этой тенденции в перспективе может привести к тому, что страна утратит шансы войти в «клуб» постиндустриальных государств.

В современной России, наряду с другими, существуют следующие проявления неравенства прав граждан в области образования:

— крайне неравномерное распределение финансовых и иных материальных ресурсов на фоне обвального сокращения финансирования и деградации материальной базы, вследствие чего параллельно развитию сети элитных и инновационных образовательных учреждений, вариативности программ и компьютеризации, опережая и перекрывая позитивные тенденции, увеличивалось число образовательных учреждений, где отсутствуют элементарные условия обучения, и число детей, которые не в состоянии получить образование по причине недостаточного питания и (или) отсутствия одежды;

— высокие и, как правило, недостоверные показатели численности детей в возрасте от 7 до 18 лет, не обучающихся в образовательных учреждениях, особенно в первой половине 90-х гг. Руководители Министерства образования, выступая в палатах Парламента, в разное время оценивали эту численность от 200 тысяч (министр В. Г. Кинелев) до 3,5—3,7 миллиона (заместитель министра образования М. Н. Лазутова), представители Генеральной прокуратуры — около 2 миллионов, а газеты сообщали о 4 миллионах беспризорников. Одновременно, по официальным данным того же Министерства образования, после окончания 9-го класса в той или иной форме продолжали образование в 1996 г.— 97%, в 1997 г.— 97,2%, в 1998 г.— 97,5%, в 1999 г.— 97,7%, в 2000 г. (прогноз) — 97,9%, что никак не согласуется с предыдущими оценками;

— стремительный рост числа студентов, обучающихся на платной основе в учреждениях высшего профессионального образования (1992/93 учебный год — 2%, 1996/97 — 12%, в 1999/2000 учебном году — 34%). При этом условия поступления в средние и высшие профессиональные учебные заведения для детей, родители которых имеют высокие и низкие доходы, оказываются совершенно различными, и, как следствие этого, почти 2/3 студентов вузов представляют около 25% семей с наиболее высокими доходами.

Высокий уровень неравенства возможностей в области образования таит в себе опасность двоякого рода. С одной стороны, это снижение интеллектуального потенциала нации, ибо до сих пор никем не доказано, что уровень интеллектуальных возможностей детей прямо пропорционален уровню доходов их родителей, а информационная революция требует все большего числа высококвалифицированных специалистов и наращивания человеческого потенциала. С другой стороны — формирование закрытого типа политической элиты, что, как известно политологам, ведет к высокому уровню

конфликтности и повышает вероятность социальных взрывов.

Нарастающее неравенство возможностей граждан происходит в нарушение целого ряда норм Закона РФ «Об образовании» и, в частности, его концептуальных позиций, согласно которым государство гарантирует гражданам равенство прав в этой области независимо от расы, национальности, языка, пола, возраста, состояния здоровья, социального, имущественного и должностного положения, социального происхождения, места жительства, отношения к религии, убеждений, партийной принадлежности, наличия судимости (пункт 1 статьи 5), а развитие платных образовательных услуг возможно лишь как дополнение к услугам бесплатным, но не может и не должно их заменять. Попытки же законодателя блокировать перенос социального неравенства в сферу образования не дают желаемых результатов по причинам, опять-таки лежащим вне системы образования. Как уже отмечалось, по уровню социального неравенства Россия далеко превзошла не только Западную Европу и Японию, но и США. Совершенно очевидно, что решение данной проблемы невозможно в рамках политики в области образования и требует выхода в более широкую область образовательной политики в целом.

3. Помимо перманентно действовавших экономических и социальных факторов дестабилизирующего характера, российскому образованию на протяжении 90-х годов периодически угрожали *факторы политического характера*, а именно: попытки радикального слома образовательной системы, сложившейся в советский период, и столь же радикальной переделки ее по образу и подобию индустриально развитых стран, причем, как правило, по образу и подобию искаженному.

Это утверждение кажется парадоксальным лишь на первый, поверхностный взгляд, согласно которому стремление России войти в число современных высокоиндустриальных стран означает переделку в кратчайшие сроки всех отечественных социальных институтов по их образу и подобию. Однако более глубокий анализ приводит к противоположным выводам: как уже отмечалось, в силу высокой инерционности системы образования и высокого уровня ее развития в СССР, с точки зрения интересов модернизации и национальной безопасности страны сохранение качества образования принципиально важнее, нежели ре-формирование системы.

В истории образовательной политики 90-х годов наибольшую известность приобрели две правительственные стратегемы: массовая приватизация образования и введение образовательных ваучеров. Анализ обеих показывает, что, во-первых, фактически речь шла не о реформе образования, но скорее о революции структурно-организационного и в известной мере социального характера, и что, во-вторых, за образец принимались не апробированные и доказавшие свою эффективность, но не оправдавшие себя либо только разрабатываемые модели образовательных инноваций в развитых индустриальных странах, причем нередко искаженные отечественным революционным радикализмом.

Вне понимания революции как отрицания и феномена революционного «маятника» вряд ли возможно объяснить отношение исполнительной власти, в особенности в первой половине 90-х годов, к регулированию отношений собственности в системе образования и, в частности, к проблеме приватизации. Хорошо известно, что ни одна индустриально развитая страна кампании по массовой приватизации образовательных учреждений никогда не проводила. Напротив, общецивилизационная тенденция заключалась либо в сохранении и укреплении государственной системы образования (Германия), либо в приближении негосударственных образовательных учреждений по характеру финансирования к государственным (Бельгия), либо, наконец, в развитии некоммерческих фондов и других источников финансирования, делающих образование доступным для более широких слоев населения (США). Если на международных конференциях и семинарах эксперты Мирового Банка и употребляли периодически термин «приватизация» в отношении образования, то это никогда не понималось буквально (как передача образовательных учреждений из государственной собственности в частную), но лишь в смысле развития многоканального финансирования и использования некоторых рыночных механизмов в управлении образовательными организациями, причем почти всегда — в отношении высших учебных заведений или учреждений дополнительного

профессионального образования.

Что касается стран с переходной экономикой, то во многих из них введено платное высшее образование, однако, насколько известно автору, ни в одной не осуществлялась приватизация государственных учебных заведений. Например, в Чехии подобные меры всерьез даже не рассматривались, хотя это одна из немногих бывших социалистических стран, где «шоковая терапия» после глубокого спада обеспечила некоторый рост и где довольно долго существовало «образцовое» неолиберальное правительство.

Напротив, в России (и в особенности в первой половине 90-х гг.) исполнительная власть стремилась осуществить массовую приватизацию образовательных учреждений, о чем свидетельствуют правительственные программы, законопроекты и проекты указов Президента (см., например: Проект Закона Российской Федерации «О разгосударствлении и демонаполизации в образовательной сфере» // Учительская газета.— 1994.— 13 сентября.— № 34.— С. 14—16; Проект Указа Президента «О новых принципах учреждения и функционирования системы высшего и среднего профессионального образования Российской Федерации» // Смолин О. Н. Знание — свобода... М.: ООО «ИПТК «Логос» ВОС», 1999.— С. 330).

Идеи «разгосударствления» (т. е. фактически — приватизации) образовательных учреждений содержали некоторые варианты программы Центра стратегических разработок, подготовленной в 2000 г. (находятся в архиве автора). И все это несмотря на негативный опыт ваучерной приватизации в производственной сфере и на очевидные для любого неидеологизированного специалиста последствия приватизации в сфере образования, а именно:

- резкое сокращение бюджетного финансирования образовательных учреждений в связи с их превращением в негосударственные и, соответственно, уменьшением государственных обязательств перед ними в юридическом и социально-психологическом плане;

- вследствие этого качественный рост доли платных для гражданина образовательных услуг за счет бесплатных;

- в связи с крайне низким средним уровнем жизни и узостью средних слоев, представители которых способны оплачивать образование, сокращение, возможно в несколько раз количества обучающихся, превращение образования в привилегию для избранных;

- по причине дефицита финансов и отсутствия государственного управления превращение образовательной деятельности для многих учебных заведений во второстепенную, вытеснение ее коммерческой деятельностью, распродажа имущества, новый передел собственности под видом ее раздела, который и составляет «тайну» российской приватизации вообще;

- вследствие всех названных и неназванных причин — полное разрушение системы образования в короткие сроки.

Аналогичным образом в работах автора проанализированы различные варианты концепции введения образовательных ваучеров и сходные по содержанию предложения по реформированию финансово-экономических механизмов в системе образования. При этом рассмотрены следующие основные механизмы финансирования, так или иначе связанные с распределением средств по нормативам:

- а) ваучер — государственный документ на право получения образования, который не является именованным (не фиксирует имени владельца) и может быть предметом всех форм гражданского оборота;

- б) государственное именованное образовательное обязательство (ГИОО) или государственное именованное финансовое обязательство (ГИФО), которое может быть предметом залога;

- в) ГИОО или ГИФО, которое не является предметом гражданского оборота вообще;

- г) нормативное подушевое финансирование учреждений без выдачи финансового документа физическим лицам (по принципу: «Деньги следуют за учеником»);

- д) нормативное финансирование образовательных учреждений в расчете на каждого

обучающегося с учетом финансирования потребностей образовательного учреждения, не связанных линейной зависимостью с количеством обучающихся (например, коммунальные услуги, ремонт, учет количества класс-комплектов и т. п.) по принципу: «Деньги следуют за учеником, но не все» (вариант действующего Закона РФ «Об образовании»);

е) нормативное финансирование образовательных учреждений независимо от количества учащихся (деньги следуют не за учеником, а, например, за класс-комплексом, за учебными площадями и т. п.).

Закон РФ «Об образовании» в его первой редакции предусматривал нормативное финансирование образовательных учреждений различных типов и видов в расчете на каждого обучающегося, а также введение личного государственного образовательного кредита (невозвращаемого, частично или полностью возвращаемого) в системе среднего профессионального и высшего профессионального образования (статья 41 пункт 2; статья 42). Во второй редакции Закона концепция личного государственного образовательного кредита была исключена, однако исходная концептуальная схема сохранилась в модифицированном виде: нормативы финансирования образовательных учреждений поставлены в зависимость не только от их типов и видов, но и категорий. Закон, следовательно, устанавливает механизм финансирования, при котором часть финансовых средств перемещается из одних образовательных учреждений в другие вместе с обучающимися, однако другая часть финансирования этих учреждений от числа обучающихся напрямую не зависит.

Законодателями был разработан и иной персонифицированный механизм финансирования образования посредством государственного именованного образовательного обязательства. До настоящего времени он не вошел ни в один из действующих федеральных законов, однако был принят обеими палатами Парламента в первой версии Федерального закона «Об образовании лиц с ограниченными возможностями здоровья», отклоненного Президентом Б. Н. Ельциным в 1996 г., и в проекте Национальной доктрины образования в Российской Федерации, подготовленным совместной рабочей группой и одобренным Всероссийским совещанием работников образования в январе 2000 г., — в обоих случаях с целью создания дополнительных гарантий получения образования для лиц, нуждающихся либо в специальных образовательных условиях, либо в дополнительной финансовой поддержке на период обучения.

Важно отметить помимо этого, что разработчики Закона РФ «Об образовании» исходили из следующих концептуальных позиций:

— государственные образовательные стандарты, финансируемые по нормативам, должны быть до-статочными для полноценного образования;

— соответствующие финансовые нормативы формируются «прямым счетом», исходя из затрат на создание совокупности необходимых условий для качественного образования обучающихся и стимулирование труда педагогов;

— бюджет образования рассчитывается на основе данных нормативов, а в случае недостатка финансовых средств нормативы, которые рассчитываются ежегодно, постепенно приближаются к научно обоснованным.

Парадокс образовательной политики заключается в том, что практически все эти концептуальные идеи так или иначе были использованы в правительственных концепциях реформирования образования, однако при сходстве по форме они получали в них совершенно иное, зачастую прямо противоположное содержание. Так, уже «Программа углубления экономических реформ», подготовленная группой Е. Ясина для Правительства Е. Гайдара, предлагала введение нормативного финансирования в форме образовательных ваучеров (см.: Программа углубления экономических реформ. М.: 1992.— С. 131). Проект «Концепции очередного этапа реформирования образования», подготовленный правительственной комиссией в 1997—1998 гг., провозгласил главным принципом — «Деньги следуют за учеником». Последнее, строго говоря, не обязательно предполагало введение образовательных ваучеров, как утверждал В. Г. Кинелев (в то время министр образования), однако должно было вызвать сходные последствия. Наконец, раздел «Реформирование образования» в проекте Основных направлений социально-

экономической политики Правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу, в основном одобренных Правительством РФ в июне 2000 г., предполагает одновременное введение принципа «Деньги следуют за учеником» в системе общего образования и государственного именованного финансового обязательства в сочетании с общенациональным экзаменом — в системе среднего профессионального и высшего профессионального образования. Однако право на получение и размеры государственного именованного финансового обязательства, согласно Концепции, должны определяться не потребностями в специальных образовательных условиях или дополнительной финансовой поддержке в период получения образования, но результатами единого общенационального экзамена (тестирования), которые, в свою очередь, среднестатистически определяются финансовым положением семьи (способностью оплатить высококвалифицированного репетитора и т. п.).

Аналогичную метаморфозу в правительственном документе 1998 г. претерпели и другие концептуальные позиции Закона:

— вместо принципа «Бюджет — под нормативы» противоположный принцип: «Нормативы — под бюджет»;

— соответственно вместо прямого счета нормативов — обратный счет по многократно раскритикованному «остаточному» принципу;

— сведение к минимуму государственных образовательных стандартов под лозунгом сокращения учебной нагрузки и заботы о здоровье обучающихся.

На практике реализация любой из названных выше моделей реформирования образования (1992, 1998, 2000 гг.) привела бы к усилению конкуренции в сфере образования, к повышению качества обучения в элитных учебных заведениях за счет их основной массы, к большей свободе выбора для тех, кто способен ею воспользоваться, но вместе с тем — к расширению доли платных образовательных услуг за счет бесплатных и как следствие — к еще большему росту неравенства прав граждан в области образования. От такого рода реформ выиграли бы: в социально-поселенческом плане — часть населения крупных городов; в социально-профессиональном — дети из семей работников умственного труда; с точки зрения уровня доходов — дети представителей высшего класса и высшего среднего класса (если воспользоваться американской терминологией). Соответственно проиграли бы: дети в селе и малых городах; дети работников преимущественно физического труда и работников умственного труда с невысокой заработной платой; дети представителей низшего класса и большей части среднего класса.

Последствия такого рода мероприятий не были бы для системы образования столь же разрушительны, как последствия массовой приватизации образовательных учреждений, однако с большой вероятностью можно утверждать, что они привели бы не к прогрессу системы образования и, соответственно, модернизации России, но значительно затруднили бы такой прогресс и модернизацию. В известной мере доказательством данного тезиса может служить неудача экспериментов по введению образовательных ваучеров в ряде штатов США, проанализированных в свое время специалистами по заданию Минобразования России, а также личный опыт общения автора с американскими конгрессменами (в особенности от Демократической партии), которые с крайней настороженностью высказывались по поводу возможности продолжения таких экспериментов.

Поскольку большинство проектов, о которых идет речь, разрабатывались под эгидой и (или) на средства Мирового Банка и МВФ, вполне логично предположить, что новые схемы финансирования предполагалось подвергнуть экспериментальной апробации в России прежде, чем внедрять в индустриально развитых странах. При этом совершенно очевидно, что в кризисной российской ситуации шансы этих экспериментов на успех еще значительно меньше, чем в относительно стабильных и благополучных условиях современного «социального капитализма». Как показано в работах автора, действие данного дестабилизирующего фактора, угрожавшего российскому образованию и модернизации страны, педагогическая общественность и представляющие ее в Парламенте депутаты

сумели заблокировать во многом благодаря действующим федеральным законам.

4. Главным юридическим фактором, способным вызвать дестабилизацию системы образования, а значит — угрожающим модернизации страны, является, как это ни парадоксально, действующая *Конституция России*, и, в частности *статья 43*, регулирующая права граждан в области образования. Хотя текст статьи многократно подвергался критике со стороны образовательного сообщества, в действительности он еще хуже своей репутации.

Критика данной статьи в научной литературе и публицистике обычно ограничивается тем, что, не устанавливая соответствующих государственных гарантий прав граждан, Конституция по существу предполагает введение платного для граждан среднего общего и начального профессионального образования. Причем, если плата за обучение в старших классах школы в СССР устанавливалась (например, в 50-е гг.), то платное профессионально-техническое образование — это новелла не только в конституционном законодательстве, но и в отечественном законодательстве вообще. Причем новелла, которая на фоне сохранения права граждан на бесплатное (на конкурсной основе) высшее образование должна оцениваться либо как свидетельство крайнего непрофессионализма, либо как преднамеренное «поражение в правах» на образование представителей низшего класса вообще и наименее обеспеченных слоев населения — в частности, ибо, как известно, в системе начального профессионального образования и в советский, и в постсоветский периоды обучались и обучаются именно дети из таких семей.

Негативная реакция образовательной общественности (в том числе на парламентских слушаниях в Госдуме первого созыва 13—14 июня 1994 г.) заметно ослабла после издания Президентом РФ Указа № 1487 от 8 июля 1994 г. «О гарантиях прав граждан Российской Федерации на получение образования», причем, на взгляд автора, преждевременно.

Во-первых, Указ гарантировал гражданам бесплатность среднего общего и начального профессионального образования, но отнюдь не общедоступность образования данных уровней. Следовательно, проблема обучения подростков, получивших основное общее образование, после издания Указа оставалась открытой с той лишь разницей, что дети малообеспеченных родителей могли бы лишиться полноценного образования не непосредственно (вследствие низких доходов и неспособности платить за обучение), но опосредованно — через конкурс в старшие классы школы и учебные заведения системы профтехобразования.

Во-вторых, поскольку положение о бесплатности на конкурсной основе среднего (полного) общего и начального профессионального образования уже содержалось в статьях 5 и 16 первой редакции Закона РФ «Об образовании», который продолжал действовать после принятия Конституции 1993 г., названный выше Указ Президента лишь осложнил ситуацию на образовательном правовом поле в области образования, создав нежелательный прецедент исполнения законов только в случае их подтверждения указами Президента.

Лишь преодоление Парламентом президентского вето на Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Закон «Об образовании» создало законодательные гарантии реализации прав граждан на общедоступное среднее (полное) общее и начальное профессиональное образование. Причем Совету Федерации первого созыва, в котором в то время работал автор, пришлось преодолевать вето дважды, поскольку Президент повторно возвращал закон в верхнюю палату, ссылаясь на нарушение его собственного регламента.

5. Одним из важнейших факторов дестабилизации российского образования, а следовательно, реальной угрозой модернизации и национальной безопасности России выступали *попытки радикальной трансформации отечественной ментальности* под лозунгом деидеологизации при фактической реидеологизации (точнее, переидеологизации). В соответствии с описанными выше политико-ситуационными закономерностями, каждая революция (а иногда и период реформ) стремится создать «нового человека» по образу и подобию социального идеала, олицетворяющего выдвинутую ею социально-политическую утопию («светлое будущее»). При этом тип

человека и культура прошлой эпохи подвергаются более или менее энергичному осуждению, вплоть до полного отрицания.

Новейшая российская революция и в этом отношении не стала исключением, но, напротив, далеко вышла за пределы объективно стоявших перед нею задач. «Новый человек» прежней эпохи был подвергнут беспощадной критике как «гомо советикус» (что, впрочем, является простым переводом на латинский популярного в философско-политической литературе прежней эпохи термина «советский человек» при противоположной аксиологии), или, на публицистически-бытовом уровне, «совок». При этом официальная наука и публицистика игнорировала, по меньшей мере, два обстоятельства. Во-первых, «гомо советикус» в цивилизационном отношении был еще во многом человеком традиционного общества, для которого характерны не только ограниченность жизненного опыта и мировосприятия, рождающая иронию у представителей более модернизированных социальных систем, но также нравственная цельность и сила, во многом утраченные людьми в высоко индустриальных цивилизациях. Во-вторых, критика в адрес «гомо советикус» не делала самих критиков свободными от негатива прошлого. Не случайно изобретатель термина «гомо советикус» А. А. Зиновьев публично заявил, что худшим порождением этого типа стали представители новейшей российской политической элиты.

Автором показано далее, что в первой половине 90-х гг. революционное отрицание в России проявлялось как в формационном, так и в более глубоком, цивилизационном плане, а именно: была предпринята попытка разрыва с духовно-нравственными традициями не только советской, но и досоветской российской культуры. В отличие от западной протестантской этики труда, индивидуализма и прагматизма, для этой культуры была характерна установка на нестяжательскую самореализацию и служение людям, в более современных терминах — на постматериальные ценности. В начале 90-х гг. эта ориентация была отвергнута как помеха внедрению рынка. В действительности же содействовать введению рыночных отношений в сколько-нибудь цивилизованной форме могла бы, например, упомянутая выше протестантская этика с ее культом честного стяжательства. Однако «радикальные реформаторы» апеллировали не к ней, но к самым примитивным лозунгам типа «Деньги — единственная подлинная ценность». Ведущие политики и публицисты призывали с пониманием относиться к криминальному характеру стремительно создававшегося отечественного капитала, доказывая, что иного пути нет, а через 2—3 поколения капитал станет цивилизованным. Как уже отмечалось, подобная пропаганда в существенной мере обусловила тот факт, что новейшая российская революция (на фоне почти всеобщих призывов к «покаянию» и «катарсису») по отношению к праву и общечеловеческой морали оказалась криминальной.

Проявление данных тенденций проанализировано автором в отношении не только образовательной политики в целом, но и собственно политики в области образования. В революционный период (первая половина 90-х гг.) профильные министерства не пытались или полагали несовместимым с «курсом реформ» обеспечивать в преподавании гуманитарных наук провозглашенные принципы объективности и плюрализма. Напротив, в соответствии с феноменом «маятника» место одной догматизированной идеологии в преподавании социальных наук заняла другая, не менее догматизированная. Так, авторы учебников по истории, вышедших в этот период, в большинстве своем не только не поднялись до «понимающей социо-логики» М. Вебера, которая предполагает оценку любой эпохи в ее собственном социокультурном контексте, но, напротив, по сути руководствовались методологией «Краткого курса истории ВКП(б)» при противоположной идеологической направленности. Среди прочих причин это привело к тому, что по результатам сравнительных социологических исследований, в революционный период российская молодежь по уровню уважения к собственной стране, ее истории и культуре уверенно занимала чрезвычайно низкие места среди своих сверстников из более или менее развитых государств.

«Переоценка ценностей» произошла и в преподавании литературы. Однако поскольку российская литературная классика всех направлений характеризовалась отмеченной выше

нестяжательской, неутилитарной направленностью, идеологическая переориентация в данном случае в большей мере была связана с псевдомодернизацией содержания: место классических произведений все более занимала современная литература самого различного художественного уровня. Параллельно этому идеологи «радикальных реформ» в сфере духовной культуры призывали преподавателей отечественной литературы в учебных заведениях всех уровней элиминировать из нее наиболее сильную сторону — идейно-нравственное содержание, акцентируя внимание исключительно на изучении художественных особенностей и формировании эстетического вкуса обучающихся.

Поскольку трансляция архетипов культуры того или иного народа, формирование своего рода «культурных кодов» наиболее интенсивно происходит в раннем возрасте посредством восприятия народного фольклора и базирующихся на тех же архетипах классических произведений отечественной литературы, в данном случае проявилось одно из фундаментальных противоречий новейшей российской революции, а именно: ярко выраженная тенденция к разрыву с отечественной культурной традицией под лозунгом ее возрождения! Обычно эта культурная традиция именуется православной, что соответствует истине, если иметь в виду главное отличие жизненной неутилитарной православной ориентации от утилитарной протестантской, а также тот факт, что практически все население Российской империи и СССР, включая представителей иных конфессий и атеистов, в той или иной степени испытало воздействие православной культуры. Однако это не соответствует истине в специфически конфессиональном смысле, ибо одно из фундаментальных противоречий советского периода состояло в том, что, за исключением отдельных исторических ситуаций, существовавший политический режим стремился порвать с православной формой отечественной культурной традиции, однако в основном сохранял ее содержание, а иногда вступал с православием в прямой союз.

По мнению автора, попытка радикальной трансформации отечественной ментальности представляет собой не условие ускоренной модернизации России, но, напротив, прямую угрозу этой модернизации, причем по целому ряду причин:

— попытка заменить традиционную российско-советскую ментальность не современными, цивилизованными, но самыми примитивными формами рыночной идеологии, стоящими ниже протестантской этики, не способна привести страну не только к информационному обществу, но и к современному социальному рыночному хозяйству;

— опыт Японии и новых индустриальных стран Юго-Восточной Азии убедительно показывает, что общинная психология при определенных условиях не только не противоречит модернизации, но, напротив, может стать ее мощным стимулом (между прочим, это ставит под сомнение и общий вывод М. Вебера о том, что именно протестантизм является главным фактором развития капитализма, или, по крайней мере, ограничивает этот вывод историческим пространством и временем Европы XVI—XIX вв.);

— в сознание мирового сообщества все более и более входит представление о том, что модель «пот-ребительского общества», даже в его наиболее современном социально-рыночном варианте, себя исчерпала, ибо попытка тиражирования этой модели на все человечество неминуемо привела бы к глобальной экологической катастрофе.

4. Тенденции и противоречия федеральной образовательной политики 90-х годов

Наряду с факторами, дестабилизировавшими российскую систему образования и способными вызвать ее деструкцию, в работах автора проанализированы целый ряд специфических противоречивых тенденций образовательной политики, обозначаемых для краткости как ее парадоксы. При этом различия в проблематике настоящего и предыдущего подразделов весьма относительно, ибо и факторы дестабилизации образования, и парадоксы образовательной политики порождены одним и тем же социально-политическим контекстом революции как исторической ситуации, а потому в определенном аспекте могут либо совпадать, либо первые выступают по отношению к последним в роли причины (сторон, форм проявления) и, как любая причина, испытывать

их обратное воздействие.

В российском общественном сознании стало едва ли не общим местом мнение о том, что отечественная социальная реальность — реальность особого рода, которая изобилует парадоксами. Об этом писали теоретики самых разных научных школ и политических взглядов: от Чаадаева до Бердяева и от Герцена до идеологов большевизма. Вследствие же революционного характера социально-политического процесса 90-х годов парадоксальность отечественного развития была едва ли не возведена в квадрат, и затрагивала практически все сферы жизни. В число таких сфер попала и образовательная политика. Вот лишь некоторые современные ее парадоксы.

Парадокс № 1. Коллективный квазиэдипов комплекс в управленческих структурах.

Трудно найти другой период в отечественной истории, когда бы в составе правящей политической субэлиты было так много людей с учеными степенями и академическими званиями, как в первой половине 90-х гг., и, вместе с тем, когда бы в мирное время наука и образование оказывались в столь критической финансово-экономической ситуации. Сторонник фрейдистской парадигмы мог бы написать научный трактат о том, как и почему представители научного и образовательного сообщества, попадая из академических сфер во властные структуры, будто обуреваемые комплексом Эдипа, способствуют уничтожению тех, кому они обязаны своим рождением в качестве ученых. Автору, однако, представляется, что фрейдизм, вообще малопродуктивный при объяснении макросоциальных процессов, абсолютно не имеет отношения к данному феномену, который, напротив, легко объясняется, исходя из представления о революционном характере российского политического процесса со всеми его атрибутами.

Парадокс № 2. Попытка вхождения в цивилизацию по попятной траектории.

Новейшие отечественные политические лидеры радикального направления на протяжении 90-х годов постоянно прокламировали намерения «войти в цивилизацию» или догнать ее, но в отношении образования и науки стимулировали движение едва ли не в прямо противоположную сторону. Во всяком случае, противоразвивающие тенденции в политике государства в отношении образования и науки явно преобладали над процивилизационными. Среди прочего это относится и к таким ключевым направлениям образовательной политики государства, как отношения собственности (см. выше) и финансирование.

Весь мировой опыт XX в., и в особенности второй его половины, свидетельствует: при сколько-нибудь работающем экономическом механизме именно инвестиции в образование в долгосрочной перспективе оказывались наиболее эффективными и определяли успех модернизации общества. Практически все страны, сумевшие добиться на определенных временных интервалах экстраординарных темпов экономического развития (так называемого «экономического чуда»), за несколько лет до этого осуществляли серьезные финансовые «вливания» в сферу образования, во многом «чудо» и порождавшие. В свою очередь в индустриально развитых странах экономический подъем и относительно высокий уровень жизни большинства населения становились базой стабильности и демократии западного типа. Такая закономерность прослеживается в послевоенной истории Германии, Японии, Южной Кореи, отчасти — Италии.

В отечественной истории аналогичная закономерность, хотя и с учетом качественных различий между общественными системами, также проявлялась на протяжении ряда десятилетий (30—60-е гг.). Затем тенденция изменилась, а в 90-е гг. стала прямо противоположной. Так, по оценкам Всемирного Банка, доля расходов на образование в ВВП составляла в СССР в 1970 г. 7%, в США, Франции и Великобритании в середине 90-х гг. — от 5,3 до 5,5%, а в России в 1992 г. — 3,4%. С учетом сокращения ВВП приблизительно вдвое в 1990—1994 гг. расходы на образование в реальном исчислении составили в середине 90-х годов не более четверти к уровню расходов 1970 г. Принимая во внимание рост после 17 августа 1998 г. курса доллара почти в 4,5 раза, рост цен — не менее чем в 2,5 раза, при увеличении расходов на образование в федеральном бюджете 1999 и 2000 гг. приблизительно на 75%, а заработной платы работников образования (с учетом ее повышения с 1 апреля 2000 г. в 1,2 раза и изменения коэффициентов ЕТС) —

менее чем на 70%, представляется возможным оценить сокращение реальных расходов на образование в России во второй половине 90-х годов приблизительно еще в 2 раза.

Аналогичным образом в первой половине 90-х годов сократился выпуск художественной литературы для детей. В том числе выпуск книг в 1990—1994 гг. упал примерно в 3 раза (с 99,5 млн. до 34,9 млн.); разовый тираж журналов — примерно в 6 раз (с 21,8 млн. до 3,6 млн. экземпляров); разовый тираж газет — почти в 20 раз (с 13,3 млн. до 717 тыс.). При таких показателях утверждения о «возвращении в русло мировой цивилизации» могут восприниматься в лучшем случае как свидетельство революционной эйфории.

Парадокс № 3. Преумножение критикуемых ошибок прошлого.

Чем более новая, постсоветская власть критиковала ошибки прежней, тем более она их повторяла и умножала. Это также объясняется не только сохранением в значительной степени персонального состава политической элиты, но прежде всего названными выше закономерностями революции, которые проявляются вне зависимости от ее направленности.

Так, в 90-е годы после массивной критики социальной политики советского периода одна из худших тенденций его последних лет — обесценивание высококвалифицированного труда — оказалась не только не преодоленной, но доведенной до логического конца. На протяжении всего десятилетия среди различных профессиональных отрядов работники образования по уровню оплаты труда входили в первую пятерку снизу наряду с работниками науки, здравоохранения и культуры. Более того, с конца 1998 г. средний уровень оплаты труда «бюджетников» опустился ниже официально установленного и также весьма заниженного прожиточного минимума, причем, по прогнозам Минтруда, такое положение сохранится и в начале XXI века!

Парадокс № 4. Сочетание юридического фетишизма с юридическим нигилизмом: корни многочисленных проблем массовое сознание склонно видеть, а представители власти — относить на счет отсутствия или недостатков законодательной базы; в то же время действующие законы систематически игнорируются. Так, все минимально необходимые для защиты системы образования, работников и обучающихся решения еще в начале 90-х годов приняты на уровне как законодательной, так и исполнительной власти (Указ № 1 Президента Б. Н. Ельцина — в июле 1991 г. и Закон РФ «Об образовании» — в июле 1992 г.). Однако они и не выполняются, и не отменяются. Более того, за прошедшие годы Правительство, по Конституции 1993 г. всецело подчиненное Президенту, не только не приблизилось к исполнению основного положения Указа и Закона в части оплаты труда, согласно которому средние ставки педагогических работников образовательных учреждений должны устанавливаться выше средней заработной платы в промышленности, но, напротив, от такого исполнения удалилось. Если в 1970 г. уровень заработной платы работников в сфере образования составлял около 73% от ее уровня в промышленности, то уже в конце 1999 г. — 49%. Аналогичным образом обстоит дело с большинством норм и нормативов финансового характера, которые содержатся в действующих законах в области образования: постоянно провозглашая приверженность правовому государству, исполнительная власть с тем же постоянством эти нормы игнорирует.

Парадокс № 5. Консерватизм как фактор модернизации.

В 90-х гг. российская система образования оказалась в более тяжелом финансово-экономическом положении, чем многие отрасли экономики и социальные институты, однако уровень ее деструкции значительно меньше, а эффективность — значительно выше. Среди других это признано такими международными организациями, как Мировой банк, специалисты которого отмечают более высокий в среднем уровень знаний обучающихся в области естествознания и математики, чем во многих государствах Организации экономического сотрудничества и развития, а также ЮНЕСКО, под эгидой которой на базе российских вузов выполнялся ряд международных проектов в рамках всемирного десятилетия образования.

В этой связи вполне обоснованным представляется следующий тезис: помимо исключительного чувства ответственности работников образования, сформированного полутрадиционной авторитарной советской системой, помимо факторов, связанных с

законодательством, о которых речь пойдет ниже, именно инерционность, консерватизм данного социального института, обеспечивая сохранение духовного потенциала нации, оставляет России шансы на модернизацию в будущем. Радикальная революционная ломка образовательных институтов, напротив, привела бы к безнадежному отставанию от наиболее передовых стран.

На взгляд автора, действительная модернизация России возможна лишь при условии отказа от концепции «догоняющей конвергенции» и замены ее моделью «опережающего развития». Роль интегрального фактора «безопасности образования», а тем самым — фактора национальной безопасности и модернизации страны, способного в известных пределах «снять» угрозы дестабилизации образовательной системы и смягчить противоречия образовательной политики, должна принадлежать закону. Закон — не панацея от всех бед революционной эпохи, но в нем фиксируется то хрупкое согласие между общественными группами и ветвями власти, которое в такую эпоху особенно ценно, а может быть, бесценно.

СТРАСТИ О ТРАСТЕ

Выступление на пленарном заседании Государственной Думы 21 апреля 1995 года

Уважаемые коллеги! Вопрос, который сегодня обсуждается, касается не только образования, но и национальной безопасности, все более важным элементом которой образование становится. В Соединенных Штатах это прекрасно поняли после первого советского спутника в 1957 году. Мы, к сожалению, забываем сейчас.

23 июня 1994 года Совет Федерации тщательно обсудил, абсолютным большинством голосов одобрил и в порядке законодательной инициативы внес в Государственную Думу проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «Об образовании». В августе аналогичный проект внесло Правительство Российской Федерации. Более полугодия шли согласительные процедуры, в ходе которых свой вклад в доработку проекта внесли депутаты Государственной Думы. По большинству позиций проект согласован, хотя сохраняется ряд принципиальных разногласий, в том числе по вопросам: финансирования негосударственного образования; независимой государственной аттестационной службы; оплаты труда работников образования и некоторым другим. Однако обсуждать эти разногласия сейчас преждевременно, ибо два дня назад в Государственной Думе появился альтернативный проект, представленный группой депутатов (все от блока «Демократический выбор России»). Сегодня он рассматривается одновременно с проектом, внесенным 10 месяцев тому назад.

Не мне судить, насколько это соответствует регламенту Государственной Думы. Но как специалист, уже пять лет профессионально занимающийся законодательством об образовании, берусь утверждать, что за два дня такой сложный проект оценить невозможно. Поэтому кратко отмечу лишь некоторые принципиальные различия в концепциях объединенного и альтернативного законопроектов.

1. Объединенный проект (и здесь мы с Правительством едины) предусматривает повышение образовательного уровня населения, образовательного потенциала нации. Исправляя пороки статьи 43 Конституции и недостатки действующего Закона РФ «Об образовании», мы предлагаем новую редакцию пункта 3 статьи 5, которая предусматривает право гражданина на общедоступное (т. е. без конкурса) и бесплатное начальное, основное и среднее общее образование, а также начальное профессиональное образование (т. е. обучение в профтехучилищах).

Напротив, альтернативный проект предполагает, что все образование, начиная со старших классов школы, дается на конкурсной основе. Этот вариант апробирован на практике последних лет и успешно провалился. Он стал одной из причин того, что, по расчетам Министерства образования, в настоящее время в возрасте от 7 до 17 лет 1 миллион 950 тысяч детей не учатся. С учетом состояния и прогнозов роста безработицы в

России нет сомнений, что это искусственно создаваемый неисчерпаемый источник преступного мира, его главный кадровый резерв. По тем же данным, из 200 тыс. малолетних преступников в 1994 году учились только 75 тысяч. Мы пытаемся эту проблему решать. Альтернативный проект ее консервирует и обостряет.

2. Объединенный проект предусматривает усиление государственных гарантий развития образования. Он предполагает, в частности, что на нужды высшего профессионального образования из федерального бюджета должно выделяться ежегодно не менее 3-х процентов всех финансовых средств. Такое требование содержится в заявлении Совета Федерации, принятом весной прошлого года. Таково же требование Союза ректоров. Кроме того, наш проект обязывает Правительство ежегодно финансировать обучение не менее 170 студентов на 10 тысяч человек, проживающих в Российской Федерации. Это меньше, чем было в советское время (около 220 человек в 1980 году), но более или менее соответствует уровню развитых стран, за исключением Соединенных Штатов Америки.

В альтернативном проекте ничего подобного нет. Напротив, он ликвидирует некоторые государственные гарантии для системы образования. В частности, из пункта 2 статьи 40 предлагается исключить положение о том, что нормативы расходов на обучение подлежат индексации в соответствии с темпами инфляции. Иными словами, разрешается финансировать образование по нормам «времен очаковских и покорения Крыма».

3. Проблема контроля за условиями и качеством образования. Не секрет, что в сфере образования в последнее время появилось достаточно много «детей лейтенанта Шмидта» и всякого рода «рогов и копыт». Поэтому объединенный проект, несмотря на некоторые разногласия, контроль за качеством образования усиливает. В частности, предлагается записать в статью 33 норму о том, что контроль за соблюдением условий, предусмотренных лицензией, обеспечивает орган, который ее выдал. Если же условия нарушаются, лицензия должна быть изъята.

И здесь альтернативный проект идет в прямо противоположном направлении. Так, например, ту же статью 33 предлагается дополнить нормой, которая разрешает частным образовательным учреждениям получать аттестацию через региональные попечительские советы, в которые в числе прочих будут входить учредители этих учреждений. То есть государственная аттестация заменяется самоаттестацией. Кроме того из Закона предлагается исключить подпункт «г» пункта 4 статьи 34, который предусматривает ликвидацию образовательного учреждения, если оно не выполняет уставных задач. То есть учреждение можно создать и зарегистрировать как образовательное, а затем под его крышей заниматься чем угодно вместо образования, получая соответствующие льготы!

Наконец, четвертое и самое главное: проблема собственности.

Совсем недавно Государственная Дума дважды приняла Закон, устанавливающий мораторий на приватизацию образовательных учреждений. Мы благодарим Вас за этот Закон. Совет Федерации его уже поддержал. Надеюсь, поддержит и во второй раз.

Нормы, которые содержит по вопросу приватизации образования объединенный проект, вполне соответствуют принятому Вами дважды Закону: устанавливается запрет на приватизацию образовательных учреждений. Альтернативный проект занимает противоположную позицию, и если он сегодня будет принят, нам придется признать, что в России политика законодательной власти в области образования меняется каждые полтора месяца.

Правда, слова «приватизация» в альтернативном проекте нет. После того как Госкомимуществу не удалось провести приватизацию открыто, на свет появляются новые термины: «разгосударствление», «демонополизация» и, наконец, в последнем варианте — «траст», т. е. доверительное управление.

Спросим себя: зачем и кому нужен траст в системе образования?

Во-первых, вводя траст, мы признаем, что органы управления образованием к управлению собственностью не способны, выражаем недоверие управленческим структурам — от Министерства образования и Госкомвуза до любого роно. Но откуда уверенность, что те, кто никогда не управлял и этому не учился, справятся с задачей

лучше специалистов? Видимо, здесь действуют по принципу: кто умеет — работает, кто не умеет работать — учит, кто не умеет учить — управляет!

Во-вторых, и это еще более важно: траст — не что иное, как стыдливая полуприватизация. Никакой необходимости в трасте в сфере образования нет. Смысл траста в образовании еще более идеологический, чем в производстве: это великий передел собственности.

Многие вузы, техникумы, ПТУ, даже школы имеют хорошую материальную базу, которая не дает покоя полукриминальному капиталу, Госкомимуществу и их лоббистам в Парламенте. Два с половиной года назад, на VII съезде народных депутатов России я говорил сторонникам обвальная ваучеризации, что они отличаются от известного героя Михаила Булгакова только одним: герой предлагал все отнять, а затем поделить; нынешние сторонники передела собственности требуют все поделить, чтобы потом отнять.

В области промышленности эта политика уже превзошла все ожидания: производство в России упало более чем на 50%, и здесь мы успешно догнали и перегнали американцев периода «великой депрессии». Видимо, кому-то не терпится перенести «бесценный опыт» в сферу образования, которое в России несмотря ни на что, все еще остается одним из передовых в мире.

Я не имею обыкновения, как это часто бывает в Парламенте, говорить от имени избирателей. Однако есть случаи, когда это необходимо. Известно, что требование отказа от приватизации образовательных учреждений содержится в решениях профсоюзного съезда работников образования, который проходил в Москве в начале апреля. Только в Омской области, которую я представляю, против приватизации образования собрано 26 тыс. подписей. В настоящее время учителя 10 областей готовы выйти на забастовку в защиту своих экономических прав. Принятие альтернативного проекта, несомненно, подольет масла в огонь.

В заключение хотел бы заметить, что те немногие положительные моменты, касающиеся нормативного финансирования образования, которые акцентировал здесь уважаемый Григорий Алексеевич Томчин, уже содержатся в действующем Законе. Над механизмом реализации мы готовы работать и дальше. О трасте же он по каким-то причинам умолчал.

Таким образом, объединенный проект при некоторых недостатках и разногласиях между авторами работает на повышение интеллектуального потенциала страны, а значит — на будущее нации. Альтернативный проект, независимо от желания авторов, работает на разрушение образования и тем самым — против национальной безопасности. Поэтому прошу проголосовать поименно и поддержать совместный проект Совета Федерации, Правительства, депутатов Государственной Думы. Спасибо.

Р. С. Думаю, позиция законопроекта, который мне было поручено официально представлять от имени Совета Федерации, как и моя личная позиция, из этого выступления вполне понятна. В конце концов, несмотря на бурные возражения сторонников альтернативного проекта, за него проголосовало 48 депутатов Государственной Думы, за наш проект — 252. Однако и принятый вариант не идеален. Написав вместе с сотрудником сектора аппарата Комитета Совета Федерации Е. В. Бусловым процентов 70 этого проекта, я не могу согласиться с некоторыми его положениями, и в частности с тем, что он узаконивает практически неограниченное право государственных вузов на замену бесплатного образования по наиболее престижным специальностям платным. Вот почему я уже подал поправки к тому самому законопроекту, который защищал в Госдуме 21 апреля. И вот почему не оставляет меня тревога за будущее отечественного образования, за будущее образованное Отечество.

Опубликовано: «Вечерний Омск». — 1995. — 25 мая.

ОБРАЗОВАНИЕ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

Доклад на парламентских слушаниях
Государственная Дума Федерального Собрания России. 21 мая 1996 года
Из стенограммы парламентских слушаний. Текст отредактирован автором

Уважаемые коллеги по законодательной и исполнительной власти! Уважаемые коллеги — работники образования и науки! Уважаемые гости!

То, что я намерен здесь сказать, менее всего будет напоминать официальные парадные доклады прежних, да отчасти и нынешних времен: слишком остры проблемы, слишком велико наше беспокойство за духовное настоящее и будущее Отечество.

В коротком докладе невозможно не только исчерпать, но и освятить хотя бы главные аспекты проблемы взаимосвязи образования и национальной безопасности России — как известно, необъятного объять нельзя. Поэтому мы претендуем сегодня не на решение вопроса, а на его постановку; не на подведение итогов, а на начало большого разговора; не на окончательную истину, а на стимулирование образовательной, научной и политической элит к более ясному осознанию ситуации и практическим шагам по ее изменению. Представляется, что проблема «образование и национальная безопасность России» может быть полем согласия широкого спектра политических сил. Поэтому, не стесняясь называть вещи своими именами и намерено заостряя вопрос, мы, Комитет Государственной Думы по образованию и науке, готовы к сотрудничеству в его решении со всеми, кого волнует судьба России. Прежде всего хотел бы вывести проблему национальной безопасности России из плоскости национального вопроса. Национальная безопасность — не безопасность одной из наций, проживающих на территории страны, пусть даже самой крупной, ведущей нации. Это совокупность условий, обеспечивающих суверенитет, защиту стратегических интересов и полноценное развитие общества и всех граждан данного государства. Именно такое понимание национальной безопасности вошло в мировую политику и науку — от американского президента Теодора Рузвельта, который считается изобретателем термина, через школу «политического реализма» и до современных теоретиков.

Без дальнейших вводных хочу обозначить два тезиса, которые, наверное, теоретически тривиальны, но в практическом и политическом отношении, к сожалению и стыду нашему, становятся все более актуальными.

1. Состояние национальной безопасности России может быть оценено в данный момент как среднее...— между неудовлетворительным и катастрофическим.

2. Национальную безопасность России невозможно обеспечить только или главным образом средствами образовательной политики; но точно так же невозможно обеспечить ее и помимо образовательной политики, точнее, без принципиального изменения образовательной политики по целому ряду ключевых параметров.

Лимит времени не позволяет мне подробно останавливаться на аргументации первого тезиса. Приведу лишь два вывода исследований, заслуживающих доверия и внимания. Вывод первый сделан Комитетом по безопасности Государственной Думы прошлого созыва совместно со специалистами Российской академии наук: национальная безопасность России по 19-ти из 20-ти показателей находится у красной черты или за красной чертой.

Вывод второй принадлежит специалистам ЮНЕСКО и всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), которые в 1992—1993 гг. исследовали проблему жизнеспособности различных наций и государств. При оценке по пятибалльной шкале высшего балла не получил никто. На четыре была оценена жизнеспособность Бельгии, Голландии, Исландии, Дании, Швеции. По три балла получили США, Япония, Германия и многие другие высокоразвитые государства Запада, а также новые индустриальные «тигры». Что же касается России, то ее жизнеспособность эксперты оценили лишь в 1,4 балла — уровень, ниже которого может начаться необратимая деградация.

Хотелось бы указать международным экспертам на их ошибку, однако подтверждением выводов ЮНЕСКО и ВОЗ может служить так называемая естественная — а на самом деле противоестественная — убыль населения России, т. е. превышение

смертности над рождаемостью, которое составило: в 1992 году — 220 тысяч человек, в 1993 — 750 тысяч, в 1994 — 920 тысяч, в 1995 — 785 тысяч человек. Согласно исследованиям Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в марте 1995 года, лишь 1, 4 процента женщин допускают возможность стать матерью в ближайшие два-три года. Главный фактор, наличие которого социологами до 1993 года не отмечалось,— страх перед будущим! Как тут не вспомнить грустную сентенцию Михаила Жванецкого: все говорят: Молодежь, молодежь...— но если мы захотим — молодежи вообще не будет! Переходя ко второму тезису о роли образования и образовательной политики в обеспечении национальной безопасности, необходимо заметить, что оно (образование) воздействует на все без исключения уровни национальной безопасности (безопасности общества, государства, личности) и на все без исключения ее структурные элементы. Совершенно очевидно: экономическая и военная безопасность современного государства немислимы без квалифицированных кадров; технологическая безопасность невозможна без тех же кадров и научных разработок. Отечественные и зарубежные экологи и глобалисты единодушно утверждают: без новой культуры выживания, без так называемого инновационного обучения человечество обречено на катастрофу. Спорят лишь о том, сколько времени осталось нам на осознание гибельности технологической экспансии, не подкрепленной духовным совершенствованием,— 40, 70 или 100 лет! Что касается безопасности культурного развития, выделяемой многими специалистами, то образование как фундамент культуры, несомненно, является ее основой. И, наконец, ни одна общественная система, ни одно государство не может нормально развиваться без системы ценностей, объединяющей ее членов. Нация, лишенная своих ценностей, превращается в толпу или, хуже — в гигантскую банду. Одно из первых мест в формировании ценностей народа принадлежит образованию. Образование, таким образом, один из важнейших компонентов национальной безопасности любой страны, и тем более важный, чем выше уровень ее развития. Но сегодня я буду говорить не о ракурсе проблемы, общем для всех стран, но о ее особом состоянии в нашем Отечестве. Мы хорошо знаем, что усилиями многих присутствующих в этом зале, но главным образом — усилиями сотен тысяч работников образования разрушение этой сферы существенно меньше, чем многих других общественных институтов (например, оборонной промышленности) школы и вузы работают, а Всемирный банк в известном документе «Россия: образование в переходный период» признает, что обучающиеся в нашей стране имеют в среднем более высокий уровень знаний в естественных науках и математике, чем обучающиеся во многих государствах Организации экономического сотрудничества и развития. Однако мы не собираемся закрывать глаза на то, что целый ряд норм права и практических действий в области образовательной политики в последние годы не только не работали на образование, но прямо разрушали национальную безопасность России и до сих пор непосредственно ей угрожают. Назовем лишь некоторые из них.

1. Как ни парадоксально это звучит, национальной безопасности России угрожают некоторые статьи ее собственной Конституции, и в частности статья 43.

Не берусь судить, что двигало пером ее автора: полная профессиональная непригодность или холодный цинизм (кстати, имя автора до сих пор никем официально не названо). Но совершенно очевидно: обещанное статьей 43 каждому гражданину право на общедоступное и бесплатное дошкольное образование и такое же среднее профессиональное образование есть пустая декларация или обман. Напротив, лишение наших детей права на общедоступное и бесплатное полное среднее и начальное профессиональное образование в условиях, когда наиболее развитые страны поднимают вопрос о переходе к общедоступному высшему образованию, есть прямая угроза национальной безопасности страны. Серьезные футурологи всех политических направлений — от правых консерваторов до левых социалистов, от сторонников постиндустриализма до теоретиков «Римского клуба» — в один голос утверждают, что именно образовательный потенциал чем дальше, тем более будет определять статус человека в обществе и статус нации в мире. С другой стороны, даже политические противники России признают: наряду с ракетно-ядерным потенциалом, ослабленный, но не

уничтоженный научно-образовательный потенциал нации позволяет нашей стране пока еще играть роль великой державы.

Комитет по вопросам науки, культуры и образования Совета Федерации прошлого созыва при поддержке ста депутатов и четырнадцати субъектов Российской Федерации внес предложение по новой редакции статьи 43. Теперь мы обращаемся к Президенту с просьбой сделать аналогичный шаг.

2. Национальной безопасности России непосредственно угрожает финансовая политика в отношении социальной сферы вообще и образования в особенности.

По оценкам Всемирного банка, доля расходов на образование в валовом внутреннем продукте составляла в СССР в 1970 году — 7%, в России в 1994 году — 3,4%, т. е. сократилась более чем в два раза. Причем в семидесятых, восьмидесятых годах сокращение было медленным и постепенным, а в девяностых стало обвальным. Для сравнения напомним, что доля расходов на образование в Соединенных Штатах, Франции и Великобритании колеблется от 5,3 до 5,5%. В федеральном бюджете на 1996 год на образование выделено менее 15,2 триллионов рублей, тогда как, по расчетам специалистов, необходимо по крайней мере 43 триллиона. Бюджет составлен из расчета средней заработной платы педагогов в 316 тысяч рублей, то есть около 30% от средней зарплаты в промышленности и 63% от расчетного прожиточного минимума. Правительство не внесло в бюджет увеличение заработной платы, предусмотренное его же (Правительства) собственным постановлением № 823 от 24 августа 1995 года. Реальные расходы на одного студента в 1996 году сократились в 1,5 раза к уровню 1994 года.

Сократился выпуск художественной литературы для детей в 1990—1994 годах: по книгам — примерно в 3 раза (с 99,5 млн. до 34,9 млн.), по разовому тиражу газет — почти в 20 раз (с 13,3 млн. до 717 тыс.); по разовым тиражам журналов — примерно в 6 раз (с 21,8 млн. до 3,6 млн.). Передо мною документ, вышедший из организации, которой положено быть объективной и беспристрастной, — из Генеральной прокуратуры. Позволю себя процитировать лишь два абзаца. «Учащиеся ПТУ обеспечены лишь на 1/3 от необходимого, а сироты — и того меньше. В нарушение распоряжения Правительства от 5 сентября прошлого года средства, предназначенные для социальной поддержки обучающихся, выделены лишь на половину. Сегодня стипендия учащегося ПТУ — 40 рублей в месяц, бухгалтерские расходы по их оформлению обходятся государству гораздо дороже, а подростки отказываются получать эти униженные выплаты». «Из 60 миллиардов рублей, предназначенных детям-сиротам (распоряжение Правительства от 29.08.1995 г. 1180-Р), выделена лишь незначительная часть. На питание этой категории подростков в 1995 году израсходовано 36% суммы, запланированной бюджетом, на обмундирование — 21,7%; в 1996 году сиротам достанется соответственно 42,18%. Нет средств на обеспечение выпускников. В результате истощенные, оборванные подростки уходят «на улицу» без средств существования; многих из них активно подбрасывает уголовный мир, используя для наиболее тяжких преступлений, другие кончают жизнь самоубийством». Читая подобные документы, не могу удержаться от риторических вопросов:

Известны ли эти факты членам и аппарату Правительства, которое вносит и реализует бюджет? Известны ли они были депутатам предыдущего Парламента, которые за такой бюджет голосовали и в особенности депутатам прошлого бюджетного комитета, который отказался даже рассматривать запоздалую инициативу Правительства о добавлении на нужды образования в 1996 году полутора триллионов рублей? Неужели политическая элита страны утратила даже инстинкт самосохранения и готова повторить за Людовиком XV: «После нас — хоть потоп»?

Неужели она не понимает, что сырье в стране скоро кончится, кадров, способных ее кормить, не останется, а мест на Кипре и в других «землях обетованных» для всех не хватит?

Давно и справедливо сказано: если власть страны не заботится о культуре и интеллекте нации — значит у власти не все в порядке с интеллектом и культурой. В апреле Государственная Дума приняла в первом чтении проект Федерального закона «О внесении

изменений и дополнений в Федеральный закон о федеральном бюджете на 1996 год». Проект предусматривает увеличение расходов на образование не до рациональных размеров — 43 триллиона, но до минимально необходимых — 29 триллионов. Проект и цифры поддержаны на парламентских слушаниях в Совете Федерации 14 мая. По существу против проекта выступили Правительство, а также бюджетный комитет и большинство депутатов фракций «Наш дом — Россия» и «Яблоко» в Парламенте. Пользуясь случаем, просил бы присутствующих поработать с депутатами этих фракций перед вторым чтением Закона.

3. Национальной безопасности России на протяжении последнего десятилетия и особенно второй его пятилетки угрожали и могут угрожать впредь попытки радикального слома прежней системы образования по принципу «до основания — а зачем?» и переделки ее по образцу развитых стран Запада, сплошь и рядом по образцу искаженному. Общеизвестно: образование — система высокоинерционная, с длительным циклом воспроизводства и, следовательно, консервативная. Реформы дают здесь положительные результаты отнюдь не всегда, а революции — практически никогда. Тем не менее в 1991—1995 годах раз за разом то через правительственные программы, то через проекты законов и указов в общественное сознание и властные структуры вбрасывается идея массовой приватизации образования по типу массовой приватизации в промышленности.

Любому специалисту известно, что последствия обвальной, на идеологических мотивах замешанной приватизации в промышленности измеряются спадом в 40—60% по разным отраслям. В образовании же они, несомненно, были бы еще хуже, а именно следующие.

Во-первых, резкое сокращение бюджетного финансирования: государство, которое скверно финансирует свои собственные образовательные учреждения, наверняка откажется финансировать приватизированные, и это будет логично.

Во-вторых, столь же резкое повышение доли платного образования за счет бесплатного: у образовательных учреждений денег нет, а жить надо.

В-третьих, сокращение, возможно, в несколько раз количества обучающихся, превращение образования в привилегию для избранных. Социальная стратификация в России качественно отличается от стратификации в государствах ОЭСР, где за образование могут платить представители не только высшего класса, составляющие около 10% населения, но отчасти и представители среднего класса, охватывающего 60%. В России же граждане, которых на Западе отнесли бы к разным группам низшего класса, составляют не менее 75—80%. Платное негосударственное образование немедленно выбросит их детей из школ и вузов.

В-четвертых, превращение для многих образовательных учреждений образовательной деятельности во второстепенную, вытеснение ее коммерческой деятельностью, распродажа собственности образовательных учреждений. Поскольку платить за образование мало кто может, а жить надо, остается торговать и распродавать.

В-пятых, вследствие названных и других неназванных здесь причин — полное разрушение системы образования в кратчайшие сроки. Прибавлю к этому, что ни одна развитая страна Запада компании по массовой приватизации образования не проводила. Что же касается стран с переходной экономикой, то, например, в Чехии подобные меры всерьез даже не рассматривались, хотя страна эта чуть ли не единственная из бывших социалистических, где «шоковая терапия» после 25-процентного спада производства дала существенные результаты, а премьер-министр В. Клаус считается любимцем М. Тэтчер.

Впрочем, в России нередко превосходили иностранных идеологических учителей; вот и сейчас «перетэтчерили» Тэтчер. Характерная деталь: недавно один из «отцов» российского «экономического чуда наоборот» Джеффри Сакс публично признал, что его модель для России непригодна!

Мы, парламентарии прошлого созыва, благодарны тем работникам профильных министерств, которые сообщили нам о готовившейся расправе над образованием, обратились к нам за помощью и разделяли нашу позицию. Тех же, кто под давлением согласовывал такие проекты, хотелось бы призвать к большему мужеству. В историю легко

войти, но выйти из нее невозможно!

С огромным трудом, после повторного преодоления президентского вето в Совете Федерации нам удалось запретить приватизацию образования Законом. Теперь он подписан Президентом и 23 января вступил в силу. Говорю все это не для того, чтобы делить заслуги или грехи. После президентских выборов попытки обвальная приватизации образования могут быть возобновлены, и тогда нам снова потребуется помощь общественности. Позиция Комитета по образованию и науке Государственной Думы остается в этом вопросе неизменной, и эта позиция Закона. Мы за то, чтобы в России развивались образовательные учреждения разных форм собственности, но не за счет государственного образования. Развал государственного образования — катастрофа для национальной безопасности России.

4. Национальной безопасности России угрожает попытка радикальной трансформации национального менталитета под лозунгом деидеологизации при фактической реидеологизации или переидеологизации. Не секрет: каждая новая революция или контрреволюция стремится создать нового человека по образу и подобию социального идеала, олицетворяющего очередное «светлое будущее». При этом человек и культура прошлого подвергаются более или менее энергичному осуждению — от легкой иронии до всеобщего проклятия. Так называемая «вторая русская революция» не только не стала исключением, но, напротив, далеко вышла в этом отношении за пределы объективности и политической целесообразности.

Человек прежней эпохи был объявлен сначала «гомо советикусом», а затем и короче — «совком». При этом, испытывая восторг отрицания, официальная пропаганда забыла, а может, знать не хотела, два важных обстоятельства.

Во-первых, так называемый «совок» был человеком традиционного общества, для которого характерна не только определенная ограниченность взгляда на мир, но также нравственная цельность и сила, утраченные в высокоиндустриальной цивилизации. Это был тот человеческий материал, о который, говоря словами писателя Бориса Васильева, «разбилась крупковская сталь»!

Во-вторых, проклятие в адрес «гомо советикус» не делали самих проклинающих свободными от негатива прошлого. Не случайно изобретатель этого термина Александр Зиновьев публично заявил, что худшим выражением типа «гомо советикус» являются представители новейшей российской политической элиты.

И действительно: критика так называемой партократии бывшими «партократами», разоблачение бюрократии на фоне ее увеличения, реализация первоначальных прекраснородных лозунгов «второй русской революции» с точностью до наоборот, в конечном счете — превращение этой революции из демократической в бюрократическую,— все это не только не способствовало нравственному очищению, но, напротив, углубило на порядок нравственный кризис так называемой эпохи застоя. Все это достаточно очевидно и уже обсуждалось в печати. Однако на самом деле проблема глубже. В последние 5—6 лет предпринята попытка разрыва с духовно-нравственными традициями не только советской, но и досоветской российской культуры. В отличие от западной протестантской этики индивидуализма и прагматизма, для этой культуры — от Пушкина и Баратынского до Толстого и Чехова — была характерна установка на нестяжательскую самореализацию и служение людям. Ныне эта установка предполагается, а часто и объявляется помехой внедрению рынка. При этом можно было бы еще понять призывы к честному стяжательству в духе той же протестантской этики: от российских идеалов это далеко, хотя для рынка могло бы быть полезно. Однако в ход пущены лозунги, апеллирующие к самым примитивным инстинктам, типа «деньги не пахнут», «деньги — единственная подлинная ценность» и т. п.

Многочисленные теле- и радиоаудитории раз за разом внимают ведущим популярных программ, рассуждающим примерно так. В криминальном характере капитала нет ничего страшного. У западных финансовых лидеров деды и прадеды тоже были пиратами, «крестными отцами», а то и просто разбойниками с большой дороги. Теперь их потомки — джентльмены. Подождите пару поколений — будет и у нас так же. Стоит ли

после этого удивляться, что вместо катарсиса (очищения страданием) страна получила революцию не только бюрократическую, но и криминальную? Я не говорю уже о проблеме злоупотребления самыми примитивными формами «массовой культуры», превращающими телевизор, говоря словами Владимира Высоцкого, из «окна в мир» в «ящик для идиотов»! Но ведь, по некоторым западным оценкам, такая, с позволения сказать, «культура» ответственна примерно за половину всех преступлений. Вообще-то сатирики подметили, что когда Советский Союз по уровню жизни находился где-то между Италией и Испанией, мы, хоть и не часто, смотрели фильмы Федерико Феллини. Теперь, когда оказались на уровне Мексики и Колумбии, нам показывают «Дикую Розу», «Тропиканку», а также «Богатых», которые, оказывается, «тоже плачут». Не ожидают ли через несколько лет наших телезрителей фильмы из жизни Тропической Африки. Результат всего, о чем говорилось,— глубочайшая аномия (если воспользоваться термином Эмиля Дюркгейма), т. е. разрушения системы норм и ценностей. Причем для страны вообще и для национальной безопасности — в особенности это, может быть, самые тяжелые потери из всех. Относится ли все сказанное к образованию в узком смысле слова, к обучению в образовательных учреждениях? К сожалению, да. На мой взгляд, профильным министерствам в начале 90-х годов не удалось удержать преподавание гуманитарных дисциплин в рамках провозглашенной объективности и плюрализма. Напротив, вместо одной догматизированной идеологии в преподавании истории и социальных наук заняла другая, не менее догматизированная. Авторы учебников этого периода по сути руководствовались методологией «Краткого курса истории ВКП(б)», поменяв, естественно, идеологические этикетки на противоположные. Не говоря уже о Максе Вебере, «понимающая социология» которого требует, чтобы любую эпоху судили в контексте ее собственных ценностей, новые «властители дум» на час не поднялись даже до мыслителей прошлого века. Ведь уже Стендаль знал, что история революций каждого народа пишется не одной, а, по крайней мере, двумя красками. Цвета любой революции — «красное и черное», надежда и трагедия, кровь и свобода, иногда иллюзорная или временная.

На заседании подкомитета по образованию, где рассматривался вопрос о содержании преподавания истории, известный историк Владлен Логинов озвучил следующий факт. Одному молодому ученому, отнюдь не поклоннику Сталина и Брежнева, предложили проанализировать серию новых учебников по истории и дать им оценку в двух словах. Молодой человек понял задачу буквально и вернул заказчику учебники вместе с запиской такого содержания: это антинаучно и антипатриотично!

Стоит ли после этого удивляться, что по уровню уважения к своей стране, ее истории и культуре российская молодежь уверено занимает нижние места при сравнительных социологических исследованиях в разных странах. В преподавании литературы переидеологизации было меньше, зато больше модернизации. Место классики все более занимала современная литература — от приличной до весьма сомнительной. Чтобы не быть голословным, процитирую сначала профессора Троицкого, ведущего научного сотрудника Института мировой литературы РАН: «Существующие стандарты образования несовершенно. Дети, окончившие обязательный девятиклассный курс школы, не должны будут теперь знать ни пушкин-ской лирики, ни «Евгения Онегина», ни «Героя нашего времени», ни романов Толстого и Достоевского, ни драматургии Чехова, ни многого другого». Профессору вторит решение Всероссийской конференции «Филология и школа» (ноябрь 1995 года): «Продолжается унизительное обеднение программы средней общеобразовательной школы по русской литературе, изъятие из нее выдающихся произведений русской классики, таких как «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, сочинения Рылеева, «Тараса Бульбы» Гоголя, «Детей подземелья» Короленко, произведений Кольцова, Майкова... Осуществляется практическое изъятие из школьного курса критики Белинского, Добролюбова, Писарева, Чернышевского и других».

Взамен в букварях и учебниках «Родной речи» появились в хорошем варианте Булат Окуджава, Юнна Мориц, Юрий Кукин, в плохом — «Вредные советы» господина Остера:

Если Вы еще не твердо в жизни выбрали дорогу

И не знаете с чего бы путь свой жизненный начать,
Бейте лампочки в подъездах —
Люди Вам спасибо скажут:
Вы поможете народу
Электричество сберечь.

Кто из психологов готов поручиться, что такие и им подобные стихи, которых в букваре господина Репкина более 100 строк, окажут обратное, а не прямое действие, да и кто из серьезных практиков поверит такому психологу? Место ли подобным экспериментам в начальной школе?

Позвольте высказать сугубо личное мнение. Я люблю поэзию Булата Окуджавы, Юнны Мориц, Юрия Кукина, но причем здесь начальная школа? Не разделяя последних политических убеждений уважаемого мной Никиты Михалкова, я абсолютно согласен с ним в следующем: в детстве у человека закладываются некие культурные коды, и лучше всего делается это через народные сказки (вспомните Пушкина) и классическую отечественную литературу. После этого человек может иметь дело с любой культурой и так называемой «антикультурой» — иммунитет уже есть, СПИД бездуховности уже не столь опасен. Но если национальные культурные коды не заложены вовремя, угроза безопасности культурного развития страны и духовному здоровью народа возрастает во много крат. Робкие и противоречивые попытки исправления ситуации предпринимаются лишь в последнее время. В школе появляются первые объективные учебники истории, а ветеранов — «гомо советикусов» Президент в День Победы и накануне дня выборов поздравляет персональными открытками. Но дело сделано: в глазах молодежи жизнь старшего поколения обесценена; связь времен порвалась. И теперь обществу предстоит в очередной раз расплачиваться за забвение старой истины: ничто не разрушается так легко и не восстанавливается так трудно, как духовно-нравственные ценности. Говорю все это не для того, чтобы упрекнуть новейших революционеров в повторении и умножении ошибок революционеров предыдущих. Дело в другом. Кто бы ни победил на президентских выборах, нельзя допустить новых идеологических экспериментов в образовании. Разумеется, образование не может быть деидеологизировано, т. е. избавлено от воспитательной функции. Но в основе идеологии образования должны быть заложены не интересы отдельных партий или групп, а ценности классической российской культуры и воспитания любви к Отечеству.

В заключение позвольте еще три предложения.

1. Проект рекомендаций парламентских слушаний подготовлен специалистами комитета. Думаю, рекомендации можно принять за основу, усилив акцент на проблемы национальной безопасности и духовно-нравственных ценностей.

2. От Государственной Думы прошлого созыва нам достался долг — Федеральная программа развития образования. Ее нужно рассмотреть и утвердить Федеральным законом. Но кроме этого технологического документа нам нужен еще документ, определяющий идеологию образования в России — Национальная доктрина развития образования. Сегодня две группы авторов представляют два проекта Доктрины. Комитет Государственной Думы их пока не рассматривал и ответственности на себя за них не берет. Мы хотим поручить доработку или новую разработку проекта Национальной доктрины развития образования обществу при комитете с последующим утверждением президентским указом, постановлением Правительства либо федеральным законом.

3. В последние годы, в том числе и в этом зале, не раз звучали призывы к созданию массового общественного движения в защиту образования. Несколько движений создано, но массовыми они не стали: вероятно, политические различия в образовательном сообществе слишком сильны. С учетом неудач следовало бы обдумать другой путь — создание не общественного движения, а так называемой «группы давления», которая бы, в отличие от других лоббистских структур, защищала не столько интересы людей, занятых в образовании, но прежде всего интересы десятков миллионов детей, молодежи и взрослых,

а также их родителей, родственников — словом, интересы большинства нации.

По логике вещей опорой и организатором такой структуры должны были бы стать профильные министерства, но пока этого нет. Более того, Министерство образования и Госкомвуз России, в отличие от подавляющего большинства других министерств, даже не собрали, так сказать, «своих» депутатов, хотя работников образования и науки в Государственной Думе, наверное, больше, чем любой другой сферы.

Мы еще раз предлагаем нашим коллегам подумать на эту тему, а при отсутствии результатов придется взять инициативу на себя, хотя финансовые и кадровые ресурсы у нас на несколько порядков меньше, а сроки политической жизни непредсказуемы.

Уважаемые коллеги! Позвольте мне в заключение обратиться к Вам за помощью и повторить то, что недавно говорил на съезде ректоров. Каждый депутат, каждый работник исполнительной власти, вплоть до членов Правительства — выпускник какой-то школы и вуза. Так пригласите ваших выпускников на педагогический или Ученый совет. Пусть посмотрят на детей или студентов, на родные когда-то стены, а зато и расскажут, помогли ли они образованию, умножению национального духовного богатства или же только делили чужую собственность между «новыми русскими», не забывая и себя. Чуда не произойдет, но противников образования и равнодушных к нему в политических элитах, уверен, станет меньше.

Мы, Комитет Государственной Думы по образованию и науке, еще раз приглашаем к сотрудничеству всех, кто имеет конструктивные идеи и готов работать не только и не столько во имя своих собственных интересов, но во имя образования как одной из главных опор национальной безопасности России, во имя наших детей и будущего страны!

Спасибо за внимание!

КОНЦЕПЦИЯ ОЧЕРЕДНОГО ЭТАПА РЕФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: ПОЗИЦИЯ ПАРЛАМЕНТСКОГО КОМИТЕТА

Осенне-зимний политический сезон 1997—1998 г. останется в истории страны как период очередной попытки глобального реформирования практически всех секторов бюджетной сферы, включая образование и науку. Очередной этап реформирования образования наряду с аналогичными попытками в области здравоохранения играет в этом процессе особую роль, поскольку проблема образования прямо или косвенно затрагивает интересы едва ли не каждой семьи.

Целью настоящей статьи является попытка осуществления в первом приближении анализа происходящих процессов, но главным образом изложения позиции Комитета Государственной Думы по образованию и науке по этому вопросу.

К истории проблемы

Как известно, весной 1997 г. в Правительство России пришла группа людей, впоследствии названных «молодыми реформаторами», причем пришла под лозунгом необходимости нового этапа реформирования страны в целом и социальной сферы — в частности. Среди прочего была заявлена необходимость реформирования системы образования.

С точки зрения теории управления и здравого смысла процесс выработки политического курса должен быть следующим: сначала определяются цели политики, затем — ее содержание и средства, включая вопрос о том, необходимы ли для реализации поставленных целей реформы. Однако в данном случае логика была совершенно иной: сначала была признана необходимость реформы, а затем под нее стали разрабатываться цели и содержание. Иначе говоря, средство (реформа), по крайней мере хронологически, оказалось впереди цели и должно было определять эту цель.

Летом 1997 г. под эгидой Министерства образования работал специальный семинар. Результатом этой работы стали «Основные положения концепции очередного этапа реформирования системы образования Российской Федерации», появившиеся в газете

«Первое сентября» 19 августа. Документ содержал немало интересных и даже бесспорных положений, в особенности в его последнем разделе, озаглавленном «Первоочередные меры по стабилизации социально-экономического положения в системе образования», однако отличался глубокой внутренней противоречивостью. Вот лишь один пример.

«В современном российском образовании происходят два основных разнонаправленных, противостоящих и даже противоборствующих процесса. Один — внешний по отношению к образовательной системе, подталкивающий ее к обвалу: инвестиционный кризис, снижение уровня финансирования образования, его материально-технического, ресурсного обеспечения и т. д. Другой — внутренний, препятствующий этому обвалу: самодвижение, саморазвитие системы образования, рост его внутреннего потенциала, интенсивное расширение образовательных услуг.

В суровом противоборстве этих процессов второй сегодня явно одерживает верх, что свидетельствует как об устойчивости, жизнеспособности образовательной системы, так и о мощных до конца не раскрытых ее внутренних ресурсах. В итоге система образования не только «выживает», но полнокровно живет — пусть трудно, но живет и при этом достаточно интенсивно развивается».

Каждый непредвзятый наблюдатель, знакомый с положением дел в сфере образования, знает: это или иллюзия, удивляющая наивностью, или очередная идеологема, отражающая не реальность, но чувства разработчиков по отношению к существующей власти.

Действительно, положение в системе образования лучше, чем во многих других областях российской экономики и общественной жизни. Здесь не было обвала, а вузовские конкурсы даже растут. Но очевидно и другое: настоящие реформы в образовании были возможны в конце восьмидесятых годов, когда свободу уже дали, а деньги еще не отняли, теперь же внутренние ресурсы системы образования если не исчерпаны, то, по крайней мере, находятся на грани исчерпания.

Мы не знаем точно, сколько детей в возрасте от 6 до 18 лет оказались за порогом учебных заведений. Выступая в Государственной Думе 17 января 1997 г., министр образования В. Г. Кинелев говорил о 300-х тысячах. На запрос депутата Совета Федерации О. Н. Смолина в 1995 г. Министерство образования представило иные данные — 1 миллион 950 тысяч, а бывший заместитель министра образования, ныне заместитель министра по сотрудничеству со странами СНГ М. Н. Лазутова на слушаниях в Совете Федерации в апреле 1997 г. дала самую тревожную информацию — от 3,5 до 3,7 миллиона детей. Если в 1980 г. в Российской Федерации приходился 221 студент на 10 тысяч граждан, причем только за счет государственного бюджета, то в 1996 г. — 178, включая студентов «внебюджетников». В 1992—1996 гг. были закрыты более 19 тысяч детских дошкольных учреждений (их число сократилось приблизительно с 83 тысяч до 63 тысяч). Резко снизилась подготовка детей к школе. Оказалась развенчанной очередная иллюзия революционного времени, согласно которой дошкольное воспитание в семье заведомо лучше «проклятого коллективизма» детских садов.

Осознавая невозможность сохранения образования исключительно или главным образом за счет его внутренних ресурсов, российский Парламент еще в 1992 г. в первой редакции Закона РФ «Об образовании» объявил эту сферу приоритетной и установил, что расходы на нее не могут быть менее 10% национального дохода. В январе 1996 г. после преодоления вето Государственной Думой первого созыва и дважды — Советом Федерации первого созыва, Президент подписал новую редакцию Закона «Об образовании», которая не только подтвердила эту норму, но и установила, что расходы на *высшее образование* должны составлять не менее 3% расходной части федерального бюджета. Эта же норма вошла в текст Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». О том, как реализуется эта норма, можно судить на основании следующих данных.

В 1996 г. расходы на *всё образование* в федеральном бюджете составили 3,48%; в 1997 г. эти расходы удалось поднять приблизительно на три триллиона рублей, не изменив их доли в процентах, а самое главное — добиться того, что весь раздел «Образование»

был отнесен в бюджете 1997 г. к числу защищенных, т. е. не подлежащих секвестру.

Однако, прямо нарушая Закон, Правительство произвело секвестрирование, причем секвестрированными среди всех защищенных статей оказались только расходы на образование, а также фундаментальные исследования и содействие научно-техническому прогрессу. Но не выполнен даже урезанный бюджет.

В проекте Федерального бюджета на 1998 г. Правительство предложило еще более сократить расходы на образование — приблизительно на 2,25 триллиона рублей по сравнению с бюджетом 1997 г., что составит 3,44% его расходной части.

Осознавая, что и дальше экономить на образовании — все равно, что «топить ассигнациями», что дальнейшее недофинансирование может превысить предел устойчивости системы образования и привести к ее развалу, Комитет Государственной Думы по образованию и науке в своем официальном заключении на проект Федерального закона «О федеральном бюджете на 1998 г.» рекомендовал «отклонить проект федерального закона «О федеральном бюджете на 1998 год» (в первом чтении) в редакции, представленной Правительством РФ; предложить Правительству РФ при доработке внести принципиальные поправки в проект Федерального закона «О федеральном бюджете на 1998 год» в части финансирования образования и основных характеристик федерального бюджета с учетом выделения в расходной части по разделу «Образование» суммы, соответствующей нормам действующего законодательства об образовании».

В результате работы Государственной Думы в бюджет образования удалось вернуть 1 трлн. рублей.

9 сентября в Учительской газете под заголовком: «Все решает капитал. Человеческий...» была опубликована другая концепция, в число разработчиков которой вошли два заместителя министра образования А. Г. Асмолов и А. Н. Тихонов и заместитель министра труда и социального развития М. Э. Дмитриев. На наш взгляд, этот документ был более цельным, но менее приемлемым по идеологии, чем предыдущий. Вскоре была выработана официальная концепция, одобренная коллегией Минобразования России 23 сентября. Назовем эту концепцию официальной, а концепцию, подготовленную под руководством заместителей министров,— альтернативной. Две концепции и две группы разработчиков конкурировали два месяца, пока не были сведены к единому документу, который и был представлен правительственной комиссии 9 декабря 1997 года. В конце декабря после его официальной публикации началось обсуждение концепции очередного этапа реформирования образования.

Позиция Комитета Государственной Думы по образованию и науке

Комитет Государственной Думы по образованию и науке мог занять одну из двух позиций.

1. Позиция критикующего наблюдателя: поскольку российская система образования нуждается не столько в реформировании, сколько в финансировании, поскольку термин «реформа» вообще дискредитирован, нет смысла разделять с Правительством ответственность за новые непопулярные меры. Роль внешнего критика, согласно этой логике, со всех точек зрения предпочтительнее.

2. Позиция активного участника, отстаивающего особое мнение.

Очевидно, что первая роль позволяла сохранить политическое лицо, вторая — хотя бы отчасти повлиять на ход событий. Руководство Комитета сознательно пошло по второму пути. Председатель Комитета и его заместитель вошли в состав правительственной комиссии, представители Комитета участвовали в рабочих группах, хотя и занимали там вполне определенную позицию. Суть которой выражена в постановлении Государственной Думы от 19 сентября (№ 1729-II ГД), в выступлениях представителей Комитета на заседаниях правительственной Комиссии 1 октября и 9 декабря 1997 года, в рекомендациях парламент-ских слушаний 20 января 1998 года.

Постановление Государственной Думы от 19.09.97г. было принято в качестве

превентивной меры, призванной предотвратить поспешное утверждение Правительством концепции очередного этапа реформирования образования. Цель эта отчетливо видна из текста документа, основные положения которого стоит здесь привести.

«Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации постановляет:

1. Предложить Правительству Российской Федерации:

организовать всестороннее обсуждение работниками системы образования Российской Федерации и общественностью разработанного Комиссией по подготовке проекта концепции очередного этапа реформирования системы образования и доработку данного проекта с учетом замечаний и предложений, которые поступят в указанную комиссию в ходе обсуждения проекта;

не допускать структурные изменения системы образования Российской Федерации, за исключением структурных изменений, происходящих по инициативе образовательных учреждений, до утверждения Правительством Российской Федерации концепции очередного этапа реформирования системы образования.

2. Комитету Государственной Думы по образованию и науке провести в IV квартале 1997 года парламентские слушания о концепции реформирования системы образования и науки Российской Федерации».

После появления двух альтернативных концепций возникла необходимость определить отношение к ним Комитета Государственной Думы по образованию и науке, который руководствовался при этом двумя основными принципами:

1) принцип соответствия действующему законодательству (точнее, меньшего отклонения от него);

2) принцип меньшего зла (выражаемой в медицине формулой «не навреди!»).

Вот как выглядел сравнительный анализ двух концепций реформирования образования в докладе О. Н. Смолина на конференции «Образование и национальная безопасность России» в МГУ им. М. В. Ломоносова 24 сентября 1997 г.

Доклад получил характерное название «Закон как фактор «национальной безопасности» образования».

Любая концепция очередной реформы или очередного этапа реформирования образования должна с самого начала ответить на три вопроса.

Первый — финансово-экономический: идет ли речь действительно о реформе или же о мерах жесткой экономии? Второй вариант ответа приведет к катастрофическим, возможно, и необратимым последствиям. Первый требует ясности: какую сумму готово Правительство выделить на реформирование образования, ибо реформа бюджетной сферы без бюджетных денег представляет собой проект заведомо маниловского толка.

Вопрос второй — идеологический: что является целью реформы, *простое приспособление* системы образования к нынешней экономической ситуации, к условиям разрушенного производства, примитивного полукриминального рынка или же цель состоит в том, чтобы сохранить образование как в основе своей нерыночный сектор, чтобы с его помощью транслировать молодому поколению высокие традиции российской духовности и тем самым хоть немного цивилизовать существующие общественные отношения?

Вопрос третий — политико-юридический: предполагается ли проводить реформы в рамках действующих федеральных законов? Внося в них изменения и дополнения? Или же в обход закона?

Посмотрим, как отвечают на поставленные вопросы две названные концепции.

На первый вопрос ни одна из них прямого ответа не дает, хотя различия между ними здесь существенны. Официальный проект, требуя возвращения долгов по заработной плате работникам образования, долгов за коммунальные услуги образовательным учреждениям, выделения средств на подготовку к зиме, а также восстановления действующих в настоящее время льгот в системе образования в Налоговом кодексе фактически предполагает, что деньги под реформу Правительством будут выделяться. Альтернативный проект, провозглашая неуминение финансирования образования, предполагает вместе с тем, что 10 процентов, предусмотренных бюджетом на эти цели,

пойдут в инновационный фонд и их придется восполнять за счет расширения платных образовательных услуг¹.

По второму вопросу (приспосабливать образование к примитивному рынку или, напротив, пытаться с помощью образования этот рынок цивилизовать) ситуация совершенно аналогичная: хотя в обеих концепциях он прямо не поставлен, ответы на него есть и они различны.

Во-первых, тенденция превратить образование в «простую сферу обслуживания» пораженной кризисом экономики и нынешних дегуманизированных отношений проявляется в альтернативной концепции значительно определеннее и ярче. В газетном заголовке, под которым она была опубликована: «Все решает капитал. Человеческий...» — содержание отражено почти точно. Явно лишним выглядит лишь последнее слово, которое являет собой то ли представление редактора о желанном светлом будущем, то ли его воспоминания о тех временах, когда он читал третий том Капитала.

Во-вторых, альтернативный проект содержит призыв к кардинальному пересмотру содержания гуманитарного образования вместе с составом самих преподавателей. При этом авторы проекта полагают, что здесь требуется политическое решение, ибо само научное сообщество к самоуправлению не способно и «реформы» должны производить специалисты «международного уровня» вместе с представителями Министерства. Иными словами, как в любую революционную эпоху некие неугодные идеи предлагается отсекают вместе с головой, правда не в первобытном смысле этой формулы. Остается не вполне ясным, считают ли авторы альтернативного проекта специалистами международного уровня исключительно самих себя или специалистов предполагается вновь выписывать из-за границы. Не известен пока также автор нового «Краткого курса» истории великих побед абсолютно независимой России. На этом фоне отсутствие подобных радикальных предложений в официальной концепции выглядит как ее достоинство, а не недостаток.

Третий вопрос не только поставлен в обеих концепциях, но и ответ на него вполне ясно сформулирован: оба проекта предлагают идти путем внесения изменений и дополнений в действующие федеральные законы. Но предполагаемые изменения качественно различны по характеру. Если официальный проект в основном идет в концептуальном русле Закона об образовании в редакции 1996 года, а отклонения от этого Закона имеют сравнительно частный характер и могут быть предметом дальнейшего согласования позиций, то альтернативный проект требует радикального изменения вектора образовательной политики, по крайней мере, по двум ключевым позициям.

Положение «Деньги следуют за учеником» (фактически иное название системы ваучеров) противоречит п. 4 статьи 5, п.16 статьи 33 и п. 7 статьи 41 Закона РФ «Об образовании», не предусматривающим финансирования негосударственных профессиональных образовательных учреждений. На практике такое финансирование приведет к перераспределению средств в пользу элитных и негосударственных образо-

¹ Кстати сказать, стандартные представления иных ответственных (а может быть безответственных) работников на счет того, что в России реформы не идут, поскольку слишком мало негосударственных образовательных учреждений и платного образования, мягко говоря, не выдерживают критики. За образец здесь принимается американская система с ее развитыми некоммерческими фондами, которые в России практически отсутствуют. Если мы посмотрим на страну более близкую к нам по историческим традициям — на Германию, то увидим, что там существуют три негосударственных вуза, тогда как в России почти триста. В Германии вопрос о платных образовательных услугах в государственных вузах только еще обсуждается, тогда как в России они давно уже стали фактом, слишком распространенным. При этом даже консерваторы в Германском парламенте, не говоря уже о представителях конференции ректоров, почему-то не считают, что они отстали от России по уровню развития рыночных реформ!

вательных учреждений, к еще большим финансовым потерям для государственных образовательных учреждений, предназначенных для большинства граждан.

Положение о многоучредительстве образовательных учреждений с участием государственных и негосударственных организаций представляет собой, по существу, скрытую форму приватизации и в этом качестве противоречит п. 13 ст. 39 Закона РФ «Об образовании».

Результаты обоих радикальных нововведений нетрудно предсказать уже сейчас: возрастает социальное и правовое неравенство возможностей в сфере образования; оно станет еще доступнее богатым и еще недоступнее бедным вне зависимости от интеллекта тех и других; политическая элита будет становиться все более закрытой, а общество — все более конфликтным.

Сравнительный анализ двух проектов показывает, что официальный, несмотря на целый ряд спорных позиций, идет в русле реформы образования, тогда как альтернативный представляет собой попытку, говоря словами недавнего прошлого, «революционной перестройки». Неплохо бы только новым революционерам вспомнить, что предыдущие революции обычно «пожирали своих детей», а их результаты оказывались противоположны первоначальным прекраснородушным намерениям.

Оба проекта были вынесены на первое заседание правительственной комиссии 1 октября 1997 года, при этом министр образования В. Г. Кинелев, естественно, отстаивал проект, одобренный коллегией Министерства, тогда как вице-премьер Правительства О. Н. Сысуев — альтернативный.

Предложения Комитета Государственной Думы сформулировал его председатель И. И. Мельников:

1) создать компактную рабочую группу Правительственной комиссии с участием представителей Правительства, Федерального Собрания, Российского союза ректоров, РАН, РАО, профсоюзов;

2) эта рабочая группа, взяв в качестве рабочего материала Концепцию, одобренную коллегией Минобразования (и более соответствующую действующему законодательству), учтет положения доклада О. Н. Сысуева, другие замечания и предложения, и подготовит текст Концепции к следующему заседанию Комиссии;

3) в случае одобрения Комиссией доработанного проекта Концепции она (Концепция) передается для обсуждения в субъекты Российской Федерации, в Государственную Думу и Совет Федерации, выносится на обсуждение общественности через СМИ;

4) итоговое обсуждение, возможно, следует провести на II съезде работников образования (этот вопрос волнует все общество, от его решения зависит будущее России);

5) только после такого обсуждения и доработки можно выносить проект Концепции на рассмотрение Правительства.

Два месяца, прошедшие между первым и вторым заседаниями правительственной комиссии, представители Государственной Думы работали с авторами обоих альтернативных проектов. Главная задача этой работы состояла в том, чтобы снять до вынесения на Правительство наиболее опасные для системы образования положения, прямо противоречащие действующему законодательству. Эта задача была решена в значительной степени. Другая задача — не допустить поспешного принятия Концепции — также была частично решена. Не последнюю роль в этом сыграла сдержанная позиция О. Н. Сысуева, который, проводя линию на принятие правительственного постановления, тем не менее признавал, что реформа, производимая административными методами и без должного финансирования, приведет к резкому росту социальной напряженности не только в образовательном сообществе, но и в стране в целом.

В значительной степени Комитету Государственной Думы по образованию и науке удалось провести свою линию и на втором заседании Правительственной комиссии 9 декабря 1997 года, когда ее членам был представлен объединенный проект Концепции. Предоставим читателю судить, насколько последовательной была позиция представителей Парламента, приведя с небольшими сокращениями текст выступления И. И. Мельникова.

«I. Многочисленные встречи с работниками образования, их обращения в Государственную Думу подтверждают обоснованность нашей позиции, высказанной на первом заседании Правительственной комиссии, что в нынешних условиях с учетом существующей законодательной базы разумнее говорить скорее не о концепции очередного этапа реформирования системы образования, а о программе антикризисных мер в этой области.

Невозможно одновременно повышать качество образования и сокращать расходы на него.

II. К сожалению, эта точка зрения не была поддержана на первом заседании Комиссии, но тем не менее наши представители на некоторых этапах принимали участие в доработке проекта. Представленный проект несомненно стал лучше.

III. На сегодняшнем заседании Правительственной комиссии хотелось бы уточнить ее возможности. Можем ли мы сегодня определиться по ряду принципиальных вопросов. К таким вопросам я бы отнес следующие:

1. Должен или не должен в концепции присутствовать принцип «Деньги следуют за учеником» и если должен, то в каком виде?

2. Можно ли и на каких условиях переводить финансирование ПТУ, техникумов и части вузов на региональные и местные бюджеты и проводить их массовое реструктурирование (укрупнение, объединение)?

3. Правильно ли основную тяжесть оплаты за коммунальные услуги перекладывать на плечи образовательных учреждений? И в связи с этим нужно ли принудительно требовать сдачи площадей в аренду (не менее 10%)?

4. Стоит ли при колоссальном недостатке денег затевать перевод школ на 12-летнее образование? Ясно, что это потребует огромных расходов.

5. Можно ли (и в каких границах) расширять платное образование, особенно в государственных образовательных учреждениях, и в частности, узаконивать денежные сборы с родителей в школах?

6. Целесообразно ли резкое сокращение числа студентов, получающих стипендию, при столь же резком увеличении платы за проживание в общежитие?

Естественно, что список таких вопросов можно расширить. По ряду перечисленных позиций в обсуждаемом нами проекте предлагается провести эксперимент. Но проект написан так, будто результат эксперимента авторам давно известен.

Мы хотим еще раз повторить, что все положения Концепции, затрагивающие федеральное законодательство, могут вводиться в практику только после принятия соответствующих законов. И это должно быть оговорено в Концепции.

IV. Мы, конечно, предпочли бы, чтобы Правительственная комиссия определилась по этим (и другим) вопросам до официального опубликования проекта. Но если это сделать не удастся или такой подход не будет принят, то мы предлагаем:

1. Опубликовать проект для обсуждения педагогическим сообществом и всеми заинтересованными лицами.

2. Официально, от имени Правительственной комиссии направить проект в субъекты Российской Федерации и крупные города для получения официальных заключений.

3. Обсудить проект в Союзе ректоров, ассоциации менеджеров образования, на открытых парламентских слушаниях в середине января 1998 года;

4. Сформировать на паритетных началах рабочую группу комиссии, куда вошли бы по одному представителю от Правительства, от Минобразования, от Государственной Думы, от Совета Федерации, от Российской академии образования, от Союза ректоров, от Профсоюза работников образования и науки. Итого 7 человек. Состав (по численности) вполне работоспособный.

Состав рабочей группы целесообразно опубликовать вместе с проектом Концепции. Уже сейчас очевидно, что по ряду вопросов рабочей группе придется принимать решения. Поэтому её нужно наделить соответствующими полномочиями. Рабочая группа должна обобщить все поступившие материалы по проекту и подготовить его в доработанном виде.

5. Доработанный проект вынести для обсуждения на съезде работников образования России и только после этого на заседание Правительства.

После заседания Правительственной комиссии 9 декабря, где было принято решение опубликовать проект концепции и обсудить его в регионах, Комитет Государственной Думы по образованию и науке от работы над текстом проекта в составе Правительственной комиссии перешел к публичным мероприятиям. 23 декабря 1997 года состоялось заседание общественного совета по образованию, который не только обсудил проект, но

также поддержал идеи проведения съезда работников образования и парламентских слушаний по этой проблеме. Сами парламентские слушания состоялись в здании МГУ 20 января 1998 года с участием представителей 64-х регионов России, ЦК профсоюзов работников образования и науки, Российской академии образования, более ста ректоров государственных и негосударственных вузов. В слушаниях приняли участие заместитель председателя Правительства России О. Н. Сысуев, министр образования В. Г. Кинелев, заместители руководителей нескольких федеральных министерств, министры образования республик в составе России, руководители региональных и местных органов управления образованием, и др.

Сценарий парламентских слушаний был построен таким образом, чтобы позиция Комитета Государственной Думы по образованию и науке не навязывалась их участникам. Напротив, после приветствия ректора МГУ В. А. Садовниченко и вступительных замечаний И. И. Мельникова слово было предоставлено заместителю Председателя Правительства России О. Н. Сысуеву. Тем не менее подавляющее большинство выступавших высказалось в разной форме против предложенного проекта Концепции, причем мнения варьировали в диапазоне от мягких замечаний до жесткой критики. Выступить с подробным анализом опубликованного проекта Концепции, в особенности в части предложенного ее разработчиками реформирования организационно-экономических механизмов в системе образования, было предложено заместителю председателя Комитета по образованию и науке Государственной Думы О. Н. Смолину. Приведем текст доклада с небольшими сокращениями.

Содержание Концепции: анализ и предложения

На заседаниях Правительственной комиссии и через средства массовой информации мы с удивлением узнавали от некоторых наших высокопоставленных коллег из органов исполнительной власти, что депутаты против реформ и хотят оставить все как есть. Авторы таких заявлений либо глубоко заблуждаются, либо сознательно хотят ввести в заблуждение других.

Все присутствующие, конечно, читали Концепцию очередного этапа реформирования образования и знают ее ключевые идеи. Вот лишь некоторые из них: придание каждому учебному заведению статуса юридического лица; нормативное финансирование; налоговые льготы для образовательных учреждений и тех, кто инвестирует деньги в образование; введение государственных образовательных стандартов; независимая система контроля качества образования и т. п.

Все, кто читал Закон РФ «Об образовании», прекрасно знают, что все эти положения утверждены Законом и действуют с 1992 года. Никто не мешал уважаемому Правительству за эти годы их реализовать без всякого шума о реформах. Кого на самом деле надо обвинять в торможении реформ: тех, кто подготовил и принял Закон, включил в него все эти положения, или тех, кто пять лет Закон не выполняет? Ведь до сих пор ни разу одновременно с Законом «О федеральном бюджете на очередной год» Правительство не предложило Парламенту нормативы финансирования образовательных учреждений, как того требует Закон «Об образовании».

Если все эти положения Концепции соответствуют Закону, если Правительство, наконец, собралось их выполнять, Комитету по образованию и науке, можно задать вопрос, чем он так обеспокоен, почему требует не спешить, включить депутатов в состав комиссии, проводит парламентские слушания, настаивает на съездах работников образования и т. д.

Казалось бы, нам следует радоваться, а мы беспокоимся и требуем ...

Но для беспокойства есть более чем серьезные причины, которые можно разделить на две основные группы.

Первое. Закон «Об образовании» разрабатывался под другие деньги. В нем не случайно записано, что расходы консолидированного бюджета на образование должны быть не ниже 10 процентов национального дохода. Расходы на высшее образование должны составлять не менее трех процентов расходной части федерального бюджета.

Закон установил средние ставки в образовании не ниже средней заработной платы в промышленности и систему дополнительных социальных гарантий для педагогов не потому, что лоббировались интересы образования, а для обеспечения его высокого качества, а значит и возможности движения к постиндустриальному обществу.

Любая реформа требует средств. Превращение всех школ в юридические лица требует денег хотя бы для того, чтобы обучить директоров и содержать бухгалтеров. Это деньги сравнительно небольшие. Гораздо больших денег требует введение государственных образовательных стандартов и создание независимой государственной аттестационной службы. По ряду предметов требуются новое поколение учебников, новое оборудование, техника, приборы и материалы. В школьных библиотеках не хватает учебников, методической, художественной литературы, многие перестали выписывать периодические издания. Но дело не только в прямых затратах. Если мы введем новые стандарты и жесткий контроль за их исполнением при нынешней заработной плате учителей и еще, как предлагает Министерство труда и социального развития, отменим пенсии за выслугу лет, то мы просто разгоним педагогов из школы. Логика Закона «Об образовании» в том и состояла, чтобы дать учителю достойную зарплату и тогда иметь право по-настоящему спросить с него за качество образования.

Если принцип «Деньги следуют за учеником» будет реализован, как нам обещают, в приемлемой, безваучерной форме, он все равно потребует больших затрат. Представьте себе простую ситуацию: в школе по одному класс-комплекту. Примерно половина детей из каждого класса решила перейти в другие школы. При этом по-прежнему надо отапливать и освещать здание и платить учителям заработную плату. Но если все деньги ушли из школы вслед за детьми, сделать это уже невозможно. Значит надо либо прописывать более сложную формулу финансирования, либо резко увеличивать его нормативы.

Кстати, о нормативах. Концепция Закона «Об образовании» в этом вопросе такова: *бюджет под нормативы*. Иначе говоря, сначала разрабатываются нормативы финансирования в расчете на одного обучающегося по каждому типу и виду образовательных учреждений, позволяющие реализовать его право на бесплатное образование не ниже государственных стандартов. Затем эти нормативы одновременно с бюджетом вносятся Правительством на утверждение Парламента. То есть бюджет должен более или менее соответствовать необходимым затратам. «Концепция Концепции», по крайней мере в части федерального бюджета, а главное, практика составления федерального бюджета совершенно иная: *нормативы под бюджет*. Минфин выделяет сумму на образование, исходя из которой предполагается рассчитывать нормативы. Действует печально известный принцип: вот тебе три рубля — и ни в чем себе не отказывай! После этого возможна следующая ситуация: студенту или учащемуся ПТУ объявляют, что свет, тепло, учебники для библиотеки и т. п. в эти нормативы не вошли. Вот вам реальный путь к введению всеобщей частичной платности образования, и подобные примеры уже есть. Другими словами, попытка ввести отдельные нормы закона без их финансового обеспечения приведет лишь к тому, что закон будет выполнен «с точностью до наоборот».

В отношении региональных и местных бюджетов авторы Концепции проявляют гораздо больше оптимизма, чем в отношении бюджета федерального. Предполагается, например, что нормативы бюджетного финансирования в расчете на одного школьника поднимутся с 1800 рублей до 3000 деноминированных рублей за четыре года. Скажу прямо, мы были бы очень рады, но верится с трудом. Дело в том, что эти расчеты базируются на следующей логике: коммунальная реформа, т. е. резкое повышение цен на коммунальные услуги за счет прекращения дотации на них, должна дать региональным и местным бюджетам до ста миллиардов новых рублей; часть этих денег должна пойти на образование, обеспечив повышение нормативов (а значит и расходов) на 60 процентов. Однако опыт регионов, где коммунальная реформа вводится ускоренными темпами, показывает, что часть населения просто перестает платить за коммунальные услуги и доходы бюджета увеличиваются очень мало. Поэтому планы повышения расходов на образование за четыре года на 60 процентов за счет средств от коммунальной реформы

утопичны.

Вопрос предельно прост: если Правительство хочет проводить реформу в образовании, оно должно четко заявить, сколько денег под эту реформу оно готово выделить. А реформа без денег — по определению — квадратура круга. Есть деньги — можно говорить о реформе; нет денег — говорить не о чем. Нельзя же уподобляться цыгану, который приучал свою лошадь голодать, и она совсем было привыкла, но вот беда — сдохла.

В разделе о реформировании организационно-экономического механизма в системе образования речь фактически идет не о реформе, а о мерах жесткой экономики. Если мы будем и дальше действовать по принципу: реформы начинаются, когда кончаются деньги, при слове «реформа» одни люди по-прежнему будут вздрагивать и хвататься за карман, у кого в нем что-то есть, а остальные — за сердце.

Итак, первое, что нас тревожит — это возможность профанации идей Закона «Об образовании» под видом их реализации.

Вторая группа причин, вызывающих наше беспокойство, связана с теми положениями Концепции, которые прямо или косвенно не соответствуют действующему законодательству и объективно ведут к усилению неравенства прав граждан в области образования.

Прежде чем переходить к анализу этих положений, следует отдать долг объективности и сказать, что по сравнению с теми документами, которые, скажем, были представлены Комиссии по экономическим реформам, концепция стала существенно лучше. Структура ее выглядит более солидной, текст — более взвешенным, снят ряд позиций, которые противоречили законодательству и вызывали напряжение в образовательном сообществе.

1. «Деньги следуют за учеником» теперь уже не все разом и не «от Москвы до самых до окраин», но в порядке эксперимента, в крупных городах, причем с согласия администрации. Это хорошо. Но механизма этого следования до сих пор внятно так и нет.

2. Проблема совместного учредительства государственных образовательных учреждений прописана в основном в соответствии с действующим Законом. По крайней мере, в среднесрочной перспективе соучредителями могут выступать федеральные и региональные органы исполнительной власти и органы местного самоуправления.

3. Большим плюсом является отказ от идеи прямого введения всеобщей частичной платности образования в размере 20 процентов от стоимости обучения под видом оказания дополнительных образовательных услуг. На самом деле дополнительные услуги потому и дополнительные, что они предоставляются сверх государственного стандарта и оказываются на добровольной основе. Поэтому дополнительных платных образовательных услуг *для всех* быть не может по определению.

4. Мы рады, что учителям и преподавателям обещают рост заработной платы за 4 года на 53—54 процента. Правда неясно, почему учителям это обещано из бюджетов, а преподавателям вузов в основном из внебюджетных источников, т. е. за счет денег, дополнительно заработанных профессиональными образовательными учреждениями. Видимо, увеличение заработной платы преподавателям вузов будет за счет увеличения рабочего времени. Это прямо противоречит Федеральным законам «Об образовании» и «О высшем и послевузовском профессиональном образовании».

Вместе с тем, как уже говорилось, в Концепции сохранился целый ряд позиций, вызывающих сомнения или прямые возражения. Назову некоторые из них.

1. Не думаю, что будет принята образовательным сообществом идея изъять 10 процентов расходов на образование из федерального бюджета в инновационный фонд и при этом практически прекратить финансирование коммунальных расходов.

2. Данный проект, как и принятое ранее Правительством постановление, предусматривает, что большая часть профтехучилищ будет передана на региональные и местные бюджеты. При таком подходе трудно понять, как будет выполняться норма статьи 5 Закона «Об образовании», согласно которой не только полное среднее, но и начальное профессиональное образование является бесплатным и общедоступным. Я понимаю, что

удержать все ПТУ на федеральном бюджете, видимо, не удастся. Но именно здесь я предложил бы вариант совместного учредительства с тем, чтобы, скажем, заработную плату преподавателям и стипендии учащимся ПТУ оплачивал федеральный бюджет, а коммунальные и другие расходы — региональные и местные бюджеты. Тогда было бы понятно, кто все-таки отвечает за реализацию прав гражданина на общедоступное и бесплатное начальное профессиональное образование.

3. Очень интересно выглядит Концепция в части адресной социальной поддержки студентов. Из текста следует, что, во-первых, количество студентов, получающих стипендии, будет сокращено, ибо стипендиальный фонд увеличивать не предполагается; во-вторых, стипендии малообеспеченным студентам предполагается поднять до 1/2 прожиточного минимума, а иногородним — до 2/3 прожиточного минимума; в-третьих, одновременно до 30% от размера стипендии поднимается и плата за общежитие (по Закону она не должна превышать 5 процентов стипендии).

Если учесть, что нынешняя студенческая стипендия составляет от 1/4 до 1/3 прожиточного минимума, то живущий в общежитии малообеспеченный студент конечно кое-что выиграет, зато студенчество в целом безусловно проиграет, ибо значительная часть стипендиального фонда будет «перекачиваться» в расходы на содержание общежитий. Кроме того, остается открытым вопрос: будет ли и как именно перераспределяться стипендиальный фонд в пользу тех вузов, где выше доля малообеспеченных студентов.

4. Мы не против реструктурирования, объединения, присоединения и т. п. образовательных учреждений, но при этом необходимо иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, это должно делаться на добровольной основе. Во-вторых, не факт, что это приведет к экономии финансовых средств. По крайней мере, американские ректоры убеждали нашу делегацию, что расходы на одного студента в крупных университетах больше, чем в маленьких, и основной смысл существования крупных университетов в Америке — это поддержание определенного качества образования при отсутствии государственного образовательного стандарта.

5. Мы намерены добиваться реализации Закона «Об образовании» в части налоговых льгот, предусмотренных для образовательных учреждений. Мы поддержим предложения Правительства о введении налоговых льгот для юридических и физических лиц, оплачивающих высшее образование студентов в аккредитованных вузах. Но мы делаем это не от хорошей жизни и предпочли бы прямое увеличение бюджетного финансирования. Дело в том, что новыми льготами, которые предлагает Правительство, воспользуются не бедные и малообеспеченные, но богатые или состоятельные. Бедные не могут себе позволить платное образование и им не с чего списывать затраты на него — у них просто нет «налогооблагаемой базы». Что касается платного образования по договорам с физическими лицами, то за их счет почти наверняка будут учиться дети директоров, других руководителей и их знакомых. При этом отчисления в бюджет за счет налоговых льгот несколько уменьшатся. Повторяю, мы предпочли бы прямое бюджетное финансирование, которое дает больше шансов обеспечить равные права на образование. Безусловно, количество конкретных замечаний можно было бы без труда увеличить на порядок. Однако из сказанного достаточно для общих выводов.

1. В свое время мы все воспитывались на эзоповом языке и понимаем разницу между объявленными и реальными целями. В случае реализации Концепция, несомненно, достигнет необъявленной цели: финансирование и ответственность за развитие образования в значительной степени будут переданы от федеральной власти региональным и местным властям, а также негосударственным организациям и частным лицам. Мы регулярно слышим от региональных руководителей: под видом реформы Правительство просто хочет «сбросить» нам без финансирования образовательные учреждения, чтобы не оно, а мы принимали непопулярные решения об их закрытии.

2. Что же касается главной объявленной цели реформы: «надежно гарантировать конституционные права, свободы и интересы граждан в образовательной сфере», — то она реализована не будет или будет реализована наизнанку. Право на образование граждан с

высокими доходами будет защищено еще лучше, право граждан с низкими доходами — еще хуже.

3. Поэтому мы уверены, что система образования нуждается не столько в реформировании, сколько в финансировании, а Концепция реформы — в серьезной принципиальной корректировке, и в особенности с точки зрения обеспечения социальной мобильности. Одобрять ее рано. Концепция должна в полной мере отвечать принципу «не навреди», чтобы не пришлось снова повторять за премьером: хотели как лучше, а получилось, как всегда. Но еще более важным мы считаем продолжение работы над законодательством, и прежде всего разработку Национальной доктрины образования.

Лев Николаевич Толстой когда-то говорил, что народ наш ищет образования, как воздуха для дыхания. Конечно, очень плохо стоять на месте. На наш взгляд, еще хуже идти вперед или якобы вперед таким образом, что при этом лишают народ воздуха, наступают на шланг и перекрывают ему кислород.

Промежуточный финиш

По результатам парламентских слушаний были приняты рекомендации.... Но, может быть, еще более важным итогом слушаний стали письма, направленные Председателем Государственной Думы ФС РФ Президенту и Председателю Правительства Российской Федерации. Суть этих писем могла бы быть сведена к трем основным пунктам:

- 1) парламентские слушания показали, что Концепция реформирования педагогической общественностью не принимается;
- 2) поэтому следует отложить утверждение Концепции на заседании Правительства;
- 3) до утверждения этой Концепции меры по реформированию системы образования явочным порядком проводиться не должны.

Есть все основания полагать, что позиция педагогической общественности, эти письма наряду с массовой кампанией профсоюзов по сбору подписей против Концепции реформирования образования, наряду с многочисленными публикациями в средствах массовой информации сыграли важную роль в дальнейшем развитии событий. Вице-премьером О. Н. Сысуевым было написано письмо в адрес Председателя Государственной Думы Г. Н. Селезнева, в котором сообщалось об исключении из плана Правительства на первый квартал 1998 года принятие постановления о Концепции реформирования образования и намерении продолжить работу, сосредоточив внимание на ее организационно-экономическом обеспечении. Таким образом, стратегия и тактика Комитета Государственной Думы по образованию и науке в основном оправдалась.

Материал подготовлен в соавторстве с председателем Комитета по образованию и науке Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации И. И. Мельниковым. Опубликовано: Университетское управление: практика и анализ. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.— 1997.— № 3.— С. 3—13.

ЭКОНОМИТЬ НА ОБРАЗОВАНИИ — ХУЖЕ, ЧЕМ ТОПИТЬ АССИГНАЦИЯМИ

Выступление на пятом съезде ректоров вузов России 26 июня 1998 года, МГУ им. М. В. Ломоносова

Уважаемые ректоры, коллеги по высшей школе, уважаемые коллеги по работе в органах законодательной и исполнительной власти!

Прежде всего позвольте мне от имени Комитета по образованию и науке Государственной Думы сердечно приветствовать Вас здесь, пожелать Вам мужества для принятия ответственных, принципиальных решений.

Позвольте мне не тратить время на комплименты и аргументы: за важность образования здесь никого агитировать не надо. Я убежден лишь в том, что в России осталось два фактора, которые еще позволяют нам играть роль великой державы: это

остатки нашего оборонного потенциала и остатки нашего интеллектуального, в том числе научно-образовательного потенциала.

Позвольте мне по поручению Председателя Комитета Ивана Ивановича Мельникова, который сейчас ведет заседание Комиссии по науке и технологиям Парламентского Совета Европы, изложить согласованную позицию Комитета и сделать некоторые предложения.

Ситуация в области образования, которую мы сейчас имеем, к сожалению, чрезвычайная. И мы, и представители Минобразования до недавних пор говорили, что в условиях продолжающегося глубокого социально-экономического кризиса образование сохранилось лучше большинства других социальных институтов. Теперь, увы, боюсь, что это уже не так. Образование может разделить судьбу оборонного комплекса и легкой промышленности.

Не могу не заметить одного, на мой взгляд, парадокса: реформа в образовании в основном осуществлена, но нам постоянно говорят о необходимости очередного этапа реформ. Очевидно, под реформой понимают ситуацию, когда надо забрать последние деньги. Если мы дальше так будем проводить реформу, то при слове «реформа» по-прежнему кто-то будет хвататься за карман, а кто-то — за сердце.

В последнее время Комитет по образованию и науке вел работу по трем основным направлениям.

Первое направление — законодательная работа. Вы знаете, что в августе 1996 г. после двукратного отклонения Президент подписал Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». Не буду пересказывать содержание закона. Он несовершенен, но в нем немало хороших положений: это и минимум бюджетного финансирования — 3% от расходной части федерального бюджета, и запрет на приватизацию вузов, и запрет (не все это помнят) сокращать количество студентов, обучаемых за счет средств федерального бюджета и т. п.

Два года назад в этом зале Президент Российской Федерации провозгласил Указ, согласно которому пенсии профсоюзно-преподавательского состава вузов должны были составить не менее 80% заработной платы по основному месту работы. После выборов Президента мы обратились в Правительство Российской Федерации с проектом закона и с просьбой внести его во исполнение Указа. В Правительстве нам ответили, что, вроде бы, Президент должен свой Указ отменить. Президент свой Указ приостановил до января 1998 г. Поэтому Указ действует, коллеги. И самое время поддержать нашу законодательную инициативу.

Комитет Верховного Совета по науке и народному образованию в свое время подготовил Указ Президента № 1. Нам говорили об отсутствии механизма исполнения этого Указа; мы подготовили Закон с длинным названием «О порядке определения размеров средней ставки и должностного оклада работников образовательных учреждений», который был принят Государственной Думой, но, увы, отклонен Президентом. И это несмотря на то, что закон предписывал, кто, что, как и когда должен делать, чтобы реализовать нормы, содержащиеся в Указе № 1, причем реализовались бы поэтапно в течение ряда лет. Общаясь с представителями Правительства, я говорил, что следует поставить бронзовый бюст на родине разработчиков этого закона, поскольку в случае его подписания Президентом работники образования получили бы гарантию, что когда-нибудь, возможно, к концу второго срока пребывания на посту Президента Б. Н. Ельцина, его Указ № 1 будет, наконец, выполнен. Но, увы, мы получили вето.

Особая тема — налоги и бюджет.

Уважаемые коллеги, большинство депутатов Комитета по образованию и науке голосовали против принятия федеральных бюджетов и 1997 и 1998 гг., поскольку они не соответствуют Закону «Об образовании». Но тем не менее мы стремились улучшить положение с финансированием образования. В 1997 г. усилиями Правительства и депутатов Государственной Думы в расходную часть бюджета на образование было добавлено 3 трлн. рублей, а соответствующая статья объявлена защищенной. В 1998 г., когда Правительство предложило сократить расходы на образование на 2 с лишним трлн. рублей, 1 трлн. депутатам удалось отстоять; кроме того, статьей 27 Федерального закона

«О федеральном бюджете на 1998 год» Правительство обязывалось в течение первого полугодия погасить долги образовательным учреждениям по уплате за коммунальные услуги. Увы, результат всего этого вам хорошо известен.

Что касается налогов. Нас очень часто упрекают за то, что мы не принимаем Налоговый кодекс. Уважаемые коллеги, если бы Налоговый кодекс был принят в том виде, в каком его внесло на рассмотрение Государственной Думы Правительство, наука России потеряла бы примерно половину того, что ей сейчас дают из бюджета, образование — несколько менее половины. Поэтому я думаю, что отсутствие Налогового кодекса на сей момент, по крайней мере для науки и образования, это — хорошо.

Несколько слов о Национальной доктрине образования.

Мы сотрудничаем с Комитетом Совета Федерации и активно эту идею поддерживаем. Нам нужно, очень нужно определить долгосрочные цели и перспективы нашего образования. Я думаю, что важной частью доктрины должна стать проблема гражданско-патриотического воспитания наших студентов. Пора перестать бояться этих слов. Мы против национализма, мы за равные права других народов, но еще больше мы против национального мазохизма. Хватит сечь себя. Мы — не хуже других народов, а в области образования и лучше некоторых.

Второе направление работы Комитета по образованию и науке, уважаемые коллеги, — это сотрудничество с министерствами и Правительством.

Вы знаете, что представители Комитета вошли в Правительственную комиссию, которая работала над проектом реформирования образования. Мы работали с обеими группами, и с бывшим Министерством, и с нынешним, и, кажется, о чем-то договорились. К сожалению, сейчас приходится констатировать, что от большинства наших договоренностей не столько Министерство, сколько Правительство отказалось. Практические действия, о которых я сейчас скажу, в этом убеждают.

Государственная политика нового Правительства по отношению к образованию стала значительно жестче. Вот, по крайней мере, пять тому доказательств.

Первое — это проекты постановлений по реформированию образования. Я имею в виду четыре проекта только в части профессионального образования. Они предусматривают передачу в массовом порядке образовательных учреждений на региональные и местные бюджеты, сокращение стипендиального фонда, изменение числа студентов на одного преподавателя (десять вместо восьми), введение платы за образование в виде оплаты за коммунальные и другие услуги, якобы не связанные с образовательным процес-сом.

Следующее доказательство — попытка приватизации вузов через Закон «О федеральной программе приватизации». Здесь Сергей Владиленович об этом говорил. Я не знаю, может быть, представители Правительства хотели как лучше, но боюсь, что получилось бы — как всегда. Напомню: вузы были включены не в какой-то закон о совместном учредительстве, а именно в программу приватизации на 1998 г. Усилиями Комитета, усилиями тех, кто выступал на акциях протеста, сейчас из программы приватизации вузы исключены. Кстати, говоря о совместном учредительстве, можно было бы заметить, что этот вопрос вполне отрегулирован Законом «О сохранении статуса государственных образовательных учреждений и моратории на их приватизацию». Я бы рекомендовал тем богатым организациям и людям, которые хотят внести свой вклад в образование (хотя я конечно не великий комбинатор), сто абсолютно честных способов, как это сделать. Судите сами: здесь могут быть и заказ на подготовку кадров, и кредит под будущие кадры, и вхождение в попечительские советы — все это законом допускается. И, наконец, мы все знаем, что ныне действующие налоговые законы освобождают от налогов те суммы, которые перечисляются гражданами в учреждения образования, науки и культуры, полностью или частично финансируемые из бюджетов различных уровней. Но много ли таких людей, которые жертвуют эти деньги? Думаю, что нет. Во всяком случае на собственном опыте вы в этом убеждаетесь. С тех пор как Президент России повысил заработную плату и членам Правительства, и депутатам Государственной Думы, я решил, что слишком большую зарплату депутату сейчас получать не очень прилично — не то

время, и стал частично перечислять эти деньги на нужды образовательных учреждений. Однако в моем округе г. Омска в налоговой инспекции это был уникальный случай — долго не знали, что с этими деньгами делать. Поэтому, когда говорят о совместном учредительстве, я предполагаю, не идет ли речь на самом деле о том, чтобы до последнего остатка отнять деньги и у государственных образовательных учреждений.

Третье, и очень важное — Программа экономии государственных расходов. Уважаемый Виктор Антонович (Садовничий, президент Союза ректоров. — **Примеч. автора**), программа — это не проект. Мы в Государственной Думе официально получили Постановление Правительства Российской Федерации № 600, которым эта Программа утверждена 17 июня 1998 г. Я предлагаю, если есть технические возможности, размножить и раздать здесь это Постановление для участников съезда. Наши коллеги из Комитета посчитали, что этой Программой предлагается реорганизовать путем слияния и переподчинения 12 вузов, 76 техникумов, 2 ИПК, сократить 2 техникума и 2 филиала, 129 дошкольных учреждений. Передать субъектам Российской Федерации 2 вуза и 2 филиала, 46 ИПК, 154 техникума, 343 ПТУ, 323 школы, 100 дошкольных образовательных учреждений.

Уважаемые коллеги, мы радуемся, что нам дали миллиард, но если вы прочитаете эту Программу, то вы увидите, что там предлагается в расчете на год сэкономить 4,5 млрд. рублей, в том числе на стипендиях — 550 млн. рублей, на соотношении преподавателей и студентов — 1 млрд. 400 млн. рублей. Еще раз прошу размножить эту Программу. Помимо всего прочего там предлагается, чтобы надбавки за ученые степени и звания, а также за классное руководство, за проверку тетрадей, за заведование кабинетами в школах и т. д. оплачивались в основном за счет средств самого образовательного учреждения.

Комитет Государственной Думы по образованию и науке подготовил проект Закона «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О сохранении статуса государственных образовательных учреждений и моратории на их приватизацию», который затрудняет всякие организационные революции в этой области, в том числе передачу образовательных учреждений на региональные и местные бюджеты без согласия региональных и местных властей и коллективов самих образовательных учреждений.

Четвертое — порядок финансирования. Вы его знаете: 50—60% от бюджета.

Пятое доказательство — бюджетные проектировки на 1999 год. Мы получили бюджетное послание Президента. Там предполагается в 1999 г. сократить расходы на образование как раз на 4,5 млрд. рублей вместо 17,2 — 12,7 млрд. Более того, если вы посмотрите дальше, предполагается поднять расходы на образование — если можно сказать «поднять» — только до 14 млрд. рублей. Если финансирование образования в 90-х гг. сократилось примерно в 4 раза, по самым скромным оценкам, в том числе по вузам — в 3 раза, по ПТУ — в 7 раз, то дальнейшее сокращение, по нашему убеждению, превысит предельно допустимые минимальные значения, предел устойчивости системы. После этого возможны лишь три варианта развития событий.

Первый вариант. Правительственный курс экономической политики сохраняется. Образование в основном остается бесплатным, но количество вузов, преподавателей и студентов резко сокращается. Это вариант, который предлагал Егор Гайдар. В более мягком варианте он предлагался нашим Министерством, но, насколько я понимаю, Министерство от этого отказалось.

Второй вариант. Курс Правительства сохраняется. Образование становится частично платным для всех студентов, расширяется число студентов на условиях полной оплаты. Результаты различаться будут не слишком сильно. Количество сокращаемых вузов, преподавателей, студентов будет меньше, но вместе с тем неравенство в области образования станет еще больше. Даже международные организации указывают нам, что фактически в России есть совершенно два разных конкурса: для богатых — один, для бедных — другой. Я не думаю, что два конкурса будут повышать качество образования в России.

Третий вариант. Мы считаем, что главная причина кризиса образования находится вне системы образования. Спасти образование за счет самого образования практически невозможно. Для этого требуется другой социально-экономический курс. Вы прекрасно

понимаете, что страна — в тяжелейшем положении. Вы прекрасно понимаете, что упали цены на нефть и т. д. Но мы не можем получить ответов от нашего Правительства на следующие вопросы.

Первое. Почему, несмотря на рекордный финансово-экономический кризис, экономическая политика 90-х гг. по-прежнему продолжается?

Второе. Сколько еще времени потребуется Правительству на осознание ошибочности этой экономической политики?

Далее. Почему, несмотря на многократные провалы обещаний экономической стабилизации, не хотят признать, что методы, которые использовал Пиночет, для России не годятся? Не хотят использовать опыт Франклина Рузвельта или хотя бы китайский опыт?

Далее. Почему все тяготы экономического кризиса и ошибок Правительства продолжают перекладываться на низкооплачиваемые и средние слои населения, причем преимущественно на низкооплачиваемые? Почему одни все больше и больше затягивают пояса, а другие все больше и больше их распускают? Робкие призывы «делиться» — не в счет, потому что они остаются «гласом вопиющего в пустыне».

Почему во время прежней революции 1917 г. тогдашние либералы призывали всех одновременно затягивать пояса, одновременно «заморозить» заработную плату и ввести чрезвычайные налоги на капитал, а нынешние этого не делают?

Почему во время нынешней революции заработная плата постоянно уменьшается и не выплачивается, а о налогах на капитал ни одно из трех федеральных правительств ни разу не заикнулось?

Почему Правительство не хочет использовать опыт хотя бы Италии и Франции и ввести жесткие меры по ограничению вывоза капитала? Почему считается нормальным замораживание выплат государственного долга старикам, которым жить осталось очень недолго, но любой разговор о том, что можно было бы приостановить выплату государственного долга тем, кто играет на государственных ценных бумагах, считается криминалом? Кстати, напомним, в российском бюджете 1998 г. на образование выделено 17,2 млрд. рублей, а на обслуживание государственного долга — 125. Сейчас Правительство в нарушение бюджета увеличило эту сумму до 138.

Почему, наконец, три российских правительства, которые провозгласили одной из целей борьбу с бюрократией, сократили долю бюджетных расходов на образование — подчеркиваю: долю — по крайней мере в два раза, если сослаться на международные организации, но при этом доля расходов на бюрократический аппарат, если верить расчетам фонда «Реформа» (покойный Шаталин, Мартин Шакум и др.), выросла с 1% в советской системе до, приблизительно, 8%, т. е. почти в 8 раз? Сейчас нам говорят: образование должно быть по средствам. Мы согласны. Дайте средства! Дайте средства, хотя бы те, которые положены по бюджету.

Третье направление нынешней работы — взаимодействие с общественными организациями. Уважаемые коллеги, вы прекрасно понимаете, что российский Парламент — орган скорее законосовещательный, чем законодательный. Ныне действующая Конституция фактически могла бы состоять из двух статей: Статья 1: «Президент всегда прав», Статья 2: «Если Президент не прав, смотри статью 1». Сам по себе российский Парламент может не очень многое. Мы можем парламентскими средствами остановить организационные структурные революции, но не можем вывести образование, как и экономику в целом, из финансового кризиса. Поэтому мы крайне заинтересованы в сотрудничестве с влиятельными общественными организациями. Результатом совместных действий может быть даже не сложение, а умножение усилий.

Сейчас существует, по крайней мере, три группы влиятельных общественных организаций в образовании. Это — профсоюзы, это — съезд ректоров, это — студенческие организации. К профсоюзным акциям Правительство уже привыкло и не слишком на них реагирует. На позицию съезда ректоров и на студенческие акции пока еще реагирует. Мы не хотели бы политизировать деятельность Комитета. Конф-ликты и борьба — не наш стиль. Пусть простит меня уважаемый классик, мое представление о сча-стье — это не

борьба, а конструктивная работа. Мы всегда помним формулу: компромисс — король политики. Но если курс на разрушение образования будет продолжаться, нам не останется другого выхода, кроме того чтобы:

первое: использовать все парламентские средства, начиная от законов и заканчивая обращениями в Генеральную прокуратуру, Верховный суд, Конституционный суд, и если потребуется, постановку вопроса о недоверии Правительству;

второе: поддержать все законные — подчеркиваю: законные — методы внепарламентской борьбы работников образования за свои права, начиная от массового сбора подписей и заканчивая всеобщими акциями протеста, которые намечаются в начале октября.

Уважаемые коллеги! Мы никого не собираемся звать на баррикады. Это — удел революционеров, а мы против революций в образовании. Но мы помним, что в развитых странах — мне это довелось видеть — студенты и преподаватели никогда не мирятся с сокращением расходов на образование. Я был в 1995 г. в Нью-Йорке на одной из конференций, когда попытались сократить расходы на образование. Ответом были сорокатысячная демонстрация студентов, карикатуры на мэра города, губернатора штата — и никаких баррикад, никаких перевернутых машин. А все почему? Потому что выступали вместе преподаватели и студенты.

Парфразируя Менделеева, можно сказать, что в конце XX века экономить на образовании — это хуже, чем топить ассигнациями.

Если Власти не нужен интеллект нации, то наверняка у Власти большие проблемы с интеллектом. Пригласите на ученые советы ваших выпускников — членов Правительства, депутатов Государственной Думы, региональных руководителей. Пусть они отчитаются о том, как они поддерживали и голосовали в Парламенте по нынешним законам, или же они только уничтожали своих родителей, свою альма-матер.

Уважаемые коллеги! Мы ждем ваших решений, мы готовы к совместным действиям по защите нашего образования не для вас, не для нас, а для будущего нашей страны.

Спасибо за внимание!

Текст выступления по стенограмме опубликован в журнале «Alma mater» — 1998. — № 7. — С. 13—16. В настоящей книге публикуется текст, отредактированный автором.

«ЧЕМ ЧЕЛОВЕК ОБРАЗОВАННЕЕ, ТЕМ ОН ПОЛЕЗНЕЕ СВОЕМУ ОТЕЧЕСТВУ»

Выступление на пленарном заседании Всероссийского совещания работников образования.

Уважаемые коллеги!

В качестве предварительного замечания хочу сказать, что практически все важнейшие документы, которые обсуждаются сегодня, предполагают принятие федеральных законов или внесение изменений в них. Поэтому прежде всего благодарю за возможность высказать в этом высоком собрании точку зрения профильного комитета основного законодательного органа России — Государственной Думы.

Разумеется, наш статус в Государственной Думе третьего созыва еще не определен окончательно, однако две трети депутатов Комитета по образованию и науке продолжают работу, и это значительно выше средней переизбираемости. В любом качестве, с должностями или без них, мы будем работать в Комитете по образованию и науке. Кстати, делать это станет сложнее: представителей образования в Парламенте от выборов к выборам становится все меньше, а бизнесменов — все больше, и в этом, наверное, есть и наша общая вина. Однако и в такой ситуации с вашей помощью будем делать все, что сможем.

Теперь позвольте сказать несколько слов по трем главным вопросам нашего совещания.

I. Проект Федерального закона «Об обеспечении государственных гарантий права

граждан на общее образование».

Мы уже говорили инициаторам проекта — ЦК профсоюза работников народного образования и науки, что готовы его поддержать: государство действительно должно отвечать за школу, а не только спрашивать с учителя. (*Аплодисменты.*) Вместе с тем надо понимать, что главных проблем школы закон не решит. Если говорить об оплате труда, таких проблем три: уровень оплаты; ее своевременность; одновременность выплаты в разных районах субъектов Российской Федерации. Устанавливая ответственность субъектов Российской Федерации за заработную плату учителя, закон решает одну из трех проблем — одновременность ее получения, и четко указывает, с кого за это нужно спрашивать. Что касается двух других вопросов, то как бы мы ни перелицовывали «Тришкин» кафтан нынешнего финансирования, в чьи бы руки ни вкладывали жалкие деньги, выделяемые на образование,— в руки местного самоуправления или субъекта Российской Федерации,— на решение этих вопросов денег не хватит. Для этого требуется совершенно иная экономическая политика.

Помимо всего прочего закон нуждается в серьезной юридической доработке, а главное — требует ответа на вопрос о межбюджетных отношениях в субъектах Федерации. Мне приходилось обсуждать законопроект с руководителями образования как субъектов Федерации, так и органов местного самоуправления. Принципиально против него никто не возражал, однако все спрашивали, как будут делиться деньги — по нынешней схеме либо путем консолидации в бюджете субъекта Федерации тех средств, которые пока еще остаются у местного самоуправления? Для ответа на этот вопрос требуется сопровождающий закон (или законы), а без такого ответа предложенный нам закон работать не будет.

II. Двенадцатилетка.

Мы прислушиваемся к мнению специалистов Министерства образования и Российской академии образования, которые дружно утверждают, что увеличение сроков школьного обучения — это общемировая тенденция, поскольку объем знаний и навыков, необходимых современному молодому человеку, не вмещается в десяти- или одиннадцатилетний курс. Однако совершенно очевидно, что в российских условиях для того, чтобы сказать двенадцатилетке «да», необходимо решить множество вопросов, и прежде всего — социального характера. Вот лишь некоторые из них.

1. Армия. Необходимы поправки в Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе», которые дали бы возможность парням после окончания 12-го класса поступить в профессиональные учебные заведения.

2. Трудовые ресурсы. Нельзя забывать, что соотношение работающего и неработающего населения, в том числе пенсионеров, несмотря на низкую продолжительность жизни, в России крайне неблагоприятно, а двенадцатилетка ухудшит его еще более.

3. Кадры. Мы часто слышим, что, если не введем двенадцатилетку, в ближайшие 10 лет из-за сокращения числа детей школьного возраста на одну треть придется сократить и одну треть учителей. Однако это не совсем так. Уже сейчас каждый десятый учитель — пенсионного возраста; каждый третий имеет стаж свыше 20 лет; средняя нагрузка учителей, включая совместителей и пенсионеров — 24 часа, а многие ведут по 30 часов и более; в большинстве школ в классах не по 25 детей, как это предусмотрено законом, а значительно больше; средняя зарплата учителей сократилась за последние 10 лет примерно в 7 раз и составляет менее половины от средней заработной платы в промышленности. Если политика 90-х годов в области оплаты педагогического труда в ближайшее время не изменится, нам предстоит не сокращать учителей (за исключением отдельных категорий), а всеми средствами заманивать их в школу.

4. Неравенство. Уже сейчас глубокое социальное расслоение и бедность большинства населения приводят к тому, что равные права граждан в области образования, прописанные в законе, на деле не существуют. И на это нам указывают даже международные организации. «Концепция» объявляет двенадцатилетку общедоступной, хотя на самом деле она может еще более усилить неравенство прав в области

образования. Если обеспеченные родители хотят поучить ребенка в сравнительно безопасных школьных условиях лишней год, то в бедных семьях стремятся получить еще одного работника. Следовательно, дорога в вуз для детей из малообеспеченных семей станет еще более трудной.

5. Деньги. Нам говорят, что двенадцатилетка дополнительных затрат не потребует, поскольку детей станет меньше. Но это не так. Во-первых, нынешний уровень финансирования школы в расчете на одного ученика нищенский, и если количество детей сократится, можно будет хоть немного приблизить его к норме. Двенадцатилетка же станет этому препятствовать. Во-вторых, почти во всех странах, где введено 12-летнее обучение, оно начинается с 6 лет, а потому требует специальных условий. В обычный школьный класс без ущерба для здоровья 6-леток не посадишь. «Концепция» также утверждает, что в первый класс будут приниматься дети, которым исполнилось 6 полных лет. Следовательно, затраты потребуются в любом случае.

Считаем, что к введению двенадцатилетки следует применить общий алгоритм, который в известном романе выражался формулой: «утром — деньги, вечером — стулья», а в серьезной форме выглядит так: сначала стабилизация положения в школе, ее достойное финансирование, лишь затем — реформа. (*Аплодисменты.*) В противном случае идея может оказаться дискредитированной, а все мы будем повторять за известным политиком: хотели как лучше, а получилось...

III. Доктрина.

В свое время это была наша инициатива, которую поддержало, в хорошем смысле перехватило Правительство, за что мы ему благодарны. Мы всегда готовы к конструктивной работе и были бы рады, если бы борьба между ветвями власти всегда сводилась к здоровой конкуренции в деле защиты и поддержки образования.

Сравнивая проекты национальной доктрины и «реформы», которую нам предлагали в 97-98 годах, нельзя не видеть принципиальной перемены. Тогда мы с Правительством были по разные стороны «баррикад»; теперь «баррикад» нет и мы работаем совместно. Тогда нам предлагали сэкономить на образовании; теперь мы вместе предлагаем инвестиции в эту сферу.

Я намерен высказать несколько критических замечаний в адрес проекта доктрины, однако прежде прошу вас ее в основном поддержать и хочу повторить то, о чем говорил председатель профильного Комитета Совета Федерации Валерий Васильевич Сударенков: одна из главных наших задач — в процессе дальнейших согласований не дать «вычистить» из проекта его основное позитивное содержание.

Что касается критических замечаний (или «самокритических», поскольку я соавтор проекта), хочу заметить, что в последнее время в процессе доработки проект был серьезно ухудшен. Вот лишь несколько замечаний.

1. Стилль. Доктрина должна быть легко читаема и содержать предельно четкие формулировки. Однако в последние месяцы доработка делает ее все более похожей на обтекаемые неопределенные документы брежневского периода. Понимая, что за 10 лет кризиса люди истосковались по стабильности, уверен: Докт-рина не только по содержанию, но и по стилю не должна вызывать ностальгию по прошлому, хотя с точки зрения образования там были выдающиеся достижения, но ориентироваться в будущее.

2. Ухудшение финансовых и социальных параметров. Еще раз хочу поддержать Председателя комитета Совета Федерации: не доктрина должна подстраиваться под бюджеты, как написано в последнем варианте документа, а, напротив, бюджеты — под доктрину. (*Аплодисменты.*)

Как это раньше и было, надо четко записать в доктрине уровень оплаты труда — в соответствии с Законом РФ «Об образовании» и Федеральным законом «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». Положено любому педагогу иметь среднюю ставку не ниже средней заработной платы в промышленности — так и написать в доктрине. Положена преподавателям вузов средняя ставка на уровне двух средних заработных плат в промышленности — тоже написать открытым текстом. И не позднее 2003 года. Такие предложения, подписанные Председателем Комитета Государственной

Думы по образованию и науке И. И. Мельниковым и мною, передаю в президиум и прошу учесть.

По поводу предложения сделать работников образования государственными служащими, вопреки общему настроению, хочу сказать, что этого делать не надо. Будут платить зарплату или нет — еще не известно, а последнее, что есть — свободу педагогического творчества — потеряем сразу. Нашу демократию вы знаете: будем служить партии власти, а она теперь меняется перед каждыми выборами. Правильным было бы такое предложение: приравнять педагогических работников по оплате труда и социальным гарантиям к государственным служащим. (*Аплодисменты.*)

Если с помощью доктрины и последующих законов не сумеем защитить педагога, ситуация в жизни будет, как в истории, которую я услышал в одной сельской школе. Там мне рассказали, что в «небесной канцелярии» начались реформы, и в суете один учитель вместо рая, куда ему положено по штату, попал в ад. Через три месяца ошибка выяснилась, педагога вызвали к архангелу и спросили, почему он не возмутился и не требовал перевода в рай. Учитель крайне удивился и заявил, что после школы такая жизнь показалась ему раем! (*Аплодисменты.*)

3. Ограничение сферы действия и содержание доктрины.

Совершенно очевидно: причины кризиса образования находятся вне системы образования. Средствами образования эту систему нужно спасти, но невозможно спасти. Невозможно воспитать отношение к образованию как к высшей ценности, пока по уровню оплаты труда в России медики занимают обычно пятое место снизу, работники науки — четвертое, работники образования — третье, работники культуры — второе, и, наконец, работники сельского хозяйства — первое место снизу. Школа может бесконечно «сеять разумное, доброе, вечное», но пока телеканалы соревнуются, кто больше покажет сцен насилия или передач «про это», на добрые всходы рассчитывать трудно. Мы можем записать в законах какие угодно гарантии равенства прав в области образования, но пока в стране огромное количество бедных и нищих, эти законы работать не будут.

Поэтому доктрина должна быть комплексным документом, вневедомственным или, лучше, надведомственным. Но пока тенденция обратная: то, что выходит за непосредственные рамки системы образования, из текста доктрины все более и более «вычищается».

В этой связи предлагаю дополнить доктрину следующим положением, которое было поддержано многими журналистами в пресс-клубе Министерства образования: свобода информации и свобода преподавания не может использоваться для воспитания национальной и религиозной нетерпимости, бездуховности, пренебрежения к отечественной истории и культуре. (*Аплодисменты.*)

4. Форма документа.

Безусловно поддерживаю утверждение доктрины федеральным законом. Однако нужно договориться, каким будет этот закон. Можно быстро принять закон из одной статьи, смысл которой будет сводиться к тому, чтобы утвердить текст доктрины. Можно принять закон из нескольких статей, где помимо этого будут предложены механизмы исполнения норм, содержащихся в доктрине. На мой взгляд, второй путь медленнее, но надежнее. В свое время наш Комитет по науке и народному образованию готовил для Президента Ельцина Указ № 1. Судьбу его вы знаете. Не хотелось бы повторений. Поэтому нужно совместно с Правительством продолжить доработку не только текста доктрины, но и закона о ней.

В заключение хочу вернуться к тому, с чего начал. Законодателям, работающим на образование, очень нужна поддержка Правительства и ваша поддержка, уважаемые коллеги, вне зависимости от политических ориентаций. Это перед выборами мы делимся на политические партии и блоки. Но выборы приходят и уходят, а образование остается. Хорошо бы не забывать, что все мы вместе с тем и в первую очередь принадлежим к партии образования. В нашем случае корпоративный интерес совпадает с общенациональным: работая на образование, мы работаем на будущее нации.

Здесь все цитировали классиков. Не удержусь и я. Александр Сергеевич Грибоедов

говорил: «Чем человек образованнее, тем он полезнее своему отечеству». А Лев Николаевич Толстой прибавлял: «Народ наш ищет образования, как воздуха для дыхания».

Позвольте, уважаемые коллеги, поздравить всех вас с таким специфическим российским праздником, как Старый Новый год, и пожелать нам всем, чтобы в 2000 году доктрина была принята, а главное — начала исполняться, пожелать нам всем такой власти, которая сама была бы образованной и не перекрывала народу кислород.

Спасибо за внимание! (*Аплодисменты.*)

Опубликовано:

Первое сентября.— 2000.— 1 февраля.— № 8.— С. 1.

Школа духовности.— 2000.— № 1.— С. 47—50.

ПЛАТОН С НЬЮТОНОМ МНЕ ДРУЗЬЯ, НО ИСТИНА ДОРОЖЕ

*Из стенограммы парламентских слушаний на тему:
«Двенадцатилетнее образование: правовые и социальные аспекты»*

Москва, Государственная Дума. 15 июня 2000 г.

Текст отредактирован автором

Смолин О. Н. Спасибо. Уважаемые коллеги, прослушав сегодня два доклада: доклад уважаемого министра образования и доклад уважаемого Бориса Ефимовича (Немцова, лидера СПС.— **Примеч. автора**), я сделал два вывода. Вывод первый. Доклады четко проиллюстрировали возможность профессионального и политического подходов к данной проблеме. Вывод второй, который я сформулирую, перефразируя Аристотеля: Платон с Ньютоном мне друзья, но истина дороже.

Итак, действительно мы наблюдаем парадокс. Он заключается в том, что продвинутые школы и управленцы в большинстве своем — за двенадцатилетку. Рядовые учителя — в большинстве против двенадцатилетки. В этом убедиться очень легко, придя в любую школу. Другая сторона того же парадокса: в Кремле 5 тысяч человек дружно голосовали за переход к двенадцатилетнему образованию, но в сегодняшних выступлениях мы слышим, что по крайней мере больше половины выступающих — против. Кстати, я в Кремле был чуть не единственным, кто с трибуны официально высказал очень серьезные замечания по двенадцатилетке. Но сегодня не хотел бы, чтобы мы ударились в другую крайность. Мне кажется, нам нужен очень серьезный, объективный подход. Мы как Комитет обозначили свою позицию еще в начале 1999 года, полтора года назад, когда вопрос только начинал обсуждаться. И повторили ее в Кремле 14 января, когда было предоставлено слово.

Двенадцатилетка, вне всякого сомнения, теоретически позволяя решить целый ряд проблем, вместе с тем и порождает целый ряд других. Я постараюсь не очень повторяться, хотя, наверное, совсем избежать этого не удастся.

Понимаете, здесь много говорили про проблему армии. Уважаемый Владимир Михайлович (Филиппов, министр образования.— **Примеч. автора**) прав: 7 плюс 11, что 6 плюс 12 — это одинаково — 18, как ни считаешь. Но беда заключается в следующем. У нас в Комитете по обороне уже больше года лежит законопроект, поправка к Закону о воинской обязанности и военной службе, которая нам сейчас очень нужна. И боюсь, что она будет там лежать еще довольно долго, до тех пор, пока аналогичную поправку не внесет Правительство. Вы прекрасно понимаете, что состав Государственной Думы третьего созыва таков, что она, как говорят, голосует, не приходя в сознание. (*Аплодисменты.*)

Второе. Психология. Действительно, большинство детей пока к двенадцатилетке не готово, это показывают опросы.

Третье. Трудовые ресурсы. Уважаемые коллеги, если действительно коллеги господина Грефа, наиболее отважные реформаторы, предлагают поднимать мужчине пенсионный возраст до 65 при средней продолжительности жизни в 58 и будут говорить,

что это так или иначе связано с двенадцатилеткой, тогда все-таки давайте лучше одиннадцать лет будем учить, но пенсионный возраст не поднимать.

Четвертое, уважаемые коллеги, о чем, кажется, сегодня не говорили. При определенных условиях двенадцатилетка может оказаться связанной с искусственным, с моей точки зрения, сдерживанием развития личности. Простите мне небольшое лирическое отступление. Вчера с моей любимой учительницей я сверил тетради выпускниц первого класса 1970 и 2000 года. Я могу их принести в министерство и показать. Очевиден резкий шаг назад. В 1970 году программа первого класса была значительно богаче по содержанию. Сейчас же подготовленные к школе дети скучают на уроках в первом классе. Я понимаю, почему меняется программа. Это происходит не случайно. В пылу революционного отрицания систему детских садов фактически разрушили. Говорили, что это колхозы проклятого советского прошлого. Теперь компенсировать это трудно. Между прочим, в Бельгии 94 процента детей посещают дошкольные образовательные учреждения. Может быть, пора поставить вопрос о том, чтобы дать возможность детям в разные сроки осваивать школьные программы. Подготовленным — по программе 1—3, неподготовленным — по программе 1—4. (*Аплудисменты.*)

Пятое. Социальное неравенство. Уважаемые коллеги, судя по тем законам, которые мы принимаем в последнее время, хотя мне очень хочется надеяться, что все-таки экономический подъем в какой-то степени будет происходить, социальное неравенство в стране вырастет. Уважаемый Владимир Михайлович, меня очень встревожило замечание о том, что в старшие классы пойдут 50 процентов детей. В нашем Законе «Об образовании» написано четко, что старшая школа общедоступна и бесплатна. Не можем мы 50 процентов только принимать, мы должны принимать в старшую школу всех, кто хочет закончить, получить полное среднее образование.

Шестое — деньги. Много раз об этом говорили. Совершенно ясно, что деньги на двенадцатилетку потребуются. Совершенно ясно и другое: если все-таки дополнительные деньги появятся, возникает вопрос: на что в первую очередь их потратить: на 12-летнее образование или на элементарные нужды школы: на заработную плату учителей, ремонт и так далее и так далее? Об этом говорили довольно много. Действительно, очень многое зависит от того, какой проект сейчас примет Правительство и, соответственно, что будет воплощать в жизнь. Принимаем Российскую национальную доктрину образования в том виде, как она, в основном, была одобрена 17 февраля Правительством — это одно. Она предполагает увеличение расходов на образование до семи процентов валового внутреннего продукта. Это ровно столько в процентах, но в реальных деньгах гораздо меньше, это ровно столько мы имели, по данным Мирового банка, 30 лет назад в 1970 году. Принимаем мы концепцию команды господина Грефа — да, на один процент увеличиваются расходы на образование. Но с моей точки зрения на двенадцатилетку этого явно не хватит. Я хочу повторить то, что говорил в Кремле. Если мы принимаем решение о реформе, принцип должен быть все тот же самый: утром — деньги, вечером — стулья.

Теперь что касается вопросов политических. Двенадцатилетка — один из ключевых вопросов образовательной политики. Но акцент я здесь делал бы на слове «образовательная», а не на слове «политика». С нашей точки зрения, образование должно быть сферой широкого национального согласия «левых», «правых», центристов, представителей самых разных политических течений. Я постараюсь это проиллюстрировать. Мне представляется, что надо прежде всего обсуждать вопрос с точки зрения профессиональной, а не с точки зрения политического митинга или политического рейтинга. Мы, депутаты, не должны уподобляться тому самому политбюро, которое лучше всех разбиралось и в языкознании, и в кибернетике, и в генетике, и во всяких прочих науках.

В этой связи я хочу сказать, что те предложения к Налоговому кодексу, о которых говорил уважаемый Борис Ефимович,— это предложение Комитета по образованию и науке. И хорошо, что они поддержаны уже Комитетом по бюджету, в частности по Закону о налоге с физических лиц. Если фракция «СПС» нам поможет принять правильное решение по налогу на добавленную стоимость, я буду от души ей благодарен. Но, коллеги, давайте

следовать известной формуле: по делам их узнаете их.

У меня в руках находится книга, в которой есть статья, анализирующая суммарные результаты всех ключевых голосований по вопросам образования в Государственной Думе второго созыва. Никак не комментирую. Если взять 38 голосований и по 7 ключевым законопроектам, извините, результаты были следующие: коммунисты — приблизительно 84 процента, аграрная депутатская группа — 73, группа «Народо-властие», в которой я тогда работал, — 66, фракция Жириновского — 64, средний показатель по Думе — 62,5 (я округляю числа), фракция «ЯБЛОКО» — 56, группа «Российские регионы» — 49, фракция «Наш дом — Россия» — 42,3, группа независимых депутатов — 25 процентов в среднем за образование. И когда все говорят о том, что поддерживают образование, мой совет: возьмите результаты голосований по законопроекту, который называется «Об изменении, приостановлении действия и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с Федеральным законом «О федеральном бюджете на 2000 год». Законопроект предлагает приостановить все существенное в области образования: три процента федерального бюджета на высшее образование, четыре процента на науку, 10 процентов национального дохода на образование в стране в целом, уровень зарплаты учителям и вузовским преподавателям. Посмотрите результаты голосований — все станет ясно. Я приветствую мужественный поступок Ирины Муцуовны (Хакамады.— **Примеч. автора**), которая не голосовала за этот закон, будучи членом фракции «СПС», от души приветствую. Но, к сожалению, ведь она оказалась в подавляющем меньшинстве в своей фракции.

Точно так же здесь предлагали антикризисную программу, я это абсолютно поддерживаю. Но только хочу добавить, что мы от имени Комитета по образованию и науке уже много раз вносили такое предложение в Правительство вместе с самой программой. И по существу все наши законы, которые были заблокированы предыдущим Президентом Российской Федерации,— это и есть та самая антикризисная программа. Мы написали когда-то Президенту Указ № 1. Он его подписал. Мы принимали в двух редакциях Закон «Об образовании», там все про зарплату нормально написано, я вас уверяю. Мы принимали специальный Закон «О порядке определения средней ставки должностного оклада работников образовательных учреждений», где он? Возвращен дважды Советом Федерации, один раз Президентом Российской Федерации. Я бы очень хотел, чтобы мы мерились рейтингами, а не политическими заявлениями.

Мне представляется, что если у нас по таким вопросам, как образование, политический подход возобладает над профессиональным, то про депутатов Государственной Думы будут говорить: кто умеет работает, кто не умеет — учит, а кто не умеет учить — управляет. Кстати, я не могу согласиться с тем, что в России экономика не выдерживает образования. Скорее наоборот. Образование уже не выдерживает экономики. Вы это прекрасно понимаете. Многие из нас боролись с экономикой дефицита, а в результате получили дефицит экономики. Валовой внутренний продукт упал более чем в три раза, по оценкам новосибирских исследователей.

Уважаемые коллеги, конечно, мы должны понимать, что на данный момент увеличение продолжительности сроков обучения — это действительно мировая тенденция. Может быть, уходящая, а, может быть, нет. По крайней мере, когда в Германии попытались сократить число лет обучения, немцы выходили на митинги с требованием: «Не покушайся на наше счастливое детство». Не думаю также, что Министерство образования просто пытается натянуть искусственно одеяло на себя, потому что одеяла в образовании уже давно нет, осталась только «рваная простыня». И если денег на образование действительно не будет, наступит предел устойчивости системы. Я много раз говорил: образование — высокоинерционная система. Оно держится за счет инерции, за счет энтузиазма учителей. Я присоединяюсь к тем, кто кланялся в ноги российскому учителю, вне всякого сомнения. Но нельзя до бесконечности не кормить коня, и думать, что он от этого начнет быстрее бегать. Рано или поздно он упадет.

Перехожу к предложениям.

Первое. Продолжить общенациональную дискуссию по проблеме 12-летнего

образования. И не принимать никаких окончательных решений до выяснения судьбы национальной доктрины образования и стратегии модернизации образования. Кстати, я поддерживаю предложение провести парламентские слушания в сентябре по этой самой стратегии. К тому времени мы, наверное, увидим ее в окончательном виде.

Второе. В соответствии с Федеральной программой развития образования необходимо провести эксперимент. Но итоги эксперимента обсуждать с широким представительством общественности, включая противников двенадцатилетки. Я думаю, это правильно. Это вопрос общенационального значения.

Третье. Предварительным условием эксперимента должно быть постановление Правительства Российской Федерации. Иначе возможна ситуация, которую товарищ полковник разъяснил.

Четвертое и, может быть, главное. Неоднократно мы выходили с предложением, что решение о массовом переходе на 12-летку, если оно будет принято, должно приниматься федеральным законом. Оно касается каждой семьи. Не обязательно это должен быть специальный Закон о двенадцатилетке, но если уж мы эксперимент прописывали в федеральной программе, то массовый переход — тем более. Как бы ни ругали законодателей — и справедливо, и несправедливо — но Закон на самом деле — это самая демократическая форма принятия решений. Правительственное постановление вы даже не увидите, а в обсуждении проекта закона сможете участвовать.

Пятое. Если такое законодательное решение будет принято, в нем обязательно должны быть прописаны пути и механизмы решения всех тех проблем, которые сегодня были обозначены.

Коллеги, мы констатируем: на сегодняшний день массовое сознание педагогов, родителей, детей к двенадцатилетке не подготовлено. Поэтому перед Министерством и Академией образования, сторонниками этой инициативы стоит очень серьезная задача. Убеждайте, аргументируйте, доказывайте на деле, что это полезно и необходимо. Сумеете доказать, ну что ж, в добрый путь. Но без самой широкой поддержки никакие реформы невозможны, особенно в образовании. Ломать настроение людей через «колесо», это мы уже много раз проходили на протяжении 90-х годов, и каждый раз хотели «как лучше», а получалось — вы знаете, Виктор Степанович (Черномырдин.— **Примеч. автора**) объяснил.

И последнее. Хочу повторить то, чем заканчивал выступление в Кремле 14 января. Учителя из моего родного города Омска мне рассказывали о том, как один учитель попал в ад по ошибке. Вообще-то учителю положено в рай. Три месяца он пробыл в аду, а затем небесная канцелярия спохватилась, ошибка произошла, вызывают его и спрашивают: «Почему ты не жалуешься?» Он говорит: «Как почему? А мне после школы это место раем показалось».

Думаю, что когда, наконец, школа покажется пусть не раем, но местом, оборудованным для нормальной жизни, для труда и, главное, для творчества, мы спокойно определимся, сколько лет учить. Спасибо за внимание. (*Аплодисменты.*)

С БОЛЬНОЙ ГОЛОВЫ НА ЗДОРОВУЮ, ИЛИ О ТЕХ, КТО ПЫТАЕТСЯ СТАТЬ «ПАРТИЕЙ ОБРАЗОВАНИЯ» ТОЛЬКО ПЕРЕД ВЫБОРАМИ

***Открытое письмо педагогам, студентам, родителям —
всем, кто учится и учит (проект)***

Публикуемый ниже текст открытого письма был подготовлен автором летом—осенью 1999 года в качестве ответа на материалы партии «Яблоко», посвященные образовательной политике. Первоначально предполагалось, что открытое письмо будет подписано председателем Комитета по образованию и науке Госдумы второго созыва И. И. Мельниковым и его заместителем — автором этих строк. Однако этому помешали проблемы стилистического характера и недостаток времени. Председатель Комитета счел подготовленный мною текст слишком «острым» и переработал в другой, озаглавив его «Четыре года борьбы и труда». В свою очередь переработанный

текст показался мне чрезмерно «пресным», а для подготовки третьего варианта уже не оставалось времени. Предлагаю вниманию читателя первоначальный проект открытого письма педагогическому сообществу.

Уважаемые коллеги! В последние месяцы партия «Яблоко» развила невиданную словесную активность в области образовательной политики: в средствах массовой информации рекламируется соответствующая «яблочная» программа, а по учебным заведениям за счет Государственной Думы рассылаются брошюры А. Пинского, Е. Бунимовича и других авторов с «яблочной» окраской или привкусом. Все это можно было только приветствовать (лучше перед выборами, чем никогда), если бы в программе и брошюрах искажение фактов не граничило с прямой ложью, а виновниками беды в образовании не объявлялись те, кто всеми силами эту беду отводил.

Авторы «яблочных» материалов обвиняют Комитет Госдумы по образованию и науке в том, что он был коммунистическим. И это правда более чем наполовину. Изначально в составе Комитета было 7 коммунистов, 1 депутат от группы «Народовластие», 3 эндээровца, 1 представитель ЛДПР и 1 депутат от «Яблока». Элдэпээровец и его преемник на заседаниях Комитета практически не появлялись. Из трех эндээровцев двое ушли в Правительство, а Жорес Алферов — вице-президент Российской Академии наук, физик с мировым именем (впоследствии Нобелевский лауреат.— **Примеч. автора**), убедившись, что НДР плохо поддерживает науку и образование, перешел в группу «Народовластие», а затем был включен в список коммунистов, аграрников и патриотов «За победу!» Заместитель председателя Комитета от «Яблока» под занавес работы получил другое назначение и возглавил Комитет по природным ресурсам.

Таким образом, к концу срока полномочий Государственной Думы в Комитете действительно остались одни коммунисты и представители группы «Народовластие». Но разве мы, сохранившие верность образованию, виноваты в том, что коллеги из правых фракций предпочитали нашему Комитету бюджетный, где делят деньги, или международный, где много зарубежных командировок? Умудриться обвинить левых за преданность образованию, т. е. за то, что им следует поставить в заслугу,— значит безбожно насиловать логику и элементарную мораль.

Еще более нелепым выглядит обвинение в том, будто бы Комитет Госдумы мешал проводить реформы в образовании. И здесь, вопреки совести и здравому смыслу, в упрек нам ставится то, за что следовало бы поставить плюс.

Несмотря на бесправие Госдумы, усилия нашего Комитета дали результаты, которые можно, что называется, увидеть, потрогать, а иногда и просто положить в карман. Разделим их на две группы.

Первая группа — результаты, так сказать, отрицательные, но не для людей, а для президентско-правительственной «команды». Подобно «яблочным» писателям, закупленные «на корню» олигархами средства массовой информации постоянно обвиняют Госдуму в том, что она мешает проводить реформы. Нам действительно удалось кое в чем помешать правительствам В. С. Черномырдина и С. В. Кириенко. И слава Богу. Вот лишь пять примеров.

1. Правительства Виктора Черномырдина и Сергея Кириенко вынашивали планы так называемого очередного этапа реформирования системы образования. Суть «реформы» — отнять часть денег у образования, а оставшиеся по-другому поделить, и при этом заставить всех, кто учится или их родителей платить за все, что должно оплачивать государство и на что у него теперь, после предыдущих «реформ», не хватает денег. Эту атаку мы в основном отбили: по нашему настоянию Правительство Е. М. Примакова в основном отменило в части образования Постановление Правительства С. В. Кириенко № 600, в котором была выражена квинтэссенция так называемой реформы. Если бы этого сделать не удалось, уже в 1999 г. системе образования была бы нанесена серия мощных ударов. Среди них:

— «сброс» на региональные и местные бюджеты без согласия регионов многих сотен профессиональных учебных заведений и детских садов, которые финансирует

федеральный бюджет.— В результате они были бы частью закрыты, а частью отбирали бы деньги у школ, больниц, объектов культуры;

— сокращение стипендиального фонда для вузов.— В результате студенческие стипендии не только не увеличились бы, но каждый третий нынешний стипендиат остался бы без стипендии вовсе;

— фактическая отмена для учителей надбавок за классное руководство, проверку тетрадей, заведование кабинетами и т. п.— По существу сокращение нынешней нищенской заработной платы учителей почти наполовину;

— фактическая ликвидация для преподавателей вузов надбавок за научные степени и ученые звания.— По существу сокращение нынешнего «пособия по бедности» для наиболее квалифицированных вузовских работников еще примерно на треть;

— официальное введение для всех, кто учится в учебных заведениях, платы за коммунальные и другие услуги, якобы не связанные прямо с образовательным процессом.— Фактическая отмена бесплатного образования в России.

Планы «реформаторов» удалось сорвать не в полном объеме: Постановление отменено, но ползучий процесс вытеснения бесплатных услуг в образовании платными продолжается.

2. При Правительстве Сергея Кириенко была сделана очередная (кажется, седьмая по счету) попытка приватизации образования. На сей раз это относилось только к высшим учебным заведениям. Они были включены в проект Закона о государственной программе приватизации на 1998 г. Нетрудно понять, что приватизация высшего образования немедленно сделает его платным для всех, а поскольку платить способны немногие, разрушит систему в короткие сроки. И в этот раз грозную опасность от образования нам удалось отвести.

3. Более того, нашим ответом на правительственную «реформу образования» стало принятие Федерального закона с длинным названием «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О сохранении статуса государственных и муниципальных образовательных учреждений и моратории на их приватизацию» (сокращенно — новая редакция Закона «О моратории...»). Советуем всем руководителям образовательных учреждений, профсоюзов, стачкомов, всем активистам родительских комитетов, которые борются за сохранение права на образование и рабочих мест, изучить этот Закон «как Отче наш». Он значительно затрудняет «сброс» образовательных учреждений на региональные и местные бюджеты, всякого рода их произвольные реорганизации, а главное — ликвидацию образовательных учреждений.

Отныне по Закону Правительство, органы исполнительной власти субъектов Федерации и местного самоуправления не могут принять ни одного решения о ликвидации школы, детского сада, учреждения дополнительного образования или профессионального учебного заведения без согласия соответствующего законодательного органа или, как минимум, депутатской комиссии, в ведении которой находятся вопросы образования. Поскольку же депутатам всегда труднее принимать так называемые непопулярные решения, мы надеемся значительно убавить прыть некоторых, извините за выражение, «реформаторов».

4. В конце каждого года каждое Правительство России, за исключением Правительства Евгения Примакова, а иногда некоторые депутаты бюджетного Комитета требовали отменить, урезать или приостановить налоговые льготы, установленные Законом для образовательных учреждений. Для школ эти налоговые льготы большого значения не имеют — в школе много денег не заработаешь, но у профессиональных учебных заведений, особенно у вузов, так называемая «внебюджетка», т. е. дополнительно заработанные деньги, составляют иногда до половины и более всех «живых» денег. Если бы Комитету Госдумы по образованию и науке каждый год не удавалось проводить поправки к правительственным законопроектам, сохраняющие налоговые льготы, все эти деньги у учебных заведений были бы отобраны, а затем частью разворованы, а частью потрачены на содержание новой бюрократии. Считаем сохранение налоговых льгот для системы образования одним из важных наших достижений.

5. При Правительстве Виктора Черномырдина во многие школы была запущена программа полового воспитания российских школьников, которую точнее было бы назвать программой совращения малолетних. Разумеется, школьное воспитание не должно быть ни бесполом, ни тем более ханжеским, однако в этой программе вся труднейшая задача развития мужественности и женственности у будущих граждан и родителей сводилась к проблеме физиологии и «безопасного секса». В порядке эксперимента ни в чем не повинных подростков в 6—7 классах с помощью анкет «пытали» о таких подробностях устройства женского или мужского организма, что родители только хватались за голову и требовали немедленно остановить безобразие. Лозунг недавнего прошлого: «Книга — ваш лучший друг» сменился более «современным»: «Ваш друг — презерватив», точно так же, как зеленым другом нового поколения стал уже не лес, но... доллар!

Результатом нашей работы с Министерством образования стала сначала приостановка программы полового воспитания российских школьников в прежнем виде. Теперь программа переработана Российской академией образования с учетом наших отечественных традиций и возрастных особенностей детей.

Вторая группа — позитивные результаты, конкретная поддержка тех, кто учится и учит. Вот лишь некоторые из них.

1. В январе 1996 г., в самом начале срока полномочий Госдумы второго созыва, после двукратного преодоления вето Президент России подписал, наконец, новую редакцию Закона «Об образовании». Этот Закон не только категорически запрещает приватизацию в сфере образования, не только подтверждает и даже немного расширяет социальные гарантии для тех, кто учится и учит, не только защищает трудовые права работников образования, устанавливая для всех, кроме профессорско-преподавательского состава вузов, бессрочный контракт вместо срочного. Закон гарантирует гражданам России право на общедоступное и бесплатное полное среднее и начальное профессиональное образование, отнятое 43-ей статьей Конституции. Это не означает возврата ко всеобщему обязательному среднему образованию. Но отныне никто не вправе отказать вашему ребенку или родственнику в приеме на обучение в старшие классы обычной школы, если, разумеется, он хотя бы удовлетворительно закончил школу основную. Закон уже работает. Количество детей, которые продолжают образование после 9-го класса, по данным Министерства образования, в стране значительно выросло: в 1996 г.— до 97%, в 1998 г.— до 97,5%.

2. Более трех лет назад в самом начале работы Госдумы второго созыва обе палаты Парламента преодолели вето Президента на Федеральный закон «О выплате пенсии за выслугу лет работникам образования, занятым педагогической деятельностью в школах и других учреждениях образования для детей». Закон дал возможность учителю с 25-летним стажем получать эту пенсию, продолжая работать по специальности.

Благодаря Закону мы сохранили для наших детей опытных педагогов, самим педагогам дали дополнительные средства к жизни, а в условиях, когда заработная плата не выплачивалась по много месяцев,— пожалуй, и средство выживания.

Правда, в начале 90-х гг. решениями Правительства оказались лишены права на пенсию за выслугу лет около 12 категорий педагогических работников (пионерские вожатые, музыкальные руководители, методисты, социальные педагоги и др.). 17 сентября 1997 г. Госдума приняла специальное Постановление, которым потребовала от Правительства расширить список профессий и должностей, дающих педагогам право на пенсию за выслугу лет. Однако от Правительства Виктора Черномырдина мы получили ответ за подписью зампреда Олега Сысуева, в котором наше требование не только не принималось, но по сути предлагалось пересмотреть концепцию самого Закона. В марте 1999 г. в адрес Правительства Евгения Примакова нами был направлен парламентский запрос с тем, чтобы оно тоже высказало свое принципиальное отношение к этой важной проблеме.

Поскольку в России правительства меняются со скоростью 6 премьеров за полтора года, ответ мы получили лишь 22 сентября, когда было принято правительственное Постановление № 1067. Сначала мы вместе с Министерством образования ответу

порадовались, решив, что проблема хотя бы отчасти решена: примерно половина профессий и должностей, в отношении которых мы просили Правительство решить вопрос о пенсии за выслугу лет, была в новый список включена. В их числе оказались музыкальные руководители, педагоги дополнительного образования, преподаватели ОБЖ и другие. Однако, разобравшись в деталях, мы увидели, что имеем дело с прямым обманом: во второй части Постановления скрывался маленький пункт, фактически его уничтожающий. Согласно этому пункту, рассчитывать стаж по новым правилам следует начиная с ноября 1999 г.! Напротив, весь прежний стаж должен был учитываться по-старому.

Мы немедленно отправили повторный парламентский запрос в адрес Правительства и жестко поставили вопрос перед зампредом Правительства Валентиной Матвиенко. Многие педагоги восприняли это Постановление как издевательство, хотя в нем Правительство частично признает свои ошибки. Мы будем продолжать давление на Правительство во всех возможных формах. Но нам нужна помощь: пусть обиженные педагоги бомбардируют Правительство письмами и обращениями. Не теряем надежды, что вместе проблему решим.

3. Несмотря на гигантскую инфляцию и вопреки Закону, до 1998 г. в России для учащихся ПТУ сохранялась стипендия на уровне 40 рублей в месяц (4 копейки в нынешних рублях, примерно 0,2 копейки в рублях советских). Бухгалтерские расходы на оформление этой позорной стипендии превосходили ее размеры, а подростки, естественно, отказывались ее получать. В бюджет 1998 г. нам удалось заложить, как и положено по Закону, стипендию на уровне половины минимального размера оплаты труда (около 42 рублей). Разумеется, и это ничтожно мало, однако в тысячу раз больше, чем было.

4. Студенты, дружно голосовавшие за Б. Н. Ельцина в 1996 г., наверняка не знали, что к тому времени над их правом на образование уже нависла угроза. Провозгласив специальном Указом переход на профессиональную армию к 2000 г., Президент тем не менее не отозвал из Госдумы внесенного им же законопроекта, в котором предусматривалось прямо противоположное, а именно: отмена для студентов права на отсрочку от военной службы. Точнее сказать, это право предполагалось сохранить лишь для избранных вузов, перечисленных в Указе самого Президента.

Ценою больших усилий, работая с Министерством обороны и Комитетом по обороне Госдумы, нам удалось добиться принятия поправок к Закону, суть которых, попросту говоря, заключается в следующем: чтобы парень хорошо служил своему Отечеству, он должен иметь возможность завершить образование; мало того, он имеет право на отсрочку и в том случае, если непосредственно поступает из ПТУ в техникум или в вуз, либо из техникума в вуз, т. е. отсрочка сохраняется на двух уровнях образования; все это, не считая аспирантуры и докторантуры и включая возможность один раз перейти из вуза в вуз или один раз получить академический отпуск. Зато студенты, отчисленные из образовательных учреждений, права на отсрочку лишаются. Надеемся, и девочки, которые учатся вместе с парнями в профессиональных учебных заведениях, вспомнят нас за этот Закон добрым словом.

5. Еще одно важное достижение — увеличение в два раза размера студенческой стипендии. Оно предусмотрено Федеральным законом «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», который Президент после двукратного наложения вето подписал в августе 1996 г. Тогда нас в очередной раз упрекали: зачем принимаете законы, не обеспеченные деньгами? А мы отвечали и продолжаем отвечать: есть норма в Законе — есть основания для законных требований. Глядишь, удастся добиться их выполнения. Нет Закона — нет проблем для исполнительной власти. И вот наконец в бюджет 1999 г. удалось заложить размер студенческой стипендии на уровне двух минимальных размеров оплаты труда. Стратегия Комитета полностью оправдалась.

6. Как известно, Правительство Евгения Примакова еще в октябре 1998 г. объявило о повышении заработной платы бюджетникам в полтора раза с 1 апреля 1999 г. Когда мы проверили на этот предмет проект бюджета 1999 г., то обнаружили, мягко говоря, своеобразные расчеты Минфина: в конце 1998 г. преподавателям профессиональных

учебных заведений (ПТУ, техникумов, вузов) перечислялось примерно 70% от положенной заработной платы. Именно к этим 70% с 1 апреля и предполагалось добавить еще 50%. Фактически зарплату собирались увеличить на 5—7%. Нам удалось перераспределить деньги по разделу «Образование» таким образом, что ныне в бюджете с 1 января для преподавателей профессиональных учебных заведений заложена полная заработная плата, а с 1 апреля — полуторная. Правда, сделано это ценою сокращения расходов на коммунальные и прочие нужды. Точнее сказать, согласно бюджету они должны финансироваться за счет дополнительных доходов, о которых, кстати сказать, Правительство уже объявляло, и немалых — 80 млрд. рублей. Но главное в том, что правительственные обещания выполняются нашими усилиями.

7. Наш Комитет максимально использовал крайне ограниченные возможности российского Парламента для того, чтобы оказать помощь российским учителям, однако результаты оставляют желать много лучшего. Еще в 1991 г. Комитет Верховного Совета по науке и народному образованию подготовил текст Указа № 1, подписанный первым Президентом России в день, когда он приносил свою первую присягу. В 1996 г. после неоднократного наложения вето Президентом подписаны новая редакция Закона РФ «Об образовании» и Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». В них закреплены нормы оплаты труда педагогов, установленные Указом № 1 и обеспечивающие достойный уровень жизни учителей, преподавателей, воспитателей и технического персонала. Однако ни Президент, ни российские правительства за прошедшие годы ничуть не приблизились к исполнению этих норм. Более того, если в 1970 г. заработная плата в сфере образования составляла в СССР 73% от уровня оплаты труда в промышленности, то в настоящее время — менее 50%.

Ежегодно российские правительства пытались отменить или хотя бы приостановить действие норм Закона «Об образовании», устанавливающих уровень заработной платы педагогов, но мы этого не допустили. Надеемся не допустить и впредь. Законы надо не отменять, а выполнять.

Нас, депутатов, часто упрекают в принятии законов, которые не содержат в себе механизмов реализации. Чтобы исключить ссылки Правительства на отсутствие таких механизмов, нами подготовлен проект Федерального закона «О порядке определения размеров средней ставки и должностного оклада работников образовательных учреждений» (далее — Закон «О средней ставке»), в котором подробно прописано, кто, что, как и когда должен делать для того, чтобы Указ № 1 и нормы Закона «Об образовании» об оплате педагогического труда исполнялись. Увы, этот Закон дважды отклонялся Советом Федерации и один раз — Президентом.

В начале 1999 г. Государственная Дума и Совет Федерации преодолели вето Президента на Закон «Об упорядочении оплаты труда работников организаций бюджетной сферы», согласно которому ставка 1 разряда ЕТС установлена на уровне 110 рублей. Это важное, хотя и скромное достижение. Мы не намерены опускать руки и скоро внесем в Парламент новый вариант законопроекта «О средней ставке» с учетом нового размера ставки 1 разряда ЕТС. Однако для того, чтобы вернуть учителю сколько-нибудь достойный уровень жизни, усилий только из Центра и только Парламента явно недостаточно.

Главный канал помощи из Центра работникам бюджетной сферы, в том числе учителям — это трансферты из федерального бюджета субъектам Российской Федерации. Однако, как показывают проверки контрольных органов, даже эти небольшие средства на местах используются по назначению далеко не всегда. На законодательном уровне нами подготовлены поправки к бюджетной классификации, которые должны сделать «прозрачными» деньги, идущие из Москвы на заработную плату работникам образования в регионах.

Комитет готов поддержать инициативу профсоюза работников образования и науки о внесении таких изменений в законодательство, которые позволили бы контролировать использование финансовых средств местных бюджетов и не перекладывали бы полноту ответственности за школу исключительно на органы местного самоуправления. Мы считаем, что администрация региона также несет финансовую ответственность за судьбу

школ в республике, крае, области.

Федеральному Правительству необходимо довести до конца начатую работу по заключению специальных соглашений с субъектами Российской Федерации, предусматривающих их финансовую поддержку и жесткий контроль за целевым использованием выделенных средств.

Однако мы должны прямо сказать учителю, что при продолжении Президентом и Правительством экономического курса 1991—1999 гг., при нынешней Конституции с почти всемогущим Президентом и бесправным Парламентом проблемы образования, в том числе оплаты учительского труда, решены не будут. Невозможно найти деньги на образование, да и на социальные программы вообще до тех пор, пока стоит отечественная промышленность, пока налоговая система стимулирует не товаропроизводителя, а посредника, пока процветает не связанная с результатами труда роскошь одних за счет нищеты других, пока под разговоры о борьбе с привилегиями растет чиновничий аппарат, пока из страны вывозятся десятки миллиардов долларов при одновременном росте внешнего долга.

Мы знаем, что главный корень проблем образования лежит вне системы образования, а потому отдельно взятое образование в условиях экономического кризиса нужно спасать, но невозможно спасти. Для этого нам нужна другая реформа, новый курс.

Что касается самой «яблочной» программы, то она содержит немало тривиально правильных вещей: зарплату педагогам надо не только платить вовремя, но и повышать; школа должна давать ребенку хорошее современное образование, особенно гуманитарное и т. д., и т. п. Кто же спорит? Дело лишь в том, что пока «яблочные» писатели сочиняли агитки, мы разработали, а частью и провели целую серию законов и законопроектов. Если бы «гарант Конституции» их подписал, а главное — заставил подчиненное ему Правительство исполнять, удушение образования финансовой петлей давно бы прекратилось.

Когда же теоретики «яблочной» партии утверждают или предлагают действительно что-то своеобразное, оно сразу вызывает тревогу. Вот лишь два примера.

Во-первых, в программе утверждается, что главная причина кризиса в образовании — это недостаток не столько денег, сколько законодательной базы и механизмов финансирования. Иными словами, изобретатели очередного «вечного двигателя» полагают, что если бы Президент Ельцин подписал не 17, а, например, 27 законов, подготовленных нашим Комитетом, и если бы деньги на образование, количество которых по сравнению с советскими временами уменьшилось, по крайней мере, в восемь раз, мы поделили по-другому, система образования могла бы выйти из кризиса. Видимо, сравнительно благополучная московская жизнь способствует амнезии. Иначе авторы наверняка вспомнили бы про своих предшественников — за-кройщиков «тришкина кафтана» и перестали бы заниматься бесконечной дележкой жалких денежных потоков (скорее ручейков), выделяемых государством на цели образования. Впрочем, быть может, они не знают, что пересчитанный в доллары федеральный бюджет России уже на 10% меньше бюджета Греции или Финляндии, в 2 раза меньше бюджета Швеции и в 3,5 раза меньше бюджета Голландии, что весь федеральный бюджет образования сравним с бюджетом крупного американского университета! Таковы результаты «реформ», которые по сути поддерживались «яблочной» псевдоопозицией и в срыве которых теперь умудряются обвинить Комитет по образованию и науке!

Вторая ключевая идея «яблочной» программы относится уже не к деньгам, но к содержанию образования. Она состоит в том, что во главу угла при разработке образовательных стандартов должна быть поставлена функциональная грамотность. Грубо говоря, идея авторов «яблочной» программы сводится к тому, что каждый должен знать: нельзя совать пальцы в розетку, однако законы Ома нужны лишь будущим специалистам в электротехнике. В этом есть известная доля правды: практическую направленность образования надо усиливать. Но вводить в России американскую модель, ориентированную, главным образом, на функциональную грамотность, — значит понижать уровень образования и идти вразрез с нашими отечественными традициями. Ведь и в

советское, и в досоветское время российская система образования славилась его фундаментальностью и качеством, а также ориентацией на воспитание гражданственности и духовности. До сих пор российское образование в области естественно-математических дисциплин значительно лучше американского, а наши школьники занимают высокие места на международных олимпиадах. Переделывать российскую систему по американскому образцу, но без американских денег — значит ее разрушить.

Однако самое главное — это не программы, которые перед выборами не предлагает только ленивый. Главное — это реальная позиция фракции, которая проявляется при голосовании в Государственной Думе. Результаты 38 голосований по 17 важнейшим законам и законопроектам в области образования и некоторые примеры таких голосований сведены в таблицу. Подчеркнем: это результаты не отдельного голосования, вырванного из общего контекста, но всех важнейших голосований. Это не отдельный факт, а факты, взятые все вместе — вещь, как известно, упрямая.

Таблица

Результаты голосования депутатских объединений Государственной Думы по основным законопроектам, определяющим развитие образования в Российской Федерации

Голосование «за» принятие документа (в% к числу депутатов в объединении)

Из таблицы становится очевидным, что лучше всех в Государственной Думе второго созыва образование поддерживали левые фракции и группы: коммунисты, аграрники, группа «Народовластие». Фракция «Яблоко», которая считает себя представителем интеллигенции, занимает лишь 3-е место снизу, причем хуже всего голосовала она по законопроектам, затрагивающим интересы самых необеспеченных слоев населения (учащихся ПТУ и их родителей, детей из семей с доходами ниже прожиточного минимума и т. п.). После этого перед выборами претендовать на роль «партии образования» — значит просто обманывать людей.

Мы всегда относились к образованию как к делу не партийному, но общенациональному. За все время работы Государственной Думы второго созыва мы получили от представителей фракции «Яблоко» всего 2 законопроекта в области образования. Один, предложенный депутатом А. В. Шишловым, мы отклонили. Но не потому, что он «яблочный», а потому, что открывал возможности еще большего вытеснения бесплатного образования в вузах образованием платным. Другой, предложенный Е. Б. Мизулиной, мы поддержали. Но опять же не по фракционному принципу, а потому, что он, хотя и имеет частный характер, полезен для сохранения бесплатного высшего образования в стране. Что касается проекта закона «О гарантиях конституционных прав граждан на образование», который рекламируется в «яблочной» программе, то он в Государственную Думу никогда не вносился. (Законопроект был внесен в Госдуму третьего созыва — см. ниже в этой книге материал «Ликвидация конституционных прав под лозунгом их защиты». — **Примеч. автора.**)

Помимо результатов голосований, лучше всего о намерениях «Яблока» в области образовательной политики говорит тот факт, что фракция поддержала на выборах в Государственную Думу по одному из московских округов бывшего министра образования Эдуарда Дnepова, а Григорий Явлинский даже заявил, что в случае победы господин Дnepов станет председателем Комитета либо министром образования. По-видимому, лидер партии забыл старую, как мир, греческую философию и пытается повторно войти в одну и ту же реку. Только стоит ли? Ведь именно при Дnepове под эгидой фонда Сороса и не только в России были изданы те самые учебники, в которых целые периоды отечественной истории смешивались с грязью, а подростки воспитывались в духе ненависти к своей Родине. Неужели 10 лет недостаточно, чтобы понять: с таким сознанием молодежи возродить страну нельзя, можно только разваливать! Не случайно поддержка Эдуарда Дnepова рассматривается большинством педагогической общественности как

грубый, но отнюдь не случайный «прокол» «яблочной» политики.

Пора, однако, подвести итоги.

1. Мы с уважением относимся ко многим депутатам фракции «Яблоко» в личном качестве. Однако «яблочная» программа мер в области образовательной политики, подобно яблочному вину советского периода, представляет собой в лучшем случае суррогатный продукт. Все хорошее в программе не ново, а все новое — не хорошо.

2. На протяжении четырех лет работы Государственной Думы второго созыва действительной партией образования были именно левые фракции и группы, более всех разрабатывавшие законы, направленные на защиту образования, и лучше всех за эти законы голосовавшие. Попытка «яблочных» идеологов возложить на Комитет Госдумы ответственность за кризис образования есть прямая ложь, перекладывание вину с больной головы на здоровую и фактическая апология той самой президентской «команды», противником которой «Яблоко» в эти годы пыталось себя представить.

3. Разделившись перед выборами на сторонников тех или иных партийных списков, нам, российским интеллигентам, не стоит забывать, что с выборами жизнь не кончается и что в конце концов право принадлежать нашей общей партии — партии образования — имеют люди разных политических убеждений. Если только они стремятся к этому не перед выборами, но всегда. И при этом не оскорбляют ложью себя и других.

**ДОКЛАД И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА ПАРЛАМЕНТСКИХ СЛУШАНИЯХ
«О ПРОЕКТЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА»
«О КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВАХ ГРАЖДАН НА ОБЩЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ»**

Москва, Государственная Дума. 2000 год, 19 сентября.

Из стенограммы парламентских слушаний. Текст отредактирован автором

Ликвидация конституционных прав под лозунгом их защиты

Уважаемые коллеги! Комитет поручил мне выступить сегодня с докладом, однако по этому вопросу никаких решений пока не принимал. Поэтому сегодня я высказываю личную точку зрения, которая обсуждена с частью членов Комитета и его председателем.

В условиях дефицита законодательных инициатив в области образования, в условиях, когда некоторые думские фракции пытаются заменить реальную работу по защите образования информационным шумом, можно только приветствовать внесение в Государственную Думу конкретных законопроектов, в данном случае — тремя депутатами фракции «Яблоко». Более того, хочу назвать несколько концептуальных положений законопроекта, которые заслуживают активной поддержки.

1. В плане межбюджетных отношений это замена трансфертов регионам, в которых якобы все предусмотрено, но на самом деле средств ни на что не хватает, целевыми субвенциями. Эта идея плодотворна. В свое время мы уже вносили аналогичный законопроект, а также соответствующие поправки в Бюджетный кодекс и другие бюджетные законы Российской Федерации.

2. Установление работникам образования таких же надбавок к заработной плате и иных социальных выплат, которые получают государственные чиновники. Это также абсолютно справедливо и никаких сомнений не вызывает.

3. Введение субсидиарной ответственности бюджетов более высокого уровня за финансирование образовательных учреждений, если в муниципальных или региональных бюджетах средств недостаточно. Идея плодотворна, ибо государство на уровне федерации и ее субъектов не может устраниваться от ответственности за реализацию права на образование своих граждан, которое установлено Конституцией или федеральными законами.

4. Введение независимого контроля качества образования также не вызывает сомнений хотя бы потому, что уже 8 лет (с 1992 года) прописано в Законе Российской Федерации «Об образовании».

5. Создание специальных бюджетных фондов поддержки образования. В образовательном законодательстве это новелла, и хотя Правительство и Правовое управление Госдумы выступают против, мне она представляется заслуживающей внимания.

К сожалению, перечисленными положениями основные достоинства законопроекта исчерпываются, и далее речь пойдет о позициях либо весьма спорных, либо, на мой взгляд, совершенно не приемлемых. Более того, сравнительный анализ двух версий законопроекта (одна из которых была представлена летом, а вторая представлена сейчас) показывает, что с юридико-технической стороны новая версия стала лучше, а с концептуальной — значительно хуже. Вот лишь некоторые примеры.

Позиция первая, общая для обеих версий законопроекта. Само его название — «Об обеспечении конституционных прав граждан на общее образование» — вызывает сомнение, причем сразу по двум причинам. С одной стороны, в статье 43 Конституции Российской Федерации гражданам гарантируется общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования, но не гарантируется общедоступность и бесплатность среднего (полного) общего и начального профессионального образования. Тем самым Конституция допускает, в частности, возможность перевода на платную основу обучение в старших классах общеобразовательной школы.

Хотел бы напомнить, что на парламентских слушаниях в Государственной Думе в 1994 году представители органов управления образованием и педагогического сообщества Москвы задавали недоуменные вопросы следующего характера: «Как в статье 43 Конституции могла оказаться такая формулировка? Мы же перед референдумом звонили в Администрацию Президента РФ, и нам отвечали: вы только проголосуйте за Конституцию, а потом мы все поправим!» Учителя проголосовали и теперь не знают, как изменить Конституцию, которая не гарантирует бесплатность и общедоступность старшей школы. Впрочем, степень политической наивности и доверчивости наших граждан — это отдельная тема, на которой я здесь останавливаться не буду.

Отнюдь не случайно, что авторы двух заключений на законопроект, а именно: Правительство и Правовое управление Государственной Думы, — не смогли однозначно определить предмет регулирования. Одни полагают, что данный законопроект призван гарантировать только право на основное общее образование, а другие — что это относится к праву на получение общего образования в целом. Поскольку очевидно, что здесь возможны разные толкования, законопроект можно понимать в смысле ревизии положений пункта 3 статьи 5 Закона Российской Федерации «Об образовании», обязывающих государство гарантировать гражданам бесплатность и общедоступность не только основного общего, но и среднего (полного) общего образования. Ясно, что статья 43 Конституции ограничивает права граждан на образование, а потому ее нужно менять, а не подстраивать под нее действующее законодательство.

Другой вопрос, что внести поправки в действующую Конституцию Российской Федерации очень непросто, поскольку с точки зрения порядка изменения она принадлежит к сверхжестким, является одной из самых жестких в мире. Для внесения поправки в статью 43 (глава 2) необходим либо референдум, либо созыв Конституционного собрания. Предложения об изменении редакции статьи 43 Конституции РФ еще в 1994 году были внесены Советом Федерации, депутатом которого я тогда был, но по названным уже причинам до сих пор не реализованы.

Позиция вторая. Закон Российской Федерации «Об образовании» (статьи 11 и 11 прим.) предусматривает, что организации, осуществляющие образовательную деятельность, могут создаваться исключительно в организационно-правовых формах, предусмотренных законодательством для некоммерческих организаций, а государственные и муниципальные организации — только в форме учреждений. Законодатель таким путем стремился ограничить коммерциализацию сферы образования. Напротив, обсуждаемый законопроект легитимизирует деятельность образовательных организаций в любых организационно-правовых формах. А поскольку он принимается

позднее базового Закона, вслед за этим в сфере образования могут появиться АО, ЗАО, ТОО, ООО, ИЧП и масса других организаций «с неограниченной безответственностью». При этом коммерческие интересы восторжествуют над образовательными.

Еще важнее другое. Возможность реализации даже тех ограниченных прав в области образования, которые прописаны в статье 43 Конституции, гарантируется государством именно в государственных и муниципальных образовательных учреждениях (либо на предприятиях), но отнюдь не в любых организациях. Другими словами, замена в обсуждаемом законопроекте учреждений на организации не только не обеспечивает, но напротив, фактически отменяет действующие конституционные гарантии. И это второе доказательство полной несовместимости названия и содержания законопроекта.

Если это ошибка, то очень грубая. Авторам законопроекта следовало бы познакомиться с той острой и длительной дискуссией, которая по данному вопросу происходила в Верховном Совете РФ и Государственной Думе первого созыва при прохождении первой и второй редакций Закона РФ «Об образовании». Если это концепция закона, ее следует категорически отвергнуть. Одного этого положения достаточно, чтобы вредные последствия закона многократно превзошли его позитивные моменты. При таком подходе образование, повторю, окажется лишь одним из способов коммерческой деятельности, образовательные учреждения потеряют часть налоговых льгот, педагоги — право на заработную плату и пенсии за выслугу лет, установленные законом, студенты — право на отсрочку от военной службы, а все граждане — конституционные гарантии права на образование.

Позиция третья. Весьма спорным представляется раздел проекта, посвященный государственному образовательному стандарту. И вот по каким причинам.

Во-первых, понятие образовательного стандарта в обсуждаемом законопроекте расходится с его трактовкой, установленной в пункте 1 статьи 7 Закона Российской Федерации «Об образовании». Так, минимальное содержание образования объявляется состоящим из дидактических единиц, хотя само понятие дидактической единицы не определяется. Поскольку стабильность законодательства — одно из условий его действительности, не вижу смысла в том, чтобы без крайней необходимости менять уже устоявшиеся положения.

Во-вторых, проект предполагает возможность замены учебных предметов интегрированными курсами, что фактически уничтожает стандарт. Любая школа сможет по своему проинтегрировать эти учебные курсы. Одна сделает крен в сторону биологии, другая — химии, третья — физики, а четвертая — географии. Как после этого выпускники будут сдавать единый общенациональный экзамен, который, кстати сказать, в законопроект уже включен, знают только его авторы да «ночь глубокая».

В-третьих, по меньшей мере спорным является предложение установить в законе 11-летний срок обучения в полной средней школе. Более продуктивной представляется идея разноскоростного обучения, которая мною уже озвучена на парламентских слушаниях по двенадцатилетнему образованию и к которой стали более серьезно относиться в Министерстве образования России. Суть идеи состоит в том, чтобы в разных регионах и разных школах, в зависимости от уровня подготовки детей, дать возможность освоения одной и той же (условно говоря, 12-летней) программы и за 10, и за 11, и за 12 лет. Это позволило бы более дифференцированно подходить к детям, не сдерживая развитие личности наиболее способных, и даже избежать лишних бюджетных затрат.

Кстати, что касается вопроса о введении 12-летней школы, за право быть первым противником которой шумно спорят между собой разные депутаты и целые политические фракции, то могу отослать вас к нашей совместно с И. И. Мельниковым публикации в журнале «Школьное обозрение», которая вышла в свет существенно раньше, чем начался информационный шум. В ней была четко сформулирована позиция Комитета, включая возможные положительные и отрицательные стороны двенадцатилетки в России, и общий вывод о том, что в данный момент ее введение не подготовлено и непродуктивно.

В-четвертых, фактически сегодня нам представлен проект закона не о государственном образовательном стандарте, но о том, как этот стандарт принимать. Так,

из проекта мы почти ничего не узнаем о минимальном содержании образования как ключевом элементе стандарта. Я солидарен с авторами в том, что разрабатывать минимальное содержание образования должны не столько чиновники или депутаты, но прежде всего представители педагогического сообщества. Такую идею мы высказывали давно, а в настоящее время уже работает федеральный координационный совет по общему образованию, в который вошли по 10 экспертов, предложенных профильными комитетами Госдумы, Совета Федерации, Министерства образования, Правительства РФ, Российской Академии образования и Российской Академии наук, причем не менее половины в каждой десятке — это практически работающие педагоги. Однако неверно, будто закон вообще должен обходить вопросы содержания образования. Даже если мы совместно придем к выводу, что это содержание как элемент стандарта не должно непосредственно включаться в «тело» закона, законодатель обязан расставить все необходимые «флажки», которые будут определять направление деятельности в этом отношении исполнительной власти, чтобы с каждым новым Президентом, с каждым новым министром образования содержание школьных программ не менялось. Пора, например, положить конец ситуации в преподавании истории, когда Россия оказывается страной с непредсказуемым прошлым.

Не менее важно, что образование и фактически, и юридически — это процесс не только обучения, но и воспитания. В базовом законе оно даже поставлено на первое место. Однако в обсуждаемом законопроекте государственный образовательный стандарт понимается исключительно как некий набор требований к обучению. Мы, конечно, знаем, что воспитательные возможности закона ограничены по определению. Обычно закон регулирует предельные случаи человеческого поведения. Образно говоря, он либо поощряет героев, либо наказывает преступников. Но именно поэтому законодатель не должен отказываться от тех скромных возможностей воздействия на ценностную сферу человеческой жизни, которые ему доступны, не должен отдавать эти вопросы на откуп кому бы то ни было. Я не принадлежу к сторонникам механического заимствования зарубежного опыта, однако не учитывать его, как и свой собственный, нельзя. Достаточно посмотреть, как нацелены на воспитание образовательные системы США, Франции или Японии, чтобы убедиться: школа должна вернуться к воспитательной работе, хотя и на новой основе. Государственный образовательный стандарт может и должен в этом помочь.

В-пятых, проект предлагает ввести две различные процедуры: государственную итоговую аттестацию и государственную сертификацию качества подготовки выпускников. По результатам государственной сертификации должны выдаваться государственные именные финансовые обязательства (ГИФО) с различным денежным содержанием. В этой части законопроект слишком поспешно повторяет правительственные предложения по реформированию образования, именуемые обычно, как концепция Грефа. Однако в этом вопросе (как и во многих других) концепция более чем сомнительна.

1. Этот сюжет явно выходит за рамки предмета регулирования законопроекта (обеспечение гарантий прав граждан на общее образование) и затрагивает отношения, связанные с реализацией права на образование профессиональное.

2. Как показывает опыт Казахстана, введение ГИФО по результатам единого экзамена приводит к сокращению числа бесплатных учебных мест в государственных профессиональных учебных заведениях. Сомневаюсь, что стоит тратить деньги на аналогичные эксперименты в России. Достаточно послать группу объективных экспертов в Казахстан, где все это уже проделано по рецептам Мирового банка и МВФ.

3. Если предложенная модель ГИФО будет реализована, это не уменьшит, а увеличит неравенство прав граждан в области образования, что легко показать на простом примере. Представим себе двух детей: одного из семьи «нового русского» средней руки, а другого — из семьи сельского учителя. Если в семье сельского учителя родится Ломоносов, он все равно блестяще сдаст любой экзамен и будет учиться, какие бы реформы вы над ним ни проводили. Но мы говорим о детях с примерно равными способностями. При новой системе репетиторство вовсе не упраздняется, как нам часто рассказывают, но школьников готовят к сдаче не вступительных экзаменов, а единого общенационального экзамена.

Семья «нового русского», естественно, нанимает репетитора долларов за 50 в час, а семья сельского учителя — скажем, за пять рублей в час. Легко понять, что в среднем национальный экзамен гораздо лучше сдадут дети из семей с более высокими доходами по сравнению с детьми из так называемых простых семей. Причем те, кто сдал экзамены лучше, будут учиться в государственных вузах бесплатно, а кто сдал чуть похуже, будут доплачивать за учебу из родительского кармана, хотя карманы, например, бюджетников в России уже давно вывернуты. Даже международные организации, включая Организацию экономического сотрудничества и развития, уже неоднократно указывали России на недопустимо высокий уровень неравенства возможностей в сфере образования. Однако предложенная модель ГИФО не только не решает проблему, но это неравенство еще более усиливает.

4. Опыт многих развитых стран, например, Великобритании, показывает, что социальное кредитование и другие формы поддержки студентов поставлены там в зависимость не столько от успешности сдачи национального экзамена, сколько от социального положения семьи студента, т. е. направлены на ограничение социального неравенства. Обещая модернизацию, отечественные проектировщики реформ, как уже не раз бывало, идут в прямо противоположную сторону.

5. Представляется, что в этой части обсуждаемый законопроект еще хуже, чем «Программа Грефа», которая, по крайней мере, предполагает апробацию подобных нововведений путем проведения эксперимента в ряде регионов России, а окончательное решение ставит в зависимость от результатов. Но что мы будем делать, если сначала все это запишем в закон, а потом эксперимент провалится? Срочно принимать новый закон об отмене прежнего закона? Ясно, что законы так не пишутся.

В-шестых, помимо понятия государственного образовательного стандарта авторы проекта без нужды пытаются изменить значительную часть терминологии базового Закона «Об образовании», а вместе с ней мимоходом иногда и его нормы. Например, термин «государственная аттестационная служба» заменяется термином «федеральная служба контроля качества образования». При этом непонятно, чем второе название лучше первого. Точно так же базовый Закон устанавливает возможность введения специальных образовательных стандартов для лиц с отклонениями в развитии. В законопроекте же говорится лишь об особенностях реализации образовательного стандарта для таких лиц. Однако совершенно очевидно, что, к примеру, часть детей с ментальными проблемами никогда не освоят программу, соответствующую стандарту среднего (полного) общего образования, какие бы особенности его реализации ни были установлены. Базовый закон здесь точнее, чем обсуждаемый законопроект.

Позиция четвертая. Механизмы финансирования и финансовые потоки в образовании. Как уже сказано, в этой части законопроект содержит много интересного. Однако, наряду с достоинствами и перекрывая их, в нем представлен ряд ошибочных или даже вредных положений.

Во-первых, в первой версии законопроекта «Деньги следовали за учеником», но не все, и это было правильно. Во второй версии подушевое финансирование предлагается в качестве единственного финансового механизма. Говоря иронически, можно, конечно, радоваться, что образование трактуется как сфера, где не человек гоняется за деньгами, а деньги — за человеком. Однако опыт показывает, что не могут все деньги следовать за учеником, не могут по одинаковым подушевым нормативам финансироваться городская школа с классами по 30 детей и сельская школа с классами по 12. Точно так же не могут по одинаковым нормативам финансироваться ПТУ, одно из которых обучает медсестер, другое — станочников. Это ясно, как Божий день. Здесь требуются различные затраты, а это значит, что необходимо, наряду с чисто нормативным финансированием, предусмотреть возможность финансирования с учетом региона, профиля и иных специфических особенностей данного образовательного учреждения. В той или иной мере деньги всегда следовали за учеником или студентом, в т. ч. и в советский период, но этот механизм не может быть единственным. Такова концепция базового Закона. Эта концепция конкретизирована в федеральных законах «О государственной поддержке начального

профессионального образования», «О неотложных мерах по государственной поддержке начального профессионального образования» и «Об образовании лиц с ограниченными возможностями здоровья (специальном образовании)», отклоненных Президентом Ельциным. Все это мы уже не раз пытались объяснить нашим коллегам — специалистам по реформам, но не специалистам по образованию, в т. ч. в 1997—1998 годах.

Во-вторых, не вполне ясно, какой объем средств будет концентрироваться в федеральном общеобразовательном бюджетном фонде. В проекте, с одной стороны, говорится о том, что эти средства должны обеспечивать реализацию федерального компонента государственного образовательного стандарта, а мы договаривались с Министерством образования России о том, что федеральный компонент государственного образовательного стандарта общего образования должен составлять примерно 70% объема содержания образования. С другой стороны, утверждается, что федеральный общеобразовательный фонд должен субсидировать соответствующие фонды субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в случае нехватки их собственных средств на реализацию нормативов бюджетного финансирования в данном регионе или муниципалитете. Поэтому неясно, какую именно финансовую нагрузку берет на себя федеральный бюджет. Это важная недоработка, хотя и не порок законопроекта. Точно также непонятно, какая часть налогов, перечисленных в законопроекте (НДС, налог на прибыль, лицензионные сборы и т. п.) будет направляться в целевые бюджетные общеобразовательные фонды.

В-третьих, заслуживает серьезного внимания точка зрения профсоюза работников образования и науки о том, что субсидиарная финансовая ответственность государственных бюджетов за обеспечение школьного образования предполагает и введение совместного учредительства общеобразовательных учреждений. Законопроектом это не предусматривается, хотя Законом РФ «Об образовании» допускается.

Позиция пятая. Оплата труда в системе образования. Безусловно поддерживая идею введения работникам образования надбавок к заработной плате, установленных для госслужащих, предложенную в статье 25 обсуждаемого законопроекта, прямо скажу: в целом предложенные его авторами нормы оплаты труда педагогов намного хуже, чем в действующем базовом Законе.

В пункте 3 статьи 25 законопроекта читаем: «Ставки педагогических работников устанавливаются в размере, пропорциональном величине средней заработной платы в Российской Федерации, применяемой для исчисления пенсии. Коэффициент пропорциональности устанавливается федеральным законом». Этот текст вызывает множество вопросов.

Во-первых, действующий базовый Закон четко говорит о том, какими должны быть размеры средних ставок и окладов работников образования. Причем согласно Закону, они определяются не волей Правительства или депутатов, а объективными показателями: уровнем средней заработной платы в стране и ее уровнем в промышленности. Вводя эти нормы в первую редакцию Закона, мы специально изучали зарубежный опыт, советовались с профсоюзами. Поскольку в этой части Закон не исполняется, понятно было бы, например, предложение о его поэтапной реализации в течение, скажем, трех лет, как это мы предлагали в специальном законе, отклоненном Президентом Ельциным и в проекте национальной доктрины образования в Российской Федерации. Однако совершенно неясно, зачем отказываться от простого и объективного механизма, заменяя его размытыми положениями и фактически отдавая решение вопроса в руки правительственных чиновников, на их произвол.

Во-вторых, по поводу средней заработной платы, применяемой для исчисления пенсий, которую теперь хотят использовать в системе образования, стоит сказать отдельно. Напомню, начиная с 1998 года длится тяжба между Государственной Думой и Правительством по поводу того, на основе какой именно заработной платы исчислять пенсии, причем дело не раз доходило до Верховного Суда. Одни полагают, что это должна быть начисленная заработная плата, другие — что фактически выплаченная, а третьи —

что произвольно установленная Правительством. Зачем закладывать в новый закон тот самый механизм, который не оправдался в старом Законе № 113 «О порядке исчисления и увеличения государственных пенсий», понять невозможно.

В-третьих, ссылки на то, что коэффициент пропорциональности между средней заработной платой в стране и ее величиной, на основе которой будут рассчитываться ставки и должностные оклады педагогических работников, определяется федеральным законом, ничего не меняют. В принципе Правительство может установить такой коэффициент пропорциональности, что с учетом всех надбавок заработная плата педагогов окажется такой же или даже ниже, чем сейчас. Да, мы в Государственной Думе начнем возмущаться, потребуем повышения коэффициента, даже примем специальный закон, но Совет Федерации или Президент его отклонят. Поскольку же закона нет, Правительство своим собственным постановлением (либо Президент — указом) введет такой коэффициент, какой сочтет нужным: не оставаться же учителям без заработной платы!

Вот вам пример политико-шахматной комбинации, простой, как детский мат. Представим себе, что некий ультрамонетарист в Правительстве или просто премьер с ироническим складом ума решил доказать авторам законопроекта, что хотели они, как лучше, а получится — как всегда. Первым ходом он вносит в Государственную Думу законопроект, в котором предусматривается установление коэффициента пропорциональности расчетной величины заработной платы к ее реальному уровню в стране на уровне 0,1. После этого на такую заработную плату «накручиваются» все надбавки, которые предлагаются в законопроекте, но результат оказывается меньше, чем учителя получают сейчас. Ответным ходом депутаты Госдумы отклоняют правительственный проект и пытаются предложить свой собственный, повышающим заработную плату педагогам, скажем, в два раза. Вторым ходом Президент отклоняет парламентский проект. Дума и (или) Совет Федерации попытаются преодолеть вето Президента, но конечно не набирают необходимого количества голосов. Третьим и последним ходом Правительство (или Президент) вводит такие размеры ставок и окладов в образовании, какие считают нужным. Вот и все.

Учитывая все это, я уже предлагал разработчикам и повторяю здесь: в основе системы оплаты труда педагогов нужно сохранить нормы Указа № 1 Президента России Б. Н. Ельцина (который мы готовили) и Закона Российской Федерации «Об образовании». Дополнительно к ним можно прописать самые разнообразные надбавки, доплаты и выплаты. Безусловно, труд учителя ничуть не легче, чем труд государственного чиновника, и не менее, а, может быть, даже более важен. И мы поступили бы абсолютно правильно, распространив систему оплаты труда госслужащих на педагогов. Но если законопроект будет принят в предложенном виде, мы лишим работников образования законных прав, законных оснований бороться за нормальный уровень заработной платы, не дав им ничего взамен.

Позвольте сделать некоторые выводы.

Первое. Законопроект не столько развивает, сколько пересматривает основные положения базового Закона РФ «Об образовании» и отчасти — Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». Причем во многих случаях в сторону ухудшения. Если законопроект в таком виде когда-нибудь будет принят, он принесет намного больше вреда, чем пользы.

Второе. Однако, и это видимо к счастью, законопроект имеет очень мало шансов пройти через Парламент. Он объединяет три совершенно различных сюжета, три концептуальные идеи, по каждой из которых есть свои противники. Предложенная модель стандарта имеет одних противников, подушевое финансирование — других, а повышение заработной платы наверняка найдет третьих противников, прежде всего в финансовых структурах. Поэтому в данной редакции судьба закона предрешена.

Третье. Считаю неверной исходную посылку разработчиков проекта, которую в свое время вычитал в программе фракции «Яблоко», а именно: будто в таком виде трудности с финансированием образования, с оплатой труда учителей и т. п. связаны главным образом

с пробелами в действующем законе. В действительности, хотя пробелы, конечно, есть, главная беда в другом.

В последние годы в России наблюдается своеобразное сочетание юридического фетишизма с юридическим нигилизмом. Если в стране что-то плохо, говорят: нет закона либо закон плох. Но как только закон принимается, те, кому его положено реализовать, заявляют: закон нереалистичный, исполнять его не будем. В самом деле, кто мешает исполнять предписания Закона Российской Федерации «Об образовании» (равно как и положения Указа Президента Ельцина № 1) об оплате труда педагогических работников? Никто. Где гарантии того, что в случае принятия обсуждаемого законопроекта новый закон будет исполняться лучше, чем предыдущий? Тем более что пробелов (я бы сказал даже — «дыр») в нем гораздо больше, чем в ныне действующем базовом Законе.

Четвертое, и, может быть, главное. Я уже говорил разработчикам проекта, что следовало бы отделить зерна от плевел или, как иногда говорят, мух от котлет. Стоило бы разделить законопроект на несколько частей, провести их доработку и вносить отдельными законопроектами либо поправками к Закону РФ «Об образовании». Уверен, что многие депутаты поддержат интересные идеи, связанные с механизмами финансирования и с введением надбавок к заработной плате работников образования.

В заключение хочу еще раз сказать, что мы в Комитете по образованию и науке приветствуем самые разнообразные законодательные инициативы независимо от того, кто является их автором, но при одном условии: они должны быть направлены на поддержку системы образования и защиту прав граждан в этой области, а не в противоположную сторону.

* * *

Уважаемые коллеги! Подводя итоги дискуссии, хотел бы еще раз уточнить ряд позиций и отреагировать на некоторые из прозвучавших замечаний. При этом, поскольку Григорий Алексеевич Явлинский персонально дискутировал со мной, позволю себе персональную полемику с отсутствующим, к сожалению, Григорием Алексеевичем.

Сразу замечу, что сегодня мы имеем тот случай, когда Григорий Алексеевич был неправ, причем трижды.

Во-первых, абсолютно неверно, будто Конституция жестко ограничивает наши действия по защите права на образование. Да, 43-я статья Конституции написана либо бездарно, либо с намерением нанести вред отечественному образованию. В 1993 году не только Григорий Явлинский, но и я выступал против ее принятия. Однако Конституция, не позволяя еще больше ограничивать права граждан в области образования, к счастью, вполне позволяет их расширять. Именно это мы и сделали с Законом РФ «Об образовании», статья 5 которого гарантирует гражданам помимо тех прав, которые установлены Конституцией, также право на общедоступное и бесплатное среднее (полное) общее и начальное профессиональное образование. То же самое мы собираемся сделать Законом «О дополнительном образовании», поскольку право на такое образование напрямую не прописано в Конституции и недостаточно прописано в базовом Законе. Иначе говоря, мы не только можем, но и должны выходить за конституционные рамки, но лишь в сторону расширения, а не ограничения прав граждан.

Во-вторых, по поводу критики базового Закона и нашего отношения к нему, как к «священной корове». Уважаемый Григорий Алексеевич продемонстрировал явные проблемы с логикой, причем типично российские. С одной стороны, он заявил, что если положение в образовании плохое, то причины надо искать в базовом Законе. С другой же, утверждал, что Россия живет вовсе не по законам, что, к сожалению, справедливо. Так, может быть, пора понять, что причины кризиса в образовании не в законе, а в его неисполнении? Например, в проводимой экономической политике, при которой денег на образование нет и не будет?

Специалисты говорят, что любое техническое устройство должно быть «дуракоустойчиво» (да простится мне непарламентское выражение). Но любой закон к

тому же должен быть еще и «вредителюустойчив». Я никогда не был сторонником теории заговора и не склонен где бы то ни было искать преднамеренных врагов образования, однако опыт говорит: как только в законе образуется «дырка», ее немедленно используют для того, чтобы ограничить те гарантии, которые предоставляет гражданам закон. Обсуждаемый законопроект число таких «дырок» увеличивает на порядок. Но если у Вас болит горло и стрептоцид не помогает, это не значит, что следует стрептоцид менять на касторку.

Наконец, в-третьих, Григорий Алексеевич утверждал, будто учителя не представляют собой политической силы. Это неверно. Официальная статистика и профсоюзы подтверждают, что именно работники образования в России 90-х годов стали лидерами по участию в акциях протеста. В нормальной ситуации это было бы абсурдно. В ситуации абсурда это норма. Быть может, протестные действия работников образования не вызывают такого резонанса, как акции шахтеров, но, на мой взгляд, они не менее значимы.

Теперь о других позициях, по которым возникали дискуссии. Начнем со стандартов.

Уважаемые коллеги! Это не первый законопроект о государственном образовательном стандарте, который мы имеем. Я вас уверяю: если бы заказные журналисты были правы и Комитет Госдумы второго созыва хотел бы проташить, вопреки мнению педагогов, закон о стандарте, такой закон, по крайней мере, на уровне Госдумы, был бы принят. На самом деле мы потому и не спешим с законом о стандартах, что вопрос слишком сложен, и хотели дождаться времени, когда возникнет относительное согласие по этому поводу в педагогическом сообществе.

Кстати, в Комитете мы уже предварительно осуждали возможность проведения парламентских слушаний по стандартам высшего профессионального образования, хотя это компетенция Правительства. Думаю, будет абсолютно правильно запланировать следующие парламентские слушания по содержанию общего образования. Согласен с теми, кто сегодня говорил: неправильно сначала составлять и утверждать сетку часов, а уж затем подгонять под нее содержание образования. Логика требует прямо противоположного.

В чем абсолютно поддерживаю уважаемого Анатолия Георгиевича Каспаржака — это в том, что в любом законе о стандартах обязательно должны быть прописаны экспериментальные школы. Вне всякого сомнения. Иначе любую свободу экспериментов в образовании мы уничтожим, и это будет неправильно.

Далее, замечание об отсутствии системности законодательства в области образования я принимаю. Действительно, если бы все было бы нормально, в начале 90-х годов необходимо было сначала принять национальную доктрину образования, затем базовый Закон «Об образовании», затем Федеральную программу развития образования и, наконец, серию законодательных актов, которые бы эти конкретизировали. Однако Доктрины до сих пор нет (утверждена Постановлением Правительства № 751 от 04.12.2000 г.). Федеральная программа утверждена совсем недавно. Базовый закон действует с 1992 года, поэтому в нем оказались доктринальные идеи и, отчасти, идеи федеральной программы. Так сложилось. Революция — это не то время, когда действует право, когда можно следовать законодательной логике. В революционное время правом обычно прикрываются, но исполняют его нормы «по мере возможности».

Конечно, очень хотелось бы хотя бы сейчас систематизировать законодательство и законотворческий процесс. Но, по крайней мере, до недавнего времени (двухлетней давности) дело обстояло так: идеи — у одних, деньги — у других, власть — у третьих. И никак не удавалось согласовать законодательные инициативы между всеми субъектами. Лишь в последнее время появился шанс наладить нормальное взаимодействие в этой области. У нас есть план законодательных работ, который обсужден и с профильным комитетом Совета Федерации, и с Министерством образования. К сожалению, Правительство не всегда поддерживает те законопроекты, по которым мы находим с Министерством образования общий язык. Далее, коллеги, хотел бы сказать, что часть дискуссии, на мой взгляд, основывалась на недоразумениях. Мне уже приходилось на пленарном заседании Государственной Думы советовать моим коллегам — начинающим

законодателям в области образования, пользуясь терминологией булгаковского героя, читать перед обедом не советские и не антисоветские газеты, но законы.

Так, здесь говорили, что обсуждаемый закон поможет решить вопрос с заработной платой учителей. Однако заработная плата давно прописана в Законе РФ «Об образовании». Причем прописана очень конкретно: средние ставки педагогов в образовании — не ниже средней заработной платы в промышленности. А если говорят, что нет механизмов реализации, почему Президент России дважды отклонял Федеральный закон «О порядке определения размеров средней ставки и должностного оклада работников образовательных учреждений», в котором механизм прописан: кто, что, как, когда должен делать, чтобы этот Закон исполнялся? Более того, этим Законом мы давали Президенту и Правительству рассрочку в три года, чтобы исполнить нормы статьи 54 базового Закона «Об образовании». Но все равно получили вето. Разве в законопроекте, который нам сегодня предлагают, улучшаются нормы, касающиеся заработной платы? Нет, намного ухудшаются. Должен сказать это совершенно прямо. Так откуда надежда, что станет лучше?

Мне кажется, Александр Владимирович Шишлов прав в дискуссии с представителями профсоюзов. Мы не можем сказать, что представленный законопроект уменьшает тарифную сетку работников образования на 15—20% по сравнению с действующей. Не можем, поскольку в Законе просто нет расчетной базы. Но именно в этом, с моей точки зрения, заключается слабость закона. Он прописан так, что позволяет Правительству делать с заработной платой все что хочется: как увеличивать, так и уменьшать, хоть в два раза. Поэтому расчетную базу в Законе конечно нужно прописать.

Еще раз о замене учреждений организациями. Могу лишь посоветовать коллегам открывать статью 11 прим. базового Закона. Там четко написано, что в сфере образования могут создаваться не только учреждения, но все формы некоммерческих организаций. Почему считается, что этого мало? Или все-таки разработчики хотят создавать ИЧП, ООО, ТОО, АО, ЗАО и другие организации? Да, Бюджетный кодекс мы в Государственной Думе проиграли. Кстати, вносили его депутаты фракции «Яблоко». Единственное, что удалось отыграть, это статья в Федеральном законе «О введении в действие Бюджетного кодекса», где написано (цитирую по памяти): законы в области образования, науки и культуры, принятые до вступления в действие настоящего Кодекса, продолжают действовать и после его принятия до внесения в них соответствующих изменений. Это серьезная позиция, которая позволяет образовательным учреждениям в части вашего финансирования использовать не нормы Бюджетного кодекса, а нормы законов в области образования.

Несколько слов о свободе в сфере образования. Да, коллеги, правы те, кто говорят, что по факту свобода сворачивается. В конце 80-х годов был период, когда свободу уже дали, а деньги еще не отобрали. В начале 90-х годов свобода вроде бы сохранилась, но отобрали деньги. Сейчас начинают отбирать и остатки свободы. Но только закон здесь ни при чем.

Откройте 32-ю статью базового Закона, где четко прописана компетенция образовательного учреждения. Уверяю вас, если бы Закон исполнялся, вряд ли кто-то жаловался бы на недостаток свободы.

Перехожу к заключению. Сторонники представленного законопроекта нам все время говорили: «Не критикуйте, а предлагайте». Но именно это мы и делали все эти 10 лет. Даже знаменитый Указ № 1 для Президента Ельцина написан нами. Нами разработаны и приняты две редакции Закона «Об образовании» и Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». Кстати сказать, в нем есть не только нормы оплаты труда работников высшей школы, но и механизмы их реализации. Откройте 30-ю статью и прочтите, что должно было сделать Правительство за несколько месяцев после принятия этого самого Закона. А еще в действующих законах есть нормативы финансирования, независимая государственная аттестационная служба, доля национального дохода и федерального бюджета, которая должна выделяться на образование, уровень оплаты труда работников, нормы, затрудняющие закрытие

образовательных учреждений и т. д. и т. п. — в том числе многое из того, что выдается за новаторские достижения нового законопроекта.

Думаю, законодатель, как и врач, должен был бы давать клятву Гиппократу: не навреди! Когда закон не исполняется, нужно искать причины, механизмы, если требуется — дорабатывать закон, но не надо заменять его худшим вариантом.

Еще раз повторю: в таком виде законопроект поддержать не могу. Если он будет разделен на части, посвященные каждой своему предмету (финансированию общеобразовательных учреждений, оплате труда в сфере образования или специально надбавкам к заработной плате педагогических работников), готов над этим законом поработать. И не иначе.

Здесь говорили, что пока душа не болит, законы работать не будут. К сожалению, вот беда: душа болит уже 10 лет, а законы все равно не исполняются. Значит, она должна болеть не только у законодателей, но прежде всего у тех, кто должен законы выполнять, а особенно у тех, кто распоряжается деньгами.

И последнее. Хочу поддержать тех, кто говорил здесь, что нам нужно двигаться вперед. Вот только нельзя ошибиться направлением. Каждый должен нести свой крест, с помощью законов в пределах тех возможностей, которые нам отведены очень плохой Конституцией, мы обязаны исполнять свой долг, исполнять то, что обещали людям перед выборами.

Спасибо за внимание.

ЭЛИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ — ПУТЬ НЕ В БУДУЩЕЕ, НО В ПРОШЛОЕ

***Заключительное слово на парламентских слушаниях
«О концепции реформирования образования
в проекте программы Правительства Российской Федерации
«Основные направления социально-экономической политики Правительства
Российской Федерации на долгосрочную перспективу»
Москва, Государственная Дума. 14 ноября 2000 г.
Полный текст выступления, отредактированный автором***

Уважаемые коллеги!

Говоря о правительственной концепции реформирования образования, мы должны анализировать следующие основные документы:

— Распоряжение Правительства РФ от 26 июля 2000 года № 1072-р (раздел «Реформирование образования»);

— «План действий Правительства Российской Федерации в области социальной политики и модернизации экономики на 2000—2001 годы» (раздел «Реформирование образования»);

— Постановление Правительства Российской Федерации от 4 октября 2000 года № 751 «О Национальной доктрине образования в Российской Федерации»;

— Программа Центра стратегических разработок, официально представленная в Государственную Думу и более известная как программа Германа Грефа.

Надо признать: программа реформ в области образования 2000 года по нескольким позициям существенно лучше, чем в 1998 году, когда она была единодушно отвергнута образовательным сообществом. Влияние правоверного неоконсерватизма в документе заметно уменьшилось. (Именно неоконсерватизма, а не либерализма, ибо все эти проекты гораздо больше напоминают программы американских республиканцев (т. е. неоконсерваторов), нежели демократов, исповедующих либеральные ценности.) Более того, мы неоднократно сами предлагали, а потому, разумеется, готовы поддержать, хотя не всегда безоговорочно, целый ряд позиций нового документа. Среди них:

— налоговые льготы образовательным учреждениям, а также организациям и физическим лицам, инвестирующим в образование;

— превращение безличных трансфертов субъектам Российской Федерации в

окрашенные субвенции на цели образования;

— развитие общественных начал в системе образования, включая попечительские советы и иные формы участия родителей, преподавателей, студентов в управлении образованием;

— интеграция образовательных и научных учреждений;

— формирование в системе образования общегражданских ценностей и навыков, необходимых для жизни в современном обществе;

— создание независимой системы контроля качества образования.— Лет пять после принятия первой редакции Закона РФ «Об образовании» коллеги из Правительства нас за эту идею критиковали, как только могли. Теперь, кажется, до нее дозрели. Что ж, лучше поздно, чем никогда.

Особый вопрос — финансирование. В 1998 году предполагалось его вообще не увеличивать, но лишь по-другому делить остатки бюджета, которые остались в России после того, как ее реформировали «до основания». Теперь, по крайней мере, программа Грефа предлагает увеличить финансирование, и мы это, конечно, поддерживаем.

Правда, проект Национальной доктрины образования, одобренный Всероссийским совещанием работников образования в январе 2000 года, предполагал увеличение финансирования за три года до шести процентов от валового внутреннего продукта — почти как это было в Советском Союзе 30 лет назад и как это делается в ряде стран, которые действительно намерены модернизироваться. Напротив, в программе Грефа предлагалось за пять лет увеличить долю бюджетных расходов на образование на 1 процентный пункт, с 3,2 до 4,2 ВВП, а заработную плату педагогов в реальном исчислении, соответственно, примерно в 2 раза. Другими словами, и через 5 лет Закон РФ «Об образовании» в части финансирования и средних ставок зарплаты педагогов выполнять не собираются. И если сейчас средняя заработная плата учителя составляет около 35 долларов, то через пять лет она достигнет «целых» 70. Для сравнения скажу, что в индустриально развитых странах заработная плата начинающего учителя в 2000 долларов в месяц считается низкой. Но еще более печально, что в официальные правительственные документы даже эти крайне заниженные показатели программы Грефа не вошли.

Когда сегодня от уважаемого Григория Алексеевича Явлинского я услышал рассуждения в том смысле, что образованию нельзя давать много денег, которые уйдут как в «черную дыру», то невольно вспомнил известную легенду об ученике Трофима Лысенко. Этот ученик доказывал, что чем меньше лошадь кормить, тем быстрее она будет бегать, и начал приучать ее к голодной диете. Она, бедная, совсем уж было привыкла, но вот беда — сдохла!

Траты денег в образовании, конечно, нужно контролировать. Однако при нищенском финансировании бояться, как бы государство не потратило слишком много, по меньшей мере противоестественно.

Повторю: все перечисленные идеи, которые мы поддерживаем, либо с 1992 года прописаны в Законе РФ «Об образовании», либо вошли в другие законы, либо предлагались депутатами Государственной Думы и членами Совета Федерации в виде законопроектов. Чтобы их реализовать, никакой особой реформы проводить не надо. Достаточно исполнять Закон.

Когда нам говорят, что в образовании нужно что-то менять, мы сразу соглашаемся, но только добавляем: менять к лучшему. Более того, именно мы в свое время Законом об образовании открыли дорогу реформе. Хорошо бы нашим коллегам из Правительства понять: Закон — это целостная система, и нельзя выполнить одни его статьи, закрывая глаза на другие. Нельзя, например, требовать американской эффективности и платить российскую зарплату — последних педагогов из школы разгоним.

Кстати, в документах, которые мы сегодня обсуждаем, по многим позициям предлагают проводить эксперименты. С одной стороны, это хорошо: ограниченный эксперимент может спасти от неограниченной глупости. С другой стороны, в качестве альтернативы мы тоже предлагаем эксперимент: давайте выберем несколько субъектов Российской Федерации (например, мой родной Омский регион) и попробуем в них

исполнять закон Российской Федерации «Об образовании» и Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» в полном объеме, включая положенный по закону уровень финансирования, средние ставки в образовании на уровне средней заработной платы в промышленности, а в вузах — на уровне двух средних заработных плат в промышленности и т. п. Быть может, никаких других экспериментов уже не потребуется?

Вторая группа положений, которые содержат правительственные документы, имеют дискуссионный характер. Мы не собираемся ни отвергать их с порога, ни принимать на веру до тех пор, пока не будут представлены конкретные проекты. Кстати, все законопроекты депутатов Парламента направляются на заключение в Правительство, но практически никогда проекты правительственных документов не представляются на заключение в профильные парламентские комитеты. Так, например, проект Национальной доктрины образования мы разрабатывали и обсуждали вместе со всеми, кто хотел в этом принимать участие, проводили парламентские слушания и, в конце концов, отдали Правительству. Что с ними там сделали — тема отдельного разговора. Но и проекты других документов, о которых сейчас идет речь, мы, а значит, и вся российская общественность, увидели только после того, как они были подписаны. Это у нас в России называется «разделением властей», когда все власти равны, но одна намного равнее всех остальных вместе взятых.

Возьмем, например, единый экзамен. О его связи с приемом в профессиональные учебные заведения пока не говорю, хотя в правительственных документах связь эта прямая. С одной стороны, заманчиво избавить старшеклассников от необходимости дважды сдавать экзамены: выпускные и вступительные. С другой — на многие простые вопросы нам до сих пор не дали ясного ответа:

— что будет с нынешними льготниками, включая детей сирот, детей инвалидов, инвалидов I и II групп, военнослужащих?

— как быть с тестами в гуманитарных науках? Кстати, кто-нибудь спрашивал студентов, сдававших тесты, что они об этом думают? Я своих спрашивал. И они мне дружно заявили, что прием экзаменов в форме теста по истории проверяет только память и «натасканность», но вовсе не творческие способности;

— нынешняя система, по крайней мере, дает абитуриенту возможность сделать несколько попыток сдать экзамены, в том числе в разные вузы. Отмена же вступительных экзаменов предоставит повторный шанс лишь через год, да и то, насколько можно понять из текста, на платной основе;

— наконец, мне уже приходилось напоминать, что в Казахстане введение единого экзамена привело к сокращению числа бесплатных учебных мест в вузах. Интересно, кто-нибудь изучал этот опыт? Собираются ли у нас сохранить общее количество бесплатных учебных мест или, не догнав Америку, мы собираемся теперь догонять Казахстан, а затем и какую-нибудь Уганду?

Образовательному сообществу должны были сначала объяснить, как собираются решать эти и многие другие вопросы. Тогда и только тогда можно будет определить наше отношение к такой реформе.

Аналогичная ситуация с созданием университетских комплексов. Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» такую возможность давно предусмотрел. Но вопрос в другом: какими методами это будет делаться? Методами убеждения или методами «кавалерийской атаки»? Когда соблюдаются все требования Федерального закона «О сохранении статуса государственных и муниципальных образовательных учреждений и моратории на их приватизацию» в редакции от апреля 1999 года, как правило, вопросов не возникает. Когда людей что называется «ломают через колено», в Парламенте без конца появляются «ходоки» или, на новый манер, «ездоки», которые доказывают, что все эти реорганизации (слово, которое на эр начинается и никогда не кончается), наносят только вред и сводятся к желанию очередного начальника сделать начальником очередного кума или свата либо освободить помещение под очередную государственную или частную контору. Таких «ходоков» мы видели из

Питера, Саратова, Нижнего Новгорода и многих других городов.

Подчеркну еще раз: мы очень высоко ценим возможность конструктивной работы с правительственными структурами и прежде всего — с Министерством образования. Уважаемый Владимир Михайлович (Филиппов, министр образования.— **Примеч. автора**)! Мы знаем, что камня за пазухой в отношении образования Вы не держите. Но те, кого обжигали молоком, должны дуть на воду. Мы вынуждены сами и Вас призываем по отношению к разработчикам подобных проектов чаще вспоминать любимую русскую пословицу Рональда Рейгана: доверяй, но проверяй! Вот лишь два примера.

Пример первый — проект федерального бюджета на 2001 год. Откроем то самое распоряжение Правительства № 1072-р, о котором сегодня идет речь, и прочитаем:

«Безусловным приоритетом в области социальной политики являются инвестиции в человека. Именно поэтому будет предусматриваться опережающий рост ассигнований на эти цели из бюджетов всех уровней по сравнению с большинством других направлений государственных расходов».

А теперь откроем проект Федерального закона «О федеральном бюджете на 2001 год», за который Государственная Дума голосовала как тот самый делегат того самого съезда. В среднем расходная часть бюджета увеличивается на 40%, при этом расходы на образование должны были вырасти на 42% (спасибо Министерству: видимо поработало); на медицину — на 32%, на науку — на 28%, на культуру — на 25%. Николай Губенко на пленарном заседании Государственной Думы даже предложил почтить память культуры вставанием. Одновременно расходы на управление и безопасность увеличиваются более чем на 60%. Депутаты Государственной Думы ко второму чтению немного исправили положение, но цена красивых лозунгов в правительственных документах теперь всем ясна.

Перефразируя того же Рейгана, спросим: «Помнит ли крайняя правая рука в правительстве, что обещала просто правая?»

Не все знают, что ситуация с бюджетом 2001 года была уникальна и позволяла продвинуться в решении важнейшей проблемы с заработной платой в бюджетной сфере. Высокие цены на нефть, экономическое оживление в стране обеспечат уже в 2000 году дополнительные доходы федерального бюджета в 206 миллиардов, по оценке Правительства, в 250 миллиардов — по оценке бюджетного комитета, где, кстати, преобладают не левые, а правые. Дополнительные доходы на 2001 год, по данным того же бюджетного комитета, ожидаются не менее 150 миллиардов. Если бы Правительство согласилось записать их в бюджет, можно было бы поднять заработную плату не только педагогам, но также медикам, ученым и работникам культуры по меньшей мере в два раза. Однако Правительство отказалось, а послушное думское большинство проголосовало, «не приходя в сознание». Уникальный шанс упущен.

Здесь сегодня лидеры многих фракций соревновались на словах, кто больше любит образование. Но, как поется в известной песне, «не постоянная у них любовь». Вот результаты голосований за поправку об увеличении расходов на образование на 5 миллиардов рублей:

Агропромышленная группа (в которой я работаю, а потому начну с себя) — 39 из 42-х;
КПРФ — 85 из 87-ми;
Единство — 2 из 84-х;
СПС — 0 из 32-х;
«Яблоко» — 3 из 19-ти.

Соответственно за поправку об увеличении расходов на образование на 10,7 миллиарда голосовали:

Агропромышленная — 41;
КПРФ — 82;
Единство — 0;
СПС — 0;
«Яблоко» — 3.

Нужны ли еще какие-то комментарии?

Мы подготовили и скоро обнародуем данные о рейтинге поддержки образования, из

которых станет окончательно ясно, как говорили в горбачевские времена, «кто есть ху».

Второй пример — Национальная доктрина образования. Напомню: текст, подготовленный всеми нами совместно, одобрило Всероссийское совещание работников образования и «под него» дружно голосовало за выдвижение Владимира Путина кандидатом в Президенты России. То, что мы получили сейчас в виде Постановления Правительства № 751, отличается от исходного текста почти как хранитель гарема отличается от султана:

— хорошие слова сохранились, но практически все финансовые нормы либо исчезли, либо доведены до полного «разжижения»;

— в отношении заработной платы педагогов закон выполнять не собираются, но обещают, что она будет расти быстрее, чем в промышленности. Однако, судя по бюджету 2001 года, и это не выполнят;

— повышение пенсий профессорам и преподавателям вузов, которое еще в 1996 году обещал Борис Ельцин (причем Указ до сих пор не отменен) обещано повторно, но уже не от государства, а за счет средств профессиональной пенсионной системы и самих вузов. Между прочим, таким образом преподавателей вольно или невольно сталкивают со студентами: хочешь получать нормальную пенсию — заставляй всех, кто может и не может, платить за высшее образование;

— пенсию за выслугу лет педагогам, работающим с детьми, предлагается отменить и заменить надбавкой за 25-летний стаж работы. Однако, во-первых, не указан размер надбавки; во-вторых, при нынешней ситуации надбавку придется платить региональным и местным бюджетам, которые и без того отощали; в-третьих, пенсия за выслугу лет для того и давалась, чтобы опытный учитель мог работать на неполную ставку и при этом сохранить прежний уровень жизни. Надбавка же в этом смысле пенсии заменить не может, поскольку она будет уменьшаться вместе с уменьшением учебной нагрузки.

Уважаемый Владимир Михайлович (Филиппов, министр образования.— **Примеч. автора**) говорил, что текст Доктрины сохранен на 90%, и это чистая правда. Однако гению достаточно удалить маленький кусочек мозга, чтобы он превратился в дегенерата, а мужчине секвестировать менее одной десятой массы тела, чтобы он коренным образом изменил свое качество.

Не случайно после подобного «харакири» «отцы доктрины» отказываются признавать в новом документе свое детище.

Есть в правительственных документах и третья группа предложений, которые мы не можем поддержать либо в данной ситуации, либо вообще в принципе.

Так, при нищенском финансировании государственной системы образования мы не поддержим предложение отдавать государственные деньги частным вузам и колледжам. Да, собственно говоря, ассоциация негосударственных вузов так перед нами вопроса не ставила.

Не могу не заметить, что картина в этом случае получается странная. Одной рукой Правительство предлагает нам, что называется, на 100% «закрутить гайки» в отношении лицензирования негосударственных учебных заведений, а другой рукой щедро обещает им бюджетные деньги, которых и государственным учебным заведениям явно недостает. Трудно понять, то ли это особая логика, не доступная никому кроме ее создателей, то ли просто очередное проявление новой идеологии административного зажима якобы во имя экономической свободы. Как не вспомнить при этом известную историю об отличии логики, диалектики и философии?

Наша позиция в этом вопросе проста и прозрачна: Правительство выделяет на образование столько денег, сколько положено по Закону, а мы даем добро на финансирование аккредитованных негосударственных вузов. И никаких проблем.

Мы никогда не поддержим ни одного положения правительственной концепции, которое направлено или может быть направлено на создание элитарной системы образования и дальнейшее ограничение прав лиц с низкими доходами. А такие положения есть.

Открываем пункт 2 плана мероприятий и читаем: «Установление порядка оказания

дополнительных образовательных и социальных услуг на возмездной основе в дошкольных и общеобразовательных учреждениях. Установление порядка функционирования гимназий и других типов государственных средних школ, расширенный учебный план которых софинансируется родителями учащихся».

Мне уже приходилось говорить разработчикам, что Закон РФ «Об образовании» позволяет брать деньги за дополнительные образовательные услуги, но ни в коем случае не за школьную программу, хотя бы и на основе расширенного плана. Это относится и к школам-гимназиям: примите базисный учебный план повышенной сложности для таких школ, а занятия сверх этого учебного плана можно давать на платной основе. И не иначе. Постановлением Правительства, как предлагается, этого сделать нельзя. Это требует изменения в закон. Но главное в другом: подобная реформа вытолкнет из гимназий и лицеев всех, кто не может платить, и еще больше увеличит неравенство прав в области образования, на которое нам и без того указывают международные организации.

Конечно, хорошо, что Правительство обещает навести порядок в поборах и этим самым получить от них свою долю в бюджете. Но лучше бы полноценно финансировать школу по нормативам, а поборы отменить!

К таким же или еще худшим результатам приведет введение государственного именного финансового обязательства на основе результатов единого экзамена в том виде, как это предлагается авторами концепции.

Представим себе, например, двух детей примерно одинаковых способностей, одного — из семьи «нового русского» средней руки, а другого — из семьи сельских врачей тоже средней руки. Оба сдают общенациональный экзамен. Репетиторство, конечно, при этом вовсе не исчезает, а сохраняется, только абитуриентов готовят к сдаче не вступительных экзаменов, но экзамена единого общенационального. Семья «новых русских» нанимает репетитора, скажем, за 50 долларов в час; семья сельского врача — например — за пять рублей в час. Конечно, если в семье сельских врачей родится Ломоносов, он все равно благополучно сдаст любой экзамен и будет учиться, какие бы реформы вы над ним ни проводили. Однако в среднем единый экзамен гораздо лучше сдадут дети из семей с более высоким доходом, нежели дети из так называемых простых семей. Это очевидно. Причем те, кто сдал экзамены лучше, будут учиться в государственных вузах бесплатно, а тем, кто сдал чуть похуже, придется доплачивать за учебу из своего кармана, хотя в кармане учащегося из простой семьи практически ничего нет. Следовательно, неравенство возможностей в образовании еще более возрастет.

Подчеркну еще раз, что никакую «цивилизацию» мы таким способом не догоняем: опыт развитых стран, например, Великобритании, показывает, что различные формы социальной поддержки студентов, включая социальное кредитование, там поставлены в зависимость не только и не столько от успешности сдачи экзаменов, сколько от социального положения семьи и направлены на ограничение социального неравенства. Напротив, предложения типа государственного именного финансового обязательства, сокращая число бесплатных учебных мест, идут в прямо противоположную сторону.

Здесь мы явно видим вольное или невольное стремление ограничить доступ низших классов к образованию. Только на сей раз низший класс в России по уровню доходов — это практически вся бюджетная сфера, почти все крестьянство и большинство людей неквалифицированного труда. В начале XXI века издавать новые указы о «кухаркиных детях» — значит отстать от цивилизации по меньшей мере на сто с лишним лет. Без «кухаркиных детей» уважаемые господа-разработчики, в информационное общество вы никогда не войдете. Это прекрасно понимают в странах, которые Россия якобы собирается догонять. Именно поэтому Билл Клинтон предложил свою программу в области образования, а Тони Блэр постоянно цитирует Владимира Ленина: «Образование, образование и еще раз образование!» В наше время возможности достойного образования для всех — это не филантропия, не просто гуманность, даже не идеологическое требование левых. Это категорический императив для любого народа, который не хочет отстать навсегда.

Кстати, здесь выступал молодой человек, который представлял Союз правых сил и

требовал качественного образования, но, судя по всему, его не получил. Российская культура всегда нас учила, что каждый человек — ценность сам по себе, а потому не имеет цены; он же предлагал определить, кто сколько стоит, но забыл уточнить, в долларах или в евро.

Мы решительно возражаем против намерений Правительства, представленных в 103-ей статье проекта бюджета на 2001 год, немедленно передать всю систему профтехобразования на региональные и местные бюджеты. Это нарушает закон «О моратории». Это идет против здравого смысла, поскольку уже сейчас некоторые субъекты Российской Федерации, принявшие учреждения профтехобразования в свое ведение, просят вернуть их обратно на федеральный бюджет. На руках у депутатов огромное количество писем и от системы профтехобразования и от региональных руководителей, которые возражают против очередной бюджетной революции. Сколько же еще раз наши коллеги по исполнительной власти будут, как выражается один мой друг из Министерства образования, «удалять миндалины через желудок и автогеном»? И еще снова и снова кошку будут мазать скипидаром и приговаривать: «Смотрите, вылизывается, значит у нас все делается по доброй воле!»

А что сказать о планах реструктуризации малокомплектной сельской школы? Насколько можно понять, речь идет о ликвидации таких школ и переселении детей в интернаты. Экономия сомнительна: дешевле платить хорошую зарплату сельскому учителю или привозить в малокомплектные школы хороших учителей, чем обеспечивать детей полным интернатским пансионом. Зато вредные последствия очевидны: дети отрываются от семьи, от природных условий существования, а главное — село, из которого исчезла школа, неминуемо умирает. Неужели кому-то не дают покоя лавры тех, кто ликвидировал так называемые неперспективные деревни в советский период? Или все еще есть люди, полагающие, будто если на граблях написано «либеральная реформа», а не «строительство коммунизма», то эти грабли бьют не так больно и по другому месту?

Недавно в одной газете я с удовольствием прочел высказывания уважаемого мною Александра Федотовича Киселева, направленные против сокращения малокомплектной сельской школы. Я, конечно, это приветствую. Но возникает вопрос: кого слушают в Правительстве, когда подписывают постановление? Специалистов из Министерства образования или же неких серых кардиналов, которые являются не специалистами по образованию, но зато специалистами по реформам, а потому действуют по принципам: кто умеет — работает, кто не умеет — учит, кто не умеет учить — управляет?

Напомню и по этому поводу, что Закон РФ «Об образовании» допускает ликвидацию сельской школы только с согласия схода граждан, а закон «о моратории» требует еще и согласия представительных органов того уровня, в ведении которого находится данная школа. А законы в правовом государстве должны соблюдаться.

И, наконец, еще один сюжет. Уважаемый Владимир Михайлович! И в 1996—1998, и в 1999—2000 годах мне жаль денег Мирового банка, потраченных на разработку разного рода стратегий реформирования образования, в том числе из-за их качества. Так, например, в пункте 4 Плана, утвержденного Правительством, читаем: «Установление особого статуса образовательных организаций («учебное заведение») вместо существующего статуса государственных учреждений». Этот короткий текст вызывает по меньшей мере три вопроса.

1. О каких организациях идет речь? Если о некоммерческих, то Закон РФ «Об образовании» давным-давно позволяет их создавать. Если же о коммерческих, всякого рода АО, ЗАО, ООО, ОАО и прочих с неограниченной безответственностью, то мы категорически против.

2. Если вместо государственных учреждений нам предлагают создавать организации с неведомым особым статусом, не означает ли это, что реанимируется «почившая в бозе» приватизация в системе образования? Если нет, зачем убирать из названия учреждений определение «государственные»?

3. При изучении документа возникает впечатление, что его разрабатывали люди, которые, как известный герой, очень часто вступают в союз писателей и очень редко — в

союз читателей. В данном случае — читателей Конституции. Если бы авторы открыли, например, пункт 2 статьи 43, то обнаружили бы следующий текст: «Гарантируются общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях или на предприятиях». Таким образом, Конституция гарантирует бесплатное образование именно в государственных и муниципальных учреждениях и на предприятиях, но вовсе не в организациях с особым статусом. Одно из двух: либо коллеги этого не знают, либо они хотят отменить даже те очень слабые гарантии бесплатности и общедоступности образования, которые в Конституции все-таки есть.

Уважаемый Владимир Михайлович! Когда Мировой банк в следующий раз выделит России займ, предлагаю потратить его на социальное кредитование студентов из малообеспеченных семей (кстати, разговор с госпожой Мэри Канинг уже был). А программу реформирования мы Вам готовы написать без всяких займов и, честное слово, таких клякс в ней не будет.

Ведь если, как нам говорят, хотели не распродавать государственное имущество, а просто расширить права вузов, нет никакой необходимости городить огород. Каждый юридически грамотный человек знает: статья 120 Гражданского Кодекса позволяет устанавливать особенности статуса учреждений федеральным законом. В значительной степени это сделано в Законе об образовании и в Федеральном законе «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». Если мешает Бюджетный кодекс, давайте вносить изменения, не пугая народ организациями с особым статусом и призраком приватизации. Но, наверное, эта задача кажется некоторым коллегам слишком простой. Ведь под нее нельзя на протяжении многих лет получать все новые и новые займы от Мирового банка!

На прошлых парламентских слушаниях уважаемый Григорий Алексеевич Явлинский убеждал меня в том, что если предполагать в правительстве врагов, то никакое законодательство становится невозможным. В ответ хотел бы сказать, что закон — потому и закон, что обязан предусматривать все случаи. Я — не сторонник теории заговоров, как раз напротив, всегда подхожу к людям с положительной гипотезой. Однако, с одной стороны, люди в правительстве меняются и законы под конкретных людей не пишутся, а с другой — если разработчики подобных проектов все сплошь друзья народа, зачем они там здорово маскируются?

Перехожу к предложениям.

В порядке компромисса, который, как известно, король политики, я готов поддержать тот более чем осторожный проект рекомендаций, который согласован депутатами различных фракций и Министерством образования. Кстати, предложение уважаемого Ярослава Ивановича Кузьмина — дополнить текст рекомендаций пунктом про 10% дополнительных доходов на цели образования в рекомендации уже включено еще до того, как оно было сделано. Однако в личном качестве считаю необходимым вынести на суд общественности следующие предложения.

1. От имени Государственной Думы обратиться к Президенту России с тем, чтобы он предложил Правительству пересмотреть те положения концепции, которые ограничивают или могут ограничить права граждан в области образования.

2. Как бы старательно ни работали «политические прокрусты» из Минфина и Минэкономики с текстом доктрины, в нем осталось несколько важных положений, и среди них следующее: «Принятие нормативных актов, противоречащих доктрине, в том числе снижающих уровень гарантий прав граждан в области образования и уровень его финансирования, не допускается!» Если Президент не отреагирует на наше обращение, что весьма вероятно, и в соответствии с правительственным планом появятся документы, усиливающие неравенство прав в области образования, опираясь на действующие законы и это положение, мы имеем шансы опротестовывать подобные решения в судебном порядке и должны это делать.

3. Нами подготовлен проект Федерального закона «О внесении изменений и

дополнений в Закон РФ «Об образовании». Он запрещает сокращать число бесплатных учебных мест в расчете на 10 тысяч населения в учреждениях среднего профессионального и высшего профессионального образования и исключает всякую возможность двойного толкования. Мы предлагаем желающим депутатам из всех фракций стать соавторами этого законопроекта, и в ближайшее время внесем его в Государственную Думу.

4. Мы провели предварительные консультации с рядом политических и неполитических организаций и готовы выступить с инициативой проведения образовательного референдума по следующим жизненно важным вопросам.

1. Считаете ли вы, что в Конституцию Российской Федерации должны быть дополнительно включены гарантии права граждан России на бесплатное и общедоступное обучение в старших классах средней школы и в профессионально-технических училищах и часть 2 статьи 43 Конституции Российской Федерации должна быть изложена в следующей редакции:

«Гарантируется общедоступность и бесплатность дошкольного, среднего (полного) общего и начального профессионального образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях».

Как известно, нынешняя Конституция не гарантирует гражданам России общедоступного и бесплатного образования в старшей школе и профессионально-технических учебных заведениях.

2. Считаете ли вы, что сокращение числа бесплатных учебных мест на 10000 граждан России в средних профессиональных и высших учебных заведениях, а также в аспирантуре должно быть запрещено законом?

Скажу прямо: этот пункт направлен против тех, кто в разоренной стране предлагает сократить число бесплатных учебных мест для студентов с двух третей до одной трети.

3. Считаете ли вы необходимым утвердить федеральным законом одобренную Всероссийским совещанием работников образования «Национальную доктрину образования в Российской Федерации», которая в обязательном порядке должна содержать следующие положения:

— приоритетное развитие образования — по доле бюджетных расходов на образование в валовом национальном продукте Россия должна входить в число 10 наиболее развитых стран;

— средняя ставка оплаты труда работников образования не может быть ниже средней заработной платы в промышленности;

— государственная поддержка малообеспеченных семей, инвалидов и детей-сирот в целях обеспечения равных экономических возможностей получения гражданами образования всех уровней;

— реальное государственное обеспечение бесплатного образования всем необходимым, в том числе учебниками и информационной техникой;

— обеспечение охраны здоровья учащихся и студентов;

— гарантии участия общественности в управлении образованием на всех уровнях, развития самоуправления учащихся, студентов и педагогических коллективов;

— ответственность Правительства Российской Федерации за реализацию «Национальной доктрины образования в Российской Федерации».

Боюсь, что другого способа принять Национальную доктрину образования в нормальной редакции у нас уже нет. Такой референдум мог бы стать первым в истории России, который сыграл бы созидательную, а не разрушительную роль.

Если эта идея вызывает поддержку в зале, мы будем рады получить записки с координатами тех, кто готов войти в инициативную группу и участвовать в сборе подписей и в работе на общие цели образования.

В заключение я повторю еще раз: образование — поле широкого национального согласия и исторического компромисса самых различных политических сил. Мы к таким компромиссам готовы, но только не за счет интересов тех, кто нуждается в бесплатном образовании. Не это мы обещали людям на выборах и не для этого нас сюда избирали.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА VI СЪЕЗДЕ РОССИЙСКОГО СОЮЗА РЕКТОРОВ

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. 7 декабря 2000 г.
Стенограмма подчеркнута автором технической редакции*

Уважаемые коллеги! Прежде чем еще раз обозначить позицию Комитета Государственной думы по образованию и науке по обсуждаемому вопросу и прежде чем отреагировать на прошедшую дискуссию, я вынужден сделать два предварительных замечания.

Первое. По-видимому, группа людей, которая написала несовершенный правительственный документ, организовала к тому же и активный черный PR в средствах массовой информации, который вначале был обращен против президента Союза ректоров, а теперь обращен и против Комитета Госдумы по образованию и науке. Мы с интересом узнали из газет, что в нашем Комитете собрались противники модернизации образования, а я лично с интересом и не без некоторого удовольствия узнал, что считаюсь чуть ли не главным из них.

Благодарю газеты за столь высокую оценку, но должен признаться, что моя роль, мягко говоря, сильно преувеличена, а точнее сказать, оценки даются по принципу: с большой головы — на здоровую.

В действительности, дорогу реформам в сфере образования открыл Закон Российской Федерации «Об образовании» 1992 года, соавтором которого мне довелось быть. Считаю, что этот закон был очень либеральным, быть может, даже более либеральным, чем позволяло ему время. Однако и то, что, выступая за реформы, мы всегда заявляли: «Довольно революций, господа!». Мы действительно выступали против псевдореформаторской суеты, после которой политики вынуждены были повторять: «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда!». Не имея чести принадлежать к политикам правого толка, слишком хорошо знаю, что бывают ситуации, когда правые оказываются правы. Например, Петр Столыпин, лозунгом которого стал девиз: «Вперед, на медленных тормозах», или Франц Йозеф Штраус, который любил повторять: «Быть консерватором — значит маршировать во главе прогресса!».

Второе. Мы очень далеки от политического дальтонизма, а равно от желания «выкрасить» в один цвет всех наших партнёров по исполнительной власти. Мы прекрасно различаем в Правительстве позиции разных министерств и разных людей. Мы знаем, что в Правительстве встречаются: «непуганые реформаторы», с которыми очень трудно о чем-либо договориться; нормальные либералы, с которыми мы работаем и будем работать; люди, работающие в социальном блоке и для социального блока, которые защищали и стремятся защищать интересы образования. Мы не забыли о позиции Валентины Ивановны Матвиенко и Владимира Михайловича Филиппова во время обсуждения российской Национальной доктрины образования и по многим другим вопросам. Скажу больше: подобно тому, как мы не можем отвечать за все действия большинства Государственной Думы, так и наши коллеги из Министерства образования не могут и не должны отвечать за все действия Правительства без разбора.

Теперь позвольте перейти к анализу обсуждаемых сегодня проблем. Хочу с удовольствием отметить: на мой взгляд, обсуждение проекта реформы образования образца 2000 года идет сравнительно спокойно, в том числе и потому, что этот проект значительно лучше проекта 1998 года. Думаю, коллеги, Вы помните, что было два года назад в этом зале. Тогда все «реформы» свелись к Постановлению Правительства Сергея Кириенко № 600, а его суть, в свою очередь, сводилась к известной формуле: деньги у образования отнять, а оставшиеся по-другому поделить. Сегодня ситуация другая: в правительственных документах есть целый ряд идей, которые мы готовы поддержать. Это и налоговые льготы для образования, и целевые субвенции регионам вместо обезличенных трансфертов, это и независимая государственная аттестационная служба, и развитие общественных начал в учебных заведениях — вещь безусловно необходимая и положительная и т. д.

Особо стоит сказать о финансовых проблемах. Здесь уже много раз упоминали, что бюджет 2001 года для образования благоприятен. Это справедливо, хотя и с оговорками. Действительно, общими усилиями Министерства образования и нашего Комитета удалось увеличить этот бюджет примерно на 50 процентов — это факт. Помимо количественного роста бюджет имеет и другие достоинства. Однако нельзя не видеть и обратной стороны.

Здесь первый заместитель министра труда господин Дмитриев говорил о том, что социальная сфера стала бюджетным приоритетом Правительства, хотя премьер-министр выражался точнее, отмечая приоритет не социальной сферы в бюджете, но образования — в социальной сфере. Последнее в целом подтверждается. Если взять проект бюджета, который Правительство внесло в Государственную Думу, легко увидеть следующие показатели: средний рост бюджетных расходов — 40 процентов; рост расходов на образование — 42 процента (надо еще раз отдать должное руководству нашего Министерства); на здравоохранение — около 32 процентов; на науку — примерно 28 процентов; на культуру — приблизительно 25 процентов (председатель Комитета Госдумы по культуре и туризму Николай Губенко даже предлагал почтить память отечественной культуры вставанием после того как бюджет был принят в первом чтении).

Повторю: для образования бюджет в целом благоприятен. Но мы не можем не видеть двух его коренных недостатков. Один из них состоит в том, что колоссальные бюджетные деньги идут не на социальную сферу, а на обслуживание государственного долга (более 40 процентов). Из первых 70 миллиардов ожидаемых дополнительных доходов бюджета половина будет направляться на обслуживание государственного долга, а другая половина — на всё остальное, включая оборону и всю социальную сферу, в том числе на образование — 1,8 млрд. рублей. Мы считаем, что эта политика антисоциальная, слишком жесткая для социальной сферы.

Второй порок бюджета, с которым мы никак не можем согласиться, — это статья 112, предлагающая приостановить на 2001 год практически все основные действующие нормы законов в области образования. Во-первых, это очень опасный прецедент; во-вторых, при наличии такой статьи нам очень сложно будет добиваться увеличения расходов на образование в бюджете 2002 года. Поэтому мы хотим, чтобы ректоры обратились к депутатам своих регионов с требованием не принимать статью 112 и бюджет 2001 года до тех пор, пока она не будет из него исключена. Уверен, обращение ректоров много значит для депутатов. Таким способом мы уже однажды остановили принятие так называемого закона «о братской могиле»¹, которым предлагалось отменить или приостановить большинство социальных законов на 2000 год. Это было сделано с вашей помощью весной—летом нынешнего года посредством огромного количества писем и телеграмм в адрес депутатов. Мы хотели бы повторить то же самое в отношении 112-й статьи бюджета 2001 года.

Уважаемый Ярослав Иванович Кузьминов много говорил здесь о достижениях Российского совета по развитию образования (РОСРО). Мы действительно надеемся, что создание этого Совета станет положительным фактором и сотрудничаем со всеми фракциями в его рамках. К сожалению, должен сказать, что не все решения Совета выполняются его членами. Судите сами. На РОСРО было принято решение, которое поддержали участники парламентских слушаний: выделить не менее 10 процентов от всех дополнительных доходов (которые оцениваются специалистами от 150 до 300 млрд. рублей, а в этом году, по предварительным расчетам, ожидается 159 млрд.) на цели образования. Министерство образования, конечно, не было против, хотя министру как члену Правительства не положено такие решения инициировать. Мог бы сказать и больше, но боюсь выдать некоторые чужие тайны. А вот что получилось при голосовании, повторяю, по позиции, согласованной в рамках РОСРО и парламентских слушаний между всеми фракциями:

фракция КПРФ — 92 процента;

¹ Аналогичный закон о приостановлении на 2000 год.

Агропромышленная депутатская группа, в которой я работаю — 85 процентов (хотелось бы больше, но это всё же агропромышленная группа, имеющая собственное направление бюджетных интересов);

группа «Народный депутат» — 32 процента;

группа «Регионы России» — 31,8 процента;

фракция «Отечество — вся Россия» — около 18 процентов;

фракция «Яблоко» — 5 процентов (1 человек);

фракция СПС — 3 процента (1 человек — Ирина Хакамада, единственная, кто выполнил в ее фракции решение РОСПО);

фракция «Единство» — 0 процентов;

фракция ЛДПР — 0 процентов.

Вот это и есть реальная позиция фракций по вопросам образования в отличие от информационного шума.

Далее. Вы помните, уважаемые коллеги, что проект российской Национальной доктрины образования, одобренный Всероссийским совещанием педагогических работников в январе 2001 года, предусматривал рост расходов на образование до 6% ВВП в течение трех ближайших лет. Теперь Национальная доктрина образования утверждена правительственным Постановлением № 751. При этом нам говорят (и это чистая правда), что в Доктрине сохранилось более 90 процентов всего текста, а может быть, и более чем 90 процентов. Однако представьте себе, уважаемые коллеги, человека, у которого удалили, скажем, полпроцента массы тела. Что будет после этого с гением? Что будет после этого с мужчиной? Мы понимаем, что Министерство образования сделало все возможное для защиты Доктрины в Правительстве — мы в этом несколько не сомневаемся. Но не надо делать вид, что с Доктриной все благополучно. Считаю, что на выходе мы получили совершенно другой документ. Никаких конкретных показателей роста финансирования образования в Доктрине не осталось. Аналогичным образом размыты и ухудшены все социальные показатели.

Вот пример. В подготовленном нами тексте Доктрины была заложена норма, провозглашенная в 1996 году в этом зале Борисом Ельциным, а именно: пенсии профессорско-преподавательского состава вузов должны быть не ниже 80 процентов заработной платы по основному месту работы. В новом тексте вузовским преподавателям тоже обещают высокие пенсии, но, во-первых, нет точных показателей, а, во-вторых, пенсии обещают за счет профессиональной пенсионной системы и средств самих организаций, то есть за свой собственный счет. Думаю, всем понятно: если у вуза есть деньги, можно и без Доктрины устанавливать более высокие пенсии своим профессорам.

Повторю: мы не отвергаем многих положений новой концепции реформирования образования, но настаиваем на их конкретизации. Только в этом случае можно будет сформулировать и нашу позицию. Вот лишь несколько примеров.

Вузовские комплексы. Не вижу здесь никаких особых проблем. Не уверен, правда, что мы получим от этого финансовую экономию: зарубежный опыт показывает, что управленческие расходы в крупных университетах выше. Но главное в другом: при всех слияниях и реорганизациях должен соблюдаться Федеральный закон «О сохранении статуса государственных и муниципальных образовательных учреждений и моратории на их приватизацию» (в просторечии — Закон «О моратории»). Там, где установленные этим законом процедуры согласований, учета мнения трудовых коллективов и т. п. соблюдаются, обычно не возникает никаких проблем. Оттуда же, где Закон нарушается, к нам идут «ходоки» из самых разных регионов и требуют: защитите нас от произвола!

Далее. Многим это покажется странным, но я не принадлежу к принципиальным противникам единого экзамена. Вместе с тем мы до сих пор не получили документа, в котором содержались бы ясные ответы на несколько вопросов:

Как будет происходить прием в вузы культуры и искусства?

Как можно эффективно провести единый экзамен по гуманитарным предметам? (Пока мне лично не приходилось видеть тестов по ним, которые выявляли бы творческие способности, а существующие — это тесты на память и эрудицию).

Что будет с нынешними льготниками? Считаю, что действующие льготы при поступлении в вузы необходимо сохранить.

Не сократится ли, как это произошло в Казахстане, число бесплатных учебных мест в профессиональных учебных заведениях вследствие того, что недостаточное число выпускников школ получают необходимые баллы? И т. д. и т. п.

Что касается проблемы коррупции при приеме в вузы, которую здесь активно обсуждали, готов согласиться с министром образования: в одной отдельно взятой сфере коррупцию победить невозможно. Тем более в условиях системы, которую даже Борис Немцов называет бандитским капитализмом. Но не надо принимать решений, которые могут ее умножить. По этому поводу расскажу лишь одну историю. В моей родной Омской области километров за 250 от Омска есть обычное селение Новологиновка. Недавно мне сообщили, что там уже появились люди, которые торгуют тестами якобы для будущего единого экзамена по 200 рублей за комплект. Еще нет ни экзамена, ни тестов, а ими уже торгуют!

Считаю, что гнать процесс введения единого экзамена не следует. Даже продвинутые вузы сейчас не все к этому готовы. Нужно спокойно, не торопясь работать, чтобы не получилось по известной формуле: нет более надежного средства дискредитировать хорошую идею, чем довести ее до абсурда.

Аналогичная ситуация с пунктом правительственного Постановления по реструктуризации и оптимизация малокомплектной сельской школы. Что бы нам теперь ни говорили, в переводе с официального эзопового языка на русский в России 90-х годов это означает сокращение или закрытие. Недавно я с большим удовольствием прочёл статью Александра Федотовича Киселева — первого заместителя министра образования, в которой говорится о том, что закрывать малокомплектную сельскую школу никак нельзя — вместе с ней исчезнет и село. На 100 процентов согласен. Судя по встречам с людьми, и общественность на 100 процентов согласна. Однако если руководство Министерства образования против закрытия сельских школ, если Комитет Государственной Думы — против, если общественность — против, спрашивается, кто вписывает подобные положения в правительственные документы? Почему окончательный текст раздела правительственной программы о реформировании образования пишут не те, кто являются специалистами в области образования, а те, кто являются специалистами по реформированию всего и вся, причем обязательно «до основания»?

И вообще не очень понятно, почему в России образованием пытается руководить Министерство экономики? Может быть лучше Минобразование будет руководить экономикой? По крайней мере, в этом случае к цивилизации будем поближе! (*Аплодисменты.*)

Однако в правительственном проекте реформирования образования, уважаемые коллеги, действительно есть вопросы, по которым мы действительно занимаем жесткую позицию. По большому счету их два, причем оба имеют прямое отношение к деятельности Союза ректоров.

Первый вопрос — государственное именованное финансовое обязательство (ГИФО), причем опять же не в принципе, а в той версии, которую мы увидели в так называемой программе Грефа. Напомню, что идея ГИФО (точнее, государственного именованного образовательного обязательства) содержалась и в подготовленном нами проекте российской Национальной доктрины образования. Но в проекте ГИОО предлагалось вводить для тех, кто нуждается либо в специальных образовательных условиях, либо в дополнительной материальной поддержке в период обучения (дети-сироты, дети-инвалиды, дети из семей с низкими доходами). Другими словами, ГИОО было направлено на ограничение фактического неравенства прав в области образования. В правительственном же документе, с моей точки зрения, результат будет прямо противоположным. И сейчас уже Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) не раз указывала на то, что в России, несмотря на правильные положения в Законе «Об образовании», неравенство прав граждан в этой области приняло угрожающий характер. И это не удивительно: законом все проблемы решить невозможно.

Недавно мне пришлось встречаться с министром образования Великобритании Дэвидом Бланкеттом. В Великобритании тоже проводят реформу, а единый экзамен там давным-давно. Однако при этом право на бесплатное образование в Великобритании сохранено именно для бедных — для студентов из семей с низкими доходами. Для них выделяется 40% всех учебных мест. Введен образовательный социальный кредит, который может быть увеличен опять-таки для людей с низкими доходами. Рассчитываются же за кредит выпускники лишь тогда, когда начинают получать высокую заработную плату и могут позволить себе платить не только налоги, но и погашать образовательный займ. Конечно, коллеги, можно от этого отмахнуться, можно утверждать, что Великобритания слишком заразилась социализмом, что Тони Блэр начитался Владимира Ленина и поэтому повторяет: «Образование, образование и еще раз образование»! Но, думаю, что это малоубедительно. Рыночной экономике в Британии более 300 лет, а Тони Блэр среди всех зарубежных лидеров имеет лучшие отношения с российским Президентом Владимиром Путиным. Факт остается фактом: Великобритания стремится ограничить неравенство возможностей в области, а Россия при посредстве ГИФО это неравенство увеличивает.

Нам представляется: ГИФО на основе единого экзамена приведет к усилению неравенства возможностей при вероятном понижении уровня образованности нации. В среднем благодаря репетиторству, связям и взяткам единый экзамен лучше сдадут дети из более обеспеченных семей. После этого они же будут учиться бесплатно, а родителям из малообеспеченных семей за обучение детей придется доплачивать, хотя и непонятно, из каких доходов. В информационное общество с образованием только для обеспеченных ни одна страна никогда не попадет. Это категорический императив современной экономики.

То же самое, но еще более жестко, следует сказать по поводу изменения статуса образовательных учреждений на образовательные организации. Выступление представителей профсоюза образования и науки отчасти облегчает мою задачу. Однако хочу добавить, что рассматриваю этот пункт в плане действий Правительства либо как грубую ошибку, либо, если хотите, как подготовку террористического акта против образования.

Здесь уважаемый Михаил Игонович Дмитриев (первый заместитель Минэкономразвития) доказывал, что изменять статус образовательных учреждений необходимо для того, чтобы вы получили больше свободы. Конечно, уважаемые коллеги, бывают случаи, когда заключенный, чтобы вырваться из темницы, отрубает себе руку или ногу. Но я не помню, чтобы кто-нибудь отрубал себе голову!

Необходимо понимать, что изменение статуса образовательных учреждений может открыть дорогу чему угодно: чрезмерной коммерциализации образования, приватизации вузов, отмене конституционных гарантий прав граждан в этой области и т. п. Мы знаем, например, что статья 43 Конституции гарантирует права граждан на бесплатное образование именно в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, а вовсе не в каких-то организациях с особым статусом. Сохранятся ли эти гарантии, если статус учреждений изменится? Сомневаюсь.

На самом деле никакой необходимости «городить огород» нет. Существует простой способ решения проблемы экономической свободы в сфере образования. Спрашивается, кому мешал Закон об образовании в части этой свободы? По-моему, никому не мешал. Вот Бюджетный кодекс действительно мешает. Но я хотел бы спросить: кто же «продавливал» этот Бюджетный кодекс через Государственную Думу? И что мешает нам совместно с Правительством, если оно хочет помочь образованию со свободой, внести поправки в кодекс с тем, чтобы расширить права образовательных учреждений? Мы готовы эту идею поддержать двумя руками. Но мне трудно понять, зачем в очередной раз лечить головную боль с помощью гильотины. Обратите внимание: в 1998 году проект реформы образования готовили на деньги Мирового банка и в 2000 году снова на деньги Мирового банка. Мне иногда кажется, что мы имеем ситуацию, описанную Михаилом Жванецким: «Паровоз — для машиниста!». Другими словами, деньги Мирового банка — не для реформ, а для реформаторов: подготовили проект — он провалился — снова подготовили и т. д. Обсуждая этот вопрос с госпожой Мери Канинг, я предложил: давайте лучше следующий

займ Мирового банка потратим на социальное кредитование студентов из семей с низкими доходами, а проект реформ, честное слово, мы сами разработаем и бесплатно. Причем в нем наверняка не будет таких нелепостей, которые вписывают в правительственные документы специалисты не по образованию, а по его реформированию.

Хотел бы сказать несколько слов по поводу обсуждаемых на Съезде вопросов.

Первое — вопрос о статусе ректора. Целиком поддерживая идею повышения этого статуса, мы считаем, что вам не следует добиваться статуса государственных служащих, но требовать приравнивания статуса руководителя образовательного учреждения к статусу госслужащих по уровню оплаты труда и социальных гарантий. Если вас сделают государственными служащими, еще неизвестно, дадут ли денег, а вот свободы академические и некоторые другие вы наверняка потеряете.

Второе. Налоги. К сожалению, в Государственной Думе мы проиграли в рамках Налогового кодекса Закон о налоге на добавленную стоимость. Правительство, Бюджетный комитет, а следом и Государственная Дума приняли решение освободить от налога на добавленную стоимость все образовательные услуги, кроме консультационных. Как ни пытался объяснить Бюджетному комитету, что консультации есть в любой школе, в любом вузе, но большинство Комитета состоит из бизнесменов и бывших госчиновников, а потому они считают, что консультации — это консалтинг (бизнес-консультации) и через них «прокручиваются» огромные деньги. Придется вам, уважаемые коллеги, учебные консультации называть как-нибудь иначе — думаю, интеллектуального потенциала для того, чтобы придумать название здесь достаточно,— чтобы не платить НДС. Со своей стороны мы собираемся выходить с проектом поправок к Налоговому кодексу для того, чтобы вернуть образованию налоговые льготы, и рассчитываем на вашу поддержку.

Позвольте перейти к предложениям.

Я считаю, если вы сочтете это возможным, в проект документа могли бы быть включены следующие позиции:

Первое. Предложить Правительству отказаться от превращения государственных образовательных учреждений в организации с неясным «особым» статусом. (*Аплодисменты.*)

Второе. Предложить Правительству Российской Федерации исключить из Плана действий концепцию государственного именованного финансового обязательства как противоречащую принципу равных возможностей в области образования.

Третье. Обратиться к Президенту, Правительству, Парламенту с предложением утвердить Федеральным законом Национальную доктрину образования в редакции, одобренной Всероссийским совещанием работников образования в январе 2000 г.

Четвертое. Поддержать подготовленный внесенный в Госдуму депутатами Комитета по образованию и науке проект закона, запрещающий сокращать количество бесплатных учебных мест на десять тысяч человек в государственных и муниципальных учреждениях высшего и среднего профессионального образования. Повторю: запрещающий не развивать платный набор, но сокращать число бесплатных учебных мест.

Пятое. Предложить Правительству России пересмотреть сроки реализации Плана действий в части образования. Поспешность не должна дискредитировать те позитивные положения, которые этот проект содержит.

Шестое. Потребовать от Парламента, Правительства, Президента вернуть образовательным учреждениям налоговые льготы по НДС.

Седьмое. На прошедших в ноябре парламентских слушаниях мы заявили о готовности инициировать образовательный референдум предположительно по трем вопросам. В первом предлагается включить в 43 статью Конституции дополнительно гарантии права граждан на бесплатное образование в старших классах школ и ПТУ, которые сейчас отсутствуют. Второй вопрос о том, чтобы запретить законом сокращение числа бесплатных учебных мест в высших и средних профессиональных учебных заведениях. Третий вопрос — об утверждении основных положений Национальной доктрины образования, одобренных Всероссийским совещанием 2000 года.

От имени Комитета официально заявляю, что если Правительство примет хотя бы

основные предложения, которые здесь сформулированы, мы готовы снять инициативу в отношении референдума. Если же этого не произойдет, мы обратимся к народу, в том числе и к вам, за поддержкой, чтобы защитить систему образования и обеспечить ее прогресс.

Понимаю, что рядовому доценту сложно спорить с президентом Российской академии образования, однако мне кажется, что не совсем прав был Николай Дмитриевич Никандров, говоря, что образовательный референдум провалится, и вот почему. Все дело в том, как мы сформулируем вопросы. Социологические опросы показывают: когда людей спрашивают просто о социальных приоритетах, образование занимает 9—12 место, что в разоренной стране легко понять. Когда же их спрашивают о важности образования собственного ребенка, среди других проблем эта оценивается высоко и занимает обычно третье место. Поэтому, если поработаем по-настоящему, выиграть референдум — реальная задача при условии, что всё образовательное сообщество за неё возьмется.

В заключение, уважаемые коллеги, хочу сказать, что мы открыты для диалога с любыми уровнями и ветвями власти и прежде всего мы хотели бы продолжить конструктивное сотрудничество с Министерством образования. Мы считаем нынешнее руководство Министерства образования наиболее образовательным в 90-х годах. (Аплодисменты.)

Мы открыты для сотрудничества с педагогическим сообществом и в особенности с Российским союзом ректоров. Более того, без вашей поддержки нам не всегда удастся защитить наши общие, в том числе ваши, интересы.

Далее. Что бы ни публиковали газеты в рамках «черного пиара», мы считаем, что «караван образования» должен идти. Он должен идти вперед обязательно с учетом мирового опыта, но своим путем. Нет необходимости изобретать велосипед, когда у соседа есть автомобиль, но не следует рваться в соседский дорогой автомобиль, когда имеешь свой собственный, пусть и скромный, вертолет.

Мы очень хорошо помним позицию большинства ректоров по вопросу о приватизации образования. Тогда это был акт гражданского мужества и неподкупности, за что вам низкий поклон и огромное спасибо. Надеюсь, что и сейчас Съезд ректоров сумеет отделить зерна от плевел, действительные реформы от грубых ошибок или разрушительных планов.

Хочу поздравить вас с наступающим третьим тысячелетием, и пусть оно на самом деле будет тысячелетием образования!

Спасибо. (Аплодисменты.)

«ПАРОВОЗ ДЛЯ МАШИНИСТА»?

Или ещё раз о последствиях изменения статуса образовательных учреждений Выступление на семинаре «О статусе образовательных организаций» Москва, Александр-хаус. 20 марта 2001 г.

Уважаемые участники семинара, уважаемые коллеги! Поскольку сегодня в этот зал приглашены журналисты, хотел бы начать с благодарности тем газетам, которые назвали меня главным противником реформы образования в Государственной Думе. Столь высокая оценка моей скромной работы и персоны мне лестна, но слухи об убиенных мною «младенцах» от реформы образования сильно преувеличены.

Приходится напомнить, что в свое время мне довелось стать одним из четырёх главных разработчиков первой редакции Закона РФ «Об образовании», который был одним из самых либеральных в Европе и, наверное, более либеральным, чем позволяло время. Именно он открыл дорогу действительным реформам в образовании и вместе с тем помог избежать его революционного разрушения. И сегодня руководство Комитета по образованию и науке Государственной Думы, который я здесь представляю, объективно относится к правительственным проектам реформирования образования, стремясь отделить зёрна от плевел: поддержать позитивное содержание этих проектов, но вместе с тем и отсеять их негатив.

Тем не менее в правительственном проекте есть несколько предложений, в отношении которых мы действительно занимаем жесткую позицию. Одно из них — изменение существующего статуса образовательных учреждений, их превращение в организации с каким-то особым статусом. Скажу жестко: эта идея или утопическая, или вредная; третьего не дано.

С помощью изменения статуса образовательных учреждений на организации нам предлагают решить проблему экономической свободы и самостоятельности. Следует признать, что такая проблема действительно существует, однако это тот случай, когда вполне оправдан один из любимых русских вопросов: кто виноват? С учётом того, что даже авторы проектов из Минэкономразвития не предъявляют претензий в части свободы учреждений к Закону РФ «Об образовании», но недовольны прежде всего Гражданским и Бюджетным кодексами, этот вопрос можно конкретизировать, причем ответы оче-видны.

Кто руководил «реформами» в России? — Правительство.

Кто в составе Правительства отвечал за проекты реформирования, в том числе социальной сферы? — Министерство экономики, как бы оно ни называлось.

Кто проводил, а иногда «проталкивал» через Парламент Гражданский и Бюджетный кодексы? — Правительственные структуры. Я лично не голосовал ни за тот, ни за другой, более того, в меру возможностей пытался их исправить таким образом, чтобы образовательные учреждения не лишились свободы, данной им Законом РФ «Об образовании».

Кто же создал проблему и до каких пор исполнительная власть в России будет действовать по логике: сначала создавать трудности, а затем их героически преодолевать?

Но и это ещё не всё. Теперь те же самые структуры рекламируют нам гильотину в качестве лучшего средства от головной боли, вызванной их предыдущими «лекарствами». Напомню, что в первом варианте Распоряжения правительства № 1072 от 26 июля 2000 г. не указывалось даже, какими именно должны быть новые организации с особым статусом: коммерческими или некоммерческими, государственными или негосударственными? Это породило политическое напряжение в обществе, поскольку многие работники образования и вообще политически активные граждане не без оснований полагали, что речь вновь идёт о «почившей в бозе» приватизации, которой не проводила ни одна страна мира.

Не знаю, чем руководствовались авторы: то ли хотели прозондировать общественное мнение, то ли просто писали впопыхах. Однако результат налицо. Именно этот пункт правительственного распоряжения заставил меня сделать жёсткое заявление на Съезде ректоров: предложение изменить статус образовательных учреждений на организации — это или крайний непрофессионализм, или подготовка террористического акта против образования!

Теперь нам говорят, что новые организации с особым статусом будут государственными и некоммерческими. Тем самым предположение на счёт «подготовки террористического акта» отпадает, но вопрос о крайнем непрофессионализме остаётся.

В Министерство образования и в Министерство экономики мною направлена справка о юридических последствиях предлагаемой Правительством меры. В частности, изменение статуса государственных и муниципальных образовательных учреждений на образовательные организации потребует внесения изменений и дополнений, по меньшей мере, в следующие нормативные правовые акты.

1. Статья 43 Конституции РФ.— В противном случае фактически отменяются конституционные гарантии прав граждан на общедоступное и бесплатное образование, которые установлены именно для граждан, обучающихся в образовательных учреждениях и на предприятиях.

2. Гражданский кодекс.— Потребуется специальная глава либо группа статей, поскольку учебные заведения с особым статусом не вписываются ни в одну из установленных кодексом организационно-правовых форм. (Как показали последующие исследования юристов, новый статус образовательных организаций близок статусу унитарных предприятий, хотя и не вполне совпадает с ними.— **Примеч. автора.**)

3. Бюджетный кодекс. — Аналогичным образом потребуется новая глава или группа статей, поскольку учебные заведения с особым статусом не могут быть отнесены ни к одному из существующих видов бюджетополучателей.

4. Закон РФ «Об образовании». — Предстоит разработать новую редакцию Закона, поскольку чисто механическая замена учреждений организациями невозможна и требует изменения концепции.

5. Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». — По аналогичным причинам необходимо будет разрабатывать фактически новую редакцию Закона.

6. Федеральный закон «Об утверждении федеральной программы развития образования». — Следует особо отметить, что ФПРО представляет собой основные направления и планы реализации стратегии развития образования на ближайшие годы, а потому до тех пор, пока соответствующие изменения не внесены в этот закон, не отражённые в нём пункты правительственной программы (включая единый государственный экзамен, массовую реструктуризацию профессиональных учебных заведений и, конечно, изменение статуса образовательных учреждений на организации) законными признать нельзя.

7. Федеральный закон «О сохранении статуса государственных и муниципальных образовательных учреждений и моратории на их приватизацию». — Едва ли не главное достижение образовательного законодательства 90-х годов — запрет на приватизацию образовательных учреждений и принадлежащего им имущества. Именно это позволило сохранить реформистский характер образовательной политики и избежать революционного разрушения системы образования. Однако поскольку этот запрет относится именно к учреждениям, их превращение в организации немедленно его отменяет. Не берусь судить, осознавали ли авторы правительственного проекта эту опасность, но объективно призрак «террористического акта» против образования возникает здесь вновь.

8. Федеральный закон «О компенсационных выплатах на питание обучающимся в государственных, муниципальных общеобразовательных учреждениях, учреждениях начального профессионального и среднего профессионального образования». — В противном случае все эти выплаты, установленные для обучающихся в учреждениях, для тех, кто учится в организациях, будут отменены.

9. Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» (статьи 11, 13, 14, 15, 17, 19, 20—22, 24, 25, 34, 35, 55 и др.) В противном случае, в частности, прекратится действие отсрочки от военной службы на период обучения.

10. Федеральный закон «О статусе военнослужащих» (статья 19). — Иначе прекратится действие установленных данным Законом льгот для военнослужащих, поступающих в профессиональные учебные заведения.

11. Налоговый кодекс Российской Федерации, часть 2 (статьи 149, 217, 219, 239 и др.). — Хотя в кодексе законодатель иногда употребляет термин «некоммерческие образовательные организации», в большинстве случаев предпочтение отдаётся термину «учреждение», и, следовательно, в случае изменения статуса образовательных учреждений на организации прекратится действие:

— льгот по НДС;

— освобождения от налогообложения стипендии студентов и иных категорий обучающихся;

— освобождения от налогообложения зарубежных грантов.

12. Федеральный закон «О льготе на проезд на междугородном транспорте для отдельных категорий обучающихся в государственных и муниципальных образовательных учреждениях». — Иначе эти льготы будут аннулированы.

13. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

14. Закон Российской Федерации «О государственных пенсиях в РСФСР» (статьи 80, 87). — Поскольку право на пенсию за выслугу лет, в т. ч. при продолжении работы по

специальности, установленное этим законом для работников школ и иных учреждений образования для детей, оно не будет распространяться на работников организаций, в которые превратятся эти учреждения.

15. Постановление Правительства РФ № 751 от 4 октября 2000 года «Об утверждении Национальной доктрины образования в Российской Федерации». — Мало того, что Национальная доктрина образования, призванная определить долгосрочную стратегию его развития, утверждена Постановлением Правительства, а Федеральная программа развития образования, предназначенная задать алгоритм реализации стратегии на перспективу среднесрочную, имеет статус закона. Доктрина, как и Программа, использует термин «образовательные учреждения» и не предполагает изменения их статуса.

Внесение изменений и дополнений во все перечисленные и множество неперечисленных законов потребует, по меньшей мере, нескольких лет. При этом во избежание рассогласованности, утраты налоговых льгот и (или) социальных гарантий вносить эти изменения необходимо одновременно. Если же учесть, что изменение редакции статьи 43 Конституции РФ возможно на основе решения Конституционного собрания и (или) референдума, выполнение поставленной задачи представляется и вовсе нереальным.

Повторю: правительственный проект в этой части — или утопический, или вредный. Лишь тот, кто обладает комплексом Наполеона или никогда не работал ни с Минфином, ни с Минобороны, ни с Пенсионным фондом, ни с Государственной Думой, может самонадеянно полагать, будто все эти изменения удаст-ся разом провести в законодательство. А что вы будете делать, господа, если эта затея провалится? Повторять, что хотели как лучше, а получилось, как у Виктора Степановича?

Уверен, что формула Крылова остаётся справедливой и в наши дни: пироги должен печи пирожник. В России Министерство экономики уже давным-давно пытается управлять реформами в образовании, однако до сих пор ничего хорошего из этого не получилось. Только зря потратили деньги Мирового банка (за которые нам, кстати, придётся рассчитываться), а в этом году — еще и деньги Федеральной программы развития образования. Пользуясь формулой Михаила Жванецкого, можно сказать, что возник новый «паровоз — для машиниста»: реформы — для тех, кто их проектирует!

Помимо практически непреодолимых законодательных проблем, необходимо учитывать ещё и политические. Против превращения учреждений в организации в декабре 2000 года вполне определённо высказался съезд ректоров. Профсоюзы же работников образования и науки не просто заняли отрицательную позицию, но и выдвинули это требование как одно из основных во время акции протеста в конце февраля и даже собрали под ним почти 2 миллиона подписей. Хотя современная Государственная Дума, как иногда говорят, голосует, не приходя в сознание, когда к каждому депутату придут представители образования, когда мы используем все наши возможности для того, чтобы не пропустить через Парламент легализующие изменение статуса законопроекты, шансы на их принятие оцениваю как весьма низкие.

Пора, однако, обратиться к другому любимому российскому вопросу: что делать? Как увеличить экономическую свободу образовательных учреждений, ограниченную Гражданским и особенно Бюджетным кодексами? Со всей ответственностью могу сказать, что знаю несколько способов абсолютно честного и абсолютно безвредного решения проблемы. Правда, не сто, как великий комбинатор, но по меньшей мере три.

Способ первый: фактическое толкование законов Правительством. Правительство издаёт Постановление «Об обеспечении экономической самостоятельности образовательных учреждений», в котором трактует расхождение между Гражданским и Бюджетным кодексом, с одной стороны, и Законом «Об образовании» — с другой, в пользу последнего. Поскольку с Президентом и Правительством у нас спорить некому, это легко сделать политически. Но и юридических оснований для этого вполне достаточно. Их по меньшей мере два.

Во-первых, часть 3 статьи 120 Гражданского кодекса гласит: «3. Особенности правового положения отдельных видов государственных и иных учреждений определяются

законом и иными правовыми актами».

Второе — абзац второй статьи 7 Федерального закона «О введении в действие Бюджетного кодекса Российской Федерации» утверждает, что «Законодательные акты Российской Федерации в области образования, науки, научно-технической политики, культуры, принятые до введения в действие кодекса, содержащие нормы, регулирующие бюджетные отношения, действуют, если они не признаны утратившими силу».

Вполне очевидно, что Закон об образовании, с одной стороны, устанавливает особенности статуса (в т. ч. и экономического) образовательных учреждений, а с другой — принят намного раньше Бюджетного кодекса и, следовательно, в части бюджетных отношений должен сохранить свою силу. Уверен: при доброй воле сторон для решения проблемы этого вполне достаточно. Соответствующий запрос мы скоро направим в Правительство. Он наверняка придёт в Министерство экономики. Интересно, что тогда нам ответят сторонники экономической свободы?

Путь второй: минимально необходимое законодательное воздействие. Если Правительство по каким-то причинам не захочет толковать законы постановлением (что не вполне конституционно, но делалось неоднократно), нужно внести всего две поправки в действующие законы. Во-первых, изложенная выше норма Федерального закона «О введении в действие Бюджетного кодекса Российской Федерации» переносится в сам текст Бюджетного кодекса, как мы этого первоначально и требовали.

Во-вторых, статья 120 Гражданского кодекса дополняется новым пунктом следующего содержания: «Особенности статуса образовательных учреждений и их функционирования определяются федеральными законами в области образования» (с юридической стороны текст может быть улучшен). При желании Правительства и нашей поддержке такие законы можно принять в трехмесячный срок.

Наконец, путь третий: расширение прав учреждений. Если по каким-то причинам нашим коллегам из Министерства экономики два предложенные пути покажутся недостаточно эффективными, готов предложить третий, сформулировав его в виде нескольких вопросов.

Итак, уважаемые коллеги, Вы хотите ввести в Гражданский и Бюджетный кодексы, наряду с учреждениями, государственные некоммерческие организации, которые будут пользоваться теми же правами и налоговыми льготами, но при этом большей экономической свободой. После этого Вы хотите дать право выбора всем юридическим лицам в системе образования, науки и культуры по желанию оставаться учреждениями либо становиться такими некоммерческими организациями. Предположим абсолютно невероятный вариант: Вам удалось за несколько лет внести все необходимые изменения в законодательство и при этом ничего не потерять. Повторю: за несколько лет, и не раньше.

Но тогда возникает вопрос: где вы найдете руководителей-мазохистов, которые при равных правах и налоговых льготах захотят меньше свободы, т. е. захотят остаться руководителями учреждений? Ясно, что все или большинство учреждений очень быстро станут некоммерческими организациями. Так зачем «городить огород»? Не проще ли внести в Гражданский и Бюджетный кодексы поправки, расширяющие права учреждений? Мы готовы вместе с вами поработать в этом направлении. Общими усилиями Правительства и Парламента эту задачу можно было бы решить за полгода, не переделывая десятков законов, не нарушая Конституции, не мучая людей и не порождая акций протестов.

Все три пути абсолютно реальны, просты, а главное — абсолютно безвредны. Почему же они не предлагаются и не поддерживаются? Думаю, ответ прост. Мы придерживаемся иного, чем разработчики утопических проектов, принципа: паровоз — не для машиниста, а для пассажиров. Не образование — для реформ, а реформы — для образования.

СТРАТЕГИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: АЛЬТЕРНАТИВЫ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Общеизвестно, что образование — один из важнейших универсальных компонентов

социальной жизни любого современного государства. Образование в широком смысле, включающее обучение и воспитание (а именно так оно понимается в обеих редакциях Закона Российской Федерации «Об образовании»), представляет собой один из основных факторов воспроизводства человека и типа ментальности, характерного для определенного народа, а, следовательно, в переломные моменты истории — и для модернизации общества.

Весь мировой опыт второй половины XX века свидетельствует: при сколько-нибудь работающем экономическом механизме именно инвестиции в образование в долгосрочной перспективе оказывались наиболее эффективными и определяли успех модернизации. Практически все страны, сумевшие добиться на определенных временных интервалах экстраординарных темпов экономического развития (так называемого «экономического чуда»), за несколько лет до этого осуществляли серьезные финансовые «вливания» в сферу образования, во многом «чудо» и порождавшие. В свою очередь в индустриально развитых странах экономический подъем и относительно высокий уровень жизни большинства населения становились базой стабильности и демократии западного типа. Такая закономерность прослеживается в послевоенной истории Германии, Японии, Южной Кореи, отчасти — Италии.

В отечественной истории аналогичная закономерность, хотя и с учетом качественных различий между общественными системами, также проявлялась на протяжении ряда десятилетий (30—60-е гг.). Затем тенденция изменилась, а в 90-е гг. стала прямо противоположной.

Так, по оценкам Всемирного банка, доля расходов на образование в валовом внутреннем продукте составляла в СССР в 1970 г. 7%, в США, Франции и Великобритании в середине 90-х гг. — от 5,3 до 5,5%, а в России в 1994 г. — 3,4%. С учетом сокращения ВВП в 1990—1994 гг. приблизительно вдвое расходы на образование в реальном исчислении составили в середине 90-х гг. не более четверти к уровню расходов 1970 года. Принимая во внимание рост после 17 августа 1998 г. курса доллара почти в 4,5 раза, рост цен — не менее чем в 2,5 раза, при увеличении расходов на образование в федеральном бюджете 1999 и 2000 гг. приблизительно на 75%, а заработной платы работников образования — на 70%, представляется возможным оценить сокращение реальных расходов на образование в России во второй половине 90-х гг. приблизительно еще в 2 раза.

В условиях стабильного развития или управляемых реформ логика формирования нормативно-правовой базы государственной образовательной политики должна была бы выглядеть следующим образом: Национальная доктрина образования — Федеральный закон РФ «Об образовании» — Федеральная прог-рамма развития образования — серия конкретизирующих базовый Закон законодательных актов. Однако в обстановке «шоковой терапии» и малых гражданских войн эта логика, естественно, оказалась искаженной, а направление законотворчества — иным, едва ли не противоположным логике. В сложившейся ситуации российскому законодателю не оставалось ничего другого, как заниматься достройкой системы образовательного права по принципу «заполнения пустот», действуя сообразно уже не «чистой», а ситуационной логике.

На первый план при этом объективно вышла защитная функция законодательства: обеспечение прав граждан на образование и установление государственных гарантий развития системы образования. И хотя российским законодателям, работающим в области образовательного права, очень многое не удалось, хотя правовые механизмы воздействия на образовательную политику всегда ограничены экономическими, институциональными, политическими и нравственно-идеологическими рамками, но пока удавалось главное: открыть дорогу реформам, не допуская революции.

Общеизвестно, образование — сфера высокоинерционная и в этом смысле консервативная. Реформы дают здесь результаты далеко не всегда, а организационные и социальные революции — крайне редко. Принятые в 90-е годы федеральные законы, несмотря на хроническое неисполнение содержащихся в них норм (в особенности в части финансирования образования), позволили в целом удержать образовательную политику в рамках реформ и тем самым защитили систему образования от революционного

разрушения, которому подверглись многие отрасли производства и социальные институты.

Однако хотя система образования сохранилась лучше многих других отраслей, и она близка к пределу устойчивости.

Осознавая это, группа депутатов обеих палат Федерального Собрания России, в т. ч. автор этих строк, ключевым направлением законотворческого процесса в образовательной сфере считает принятие Национальной доктрины образования.

Проект Доктрины разрабатывался в течение длительного времени совместными усилиями профильных парламентских комитетов, Министерства образования, Российского союза ректоров и Российской Академии образования, ЦК профсоюза работников образования; являлся предметом серьезных дискуссий на парламентских слушаниях, на Всероссийском совещании работников образования; широко обсуждался в средствах массовой информации.

Необходимость принятия российской Национальной доктрины образования обусловлена, по крайней мере, тремя группами факторов, среди которых есть общезначимые и национально специфические.

Во-первых, если человечеству удастся избежать сценария развития, описанного так называемым парадоксом Ферми (т. е. тенденции технических цивилизаций к самоуничтожению), оно, вероятно, перейдет от индустриализма к постиндустриализму («информационному обществу», «обществу знаний»). Практически все футурологи этого направления (Д. Белл, З. Бжезинский, Г. Кан, О. Тоффлер и др.) утверждали и утверждают, что одним из главных отличий постиндустриальной цивилизации от индустриальной будет преобладание в составе населения дипломированных специалистов и ученых. Справедливости ради следует заметить (хотя сейчас об этом стараются не вспоминать), что многие организационно-технологические характеристики постиндустриализма, в том числе и указанные выше, под другим названием были еще раньше предсказаны марксистами. Очевидно, что перспектива перехода, говоря словами российского законодательства, к общедоступному высшему и послевузовскому образованию потребует от каждой страны, не желающей отстать навсегда, разработки соответствующей национальной доктрины и национальной стратегии.

Во-вторых, категорически расходясь с постиндустриалистами в оценке возможностей дальнейшей экономико-технологической экспансии человечества, экологически ориентированные глобалисты, начиная с теоретиков Римского клуба, соглашались, однако, со своими оппонентами в представлении об исключительной важности образования. Только эта исключительная важность видится прежде всего не в вооружении человеческого интеллекта новыми операциональными возможностями, а в перестройке сознания. Цель инновационного обучения, по мнению теоретиков этого направления, состоит в том, чтобы, пока еще не поздно, воспитать человека, способного в условиях очередной бифуркации (перекрестка цивилизационных дорог) осуществить правильный выбор и следовать ему. Этот выбор различные авторы именуют по-разному: «стратегия выживания» (М. Месарович, Э. Пестель), «устойчивое развитие» (Г. Х. Брунтландт и официальные документы ООН), «развитие вместо роста» (Дж. Шелл), «стратегия человечества» (Н. Моисеев) и т. п. Однако при любом наименовании и существенном расхождении моделей стратегии предполагается, что на смену нынешнему «экономическому человеку» должен прийти «человек экологический». А это требует уже не просто усилий заинтересованных государств, но и их (усилий) координации на основе определенной доктрины.

В-третьих, помимо общецивилизационной бифуркации, в последнее десятилетие Россия переживает и свою собственную, причем избранное ее руководством в начале 90-х гг. направление развития оказалось едва ли не противоположным общемировому. В результате крушение советско-российской цивилизации сопровождалось катастрофой, не имеющей себе равных в мирное время в истории XX в. (точнее, шестью катастрофами: экономической, финансовой, социальной, демографической, моральной, геополитической). Страна стоит перед выбором: либо ускоренная модернизация (что не тождественно вестернизации), либо переход в разряд стран «третьего мира» с шансами остаться среди

них навсегда. В числе крайне ограниченных ресурсов, которыми располагает Россия после глубочайшего всеобщего кризиса, — все еще не разрушенный окончательно научно-образовательный потенциал. Национальная доктрина образования призвана сделать его одним из краеугольных камней модернизации.

Представляя в специальной рабочей группе по подготовке Национальной доктрины образования профильный комитет Государственной Думы, автор данной статьи прежде всего исходил из убеждения, что Доктрина должна ориентировать современную Россию на осуществление модернизации страны по модели опережающего развития. Предложенная автором концепция этого документа сводится к следующему.

Национальная доктрина образования рассматривается как основополагающий государственный документ, нормативный правовой акт, устанавливающий приоритетный статус образования как социального института и направления государственной политики в современном российском обществе, стратегию развития образования на ближайшие десятилетия и основные направления образовательной политики государства.

Доктрина — вне- или надведомственный документ, обязательный для исполнения всеми органами государственной власти и местного самоуправления на территории Российской Федерации в соответствии с их компетенцией. Доктрина отражает решимость и волю государства принять на себя ответственность за настоящее и будущее отечественного образования.

Устанавливая стратегию образовательной политики, Доктрина определяет необходимость и основные направления законотворческой деятельности, выступает как основа для разработки (переработки, уточнения) федеральной программы развития образования и федеральных целевых программ. Принятие нормативных правовых актов, противоречащих Доктрине, в т. ч. снижающих уровень гарантий прав граждан в области образования и уровень его финансирования, не допускается.

В период разработки и подготовки текста проекта «Национальной доктрины образования в Российской Федерации» в работах автора в систематизированной форме был изложен комплекс идей, которые могли бы войти (частью уже вошли) в концептуальное ядро этого документа. С точки зрения экономики образования, а равным образом — соотношения экономики и образования к ним принадлежат следующие.

Во-первых, государство должно установить статус образования как в основном вне рыночного сектора. Социальный заказ в данном случае не может интерпретироваться как попытка превратить образование в простую «сферу обслуживания» потребностей рынка вообще, а российского «дикого рынка» с его разрушенными производственными структурами — в особенности, что неминуемо привело бы к разрушению основ отечественной системы образования. Ввиду высокой длительности воспроизводственного цикла в образовании и его высокой инерционности восстанавливать разрушенные основы пришлось бы десятилетиями.

Во-вторых, сказанное не означает, что образование принадлежит к числу социальных институтов, лишь потребляющих ресурсы общества. Напротив, как уже неоднократно отмечалось, оно воссоздает главный ресурс — человеческий. Не случайно целый ряд крупных экономистов полагает, что инвестиции в образование в долгосрочной перспективе — самый выгодный вид вложения средств общества. Затраты на образование и должны рассматриваться как инвестиции в будущее.

В-третьих, это означает, что государственные и частные инвестиции в образование должны наращиваться как в абсолютном, так и в относительном размерах (в процентах к ВВП, расходной части бюджетов и т. п.). В свою очередь это потребует нового курса экономической и социальной политики в целом.

Предложенная автором концепция российской Национальной доктрины образования лишь отчасти и в весьма редуцированном виде отразилась в проекте, в основном одобренном Всероссийским совещанием работников образования в январе 2000 г. и Правительством Российской Федерации 17 февраля. Однако и в таком виде проект Доктрины был ориентирован на идею опережающего развития образования, на сохранение и приумножение образовательного и научного потенциала России.

Вместе с тем появился и другой документ, устанавливающий стратегию политики в области образования. В июне 2000 г. на заседании Правительства были обсуждены «Основные направления социально-экономической политики Правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу», подготовленные Центром стратегических разработок под руководством Г. Грефа и содержащие раздел «Реформирование образования».

Следует отметить, что названный раздел заметно отличается в лучшую сторону от аналогичного документа образца 1997—1998 гг. Как известно, Постановление № 600 Правительства С. Кириенко предполагало значительное сокращение расходов на образование, передачу в массовом порядке образовательных учреждений на региональные и местные бюджеты, отмену надбавок за ученые степени и звания преподавателям вузов и надбавок за классное руководство и проверку тетрадей учителям общеобразовательных школ, введение платы за образование в виде оплаты за коммунальные и другие услуги, якобы не связанные с образовательным процессом. Была предпринята попытка приватизации вузов через проект Закона «О федеральной программе приватизации», не принятый Парламентом. Лишь благодаря протестам педагогической общественности и твердой позиции профильных комитетов Госдумы и Совета Федерации удалось сначала приостановить реализацию Постановления № 600, а затем отвергнуть и названную концепцию «реформирования».

Новая концепция реформирования, хотя и разработана в основном тем же коллективом авторов, признает невозможность модернизации России без наращивания вложений в образование. Провозглашение приоритетности инвестиций в человека концептуально сближает соответствующий раздел «Основных направлений...» с проектом Национальной Доктрины образования в Российской Федерации.

Оба документа исходят из необходимости:

- наращивания бюджетного финансирования образования и повышения оплаты труда работников, занятых в этой сфере;
- предоставления налоговых льгот образовательным организациям, организациям и физическим лицам, инвестирующим в образование;
- ускоренной информатизации системы образования;
- развития общественных, самоуправленческих начал в системе образования, включая создание попечительских советов, создания государственно-общественных и общественных объединений и т. п.;
- более полной интеграции образования и науки;
- структурной перестройки в направлении интеграции образовательных учреждений различных уровней;
- оздоровления обучающихся и всего образовательного процесса;
- необходимости формирования в образовательном процессе общегражданских ценностей и др.

Однако два названных документа содержат и принципиальные различия, которые могут быть сгруппированы в три блока соответственно трем основным проблемам российского образования (финансы, обеспечение равенства возможностей, ценности).

Во-первых, с финансовой точки зрения оба документа исходят из идеи многоканального финансирования (или софинансирования) образования, сочетания образования на платной и бесплатной для гражданина основе. Однако доля государственного финансирования и, соответственно, бесплатного образования проектируется по-разному. Проект Доктрины предусматривал рост доли бюджетных расходов на образование более чем в 2 раза в течение 3 лет, т. е. до 6% ВВП. В СССР в 1970 г. было 7%, и, следовательно, с учетом приблизительно двукратного сокращения ВВП фактические затраты оказались бы в 2 раза меньше; «Основные направления...» — на 1 процентный пункт в течение 5 лет (с 3,2 до 4,2% ВВП), что существенно ниже, чем в развитых странах, не говоря уже о государствах, ставящих задачу ускоренной модернизации.

При этом в «Основных направлениях...» отмечается, что «граждане, которые

обладают самостоятельными источниками финансирования социальных потребностей, сами, за счет собственных доходов, должны оплачивать практически все расходы по оплате жилья и коммунальных услуг, а также часть расходов на медицинское обслуживание, образование, пенсионное страхование. В перспективе значительную часть социальных благ этой категории граждан следует предоставлять преимущественно на конкурентной основе через предприятия негосударственных форм собственности».

Соответственно в отношении оплаты труда проект Доктрины в течение 3 лет предусматривал реализацию статей действующих Законов «Об образовании» и «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», ключевое положение которых заключается в установлении педагогическим работникам образовательных учреждений средних ставок не ниже средней заработной платы в промышленности; «Основные направления...» — повышение оплаты труда данной категории работников примерно в 2 раза в течение 5 лет (т. е. в среднем приблизительно с 30 до 60 долларов), что лишь немного превысит официально установленный прожиточный минимум.

С точки зрения ограничения неравенства возможностей граждан в области образования Доктрина предусматривает дополнительные меры государственной поддержки в период образования для лиц с ограниченными возможностями здоровья, для детей-сирот и детей из семей с доходами ниже официально установленного прожиточного минимума, в т. ч. посредством предоставления им государственного именного образовательного обязательства. В большинстве вариантов Концепции Центра стратегических разработок подобные меры предусматривались лишь для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, число бесплатных учебных мест в государственных высших учебных заведениях предполагалось сократить примерно с 2/3 до 1/3, а введение государственного именного финансового обязательства на основе результатов единого экзамена привело бы не сокращению, но к увеличению неравенства возможностей в области образования.

Наконец, анализ аксиологического аспекта проблемы показывает, что в отношении образования как инструментальной ценности (подготовка специалистов, освоение новых технологий, ориентация на рынок труда и т. п.) позиции двух документов совпадают. В отношении же образования как социокультурной ценности — расходятся: согласно «Основным направлениям...», образование есть прежде всего средство развития рыночных отношений, оно должно быть максимально к ним приспособлено; согласно Доктрине, образование — это главным образом средство развития личности, феномен культуры, в основе своей внерыночная сфера, хотя использование рыночных механизмов и не отрицается.

Что касается ценностных ориентиров самой системы образования, то отличие Доктрины — прямая установка на формирование патриотического сознания, освоение прежде всего отечественной культуры, что соответствует не только российским традициям, но и практике ряда высокоразвитых стран (США, Франция и т. п.).

Какова же судьба двух этих документов? Выступая в июне 2000 г. на международной научной конференции «Социально-экономические трансформации на рубеже веков: сравнительный анализ опыта постсоциалистических стран», автор сделал прогноз, что Доктрина, прежде всего по финансовым показателям, будет скорректирована под правительственную концепцию «Основных направлений...», и в результате слияния возобладает идея «догоняющей конвергенции». К сожалению, пессимистический прогноз в очередной раз оправдался.

4 октября текст Национальной доктрины образования в Российской Федерации был утвержден Постановлением Правительства № 751, и если разделы Доктрины «Введение», «Основные цели и задачи образования», «Педагогические кадры», «Качество образования», «Основные задачи государства в сфере образования» сохранены (за исключением редакторских правок) практически полностью, то разделы «Финансирование системы образования», «Пенсионное обеспечение», «Социальное обеспечение обучающихся, воспитанников, студентов и аспирантов» изменены радикально. Так, в разделе «Финансирование системы образования» все конкретные цифры, определяющие

уровни финансирования образования с 2001 до 2025 года (в процентах от ВВП) сняты и заменены на тезис, что «будут расширены возможности привлечения в сферу образования средств из бюджетов семей и других внебюджетных источников, а также средств предприятий». Таким образом, обязанность государственного финансирования и поддержки системы образования в значительной мере переносится на граждан с низкими и средними доходами.

В утвержденном варианте Доктрины конкретные обязательства государства по увеличению размера студенческих стипендий (в процентах к прожиточному минимуму) заменены на обещание «адресного предоставления академических и социальных стипендий».

Из текста Доктрины исчезло даже упоминание о пенсиях за выслугу лет, взамен которых предполагается ввести надбавку за 25-летний стаж работы. Однако, во-первых, при нынешней ситуации надбавку придется платить региональным и местным бюджетам, которые пусты. А во-вторых, пенсия за выслугу лет для того и давалась, чтобы опытный учитель мог работать на неполную ставку и при этом сохранить прежний уровень жизни. Надбавка же в этом смысле пенсии за выслугу лет заменить не может, поскольку она будет уменьшаться вместе с уменьшением нагрузки.

Можно с большой вероятностью предположить, что Доктрина в ее утвержденном варианте не сможет сыграть той роли, которую ей отводило образовательное сообщество, большинство провозглашенных в Доктрине целей окажется недостижимыми.

Вместе с тем утверждение Правительством текста Доктрины в ее «усеченном варианте» отнюдь не означает, что вопрос о стратегии модернизации образования в России окончательно решен в пользу «догоняющей конвергенции».

На взгляд автора, Доктрина должна приниматься федеральным законом, поскольку закон обеспечивает, во-первых, наиболее демократическую процедуру принятия документа, во-вторых, более высокий уровень согласия относительно его содержания, в-третьих, относительно меньшую зависимость от политической конъюнктуры (смена Президента или состава Парламента и т. п.) и относительно большие шансы быть исполненным.

По инициативе автора на обсуждение общественности вынесен вопрос о возможности принятия основных положений Доктрины на общенародном референдуме. Такая процедура возможна и без утверждения законопроекта Парламентом (что хуже), и в случае отклонения уже принятого Закона Президентом (что может стать единственной формой преодоления вето). Не предвосхищая решение по этому вопросу Конституционного суда, отметим: предварительная экспертиза показывает, что вопрос о принятии Доктрины не принадлежит к кругу вопросов, проведение референдума по которым не допускается законом.

На взгляд автора, на референдум должны быть вынесены следующие жизненно важные для российского образования вопросы:

1. Считаете ли вы, что в Конституцию Российской Федерации должны быть дополнительно включены гарантии права граждан России на бесплатное и общедоступное обучение в старших классах средней школы и в профессионально-технических училищах и часть 2 статьи 43 Конституции Российской Федерации должна быть изложена в следующей редакции:

«Гарантируется общедоступность и бесплатность дошкольного, среднего (полного) общего и начального профессионального образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях».

2. Считаете ли вы, что сокращение числа бесплатных учебных мест на 10000 граждан России в средних профессиональных и высших учебных заведениях, а также в аспирантуре должно быть запрещено законом?

3. Считаете ли вы необходимым утвердить федеральным законом одобренную Всероссийским совещанием работников образования «Национальную доктрину образования в Российской Федерации», которая в обязательном порядке должна содержать следующие положения:

— приоритетное развитие образования — по доле бюджетных расходов на образование в валовом национальном продукте Россия должна входить в число 10 наиболее развитых стран;

— средняя ставка оплаты труда работников образования не может быть ниже средней заработной платы в промышленности;

— государственная поддержка малообеспеченных семей, инвалидов и детей-сирот в целях обеспечения равных экономических возможностей получения гражданами образования всех уровней;

— реальное государственное обеспечение бесплатного образования всем необходимым, в том числе учебниками и информационной техникой;

— обеспечение охраны здоровья учащихся и студентов;

— гарантии участия общественности в управлении образованием на всех уровнях, развития самоуправления учащихся, студентов и педагогических коллективов;

— ответственность Правительства Российской Федерации за реализацию «Национальной доктрины образования в Российской Федерации».

Что касается возражений против референдума, основывающихся на результатах социологических опросов, согласно которым проблемы образования в массовом сознании не занимают ведущих позиций, уступая по остроте восприятия проблемам уровня жизни, своевременности выплаты и размеров заработной платы, безработицы и т. п., то, во-первых, эти результаты вполне объяснимы и в известном смысле могут рассматриваться как позитивные. Объяснимы — ибо потребность в образовании, в отличие, например, от потребности в пище, одежде и т. п., не связана напрямую с физиологией, а отсутствие заработной платы сказывается на непосредственной жизни человека несравненно быстрее, чем плохое образование. Позитив же состоит в том, что данные результаты могут рассматриваться и как косвенное свидетельство относительно более благополучного состояния системы образования по сравнению с иными социальными институтами. Во-вторых, социологические опросы показывают относительно низкий «рейтинг» образования лишь в тех случаях, когда вопрос формулируется абстрактно. Например, когда респондентов просят расположить проблемы, стоящие перед страной, по остроте и важности, образование оказывается на 10—12 месте. Когда же их просят оценить важность решения аналогичных проблем для своего ребенка, образование обычно входит в тройку приоритетов. Следовательно, поражение инициаторов вынесения на референдум Доктрины отнюдь не предопределено. Напротив, как представляется, набрать необходимое число голосов его участников вполне возможно. Главная же трудность — добиться назначения такого референдума в условиях ослабления общественного влияния на политику.

В заключение следует еще раз подчеркнуть то, о чем автор многократно говорил на протяжении всей своей работы в Парламенте и что пытался вложить во все разрабатываемые им законопроекты:

1. Модернизация России возможна только на базе опережающего развития образования;

2. Для того, чтобы обеспечить опережающее развитие образования, стране нужен другой социально-экономический курс.

Опубликовано: Правовые проблемы экономики образования. Материалы V международной научно-практической конференции 9—10 октября 2000 г. / Под ред. Г. А. Николаева.— М.: Изд-во Академии труда и социальных отношений, 2000.— С. 30—41.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ И ОТНОШЕНИЕ К ОБРАЗОВАНИЮ: ПРОГРАММЫ И РЕАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ ФРАКЦИЙ И ГРУПП В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ВТОРОГО СОЗЫВА

Общеизвестно, что в современных обществах фактор образования становится все

более значимым. По данным ЮНЕСКО, почти каждый пятый из числа живущих в настоящее время является либо учащимся, студентом, либо преподавателем учебного заведения с традиционными формами обучения (Доклад о положении дел в области образования в мире за 1991 год.— С. 16). С каждым годом растет понимание важности образования. Ныне общепризнанно, что политика, направленная на экономическое развитие, на борьбу с бедностью, на улучшение здоровья общества, охрану окружающей среды и обогащение мировой культуры не даст эффекта без соответствующей стратегии в области образования.

В теоретическом плане приоритетность сферы образования не ставится под сомнение и в современной России. Из уст Президента Российской Федерации, других руководителей государства прозвучало немало справедливых слов о том, что «будущее России определяется уровнем образованности ее граждан» и что «только подъем образования, науки и культуры позволит нам по настоящему преобразить Россию» (Выступление Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина на IV Съезде Российского союза ректоров вузов в марте 1996 г.— М., 1996.— С. 4). Жаль только, что такие высказывания, как правило, звучат в периоды предвыборных кампаний и остаются чаще всего заклинаниями, не подкрепленными конкретными делами.

Естественно, что вопрос о роли и месте образования в жизни современного российского общества не обошли вниманием в своих программных документах и ведущие общественно-политические силы страны.

Первое, и, пожалуй, главное, что роднит программные документы практически всех политических партий и движений перед выборами в Государственную Думу в 1995 г.— это признание особой роли образования, науки и культуры в современном обществе. «Именно культура, наука и образование должны стать приоритетами всей национальной политики...» (политическая платформа общественного объединения «Яблоко»); «движение выделяет в числе своих политических приоритетов образование» (программа Всероссийского общественно-политического движения «Наш дом — Россия»); «образование должно стать одной из ключевых сфер государственного инвестирования» (программа Партии российского единства и согласия) — подобные декларации содержались в предвыборных платформах практически всех общественно-политических сил на президентских, парламентских и региональных выборах последних лет.

Безусловно положительным моментом, объединяющим программные документы партий и движений всего политического спектра России, является осознание необходимости сохранения лучших традиций российской системы образования и требование защиты ее от бездумных попыток перелицовывания по западным образцам, к тому же нередко искаженным. Исключением здесь является лишь движение «Вперед Россия» Б. Федорова, предвыборная платформа которого в перечне мер повышения качества образования выделяла прежде всего «ознакомление учебных заведений с лучшими образцами зарубежного опыта», «привлечение к преподаванию в России зарубежных преподавателей» и т. п.

Все программы содержали и требование достойной оплаты труда занятых в названных выше сферах, требование значительного повышения окладов и ставок учителям, преподавателям, всем работникам системы образования.

Практически все партии и движения в период избирательной кампании по выборам депутатов Государственной Думы в декабре 1995 года продублировали заложенную в Законе «Об образовании» норму: 10% национального дохода — на развитие образования. Среди программ ведущих политических организаций нет этого показателя лишь у НДР, ставящего в своей Программе задачу «продолжить... реформирование средней и высшей школы общего и профессионального образования с учетом требований общества, экономических возможностей страны».

Расхождения же в программных документах начинаются в вопросе о целях и задачах народного образования. На наш взгляд, анализ партийных программ и избирательных платформ позволяет выделить три подхода к указанной проблеме:

1. Провозглашение в качестве стратегической цели образования формирования

свободной самостоятельной личности; обеспечение каждому возможности творчества, саморазвития, самореализации. При этом явно прослеживается переориентация ценностных начал образования с коллективизма на индивидуализм, общественный интерес противопоставляется частному. Эти либеральные по своей идеологической установке положения содержались в программах «Демократического выбора России», движений «Вперед Россия» Б. Федорова и «Общее дело» И. Хакамады, Партии экономической свободы К. Бо-рового.

2. С тех же идеологических позиций, но более прагматический подход демонстрировали движения «Наш дом — Россия» и «Яблоко». «Образование может и должно выступить фактором сохранения единства России, стабилизации, адаптации российского общества к происходящим переменам,.. призвано подготовить новые поколения к сознательному строительству своей жизни в условиях полнокровной демократии и динамичной рыночной экономики»,— отмечают авторы программы НДР. «Те страны, которые отказались от «остаточного» финансирования и опережающе вкладывают крупные средства в культуру, образование, науку, получают наиболее квалифицированных работников, законопослушных граждан,духовное и материальное благополучие миллионов людей»,— вторят им идеологи «Яблока».

3. Образование, являясь базой развития общества, призвано обеспечить духовно-нравственное единение народов России, воспитать личность, соединяющую творческие и интеллектуальные способности с ответственностью перед обществом. При этом авторы программ исходят не только из представлений о самодостаточности личности (что характерно для первого подхода), а из необходимости сохранения таких традиционных для России ценностей, как коллективизм, уважение личности других людей, забота об общем благе. На эти задачи ориентируют систему образования программные документы КПРФ, Аграрной партии России, Конгресса русских общин, движения «Власть народу».

Различный подход декларировали политические организации и в вопросе о соотношении государственных и частных образовательных учреждений и услуг. Партии и движения, стоящие на правом фланге политического спектра (Демократический выбор России, Партия экономической свободы, «Яблоко»), ратуют за всемерное развитие частных школ и вузов, требуют «обеспечить равноправное отношение (включая бюджетную поддержку и льготы) к государственным и негосударственным образовательным, научно-исследовательским, детским и досуговым учреждениям» (предвыборная программа объединения «Общее дело»). Характерно в этом отношении одно из положений программы Партии российского единства и согласия, гласящее что «государственные и муниципальные средние учебные заведения должны давать качественную подготовку, достаточную для равноправного участия выпускников в конкурсе для поступления в университеты и вузы». Видимо, авторы программы абсолютно были уверены в более качественной подготовке выпускников частных гимназий, лицеев, школ всегда и везде.

Более умеренный подход к указанной проблеме характерен для программы НДР, в которой ставилась задача «сохранить и укрепить в качестве ядра всей российской образовательной системы государственные учебные заведения». Однако и эта политическая организация акцентировала внимание на «привлечении в сферу образования частного капитала».

Партии левой и левоцентристской ориентации в своих программных установках заявляли прежде всего о необходимости сохранения и укрепления государственной системы образования.

С вопросом о формах собственности в образовании тесно связан вопрос о приватизации образовательных учреждений. Показательно, что само понятие приватизации образовательных учреждений чаще всего встречалось в программах политических организаций левой и левоцентристской ориентации, высказывающих резко отрицательное отношение к этой идее. Партии и движения противоположного фланга политического спектра, зная о негативном отношении педагогической общественности к приватизации в сфере образования, предпочитают обходить молчанием данный вопрос.

Лишь в «Либеральном плане для России» движения Б. Федорова отмечалось, что о тотальной (подчеркнуто нами) приватизации образования не может быть и речи, да «Общее дело» требует «строгого государственного и общественного контроля за приватизацией учреждений образования и культуры». Показательно, что при этом движение И. Хакамады настаивало и на строгом контроле «за эффективным использованием средств, выделяемых на приватизацию». Видимо, предполагалось, что государство должно еще и приплатить частнику, приватизирующему государственное образовательное учреждение!

Различные подходы декларировали политические силы левой и правой ориентации и в вопросе о платности образовательных услуг. Если первые постоянно подчеркивали необходимость сохранения бесплатности образования на всех уровнях и допускают наличие платных образовательных услуг как дополнительную меру, то вторые ограничивали бесплатность порогом средней школы либо, по крайней мере, предполагали перевод на платную основу высшего образования. При этом лишь Партия экономической свободы прямо отмечала в своей программе необходимость перейти к преимущественно платному высшему и среднему специальному образованию, остальные в качестве первоочередных задач выдвигают требования развития «всех видов образовательных учреждений — государственных и частных» (программа НДР), «поощрения самофинансирования» (предвыборная платформа движения «Яблоко») и т. п.

Анализ деятельности политических сил по реализации своих программных установок следует предварить рядом замечаний.

Во-первых, созданная Конституцией 1993 г. система исполнительной власти (авторитарный, стоящий над политическими партиями Президент, формируемое без учета итогов выборов и фактически неподконтрольное Парламенту Правительство) не позволяет идентифицировать проводимую в стране политику с той или иной партийной программой. Конечно, то, что Правительство в течение ряда лет возглавлял лидер НДР В. Черномырдин, а ключевые посты в Администрации Президента и в Правительстве занимали входящие или близкие к ДВР А. Чубайс, А. Ясин, Б. Немцов, имеет немаловажное значение, но полностью отождествлять проводимый в стране в последние годы курс с той или иной партийной программой, на наш взгляд, не представляется возможным.

Во-вторых, реальная расстановка сил, сложившаяся в Государственной Думе (ни одна из партийных фракций не имеет абсолютного большинства, самая крупная фракция КПРФ объединяет менее трети депутатского корпуса, а все вместе левые фракции имеют примерно 210 из 450 депутатских мандатов) также не позволяет в полной мере идентифицировать политику законодательной ветви власти с той или иной политической силой. Подавляющее большинство важных законопроектов, выносимых на пленарные заседания, является после обсуждения в соответствующих профильных комитетах результатом компромисса различных политических сил.

В-третьих, ряд депутатских объединений действующей Думы, прежде всего группы «Российские регионы» и «Народовластие», представляют из себя временные межпартийные объединения и их позиции нельзя отождествлять с той или иной партийной программой. Не случайно так называемый «индекс сплоченности» в депутатских группах, как правило, значительно ниже, чем во фракциях. В меньшей степени сказанное выше относится к Аграрной депутатской группе, позиции которой в общем совпадают с позициями Аграрной партии России.

Наконец, в-третьих, ряд политических движений и партий, претендующих на весомые позиции в определении осуществляемого курса и действительно (в силу авторитета и политического веса лидера) оказывающих влияние на проводимую политику, не преодолели на выборах 1995 г. пятипроцентный барьер и представлены в Парламенте 1—2 депутатами (ПРЕСС, «Вперед Россия», «Общее дело», Конгресс русских общин, Трудовая Россия и др.). Отождествлять их личную позицию с мнением всей организации, на наш взгляд, не всегда правомерно. К тому же ряд из них (А. Лебедь, А. Починок, И. Рыбкин, И. Хакамада, Б. Федоров, С. Шахрай) в 1996—1997 г. перешли в исполнительные органы

власти.

Вместе с тем анализ хода и результатов голосований депутатов Государственной Думы позволяет, конечно же, сделать определенные выводы о реальной позиции политических сил в области образования.

Прежде всего обращает на себя внимание тот положительный факт, что депутатский корпус уделяет вопросам образования значительное внимание. За время работы Государственной Думы нынешнего созыва на пленарных заседаниях принято свыше 20 законов и постановлений, касающихся развития образования, в т. ч. приняты такие Федеральные законы, как «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», «О выплате пенсии за выслугу лет работникам образования, занятым педагогической деятельностью в школах и других учреждениях образования для детей», «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О сохранении статуса государственных и муниципальных образовательных учреждений и моратории на их приватизацию».

Показательным, на наш взгляд, является и то, что, понимая приоритетность образования и учитывая настроения избирателей, многие депутаты вместо голосования «против» того или иного положения предпочитают не участвовать в принятии решения. Яркой иллюстрацией этого являются, например, итоги первого голосования по преодолению вето Президента на Закон «О государственной поддержке начального профессионального образования» в октябре 1996 г. За повторное принятие Закона проголосовали 252 депутата (56,0%), в основном представители КПРФ, Аграрной депутатской группы и «Народовластия». Против голосовали лишь 4 депутата, но зато не принял участие в голосовании 191 депутат. Не голосовали 90,6% депутатов фракции НДР, 62,7% депутатов ЛДПР, 56,5% депутатов «Яблока» (табл. 1).

Аналогичная картина наблюдается и при голосовании законопроектов, направленных на улучшение материального положения и усиление социальной защищенности работников образования и обучающихся. Так, в феврале 1996 г. Дума преодолела вето Президента на Закон «О выплате пенсии за выслугу лет работникам образования, занятым педагогической деятельностью в школах и других учреждениях образования для детей». Против повторного принятия Закона не голосовал ни один депутат, но при этом не приняли участие в голосовании 40,9% депутатов НДР, 41,3% депутатов фракции «Яблоко» и 40,5% депутатов группы «Российские регионы». И это несмотря на то, что представитель Президента в Государственной Думе не возражал против преодоления вето (табл. 2).

В январе 1998 г. при преодолении вето Президента на Закон «О порядке определения размеров средней ставки и должностного оклада работников образовательных учреждений» против также не голосовал никто, но при этом не голосовали 69,2% депутатов НДР и 43,2% депутатов группы «Российские регионы». Наконец, в июне 1998 г. при принятии Закона «О льготах на проезд на междугородном транспорте для отдельных категорий обучающихся в государственных и муниципальных образовательных учреждениях» опять не было голосовавших против, но в голосовании не приняли участие 70,8% депутатов НДР, 84,1% членов фракции «Яблоко», 57,1% депутатов группы «Российские регионы» (табл. 3, 4)

Выше уже отмечалось, что одним из главных положений предвыборных платформ большинства политических партий и движений являлось требование увеличения ассигнований на науку, культуру и образование. Однако аналогичные предложения профильного комитета Государственной Думы не находят поддержки у большинства депутатов. При обсуждении бюджетов 1996—1998 гг. за увеличение финансирования этих сфер высказывалось чуть более одной трети депутатского корпуса.

Общие итоги голосования депутатских объединений за три года работы Государственной Думы второго созыва (февраль 1996 — январь 1999 гг.) по всем основным законам и законопроектам в области образования, а также по ключевым поправкам к Законам о федеральном бюджете, направленным на финансовую поддержку этой сферы, представлены в таблице 5. Необходимо отметить следующие особенности отбора и предварительной группировки материала, включенного в таблицу.

Во-первых, в ней сведены результаты голосований по всем законопроектам за

указанный период, направленным на защиту системы образования и прав граждан в этой области, а редкие законопроекты противоположной направленности исключены. В таких условиях голосование за законопроект может рассматриваться как выражение позиции в поддержку образования и, напротив, любое другое голосование, а также отказ от участия в нем,— как отказ в такой поддержке.

Во-вторых, учитывая, что каждый законопроект принимается Государственной Думой в трех чтениях, а по многим из них приходится преодолевать вето Совета Федерации либо вето Президента России, собранный материал подвергнут предварительной обработке и в таблице, как правило, представлены средние показатели нескольких голосований по каждому законопроекту.

В-третьих, в таблицу не включены результаты голосований по проектам постановлений Государственной Думы, в которых рассматриваются вопросы образования. Представляется, что результаты голосований по этим проектам не могут служить показателем позиции фракций и групп, учитывая, с одной стороны, формальное отношение депутатов к подобным постановлениям, не имеющим обязательной силы, а с другой — практически полное отсутствие межфракционных дискуссий по названным выше проектам (включая даже проект, в котором рассматриваются проблемы преподавания истории!) в течение всего рассматриваемого периода.

В-четвертых, в таблице особо выделены и отмечены знаком «*» «критические» голосования, связанные обычно с преодолением вето Совета Федерации либо вето Президента, непосредственно требующие дополнительных расходов из федерального бюджета, ставящие тем самым депутатов перед необходимостью политического выбора, а следовательно, наиболее показательные для определения позиций фракций и групп в Государственной Думе.

В-пятых, в силу этих обстоятельств сведенные в таблицу данные обладают высокой репрезентативностью, поскольку результаты большого количества голосований усреднены и тем самым случайные факторы не оказывают существенного влияния на их общий итог. На основании приводимых данных можно с высокой степенью достоверности судить о степени реальной, а не декларативной поддержки образования со стороны ряда российских политических партий и движений.

Сопоставление программных документов (в том числе предвыборных платформ) политических партий и движений, представленных в Государственной Думе, с результатами голосований парламентских фракций и групп по вопросам образования позволяют сделать следующие выводы.

1. Реальная политическая позиция фракций и групп в Государственной Думе по отношению к образованию — позиция, выраженная в результатах голосований,— определяется тремя основными группами факторов, включая:

— общую политическую ориентацию партии (движения) — левая, правая или центристская — и ее место в партийной системе — проправительственная либо оппозиционная;

— соответствие (или несоответствие) общественных групп, на поддержку которых (в части их права на образование) направлен тот или иной законопроект, тем общественным группам, которые рассматриваются движением в качестве своего электората;

— блок организационно-политических факторов, в том числе уровень посещения депутатами фракций заседаний Государственной Думы, организованность, индекс групповой сплоченности и т. п.

2. Для политики в области образования российских партий и движений характерен следующий парадокс: на уровне деклараций (программ, предвыборных платформ и т. п.) образованию уделяют гораздо больше внимания партии и движения правой ориентации, тогда как реально, в доступной для них форме парламентских голосований гораздо более поддерживают образование фракции и группы левого направления. В целом поддержка законов в области образования в Государственной Думе второго созыва нарастает в левой части политического спектра и убывает в правой. Если ранжировать депутатские объединения по степени поддержки ими законов в области образования, то расстановка

мест, определяемая результатами голосований по всем законам, сведенным в таблице 5, практически совпадает с движением слева направо в политическом спектре: первое место занимает КПРФ — 84,34%; второе — Аграрная депутатская группа — 73,2%; третье — группа «Народовластие» — 66,4%; четвертое — фракция ЛДПР — 64,6%; пятое — «Яблоко» — 56,1%; шестое — «Российские регионы» — 49,6% и седьмое — фракция НДР — 42,3% (при среднем уровне поддержки законов в области образования в 62,8%).

Другими словами, наиболее последовательную позицию, направленную на сохранение и развитие образования как приоритетной сферы общества и на социальную защиту ее работников, занимает фракция КПРФ. Результаты голосований союзников КПРФ — Аграрной группы и группы «Народовластие» — также существенно превышают среднестатистические показатели. Напротив, все депутатские объединения правоцентристской и правой ориентации («Яблоко», «Российские регионы», НДР) имеют показатели ниже средних по Думе, причем наиболее последовательна позиция фракции НДР, исходящая прежде всего из принципа экономии государственных расходов, в том числе и за счет образования. Четвертое место фракции ЛДПР, имеющей показатель, наиболее близкий к среднестатистическому, не опровергает выдвинутого тезиса, но скорее подтверждает его. Хотя в свое время либеральные лидеры многократно заявляли о праворадикальном характере ЛДПР, на самом деле эта партия и ее фракция в Государственной Думе вполне может быть охарактеризована как центристская, не в смысле постоянно занимаемой ею позиции, но в смысле ее постоянных колебаний между различными позициями, порой в течение нескольких дней, — колебаний, которые при усреднении дают картину некоего крайне неустойчивого центра. Это, в свою очередь, вполне соответствует среднему рангу результатов голосования НДР по законопроектам в области образования.

3. Фактор электоральных предпочтений думских фракций является производным от фактора их общей политической ориентации и наиболее явно проявляется при анализе не средних результатов голосований, но голосований по отдельным законам и законопроектам. Наряду с другими, этот показатель объясняет, например, неустойчивость и противоречивость позиции по интересующему нас вопросу фракции «Яблоко». Претендуя на роль выразителя интересов широких слоев интеллигенции, в том числе и педагогической, и заявляя об оппозиции к правительственному курсу, движение и его фракция в Государственной Думе не могут не учитывать доминирующих общественных настроений. Вместе с тем либеральная по своей сути экономическая платформа движения сближает его с НДР. Отсюда осознанная или неосознанная тактика голосования за законопроекты, направленные на поддержку предполагаемого электората движения (в том числе относимого им к среднему классу), но отказ от голосования по законопроектам предполагаемого электората, не затрагивающим, направленным на поддержку групп населения с низкими доходами. Так, думская фракция «Яблоко» отдала 88,6% голосов за повышение ставок и окладов работникам образования, однако лишь 15,9% голосов за установление льгот на проезд в междугородном транспорте для детей из семей с душевым доходом ниже прожиточного минимума.

Наиболее показательны в данном случае обобщенные результаты пяти голосований по Закону «О государственной поддержке начального профессионального образования», целью которого являлась социальная защита детей из малообеспеченных семей, обучающихся, как правило, в таких учреждениях. Средние результаты голосований фракций и групп выглядят здесь следующим образом: КПРФ — 95,2% голосов; Аграрная депутатская группа — 77,0%; группа «Народовластие» — 74,7%; «Российские регионы» — 58,6%; ЛДПР — 56,1%; НДР — 43,0%; «Яблоко» — 41,3%. Без учета фактора электоральных ориентаций объяснить, почему средние показатели «Яблока» в данном случае оказались ниже не только группы «Российские регионы», но фракции НДР, не представляется возможным.

4. Влияние на позиции депутатских объединений в Государственной Думе организационно-политических факторов проявляется наиболее сильно, когда сопоставляются результаты голосований политических фракций и депутатских групп. При прочих равных условиях в случае решения о поддержке закона результаты голосования

фракции, как правило, оказываются выше, чем у депутатской группы. Это достигается за счет более высокой посещаемости пленарных заседаний Государственной Думы депутатами фракций либо централизованного управления депутатскими карточками, а также за счет более высокого индекса групповой сплоченности во фракциях, нежели в группах. Организационно-политические факторы вносят существенные коррективы в отмеченную выше корреляцию между степенью политической левизны депутатского объединения и поддержкой им законов в области образования. Так, депутатская группа «Народовластие» (не менее левая и не менее оппозиционная, чем Аграрная группа) при более высокой дисциплине и сплоченности могла бы иметь значительно лучшие показатели голосований в среднем по законам в поддержку образования. Есть основания предполагать, что отставание группы «Российские регионы» от фракции «Яблоко» также объясняется, главным образом, не более правой политической ориентацией, но организационно-политическими факторами. Наконец, те же организационно-политические факторы представляются не менее значимыми, чем право-либеральные ориентации части депутатов, представляющих «Демократический выбор России» и близкие ему движения, для объяснения крайне низкого уровня поддержки законов в области образования со стороны независимых членов нижней палаты Парламента.

5. Таким образом, при определении реальной позиции по вопросам образовательной политики фракции и депутатские группы Государственной Думы исходят в большинстве случаев не из программных установок, заявленных в предвыборных документах, а из общей политической и идеологической линии, электоральных ориентаций и интересов текущей политической борьбы. Тот факт, что итоги голосований в решающей степени определяются положением партий и их думских фракций в партийной и политической системе страны, свидетельствует: несмотря на многочисленные призывы как слева, так и справа сделать образование полем согласия широкого спектра политических сил, во второй половине 90-х гг. оно в значительной степени оставалось полем политической борьбы. Это, без сомнения, осложняет стоящую перед российским педагогическим сообществом задачу разработки и принятия Национальной доктрины развития образования Российской Федерации.

Материал подготовлен в первой половине 1999 г. в соавторстве с доцентом А. Е. Комаровым для одного из социально-политических журналов.

Опубликован:

Смолин О. Н. Знание — свобода. Российская государственная образовательная политика и федеральное законодательство 90-х годов. Систематизированный сборник.— М.: ООО «ИПТК «Логос» ВОС», 1999. — С. 43—53.

Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология.— 2000.— № 1.— С. 86—102.

РЕЙТИНГ ПОДДЕРЖКИ ОБРАЗОВАНИЯ: КТО ЕСТЬ КТО

В последние годы образование стало одной из центральных проблем борьбы между различными политическими силами страны. И это не случайно. Не только педагогическая общественность, но и часть политической элиты страны постепенно начинает осознать, что именно образование призвано стать тем стержнем, который позволит России преодолеть затянувшийся более чем на десятилетие кризис и войти в число современных высокоиндустриальных стран.

Красивых слов в поддержку образования в последнее время произнесено немало, и это характерно для лидеров практически всех ведущих политических организаций страны. Так, лидер СПС Б. Немцов на состоявшихся в июне 2000 года парламентских слушаниях «Двенадцатилетие образования: правовые и социальные проблемы» заявляет, что «для Союза Правых Сил вопросы образования являются абсолютным приоритетом¹. Ему вторит лидер «Яблока», Григорий Явлинский, отмечавший на парламентских слушаниях 14 ноября 2000 года, что «развитие образования — ключевая проблема страны, определяющая _____»

¹ Стенограмма парламентских слушаний «Двенадцатилетние образование: правовые и социальные проблемы». С. 10.

судьбу России на очень-очень долгое время»¹. Руководитель фракции «Единство» в Государственной Думе Б. Грызлов на этих же слушаниях подчеркнул, что при обсуждении бюджета России на 2001 год эта фракция «сумела увеличить ту часть, которая предполагалась на образование, на 3 млрд. рублей»².

Однако вопрос о том, кто больше любит образование, решается не в ходе словесных дискуссий. Гораздо рельефнее высвечивают позиции политических сил итоги голосований по законопроектам, посвященным проблемам развития образования.

Комитет по образованию и науке еще в прошлой Государственной Думе начал работу по определению рейтингов поддержки образования фракциями и депутатскими группами Парламента. Общие итоги голосований депутатских объединений за 3 года работы Государственной Думы второго созыва (февраль 1996 — январь 1999 гг.) по всем основным законопроектам в области образования представлены в таблице (см. табл. 5 в предыдущей статье).

Таблица 1

**Рейтинг поддержки образования фракциями Государственной Думы
(февраль 1996 — январь 1999 гг.).**

Фракция	Средний показатель уровня поддержки законопроектов (в% к числу депутатов во фракции)
КПРФ	84,3
Аграрная депутатская группа	73,2
Группа «Народовластие»	66,4
ЛДПР	64,6
Яблоко	56,1
Группа «Российские регионы»	49,6
НДР	42,3
Независимые депутаты	25,6

На протяжении 90-х годов ключевой проблемой фракций и групп по вопросам образования в российском Парламенте являлись две стратегии его реформирования: элитарная и демократическая, причем парадокс состоит в том, что элитарную стратегию отстаивают те, кто называет себя демократами, а демократическую — те, кого от демократии «отлучили».

Какие же политические силы поддерживают каждую из этих моделей модернизации образовательной сферы? Ответ на этот вопрос ясно виден при анализе итогов голосований депутатских фракций и групп Государственной Думы по вопросам образования в весеннюю сессию 2000 года (февраль — июль 2000 года). Показательным в этом отношении является голосование 12 апреля при принятии Федерального Закона «Об изменении, приостановлении действия и признании утратившими силу некоторых законодательных актов РФ в связи с Федеральным законом «О федеральном бюджете на 2000 год», получившим в печати образное название «братской могилы для социальных законов». Напомним читателям, что этот законопроект отменял, приостанавливал более 25 законов социальной направленности, в том числе такие существенные для образования нормы, как направление на нужды образования 10% нацио-нального дохода, выделение 3% федерального бюджета на высшее образование, установленных Законом об образовании уровень зарплаты учителей и вузовских преподавателей. Итоги голосований представлены в табл. 2.

¹ Стенограмма парламентских слушаний «О конкуренции реформирования образования в проекте программы Правительства Российской Федерации «Основные направления социально-экономической политики Правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу». С. 27.

² Там же. С. 18.

Таблица 2

**Результаты голосований депутатов Государственной Думы по принятию законопроекта
«Об изменении, приостановлении действия и признании утратившими силу
некоторых законодательных актов РФ в связи с Федеральным законом
«О федеральном бюджете на 2000 год» (12.04.00 г.).**

Депутатское объединение	Депутатское объединение				Всего
	За	Против	Воздержались	Не голосовали	
Фракция КПРФ	0 0,0%	87 98,9%	0 0,0%	1 1,1%	88
Фракция «Едиство»	81 98,8%	0 0,0%	0 0,0%	1 1,2%	82
Фракция «Отечество — Вся Россия»	42 91,3%	3 6,5%	1 2,2%	0 0,0%	46
Фракция СПС	20 62,5%	0 0,0%	1 3,1%	11 34,4%	32
Фракция ЛДПР	14 87,5%	0 0,0%	0 0,0%	2 12,5%	16
Фракция «Яблоко»	16 76,2%	1 4,8%	0 0,0%	4 19,0%	21
Агропромышленная депутатская группа	1 2,4%	39 92,9%	1 2,4%	1 2,4%	42
Депутатская группа «Народный депутат»	48 82,8%	4 6,9%	0 0,0%	6 10,3%	58
Депутатская группа «Регионы России»	18 42,9%	18 42,9%	0 0,0%	6 14,3%	42
Депутаты, не входящие в зарегистрированные депутатские объединения	3 25,0%	4 33,3%	0 0,0%	5 41,7%	12
Итого	243 54,0%	156 34,7%	3 0,7%	48 10,7%	450

Подобная картина отмечалась и при принятии 19 июля 2000 года Закона «О порядке установления размеров стипендий и социальных выплат в Российской Федерации». Этот законопроект, не связывающий стипендии и социальные выплаты учащимся ни с минимальной зарплатой, ни с прожиточным минимумом и фактически замораживающий их нынешний низкий уровень, был принят прежде всего голосами депутатов фракций «Едиство», «Отечество — Вся Россия», ЛДПР и СПС (табл. 3).

Таблица 3

**Результаты голосований депутатов Государственной Думы по принятию законопроекта
«О порядке установления размеров стипендий и социальных выплат в Российской
Федерации» (19.07.00 г.)**

Наиболее четко позиции политических сил проявляются при обсуждении и голосовании вопросов, связанных с выделением финансовых средств на образование.

образованию в Европейском регионе 07.04.00

93 92 91 84 06 14 76 72 92 30

3. Об изменении, приостановлении действия и признании утратившими силу некоторых законодательных актов РФ в связи с ФЗ «О федеральном бюджете на 2001 год»

07.04.00

12.04.00

06.07.00

96 85 - 24 - 46 - 51 - 04 82 - 18 34 11

4. О внесении изменений и дополнений в Закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» 09.06.00 (расширение прав региональных органов власти в лицензировании вузов)

87 96 82 - 25 25 25 95 83 74 46

5. О внесении изменений и дополнений в ст. 16 Закона «Об образовании» 28.06.00 (предоставление льгот при поступлении в профессиональные учебные заведения детям-инвалидам и участникам боевых действий в «горячих» точках) 89 93 95

64 93 50 92 62 90 71

6. О внесении дополнений в ФЗ «О государственных пособиях граждан, имеющих детей» 07.07.00 (документ устанавливал выплату пособия в размере 1 мин. размера оплаты труда на каждого ребенка на подготовку к учебному году)

94 - 33 74 41 84 61 83 71 82 52

7. Поправка депутатов О. Н. Смолина и И. И. Мельникова в законопроект «О порядке установления размеров стипендий и социальных выплат в РФ». 07.07.00 (поправка требовала увязать размер стипендий и соцвыплат с прожиточным минимумом)

89 - 78 80 - 64 0 0 85 17 23 20

8. ФЗ «О порядке установления размеров стипендий и социальных выплат в РФ» 07.07.00 (2-е чтение)

25 - 97 - 94 - 93 - 84 - 68 19 - 88 - 78 - 74

9. Поправка группы депутатов (Булаева Н. И. и др.) при обсуждении 2 части Налогового кодекса 19.07.00 (сохранение льгот по НДС при производстве и реализации учебной литературы)

78 - 90 63 03 0 0 78 19 37 08

Средний рейтинг

81 - 02 49 0 11 17 75 32 44 21

Подсчет приведенных в таблице данных производился по следующей методике:

1. Анализу подвергались все без исключения голосования, значимые для образования.

2. Значение закона для образования определялось на основе решения Комитета Государственной Думы по образованию и науке. Поскольку в Комитете представлены все фракции и объединения, а большинство решений принимается консенсусом, очевидно, что они (решения) носят не политический, а профессиональный характер.

3. Голосование «за» закон или «за» поправку к закону, поддержанные Комитетом, оцениваются + 1 для каждого депутата, голосование «против» — 1, голосование «воздержался» или неучастие в голосовании — 0. Соответственно, если закон оценивается Комитетом отрицательно, то голосование «за» него оценивается минус 1, а «против» — плюс 1.

4. Максимально возможный результат голосования депутатского объединения в поддержку образования оценивается в 100%, а конкретный результат представляет собой разницу процентов положительных и отрицательных голосований.

5. Учитывая, что каждый законопроект принимается Государственной Думой в трех чтениях, в таблице, как правило, представлены средние показатели нескольких голосований по каждому законопроекту.

При всех условиях средних показателей представленные в табл. 4 данные позволяют на наш взгляд, сделать следующие выводы.

Как и в Думе предыдущего созыва, наиболее последовательная поддержка законов в области образования характерна для фракций и групп левой ориентации. Наиболее высокие показатели отмечены у фракции КПРФ — 81% и Агропромышленной группы — 75%.

Резкое снижение показателей в поддержку образования фракций «Яблоко» и ЛДПР связано отчасти с изменением системы подсчета средних показателей (по прежней системе учитывались только положительные с точки зрения Комитета голосования). Однако в большей степени это связано с изменением реальной политической позиции: если в прошлой Думе «Яблоко» не раз заявляло о себе как о правой оппозиции, а фракция ЛДПР проявляла постоянные колебания, то ныне оба объединения практически полностью перешли к поддержке экономического и социального курса Правительства.

Самый низкий рейтинг поддержки образования «Единством» (– 2%) объясняется приверженностью фракции принципу экономии государственных расходов, в том числе и за счет образования.

Таким образом, несмотря на многочисленные призывы как слева, так и справа, образование и при новом составе депутатского корпуса так и не стало полем согласия политических сил страны. Фракции и группы при определении реальной позиции по образовательной политике по-прежнему руководствуются своей общей идеологической линией, интересами текущей политической борьбы.

Мы надеемся, что соревнование между фракциями и депутатскими группами в доказательстве большой любви к образованию будет продолжено. Но хотелось бы, чтобы депутаты соревновались не словами, а реальными делами, что для парламентария в значительной степени равнозначно голосованию. Думается, рейтинги поддержки образования, которые мы будем публиковать регулярно, дают реальное представление о том, кто есть кто в современной образовательной политике.

Статья подготовлена совместно с доцентом ОмГПУ А.Е. Комаровым.

РАЗДЕЛ 6. ПРОГНОЗЫ, КОТОРЫМ ЛУЧШЕ БЫ НЕ СБЫТЬСЯ: ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ БИФУРКАЦИЙ

Созданье ли
болезненной
мечты,
Иль дерзкого ума
соображенье,
Во глубине
полночной темноты
Представшее очам
моим виденье?
Не ведаю; но
предо мной тогда
Раскрылися
грядущие года...

Е. Баратынский

Образование. Революция. Закон... М., 1999

ГЛАВА IV. РЕВОЛЮЦИЯ КАК БИФУРКАЦИЯ. ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ В РЕВОЛЮЦИОННЫХ УСЛОВИЯХ (ПАРАГРАФЫ 1, 2)

1. «Принципиальная непредсказуемость» или реальная альтернативность развития?

Термин «бифуркация» за последнее время нередко употребляется как синоним термина «катастрофа» (см., например: Моисеев Н. Н. Тектология Богданова — современные перспективы // Вопросы философии.— 1995.— № 8.— С. 12). Однако в данной работе, в соответствии с этимологией, этот термин употребляется для обозначения точки кризиса, после которой возможно развитие системы в различных направлениях, вплоть до полного уничтожения (Словарь иностранных слов.— М., 1989.— С. 84).

Разумеется, любой революционный кризис такому пониманию бифуркации вполне отвечает тем более, чем он глубже. После каждой революции возникает новый этап, новая линия развития общественной системы — и это не случайно. В условиях «спокойного» функционирования данного социума, циклического воспроизводства его отношений и институтов возможности социальных инноваций, разумеется, существуют, но они всегда достаточно жестко ограничены наличными условиями. Вероятность инноваций, выходящих за рамки системы, является здесь скорее абстрактной (на этом и основан функционализм как социологическая парадигма). Иное дело — ситуация революционного кризиса: все или большинство социальных институтов разрушены или расшатаны; вера в прежние ценности ослабевает, как и контроль за соблюдением социальных норм; более того, людьми овладевает желание отринуть прежнюю систему любой ценой, а новизна, независимо от того, ведет она к лучшему или худшему, превращается в самоценность и обретает неодолимую притягательную силу. В этих условиях общественные группы, выступающие как субъект истории, при поддержке широких масс действительно способны направить развитие событий в то или иное русло (хотя отнюдь не всегда — в желаемое), а возможность появления принципиально новой социетальной системы из абстрактной превращается в реальную.

В литературе неоднократно обсуждалась проблема свободы выбора в революционных условиях. Одни авторы полагают, что эта свобода резко расширяется, другие, напротив, доказывают, что она значительно ограничивается. Представляется, что

обе точки зрения содержат в себе рациональное зерно и отражают две стороны очередного парадокса революции, который можно было бы сформулировать так: качественное расширение альтернативности развития при количественном ограничении свободы выбора управленческих решений.

Одна из сторон этого противоречия выше уже описывалась. В обобщенном виде можно повторить, что возрастание альтернативности в революционных условиях детерминируется:

расшатыванием или разрушением социальных институтов прежней системы, устанавливавших социальные рамки поведения людей;

возможностью появления принципиально новой системы.

Иначе говоря, растет не количество альтернатив, а их качество. В обычных условиях альтернативы существуют в рамках данной системы, в условиях революции — альтернативы между различными типами систем.

Казалось бы, в такой ситуации пропорционально возрастанию альтернативности должна расти и свобода выбора политико-управленческих решений. Однако на деле это не так. В последующих разделах будет показано, что любая революция в той или иной мере представляет собой чрезвычайную ситуацию, катастрофу, требующую чрезвычайных мер для выхода из кризиса. Меры же чрезвычайного управления вне зависимости от того, в каком идеологическом оформлении и какими политическими режимами (левыми или правыми) они осуществляются, бывают весьма похожими между собой. Не случайно первые элементы продрозверстки вводило уже царское правительство, а новый курс Ф. Рузвельта характеризовался многими американскими правыми как «прокоммунистический».

Это не означает, конечно, что в условиях революции как чрезвычайной ситуации существует единственный путь решения проблем, нередко ею же созданных. Это означает, что количество таких решений уменьшается более или менее пропорционально глубине катастрофы и поляризации общественных сил. Два последних фактора, как правило, увеличивают вероятность выбора радикальных мер (правого или левого толка — это зависит от того, какие политические движения и партии находятся у власти), одновременно сокращая вероятность выбора путей промежуточных, возможности следования правилу «золотой середины». Известная формула В. И. Ленина о том, что Россия в 1917 г. оказалась перед выбором между диктатурой Корнилова или диктатурой пролетариата (Ленин В. И. Один из коренных вопросов революции // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-ое изд. Т. 34.— С. 205), отражает отнюдь не только радикализм большевистской позиции, но и действительную вероятность осуществления основных сценариев социально-политического развития страны, когда шансы на реализацию иных путей оказались минимальными.

Итак, ограничение свободы выбора политико-управленческих решений в условиях революции является результатом:

массового, а иногда и всеобщего отторжения старого, резко снижающего вероятность возврата к прошлому (даже после поражения революции, что бывало отнюдь не редко, прежняя система практически никогда не восстанавливается в дореволюционной форме);

сужения поля выбора количества более или менее эффективных управленческих мер в условиях чрезвычайной ситуации;

резкого снижения шансов на реализацию промежуточных путей решения по мере радикализации политических сил, возрастания вероятности реализации радикальных политических курсов (левого или правого).

Образно говоря, в условиях «нормального», спокойного развития общество и его политическая элита движутся как бы по широкой дороге, за границы которой выйти они обычно не хотят и не могут, однако внутри этих границ имеют значительную свободу выбора: можно идти вперед чуть медленнее или чуть быстрее, некоторое время двигаться не только вдоль, но и поперек, частично возвращаться назад и т. п. Количественно альтернативы при этом могут быть весьма многочисленны и разнообразны, но это альтернативы в рамках данного направления. Напротив, общество в условиях

революционной ситуации или ситуации начавшейся революции оказывается как бы на развилке нескольких дорог. Здесь оно способно принципиально изменить траекторию развития, но сами дороги при этом значительно сужаются. Другими словами, качественный рост альтернативности сопровождается сокращением количества реально возможных политико-управленческих решений.

Исследование революции в качестве одного из видов бифуркационных исторических ситуаций тесно связано, хотя и не совпадает полностью, с изучением особенностей политического прогнозирования в революционных условиях. В уже упоминавшейся статье о тектологии Богданова крупный отечественный специалист по системным исследованиям Н. Н. Моисеев следующим образом формулирует свою позицию по вопросу, вынесенному в заголовок настоящего раздела: «Если быть последовательным, то мы неизбежно придем к выводу о том, что результат любой революции, ее исход, т. е. конечное постреволюционное состояние общества непредсказуемо, причем принципиально! Последнее утверждение не только вывод теории, оно является уже и эмпирическим обобщением: ни одна революция не достигала тех целей, ради которых она предпринималась. И причина здесь общая для всех катастрофических (кризисных, бифуркационных) состояний. При переходе через критическое состояние память системы резко уменьшается и в становлении ее будущего состояния превалирующую роль приобретают всегда существующие непредсказуемые, т. е. случайные факты» (Моисеев Н. Н. Тектология Богданова — современные перспективы // Вопросы философии.— 1995.— № 8.— С. 12). Из трех главных тезисов этого интересного рассуждения сомнение вызывает только один — первый. Действительно, память системы ослабевает при переходе через критическое ее состояние. В свое время автор этих строк предложил даже наименование для обозначения одной из специфических болезней революционного сознания — «синдром девичьей памяти», имея в виду тот факт, что народ слишком быстро забывает недавние лозунги и верит иным, подчас прямо противоположным. Для «верхов» этот синдром едва ли не главное условие политической карьеры, для «низов» же — одно из условий выживания, ослабления стрессовых перегрузок. Политическое поведение народа в таких условиях вполне укладывается в известную формулу поэта:

«Ах, обмануть меня не трудно,
Я сам обманываться рад...»

Действительно, ни одна революция не достигала тех целей, которые она провозглашала, по крайней мере, не достигала их непосредственно. Однако отсюда не следует, что исход революции принципиально непредсказуем. Напротив, обладая определенной квалификацией, можно предсказать как раз то, что объявляется доказательством непредсказуемости, а именно, что первоначальные цели революции не только не будут реализованы, но будут все более вытесняться из памяти системы. Вполне возможно также прогнозировать основные варианты развития событий и вероятность каждого из них. В доказательство такой возможности приведу отрывки из собственных прогнозов, опубликованных главным образом в местной (омской) печати начала 90-х гг., — прогнозы, основные положения которых, увы, подтвердились. Однако прежде хочу заметить, что положение Н. Н. Моисеева о принципиальной непредсказуемости результатов революции не является неверным в принципе. Оно представляет собой гипертрофированное изложение верной мысли, согласно которой достоверность социального прогноза, не слишком высокая в обычных условиях, в революционных условиях снижается едва ли не на порядок.

2. Проблема достоверности прогноза

Специалист, выступающий с политическими прогнозами, ошибиться рискует всегда, а в такой исторический период, который в настоящее время переживает Россия, рискует вдвойне.

Первая группа факторов риска обусловлена самим объектом исследования, т. е.

характером тех процессов, которые приходится прогнозировать. Известно, что астроному не составляет большого труда предсказать солнечное затмение через сто лет с точностью до минуты, тогда как синоптик очень часто ошибается в прогнозе погоды на завтра. И дело здесь не в недостатке квалификации, а в простоте или сложности, в постоянстве или изменчивости системы причин, обуславливающих данное явление. Поскольку социально-политические процессы, вне сомнения, являются поликаузальными, специалист по соответствующим наукам по своему положению оказывается гораздо ближе синоптику, нежели астроному, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Хорошо известна история о том, как в середине прошлого века в Англии был проведен опрос ученых и писателей на тему: какова будет наиболее сложная проблема Лондона через 100 лет? Характерно, что действительных проблем мегаполисов в середине двадцатого века не предсказал никто, а некоторые из опрошенных утверждали, что наиболее сложной задачей для лондонцев в середине XX в. будет уборка навоза, которым город в связи с резким увеличением числа карет может оказаться завален до крыш первого этажа. Иван Ефремов, один из крупнейших отечественных ученых и писателей-фантастов, в середине 60-х гг. полагал, что даже в эру «Великого Кольца» компьютеры высокой мощности не смогут устанавливаться на звездолетах ввиду их (компьютеров) колоссальных размеров (Ефремов И. Туманность Андромеды.— М.: Молодая гвардия, 1958.— С. 7).

А вот примеры более близкого времени. Братья Стругацкие, которые, на взгляд автора, принадлежат к числу лучших за последние десятилетия «модельеров будущего», описывая в романе «Отягощенные злом...» общественную систему, ожидаемую в СССР через четыре десятилетия, явно придавали ей черты общества демократического социализма (Стругацкий А., Стругацкий Б. Отягощенные злом, или сорок лет спустя // Юность.— 1988.— № 6—7). Со времени публикации до декабря 1991 г. оставалось немногим более трех лет. Известный футуролог О. Тоффлер, рассуждая в конце 80-х гг. об экономике «третьей волны», предсказывал, что в середине 90-х гг. 15 миллионов видов труда можно будет выполнять не выходя из дому, а в перспективе 2% населения будут, используя роботов, выполнять всю оплачиваемую работу, тогда как 98% населения — в современном смысле ничего не делать. При этом, по его мнению, принципиально новая общественная система будет сформирована уже через 30 лет, т. е. к концу второго десятилетия XXI в. (см.: Тоффлер О. Прогнозы и предпосылки // Социс.— 1987.— № 5.— С. 22; «Третья волна»: куда идет мир? Диалог Ф. Бурлацкий — О. Тоффлер // Литературная газета.— 1987.— № 18.— С. 13). Экстраполяция в будущее тенденций эпохи, сознательное или бессознательное представление об экстенсивном характере развития и сравнительно невысокая предсказуемость революционных инноваций даже в научно-технической области проявляются в этих примерах, как и во многих других.

В российских условиях, где догматизированный марксизм оказался заменен не менее догматизированным антимарксизмом, где в первой половине 90-х гг. вполне уместно было перефразировать древнее изречение о том, что даже осел считает своим долгом лягнуть мертвого льва, в связи с проблемой прогнозов целесообразно сказать несколько слов не о мнимых, а о действительных методологических недостатках марксистской футурологии. Если абстрагироваться от тех ограничений, которые непосредственно накладывают на творчество любого социального мыслителя, даже самого гениального, исторические условия, таких недостатков можно назвать, по крайней мере, два.

Во-первых, ориентация на естественно-научный идеал познания (концепция естественно-исторического процесса, представление о том, что любая наука является наукой, поскольку она овладевает математическим аппаратом) принадлежит к безусловным достоинствам марксизма. Однако недостатки, как известно, есть продолжение достоинств. В данном случае указанная ориентация привела, по-видимому, к преувеличению жесткости социальных законов, равно как и возможностей социального познания и, как следствие, к представлению о неизбежности перехода всего человечества в обозримой перспективе к новой общественной формации. Увы, социальным философам и социологам придется, видимо, с учетом всего наличного опыта социальной футурологии,

включая и марксистскую, смириться с мыслью о том, что в конце XX в., как и в середине XIX в., уровень развития социогуманитарной науки не позволяет предсказывать будущее однозначно, но позволяет лишь прогнозировать основные его варианты, более или менее достоверно оценивая вероятность их реализации.

Во-вторых, как известно, основатели диалектико-материалистического подхода к развитию общества критиковали одного из своих великих предшественников — Гегеля за непоследовательность и, в частности, указали на характерное для его теоретических построений противоречие между методом и системой. Суть этого противоречия, по мнению Энгельса, в том, что диалектический метод требует отказа от построения любой законченной системы, но тем не менее такая законченная система строится и потому ее автор вынужден отыскивать законченное воплощение абсолютной идеи в немецкой сословной монархии начала XIX в. (Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд. Т. 21. С. 276—277). Более того, создатели марксистской парадигмы в общей форме неоднократно предупреждали об ошибочности попыток создания детальной, развернутой картины будущего. И пусть «вырастет новое поколение...», — писал Ф. Энгельс, — «когда эти люди появятся, они отбросят ко всем чертям то, что согласно нынешним представлениям им полагается делать; они будут знать сами, как им поступать, и сами выработают соответственно этому свое общественное мнение о поступках каждого в отдельности, — и точка» (Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд. Т. 21. С. 85).

Однако представляется, что указанного противоречия не удалось избежать и самому марксизму, хотя в значительно менее острой форме, чем это имело место у Гегеля. Теоретически предсказанное будущее, в котором должно было произойти совпадение исторического и логического, оказалось в теории на равных правах с реальным настоящим, более того, в качестве подлинной истории. Система, таким образом, приобрела, даже получила перед ним стройность и красоту, однако (особенно в советский период) футурология при этом в значительной мере превратилась в эсхатологию.

Кстати, в литературе уже высказывалось предположение, что именно стройность и красота теоретического построения увлекли Маркса при создании им коммунистического проекта. Последнее могло бы стать предметом самостоятельного исследования и поводом для дискуссии на тему о том может ли принцип красоты быть критерием истинности в социогуманитарных науках подобно тому, как представлял себе это Эйнштейн в отношении наук естественных.

Все сказанное отнюдь не означает огульного отрицания марксистской футурологии. Напротив, автор полагает, что если человеческая техническая цивилизация в соответствии с парадоксом Ферми не станет жертвой самоуничтожения, в будущем она приобретет немало характеристик, рассматривавшихся прежде как атрибуты коммунизма. Речь о другом: тем, кто действительно считает себя марксистами, давно следовало бы, опираясь на социально-экономическую парадигму, разработанную Марксом, подвергнуть беспощадному анализу новую реальность и отказаться от устаревшей «буквы» в теоретическом наследии своих предшественников; иначе говоря — преодолеть эсхатологию марксизма (а точнее, псевдомарксизма) с помощью его методологии. Вернемся, однако, к проблеме достоверности прогноза.

Вторая группа факторов, провоцирующих ошибки в политических прогнозах, связана с тем, что современное человечество явно переживает переход к новому типу общественной системы, новую бифуркацию, причем как в цивилизационном, так и в формационном плане. Все пророки соглашаются, что мы живем в век перемен, но между ними мало единства на счет того, что ждет человечество впереди: одни обещают постиндустриальный рай, другие — глобальную катастрофу; одни уверены в будущей победе коммунизма, другие полагают, что концом истории станет западная либеральная цивилизация и т. п. В такую переходную эпоху количественная экстраполяция в будущее современных тенденций развития цивилизаций не оправдана еще более чем обычно, что, соответственно, повышает трудности социального и политического прогнозирования.

Наконец, третью группу факторов, снижающих достоверность социально-политического прогнозирования, образуют особенности переживаемого Россией исторического момента, иначе говоря, все та же новейшая отечественная революция. Российское общество, как и общество в других странах Восточной Европы и бывшего СССР, находится в состоянии глубочайшего кризиса. Образно говоря, оно оказалось в глубокой яме, из которой в лучшем случае видны ближайшие кучи выброшенной земли, но совсем не видна отдаленная перспектива. Именно в условиях революционных ситуаций, публицистически говоря, на исторических переломах резко возрастает вероятность ошибок в политических прогнозах. Когда прежняя система, казалось бы, безвозвратно уходит в прошлое, а новая прокладывает себе дорогу, нередко по трупам, очень легко принять тенденцию момента за тенденцию исторической эпохи, а тенденцию исторической эпохи — за тенденцию всего всемирно-исторического процесса. Чтобы в этом убедиться, достаточно обратиться к документам Французской революции XVIII в., Российской революции 1917—1920 гг. либо к выступлениям политических лидеров Советского Союза и России 1989—1993 гг. Великие заблуждения прошлого при этом сплошь и рядом выглядят с точки зрения исторической логики гораздо менее противоречивыми, нежели новейшие изобретения нашего времени: обещания большевиков о том, что частная собственность на землю отменяется навсегда — по сравнению с популярным лозунгом «Землю — народу в частную собственность» (как будто народ — это частное лицо); представления марксистов о коммунизме как о начале подлинной истории — по сравнению с утверждениями Френсиса Фукуямы о либеральной цивилизации как о ее конце (в первом случае история, по крайней мере, продолжается) и т. п.

Более того, как будет показано в дальнейшем, ситуационными характеристиками и закономерностями революции, ее неизбежными спутниками являются противоположность объявленных целей и непосредственных результатов, феномен «маятника» (т. е. резкие колебания политического курса и общественных настроений), неадекватно оптимистическое восприятие перспектив и т. п. Вряд ли в 1989 г., когда страна была в полном восторге от созыва первого за многие годы избранного на альтернативной основе Парламента (Съезда народных депутатов СССР), а либеральные пока еще демократы гневно клеймили большевиков, разогнавших Учредительное собрание, кто-то смог достоверно предсказать расстрел Российского парламента в 1993 г. Еще больше сомнений, что подобным прогнозам поверили бы широкие слои населения.

Все вышеназванные и другие неназванные здесь факторы не оставляют сомнений: в революционные моменты истории вероятность ошибок в политических прогнозах велика как никогда. Однако это отнюдь не означает, что результаты революции принципиально непредсказуемы. Напротив, потребность в таких прогнозах в моменты социальных бифуркаций растет едва ли не пропорционально квадрату их сложности. При этом, как уже отмечалось, по необходимости эти прогнозы имеют вероятностный характер, должны предлагаться в виде различных политических сценариев. Однако прежде чем воспроизвести подобные сценарии, прогнозировавшиеся автором в 1989—1990 гг. и в 1994—1995 гг., необходимо определить хотя бы главные факторы, которые детерминируют и будут детерминировать в ближайшей перспективе российский политический курс вообще и такую его интегральную характеристику, как смещение влево или вправо, в частности.

КУДА Ж НАМ ПЛЫТЬ?

Размышления у придорожного камня истории

А в чистом поле могуч камень стоял,
И на том камне написано:
Прямо ехать — убитому быть и коня сгубить!
Влево ехать — смерть принять!
Вправо ехать — коня потерять!

И поехал Иван вправо...

Русская народная сказка

Когда все это только начиналось, когда перестройка еще называлась ускорением и разворачивалась под фанфары чуть ли не всеобщего требования ввести сухой закон, на вопрос о том, не существует ли в нашей стране революционная ситуация, я позволял себе отвечать иронически: если и существует, то вывернута наизнанку. В революционной ситуации «низы» не хотят, а «верхи» не могут жить по-старому, у нас же, наоборот, «низы» не могут, а «верхи» не хотят жить по-новому.

Теперь революционная ситуация — непреложный факт. Не раз приходилось слышать в рабочей аудитории: «Взять бы автомат, да пострелять...», но все чаще произносятся и слова великого поэта: «Не приведи бог увидеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!».

Недавно очередной астролог — знамение зыбкого времени — сообщил нам, что Советский Союз находится под влиянием Урана, цикл которого — 84 года, и поэтому в 1989-м мы пережили аналог 1905 года, а дальше последует аналог столыпинской реформы, и — все к лучшему в этом лучшем из миров! Успокоение, надо сказать, рассчитано на исторически малограмотных, ибо, если развитие идет циклично, в начале XXI века нас ожидает гражданская война, а в 2021 году — 1937-й.

Но дело, конечно, не в гаданиях и прорицаниях, а в реальных процессах, которые — увы! — напоминают скорее 1917-й. В стране усиливается не просто размежевание (что естественно), но поляризация политических сил, и чем более входит в моду привычка ругать большевиков за экстремизм и нетерпимость в революционные дни, тем чаще проявляется и склонность к экстремизму, нетерпимость в собственных действиях.

Как и в 1917-м, общество наше оказалось, подобно былинному русскому витязю, на перекрестке трех дорог — именно трех, а не двух, как часто говорят и пишут, имея в виду, с одной стороны, тоталитаризм и бедность, с другой — демократию, сытость и процветание.

Первая дорога — та, по которой шли с конца 20-х до середины 80-х годов. По сути эта дорога — назад, к модели общества, называемой обычно административно-бюрократическим социализмом. Пожалуй, возврат на этот путь способен снять остроту некоторых проблем, доведенных до предела в нынешней переходной ситуации, когда недостаток свободы многие стремятся компенсировать избытком воли: могут появиться товары, припрятанные на складах, будут лучше разгружаться вагоны, за счет укрепления дисциплины ритмичнее заработают предприятия. Однако в принципе этот путь, несомненно, является тупиковым и с исторической точки зрения лишь затягивает время, увеличивая трудности и издержки неизбежных затем преобразований. К тому же возврат к прежней модели потребует чрезвычайных мер, проведение которых в Союзе, учитывая наши традиции, будет похоже скорее на Китай летом 1989 года, чем на Польшу 1981 года.

Еще прошедшей осенью нередко приходилось слышать рассуждения следующего свойства: «Чем думают наши руководители? Какая польза от этих демократических игр? В магазинах пусто, страна разваливается, в Верховном Совете одна болтовня. Вот в ГДР и Чехословакии поменьше гласности, зато куда больше товаров и порядка!»

Так говорили тогда. Но теперь уже, кажется, всем, кто не потерял разума, понятно, что попытка искусственного сдерживания реформ приводит впоследствии лишь к более резкой «откачке» политического маятника в противоположную от первоначального положения сторону. И если в ГДР и Чехословакии здравый смысл властей и политическая культура народа позволили обойтись при этом без крови, то в Румынии исход оказался иным.

Вторая дорога — путь ускоренной вестернизации. Поскольку «вест» означает «запад», речь идет о немедленной «перестройке» Советского Союза по модели западных капиталистических стран. Такой вариант обретает все больше сторонников, и это неудивительно. Стоит измученному дефицитом человеку взглянуть на экран телевизора, где чуть ли не каждый день показывают переполненные зарубежные супермаркеты, как он моментально делается «западником» либо, как минимум, начинает рассуждать так: «Да

мне все равно, какой строй, лишь бы в магазинах все было!»

Однако в истории выбирать часто приходится не между хорошим и лучшим, а между плохим и очень плохим. Попытка немедленно сделать все, как «у них», приведет наше общество не к современному, цивилизованному капитализму, а к капитализму раннему, даст не американский и тем более не шведский, а, например, колумбийский его вариант. Понимая, что выступать с теоретическими аргументами против ломающихся от изобилия витрин — это все равно, что скакать с шашкой на танк, считаю тем не менее своим долгом это сделать хотя бы для того, чтобы иметь чистую совесть Кассандры.

Первый аргумент логический: подобно тому, как человек не может родиться в рубашке, а тем более в галстуке, в костюме и имея в кармане вузовский диплом, так и любая общественная система появляется на свет в младенческом состоянии и лишь затем быстрее или медленнее достигает зрелости. Интересно, что это признают и наиболее последовательные сторонники капитализма — партия «Демократический Союз». Позволю себе длинную цитату, принадлежащую перу лидера ДС В. Новодворской.

«Только частный интерес способен подвигнуть большинство на результативный труд. Кооперация, коллективная собственность — это уже производные от индивидуальных, частных хозяев, умеющих стоять экономически на своих ногах,— хозяев фабрик, заводов, земли, магазинов, железных дорог, корпораций. Ограничения сверху приходят потом, когда здоровые силы общества (т. е. капиталисты), достигшие преуспевания, приходят к соглашению. Нам же нужно вернуть Хозяина, Дельца, Менеджера... Здесь должна быть простая идея: «Обогащайтесь!» В результативном обществе эта неприкрытая корысть всегда смягчается. Но мы сейчас очень бедны, нам нужно включать рычаг частной собственности и пройти естественный путь развития». «Нельзя сорвать чужие плоды (например, Запада конца XX века) и просто усвоить их. Здесь каждый проживает свою жизнь. Мы остановились 70 лет назад и пошли вспять. Сейчас мы должны расплатиться 100-летним отставанием».

Недавно, в первый раз выступая в обкоме КПСС, я позволил себе сказать, что после этой статьи «зауважал» Валерию Новодворскую. Переспросили: не оговорился ли? Ответил: нет. В. Новодворская — для меня идейный и политический противник, но в отличие от иных моих коллег по партии она честно ставит вопрос: если капитализм — то только ранний, не такой, каким мы его видим сейчас в развитых странах, а такой, каким его описывали, скажем, Ленин и Горький: со столетним отставанием, без всяких «ограничений», с неприкрытой корыстью «хозяев» и отчаянием тех, кому не посчастливилось попасть в «здоровые силы общества», — словом, такой, который как раз и породил Октябрьскую революцию со всеми ее последствиями, вызывающими ныне бурные споры. На этот счет у народа не должно быть никаких иллюзий. Расхождения же мои с В. Новодворской состоят «только» в том, что она желает стране такого пути, я же считаю необходимым сделать все возможное в рамках демократии, чтобы его избежать.

Вторым аргументом против немедленной «капитализации» служит, как ни странно, опыт развитых капиталистических стран. Парадоксально, но факт: в то время, как у нас широко распространилось разочарование насчет идей социализма, Запад все более стремится реализовать их общечеловеческое содержание.

«Даешь неограниченную частную собственность» — требуют наши «левые-правые». Контрольные пакеты акций заводов и фабрик должны принадлежать трудовым коллективам — полагают шведские социал-демократы. И даже американские республиканцы-консерваторы реализуют программу ПАС — продажи акций служащим, предоставляющую экономические льготы тем фирмам, которые стремятся сделать своих работников хоть немного, но хозяевами.

«Безработица — необходимое условие высокого качества труда», — активно внедряется у нас в массовое сознание. Но те же шведы объясняют советским коммунистам, что безработица даже при хороших пособиях антигуманна, порождает преступность, развращает народ. Вот только избавляться от нее нужно не как в Союзе, где на троих делят работу (и зарплату), которой мало одному, а путем создания новых рабочих мест, где бы человек мог действительно эффективно трудиться. Кстати, в Средней Азии

безработица, как говорят, медицинский факт, но качество труда что-то не улучшилось...

«Спасение — только в свободном рынке», — звучит рефреном многих политических выступлений, в том числе и кандидатов в народные депутаты России от Омска и области. Однако американский экономист Гэл-брейт, не выбирающий, в отличие от нас, парламентских выражений, расценивает подобную точку зрения как психологическое отклонение клинического характера (см.: «Известия». — 1990. — 1 февраля). В развитых странах «чистый» рынок давно сменился регулируемым, в том числе иногда и административными методами. У нас же он немедленно превратит полупустые карманы большинства граждан в совершенно пустые.

Перечень подобного рода «странностей» легко увеличить, но и сказанного достаточно, чтобы понять опасность соблазна простых решений или «синдрома упрощений». Суть этого синдрома в следующем: если то, что делали прежде, привело к нынешнему кризису, то стоит начать делать все наоборот, и получим прекрасный результат. Уверен: попытки действовать по «принципу маятника» поведут страну не магистральным путем общественного прогресса, а в противоположном направлении. Подобно тому, как это уже случилось в конце 20-х, мы опять рванемся догонять ушедших вперед, и опять не той дорогой.

Аргумент третий — опыт, хотя и небольшой, движения к западной модели стран Восточной Европы. По логике вещей, проще всего такой переход осуществить ГДР, воссоединившись с ФРГ. Однако западно-германские специалисты (например, профессор Леонгардт) предупреждают немцев, что даже в таких особо благоприятных условиях процесс этот окажется весьма болезненным, будет сопровождаться высокой нестабильностью жизни людей в Восточной Германии, отчаянием и ростом политического экстремизма.

Но более всего интересен пример Польши, где «Солидарность», придя к власти, поменяла многие первоначальные позиции на прямо противоположные: вместо демократических лозунгов — требование Л. Валенсы чрезвычайных полномочий для правительства; вместо коллективной собственности («фабрики — рабочим») — идея распродажи основной массы предприятий в частные руки; вместо критики прежнего руководства за намерение закрывать нерентабельные предприятия — заявления о предстоящей безработице на уровне 15—20%; вместо требований о повышении заработной платы трудящимся — программа ее замораживания при свободе рыночных цен и т. п.

В советских условиях осуществить подобную программу несравненно труднее, чем в польских, хотя бы потому, что в Польше, по крайней мере, существует известное количество цивилизованных капиталистов, у нас же почти весь частный капитал имеет подпольный характер. Размеры его оцениваются в сумму от 70—90 млрд. до 500 млрд. рублей. Можно, конечно, как теперь нередко предлагают, молить о помощи дельцов теневой экономики, но вряд ли серьезно думать, что из бывших воров выйдет много организаторов производства, не говоря уже о нравственной и юридической стороне подобной «дороги к храму». С учетом всего сказанного становится понятным замечание Нобелевского лауреата, экономиста В. Леонтьева о том, что, будучи в здравом уме, Советскому Союзу нельзя желать капитализма.

Итак, назад нельзя: там тупик и диктатура. По-видимости вперед, к раннему капитализму, тоже нельзя: там путь, может быть, и найдется, но лежит он через колоссальные потери, острейшие противоречия, а значит, скорее всего опять-таки через диктатуру.

Но есть еще третий путь, к новой модели общества, демократически-социалистической, многоукладной, плюралистической, свободной от господства как бюрократов, так и капиталистов. К этой модели страна двигалась в период НЭПа, к ней же, но с другой стороны, приближаются некоторые государства современного «социализированного» капитализма (например, Швеция). Разбор этой модели — предмет особого большого разговора, который не является задачей статьи. Здесь речь о другом. Хватит ли у нас здравого смысла выбрать именно этот путь или же страну будет по-

прежнему нести по исторической синусоиде, из крайности в крайность? Сможем ли мы действительно освоить мировой опыт или и впредь станем платить собственной кровью? Увы, вероятность неправильного выбора достаточно высока, ведь, как считают многие культурологи, склонность снова и снова грешить и каяться заложена в российском характере. Вот почему все чаще всплывают в моей памяти строки из песни Юрия Кукина:

«Стою, стою, роняя руки,
В глуши лесной.
А три сосны, как три разлуки,
Передо мной.

...И сердце рвется на три части,
Щемит в груди:
Три счастья или три несчастья
Там, впереди?..»

Статья опубликована в газете «Вечерний Омск». — 1990. — 3 марта и представляет собой по существу изложение предвыборной позиции автора. Первый тур выборов в народные депутаты РСФСР состоялся, как известно, 4 марта 1990 года.

ПОЧЕМУ Я НЕ ГОЛОСОВАЛ «ЗА»

Только что абсолютным большинством голосов I Съезд народных депутатов России принял Декларацию о ее суверенитете. В зале овация: депутаты стоя приветствуют принятое решение. Я же общего воодушевления разделить не могу. И не потому, что быть в меньшинстве, как каждому известно, вообще неприятно, а в «подавляющем меньшинстве», заведомо зная, что вызовешь в лучшем случае недоумение чуть не со всех сторон, неприятно вдвойне. Дело в другом: тревожат последствия содеянного для самой России и страны в целом. Однако обо всем по порядку.

Пожалуй, не было кандидата в народные депутаты РСФСР, который в своей предвыборной платформе не требовал бы восстановления суверенитета республики, и в этом смысле моя платформа — не исключение. Однако при этом сам суверенитет понимается по-разному, а весь спектр различий укладывается между двумя основными концепциями: федеративной и конфедеративной. Федералисты выступают сторонниками сохранения Союза, для чего считают необходимым, чтобы союзные Конституция и законы (все или в определенных областях) обладали верховенством над республиканскими. Конфедералисты отдают приоритет республиканским законам и обычно утверждают, что тоже намерены укрепить Союз, однако для подлинной интеграции сейчас необходимо дезинтеграция (то же самое менее года назад говорила председатель Совета Министров Литвы Прунскене). Среди сторонников суверенитета России есть также группа прямо заявляющих, что «советская империя» дышит «на ладан», а задача демократов — сократить агонию, помочь ей по возможности безболезненно отправиться «на тот свет».

Какой же подход отразила Декларация о суверенитете РСФСР?

Обратимся к тексту ее ключевого пятого пункта: «Для обеспечения политических, экономических и правовых гарантий суверенитета РСФСР устанавливается полнота власти РСФСР при решении всех вопросов государственной и общественной жизни за исключением тех, которые ею добровольно передаются в ведение Союза СССР».

Верховенство Конституции РСФСР и законов РСФСР на всей территории РСФСР. Действие актов Союза СССР, вступающих в противоречие с суверенными правами РСФСР, приостанавливается республикой на своей территории».

Очевидно, что документ выходит за рамки чисто федеративной концепции, ориентирован на «больше чем федерацию», если воспользоваться выражением Б. Н. Ельцина, и в нынешней ситуации это нормально: принцип делегирования полномочий «снизу — вверх» считаю необходимым для построения действительно свободного

многонационального государства. Однако принятый текст представляется мне двусмысленным, допускает возможность различной трактовки: либо верховенство российского законодательства охватывает все вопросы общественной жизни (и тогда мы имеем конфедерацию в «чистом» виде), либо на те из них, что переданы республикой Союзу, распространяется приоритет союзных законов.

Учитывая эту двусмысленность, я, проголосовав за все другие статьи Декларации, воздержался от голосования по центральному пятому пункту, а следовательно, и по документу в целом. Кстати, в редакционную комиссию мною была передана поправка, устраняющая возможность неоднозначного толкования: «верховенство Конституции РСФСР и законов РСФСР на всей территории республики за исключением тех полномочий, которые ею добровольно передаются в ведение Союза ССР».

Если руководство России будет трактовать принятую формулировку в конфедеративном духе,— а это весьма вероятно,— то не надо быть политологом, чтобы предсказать последствия троякого рода. Во-первых, по примеру России аналогичные решения примут все те союзные республики, которые не сделали этого раньше. Но когда законодательство каждой из них будет поставлено выше союзного, сохранится ли нужда в союзных законах да, пожалуй, и в самом Союзе? Во-вторых, национально-государственные образования на территории самой РСФСР объявят верховенство своих законов над российскими и союзными и будут по-своему правы: что посеешь,— то и пожнешь. Тем самым распад Союза вызовет цепную реакцию и в самой Российской Федерации. В-третьих, двусмысленная формулировка вполне может стать основой для конфликтов между центральной и российской властями, а что бывает, когда «паны дерутся», мы, надеюсь, ещё не забыли.

Как специалист по политическим наукам, хорошо понимаю, что наиболее вероятный вариант будущего союза, если он вообще сохранится— это сложная конфедеративно-федеративная структура. Обязательным для каждого демократа считаю умение уважать право других народов на самоопределение, вплоть до отделения. Однако если уж Россия начнет подавать подобные примеры, то они наверняка окажутся заразительными. Когда, как остроумно заметил Александр Ципко, «русские уходят из России», чего ждать от всех остальных?

Почему же, несмотря на очевидность этих соображений, большая часть Съезда проголосовала по существу за конфедеративный вариант, угрожающий разрушением Союза? Тому, как говорил классик, есть многие причины. И, конечно, первая из них — нынешнее состояние Союза. Не думаю, чтобы судьба древних или колониальных империй была, что называется, изначально написана ему на роду. Время сейчас не то: весь мир движется к интеграции, а мы в погоне за ним, как это уже не раз бывало, рвемся в противоположную сторону. Да и само представление о Союзе как последней мировой империи не кажется мне убедительным. Лучшее тому доказательство — растущее стремление «метрополии» (России) избавиться от своих «колоний» (других республик), нередко имеющих более высокий уровень жизни.

Однако переживаемый страной глубочайший кризис вызывает желание найти виновных и, как всякая революционная ситуация, рождает иллюзии. Одна из них — представление, будто, обособившись, избавившись от власти Москвы, «Центра», любой народ (в том числе и русский!) сразу откроет пути к процветанию. Такая иллюзия усиливает центробежные тенденции и вполне может привести к разрыву десятилетиями, а то и веками складывавшихся связей. В свою очередь это чревато не меньшими экономическими и человеческими потерями, чем попытка насильственного сохранения прежних форм объединения.

Вторая причина состоит в том, что мы, республиканские депутаты, уже по должности немного сепаратисты. Нам, что называется, сам бог велел заботиться в первую голову об интересах части, а не целого. Однако такой «республиканский эгоизм» может в итоге оказаться «себе дороже». В этой связи заслуживает внимания новый подход ряда зарубежных политологов к вопросу о «советской угрозе»: такая угроза видится уже не в наших ракетах, а в нестабильности, распаде, внутренних национальных конфликтах в

Союзе. Много ли выиграет Россия, вольно или невольно стимулируя эти процессы? Много ли выиграет она, если тысячи беженцев из других республик превратятся в миллионы?

Наконец, существует, очевидно, и третья причина, так сказать, личностно-группового свойства. Известно, что Президент СССР открыто противодействовал избранию Б. Н. Ельцина на пост Председателя Верховного Совета России и даже не поздравил его с победой. Ельцин же, в свою очередь, не раз решительно критиковал Президента СССР.

Не обещая своим избирателям голосовать за Бориса Николаевича, я тем не менее пришел к выводу о необходимости в сложившейся ситуации поддержать его кандидатуру, однако не намерен «единодушно одобрять» все, что говорит или делает новый Председатель Верховного Совета. Например, выражение «независимость России в Союзе» кажется мне, мягко говоря, нелогичным. Независимость от кого? От других республик, многие из которых сами жаждут независимости? Или от союзного правительства, процентов на восемьдесят состоящего из русских? О «независимой Литве в составе Союза» мы уже слышали от Бразаускаса. Финал известен. В современном взаимозависимом мире абсолютная независимость вообще невозможна, а в рамках единого государства, пусть даже конфедерации, тем более.

Подведем итоги. Съезд принял важнейший политический документ, который, возможно, во многом определит судьбы Союза и России. Кто прав: большинство, стремящееся поставить российские законы над союзными, или меньшинство, считающее, что «сферы влияния» должны быть четко разделены,— рассудит история. Возможно, историческое разбирательство по делу уже началось заявлением от имени автономий, которые намерены поднять вопрос о праве свободного выхода из РСФСР и обеспечить верховенство своих законов над законами Союза и России.

На мой взгляд, российскому Съезду народных депутатов следовало бы принять прямо противоположное решение: обратиться к союзным и автономным республикам с предложением о новом союзном договоре, заявить от имени России о безусловном уважении их права на самоопределение, но вместе с тем призвать не разрушать СССР. Однако даже если дни Союза сочтены и ему суждено «кануть в Лету», менее всего я хотел бы быть членом почётной комиссии по организации похорон, а тем более произносить при этом здравницы усопшему. Вот почему, будучи сторонником расширения суверенитета России, я не мог голосовать «за» ее «независимость» ... от самой себя.

* * *

Статья была написана сразу после 12 июня 1990 г., однако в печати опубликовать её не удалось. Содержание статьи — очередное свидетельство справедливости известной формулы о том, что нельзя «жить в обществе и быть свободным от общества». Понимая смысл происходящего, автор тем не менее не был вполне свободен от стереотипов времени. Замечу, впрочем, что Декларацию о государственном суверенитете («независимости») России тогда не поддержали всего 13 народных депутатов.

До сих пор помню то тяжелое психологическое состояние, которое пережил после 12 июня. Наверное, каждый человек в той или иной степени конформен (внушаем), а психологическое давление массы людей («толпы») в подавляющем большинстве случаев оказывается выше логики, разума и даже здравого смысла. Спустя несколько лет мне пришлось услышать от народного депутата, бывшего первого секретаря обкома КПСС, проголосовавшего за «независимость» России: «Что я наделал! Я собственными руками отправил за границу и сделал иностранцами многих своих родственников!» К счастью, меня чаша сия миновала, как, впрочем, и многие другие. Не в последнюю очередь благодаря ясному теоретическому пониманию того, что именно происходило тогда со страной и к каким последствиям все это могло привести, а в конце концов и привело.

КОМУ И ЗАЧЕМ НУЖЕН «ТРЕТИЙ ПУТЬ»

1. Азбука политологии: испорченный компас

Публикуемый сегодня документ нуждается в некоторых пояснениях. Первое из них связано с тем, что, несмотря на всю нашу гласность на грани свободы слова, а может быть, благодаря ей, общественное сознание не только приоткрывает истину, но и меняет прежние ложные стереотипы на новые. В таких условиях приходится вновь разъяснять азбучные истины научной политологии, известные всему цивилизованному миру, но забытые в нашей стране, в очередной раз пытающейся изобрести велосипед.

Так случилось, например, с исходными политическими ориентирами, когда наша нарождающаяся демократия подобно малому ребенку не смогла различить, где у нее какая рука. В СССР, как известно, политиков делят обычно на «демократов» («левых») и недемократов («правых»), тогда, как на Западе сторонниками политической демократии являются практически все сколько-нибудь значимые течения: от неоконсерваторов до коммунистов, за исключением крайне правых и крайне левых. В таких условиях совершенно очевидно, что сами демократы бывают как левыми, так и правыми, причем различие между теми и другими определяется, конечно, уже не отношением к демократии, а их социально-экономической программой, т. е. позицией по вопросу о социальном равенстве или неравенстве, а значит, и о собственности. Чем больше та или иная партия стремится к равенству, тем она левее и наоборот. При этом характеристика «левее» совсем необязательно несет в себе положительную оценку, «правее» — отрицательную.

До недавнего времени и мы не сомневались, что «военный коммунизм» — это ультралевая политика, поскольку идея социального равенства была доведена до логического конца, до абсурда, и внедрялась с помощью насилия, и поэтому это плохо; НЭП — гораздо более правая политика, но более реалистическая, и это хорошо; сталинский перелом — вновь зигзаг в сторону левого радикализма, перестройка же — вновь вправо и т. д. Именно такой подход находим еще в известной статье Андрея Нуйкина «Идеалы или интересы» (1988 г.). В интервью западным средствам массовой информации наши «левые радикалы» и сейчас правильно определяют свои позиции.

Однако внутри страны абсолютное большинство политических лидеров, включая таких, как М. С. Горбачев, Б. Н. Ельцин, А. Н. Яковлев, закрывают глаза на то, что общество попало в «королевство кривых зеркал» и, похоже, склонны, скорее, издать декрет о признании левой руки в качестве правой, нежели вернуть народу нормальную политическую ориентацию.

Почему же возникла подобная аберрация политического зрения? Думаю, тому есть три причины. Во-первых, крайне левые и крайне правые имеют немало общего. Например, те и другие готовы применять насилие для достижения поставленных целей. Не зря говорят, что, если очень далеко идти налево, обязательно выйдешь справа.

Отечественные консерваторы, следовательно, не потому, дипломатично выражаясь, не являются почитателями демократии, что они правые, а напротив, потому, что они чрезмерно левые. Во-вторых, в политике советского руководства очень долго сочетались слишком левые (уравниловка) и откровенно правые (привилегии для правящей элиты) тенденции, а среди правых лозунгов радикалов (неограниченная частная собственность и социальное неравенство) встречаются и левые (ликвидация все тех же привилегий), вплоть до необольшевистских, близких к «грабь награбленное»! В-третьих, очевидно, мы имеем дело также с низким уровнем политической культуры и сознательным желанием использовать десятилетиями насаждавшиеся стереотипы: левые — те, кто за народ, хорошие, правые — против.

К чему приводит подобная путаница, легко проиллюстрировать на примерах. Так, в массовом сознании не только В. И. Ленин — левый радикал, но и ненавидящие его Ю. Афанасьев и В. Новодворская — тоже левые радикалы. Спрашивается, чего же они не поделили? Для англичан М. Тетчер — безусловно, правый политик, у нас ее сторонники считаются левыми. Так куда же мы все-таки движемся?

На одной из встреч избирательница, спрашивая меня о здоровье уважаемого в Омске народного депутата, просила передать ему привет и прибавила: «Мы любим таких...» (далее шла похвала, которая может быть понята двояко, поэтому я ее не воспроизвожу). Однако, разбирая вопрос о рынке, мы вскоре выяснили, что политические позиции

избирательницы и депутата противоположны. Он — сторонник не-ограниченного развития частной собственности, она — противник любых ее форм. Поистине такую любовь можно было назвать метафизической тайной, если бы она не объяснялась элементарной политической необразованностью. Уверен: пора перестать чудить и возвращаться к принятым во всем мире представлениям, иначе можно уподобиться героям известного анекдота, которые после дружеской пирушки вместо Ближнего Востока попали на Дальний и удивились, почему у израильтян совсем не тот разрез глаз. Если стрелка компаса вместо севера показывает на юг, подобных ситуаций не миновать.

Анализ расстановки политических сил в стране — особая большая тема. Пока лишь замечу, что, согласно принятому во всем мире пониманию, левыми радикалами в СССР являются, например, Нина Андреева, желающая вернуться к несколько улучшенной сталинской модели, или партия диктатуры пролетариата. Напротив, партия «Демократический союз» праворадикальна не только потому, что требует сделать частную собственность преобладающей перед всеми другими ее видами, но и потому, что с противоположных политических позиций нередко заимствует большевистские лозунги и методы (не случайно ее называют «зеркальной партией»). Либералы же, т. е. сторонники равноправия всех форм собственности, включая частную с наемным трудом, занимают позиции несколько правее центра. В опубликованном нами документе приведены и некоторые другие критерии, позволяющие различать существующие у нас политические течения.

Здесь я расстанусь с позицией беспристрастного политического комментатора и перехожу к изложению собственного взгляда на происходящие у нас процессы.

2. Борьба элит

Читатели, знакомые с романом Джорджа Оруэлла «1984», помнят, наверное, рассуждения автора о механизмах исторического развития. Любое общество, согласно Оруэллу, подразделяется на три класса: элиту, средний и низший, взаимоотношения которых и определяют ход событий. На определенном этапе внутри среднего класса вызревает новая элита, которая привлекает на свою сторону низший класс, сбрасывает прежнюю элиту и становится на ее место и т. д.

Схема не лишена недостатков, но заслуживает внимания, а, самое главное, кое-что объясняет и в нашей действительности.

В самом деле, стержнем политической жизни в настоящее время является борьба двух основных направлений или блоков. Первый — консервативный (если угодно, блок леворадикальных консерваторов) требует возвращения к блаженным сталинским (либо послесталинским) временам, вольно или невольно защищая тем самым интересы одряхлевшей бюрократической элиты. Второй — правый, устами Валерии Новодворской и, увы, многих талантливых интеллигентов предлагает возвращаться еще дальше назад, к 1916 году, хотя бы и ценою 100-летнего отставания. За позицией этого блока легко увидеть интересы тех, кто рассчитывает, сбросив старую элиту, стать у кормила власти, прежде всего, крупных дельцов «теневой» экономики. Именно они под лозунгом «равных возможностей» стремятся получить полную свободу умножения накопленных капиталов. Поскольку оба блока зовут в прошлое, их междоусобная борьба подобна борьбе мамонтов с динозаврами. О том, что каждый из этих путей угрожает стране национальной катастрофой, а, возможно, и гражданской войной, мне уже приходилось писать (см.: «Вечерний Омск». — 1990. — 3 марта). Сейчас добавлю лишь одно: любимые мною деятели культуры, призывающие страну назад в 1916-й, надеюсь, невольно уподобляются Ивану Карамазову, который провоцирует Смердякова на преступление: в истории смена общественных формаций никогда не происходила в условиях гражданского мира, а переход от административно-бюрократической системы к первоначальному капитализму наверняка не обойдется малой кровью. Не случайно в последнее время именно либеральные публицисты так сильно затосковали по «твердой руке», по генералу Пиночету и его южнокорейским коллегам.

Однако пора внести в схему Джорджа Оруэлла и коррективы: думаю, формирование новой элиты в советских условиях будет идти не столько путем вытеснения (европейский вариант), сколько путем сращивания ее с прежней (вариант афро-азиатский). В самом деле, спросим себя, кто в условиях административно-бюрократической системы имел больше возможности обогатиться незаконным путем? Ответ, думаю, очевиден: там, где «несун»-рабочий пользовался карманом или рюкзаком, вор-начальник — машиной. Так что среди новых господ, уверен, будет немало старых знакомых. Венгерские специалисты ожидают, что в процессе приватизации большинство мелких магазинов и предприятий купят их бывшие директора. Поэтому когда либералы и более правые партии представляют себя противниками бюрократии, это в лучшем случае самообман.

Итак, при всей междоусобной борьбе сторонники обоих путей защищают элитарные интересы. За оба пути народу придется заплатить непомерной ценой. Но есть третий путь — путь наименьших потерь, контуры которого обрисованы в предложенном проекте. Очень важно, чтобы сторонники этого пути, которые хотят действительной свободы для всех, для которых новая элита ничем не лучше старой, нашли друг друга и попытались, пока не поздно, предотвратить ожидающие страну социальные потрясения.

Статья опубликована в газете «Вечерний Омск». — 1990. — 23 октября. — С. 2.

КУДА НЕСЕТ НАС РОК СОБЫТИЙ?

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.

Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был —
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!

Году в 1989—1990-м эти известные строки Федора Тютчева стали едва ли не общим местом в нашей публицистике. И не случайно: поэт выразил мироощущение российской интеллигенции, которая вот уже лет 200 с традиционным презрением относится к застою и ищет «покой в бурях». Да и время было подходящее: по мере приближения революции иллюзии насчет нового «светлого будущего» росли с той же скоростью, что и желание до основания разрушить «проклятое прошлое».

И вот свершилось. Ныне мы переживаем одну из самых роковых минут отечественной истории XX века. Что ж, читатель, ощущаете ли вы себя пирующим вместе с всеблагими богами? Лично мне представляется, что оказались мы больше на балу у сатаны. Правда, орудует здесь не благородная, хотя и жутковатая компания Воланда, а скорее герои песенки Высоцкого:

Там такие злые бесы —
Чуть друг друга не едят.

Какие бы громы и молнии ни метали нынешние революционеры, все еще именуемые демократами, по адресу революционеров прежних (большевиков), те и другие вынуждены действовать по аналогичным законам, хотя и в противоположных целях. А законы революции суровы. Один из них состоит в том, что она пожирает своих детей, и это относится не только к людям (современный пример — Михаил Горбачев), но и к идеям, лозунгам. Вспомним, как прекрасно мы начинали: «Власть — Советам!», «Земля — крестьянам!», «Фабрики — рабочим!», «Достойный уровень жизни — всем!», «Социальная справедливость, а не бюро-кратические привилегии!» и т. д. и т. п. и пр. Ну почти как в 17-м. Ныне те же люди требуют «просвещенного» авторитаризма (т. е., по-русски говоря,

полудиктатуры), призывают легализовать «теневую» экономику и продать ей предприятия с аукционов, объявляют требование социальной защиты населения главным тормозом реформы и уже отняли у старой номенклатуры власть вместе с привилегиями.

Для многих это стало полной неожиданностью, и не только для так называемых «простых» людей (хотя на самом деле простых людей, конечно, не бывает). Вспоминаю, как зимним московским вечером мы шли от российского Белого дома к метро вместе с известным питерским депутатом либерального направления. Этот приличный порядочный человек, одно время живший в Омске и немало потерпевший от прежнего режима, был в полном шоке от принятого незадолго до того президентского Указа об объединении органов госбезопасности и внутренних дел, чего не было у нас со времен Берии. «Да что же это такое происходит?» — горестно спрашивал меня, депутата оппозиции, мой собеседник, член правящего блока. — «Только и было радости, когда путч сорвали. Да и то на следующий день на митинге уже противно стало. Куда же это мы идем?»

Я попытался дать коллеге собственные ответы на любимые вопросы русской интеллигенции. Хочу предложить их и вам, читатель. Вряд ли мое понимание ситуации и прогнозы покажутся убедительными для всех, и уж никак не могу рассчитывать, что кого-то обрадую. Но ведь еще Гете сказал: «Истина сама исцеляет зло, которое причинила».

«Но с какой стати я должен верить на слово очередному претенденту быть пророком в своем Отечестве?» — спросит читатель и будет прав. Ответить на это можно лишь одно: попросить прочесть прошлые прогнозы и сравнить их с сегодняшней реальностью. Вот хотя бы статья «Куда ж нам плыть? Размышления у придорожного камня истории», опубликованная «Вечерним Омском» 3 марта 1990 года за день до выборов народных депутатов России. В ней можно прочесть, что страна наша, подобно былинному витязю, оказалась на распутье. Причем один путь ведет назад, к бюрократическому социализму, другой — к первоначальному бюрократическому капитализму, и только третий — к цивилизации, которая способна соединить демократию с социалистическими идеями, выдержавшими испытание общественной практикой. Статья предостерегала от опасного стремления в очередной раз разрушить все до основания, напоминала, что в этом случае страна политически и экономически окажется не в Америке или в Европе, а в Азии или Африке и что попытка вернуться в 1916-й грозит новым семнадцатым или тридцать седьмым. Заканчивалась статья строками Юрия Кукина:

И сердце рвется на три части,
Щемит в груди:
Три счастья или три несчастья
Там, впереди?

Увы, это предостережение не сработало, как, впрочем, и все другие. И теперь мы знаем: впереди несчастья, только не три, а четыре. Первое — обнищание народа в результате «шоковой терапии»; второе — смена административно-бюрократического социализма криминально-бюрократическим капитализмом; третье — разрушение союзной и угроза разрушения российской государственности; четвертое — угроза нового авторитаризма.

«Урезать — так урезать?»

Уважаемый читатель! Когда Вы держите в руках этот альманах, Вам, наверное, известно, чем закончился грандиозный российский эксперимент под названием «шоковая терапия». Наступило, как говорят, время «собирать камни». Мне же, пишущему эти строки, еще многое неизвестно. Камни разрушаемого здания прежней общественной системы продолжают разбрасывать с веселой злостью, думая, что отряхивают со своих ног прах старого мира.

Когда Президент России сменил обещание лечь на рельсы, чтобы не допустить повышения цен, на лозунг их всеобщей либерализации, часть населения вздохнула даже с облегчением. Люди настолько устали от ожидания обещанных реформ, что готовы были

уже на все: лучше ужасный конец, чем ужас без конца. Увы, конец не наступил, просто ужас сменился кошмаром.

Не буду утомлять читателя цифрами и еще раз рисовать известную всем картину массового обнищания населения и деградации внерыночных сфер (медицины, образования, науки, культуры)— тех самых сфер, которые, по всеобщему признанию ведущих экономистов и социологов, определяют будущее нации. Кстати, отец экономического российского «чуда — наоборот» Егор Гайдар в бытность свою сотрудником «Правды» и «Коммуниста» мыслил также и был совершенно прав. Скажу коротко: по данным омской статистики начиная с 1989 года, а в период «шоковой терапии» — в особенности все показатели социального благополучия общества (уровень потребления, рождаемость, прирост населения, продолжительность жизни и т. п.) резко пошли вниз, а все показатели социального неблагополучия (смертность общая и детская, заболеваемость, преступность и др.) — вверх. То же самое с небольшими вариациями характерно и для других областей России.

Оглушенному и потерявшему ориентиры обществу предлагаются две основные версии, два истолкования постигших его бед. Версия первая — проправительственная. Суть ее проста: реформа Ельцина — Гаидара необходима тяжелобольному обществу как «горькое лекарство» или как тяжелая операция. Многие публицисты предпочитают именно второй вариант, настаивая на том, что «шоковая терапия» применялась в Польше, а наша болезнь более запущенная и потому требуется скорее «шоковая хирургия». Однако, потерпев год-другой, мы «выздоровеем», «войдем в цивилизацию» и заживем припеваючи. Многократно хваленое правителями и воспетое идеологами прошлых эпох долготерпение русского народа — едва ли не главная ставка приверженцев этой версии.

Версия вторая — «фундаменталистская»: все так плохо только потому, что реформы идут слишком медленно. Далее возможны разные варианты: от сравнительно редких обвинений в медлительности самого Президента России до наиболее популярных поисков «подпольных обкомов» и всякого рода врагов, мешающих проведению реформ.

Думаю, опыт который, как известно, «сын ошибок трудных», скоро покажет, что доля истины в обеих версиях ничтожна. Не потому мы бедствуем, что реформ без бедствий не бывает, и не потому, что они идут слишком медленно, а потому, что идут не так и не туда — и чем быстрее, тем хуже. Чтобы показать это, нам придется, однако, несколько углубиться в теоретические рассуждения.

Передо мною доклад группы английских парламентариев и экспертов от лейбористской партии. Доклад имеет характерное название: «Почему «невидимая рука» российского Правительства указывает не в ту сторону». Вот некоторые выводы авторов:

«Нынешняя политика, проводимая российским Правительством, не может быть успешной — она противоположна той, которая необходима для успеха. С теоретической и технической точки зрения попытка внедрить полную либерализацию цен в монополизированной экономике неизбежно приведет к инфляции и краху внутреннего рынка, а не к экономическому росту. Такая политика является губительной, так как, благодаря реформам экономики, доминирующим рынком для России должен быть внутренний национальный рынок. Разрушение потребления ведет к волнениям населения и к опустошительному сельскохозяйственному кризису. Высокая норма процента приведет к душению мелких производителей. Авторитарные политические решения с необходимостью будут сопровождать этот процесс. Низкая зарплата и авторитарные политические решения в России и бывшем СССР несут угрозу дестабилизации западноевропейцам.

Необходима политика, противоположная политике нынешнего Правительства. В качестве двигателя экономического развития должен рассматриваться внутренний рынок и в особенности массовое потребление. Чтобы достичь этого, необходимо поддерживать реальную заработную плату. Защита должна быть обеспечена и сельскохозяйственным производителям. Необходимо проводить политику низкой нормы процента для поддержания потребления и помощи мелким производителям. Низкая норма процента требует сохранения валютного контроля и постепенного, а не мгновенного, движения к

конвертируемости рубля. Экономическая основа для консолидации демократии в России лежит в обеспечении внутреннего рынка.

Демократическая Россия со стабильной национальной экономикой, а не экспортной ориентацией за счет низкой зарплаты, может быть мощным, но не угрожающим партнером для демократии Западной Европы».

Нельзя не согласиться с выводами авторов доклада в том, что реформы по модели «шоковой терапии» обречены в России на неудачу уже по одним только экономико-географическим причинам. Эта модель отработана в основном на малых и средних странах, и там ее жесткие методы имеют, по крайней мере, некоторый смысл. После того, как в результате «либерализации» цены взлетают до небес, а жизненный уровень падает ниже всяких норм, создаются крайне выгодные условия для вложений иностранного капитала. Этот капитал, естественно, устремляется в страну, где рабочая сила почти ничего не стоит. Однако поскольку покупать товары здесь почти некому (население крайне бедно), он создает отрасли производства, ориентированные на экспорт. Опыт показывает, что в малых и средних странах эти отрасли могут давать до 40—50% национального производства. Полученная от экспорта валюта частью идет на покрытие долгов, частью же на «лечение» самого «больного». Жизненный уровень населения поднимается до более или менее приемлемой отметки. Так не раз бывало в Латинской Америке и Азии, хотя отнюдь не везде кончалось благополучно. В России так быть не может.

Во-первых, в крупных государствах, к каким принадлежит и наше Отечество, экспортные отрасли могут давать не более 8—10% национального производства (показатель США), чего, может быть, хватит для выплаты части долгов, но отнюдь не для обеспечения собственных граждан. Следовательно, обнищание российского населения — процесс не только крайне тяжелый с точки зрения социальных и культурных последствий, но и бесполезный экономически. Для развития национального производства в России нужен емкий внутренний рынок. Нищее население такого рынка обеспечить не может. Следовательно, поддержание приемлемого уровня жизни — это императив не только гуманной политики, но и самой же экономики.

Во-вторых, в современном мире не так много свободных капиталов, как об этом любят говорить российские политики. Специальный анализ, проделанный теми же лейбористскими экспертами, показал, что в последние десятилетия США ввозили капитала больше, чем вывозили (800 млрд. долларов за 80-е годы). То же самое относится к Западной Европе, за исключением, пожалуй, Германии, которая занята ныне обустройством своих восточных земель. Единственным крупным вкладчиком капитала в российскую экономику могла бы стать Япония. Однако этому мешают, с одной стороны, территориальные претензии японцев на Южные Курилы, а с другой — тот факт, что Япония стала основным поставщиком капитала для Соединенных Штатов. Если она перестанет вкладывать капитал в США и направит его в Россию, это неминуемо вызовет острое столкновение в японо-американских и российско-американских отношениях.

Следовательно, и этот «кит» экономической стратегии Правительства Ельцина — Гайдара,— надежда на то, что «Запад нам поможет», представляет собой битую карту, очередную политическую иллюзию революционной поры. Несомненно, мы должны быть благодарны миллионам средних американцев и немцев, которые отправляют в Россию посылки с гуманитарной помощью. Но столь же несомненно, что эти посылки не могут решить российских проблем и что крупные западные корпорации и государства будут в дальнейшем помогать России лишь постольку, поскольку это будет соответствовать их собственным интересам. Иначе говоря, помогать прежде всего самим себе.

Итак, трагическая ошибка (если это ошибка) неопытных российских «шокохирургов» состоит в том, что они провели «операцию» без учета размеров общественного организма, да и характера болезни тоже. В итоге вместо воспаленного аппендикса нам удалили изрядную часть желудка — и тяжело, и больно, и все зря. Как тут не вспомнить репризу Аркадия Райкина: «Урезать — так урезать», — сказал японский генерал, делая себе хакари.

Само Правительство в последних прогнозах признает, что сбалансировать бюджет

вряд ли удастся, а нижняя точка падения придется не на 92-й, как многократно обещали, а на 93-й год. Что же касается критиков правительственного курса, то, по их мнению, на мой взгляд обоснованному, после «шоковой терапии» нам потребуется восстановительный период, как после небольшой войны.

В политике, однако, ошибки редко бывают случайными. За каждым политическим курсом обычно стоят определенные общественные группы, которые либо прямо заставляют Правительство проводить этот курс, либо имеют интересы, с ним объективно совпадающие. Здесь-то, уважаемый читатель, мы и подошли к необходимости понять характер того процесса смены типа общественной системы, который происходит сейчас в России.

«И рай настанет не для нас...»

Согласно теории классиков политической науки XX века М. Вебера, В. Паретто, Г. Моска, современные демократии сводятся к праву выбора элиты, ее замены. Именно это и происходит с нами сейчас: старую бюрократическую элиту, элиту кресла, должности сменяет новая (не столько по составу, сколько по характеру) — элита богатства, денег и т. п. Эта элита, как всякая более молодая, превосходит свою предшественницу энергией, решительностью, пожалуй, образованием, но вместе с тем так же и алчностью, «бескорыстной» любовью к деньгам и т. п., не уступая ей в аморальности и пренебрежении к людям иного круга. Будет ли эта элита управлять эффективнее прежней, выяснится лишь со временем?

Не претендуя на окончательную истину, можно сказать иначе и точнее: в стране происходит буржуазная революция. В этом пункте я согласен с Юрием Афанасьевым и другими честными правыми, имеющими мужество назвать вещи своими именами. Однако дальше нужно уточнить: революция не западного, буржуазно-демократического, а восточного, буржуазно-бюрократического типа.

Сценарии таких революций хорошо известны из истории стран Азии и Африки, избравших в свое время путь социалистической ориентации. При отсутствии или ограничении демократии в таких странах происходила, с одной стороны, бюрократизация, а затем и перерождение правящих групп, а с другой — формирование нелегального или полуполюгального капитала по преимуществу торгово-ростовщического характера. Обе эти группы срачивались между собой и совершали политический переворот, мирный или вооруженный — в данном случае неважно. Поскольку господствующие позиции в экономике при этом занимал не цивилизованный (производительный), а бюрократический капитал, не могу припомнить ни одной страны, которая бы после такой «революции» добилась сколько-нибудь впечатляющих экономических успехов.

Аналогия с ситуацией в бывшем Советском Союзе вполне очевидна. Сейчас многие экономисты и социологи, причем не только левого, но и весьма правого толка, отмечают, что за «командные высоты» в экономике борются в основном две силы: «бюрократы» и «теневики». В любом случае финал известен: криминально-бюрократический капитализм. Победят «бюрократы» — будет чуть более бюрократический и чуть менее криминальный; победят «теневики» — наоборот.

Здесь я, рискуя вызвать гнев читателей, должен сказать несколько слов в апологию перекрашивающихся старых бюрократов (тоже ведь «твари божьи»). Их на чем свет критикуют сейчас и левые, и правые, причем со стороны правых подобная критика представляется мне противоестественной. Слов нет, с точки зрения моральных оценок все верно: грустно и смешно смотреть на людей, которые вчера клялись незамутненными идеалами коммунизма, а сегодня «рвут» в частные структуры, обгоняя порой даже лидеров «демороссов». Но спрашивается: могло ли быть иначе? Если господа, пришедшие к власти, стремятся как можно быстрее создать себе социальную опору в лице крупных собственников, то кто же иной, кроме «теневиков» и «бюрократов» может создать этот слой? Читателю, который в этом сомневается, я рекомендую пойти на аукцион и купить магазин или, на худой конец, квартиру. Гарантирую, что для девяноста с лишним

процентов этот «виноград» окажется «зелен».

Уверен, никакого «либерального» капитализма у нас нет и быть не может. Сделав ставку на классическую частную собственность, новая власть, даже если она этого не хотела, обречена получить капитализм азиатского, бюрократического типа. У «теневиков» — деньги, у «бюрократов» — власть. Деньги хотят получить власть; власть имущие хотят денег. Несомненно и то, что именно бюрократы имеют опыт, связи, производственные и управленческие навыки, т. е. то, что необходимо собственнику. Кому же еще становиться новыми хозяевами жизни? Правда и то, что говорит убежденный «западник» Анатолий Стреляный: никакому народу не по силам взрастить две элиты; человек, который при административном социализме дослужился до секретаря райкома, при капитализме не может не процветать. И наконец официальная пропаганда без устали твердит нам, что только предприниматель — это «главный труженик», «настоящий мужчина», «единственная наша надежда», «спасение России» и т. д. и т. п. и пр. Чего ж мы удивляемся, если люди, которые привыкли считать себя «солью Земли», опорой общества, хотят и при новом режиме сохранить это положение.

Нет, превращение старых бюрократов в новых крупных собственников — это результат не их «порочной природы», а главным образом, неверно выбранного курса. Господам, которые призывают заменить монополию государственной собственности монополией частной, надо не клеймить бюрократическую приватизацию, а радоваться, что есть люди, которые откликаются на их призывы. Надо быть детски наивным или беспредельно лживым, чтобы надеяться убедить кого-то будто то, что позволено «быку», не позволено «Юпитеру». Думаю, это хорошо понимают и сами авторы газетных агиток.

Смысл же подобной пропаганды состоит лишь в том, чтобы посеять очередные иллюзии, будто результаты правительственного курса так плохи лишь потому, что его извращают бюрократы. На самом деле, смена старых бюрократов при сохранении прежнего курса приведет лишь к замещению их «теневиками» и едва ли «новая редька» будет слаще.

Правда, есть другой путь — путь к рынку на основе по преимуществу народных предприятий. Хотя этот путь гораздо больше соответствует национальному менталитету (духу «соборности») и народным представлениям о справедливости, его стараются либо оболгать, либо не вспоминают вовсе. Интересный пример на эту тему — одно из выступлений Леонида Радзиховского, прозвучавшее по «Радио России» в конце октября 1991 года. До этого выступления я считал Л. Радзиховского нестандартно мыслящим психологом, но весьма стандартным политическим агитатором, однако либо ошибся, либо пришло время политической откровенности. Л. Радзиховский вспомнил по случаю известный сюжет из вольтеровского «Кандида», который в его вольной передаче выглядел приблизительно так. Кандид говорит героине: «Мне приснился ужасный сон, как будто Вы попали в плен к пиратам, там Вас изнасиловали и вдобавок отрезали половину зада» (прошу прощения у читателя за грубость вольтеровского слога). Героиня отвечает: «Это не сон. Все так и было на самом деле. Но от этого не умирают».

Вся эта история была приведена Л. Радзиховским для того, чтобы сделать такой вывод: да, мы переходим к капитализму. Этот капитализм будет ранним, «диким», жестоким, антигуманным, несправедливым, но... от этого не умирают!

Вообще говоря, я уважаю людей, имеющих мужество говорить правду, независимо от их политических позиций. Во всем согласен с Леонидом Радзиховским. Не могу понять только одного: почему мы безропотно смирились и даже жаждем попасть в плен к пиратам, быть изнасилованными, ну и всего остального, что случилось с вольтеровской героиней? Парадокс состоит в том, что, рассуждая о «нормальной» экономике и возвращении к «нормальной» жизни, господа — единомышленники Л. Радзиховского — ведут Россию не на столбовую дорогу мировой цивилизации, а на ее «скотный двор». К столбовой дороге после этого придется прорываться еще несколько десятилетий через «Авгиевы конюшни» первоначального капитализма. Да и удастся ли прорваться — неизвестно: ведь разрыв по производству на душу населения между странами современного «социализированного» и азиатско-бюрократического капитализма не сокращается, а растет. А может быть, эти

господа и не будут прорываться? Может, и так понравится? Криминально-бюрократический капитал и без того получит блага и льготы, а остальных можно призывать: терпите, терпите, снова терпите, еще 70 лет!..

Не менее чем лозунг «возвращения в цивилизацию» претерпела метаморфозу и другая благородная демократическая идея периода перестройки — намерение преодолеть отчуждение человека от собственности, сделать его хозяином. Слов нет, это действительно необходимо. Но почему-то при этом вспоминается известный анекдот эпохи «застоя». Делегат XXVI съезда КПСС возвращается домой в свой северный край. Ему, естественно, устраивают встречу с народом и, разумеется, расспрашивают о том, что он слышал и видел на съезде. На это наш сын дикой природы и простая душа отвечает: «Я слышал: главное — все для человека, все на благо человека! И я даже видел этого человека!». Конечно, подразумевался незабвенный товарищ Леонид Ильич Брежнев.

Так и я сегодня хочу спросить о том, какого именно человека хотят сделать хозяином: министерского чиновника, который становится руководителем концерна? Денежного магната, нажившего деньги на финансовых махинациях и почти наверняка дававшего взятки тем же чиновникам? Либо работника предприятия, вместе с другими работниками ставшего его совладельцем, через Совет коллектива управляющего предприятием, нанимающего директора и других квалифицированных менеджеров и т. п.? Есть силы, выступающие за первый вариант (например, «Научно-промышленный союз»); есть сторонники второго (большинство лидеров партий «Демократической России»); есть и приверженцы третьего («Союз трудовых коллективов», формирующаяся Партия Труда). Призывать же просто, сделать человека хозяином, не уточняя, о каком именно человеке идет речь, — значит лукавить и не более того. Ведь совершенно очевидно, что каждая система под «человеком» понимала представителя правящей в ней элиты: административно-бюрократический социализм — «ответственного работника», высокопоставленного «управдома»; наступающий криминально-бюрократический капитализм — нувориша, либо того же «управдома», в отличие от «великого комбинатора», перекавалифицировавшегося в миллионеры.

И, наконец, еще об одной поразительной метаморфозе. Новая (точнее, перекрашенная) правящая элита старательно наклеивает на всех приверженцев более или менее левых убеждений ярлык «Шариковых». Конечно, у нас были, есть и будут сторонники «разделительного» социализма. Но по злой иронии судьбы сейчас на политической арене доминируют своего рода «шариковы» наизнанку, т. е. сторонники «разделительного» капитализма. Я имею в виду не только растаскивание союзной собственности республиканскими бюрократиями, но и российский Закон о приватизации. Его экономические минусы очевидны: раздав всем инвестиционные книжки на определенную сумму, дающие право на приобретение акций, придется выплачивать дивиденды по этим акциям «живыми» деньгами, а это подхлестнет и без того галопирующую инфляцию; превращение крупных предприятий в собственность огромного числа мелких акционеров, не способных к самоуправлению уже из-за своей многочисленности, сделает директоров и других хозяйственных руководителей по существу бесконтрольными хозяевами этой собственности.

Подобный раздел сам по себе никак не стимулирует экономическую эффективность и производительность труда и т. д. и т. п. и пр.

Спрашиваю одного из депутатов «Демократической России»: «Зачем вы приняли такой неграмотный Закон? Ведь была же у вас программа Шаталина с ее принципом: все продать! Конечно, программа явно несправедливая, но экономически более грамотная?» И слышу в ответ: «Конечно, программа Шаталина была лучше, но если бы мы стали все продавать, начались бы забастовки, а так все будут довольны, каждый получит свое, но акции все равно скоро окажутся в руках самых умных и предприимчивых». Разумеется, он прав. Пенсионеры, домохозяйки, просто малообразованные люди, не знающие, что делать со свалившейся на них «бумажной» собственностью, а, главное, — бедные моментально распродадут свои инвестиционные книжки за «живые» деньги, которые в условиях «шоковой терапии» оказались уже не в избытке, а в дефиците.

Вообще история со всеобщим дележом государственной собственности чем дальше, тем больше напоминает мне старую сказку о лисе и медведях, которые делили сыр. В самом деле, внимательный читатель, конечно, не забыл, что еще руководство Ельцина — Силаева обещало выдать каждому инвестиционную книжку на 7—8 тысяч рублей. В период кампании по выборам Президента России называлась цифра и в 10 тысяч. За полгода «шоковой терапии» цены, по подсчетам Павла Бунича, выросли в 15 раз; по другим подсчетам — в 30. И что же? Президент Ельцин и глава Госкомимущества Чубайс по-прежнему обещают гражданам инвестиционные счета по 7—8 тысяч рублей, иначе говоря, на сумму, составляющую 3—6% прежних обещаний. А кому же достанутся 94—97% собственности, которой прежде собирались нас осчастливить? Ответ очевиден: криминально-бюрократическому капиталу.

Таким образом, новые «шарики от капитализма» отличаются от прежних только одним герой Булгакова предлагал все отнять, чтобы поделить, эти решили все поделить, чтобы потом отнять. Думаю, после этого читатель сам может судить, для кого уже настал или скоро настанет «рай» при новом режиме.

«Поднявший меч на наш союз...»

Пожалуй, из четырех названных в начале этой статьи социальных несчастий, которые постигли наше Отечество, самое большое — это разрушение государственности, Советского Союза. Во всяком случае ни борьба за хлеб насущный, ни борьба за собственность, ни борьба «за» или «против» демократии не вызывали до сих пор столь тяжелых социальных потрясений с такими большими человеческими жертвами, как конфликты на национальной почве. И если 3—4 года назад острословы еще позволяли себе шутки насчет обострившейся в Советском Союзе дружбы народов, то в наши дни все это звучит откровенным кощунством. Сводки о боевых действиях на территории бывшего Союза стали обычным делом. Содружество Независимых Государств чаще напоминает «совражество», да и на территории самой Российской Федерации существует не один «пороховой погреб» (например, Северный Кавказ). И вполне естественно, что по мере того, как развеиваются революционные иллюзии и спадает с глаз пелена эйфории, все чаще приходится слышать от соотечественников еще один сакраментальный российский вопрос: как это все случилось?

Две версии разрушения Советского Союза являются столь же распространенными в общественном сознании, сколь и поверхностными: версия распада последней империи и версия заговора врагов России.

Идеологический штамп, согласно которому Советский Союз был империей, настолько прочно вбит в массовое сознание, что им пользуются даже специалисты, прекрасно понимающие, мягко говоря, условность такого представления. Вспоминаю одну из публичных дискуссий видных политологов. Ее участники дружно называли Союз империей, но вынуждены были постоянно оговариваться, что эта империя необычная: Россию очень трудно признать метрополией, ибо она отдавала немалую часть своего национального дохода другим республикам, а, по крайней мере, Украину и Белоруссию невозможно признать колониями, ибо они имели более высокий уровень жизни, чем «метрополия». Мой вопрос: имеет ли в таком случае термин «империя» хоть какой-нибудь смысл? — остался на этой дискуссии без ответа.

Никакой критики не выдерживает и другой вариант той же версии: будто все республики, включая и Россию, были колониями некоего «Центра». Он вообще сильно напоминает мне историю из гоголевской повести, в которой нос майора Ковалева совершал свои собственные похождения независимо от хозяина. Ведь каждому школьнику известно, что империи без метрополии не бывает, и что метрополией в империи может быть только государство, но отнюдь не правительство или ведомство.

Люди, которые разрабатывали эту версию, много раз публично заявляли: как только ненавистный «Коммунистический Центр» перестанет вмешиваться в дела республик и выведет свои войска, все национальные проблемы решатся сами собой, повсюду

воцарятся мир и благодать; рынок автоматически наладит экономические связи, и все бывшие части «империи» (прежде всего, Россия) пойдут вперед семимильными шагами.

На самом деле и Центр (т. е. Горбачев) давно уже не был коммунистическим, и прогнозы эти подтвердились с точностью «до наоборот». В другой стране это, скорее всего, означало бы полный крах политической и научной карьеры, признание полной профессиональной непригодности такого рода специалистов. У нас же авторы провалившихся прогнозов продолжают считаться авторитетами в области политики или национальных отношений, их назначают на высокие посты в Министерство иностранных дел, на должности советников и представителей Президента.

В действительности Советский Союз представлял собой не империю, а много— и наднациональное государство, подобно тому, как разные варианты таких государств представляют собой США, Великобритания и Индия. Версия же распада последней колониальной империи свидетельствует не столько о недостатке квалификации, сколько об избытке беспринципности у ее создателей. О том, каким социальным силам она послужила, речь пойдет ниже.

Немногим ближе к истине и версия заговора «русофобских» сил. Заговоры, конечно, всегда были и, надо полагать, будут. Но никакой заговор не в состоянии разрушить государство, если для этого нет внутренних предпосылок. Сомневающиеся могут попытаться путем заговора разделить на составляющие, например, Испанию или Швейцарию, а ведь это тоже многонациональные государства.

Подобно версии распада последней империи версия заговора также выступает в двух вариантах. Начнем с первого наиболее одиозного заговора сионистов (в зависимости от уровня культуры различные авторы говорят также о «жидомасонах», «малом народе» и так далее). Разумеется, ни один серьезный политолог не может и не будет отрицать существование международного еврейского капитала (наряду с армянским, китайским и тому подобное), равно как и активную деятельность израильского лобби в Соединенных Штатах (наряду с другими лобби). Однако отсюда вовсе не следует, что этот капитал и это лобби стремились к разрушению Советского Союза (почему не Китая или Индии?) и что эта задача была им по силам. И уж тем более все это не может служить оправданием антисемитизма. Если, например, в Соединенных Штатах в последнее время резко активизировалась российская мафия и даже теснит знаменитую Коза Ностру (ура, мы хоть где-то «ломим»), то это вовсе не означает, что именно российская эмиграция угрожает американской стабильности, а ко всем русским надо относиться, как к мафиозным элементам.

С небольшими коррективами то же самое можно сказать и о другом варианте версии заговора, который в роли могильщиков Союза представляет крупные иностранные державы, прежде всего США. Безусловно, в Соединенных Штатах существует киссинджеровское направление в политике, сторонники которого считают, что Россия всегда останется соперником Америки, независимо от того, какую общественную систему она (Россия) изберет. Безусловно, правящая американская элита не заинтересована в сохранении сильного политического и экономического конкурента и хотела ослабления Советского Союза, но вряд ли она хотела его разрушения. Бывшая великая держава, развалившаяся и кровоточащая, стала едва ли не самым нестабильным регионом в мире и угрожает похоронить под своими обломками не только собственные народы, но также сытый и привыкший к сравнительному спокойствию Запад. Вот почему американцы, сколько было возможно, поддерживали не Ельцина, а Горбачева, призывая российского и других республиканских лидеров к взвешенности и предупреждая общественность об опасности разрушения государства.

Но если не сионисты, не американцы, то кто же он, «поднявший меч на наш Союз»? Думаю, читатель мог сам сделать вывод, если главная идея предыдущего раздела показалась ему заслуживающей внимания.

Разрушение Советского Союза конечно результат комплекса причин, но одна из них и притом едва ли не самая важная упорно замалчивается официальными аналитиками и официальной пропагандой. Ключ к судьбе Союза, как и к нашему социальному будущему,

содержится в понимании происходящей революции как бюрократической, о чем речь уже шла выше. Как печально шутят сатирики, «переворот в стране произошел, но на 360 градусов». Мгновенно преобразившись в антикоммунистов, вчерашние замы вчерашних лидеров КПСС и государственных руководителей не только не избавились от наследия своего бюрократического прошлого, а, напротив, возвели его в квадрат. Даже по официальным данным аппарат центрального управления в Российской Федерации к весне 1992 г. вырос на 15—20% по сравнению с союзным. Интересно, что объясняют это новые лидеры необходимостью заполнить «пробелы», образовавшиеся в результате запрета КПСС.

Специалистам хорошо известно, что бюрократическая структура каждого уровня при первой возможности стремится избавиться от власти «вышестоящих» структур и максимально подчинить себе «нижележащие», замкнуть на себя как можно больше власти. В условиях всеобщего кризиса именно эта борьба между бюрократическими элитами разных уровней и разрушила страну. Президент Ельцин с высоких трибун не раз справедливо говорил о номенклатурном сепаратизме в России. Но, может быть, наиболее ярким примером номенклатурного сепаратизма было именно поведение российского руководства в отношении союзного Центра. Идеологическим обоснованием этого сепаратизма стал миф об обретении Россией независимости.

Вообще-то создание новых мифов в революционную эпоху — вещь столь же обычная, как и разрушение старых, но здесь мы имеем дело с мифом уникальным по своей нелепости и претенциозности. В самом деле, каким самоощущением должны обладать политические лидеры, чтобы всерьез заявить, будто только они дали независимость государству, существовавшему более тысячи лет! Какое «помутнение умов» должно произойти в обществе, чтобы оно поверило таким заявлениям! Если Россия получила независимость, то спрашивается, от кого? Говорят, от горбачевского руководства. Но разве это руководство было немецким или китайским? И как быть с тем, что именно это руководство обвиняли в «русификаторстве», «русском империализме», «оккупантстве» чуть ли не все новые республиканские лидеры, кроме команды Бориса Ельцина?

Не менее нелепо выглядит версия независимости России от Украины, с которой она воссоединилась в результате Переяславской Рады, от Грузии, которая вошла в состав Российского государства по Георгиевскому трактату, равно как от Средней Азии или Прибалтики, которые были Россией завоеваны.

От чего на самом деле стала «независимой» Россия, так это от целого ряда исторически принадлежавших ей территорий, от 25 миллионов наших соотечественников, превратившихся в иностранцев, от стратегического паритета, от космодрома «Байконур» и Черноморского флота и т. д. и т. п. Кому только на пользу такая «независимость»?

Впрочем, на последний вопрос ответить несложно: на пользу новой номенклатуре, точнее сказать, второму эшелону прежней бюрократической элиты, который ныне пришел к власти. Сменив статус среднеразвитой по мировым показателям державы на положение «Верхней Вольты без ракет», мы оказались впереди планеты всей по количеству президентов и иных высокопоставленных должностных лиц на душу населения. Избавившись от своего прежнего начальства союзного уровня, они получили возможность пользоваться привилегиями, ездить за границу, представлять страну в Организации Объединенных Наций, быть в центре внимания и т. д., и т. п., и пр. От одного водителя я как-то услышал про 12 июня: «Это праздник Ельцина». И действительно «День независимости России» — это день независимости российской номенклатуры от номенклатуры союзной. Именно перед ней, российской номенклатурой, этот день открыл блестящие перспективы. В этом сугубо практическом интересе, а не в недостатке квалификации и состоит причина поразительной слепоты ее аналитиков. Допускаю, что некоторые из них не лицемерили, а были искренни, обещая, что после разрушения Союза мы проживем «долго и счастливо»: просто свое собственное «светлое будущее» они принимали за наше общее. В истории вообще, а в революционные эпохи — в особенности, любая правящая группа стремится представить свой интерес как общенародный, и обычно ей это удается.

Как бы то ни было, одна из величайших драм истории XX века свершилась. И если «зубы дракона» посеяли национальные бюрократии, то «жатва» достается народам. Что же касается политиков и политологов, то они «пишут сценарии», прогнозируют и «выписывают рецепты». Таких прогнозов-сценариев существует, как минимум, четыре.

Первый — официальный: так уж получилось, никто, кроме Горбачева и его «команды» не виноват; конечно, жаль, но зато Россия теперь свободна и независима, а главное — государства бывшего Союза быстро начнут интегрироваться и скоро образуют нечто вроде Объединенной Европы.

Второй прогноз — новодворско-афанасьевский. Он последовательнее и честнее: нормальным признается не только разрушение «империи» — Союза, но и «империи» — России; задача же истинных демократов состоит в том, чтобы не поддаваться «имперской» психологии и не мешать этому процессу.

Третий прогноз-сценарий предлагает радикально-патриотическая оппозиция: поскольку разрушение Советского Союза является антиконституционным преступным актом, можно и должно восстановить незаконно уничтоженную государственность; в противном случае нас ждут неисчислимы бедствия.

Наконец, четвертый прогноз-рецепт предлагает умеренно-патриотическая оппозиция, объединяющая левые группы демократической ориентации. Соглашаясь с радикальными патриотами в оценке последствий ликвидации Союзной государственности, эти группы исходят из признания права народов на самоопределение и считают восстановление Советского Союза в нынешних условиях практически невозможным, хотя и желательным.

Действительно, соглашение в Беловежской Пуще стало тем спусковым крючком, нажав на который, лидеры республиканской бюрократии выпустили в самих себя, а главным образом — в окружающих, целую обойму мин. Часть из них взорвалась, а другие (замедленного действия) еще ждут своей очереди. Уничтожение единого государства с неизбежностью ставит перед его преемниками целый букет проблем: разрыв десятилетиями сложившихся экономических связей; передел политических границ, не совпадающих с границами национального расселения; беженцы (к середине 1992 года — 1,2 миллиона на территории СНГ); нарушение стратегического паритета с Западом. Но и это еще не все. Поскольку как диссидентские лидеры типа Гамсахурдиа, так и политические «оборотни» пришли к власти в республиках бывшего Союза под лозунгами независимости и национального возрождения, их режимы неминуемо должны быть националистически окрашены. В примерах, увы, недостатка нет. Если даже министр иностранных дел «Правительства в России» Андрей Козырев именуется национальной политикой новых эстонских властей политикой апартеида, то прибавить здесь нечего. А ведь Эстония, по нашим понятиям,— это высококультурное государство.

Особенно тяжелым в этих условиях оказалось положение России, внешняя политика которой теперь сплошь и рядом мечется в поисках меньшего из нескольких великих зол. Скажем, в Приднестровье Россия может выбирать между следующими двумя вариантами: либо наблюдать за вытеснением, а то и уничтожением русскоязычного национального меньшинства, посылая для приличия ноты протеста и заслуживая справедливые упреки в предательстве; либо вмешаться в конфликт, теряя своих солдат и заслуживая не менее справедливые упреки в политическом недоумии (как можно, разрушив Союз и изгнав Горбачева из Кремля, не понимать, что теперь имеешь дело с иностранными государствами?). Сказать по чести, мне не жаль новых лидеров: они обязаны были ведать, что творят, и теперь лишь пытаются преодолеть трудности, которые сами перед собою воздвигли. Народы же, которые слепо пошли за национальными элитами, мне жаль, ибо в условиях антидемократической системы они оказались сущими детьми в политике и были обмануты, как дети.

Большинству специалистов, за исключением официальных идеологов, было с самого начала ясно то, что сейчас начинает понимать, кажется, и массовое сознание: СНГ — это мертворожденное образование, которое сплошь и рядом не способно даже цивилизовать процедуру «развода» между бывшими «братскими» республиками. Со временем государства бывшего Союза будут интегрироваться, но в большинстве своем не с Россией:

Прибалтика — со странами Скандинавии, Средняя Азия — с мусульманским миром и тому подобное. В ближайшие годы все это будет сопровождаться насилием и кровью, однако попытка восстановить Союз мало перспективна, ибо этому станут всячески препятствовать национальные бюрократии, за которыми по-прежнему идут широкие слои населения. России в обозримой перспективе придется одновременно решать две плохо совместимые задачи: защищать собственные государственные интересы и интересы своих соотечественников; налаживать добрые отношения со своими соседями, добиваясь более тесной интеграции хотя бы с некоторыми из них. Но делать это должны не те, кто по невежеству или из властолюбия вверг страну в новые беды, не те, кто подобно флюгеру, менял направления каждые несколько месяцев, а то и недель. Это должны быть иные люди с иным уровнем культуры, ясной и осознанной позицией.

Да простит мне Булат Окуджава, но его давно знакомые строки неожиданно приобрели для меня совершенно иное звучание:

Поднявший меч на наш союз
Достоин будет худшей кары.
И я за жизнь его тогда
Не дам и самой ломаной гитары!

Не знаю, о какой жизни говорил поэт, я же имею в виду жизнь в истории, в памяти потомков.

«Пока свободю горим?..»

Осилив все, что написано выше, иной читатель, наверное, укорит автора в мыслях, а может быть, и в газете, примерно в таких выражениях: «Не надо нас пугать! Мы и сами знаем, что цены бешеные, что на границах стреляют, а люди звереют. Но зато ведь мы идем к демократии!» Кто-нибудь, различающий в политике только два цвета, пожалуй, прибавит, что все это «красная пропаганда».

Полно, читатель! А к демократии ли мы идем? Не приходило ли Вам в голову, что шли, да повернули обратно?..

Вспоминаю, как во время защиты выпускных работ по политологии один студент утверждал, будто после августа 1991 года в России наступил этап торжества демократии. Когда же ему и всем присутствующим было предложено аргументировать этот вывод, ни одного примера успехов демократии, кроме срыва попытки государственного переворота, никому привести не удалось. Зато факты противоположного свойства были обнаружены с легкостью: замена выборности руководителей исполнительной власти всеобщим назначением сверху; уже упоминавшаяся попытка объединения органов госбезопасности и внутренних дел; все новые и новые дополнительные полномочия Президента, включая передачу ему многих функций законодательной власти; отказ в регистрации некоторым политическим партиям левой ориентации; монополизация информационных агентств и крайняя тенденциозность информации; невиданная даже во времена загнивания прежнего режима коррупция чиновников; попытки исполнительной власти подмять под себя научные учреждения (например, Российскую академию образования) и провести идеологическую чистку среди государственных служащих и преподавателей социогуманитарного цикла и т. д. и т. п. По существу, с осени 1991 года мы живем в условиях своеобразного чрезвычайного положения, хотя оно и не было объявлено. Геннадий Янаев и его соратники могут быть спокойны: в части урезания демократии их дело «живет и побеждает», правда, теперь мы имеем ЧП без ГК ЧП.

Конечно, проще всего было бы объяснить это склонностью, к авторитаризму и другими личными особенностями новых лидеров, тем более, что поводов к тому они дают более чем достаточно. Сравним хотя бы выдвинутое летом 1989 года требование союзного депутата Ельцина ежегодно проводить референдум о доверии лидеру страны с заявлением Президента Ельцина летом 1992 года о том, что отстранить его от должности может только Господь Бог. Первое было неверно по существу и свидетельствовало о

демократическом романтизме; второе также неверно по существу, но свидетельствует уже об антидемократическом реализме, о готовности не считаться с законами и волей большинства.

В действительности причины свертывания демократии лежат глубже. Первая из них состоит в том, что страна переживает период крайней нестабильности. В принципе, любого из трех сотрясающих Россию процессов (реформа по модели «шоковой терапии», буржуазно-бюрократическая революция, разрушение государственности) достаточно для того, чтобы вызвать социальные взрывы. Протекая же одновременно и стимулируя друг друга, они образуют такую «гремучую смесь», бурление которой неминуемо вызывает у лидеров желание потуже «завинтить гайки» и прямо опереться на силу. В современном обществе демократия — дочь стабильности. Это наилучшее средство легитимации (узаконивания) власти правящей элиты до тех пор, пока это не угрожает ее коренным интересам. Нам же стабильность в ближайшее время «не светит», потому авторитарные потуги со стороны власть имущих вполне естественны и закономерны.

Пожалуй, первым среди новых лидеров это осознал (или, по крайней мере, высказал) Гавриил Попов, который уже с конца 1990 года требовал «административного насилия», «железной руки», «демократической диктатуры», призывал вводить новую систему теми же методами, какими большевики внедряли административный социализм. За Поповым последовала целая плеяда явных и неявных советников Президента, включая Геннадия Бурбулиса, которого радио «Свобода» окрестило «мастером политических интриг», и Сергея Шахрая. Последний все чаще высказывается за «просвещенный» авторитаризм, в котором видит спасение от фашизма. Однако вряд ли таким высококвалифицированным специалистом, как Сергей Шахрай, не известно, что в России всегда было очень хорошо с «авторитаризмом», всегда очень плохо — с «просвещением». И что в отечественных условиях авторитарная президентская власть — это и есть кратчайший путь если не к фашизму, то, по крайней мере, к режиму пиночетовского типа.

Впрочем, здесь действует почти железная логика: отказавшись от варианта реформ с наименьшими потерями для большинства, от социальной защиты, от ориентации на преимущественное право собственности работника (социалистической ориентации), правящая элита неминуемо должна была отказаться и от лозунга, который привел ее к власти, — от лозунга демократии. Романтики вроде Леонида Баткина, которые пытаются сочетать курс на первоначальный капитализм с защитой политической демократии, все более превращаются в могикан. Позиция же тех, кто делает реальную политику, ожесточается пропорционально росту экономической нищеты и социальной напряженности.

Другая причина свертывания демократии — культурно-политические традиции страны, и, как это ни печально, основанные на них настроения больших групп населения России. Не буду повторять тривиальные истины о царистских и генсековских иллюзиях, в которых веками воспитывался наш народ. Напомню лишь, что «команду» Янаева — Павлова в некоторых регионах, согласно опросам, поддержало до 40% населения. Надо учесть, что большинство членов этой «команды» имело в массовом сознании сугубо отрицательный имидж, созданный частью собственными усилиями, частью усилиями средств массовой коммуникации. «Да пусть же кто-нибудь наведет, наконец, порядок!» — эта мысль звучит теперь не только со страниц газет, но в очередях, метро и даже на митингах. Правда, в очередях ждут диктатора левого толка, наподобие Андропова — чтобы заставил всех работать, «прихлопнул» спекуляцию, восстановил хоть какую-нибудь социальную справедливость; в газетах же — правого толка, наподобие Пиночета — чтобы утихомирить «люмпенов», быстрее распродал заводы и магазины и «железной рукой» защищал новых собственников. Вопреки всяческой логике, авторитет Президента Ельцина все еще достаточно высок, потому что, во-первых, он имеет имидж решительного человека, а, во-вторых, в нем многие видят Андропова. На самом деле до сих пор Президент был решителен лишь в своей разрушительной деятельности и в своих колебаниях, а по исторической роли он, скорее, Пиночет.

С культурно-политической точки зрения наша ситуация особенно драматична потому,

что в короткие сроки были развенчаны два высоких исторических идеала. Сначала прежняя бюрократическая элита дискредитировала идею социализма, затем она же, поменяв флаги и лозунги и слегка обновившись, дискредитировала идею демократии. И теперь масса рядовых граждан рассуждает примерно так: «Если то, что было при Брежневле — это социализм, я против социализма; если нынешний бедлам и беспредел чиновников — это и есть демократия, я против демократии!»

Вообще для революционных и контрреволюционных ситуаций характерно то, что народ очень хорошо знает, что он хочет разрушить, но очень плохо знает, что он хочет создать. Сколько же раз в истории «пролетарии всех стран» шли к избирательным урнам, а то и на баррикады с надеждой: «в царство свободы дорогу грудью проложим себе.» И действительно прокладывали, но не себе, а новой элите. Сами же получали лишь иной вариант несвободы.

Так случилось и у нас. Вспомним: плебисцитарная демократия (т. е. всеобщие выборы и референдумы), наряду с массовыми митингами и демонстрациями, стала тем «тараном», с помощью которого второй эшелон правящей элиты сбросил с пьедестала первый и сам занял его место. Именно гигантская волна ненависти к прогнившей бюрократической системе подняла на гребне новых лидеров. Участники событий не заметили, что эта волна уже выплеснулась за исторически необходимые границы разрушения и что новые кумиры становятся все больше похожими на старых «исчадий ада», только с обратным знаком.

Помню тягостное ощущение февраля—марта 91-го года. Тогда прессе и на многочисленных встречах я пытался убедить сограждан, что референдум в наших условиях бесполезен, но если уж он проводится, то, во-первых, было бы безумием голосовать против собственного государства, а, во-вторых, появление Президентов в республиках будет стимулировать распад страны со всеми его бедствиями («двух Президентов Россия не выдержит»). Оплачивать содержание Союза России во всех отношениях куда дешевле, чем его распад. Люди слушали, очень редко находили возражения по существу, но не очень верили: ненависть к старой системе и надежды на новую элиту были гораздо сильнее доводов разума.

Пожалуй, революционные ситуации, как никакие другие, иллюстрируют сказку Салтыкова-Щедрина, в которой мужик не только кормил двух генералов, но и вил веревку, чтобы его привязали к дереву. Если проклинаемый ныне Маркс утверждал, что демократия есть «власть народа посредством самого народа», то история перестройки, обернувшейся, как и предсказывал Александр Зиновьев, «катастрофой», дала целый ряд примеров великолепно организованного манипулирования народом посредством самого народа.

Ныне демократическая эйфория если не отошла в прошлое, то, по крайней мере, на излете. Благородная идея демократии дискредитирована как отрицательными экономическими результатами, так и поведением правящей олигархии. Все чаще те, кто сохраняет верность демократической ориентации, если и готовы повторять хрестоматийные строки поэта: «Пока свободой горим...», то лишь с тревожной, вопросительной интонацией. В таких условиях демократия может оказаться «придушенной» (или «замороженной») не только по сценарию, описанному Александром Кабаковым в «Невозвращенце», т. е. в результате разнонаправленных политических переворотов, но и вполне демократическим путем. Раньше это называлось «по просьбам трудящихся». Теперь «трудящиеся» не в моде, и авторитаризма требуют «во имя спасения реформ». То, что такой сценарий — отнюдь не плод фантазии, доказывают попытки сбора подписей под требованием референдума о предоставлении Президенту дополнительных полномочий.

Официальная пропаганда постоянно твердит о «красно-коричневой» угрозе демократии. И вообще говоря, известная угроза со стороны левого экстремизма действительно существует. Но гораздо более реальна опасность того, что с демократией в России покончат сами же бывшие демократы, подобно тому, как бывшие коммунисты покончили с социализмом.

И снова слышу я голос несогласного читателя: «Пусть так. Пусть даже так плохо, как изображено в этой статье. Но нам уже все равно в жизни ничего не светит. Зато наши дети будут жить хорошо!»

Тот, кто общается со множеством людей, наверное, не раз слышал эти возражения, и кого-то они убеждают. Увы, увы, уважаемый читатель! Должен еще раз Вас огорчить, ибо «протрезвели» Вы только наполовину: не дети, а внуки; и не так уж хорошо; и не Ваши лично, а среднестатистические. Вот Вам мнение о том, «куда несет нас рок событий» человека, большинство прогнозов которого до сих пор, к несчастью, сбывалось.

В ближайшие 7—8 лет Россию ожидает крайняя экономическая нестабильность; социальные конфликты внутри и национальные конфликты, как правило, в приграничных районах; большие и малые промышленные аварии и экологические катастрофы; дальнейшее обнищание основной массы народа; политический режим либо открыто авторитарный, либо с остатками урезанной демократии; полная деморализация населения, рост преступности и антисоциального поведения; массовая эмиграция интеллигенции и утрата даже нынешнего заметно сниженного статуса в мировой науке и культуре. Затем мы вновь начнем гонку за ушедшими далеко вперед развитыми странами Запада и через два поколения, в лучшем случае, выйдем в новые индустриальные страны типа современной Южной Кореи. Шансов оказаться по уровню экономики в Европе или Северной Америке Россия в обозримой перспективе не имеет. Да и самим этим странам придется менять экономическую ориентацию, ибо если Индия и Китай возьмут пример с Запада, человечество ждет экологическая катастрофа. Другими словами, попытка реставрировать в России классический капитализм означает, как об этом честно предупредила Валерия Новодворская, столетнее отставание нашей страны. В этом случае мы уподобляемся герою анекдота, который, спасаясь на тачанке от танка, приговаривал: «Ничего, Земля круглая, догоним!»

Гораздо больше шансов действительно войти в цивилизацию дает другой путь. Но чтобы выйти на него, надо сделать главными собственниками не бюрократов и «теневиков», а работников; надо признать социальную защиту не тормозом реформ, а одним из приоритетов экономики; надо стимулировать не торгово-бюрократическое, а производственное предпринимательство; надо вести перераспределительную — политику в интересах малообеспеченных по шведскому или, как минимум, по германскому образцу; надо защитить природу как от собственных варваров, так и от тех иностранных господ, которые ведут себя по-варварски в чужих странах; надо прекратить массовое развращение народа «массовой культурой» и найти средства на поддержку всех ростков духовности, независимо от ее идеологической ориентации; наконец, надо защитить и усовершенствовать демократию в России, пусть плохонькую, но гораздо более соответствующую чаяниям свободного человека, чем диктатура бюрократии или торгового капитала.

Несмотря на множество сторонников, такая модель развития имеет мало шансов воплотиться в жизнь. Однако именно она могла бы помочь России перестать быть заложницей «рока событий», а нашим детям позволила бы, нет, не пировать с небожителями, но занять достойное место в мировой истории и культуре.

Статья написана в мае—июне 1992 года и опубликована в альманахе омской писательской организации Союза писателей Российской Федерации «Иртыш». — № 2.— Омск: 1992.— С. 5—23.

Из статьи «Современная Россия: политические альтернативы на завтра»

2. Факторы формирования российского политического курса

В соответствии с традициями общественной мысли нового и новейшего времени и в отличие от конъюнктурных представлений, господствовавших в СССР и России в 1989—1992 гг., под левыми здесь понимаются такие политические течения, концепции, акции,

которые ориентированы на социальное равенство (чем более, тем левее), а под правыми соответственно те, которые ориентированы на неравенство. Помимо интересов определенных общественных групп, за борьбой левых и правых в новое и новейшее время всегда стояла проблема поиска (нередко бессознательного) оптимального сочетания эффективности и справедливости общественной системы.

На уровне социального философского исследования, когда рассматриваются основные эпохи истории человечества, легко доказать, что вектор исторического движения, при всех его зигзагах, в целом сдвигается влево, к более справедливому обществу. Это закономерно, ибо более эффективная социальная система в конце концов оказывается более справедливой и наоборот. Так, например, раннекапиталистическое общество (индустриализирующаяся цивилизация) справедливее феодального (средневековой цивилизации), ибо ликвидирует все сословные и иные привилегии, за исключением единственной привилегии богатства, современный высокоцивилизованный капитализм («социализированный» капитализм, «посткапитализм», «социальное рыночное хозяйство» и т. п.) справедливее капитализма первоначального, ибо создает благополучие для 2/3 и минимум жизненных условий для большинства оставшегося населения.

Однако в конкретных исторических ситуациях эффективнее оказывается то более левая политика («новый курс» Ф. Рузвельта), то более правая (советский НЭП, «тетчеризм» или «рейганомика» в 80-х годах). Поэтому отечественной политической науке и пропаганде следует не просто вернуть терминам «левые» и «правые» их общепринятый смысл (в значительной степени это сделано), но и освободить эти термины от характерного аксиологического налёта (влево — всегда хорошо или наоборот).

Совершенно очевидно: для того, чтобы вывести экономику страны из состояния стагнации, руководству Михаила Горбачёва необходимо было использовать механизм социального неравенства, т. е. проводить курс более правый, чем у предшественников. Однако остаются дискуссионными или малоисследованными, по крайней мере, три вопроса:

- а) на сколько «градусов» следовало изменить политический курс, какая степень «поправления» была бы оптимальная для страны?
- б) действие каких факторов обеспечивало и будет обеспечивать смещение этого политического курса вправо, и каких — препятствовать такому смещению?
- в) какой политический курс в ближайшее время можно считать наиболее вероятным и каковы будут его результаты?

Дальнейшее изложение и представляет собой, по преимуществу, попытку ответа на два последних вопроса. Забегая вперёд, можно высказать предположение, что в ближайшем будущем доминирующими в России останутся факторы, вызывающие смещение политического курса вправо.

Первый из таких факторов, породивших так называемую «вторую русскую революцию» и в свою очередь усиленных ею, современная всемирно-историческая ситуация, крайне неблагоприятная для левых в большинстве стран мира. Крах административного социализма в Европе, кризис, а местами распад коммунистических партий в развитых странах Запада, трудности социал-демократов, которые в одних странах потеряли власть, а в других сохранили её ценою сдвигов вправо,— все это явно проявления определенной закономерности.

В порядке постановки проблемы можно высказать предположение о том, что здесь действует открытый Марксом закон соответствия общественных отношений уровню и характеру развития производства, однако действует он в направлении, явно неблагоприятном для сторонников традиционных социалистических воззрений, не говоря уже об ортодоксальных марксистах. На современном этапе научно-технического прогресса более рентабельными и эффективными оказываются уже не наиболее крупные предприятия, как прежде, а гибкие, по преимуществу средние и мелкие. Известный футуролог Олвин Тоффлер назвал подобные процессы, идущие и в других сферах общественной жизни, «демассофикацией». Соответственно и государственная

собственность, охватывающая обычно крупное производство, как правило, ныне уступает в эффективности другим её видам — частной либо групповой.

Иными словами, завершился, по-видимому, исторический период, когда решение общественных проб-лем не только на Востоке, но отчасти и на Западе политики искали слева (национализации, государственное регулирование экономики и т. п.). С середины 70-х годов используются преимущественно рецепты правых (дерегулирование, реприватизация) и достаточно успешно. Правда, и при этом продолжают процессы, которые одни социал-демократы называют «социализацией», другие же (В. Белоцерковский, В. Иноземцев) — формированием посткапиталистических отношений: развитие коллективной и кооперативной собственности, социальных гарантий, регулирование неравенства, расширение среднего класса и т. п. Появились также первые признаки того, что неоконсервативная модель себя исчерпала (например, победа Клинтона на выборах в Соединённых Штатах). Однако эти тенденции в настоящее время не доминируют и не они, по-видимому, будут определять направление российской экономической политики. Не случайно парадигмы отечественных радикальных экономистов, определяющих эту политику, ближе Милтону Фридману и Джеффри Саксу, нежели Джону Кейнсу или Джону Гэлбрейту.

Второй фактор — логика исторического развития, хорошо известная специалистам по истории революций под именем «качелей» или «маятника». Суть её в том, что чем дальше революция выходит за пределы решения исторически возможных задач, тем больше последующий откат назад, затем — новый цикл и так до тех пор, пока не установится некое подвижное равновесие и события не войдут в нормальное, при данном уровне цивилизации, русло. Так, во Франции в конце XVIII века революция сначала шла до отказа влево, вплоть до якобинской диктатуры, затем вправо — через термидорианский переворот и режим Наполеона к реставрации монархии Бурбонов; и снова влево: через революции 1830 и 1848 гг. до Парижской коммуны и её подавления. Лишь затем началось более или менее нормальное буржуазное развитие. По аналогичной синусоиде развивалась и советская история: «военный коммунизм» — НЭП — «сталинский перелом»... — перестройка и постперестроечные потрясения.

Есть серьёзные основания ожидать, что поскольку страна наша шла влево дольше всех и заходила на этом пути весьма далеко, происходящий ныне исторический вираж вправо будет одним из самых глубоких в XX веке по продолжительности и сопутствующим потрясениям. Опыт многих революций показал: когда «мир насилия» разрушается до основания, из-под его обломков нередко появляются не новые отношения, а остатки еще более старого мира.

Третий фактор, детерминирующий смещения политического курса — это также хорошо известный историкам революций процесс саморазрушения власти, когда эта власть оказывается неспособной выбрать верный курс преобразований и в конце концов своими неуклюжими действиями подрывает собственную опору. При этом как торможение назревших реформ, так и их форсирование, подменой революционной ломкой системы могут оказаться равногибельными. Последние примеры такого рода мы находим в Восточной Европе на рубеже 90-х годов, в СССР и России — со второй половины 80-х.

Так, отказ руководства Михаила Горбачёва от сколько-нибудь существенных реформ в 1987—1988 гг. привёл к тому, что на рубеже 90-х годов между общественным сознанием и экономической политикой сложилось острейшее противоречие; политика по существу осталась левоконсервативной, а общественное сознание ушло далеко вправо. Напротив, в случае проведения таких реформ политический курс оказался бы правее, а массовое сознание — левее, поскольку экономический и общественный кризис не был бы столь глубоким. Вероятно, это позволило бы избежать дальнейших потрясений. Точно так же попытка политического переворота в августе 91 года имела следствия, прямо противоположные поставленным целям: вместо наведения порядка — усиление экономического хаоса; вместо укрепления Советского Союза — его полное разрушение.

Наконец, антиконституционный роспуск российского Парламента и последовавшая за этим малая гражданская война в Москве также укладывается в логику саморазрушения

революционной власти. Об этом свидетельствует и падение легитимности всех без исключения институтов власти, повышающее вероятность нового государственного переворота от ничтожно малой до значимой величины, и результаты парламентских выборов 12 декабря 1993 года, далеко не совпадающие с прогнозами. Кстати сказать, эти результаты показывают, что при провале центра и поляризации политических настроений ведущей тенденцией остаётся их смещение вправо. Следовательно, власть, пугая народ угрозой реставрации коммунизма, в действительности открывала тем самым дорогу правому радикализму.

Что же касается заявлений лидеров правящей в России праволиберальной субэлиты относительно того, что расстрел Российского парламента 4 октября аналогичен подавлению большевиками Кронштадтского мятежа и сулит обществу окончание революционных потрясений и вступление в полосу стабильности, то они явно не выдерживают сколько-нибудь серьёзной критики. Достаточно вспомнить, что подавление Кронштадтского мятежа в России лишь временно приостановило революционные бури, которые продолжились в конце 20-х годов, так называемым «сталинским переломом». Вообще есть только один способ избежать революционных потрясений, и состоит он в том, чтобы не делать революцию, а проводить необходимые реформы с учётом интересов большинства населения.

Четвёртой детерминантой российского политического курса в настоящее время и обозримой перспективе является национальный вопрос. И хотя в стране нет политического течения, которое бы не пыталось ставить этот вопрос, использовать его в собственных политических интересах представляется более вероятным, а выборы 12 декабря это косвенно подтверждают, что подобная «утилизация» скорее удастся правым, нежели левым. Во-первых, электорат традиционных левых (компартии Российской Федерации) остаётся достаточно ограниченным, а аллергия массового сознания к слову «коммунизм» — достаточно устойчивой. Новые же левые течения до сих пор так и не сформировались как сколько-нибудь серьёзные политические силы.

Во-вторых, благодаря тактике «перехвата революции», осуществляемой многими представителями правящей субэлиты, которые выступают ныне за крепкую государственность, в защиту интересов русскоязычного населения в «Ближнем Зарубежье» и т. п., и несмотря на то, что в целом они имеют вполне заслуженную репутацию активных участников процесса разрушения Союзного государства, не исключено, что им всё же удастся заменить этот политический имидж на противоположный. Ожидать же, что население ещё недавно великой державы безропотно смирится со статусом «Верхней Вольты без ракет», с потерей целого ряда исторически принадлежавших ей территорий, населённых к тому же в большинстве русскими, вообще вряд ли реалистично. Отсюда дополнительные шансы правых — либо ныне стоящих у власти, либо новых, пока находящихся в оппозиции.

Среди факторов, противодействующих смещению политического курса вправо, выделим один, наиболее существенный: представления о социальной справедливости (во многом уравниательные), закреплённые в стереотипах общественного сознания и традициях образа жизни. Колоссальные усилия средств массовой информации по пропаганде необходимости неравенства привели не к утрате этих представлений, но лишь к их деформации. В частности, социальная зависть — это обратная сторона медали социальной справедливости — нередко направляется не против крупных собственников, делающих гигантские состояния из «воздуха» и вывозящих капитал за границу, а против людей, получающих более высокие доходы от собственного труда (фермеров, высококвалифицированных рабочих и т. п.). Поскольку представления о справедливости прочно укоренены в национальном менталитете, даже оппозиционные к любым формам социализма течения, за исключением лишь крайних радикалов, вводят в свои программы по существу социал-демократические лозунги социальной защиты малообеспеченных слоев населения.

Теоретически эта особенность массового сознания способна вызвать и уже вызывает волну леворадикальных настроений. Однако значительных практических результатов такие

настроения в ближайшей перспективе иметь не будут в связи с состоянием левого движения, о котором речь уже шла выше. Кроме того, как показывает опыт, в том числе последних выборов, недовольство падением уровня жизни, социальной несправедливостью и другими аналогичными социальными проблемами, может быть использовано не только левыми, но и правыми.

3. Сценарии и модели

Сказанное позволяет сформулировать некоторые общие соображения относительно вероятности реализации четырёх наиболее часто обсуждаемых сценариев возможного развития России.

Сценарий первый: возврат к леворадикальному курсу, попытка восстановления уравнилельно-бюрократического социализма (этатисткого социализма, административно-командной системы и т. п.). В плане исторических аналогий это можно рассматривать как уже третий в нашей истории (после «военного коммунизма» и сталинизма) вариант яacobинской диктатуры. В идеологическом плане именно этот сценарий использовался как главное орудие устрашения населения и доказательство того, что нынешнему курсу альтернативы нет. В практическом плане вероятность реализации такого сценария близка к нулю. К ранее сформулированным аргументам, которые подтверждают это категорическое утверждение, необходимо прибавить следующее.

Во-первых, в России нет сколько-нибудь значимых политических течений, выступающих за леворадикальный курс. А небольшие группировки, разделяющие идеологию ортодоксального коммунизма, имеют репутацию, намного превосходящую реальные возможности. Что же касается единственной массовой левой партии — компартии Российской Федерации, то она сделала заметные шаги от коммунистической идеологии к социал-демократической и от жёсткой классово-й позиции к выдвигению на первый план общегосударственных интересов.

Во-вторых, и это более важно, заслуживает серьёзного внимания оценка новейшей российской революции как революции бюрократической, революции менеджеров, «революции замов и экспертов» и т. п. Не располагая общероссийской статистикой, можно тем не менее с уверенностью утверждать, что именно представители управленческого аппарата, включая привилегированную номенклатуру, составили большую часть так называемых «новых русских», обменяв власть на собственность либо превратившись в крупных собственников при сохранении власти. Поэтому в России сегодня нет сколько-нибудь заметной экономической либо политической субэлиты, которая бы выступала буквально за возврат к прежней системе. На фоне политического шума о противостоянии реформаторов и антиреформаторов на деле российскую политику формируют конфликты между представителями национального и компрадорского капитала, а также выходцами из прежних структур и нуворишей (в публицистике они обозначаются обычно терминами «бюрократы» и «теневики»). Власть любого политического течения, ориентированного на интересы одной из названных общественных групп, означает конечно отнюдь не возврат к доперестроечным временам, но лишь модификации постперестроечного курса.

Сценарий второй: ультраправый политический курс, установление режима фашистского типа. Прямой аналогии данному сценарию в истории революции найти не удастся, хотя совершенно очевидно, что его реализация означала бы перемещение «маятника» в позицию более правую, нежели та, в которой он находился в начале эпохи российских революций XX века. В идеологическом плане данный сценарий играет роль, аналогичную предыдущему... Вероятность реализации данного политического сценария выше нежели первого, и тем не менее она представляется незначительной.

В настоящее время в специальной литературе и публицистике весьма часто встречаются аналогии между современной Россией и Германией 30-х годов. И действительно, для таких аналогий есть основания: в обоих случаях радикальные настроения порождаются глубочайшим экономическим кризисом и ущемленными национальными чувствами. Более того, в России, помимо новейшей «великой депрессии»

и разрушения прежней государственности, есть еще один мощнейший фактор социальной напряженности — смена типа социетальной системы (общественной формации). Тем не менее существует, как минимум, два фактора, резко снижающих шансы на реализацию правозкстремистского сценария.

Первый из них — многонациональный состав населения и веками выработанные традиции совместной жизни разных народов. Распространенное в политической науке мнение — о том, что в многонациональной стране возможны проявления национализма в отношении определенных этнических групп (в российском случае — евреев, «кавказцев»), но не возможен фашизм как расовая теория и основанная на ней политика — это мнение заслуживает серьезного внимания. Стоит заметить, что, например, требование пропорционального представительства этносов в органах власти и в средствах массовой информации выдвигается в России лишь периферийными группировками и отсутствие в программах сколько-нибудь заметных политических организаций, включая ЛДПР.

Второй фактор — крайне негативное отношение к фашизму, закрепленное в историко-культурной памяти народа, что подтверждается многочисленными социологическими опросами. С точки зрения политической науки, распространённые в современной публицистике представления о том, что Россия «сошла с ума», поскольку около четверти политически активного населения проголосовало за «фашизм», не выдерживают никакой критики.

Достаточно напомнить, что по целому ряду ключевых позиций (лояльность Президенту, отношение к новому проекту Конституции) позиции ЛДПР и её лидера совершенно совпадали с позицией лидеров «Выбора России».

Вообще если правый экстремизм в России имеет какие-то шансы, то обязан он этим не столько самому себе, сколько правящей политической элите от «Демократической России», точно так же как сама эта элита обязана своим приходом к власти правящей номенклатуре от КПСС. Речь здесь идет не только об объективных результатах того или иного правления, но и о том, что на рубеже в начале 90-х годов либеральные средства массовой информации сделали очень много для разрушения антифашистских стереотипов в массовом сознании, всячески принижая роль победы Советского Союза в войне с Германией.

Сценарий третий: осуществление курса реформ по одной из левоцентристских моделей (Китайской, нэповской, самоуправленческой и т. п.). С точки зрения исторических аналогий, как ни парадоксально, этот сценарий может быть назван термидором. Термидор, как известно, не уничтожал основных результатов революций, но вводил её ход в исторически возможное при данных обстоятельствах русло, хотя и не предотвратил движения вправо. В идеологическом плане различные модификации этого сценария предлагаются в настоящее время оппозицией как основа исторического компромисса для создания широкого общенационального блока, правительства национального доверия и т. п. Тем не менее вероятность его реализации немногим выше, чем предыдущего. В пользу этого утверждения свидетельствует как все сказанное выше о современной исторической ситуации, маятникообразном движении вправо новейшей российской революции и её бюрократическом характере, так и явно обнаружившийся процесс размывания центра, понижающий шансы околоцентристских политических течений и предлагаемых ими моделей развития.

Кроме того, левоцентристский политический курс, как показывает исторический опыт, возможен либо при авторитарном режиме левого толка (например, когда у власти находятся компартии, ориентированные на реформы), либо при условии формирования широкого блока партий, представляющих интересы работников и национально-ориентированного капитала, при преобладании в этом блоке течений левого толка. То и другое в современных российских условиях представляется проблематичным.

Сценарий четвертый: продолжение нынешнего курса с дальнейшим смещением его вправо, правоконсервативный политический режим с выраженным национально-государственническим окрасом. С точки зрения исторических аналогий данный сценарий представляет собой своеобразную попытку реставрации дооктябрьской России, которую

мы «потеряли», хотя, разумеется, буквальная реставрация дореволюционной общественной системы была бы утопичной и революционной одновременно. В идеологическом плане лозунг национального возрождения используется едва ли не всеми политическими силами, однако наиболее успешно — революционерами новейшей формации в целях более глубокой деструкции послеоктябрьских институтов.

Совершенно очевидно, что проанализированная выше система факторов, вызывающих смещение российского политического курса вправо, превращает четвертый сценарий в наиболее вероятный. Совершенно очевидно, что реальная потребность в защите национального производства, развития национального капитала, а также ущемление в правах русскоязычного населения в «Ближнем Зарубежье» будут придавать новейшему правоконсервативному режиму все более ярко выраженную национальную окраску. Совершенно очевидно, что с осени 1991 года в политике правящей элиты все более нарастают авторитарные тенденции, а дальнейшее смещение политического курса вправо чревато переходом от авторитарно-демократического к законченному авторитаризму. Заслуживает внимания мнение ряда зарубежных специалистов (например, Джон Росс) о том, что авторитарные тенденции в российской политике угрожают демократии в Европе.

Данный политический сценарий может быть реализован в различных формах и различными политическими лидерами. Это может быть нынешний Президент России, позиция которого уже заметно эволюционирует от «антиимперской» к национал-государственнической, это может быть либо кто-то из ближайшего окружения лидеров объединенной оппозиции, при условии, что господствующее положение в ней займут не левые, а правые.

Это может быть даже «остепенившийся» лидер ЛДПР. Дело не в личностях, а в общеисторической тенденции, ведущей к дальнейшему смещению российского политического курса вправо, правее курсов, проводимых в развитых странах Запада. Обратное движение революционного «маятника» влево вряд ли начнется раньше XXI века и будет происходить по мере возникновения новых политических течений левого толка, возможно, под влиянием процессов «социализации» в наиболее передовых в экономическом отношении странах.

4. Альтернативы на завтра

Как уже говорилось, развитие событий по четвертому сценарию делает достаточно вероятным переход России от авторитарно-демократического режима (авторитарного по существу, демократического по аксессуарам) к полноценному авторитаризму. При этом политологами и политиками проанализировано уже несколько вариантов установления такого режима, от наиболее простых, не предполагающих даже нарушения нынешней Конституции, до самых экстравагантных. Приведу лишь три таких варианта, расположив их по степени возрастания невероятности:

1. Искусственный конституционный тупик с сохранением нынешнего Президента. Формула этого варианта очень проста. Государственная Дума либо в результате давления снизу, либо в результате провокации сверху, либо в результате того и другого, высказывается за недоверие правительству раньше, чем принимает закон о выборах президента и парламента. После нескольких манипуляций Президент распускает Думу и назначает её новые выборы. Поскольку же закона нет, нормы участия граждан в выборах устанавливаются Указом и заведомо завышаются (например, 80% от списочного состава избирателей, 50% от того же числа — чтобы кандидат был признан депутатом). Необходимое число избирателей, естественно, на выборы не приходит. Представители западных демократий, пошумев для порядка, успокаиваются, ибо прагматические интересы для них были всегда выше принципов. Сохранённый для видимости легитимности Совет Федерации выполняет функции Думы, но уже не государственной, а «боярской». Конституционный суд, пополненный «своими», либо оказывается не в состоянии принять решение об отрешении Президента от должности, либо не в состоянии

его реализовать, так как нет одной из палат парламента, без которой Президента отрешать от должности невозможно. В итоге Президент и назначенное им Правительство остаются полновластными хозяевами положения. Поскольку выборы Президента назначать указом самого Президента неприлично, да и не хочется, а закона о выборах Президента нет, выборы не проводятся вовсе. Со временем заболевший или состарившийся Президент сможет передать свои функции в полном соответствии с Конституцией Премьеру, которого он сам перед тем назначит, или переназначит, ибо утверждать Премьера некому. Премьер, ставший Президентом, повторит эту процедуру в отношении своего преемника и так до тех пор, пока самим субъектам авторитаризма он не надоест или их не вынудят отказаться от власти бурные политические события.

2. Искусственный конституционный тупик с заменой Президента, модель развития событий почти та же, как в первом случае с той небольшой разницей, что окружение Президента приходит к выводу о необходимости «пожертвовать ферзя» во имя «спасения партии». В этом случае Президент заявляет о резко ухудшившемся состоянии здоровья или это делается о его имени, а власть переходит к Премьеру. На прежнего лидера списываются разрушение экономики, государственности и кровь 4 октября 1993 года.

Новый Президент вводит в Правительство несколько популярных лидеров и, прежде всего, на посты министра обороны и внутренних дел, объявляет чрезвычайное положение в экономике и чрезвычайные меры по борьбе с преступностью. В результате этих мер крупные коммерческие, финансовые и (или) криминальные структуры избавляются от более мелких конкурентов, народ призывают затянуть пояса и героическими усилиями преодолеть трудности, которые сами же до этого перед собой воздвигли. Новых выборов в этом случае можно ожидать лишь после того, как дела в экономике начнут поправляться.

3. Плебисцитно-монархический вариант, который может развиваться как вместо, так и в дополнение к двум предыдущим. Как известно, уже собрано более двух миллионов подписей за восстановление в России конституционной монархии (которой, кстати, у нас никогда не было). В условиях, когда деньги, армия, средства информации и избирательные комиссии, подсчитывающие голоса, находятся в одних руках, целиком исключать возможность положительного результата на таком референдуме было бы не верно. Хотя, конечно, вероятность такого варианта столь же мала, сколь велика его экстравагантность.

Само собой разумеется, что, во-первых, приведённый перечень моделей перехода к полноценному авторитаризму не только не является исчерпывающим, но не охватывает даже всех основных вариантов (другие варианты апробированы Муссолини в первой половине 20-х годов). Во-вторых, описанные сценарии и модели возможны лишь при сохранении в стране относительного спокойствия и отсутствия массовых выступлений.

Если же крупномасштабные массовые выступления в стране произойдут, результата их может быть трояким: либо досрочные выборы Президента и парламента с вероятной сменой политического режима, либо правая диктатура по типу пиночетовской, к чему регулярно призывают правительственные СМИ, либо революционно-демократическая диктатура левого толка, проводящая экономическую политику по одной из левоцентристских моделей.

Однако это отдельная тема для политического прогнозирования, причем достоверность прогнозов в этом случае ещё ниже, чем в вариантах относительно мирного развития событий. Революции, замечу ещё раз, тем и отличаются, что, либо опровергают прогнозы, либо реализуют их в такой форме, которая вызывает удивление, а чаще разочарование у самих авторов.

Поэтому вряд ли стоит удивляться, если такая же судьба постигнет сценарии и модели, проанализированные в данной статье и наша ближайшая история в очередной раз предъявит сюжет, который до сих пор никому из аналитиков не приходил в голову...

* * *

Судьба этой статьи отлична от большинства других, объединённых в сборнике: не успела она выйти из типографии, как в последней своей части уже нуждается в

коррективах. Дело в том, что весной 1995 года в период, когда журналисты и политики подводили итоги десятилетия перестройки, как никогда в последние 10 лет обнаружилась тенденция правящей политической элиты вернуться к прежним общественным формам при новом их содержании, сочетая право-либеральный курс в экономике с государственнической, а то и левой фразеологией в политике и идеологии.

Действительно, люди, которые спустя 50 лет после советского наступления под Москвой, в Беловежской пуще реализовали одну из ключевых идей плана «Барбаросса» (раздел Советского Союза по национальному принципу), и к тому же несколько лет именовали противников этого раздела не иначе как красно-коричневыми, с энтузиазмом взялись за организацию празднования 50-летия Победы над фашизмом; едва ли не впервые за последние десять лет из уст премьера России прозвучала похвала Иосифу Сталину; участники учредительного съезда блока «Наш дом — Россия» на всю страну заговорили о том, что многопартийность для страны непозволительная роскошь и что нам хватило бы одной партии (разумеется, их собственной).

Основываясь на подобных фактах, правые либералы, а так же часть интеллигенции сплошь и рядом утверждают, что в стране за десять лет ничего не изменилось: кто правил, тот и правит, разве что Политбюро называется теперь Совет Безопасности, а имя «тайного советника вождя» стало явным (Александр Коржаков).

При этом предполагается, что если бы удалось заменить премьера Черномырдина настоящим либералом, например, Гайдаром, он провёл бы реформы как следует и страна стояла бы на пороге светлого будущего.

Увы, это или стандартное заблуждение, или стандартное ложь. За десять лет содержание общественных процессов в стране изменилось коренным образом: государственный, бюрократический социализм сменился государственным и ещё более бюрократическим капитализмом. Стремление же властвующей элиты частично вернуться к прежним формам означает лишь одно: вчерашние ограниченные в правах распорядители собственности превратились в её полноправных хозяев. И хотя при этом частью пирога пришлось поделиться с нуворишами, полученного достаточно для собственной спокойной жизни, а так же для детей, внуков и правнуков. Теперь революций больше не требуется, нужны стабильность и покой. Для этого более всего пригодна однопартийная система, а в крайнем случае даже сталинистские методы.

Таким образом, основной прогноз статьи подтверждается: мы продолжаем дрейфовать вправо, к госкапитализму и авторитарному режиму с национальным окрасом. Однако модель, форма реализации сценария оказалась несколько неожиданной, ибо правый режим стремится утвердиться во многом за счет левого электората, используя не только государственническую идеологию, но так же и апелляцию к прош-лому и левую фразу.

Статья опубликована в книге «Переходная экономика: закономерности, модели, перспективы». Под редакцией А.В. Бузгалина. М: Экономическая демократия, 1995.— С. 207—223.

* * *

В 1989—1990 гг. вероятность реализации трех путей, о которых речь шла в статье «Куда ж нам плыть?», оценивалась автором в лекциях для студентов как 20:70:10. Названные цифры, впрочем, не являлись результатом подсчетов и представляли собой скорее качественную, чем количественную экспертную оценку тенденций общественного развития. Именно поэтому в статье более или менее подробно были описаны два возможных сценария (в особенности второй) и почти ничего не сказано о третьем.

Изменения в прогнозе 1994—1995 гг. связаны не только с появлением еще одного (правозэкстремистского) политического сценария, но и с изменением оценки вероятности реализации каждой из моделей политического курса. В середине 90-х гг. эта вероятность в порядке расположения сценариев в статье «Современная Россия: политические альтернативы на завтра» оценивалась автором уже как 3:5:7:85. Иначе говоря, шансы на

реализацию всех сценариев, кроме основного, уменьшились, а особенно сильно — вероятность возвращения к прежней системе.

Таким образом, отечественный опыт последних лет позволяет сделать два вывода. Во-первых, социально-политические процессы в России в течение 90-х гг. развивались по наиболее вероятному варианту (сценарию). Во-вторых, ход и исход (непосредственные результаты) новейшей российской революции при этом сценарии в главном оказались вполне предсказуемыми.

РАЗДЕЛ 7. НЕГАТИВНАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ ИЛИ МАЛЕНЬКИЙ ТЕРМИДОР?

Противоречия и перспективы постельцинского этапа русской истории

В России все разговоры о диктатуре закона заканчиваются проявлением закона диктатуры.

РУССКАЯ РУЛЕТКА, ИЛИ О ТОМ, ЧТО СУЛИТ НАМ ГОД 2000-й

Конец 1999-го года всех нас несколько удивил. Во-первых, думским раскладом, во-вторых, новогодним обращением к народу Бориса Ельцина. Интересно, что всем нам предстоит в грядущем 2000-м году? С этим животрепещущим вопросом мы обратились не к магу, не к звездочету, а к народному избраннику. Итак, наш сегодняшний собеседник — вновь избранный депутат Госдумы Олег Николаевич Смолен.

— Начну с двух парадоксов. Парадокс первый: президент Ельцин ушел раньше, чем ожидали, но много позже, чем следовало. Парадокс второй: я никогда не думал, что при отставке Бориса Николаевича Ельцина буду испытывать грустное чувство.

Теперь объясню. Я всегда считал, что курс 90-х годов для России был курсом губительным. И не потому, что в России не нужны были реформы, напротив, реформы были нужны. Сегодня, после так называемой шоковой терапии, нам предстоит трудный восстановительный период.

Владимир Путин говорит, что у нас везде сейчас сплошная Чечня. Он прав, но забывает сказать, что эта сплошная Чечня свалилась не с неба. Это результат того курса, который проводился.

Говоря о грустном чувстве по поводу отставки президента, я имею в виду: она значительно увеличивает и без того большие шансы нам получить режим Ельцина без Ельцина.

Меня всегда поражает наше массовое общественное сознание, когда рейтинг у президента 2%, а рейтинг у человека, который объявлен преемником, специально назначенным, чтобы продолжать тот же курс — 36%. Потому что он молодой, энергичный, довольно крутой и жесткий политик. Как будто молодой Ельцин, который будет действовать более энергично, но в том же направлении, даст стране что-то другое, чем прежний Ельцин, который был пожилым и больным.

Разумеется, отставка Президента усиливает шансы Владимира Путина стать Президентом. Они и без того были весьма высоки, а теперь — очень высоки. По каким основным причинам?

Первое — очевидное. Все другие политические силы и соперники, за исключением партии власти, истощены парламентскими выборами в финансовом и организационном отношении. У многих просто нет сил продолжать избирательную кампанию.

Второе. Путин идет на выборы на вершине своей популярности. Эта популярность к лету могла бы упасть. Почему? Чеченская война затягивается. Где-то после апреля придется платить долги по кредитам международному валютному фонду и другим государствам. Кроме того ожидается падение цен на нефть.

Вообще-то Путин был счастливым, везунчиком. В 1999-м году поднялись цены на нефть более чем в три раза. В 2000-м году источники пополнения бюджета, которые мы имели в 1999-м, существенно сократятся. Это совершенно очевидно. Поэтому надо спешить.

Третье. Думские выборы показали, что народ наш устал от прежних политиков и ищет

новых. Вне зависимости от того, будут эти новые хуже или лучше. Увы, я совершенно точно знаю, что большинство из голосовавших за «Медведя» не знают на самом деле, за что они голосовали. Более того, весьма вероятен вариант, что после превращения Думы в медвежью берлогу, страна будет продолжать сосать лапу. Так что сейчас, пока люди еще не поняли что к чему, надо быстрее проводить президентские выборы.

Наконец, еще очень важный фактор. У соперников Путина нет времени на раскрутку. Кстати, Путин вполне может попросить Совет Федерации назначить выборы и раньше. На 20-е или на 27-е февраля. Тогда времени для раскрутки у соперников не будет вовсе.

Теперь несколько слов о довольно странном феномене общественного сознания.

От Путина, как человека «из органов», ждут, что он наведет порядок. Что он призовет к ответу тех, кто растащил страну. Тех, кто проводил разрушительный курс и т. д. Однако о политике судят по реальным фактам его биографии. Какие они?

Во-первых, на протяжении всех 90-х годов Путин был человеком близким к команде Ельцина и более правых политиков. Напомню, он работал заместителем у Собчака, бросив работу в органах, а затем — заместителем у Павла Бородина в президентской администрации, в Управлении делами Президента. То есть в тех самых структурах, которые «ближе не бывают».

Во-вторых, Путин назначался специально именно как преемник Президента Ельцина, и об этом Борис Николаевич совершенно открыто говорил стране, он не утруждал себя даже аргументацией, когда снимал Степашина. Он сказал, что по единственной причине меняет премьера, так как нашел преемника. Любите и жалуйте.

Помните, Шендерович шутил по этому поводу: «А он мне нравится, нравится, нравится, и это все, что я могу сказать в ответ».

В-третьих, давайте посмотрим на действия Путина. Собственно, кроме войны в Чечне мы никаких действий, и в частности в области экономики, пока не видим. Мы слышим только заявления о том, что результаты приватизации пересмотрены не будут. Это значит, что все, кто успел растащить страну, останутся при своем. И мы с вами — при своем, т. е. ни с чем.

Я не сторонник глобального пересмотра результатов приватизации, но считаю, что те крупные предприятия, в особенности топливно-энергетического комплекса, черной и цветной металлургии и некоторые другие, которые составляли и составляют основу бюджета и даром розданы неведомо кому, должны быть возвращены в федеральную собственность. Есть целый ряд механизмов, которые позволяют сделать это законным путем, как делали, скажем, в Англии, во Франции после второй мировой войны, да и во многих странах, которые пытались выйти из кризиса.

Наконец, очень показателен первый указ, который издал Путин. Это указ о гарантиях для самого Ельцина и его семьи... Что лишний раз подтверждает, что Владимир Путин — человек «семейный». Надежд на то, что, придя к власти, он все резко поменяет, мало.

Теперь что касается выборов в Государственную Думу. Понятно, что Путин хочет получить Думу близкую по духу или по крайней мере послушную. Результаты выборов в Думу, если отвлечься от политических симпатий и антипатий, во многих отношениях примечательны.

Выборы показали, что избиратели довольно низко ценят профессионализм. Это печально. Иван Аничкин, хороший специалист по пенсионному законодательству, в Новосибирске проигрывает — новосибирцы избирают Карелина. Действительно, это гордость наша, прекрасный спортсмен. Я его глубоко уважаю. Но законодатель из него такой же, как из меня борец греко-римского стиля. Потому что работа законодателя — профессиональная работа, она требует специальной, тщательной и длительной подготовки. Точно так же в Ярославской области не избирают по округу Елену Мизулину, одного из самых профессиональных депутатов в Совете Федерации и в Государственной Думе. Я могу привести и другие примеры, Сергей Бабурин тому подтверждение.

Особенность нынешних выборов — довольно высокая степень покупаемости избирателей. По моему 129-му округу это, к счастью, не проявилось. Мы в этом смысле четвертый раз опровергаем законы политической науки, по которым должен побеждать тот,

кто затратил больше денег, за кем — структуры государственной власти, средства массовой информации. В этом смысле у наших соперников были явные преимущества. Тем не менее — не получилось. Но в целом по стране покупаемость людей на обещания довольно высокая.

По этому поводу студенты во время КВНа запустили довольно удачную шутку: нефть бывает двух типов, и обоих этих типов вы хорошо знаете. К этому я могу добавить, что оба эти типа находятся в Парламенте.

Смеяться все смеются, а голосовать — голосуют. Мы не понимаем, что выборы — не домино с соседом, не игрушки (у нас некоторые студенты голосуют за Жириновского для прикола). Ведь от них зависит, кто будет разыгрывать политические роли в Парламенте.

Растет число людей, которые голосуют против всех. Они устали от того, что голосуют, голосуют, а ничего не меняется. Но политические выборы — не смотрины невесты: ни одна не понравилась — остаюсь холостым. На политических выборах ситуация совсем другая. Даже если не проголосовал ты, все равно проголосуют другие.

Особенность нынешних выборов — тоска по сильной руке. 10 лет назад мы все хотели демократии. Правильно делали, потому что демократия, как говорил Черчилль, плохая форма, но ничего лучше человечество не выдумало. Сейчас очень значительные слои народа хотят твердой руки. Почему сократилось число людей, голосующих за «Яблоко», и увеличилось — за «Союз правых сил»? Потому что «Союз правых сил» откровенно занял позицию в поддержку твердой руки. Но ведь твердая рука бывает левая, а бывает — правая.

Что такое левая твердая рука? Это Андропов, это Дэн Сяо Пин. Авторитарный режим, который дает возможность развивать рыночные отношения. При этом поддерживает определенный уровень социальной справедливости.

Правая твердая рука — это, если брать зарубежные аналоги, Пиночет. Правая рука работает не в интересах большинства населения, а в интересах, грубо говоря, новых чилийцев. Или новых русских. То есть в интересах наиболее богатых слоев населения. У нас существует ложное представление, будто при Пиночете Чили сразу пошла вверх. Нет, с 1973 по 1985 гг. она топталась на месте. К 85-му году по производству на душу населения не достигла уровня 73-го года. Только с 1985 года начался подъем. Чили 12 лет мучилась от дикой безработицы. Не говоря уж о том, что в период переворота перестреляли очень много людей.

И отсюда еще одна особенность наших выборов, которую я назвал русской рулеткой, или любовью сыграть втемную. Сплошь и рядом люди голосуют, не зная точно, за кого, за что. Точно так же подавляющее большинство поддерживающих Путина принимают его за Андропова, тогда как по своей исторической роли он гораздо ближе к Пиночету.

Хотите пример из нашей омской политической жизни? Известно, что за «Единство» на последних выборах голосовали 23% избирателей. Я спрашивал несколько десятков человек: кто возглавляет список блока по Западной Сибири? Тишина. Никто не знает. А во главе списка «Единства» фигура достаточно интересная — Владимир Коптев-Дворников. Он возглавляет организацию молодых потомков дворян и аристократии, а раньше состоял в молодежной организации «Наш дом — Россия», потом, когда узнал, что формируется блок «Отечество — вся Россия», и решил, что это будет партия власти, быстро перешел туда. А когда стали по всем каналам «мочить» Лужкова, он оказался в «Медведе».

Повторяю: любовь зла, можно выбирать того, кто тебе нравится, это право каждого, на то и выбор, но голосовать за человека, которого ты вообще не знаешь, это, согласитесь, странно. У нас же 99,9% избирателей просто не потрудились посмотреть список по Западной Сибири того же самого «Медведа».

Выборы, даже в таком варианте, как нынешние, даже с манипулированием, даже с подтасовкой результатов требуют некоторой ответственности. Потому что отвечать за результаты придется самим.

Увы, мой прогноз на новый год довольно неутешительный. Впрочем, многое зависит от нас. Многое — от президентских выборов. Не надо их бойкотировать. Надо сделать свой выбор, а не ждать, пока за тебя выберут другие. Нам же — народным избранникам — надо

наладить сотрудничество между администрациями разных уровней, между депутатами, потому что при всех наших политических различиях у нас есть одно дело — защита интересов тех, кто нам доверяет.

Опубликовано: Четверг.— 2000.— 5 января.— № 1.— С.3.

НАС ЖДЕТ БОНАПАРТИЗМ В РОССИЙСКОМ ВАРИАНТЕ...

От редакции. Людям, регулярно посещающим по долгу службы Государственную Думу, куда понятнее, чем нам, что именно творится сегодня на российском политическом олимпе: какие перемены ожидаются в Правительстве, какие важные решения на очереди и что намерен делать Президент. Собственным взглядом на происходящее с «Вечерним Омском» поделился наш земляк, депутат Госдумы Олег Смолин, на днях побывавший в Омске.

— Ну и как, Олег Николаевич, оптимистичны ли ваши оценки нашего ближайшего будущего?

— К сожалению, не очень. Полной ясности пока, конечно, нет и быть не может. Но кое-что настораживает. Вообще о планах Президента сегодня рассуждают все кому не лень, в средствах массовой информации каждый день появляются достаточно поспешные, на мой взгляд, прогнозы. Так, Иван Мельников (председатель Комитета по образованию и науке Госдумы и заместитель Зюганова в КПРФ.— **Примеч. автора**) и Сергей Глазьев (председатель Комитета по экономической реформе и главный разработчик экономических программ левого блока.— **Примеч. автора**) недавно с удивлением узнали из газет, что первый вскоре будет назначен министром образования, а второй — министром экономики. И будущее Правительство, таким образом, будет непременно коалиционным. Между тем создание коалиционного Правительства возможно лишь под определенную программу, а Герман Греф недавно заявил, что программа нового Президента и Правительства будет обнародована лишь через месяц. Это само по себе примечательно: большая часть россиян, ни минуты не сомневаясь, отдала свои голоса за кандидата в Президенты, не имевшего к тому моменту даже собственной программы!

Пока понятно, что за влияние на Владимира Путина борются две сильные группировки. Одна из них — правые либералы во главе с их идейным лидером Анатолием Чубайсом, который в своем американском интервью уже поспешил назвать себя будущим российским премьером. Другая группировка — люди, с которыми Владимир Путин в прежние времена работал в системе госбезопасности.

К чему нас приведет Правительство Чубайса — спрогнозировать нетрудно: всем известно, что позиция либеральных «реформаторов» по социальным вопросам более чем жесткая.

В случае прихода к власти представителей другой силы перспективы не вполне ясны. Госбезопасность всегда была структурой, закрытой для политического анализа. К тому же в 90-х годах руководящие кадры в ней многократно менялись.

Есть все основания предполагать, что Владимир Путин в ближайшее время изберет тактику политического лавирования. Не секрет: перед выборами каждая аудитория слышала от будущего Президента то, что больше всего хотела услышать. Ивановские ткачихи — о достоинствах товарища Сталина, а либералы-западники — о намерении вступить в НАТО. Владимира Путина числят среди своих сторонников и губернаторы, требующие значительно свернуть местное самоуправление, и мэры российских городов, требующие его расширить.

В свое время в политике тактика одновременной опоры на самые разнообразные слои населения с противоположными интересами получила название бонапартизма в честь ее «основоположника», французского императора Наполеона III. Кстати, покойный Анатолий Собчак сравнивал Путина именно с Наполеоном, но, думаю, перепутал первого из них с третьим.

В Государственной Думе политика бонапартизма проявляется в виде системы двух блоков: «государственнического» («Единство» с союзниками плюс КПРФ с союзниками) и «реформаторского» («Единство» с союзниками плюс правые). Первый из этих блоков, как правило, будет поддерживать Президента в том, что касается укрепления государственности (как оно сейчас понимается большинством политических лидеров и массовым сознанием). Второй блок — во всем, что касается экономических и социальных «реформ», направленных на ликвидацию остатков социалистических отношений и замену их капитализмом, причем не в современном социальном, но в самом примитивном, «диком» его варианте.

В настоящее время общество уже устало от того, что оно считает «разгулом демократии», и маятник общественных настроений качнулся в противоположную сторону. Очень многие и «вверху» и «внизу» тоскуют по сильной руке, хотя по большому счету нам нужна лишь законность — и прежде всего исполнение законов на всех уровнях власти. «Низы», жаждущие «твердой руки», сплошь и рядом не понимают, что эта рука может быть как левой, желающей социальной справедливости для большинства (Андропов, Кастро), так и правой, стремящейся обеспечить преимущественно интересы предпринимателей (Столыпин, Пиночет). Между тем совершенно очевидно, что Путин — это не Андропов (хотя, кажется, и уважает последнего). Владимир Путин олицетворяет собой твердый режим, но не левого, а правого толка.

— *Что же тогда настораживает?*

— Неизбежное ужесточение социальной политики, усиление социальной несправедливости и сокращение системы социальных гарантий. Среди прочего это может быть связано и с изменениями в составе Правительства. По Госдуме распространяются упорные слухи о том, что из Правительства может уйти вице-мэр по социальным вопросам Валентина Матвиенко. В качестве же наиболее реального кандидата на этот пост рассматривается Михаил Зурабов, который известен, как «жесткий» либерал. Я встречался с Зурабовым и могу подтвердить, что его взгляды в целом соответствуют этой репутации. В педагогическом сообществе идут разговоры о том, что Зурабов — сторонник введения образовательных ваучеров, и, следовательно, процесс псевдореформирования образования может быть возобновлен.

— *Кстати, судьба разработанной вами федеральной программы развития образования оказалась весьма непростой...*

— Хотя федеральная программа развития образования была подготовлена правительственными специалистами и доработана нами, дважды ее утверждение оказывалось под вопросом. В первый раз ее вернул в Государственную Думу вместе с пакетом социальных законов бывший Президент — причем в предпоследний день своего правления! Мы вынуждены были пойти на некоторые уступки президентской стороне, еще раз доработали отдельные положения программы и вновь представили ее Парламенту. Однако на сей раз проблемы возникли в Совете Федерации, где против программы неожиданно резко выступил самарский губернатор Константин Титов. Пришлось приложить серьезные усилия, чтобы отстоять принятие программы, что удалось сделать при поддержке председателя Омского Законодательного собрания Владимира Варнаевского. Программа принята Парламентом, и, будем надеяться, в ближайшее время будет подписана новым Президентом. В практическом плане это означает, что российское образование получит на свое развитие в ближайшие годы более 15 млрд. рублей, в том числе в 2001 году — 1,7 миллиарда.

— *Откуда же сегодня возьмет деньги новое Российское правительство?*

— Все зависит от будущей программы Президента, точнее, от ее экономического раздела. При желании деньги на социальные программы в России найти можно.

Во-первых, у нас продолжается «эмиграция» отечественного капитала за рубеж — по оценкам Центробанка, около 3 млрд. долларов в месяц. Это означает, что из России «утекает» ежегодно сумма, примерно равная ее бюджету. Эти деньги надо заставить работать внутри страны.

Во-вторых, много резервов таит в себе налоговая система и политика оплаты труда.

Приведу такой пример. В настоящее время обе палаты Парламента разработали и согласовали проект закона о поэтапном повышении минимальной оплаты труда: с 1 июня — до 132 рублей, с 1 октября — до 280 рублей и с 1 января 2001 года — до 300 рублей. Пока неясно, как отреагирует на это Президент, но такие планы несут не одни лишь расходы казне, как ни странно, это еще и доходы: многим предпринимателям придется вывести заработную плату из «тени», платить с неё отчисления во внебюджетные фонды и налог на доходы физических лиц. А это серьезное пополнение бюджета. Есть и другие источники, на которые мы совместно с учеными указывали множество раз.

Опубликовано: Вечерний Омск.— 2000.— 5 апреля.— С. 1.

В публикации содержалось довольно много неточностей и прямых ошибок. Поэтому публикуется текст, соответствующий оригиналу, запись которого сохранилась у автора.

«БРАТСКАЯ МОГИЛА»

Сначала — для социальных законов, а затем — для социально незащищенных людей?

Такого не было ни в первой, ни во второй Государственной Думе, ни даже в Верховном Совете. Разумеется, «реформаторские» правительства чуть ли не каждый год пытались «пробить» через Парламент законы, отменяющие или приостанавливающие социальные гарантии, сохранившиеся от «проклятых» советских времен, либо установленные новыми законами, которые Президент как «гарант Конституции», подписывая их, обязался тем самым и исполнять. Однако до сих пор ни в одном парламенте большинство депутатов не решались дать столь откровенную пощечину своим избирателям, интересами которых клялись перед выборами. Причем с того времени, когда отзвучали эти пылкие клятвы, не прошло еще и четырех месяцев!

И вот свершилось: 12 апреля 2000 года Государственная Дума 243 голосами против 156 приняла в первом чтении внесенный Правительством Владимира Путина проект Федерального закона «Об изменении, приостановлении действия и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с Федеральным законом «О федеральном бюджете на 2000 год». Если закон вступит в силу в неизменном виде, будут отменены или приостановлены многочисленные нормы действующих законодательных актов, направленные на поддержку образования, науки, культуры, ветеранов, инвалидов, чернобыльцев и многих других групп населения, нуждающихся в социальной поддержке, включая обязанность государства:

— выделять не менее 10% от национального дохода на развитие образования в стране;

— в том числе — не менее 3% от расходной части федерального бюджета — на высшее образование (за 10 лет финансирование образования в стране сократилось не менее, чем в 8 раз);

— не менее 4% расходной части федерального бюджета — на науку (уже к середине 90-х годов финансирование науки было урезано не менее, чем в 20 раз);

— не менее 2% расходной части федерального бюджета — на культуру;

— в том числе не менее 0,2% — на нужды отечественной кинематографии;

— обеспечивать транспортные льготы для ветеранов;

— предоставлять льготы по проезду на междугородном транспорте школьникам и учащимся ПТУ из семей с доходом ниже прожиточного минимума.

Закон предлагает также:

— приостановить оплату доставки трудовых пенсий за счет средств федерального бюджета;

— резко сократить гарантии и компенсации для лиц, работающих и проживающих в работах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях;

— остановить финансирование медицинского обслуживания сотрудников милиции вне

медицинских учреждений системы МВД, а также скидок сотрудникам милиции и проживающим с ними членам семей в оплате жилых помещений и коммунальных услуг;

— резко сократить социальные гарантии для чернобыльцев, а также для жертв политических репрессий;

— ликвидировать нормы законов, устанавливающие заработную плату работникам образования (в том числе средние ставки — не ниже средней заработной платы в промышленности, а также связанные с ними нормы оплаты труда работникам культуры);

— отказаться от создания специальных рабочих мест для трудоустройства инвалидов;

— отменить транспортные льготы для студентов и аспирантов, в т. ч. иногородних и проживающих в районах Крайнего Севера;

— остановить действие компенсаций, предусмотренных законом «О борьбе с терроризмом» (поскольку война в Чечне объявлена контртеррористической операцией, это напрямую может затронуть ее участников) и т. д. и т. п. и пр.

В целом Закон охватывает более 25 важнейших социальных норм, но при этом ничуть не затрагивает интересы: ни «новых русских», которые приватизировали большую часть богатства, созданного ветеранами (теперь для ветеранов денег конечно нет); ни чиновников, которые за последние 10 лет размножились быстрее, чем кошки; ни депутатов, многие из которых пытаются соревноваться с чиновниками, как «людоедка-Эллочка» — с миллионершей.

— Позвольте,— говорят нам верные слуги режима,— к чему весь этот шум? Ведь отменяются и приостанавливаются всего лишь недействующие льготы, на которые у страны все равно нет денег!

Но подобные рассуждения — это обман или самообман.

Во-первых, среди отменяемых социальных гарантий немало и действующих. Так, транспортные льготы для ветеранов, плохо ли, хорошо ли, существуют почти во всех субъектах Российской Федерации.

Во-вторых, отменить предлагается практически все нормы, связанные с заработной платой работников образования, науки и культуры. Разве заработная плата, т. е. то, что заработано — это льгота? Так, пожалуй, завтра ее объявят привилегией, а работу без зарплаты — высшим достижением «реформ»!

В-третьих, даже те нормы, которые не исполняются, играют важную моральную и политическую роль. Об этом на заседании Государственной Думы говорил Николай Губенко (цитирую по памяти): «Не даете денег — оставьте хотя бы надежду!» Об этом же говорил и автор этих строк. Для того, чтобы суть аргументации противников закона была ясна, и для того, чтобы читатель мог получить представление о характере полемики по этому вопросу в Государственной Думе, позволю себе процитировать лишь немного отредактированный текст собственного выступления, сопровождая его минимально необходимыми комментариями (см. стенограмму пленарного заседания Государственной Думы от 7 апреля 2000 года).

«Уважаемые коллеги! Депутаты — члены агропромышленной группы и депутаты от всех фракций и групп, которые работали над этим законопроектом в Комитете по образованию и науке, выступают против закона. Кстати, мы дали ему неофициальное название: «закон об отмене всех социальных законов». Аргументы в защиту такой позиции можно разделить на формально-юридические, содержательные и политические.

Начнем с юридических. С нашей точки зрения недопустимо, чтобы десятки норм многочисленных законов отменялись одним конъюнктурным законодательным актом, который связан с бюджетом на конкретный год. Мы считаем, что конъюнктура не должна господствовать над стратегией. Если Правительство хочет отменять или приостанавливать социальные гарантии, пусть вносит предложения в конкретные законы, в каждый закон в отдельности. Эти предложения должны рассматриваться в профильных комитетах Государственной Думы.

Насколько мне известно, против правительственного законопроекта выступают практически все социальные комитеты: по образованию и науке, по культуре и туризму, по труду и социальной политике, по делам женщин, семьи и молодежи. И это не случайно.

Сегодня не случайно возник вопрос о соблюдении регламента. И действительно, коллеги, ситуация, мягко говоря, странная: утром 5 апреля уважаемый Бюджетный комитет предлагает нам свое заключение, в котором значит: в первом чтении закон отклонить. Однако в 15 часов того же дня он собирается вновь и принимает другое, прямо противоположное решение: принять закон в первом чтении! Поэтому, естественно, у депутатов возникают вопросы: что произошло за несколько часов? был ли на заседании комитета кворум? как и почему так резко изменилось решение комитета?»

Для того, чтобы следующая часть выступления была понятной, необходимо пояснить читателю, что при рассмотрении «закона об отмене всех социальных законов» на пленарном заседании Государственной Думы в очередной раз возник вопрос о том, соответствует ли этот закон пункту 2 статьи 55 Конституции России. Этот пункт гласит:

«2. В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина».

Возражая представителям левых фракций, утверждавших, что закон антиконституционен, представитель Президента в Государственной Думе А. А. Котенков заявил дословно следующее:

«...Я вам очень рекомендую прочитать Конституцию Российской Федерации со статьи 19 по статью 55 включительно. Постоянные ссылки на то, что якобы в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина, совершенно верны, но только не в этом случае. Я зачитаю пару статей. Статья 19: «Все равны перед законом и судом». Данные законы нарушают равенство перед законом и судом? Нет. «Каждый имеет право на жизнь. Смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом...». Это что, смертную казнь вводят этим законом? Вот они, права и свободы! Статья 55 говорит о тех правах и свободах, которые устанавливаются Конституцией. Здесь не написано о «запорожце» каждому инвалиду, здесь нет статьи о льготах и так далее. Поэтому не надо вводить в заблуждение депутатов».

Теперь продолжу самоцитирование.

«Что касается дискуссии относительно толкования статьи 55 Конституции, то хотел бы обратить внимание уважаемого Александра Алексеевича Котенкова на часть первую этой самой статьи. Цитирую: «Перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина». Это во-первых.

Во-вторых, хотел бы обратить внимание на то, что даже в нынешней Конституции есть статьи, гарантирующие гражданам права на бесплатное образование, на бесплатную медицину и т. п., а при данном уровне финансирования эти нормы не исполняются и исполняться не будут.

И, наконец, в-третьих, конечно, право на жизнь — это вовсе не то же самое, что отмена смертной казни. Кто в этом сомневается, пусть попробует и проведет эксперимент, поживет некоторое время, скажем, на минимальную зарплату в 84 рубля или на ставку первого разряда Единой Тарифной Сетки в 110 рублей!» (Представитель Президента счел за лучшее полемику по этому вопросу не продолжать.)

«Что касается содержательной стороны, уважаемые коллеги, хочу обратить ваше внимание на два обстоятельства. Во-первых, отмена или приостановление многочисленных законодательных актов лишает нас возможности добиваться исполнения статьи 127 Федерального закона «О федеральном бюджете на 2000 год», устанавливающей порядок расходования дополнительно полученных средств, а также возможности продуктивно работать над проектом бюджета на очередной год и другими документами.

Например, мы просим Правительство включить средства на реализацию одного из законов в будущий бюджет, а нам отвечают: «С какой стати? Ведь сами депутаты эти нормы отменили или приостановили их действие!»

Другой пример. Недавно Правительство в основном одобрило Национальную доктрину образования в Российской Федерации, в которой, между прочим, заложен выход

в течение 3-х лет на те самые показатели, которые нам сегодня предлагают отменить или приостановить. В какое положение мы сами себя поставим, уважаемые коллеги? Мы что, хотим быть вернее Правительству, чем само Правительство? Вообще, если власть так низко ценит образование, науку, культуру, интеллект нации, не означает ли это, что у власти явные проблемы с интеллектом и культурой?

Во-вторых, законы принимаются не для того, чтобы их отменять, а для того, чтобы исполнять. Если бы одновременно с предложениями об отмене и приостановлении социальных законов нам одновременно внесли и предложения о том, как в дальнейшем они будут реализовываться (скажем, с 2001 года — одна группа норм, с 2002 года — следующая и т. п.), тогда бы мы могли поддержать такие проекты. Мы реалисты и готовы на компромиссы, но не за счет наших избирателей, доведенных до нищеты. Однако сейчас нам предлагают просто лишить миллионы людей социальных гарантий без всякой компенсации и надежды в будущем. С этим согласиться нельзя.

И, наконец, политическая сторона дела. Мы — орган не только законодательный, но и представительный. Поэтому мы не можем не обращать внимания на те предложения и требования, которые идут от наших избирателей. Два дня назад вам было роздано обращение 3-го съезда профсоюза работников народного образования и науки. Подчеркиваю: не ЦК, а съезда. Позволю его себе процитировать:

«Делегаты 3-го съезда профсоюза работников народного образования и науки Российской Федерации, представляющего более 5 миллионов работников образования и студентов, категорически возражают против приостановления действия статей федеральных законов, гарантирующих социальную защиту работников образования, студентов, а также работников всей бюджетной сферы».

Я прошу поставить вопрос на поименное голосование, а вас, уважаемые коллеги, прошу подумать: значимо или незначимо для вас мнение съезда, представляющего 5 миллионов ваших избирателей. Спасибо за внимание».

В результате бурной дискуссии 7 апреля за закон было подано 195 голосов, однако через 5 дней, как уже говорилось, в нарушение Регламента Государственной Думы он был без всяких изменений повторно вынесен на голосование и получил уже 243 голоса — на 17 больше, чем требуется для принятия. И тому есть две группы причин.

Первая группа — результаты выборов 19 декабря. Они предопределили состав Государственной Думы, который для большинства граждан, нуждающихся в социальной поддержке, оказался много хуже любого предыдущего состава, причем с точки зрения профессиональной, социальной и политической.

В профессиональном отношении две трети состава депутатов Государственной Думы — новички. За первый год депутатской работы большинство из них скорее всего научится читать законы, но мало кто — писать. В полемике с коллегами автору этих строк уже приходилось, перефразируя Михаила Булгакова, рекомендовать им читать перед обедом не газеты (советские или антисоветские), но законодательные акты. Недостаток профессионализма заставляет многих новичков принимать на веру то, что говорят лидеры фракций, вместо того чтобы голосовать самостоятельно.

В социальном отношении в составе депутатов Государственной Думы от выборов к выборам становится все меньше и меньше «простых» преподавателей, медиков, работников культуры, не говоря уже о крестьянах и рабочих. Последних в новой Думе всего два, причем оба — во Фракции КПРФ. Напротив, все больше и больше становится бывших крупных государственных чиновников и предпринимателей. Понятно, что те и другие занимаются прежде всего лоббированием, хорошо, если в рамках закона. Автору этих строк не раз приходилось наблюдать бьющую ключом жизнь в иных кабинетах и коридорах Государственной Думы, гораздо больше напоминающую товарно-сырьевую биржу, нежели Парламент. Когда же дело доходит до социальных вопросов, и экс-чиновники, и экс-предприниматели (экс de iure, но отнюдь не de facto), давно забывшие, как живут «простые» люди, в большинстве своем голосуют, исходя из своеобразно понимаемой ими экономической целесообразности (богатых ущемлять нельзя, а бедных можно), но вовсе не

из интересов большинства избирателей.

Что касается политического состава, то, по крайней мере, во второй Государственной Думе лучше всех голосовали по социальным вопросам депутаты, принадлежащие к левой части политического спектра: коммунисты, аграрники, члены группы «Народовластие» (в которой работал и автор), а хуже всех — депутаты правой ориентации, входившие во фракции «Яблоко», «Российские регионы» и особенно — в НДР. Примитивные агитки насчет «коммунистического большинства» во второй Думе предназначались, разумеется, для тех, кто не освоил программу по арифметике за 2-й класс. На самом деле все три левые фракции никогда не насчитывали более 210 депутатов, тогда как для принятия решения простым большинством требуется 226 голосов, а для принятия важных законов — 300 голосов.

И тем не менее левый блок в Думе второго созыва был гораздо более влиятелен, чем в третьей, где он сократился примерно до 140 депутатов. Другими словами, в третьей Думе у левых нет даже блокирующего пакета голосов, не говоря уже о возможности проводить через Государственную Думу законопроекты, направленные на решение социальных проблем. Если раньше такие законопроекты ветировались обычно либо Советом Федерации, либо Президентом, то теперь многие из них не смогут выйти даже из самой Государственной Думы.

В подтверждение сказанному приведу результаты голосования по «закону об отмене социальных законов», за который было отдано следующее количество голосов: во фракции «Единство» — 98,8%, во фракции «Отечество — вся Россия» — 91,3%, в группе «Народный депутат» — 82,8%, во фракции «Яблоко» — 76,2%, во фракции «СПС» — 65,2%, во фракции «Регионы России» — 42,9%. Против закона выступили коммунисты, аграрники и около половины депутатов группы «Регионы России».

Вторая группа причин, обеспечивших успех правительственному законопроекту, имеет конъюнктурный характер. К причинам этого рода относятся, с одной стороны, прямое давление Правительства и президентской администрации на депутатов правой и центристской части политического спектра, а с другой — желание многих политиков окологентристской ориентации заслужить место в новом Правительстве. Без учета этих обстоятельств невозможно понять некоторые «необъяснимые» факты, связанные с принятием закона, а именно:

— множество депутатов, которые в составе социальных комитетов категорически выступали против закона, в конце концов проголосовали за его принятие (например, в Комитете по образованию и науке таких депутатов 4 из 12);

— позиция Бюджетного комитета в отношении закона, как уже упоминалось, изменилась буквально в течение 3-х часов 7 апреля;

— прямо на глазах менялись и позиции некоторых фракций (например, официальная позиция фракции «СПС» 5-го, 7-го и 12-го апреля выражалась, соответственно, формулами: «против», «не поддерживать» и «поддержать»).

Закон принят в первом чтении, и теперь только избиратели, работая со своими депутатами в одномандатных округах, способны защитить собственные интересы. Разумеется, и в Думе борьба не прекратится. Так, мною уже подана поправка, предусматривающая приостановление президентского Указа № 1103, которым с 1 сентября 1999 года была в полтора раза повышена заработная плата самому Президенту, всем федеральным чиновникам, а следовательно, и депутатам Государственной Думы. Если Парламент так легко отменяет социальные гарантии для своих избирателей, не правильнее ли депутатам начинать с господ управленцев и самих себя, ибо нынешнее бедственное положение большинства людей — это прежде всего результат бездарного управления. Надеюсь, голосование покажет, как говорили в 1991 году, «кто есть ху».

В заключение не могу не сказать несколько слов о поразившем меня радиовыступлении одного крупного политика. Этот господин рассуждал о том, что думские и президентские выборы доказывают приверженность страны капиталистическому пути развития со всеми вытекающими отсюда последствиями. Одно из таких последствий — неизбежное урезание социальных гарантий, ибо подобные пережитки «социализма» может

позволить себе лишь очень богатое общество, а современная Россия — бедная страна. Поэтому ей нужно начинать все сначала и долго-долго бороться за то, что имеет сейчас передовой Запад.

Подобные рассуждения отчасти справедливы и беспредельно циничны одновременно. Их беспредельный цинизм заключается в том, что сначала страну расчлениют на части, разрушают ее экономику и культуру, отдают «новым русским» львиную долю национального богатства, а теперь еще и приговаривают: мы слишком бедны и социальных гарантий позволить себе не можем! Частичная же справедливость заключается в том, что при выборной системе, и даже при том подкупе и манипулировании, какими выборы сопровождаются в России, народ по большому счету всегда расплачивается за свои ошибки. Как тут не вспомнить Конфуция: «Глупость — это дар Божий, но нельзя им злоупотреблять!». Или вновь ставшие актуальными строки Владимира Высоцкого:

«Эх, за веру мою беззаветную
Столько лет отбывал я в раю.
Променял я на жизнь беспросветную
Несусветную глупость свою!»

Опубликовано: Советская Россия.— 2000.— 18 мая.— № 56.— С. 3.

ПОЛИТИКА БУДЕТ УЖЕСТОЧЕНА

Интервью

С приходом к власти нового президента в России наметились коренные изменения, одно за другим стали происходить знаковые события, важные в том числе и для самой системы государственного устройства. Одним из подобных нововведений явился подписанный Владимиром Путиным указ «О полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе».

За комментарием мы обратились к омскому депутату Олегу Николаевичу Смолину, чьи взгляды на происходящие в нашем обществе всегда отличались взвешенностью и независимостью. Сегодня он отвечает на вопросы «Ч».

«Ты начальник — я дурак»

— Странно, но сегодня практически все шаги Президента, в том числе и этот указ, сопровождаются исключительно положительной реакцией. Невозможно поверить, что все без исключения губернаторы и представители других вертикалей власти фактически безоговорочно поддерживают все начинания В. Путина. И вслед за государственными источниками информации рисуют на этот счет чрезвычайно заманчивые перспективы. Олег Николаевич, что вы думаете по этому поводу?

— В такие периоды, как тот, что Россия переживает сегодня, и которые без преувеличения можно назвать революционными, очень часто имеет место проявление иронии истории. В данном случае она заключается в том, что именно губернаторы первыми выстроились в ряды президентской партии, сделали все возможное для победы Владимира Путина на выборах главы государства, а раньше — для успеха «Единства» на парламентских выборах. И теперь в какой-то степени становятся жертвами того, чему сами способствовали.

То, что губернаторы дружно одобряют последние действия Президента по всем статьям, говорит лишь об одном: у нас сохранилась прежняя авторитарно-патриархальная культура, суть которой в свое время четко определил еще Салтыков-Щедрин известной формулой: «Ты начальник — я дурак, я начальник — ты дурак».

Говоря серьезно, ситуация выглядит следующим образом. Действительно, почти все первые же шаги Владимира Путина направлены на укрепление центральной власти при ограничении иных властей, в частности, власти губернаторов и не их одних.

С одной стороны, это правильно, поскольку в последнее время возникла вполне реальная угроза разделения России на удельные княжества. Мы знаем, что во многих регионах, и в особенности в национальных республиках, руководители превратились в князей, которые подчинили себе и средства массовой информации, и правоохранные органы (каковые нередко занимались не защитой права, а охраной начальников от права), а также налоговые службы, суды и все, что только возможно. С этой точки зрения, наверное, любой президент делал бы какие-то шаги, направленные на предотвращение дальнейшего разделения страны по региональному и национальному принципу.

Федеральные округа по этой причине специально отделены от субъектов РФ. Теперь, как можно понять из контекста Указа, именно представитель Президента в федеральном округе будет согласовывать и назначать руководителей правоохранных органов в регионах и почти всех федеральных государственных чиновников высокого ранга. И это, с моей точки зрения, правильно.

С другой стороны, пока мы не знаем в деталях, каким образом это будет осуществляться. И кроме того, приходится обращать внимание на то, что практически все вновь созданные федеральные округа совпадают по контурам с военными округами. Не означает ли это, что характер управления Россией от гражданского перейдет к чрезвычайному? И что гораздо большую роль, чем прежде, будут играть армия, органы безопасности и другие силовые структуры?

Пешки вместо «фигур»

— *Президент предлагает также изменить порядок формирования Совета Федерации.*

— В определенной части я эту инициативу приветствую. Мы с 1993 года настаивали на том, что верхняя палата Парламента не может и не должна состоять из губернаторов. Это не нормально, во всем мире нет другой такой страны, где бы губернаторы одновременно являлись сенаторами и получали бы право депутатской неприкосновенности. К тому же объединение в одних руках исполнительной и законодательной власти противоречит принципу разделения властей.

Однако я не могу полностью согласиться с тем порядком формирования Совета, который предлагает Владимир Путин, считающий, что ситуация изменится, если Законодательные собрания субъектов и губернаторы будут непосредственно направлять в высший законодательный орган страны своих представителей. На мой взгляд, это приведет к тому, что последние фактически не будут иметь никакой самостоятельной роли. Если нынешние губернаторы и представители Законодательных собраний это, по крайней мере, фигуры, пусть даже с ними подчас Думе бывает трудно работать, особенно по социальным законам, но эти люди принимают самостоятельные решения, чего вряд ли можно ожидать от их представителей, которые будут полностью зависимы от тех, кто их туда направил. Короче говоря, фигуры пытаются заменить на пешек.

В Государственной Думе на этот счет имеется альтернативный проект, его в свое время подготовила депутат Елена Мизулина. Он предусматривает, что кандидатов в верхнюю палату Парламента выдвигают законодательные и исполнительные органы власти, как это предусмотрено в Конституции. А вот избирает их непосредственно население, чтобы эти люди прежде всего зависели от избирателей, а не от тех, кто их туда направил.

Далее Президент выносит на обсуждение законопроект, предусматривающий возможность снятия губернатора с должности при определенных условиях. И это тоже правильно. Но при этом нельзя один произвол заменять другим. На мой взгляд, снимать губернатора Президент должен иметь право только в случае неоднократного грубого нарушения федеральных законов или попыток деятельности, угрожающей целостности Российской Федерации, подтвержденных решением Конституционного суда.

Аналогичная ситуация с главами местного самоуправления. Путин предлагает дать губернаторам право снимать с должности избранных населением руководителей городской

администрации. Но опять же на каких условиях? Например, можно было бы прописать в этом законе, что губернатор может снять главу местного самоуправления с должности за систематическое нарушение федеральных законов и законов субъекта РФ, подтвержденное, допустим, решением Верховного Суда. Но поскольку почти повсеместно мы наблюдаем конфликт руководителей областных центров и губернаторов, возможно, следовало бы отдать право снимать с должности глав местного самоуправления не губернатору, а Президенту. Чтобы не получилось так, что конфликт разрешала бы одна из участвующих в нем сторон.

«Я милого узнаю по походке»

— *Активно обсуждаются в Государственной Думе также вопросы формирования нового Правительства, в частности, состоявшееся на минувшей неделе утверждение Михаила Касьянова на должность премьер-министра. Какую позицию на этот счет занимаете Вы?*

— Скажу прямо, я воздержался при голосовании по его кандидатуре. И хотя известно, что избиратели не очень любят, когда депутаты воздерживаются, в данном случае моя позиция была сознательной.

Дело в том, что Михаил Касьянов, а соответственно и администрация Президента до сих пор не имеют своей программы. Говорят, она появится только в июне. Сегодня же мы выбирали главу государства по принципу: «Я милого узнаю по походке». Но могу ли я голосовать за премьера, если не знаю его предполагаемых шагов?

С одной стороны, новый премьер говорит, что будет крайне осторожен в отношении продажи земли и, во всяком случае, пока она продаваться не будет. Говорит хорошие вещи о том, например, что вложение в образование и науку — это вложение в будущее. С другой стороны, поднимается вопрос о повышении пенсионного возраста, о том, чтобы работающие россияне не имели бы права получать пенсию, о ликвидации системы льготных пенсий. И все это почему-то называется пенсионной реформой.

Распространяются также различные документы, касающиеся системы образования, в том числе предполагающие его приватизацию под вывеской разгосударствления, ставящие нас перед фактом, что все рано или поздно за образование будут платить. Существует масса других антисоциальных программ. На мой прямой вопрос, поддерживает ли Михаил Касьянов эти программы, прямого ответа я не получил. Поэтому мне сложно в настоящий момент определить свое отношение к нему. Как говорят, поживем — увидим...

К счастью, в нынешнем Правительстве сохранила свою должность Валентина Матвиенко, поскольку с ней все-таки можно иметь дело. Я знаю, что ее выступление, скажем, по пенсиям за выслугу лет для учителей и медиков вызвало недовольство многих работников образования и медицины, но потом в кулуарах с Валентиной Ивановной удалось кое о чем договориться. По крайней мере, она способна слушать. Если ее вдруг заменят, социальная политика может стать несравнимо более жесткой.

Конечно, пока достаточно сложно сказать, чем закончится реорганизация Правительства. Но мой прог-ноз заключается в следующем: социальная политика нового кабинета министров будет ужесточаться.

«Переключая каналы»

— *Настораживает сегодня и политика, проводимая государством по отношению к независимым средствам массовой информации, что вызывает общественное возмущение. Вчера, к примеру, в российских СМИ прошла акция протеста против подобных действий. Ваш комментарий?*

— Нынешняя ситуация с телеканалом НТВ, на мой взгляд, явилась продолжением истории с прекращением вещания на канале ТВ-центр. Похожая ситуация на омской городской студии СТВ-3.

С моей точки зрения, мы наблюдаем попытки ограничения даже тех жалких завоеваний последнего десятилетия, каким являлась хоть и ограниченная свобода информации.

Можно не разделять позиций руководства НТВ, но я считаю, что политического плюрализма на этом канале было гораздо больше, чем на ОРТ или РТР. Я считаю для себя очень важной позицией отстаивание свободы информации. Если мы опять будем слушать только один канал, на котором нам будут говорить, что «идет зима на смену лето, и я от радости кричу, спасибо партии за это и очередному Ильичу или Владимиру», ничего хорошего из этого не получится.

Кстати, я хочу сообщить читателям «Четверга», что 17 мая Госдума большинством голосов, причем «за» голосовали не только левые, но и часть правых фракций, приняла запрос на имя премьер-министра России в отношении омской телестудии СТВ. Мы выполнили многочисленные требования. Все, что в этой ситуации зависело от нас, сделано...

Путешествие из Москвы в Петербург и обратно

— *Олег Николаевич, как вы относитесь к идее «перенести» Думу из Москвы в Санкт-Петербург?*

— Лично я к этой затее отношусь отрицательно. Достаточно сказать, что это очень дорогое удовольствие, поскольку все федеральные структуры управления находятся в столице. Для согласований и решений многочисленных вопросов, которыми по долгу службы занимается депутатский корпус, придется постоянно ездить в Москву и обратно. В масштабах Думы только эти поездки влетят и без того небогатому государству в копеечку... Я считаю, что если у нас завелись лишние деньги, лучше потратить их на пенсии, пособия, зарплаты. У нас еще слишком много людей, которые в этом нуждаются.

Опубликовано: Четверг.— 2000.— 23 мая.— № 21.— С. 3.

РОССИЯ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ТРЕБУЕТСЯ НОВЫЙ КУРС

«Человечество на перепутье» — такими словами характеризуют происходящие ныне перемены практически все исследователи мирового социально-экономического и политического процесса. Компьютерная революция, превращение информационных технологий в неотъемлемый фактор не только прогресса, но и жизнедеятельности общества позволили ряду ученых (Д. Белл, Й. Масуда, П. Бартон) сделать вывод о переходе цивилизации к качественно новому этапу истории — этапу информационного общества (общества знаний)¹. При этом очевидно, что происходящие перемены касаются не только технико-производственных, но и социокультурных процессов.

Глубокие изменения произошли и в системе международных отношений. Завершена эпоха биполярного мира с характерным для нее соперничеством двух сверхдержав и возглавлявшихся ими блоков, происходит перегруппировка сил, коалиций, союзов.

Осмыслением своего места в новом мире занята и Россия. И начинать это осмысление следует с внутренних процессов: не поняв их, невозможно определить место страны в мировом сообществе. Перефразируя некогда тривиальную, а ныне почти забытую формулировку Клаузевица, можно сказать: внешняя политика есть продолжение и продукт политики внутренней.

¹ См. Bell D. The Social Frameworks of the Information Society., Oxford, 1980. Masuda J. The Informational Society as Post-Industrial Society. Tokyo, 1980. Barton P. Informational Technology and Society. L., 1992.

По поводу российских политических процессов последних лет одни полагают, что в стране происходят либеральные реформы, и приговаривают в духе Вольтеровского доктора Панглосса: «Все к лучшему в этом лучшем из миров». Другие считают, что все

дело в «предательстве верхов», в заговоре. О заговорах здесь уже говорилось— они были и всегда будут, но не всегда удаются. Что же касается предательства «верхов», то, думаю, его на самом деле не было. Просто люди из руководящих структур хорошо просчитали свои собственные интересы и поняли, что к власти они смогут присоединить и собственность. Не случайно говорят, что революция, которая произошла в России,— это «революция замов и экспертов», или, если угодно, «преображенская» революция (точнее, бюрократическая революция). Думаю, в эти годы в стране происходили вовсе не реформы, но очередная революция. Атрибутом же любой социально-политической революции является катастрофа. Однако по длительности, масштабам и количеству катастроф в последнее десятилетие мы «догнали и перегнали» не только США периода «великой депрессии», но и поставили абсолютный мировой рекорд для XX века в мирное время. Вот лишь некоторые примеры.

Катастрофа экономическая. По оценкам группы новосибирских ученых во главе с экс-президентом Сибирского отделения Академии наук В. А. Коптюгом, в 1985—1995 гг. сельскохозяйственное производство в стране упало в 3,6 раза, промышленное — в 5,3, в т. ч. в легкой промышленности и оборонном комплексе практически в 10 раз. В результате, по данным Мирового банка, в 2000 г. Россия по производству на душу населения оказалась между уровнем средне- и слаборазвитых стран, в т. ч. на 25—30% ниже таких государств, как Алжир, Сирия, Тунис. Соответственно федеральный бюджет громадной страны, пересчитанный в доллары, стал меньше бюджета Греции или Финляндии, в 2 раза — меньше бюджета Швеции, в 3,5 раза — меньше бюджета Голландии!

Катастрофа финансовая. За десятилетие внешний долг России вырос приблизительно с 70 до более чем 150 миллиардов долларов. По его размерам страна вышла на первое место в мире, а в расчете на душу населения долг превысил тысячу долларов. Чтобы расплатиться полностью, стране пришлось бы отдать почти 4 федеральных бюджета, эквивалентных бюджету 2001 года. Один из многочисленных парадоксов отечественной политики состоит в том, что левые противники глобализации выступают за списание долгов (включая российский), а Россия — против противников глобализации.

Катастрофа социальная. По расчетам названной группы новосибирских ученых, в 1985—1995 гг. средняя заработная плата в стране упала более чем в 3 раза (со 199 до 62 рублей с учетом инфляции); средняя пенсия — в 2,5 раза (с 74,5 до примерно 30 рублей). Августовский финансовый кризис 1998 г., по меньшей мере, удвоил эти показатели, а в долларовом исчислении — учетверил. Несмотря на рост в 1999 — начале 2001 г., заработная плата и пенсии многих общественных групп населения не достигли «докризисного» уровня (термин «докризисный» следует брать в кавычки, поскольку на самом деле экономический кризис в СССР начался еще в 1990 г.). Честный труд вообще, квалифицированный — в особенности обесценился как никогда, причем хуже всего платят работникам оборонных предприятий, медицины, науки, образования, культуры и сельского хозяйства.

Катастрофа демографическая. Начиная с 1992 г. смертность в России регулярно превышает рождаемость, причем в отдельные годы — почти на миллион человек. За 8 лет (1992—1999) население страны сократилось со 148 млн. 300 тыс. до 145,5 млн., причем почти во всех регионах. Если в 1990 г. естественная убыль населения (точнее, противоестественная) зафиксирована только в 9 субъектах Федерации, то в 1999 г. — в 74. Только за последние 3 года в стране стало на 4 миллиона меньше детей. По самым оптимистическим прогнозам, при сохранении нынешнего положения дел население России в ближайшие 25 лет сократится на 10—15 млн. человек. По другим прогнозам, к 2025 году численность населения России не будет превышать 100 млн., в 2050 г. — 75, а в 2075 г. — 55 млн. человек. Учитывая, что, по прогнозам ООН, население Китая составит к 2025 г. 1,5 млрд. человек, Индии — 1 млрд. 600 тыс., что численность населения США также возрастет на 50 млн. и составит 325 млн. человек, можно с уверенностью предположить возникновение трудно разрешимых геополитических проблем.

На память невольно приходит грустное замечание Владимира Набокова о том, что

Россия может разделить судьбу античной цивилизации: культура останется, а народ исчезнет.

Катастрофа нравственная. Ее первое проявление — криминализация общества. В стране ежегодно регистрируется до 3 млн. преступлений, но на деле их значительно больше. Уровень общей преступности увеличился в 90-х гг. в 2,5 раза. При этом число убийств выросло в 4 раза, грабежей и разбоев — более чем в 6 раз. Тяжкие и особо тяжкие преступления составляют более 60% всех преступлений в России. Значительно возросла детская преступность. По данным главного информационного центра МВД, в 1999 г. на спецучете состояли 180 тыс. подростков, а около 100 тыс. подростков нуждаются в воспитании с применением специальных педагогических подходов.

Международные опросы предпринимателей показывают высокий уровень коррумпированности российских властных структур. Так, согласно одному из них, среди 85 стран по этому показателю Россия вошла в десятку самых криминальных, заняв 76-е место! На протяжении десятилетия бездуховность насаждалась «верхами», которые не только заполнили эфир воинствующей пошлостью, но открыто заявляли, что «деньги не пахнут», и сами подавали пример. Тот факт, что многие представители политической элиты сменили псевдокоммунистические ритуалы и идеологию на псевдоправославные, а в последнее время — псевдозападническую ориентацию на псевдопатриотическую, по сути никак не сказался на характере и масштабах «криминальной революции».

Россия никогда не чуждалась водки, но в 90-х годах она заняла по этому показателю 1-е место в мире. Потребление алкоголя (в пересчете на чистый спирт) составляет от 14 до 18 литров на человека, включая новорожденных и больных, при критическом для национальной безопасности уровне в 8 литров.

Еще хуже, что массовый алкоголизм соединился с наркоманией. По данным управления по борьбе с таможенными правонарушениями Государственного таможенного комитета России, оборот наркотиков в стране составляет 2 млрд. долларов. По оценкам МВД, в России до 4 млн. человек потребляют наркотики. Число наркоманов различными экспертами оценивается до 3 млн. человек. В 1990-98 гг. число инфицированных вирусом СПИД в стране выросло в 20 раз и продолжало расти едва ли не вдвое в течение каждого из последующих лет.

Катастрофа геополитическая. Советского Союза (Большой России) больше нет. Революционному разрушению подверглась не только прежняя социальная система, но и целая цивилизация, которую Л. Гу-милев называл «российским миром», «российским суперэтносом» и т. п. В XX веке эта цивилизация была одной из ведущих в мире. В этом смысле Александр Зиновьев был прав, утверждая, что советский период был периодом наибольшего взлета в российской истории. Никогда прежде Россия не была второй державой мира. Никогда прежде она не выигрывала такой войны, как Великая Отечественная. Сравнения не выдерживает даже великая победа над Наполеоном, поскольку французский император уничтожал в Европе феодализм, а Гитлер — основы общечеловеческой культуры. Но это не вся правда. Нельзя забывать, что советский период был продолжением и развитием противоречия российской истории, которое еще В. О. Ключевский выразил емкой формулой: «Государство пухло, народ хирел». Взлет державной мощи в советский период был достигнут ценой перенапряжения всех сил народа и колоссальных человеческих потерь.

Крушение российской цивилизации стало политической драмой не только национального, но и всемирно-исторического масштаба. Оно таит в себе потенциальную угрозу миру. Гарвардские сторонники социокультурного детерминизма (С. Хантингтон и др.), полагающие, что границы цивилизаций являются потенциальными линиями фронта, при определенных сценариях исторического развития могут оказаться правы. В этом смысле ключевым для понимания геополитической ситуации является тот факт, что Россия оказалась на границе трех цивилизаций: Западной, которая, как выяснилось, не готова принять Россию в свой состав; Мусульманской, быть может, самой пассионарной на современном этапе и, к сожалению, нередко порождающей исламский фундаментализм; Китайской — возможного лидера XXI века. Множество региональных вооруженных

конфликтов на территории бывшего СССР должно рассматриваться политиками как предупреждение о возможности возникновения глобального конфликта.

Представляется, что в этих условиях не только народы нашей страны, но и мир в целом должен быть заинтересован в сохранении России как великой державы. Возможности и ресурсы для этого есть, хотя и достаточно ограниченные.

Принципиально неверной считаю ставку на добычу и распродажу невозобновляемых природных ресурсов. Большинство развитых индустриальных стран такие ресурсы консервируют, понимая, что борьба за них может составить одно из ключевых направлений в политике XXI века. Кроме того, согласно экспертным оценкам, разведанных запасов нефти в России осталось на 12 лет, газа — на 60.

Влияние большой территории на экономическое развитие вообще противоречиво. Как бы ни критиковали В. И. Ленина, он был прав, полагая, что развитие капитализма «вширь» мешает интенсификации экономики, развращает страну.

В действительности двумя основными ресурсами страны, позволяющими ей играть роль великой державы, на данный момент являются остатки, с одной стороны, оборонного комплекса, а с другой — научно-образовательного потенциала.

Не являясь специалистом в сфере ВПК, было бы неверно пытаться давать рекомендации по его восстановлению и использованию. Следует лишь отметить, что без сильной армии с Россией просто перестанут считаться. Очевидно, что конфликт в Чечне не привел к бомбардировкам российских городов самолетами НАТО, как это было в Югославии, лишь потому, что Россия остается ядерной державой.

Высокий, несмотря на кризис, уровень российского научно-образовательного потенциала общепризнан в мире, в т. ч. и антироссийски настроенными специалистами. Однако возможность использования этого ресурса (впрочем, как других) напрямую связана с социально-экономическим курсом Президента и Правительства. Однако анализ «Основных направлений социально-экономической политики Правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу», подготовленных Центром стратегических разработок под руководством Г. Грефа и одобренных на заседании Правительства 28 июня 2000 г., равно и анализ экономических и социальных положений Послания Президента Федеральному Собранию 3 апреля 2001 г. показывает, что избранный курс не позволит стране в необходимой мере развивать и использовать научно-образовательный потенциал.

Идеология названного и других правительственных документов может быть сформулирована следующим образом: чтобы догнать наиболее передовые страны, нужно сначала вернуться назад к отношениям первоначального капитализма, к тем позициям, от которых эти страны уже отказались и, как бы взяв разгон, лишь затем устремиться в погоню за цивилизацией. Создается впечатление, что авторы до сих пор не осознали органическую связь экономического роста и роста человеческого потенциала, улучшения условий жизни большинства населения в современном обществе. Иначе невозможно объяснить крайне низкие темпы роста заработной платы в сферах, обращенных к человеку (образование, медицина, культура), стремление провести через Государственную Думу Трудовой кодекс, не соответствующий требованиям Международной организации труда, бесконечные публичные заявления власть имущих о том, что страна слишком бедна для поддержания социальных гарантий, которые существовали в советский период и т. п. Экономический рост при таком подходе вряд ли может быть продолжительным и стабильным: без высококвалифицированного работника, защищенного надежной системой социальных гарантий, никакая защита прав собственников к кардинальному улучшению и модернизации России не приведет.

Приоритеты социально-экономической стратегии государства более всего проявляются в его бюджетной политике. Анализ «Основных направлений...» показывает, что ключевой задачей их считают не наполнение бюджета, но «приведение обязательств государства в соответствие с его ресурсами». И далее: «Государство должно... отказаться от тех обязательств, финансирование которых не было возможным в прошлом и не будет возможно в обозримом будущем».

Рассуждения об отсутствии денег на социальные законы и программы сопровождаются действиями более чем сомнительного характера, уменьшающими доходную часть бюджета. Среди них:

— снижение в 2001 г. таможенных пошлин приблизительно на 50 млрд. рублей, которое, помимо всего прочего, наносит удар по отечественному товаропроизводителю;

— введение «плоской» 13-процентной шкалы подоходного налога с физических лиц.— Во всех индустриально развитых странах и странах Латинской Америки применяется прогрессивная шкала, а надежда на то, что так называемые «новые русские» с радостью выстроятся в очередь для уплаты пониженного в 3 раза налога, вложив сэкономленные средства на развитие производства, представляет собой, в лучшем случае, иллюзию и свидетельство непрофессионализма.

Большую тревогу вызывает «озвученное» в Послании Президента Федеральному Собранию положение, согласно которому в финансировании образования должны участвовать все организации и граждане без исключения. Ничего подобного нет ни в одной индустриально развитой стране мира. В самой капиталистической из них, Соединенных Штатах Америки, 90% всех детей учатся в бесплатной государственной или муниципальной школе с бесплатными учебниками. В России же для этого нет и экономических возможностей. В условиях, когда в стране более 70% населения составляет «низший класс», в т. ч. около 40% находятся за чертой бедности, такое «софинансирование» приведет не к умножению, но к уничтожению научно-образовательного потенциала.

Для сохранения Россией статуса великой державы необходим иной экономический курс по модели не догоняющего, а опережающего развития, необходимо приоритетное финансирование новейших технологий, образования и науки. Но для этого должна быть реализована не элитарная (рассчитанная на узкий круг), а демократическая (в общепринятом, а не перевернуто-российском смысле) модель образования для всех.

Говоря об альтернативных программах экономического развития, не могу согласиться с Л. Вартозаровой в том, что так называемая программа Ишаева мало чем отличается от программы Грефа. С моей точки зрения программа Ишаева (точнее, программа Глазьева) гораздо лучше хотя бы потому, что она более похожа на антикризисные действия Рузвельта в Америке или Де Голля в послевоенной Франции. Эта программа общенациональная, программа государственного регулирования экономики. Она, на мой взгляд, позволяет обеспечить серьезный экономический подъем (Людмила Вартозарова — лидер Социал-либеральной партии трудящихся; Виктор Ишаев — губернатор Хабаровского края, член Совета Федерации.— **Примеч. автора**).

Весь мировой опыт XX века свидетельствует: как правило, успешно развивались именно те страны, которые наращивали вложения в образование и науку, добиваясь на этой основе нового технологического прорыва. Так было в СССР 30—50-х гг., в послевоенной Германии, Японии, отчасти Италии, затем в Южной Корее. При этом упор делался именно на массовое образование для широких слоев населения. Хотелось бы обратить ваше внимание на то, что дело здесь даже не в политических различиях. В развитых странах и либералы давно поняли, что без массового качественного образования, в том числе и высшего, войти в новое информационное общество невозможно. У нас же в очередной раз пытаются реализовать не демократическую, но элитарную модель образовательной политики.

В последнее время правые противники Президента В. Путина (в частности В. Гусинский), критикуя нынешний режим за авторитарные методы, утверждают, что Россия переходит на китайскую модель развития. В действительности, в свое время китайские экономические реформы были бы, разумеется, предпочтительнее российской бюрократической революции. Однако сейчас подобная критика явно необоснованна и слишком оптимистична. Китайская модель — это курс на большую экономическую свободу при левом авторитаризме, тогда как курс современного Российского правительства явно правый. Кстати, не разделяю точки зрения, будто в России происходит борьба с олигархами. Пока мы если и наблюдаем борьбу с олигархами, то только с нежелательными.

Положение остальных остается прежним.

На самом деле в стране происходит так называемая негативная конвергенция, т. е. сочетание худших черт советской эпохи в виде авторитаризма и худших черт эпохи «антисоветской» в виде радикально-либеральной экономической политики, которая превращает большинство населения в бедных, а существенную часть — в необразованных.

Что касается внешнеполитического курса и отношения к проблемам глобализации, то современная Россия оказалась перед выбором между тремя вариантами:

первый — продолжить одностороннюю прозападную (точнее, проамериканскую) ориентацию внешней политики, предполагая полную вестернизацию страны. При этом предыдущее десятилетие отчетливо показало, что по уровню экономики и жизни Россия скорее удаляется от стран «золотого миллиарда», чем приближается к ним, и обречена на «догоняющую конвергенцию»;

второй — присоединиться к антиглобалистам и перейти от политики полного проамериканизма к полному антиамериканизму. Кстати, такой переход мы нередко наблюдаем сегодня у ряда вчерашних радикалов-западников, которые спешно перекавалифицируются в патриотов-националистов или даже в антисемитов. Это как раз тот случай, к которому относится формула Льва Толстого о патриотизме, как последнем прибежище негодяев. Любой политик, сохраняющий здравый смысл, должен понимать, что поддержка или хотя бы благожелательный нейтралитет индустриально развитых стран Запада может потребоваться нам против возможных геополитических притязаний иных цивилизаций, пограничных с Россией.

Прекрасно понимаю, что Запад нас не ждет. Это лучше всего показало обращение В. Путина о приеме в НАТО. Как известно, ответа не последовало. Представляется, что Вячеслав Никонов очень убедительно показал недостатки трихотомии основных моделей внешней политики, а именно: западной, антизападной и евразийской (или азиопской). Иное дело, что он показал также и слабость четвертой модели, за которую выступал и которая реализуется действующим Президентом. И дело здесь не в квалификации политологов, а в трудностях самой ситуации: она такова, что хорошего выхода нет, но, напротив, как пел Владимир Высоцкий, «есть только вход, и то не тот!» (Вячеслав Никонов — известный политолог, президент фонда «Политика». — **Примеч. автора**);

вариант третий — предложить иную модель глобализации, например, лозунг: «глобализация — для всех». При таком подходе глобализация предполагает сохранение разнообразия, а вовсе не движение единым строем по указанному извне пути, где каждый шаг в сторону рассматривается как смертный грех и наказывается международными санкциями. Кстати, на состоявшейся в апреле конференции Межпарламентского союза от имени российской делегации удалось ввести в итоговый документ положение о том, что глобализация может и должна осуществляться только в сочетании с сохранением культурной самобытности стран и народов. Думаю, при такой позиции России нашими союзниками могут стать большинство развивающихся стран, в том числе при решении таких важнейших вопросов, как списание внешних долгов и передача на некоммерческой основе наиболее передовых технологий в целях предотвращения глобальной экологической катастрофы. Лучше поделиться частью достижений, чем погибнуть всем вместе.

Подведем некоторые итоги

1. Статус сверхдержавы Россией утрачен, и, быть может, навсегда. Стране предстоит сложная борьба за сохранение статуса одной из великих держав.

2. Борьба за сохранение этого статуса предполагает во внешней политике тонкое и сложное позиционирование прежде всего по отношению к основным пограничным цивилизациям: западной, мусульманской, китайской.

3. Попытки воспроизвести в России модель потребительского общества по

американскому или иному образцу бесперспективны. Более того, от этой модели, видимо, придется отказаться и Западу. Не случайно теоретики Римского Клуба еще 30 лет назад предлагали ограничить техническую экспансию и сосредоточиться на научном и социально-нравственном прогрессе. Попытка приравнять все человечество по уровню потребления энергии и вредным выбросам к «золотому миллиарду» неминуемо привела бы к глобальной экологической катастрофе.

4. России необходим новый курс в экономике. Не старый курс для «новых русских», которым страна шла в 90-е годы и новое издание которого предлагается властями, а новый курс в духе Рузвельта, послевоенной Франции или Британии.

5. Поддерживаю генерала А. И. Николаева: России необходим не отказ от глобализации, а иная ее модель, более справедливая для всех народов, в том числе и России.

6. Не разделяю мнения, будто СССР был отрицанием России, не вел политики защиты национальных интересов. Напротив, на мой взгляд, СССР был преемником России и, может быть, единственным после революции способом сохранения ее как великой державы. Поддерживаю идею обращения к соотечественникам с призывом возвращаться на Родину или вкладывать капитал в российскую экономику, как это делается в Китае. Наши соотечественники за рубежом, в том числе в Австралии, говорили мне, что такое обращение, подкрепленное экономическими гарантиями, вызвало бы положительный отклик.

Политическим элитам надо понять главное: Россия не сможет сохранить статус великой державы, если не будет обеспечена модернизация страны по модели опережающего развития в направлении информационного общества. Другого выхода у нас нет. А потому нам остается лишь действовать по известной формуле: «Будь реалистом — требуй невозможного».

Опубликовано: Россия в глобальном мире: ответы на вызов нового века. Всероссийское политическое общественное движение «Союз народовластия и труда». Материалы «Круглого стола.— 2001.— апрель. — С. 24—28.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

«Национальная идея» будущего и будущее «национальной идеи».

«... будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько можете перенести: настолько будет светла и добра, богата радостью и наслаждением ваша жизнь, насколько вы умеете перенести в нее из будущего».

Н. Г. Чернышевский

Не стоит слишком многого ждать от конца света.

С. Е. Лец

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ XXI ВЕКА: ШАНСЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ТАКТИКА ЛЕВЫХ В РОССИИ

Выступление на российско-германском семинаре «Раздумья о социализме в XXI веке». Москва, 19 сентября 2000 г.

Обсуждаемая проблема имеет, как минимум, две стороны: анализ прошлого и настоящего (что стало с миром за последние 50 лет) и прогноз будущего. Причем вторая сторона проблемы представляет собой еще большие теоретические трудности, чем первая. Трудности эти, помимо общих особенностей социального прогнозирования, связанных с его объектом, порождаются двумя обстоятельствами.

Во-первых, *современное человечество явно переживает переход к новому типу общественной системы*, причем как в цивилизационном, так и в формационном плане. Все пророки соглашаются, что мы живем в век перемен,— а в Китае даже есть пожелание недругу: чтоб тебе жить в век перемен,— но между пророками нет единства относительно того, что нас ждет впереди: одни обещают постиндустриальный рай, другие — глобальную катастрофу; одни уверены в полной и недалекой победе коммунизма, другие полагают, что концом истории станет западная либеральная цивилизация.

Во-вторых, общество в странах Восточной Европы и бывшего СССР находится в состоянии глубочайшего кризиса. Образно говоря, мы оказались в глубокой яме, из которой в лучшем случае видны ближайшие кучи выброшенной земли, но совсем не видна отдаленная перспектива.

С самого начала следует подчеркнуть, что понимание термина «демократический социализм» в данном случае принципиально отличается от того, как его обычно понимают представители правой (модернистской) социал-демократии. Большинство современных социал-демократов понимают демократический социализм как общественный идеал, к которому можно стремиться, но невозможно достичь, т. е. как бесконечный процесс. Мне же, как и большинству левых, к которым я себя отношу, представляется, что демократический социализм — это модель общественной системы, характеризуемая определенным набором признаков: производство, основанное на высоких и экологически ориентированных технологиях; смешанная экономика с преобладанием общественных и коллективных форм собственности; приоритетное развитие образования, науки и культуры; ограниченное, по преимуществу основанное на результатах труда, социальное неравенство и т. д. Иначе говоря, большинство социал-демократов так или иначе ориентируются на сохранение существующей модели, тогда как большинство левых — на ее изменение. С другой стороны, и в современной России классический вариант социал-

демократии представляется неприемлемым, поскольку, прежде чем накладывать ограничения на частную собственность, ее сначала приходится вводить в полном объеме, а это вызывает движение не вперед в XXI век, но скорее назад в век XIX.

Сделав эту оговорку, начну с парадокса, который наверняка вызовет огонь критики как слева, так и справа: шансы на реализацию модели демократического социализма невысоки, но если цивилизация их упустит, резко поднимутся ее шансы на самоубийство.

В пользу возможности реализации модели демократического социализма можно предложить, как минимум, три основных аргумента, причем все они являются доказательствами не прямыми, а косвенными.

Аргумент № 1 основан на исторических аналогиях. До сих пор история не знала случаев, чтобы новая общественная формация, раз возникнув, затем безвозвратно уходила в прошлое и сменялась формацией предыдущей. Возвратные движения всегда были временными и восстанавливали прежнюю систему лишь отчасти (рабство в Америке, «второе издание крепостного права» в Европе, периоды реставрации в Англии и Франции). При этом чем больше та или иная революция выходила за пределы исторически возможных задач, тем больше (по «принципу маятника») было возвратное движение к прежней системе. Представление о социализме как о тупиковой ветви цивилизации в этом смысле расходится со всем предшествующим историческим опытом.

Аргумент № 2 исходит из исторической тенденции глобального масштаба. Сколь угодно объективный макроисторический анализ показывает, что вектор социального движения заметно смещается влево к более справедливому обществу. Так, феодальное общество (средневековая цивилизация) справедливее рабовладельческого; современный «социальный капитализм» — справедливее капитализма первоначального и т. п. Другими словами, по большому счету, более эффективное общество в конце концов оказывается и более справедливым, и наоборот. Предположение, будто в конце XX века эта тенденция сменилась противоположной, вряд ли справедливо и во всяком случае нуждается в проверке опытом многих десятилетий.

Наконец, аргументом № 3 могут служить тенденции общественного развития в индустриально развитых странах Запада, связанные частью с современным этапом технологической революции, частью с влиянием «реального социализма», в основном уже ликвидированного, частью же с отношениями между странами «золотого миллиарда» и так называемым «третьим миром».

Другими словами, мы не ошибемся, сказав, что рост цивилизации в развитых странах Запада во многом тождественен ростам посткапиталистических или социалистических отношений в них. И наоборот: разрушение даже бюрократического социализма в бывшем СССР и Восточной Европе сопровождается явным понижением уровня цивилизации и нарастанием варварства.

Так, в России это разрушение сопровождалось множественными катастрофами, среди которых можно выделить, по крайней мере, шесть.

1. Катастрофа экономическая. По оценкам группы новосибирских ученых во главе с В. А. Коптюгом, в 1985—95 гг. объем сельскохозяйственного производства в России снизился в 3,6 раза, промышленного — в 5,3 (в том числе в легкой промышленности и оборонном комплексе — в 10 раз). Кризис поразил и те отрасли, которые являлись для России источником поступления валюты. За 1990—96 гг. добыча нефти уменьшилась на 44%, угля на — 38%, выработка электроэнергии — на 25%.

По данным Мирового Банка, в 2000 г. Россия окажется где-то между уровнем средне- и слаборазвитых стран по производству на душу населения, в том числе на 25—30% ниже таких стран, как Алжир, Сирия, Тунис. К примеру, в Омской области, где находится мой избирательный округ, объемы производства мяса снизились с 368 тысяч тонн в 1990 году до 83 тысяч тонн в 1998 году, молока — соответственно с 1532 тысячи тонн до 871 тысячи тонн, яиц — с 789 тысяч штук до 309 тысяч штук. Это притом, что эта область не худшая по России, она находится на уровне средних показателей.

Уже сейчас федеральный бюджет громадной России, пересчитанный в доллары, на 10% меньше бюджета Греции или Финляндии, в 2 раза — бюджета Швеции, в 3,5 раза

меньше бюджета Голландии! Похоже, до «полной и окончательной победы реформ» уже недалеко! Страной, как банкротом, управляет Международный валютный фонд!

2. Катастрофа финансовая. По сравнению с советскими временами цены выросли приблизительно в 20 тысяч раз (с учетом деноминации — в 20 раз). «Зеленым другом» теперь в стране называют не лес, но доллар. Внешний долг России вырос с 70 до ~150 миллиардов долларов (почти 3,5 тысячи миллиардов рублей при российском федеральном годовом бюджете в 575 миллиардов), что составляет 90% ВВП. По размерам внешнего долга Россия вышла на первое место в мире. Благодаря мнимым реформаторам, каждый из россиян — от новорожденного до умирающего — должен теперь иностранному «благодетелю» почти тысячу долларов. И это без учета наших «долгов» российским «олигархам»! Для того, чтобы рассчитаться с иностранными кредиторами, нам пришлось бы 6 лет оставаться без питья и хлеба. В 1998 г. каждый четвертый рубль из российского бюджета уходил на возврат долгов и проценты по ним. В 1999 г. — уже каждый третий рубль! Россия и ее финансовый центр — Москва — в любой момент могут быть объявлены банкротами.

3. Катастрофа социальная. По расчетам все тех же новосибирских ученых, в 1985—95 г. средняя заработная плата упала более чем в 3 раза (с 199 до 62 рублей с учетом инфляции); средняя пенсия — в 2,5 раза (с 74,5 до ~30 рублей). После августа 1998 г. эти показатели надо умножать, как минимум, на два. Таким образом, средний уровень жизни упал в 4—5 раз, а у некоторых групп населения — в 7 раз и более.

Честный труд вообще, квалифицированный — в особенности, обесценился как никогда. Хуже всего платят работникам оборонных предприятий, медицины, науки, образования, культуры и сельского хозяйства, к тому же, как правило, с большими задержками. Начиная с конца 1993 г. задолженность по зарплате нарастала ускоренными темпами. В 1994 г. она составляла 1,3 триллиона рублей, к концу 1996 г. — более 47 триллионов, а на 1 декабря 1998 г. (с учетом деноминации) — почти 85 млрд. рублей. Задавленные нищетой люди требуют уже не повышения заработной платы, но хотя бы ее своевременной выплаты.

По уровню социального неравенства мы «догнали и перегнали» не только Западную Европу и Японию, но и Соединенные Штаты Америки: «новые русские» покупают автомобилей «Мерседес» больше, чем вся Западная Европа и отдыхают в отелях Флориды за 3 тыс. долларов в сутки!

Еще одно «достижение реформ» — массовая безработица. По оценкам ФНПР, в России в середине 1998 г. было около 2 млн. зарегистрированных безработных, около 8,5 млн. ищущих работу, а с учетом скрытой безработицы общее количество безработных составило около 20 млн. человек! Так что граждане России, если от чего и получили независимость, так это от стабильной работы и нормальной зарплаты!

4. Катастрофа демографическая. Смертность в стране превысила рождаемость с первого года реформ: в 1992 г. — на 220 тыс. человек, в 1993 г. — на 750 тыс., в 1994 г. — на 920 тыс. человек, в 1995 г. — на 785 тыс. и т. д. Если за годы гражданской войны и иностранной интервенции (1918—1920) численность населения России сократилась на 2,8 млн. человек, то за первые пять лет «реформ» (1992—1996) потери страны за счет превышения смертности над рождаемостью составили 3 млн. 433 тыс. человек.

За десять лет «перестройки» и «реформ» уровень рождаемости в России упал почти в 2 раза; в 2 раза выросла и доля детей, родившихся больными, достигнув более 30% от общего числа новорожденных. Численность детей-инвалидов в возрасте до 16 лет выросла в 3,1 раза. Каждый третий юноша призывного возраста не может быть призван на военную службу по состоянию здоровья, в том числе до 15% не имеют необходимой массы тела.

Если нынешнее положение со смертностью и рождаемостью сохранится, то, по оценкам Госкомстата, к середине XXI в. нас останется ровно половина от нынешнего числа. К тому же Россия рискует превратиться в страну инвалидов с детства!

5. Катастрофа нравственная. Ее первое проявление — криминализация общества. Ежегодно регистрируется до 3 млн. преступлений, но на деле их значительно больше.

Общий уровень преступности увеличился в 90-х годах в 2,5 раза и продолжает расти. Количество убийств выросло в 4 раза, грабежей и разбоев — более чем в 6 раз. Тяжкие и особо тяжкие преступления составляют более 60% всех преступлений в России. Значительно вырос уровень детской преступности. По данным главного информационного центра МВД, в России состоят на учете 180 тыс. подростков, относящихся к данной группе риска. Около 100 тыс. подростков нуждаются в воспитании с применением специальных педагогических подходов.

По данным международных исследований, среди 85 стран по уровню коррупции Россия вошла в десятку самых криминальных, заняв 76-е место! Бездуховность насаждается «верхами», которые не только заполонили эфир воинствующей пошлостью, но открыто заявляют, что деньги не пахнут, и сами подают пример неразборчивости в средствах обогащения.

Россия никогда не чуждалась водки, а теперь алкоголизм стал массовым и соединился с наркоманией. По данным управления по борьбе с таможенными правонарушениями Государственного таможенного комитета России, оборот наркотиков в Российской Федерации составляет 2 млрд. долларов — почти десятая часть расходной части федерального бюджета. По оценкам МВД, в России до 4 млн. человек потребляют наркотики. Потенциальными наркоманами являются до 80% подростков. Среднестатистический московский наркоман имеет возраст 15 лет, но появились уже и 8-летние наркоманы. Потребление спирта в России составляет от 14 до 18 литров на человека, включая новорожденных и больных, при критическом для национальной безопасности уровне в 8 литров.

Социологические исследования последних лет показывают: свыше 50% молодых граждан России признают, что главным для них в жизни являются деньги. При этом 20% считают «возможным» и «нормальным» вступление в брак по расчету, 20% — получение взятки, около 10% — взять деньги силой или «взять, что плохо лежит». В сознании 17-летних криминальный авторитет ценится выше профессии милиционера, профессия телохранителя — выше офицера вооруженных сил и депутата законодательного органа, а профессии последних, в свою очередь, — выше профессии инженера, научного работника, рабочего.

6. Катастрофа геополитическая. Советского Союза (Большой России) больше нет. Россия утратила статус сверхдержавы, а мир фактически стал однополюсным — он развивается под диктовку Соединенных Штатов. По 19 из 20 показателей национальной безопасности наша страна опустилась ниже «красной черты».

Союз НАТО превратился в самый мощный в истории военно-политический блок, который все более склонен решать проблемы с помощью силы. Об этом свидетельствуют бомбардировки Ирака, война в Югославии и заявления руководителей НАТО о том, что такой опыт можно использовать и дальше.

Обещание не расширять НАТО, данное в период объединения Германии, ныне грубо нарушено: три бывших союзника России по Варшавскому Договору — Чехия, Венгрия и Польша — уже приняты в Североатлантический Альянс, а вопрос о приеме еще девяти, включая бывшие прибалтийские республики, рассматривается.

В результате разрушения Советского блока количество региональных вооруженных конфликтов, способных перерасти в конфликт глобальный, не сократилось, но значительно возросло. Платой за безумие развала стали три войны только на территории России: малая — в 1993 г. в Москве; большая, но локальная — в Чечне (1994—1996); Дагестанская и вторая Чеченская война в последние месяцы. Хотел бы ошибиться, но это не последняя кровь, которой нам приходится платить за амбиции Бориса Ельцина и его «команды».

Однако мы не можем не видеть, что трудности общества на пути к демократическому социализму едва ли не больше трудностей гомеровского Одиссея, который должен был проплыть между Сциллой и Харибдой у Геркулесовых столбов. Говоря точнее, подвиг Одиссея на этом пути человечеству придется повторить несколько раз в режиме некоего гигантского исторического слалома. Вот лишь некоторые преграды из тех, что предстоит преодолеть.

1. Совершенно очевидно, что для перехода к новому обществу необходимы, как минимум, два условия: зрелость его предпосылок и нестабильность общества старого. Иными словами, необходимы предпосылки революции социальной и революции (реформы) политической. Точно так же совершенно очевидно, что условия эти формируются не одновременно, как полагали авторы Коммунистического Манифеста, а разновременно. Я не разделяю «теории отсталости» Н. Бухарина, но простой статистический анализ показывает, что число революционных ситуаций в развитых странах в первой и во второй трети XX века было на несколько порядков больше, чем в последней его трети. По-видимому, период наибольшей нестабильности капитализма миновал, но зато предпосылки нового общества сформировались в настоящее время, как никогда прежде.

2. До сих пор на практике никому не удалось разрешить противоречие между демократической природой социальной революции и авторитарной формой власти, вытекающей из революции политической. Фридрих Энгельс говорил, что революция — самый авторитарный акт в истории. Макс Вебер разрабатывал идею плебисцитарной демократии и харизматического лидерства. Современные политологи доказывают, что революционные режимы в большинстве случаев становятся авторитарными. Все это свидетельствует об одном: коренная ломка или «радикальная трансформация» одной социетальной системы в другую, как правило, невозможна без сильной власти. Однако, с другой стороны, мы знаем, что диктатура пролетариата легко превращается в диктатуру бюрократии, а харизматические лидеры — в гитлеров и муссолини. Диктатура же бюрократии ведет к бюрократической революции и реставрации капитализма, как это произошло во многих странах, включая Россию.

Теоретические ключи к решению этой проблемы хорошо известны. Главный из них — развитие самоуправления трудящихся. Однако с помощью этих «ключей» дверь в подлинно гуманное и демократическое общество до сих пор открыть не удалось.

3. Наконец, даже в теоретическом плане остается открытым вопрос о том, как разрешить противоречие между необходимостью большей социализации общества во имя его выживания и частными интересами крупных собственников, высших классов или отдельных государств.

Как известно, 25 лет назад Римский Клуб выступил с критикой безудержного потребления и неконтролируемого технического прогресса, предложив взамен идеи более регулируемого и справедливого общества, в котором социальное неравенство было бы поставлено под контроль. В более мягкой форме «концепции устойчивого развития» эти идеи были поддержаны Конференцией по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Интересно, что в России первой из серьезных политических сил эти идеи включила в свою программу Коммунистическая партия Российской Федерации.

Работы авторов Римского Клуба, как и документы ООН, убедительно показывают, что нынешняя модель «общества потребления» себя исчерпала. Попытка распространения этой модели на все человечество равнозначна его гибели в результате энергетического и экологического кризисов. Лозунг «Развитие вместо роста» предполагает замену этой модели иной, более регулируемой и справедливой. Не могу не заметить также, что выводы Римского Клуба в художественной форме предвосхитил известный советский писатель-фантаст Иван Ефремов, описав в романе «Час быка» возможную катастрофу современной цивилизации несколькими годами раньше, чем Д. Медоуз в своих «Пределах роста».

Однако неочевидно, что аргументы Римского Клуба или документов ООН, весьма убедительные в научном отношении, окажутся убедительными вместе с тем и для высших классов развитых стран, которым предстоит жертвовать частью богатства во имя общего выживания. Неочевидно, что альтернатива: «новая общественная модель или гибель» будет вовремя осознана широкой общественностью. Социологические опросы показывают: население способно поступиться своими материальными интересами лишь в том случае, когда катастрофа угрожает немедленно.

Нет гарантий, что человечество в целом, как и отдельный человек, в альтернативе между сиюминутными удовольствиями и продлением жизни не выберет сиюминутных

удовольствий по принципу «после нас хоть потоп!»

Совершенно очевидно, что условия для развития демократического левого движения в России иные, чем на Западе: в чем-то лучше, но в основном, пожалуй, хуже.

Существуют, по крайней мере, две группы факторов, которые по логике вещей должны усиливать левые настроения в России: очевидный провал политики «шоковой терапии» и особенности национального менталитета.

Что касается «шоковой терапии», то, как специалист, я мог бы быть доволен тем, что выступал против в то время, когда большинство моих коллег — народных депутатов России — были «за». На фоне восторженного хора голосов, кричащих: «Ура, реформы наконец-то начались!» — немногочисленные противники «шоковой терапии» предупреждали тогда, что вместе с этим медицинским термином стране скоро потребуются и другие: «реанимация», а возможно и «клиническая смерть». Суть политики «шоковой терапии» в России была предельно проста:

- 1) освобождение цен («Ни плана, ни рынка, а экономику распустить»¹);
- 2) всеобщая обвальная приватизация по принципу «все поделить»²;
- 3) замена бесплатных или практически бесплатных социальных услуг платными (каждый должен платить за все)³.

Впрочем, точность прогноза в случае, если этот прогноз катастрофический, является слабым утешением. Перефразируя Бисмарка, можно сказать, что неучастие в плохой политике не освобождает от ее последствий. Понятно, что множественные катастрофы, о которых речь шла выше, являются фактором роста оппозиционных настроений в стране, в том числе левых.

Другой фактор левых ориентаций массового сознания — это национальный менталитет, в котором прочно укоренились представления о социальной справедливости коллективистского и во многом уравнилельного характера. Специалисты в области контент-анализа давно обратили внимание на то, что «архетипы» классической российской культуры XIX века ориентированы не на материальный интерес и личное обогащение, а скорее на нестяжательскую самореализацию, а иногда самоотречение в интересах других людей. Пропаганда примитивной рыночной психологии с ее призывами типа «Обогащайтесь!», «Деньги не пахнут» и т. п. плохо совместима с таким культурным контекстом. Не случайно бывшие демократы в России (Г. Попов) уже с начала 90-х годов призывали «железной рукой», «административным насилием» защищать интересы новых собственников и подавлять уравнилельные настроения.

Однако роль названных выше факторов «левого поворота» весьма и весьма неоднозначна. Так, развал экономики, обнищание широких слоев вызывают скорее не левые демократические, а ультралевые и

¹ Здесь перефразируется лозунг Л. Троцкого периода споров в партии большевиков о Брестском мире: «Ни мира, ни войны, а армию распустить».

² Имеется в виду раздел государственной собственности равно между всеми гражданами.

³ При том, что зарплату ему или не доплачивают, или не платят вовсе.

крайне правые настроения, либо апатию и равнодушие к любой политике («все они там во власти одинаковы»). Что же касается представлений о равенстве, то они, во-первых, нередко имеют весьма своеобразный характер. Мне лично приходилось неоднократно наблюдать людей, которые спокойно воспринимают факты невиданного разворовывания страны, вывоза за рубеж многих миллиардов долларов, но вместе с тем не могут жить спокойно, когда у соседа заработная плата или пенсия выше на сто рублей¹. Во-вторых, уравнилельные стереотипы массового сознания, как это ни парадоксально, были использованы существующим режимом.

На последнем стоит остановиться особо. Как известно, ваучерная приватизация по Чубайсу мотивировалась именно тем, что каждый гражданин должен получить равную долю общественного богатства. При этом автор проекта многократно публично заявлял, что на ваучер каждый сможет купить «Волгу» (престижная марка автомобиля в СССР и России). Еще до начала проекта было совершенно очевидно, что данная модель

приватизации экономически вредна, социально бесполезна, но политически почти гениальна, поскольку привлекает всех и якобы в равных долях к растаскиванию общественного богатства. Выступая на съезде депутатов России в присутствии Чубайса, я говорил о том, что сторонники обвальнoй ваучеризации, как две половинки яблока, похожи на героя повести Михаила Булгакова «Собачье сердце» Шарикова. Только он предлагал сначала все отнять, а затем поделить, эти же требуют все поделить, чтобы потом отнять! Тем не менее парадокс истории состоялся: механизм «дикого капитализма» в России был запущен с помощью стереотипов «казарменного коммунизма»!

На мой взгляд, факторы, которые в 90-х годах вызывали смещение российского политического курса вправо, значительно сильнее тех, о которых речь шла выше. Назову четыре наиболее важных.

Во-первых, это «неоконсервативная волна» — общий сдвиг вектора общественного развития вправо с конца 70-х годов, который вызвал на Западе полураспад коммунистических и ослабление социалистических партий, а на Востоке — крах большинства режимов «административного социализма».

Во-вторых, это принцип «маятника» в развитии революции и контрреволюции, наиболее ярко проявившийся в истории Франции конца XVIII-XIX веков и России XX века. Как известно, Великая Французская революция шла сначала влево до якобинской диктатуры, затем — до отказа вправо, включая реставрацию династии Бурбонов, затем вновь влево через революции 1830 и 1848 гг. до Парижской коммуны. Аналогичным образом Российская революция пережила военный коммунизм, НЭП, сталинский перелом, наконец, перестройку, превратившуюся, по меткому выражению Александра Зиновьева, в «катастрофу»². Представляется, что начавшееся после 1985 года движение маятника российской истории вправо, несмотря на незначительные промежуточные колебания, в настоящее время еще не завершено.

В-третьих, это бюрократический характер новейшей российской революции (или контрреволюции): устранение прежней власти было осуществлено не контрэлитой, а вторым эшелонem существовавшей политической элиты, при этом бюрократия в целом обменяла власть на собственность, а еще чаще умножила собственность при сохранении власти. В результате левые течения испытывают серьезные трудности в формировании собственной политической контрэлиты.

Наконец, в-четвертых, это дискредитация в общественном сознании большинства известных моделей общественного развития, в том числе, увы, и социалистической идеи. Среди многочисленных парадоксов современной России есть и такой: масса людей с левыми или даже леворадикальными настроениями испытывают аллергию при словах «коммунизм» и «социализм». Этот феномен еще ждет своего изучения социологическими методами.

Думаю, объективную тенденцию развития субъективными усилиями, несомненно, нужно пытаться изменять, но вряд ли возможно изменить. Поэтому условия деятельности левых в обозримой перспективе скорее всего будут неблагоприятными.

В России ситуация осложняется еще и тем, что на протяжении 90-х годов большинство левых организаций, включая КПРФ, отчасти занимали не свою политическую нишу, защищая не только и не столько социальные, сколько национальные интересы, и выдвигая такие лозунги, часть из которых на Западе обычно используются правыми консерваторами. Это не было случайностью, но имело веские причины.

1. В соответствии с «законом маятника» новейшие российские революционеры (или контрреволюционеры) фактически отказались от защиты государственных интересов России, что при нормальных условиях не делает ни одна политическая элита. Примеров тому огромное количество, но, может быть, самый

¹ Меньше четырех долларов США.

² Производное от перестройки и катастрофы.

яркий из них — миф о «независимости России». История знает массу случаев, когда независимости требует то или иное национальное меньшинство или его часть (Квебек в

Канаде, Северная Ирландия в Великобритании). Однако ситуация, когда Канада потребовала бы независимости от Квебека или Великобритания от Северной Ирландии, наверняка ассоциировалась бы во всем мире с театром абсурда или домом умалишенных. Но именно так вела себя новейшая российская политическая элита на рубеже 90-х годов, принимая Декларацию о суверенитете России или иницируя Соглашения в Беловежской пуще.

В таких условиях требование сохранения государственности было естественной линией поведения для левой оппозиции.

2. Выше уже отмечался российский парадокс, суть которого состоит в том, что в массовом сознании поразительным образом сочетаются левая психология с аллергией на левую идеологию. Многочисленные социологические опросы показывают, что ценности социальной справедливости в общественном сознании стоят никак не ниже ценностей индивидуальной свободы, а при альтернативной постановке вопроса до двух третей населения предпочитают справедливость. Тем не менее максимум того, что удалось собрать левым партиям и их лидерам, составлял около 40 процентов голосов. И с этим также приходилось считаться при выработке политической платформы и тактической линии.

Думаю, в настоящее время ситуация существенно изменилась. Патриотическую нишу очень активно пытается занять новый президент, и переиграть его на поле защиты государственных интересов весьма сложно: пытаюсь это сделать, легко потерять собственное политическое лицо. Очевидно, например, что в вопросе о Чечне левые не могут уподобляться Жириновскому и требовать уничтожения мятежной республики с помощью напалма и вакуумных бомб. Напротив, вполне осмысленным представляется лозунг: борьба с терроризмом, но не ценою жизней тысяч российских парней и мирных чеченцев.

Вполне назревшими представляются, по меньшей мере, два принципиальных изменения в тактике левых.

Первое из них может быть выражено формулой: меньше державности — больше социальности и человечности. Подчеркну: речь идет не об отказе от защиты национальных интересов, но о четкой их трактовке. Надо внятно заявить, что для нас, в отличие от правящей элиты, государственные интересы — это не интересы бюрократии и стоящих за ней экономических кланов, но интересы большинства народа России. Одновременно необходимо более активно использовать традиционные лозунги левых: социальные гарантии, права человека, экология, политическая свобода. Однако надо понимать, что не все требования левых политических организаций на Западе могут работать в России: если бы, например, российские левые, подобно европейским и американским коллегам, сделали бы одним из своих значимых лозунгов защиту сексуальных меньшинств, они, несомненно, крупно проиграли бы в массовом сознании.

Во-вторых, необходимо четко определить отношение левой оппозиции, в том числе ее парламентских фракций, к действующему президенту. Формулой такого отношения, на мой взгляд, должна стать конструктивная оппозиция.

Эта оппозиция должна быть конструктивной поскольку:

— конструктивность (т. е. не просто критика, но и предложение альтернативных решений) лучше по определению и лучше воспринимается массовым сознанием;

— хотя Владимир Путин принадлежал к команде Бориса Ельцина и его сторонников и был выдвинут так называемой «семьей», степень его ответственности за катастрофы в стране гораздо меньше, чем бывшего президента России;

— Владимир Путин активно пользуется патриотической риторикой, встречается с представителями патриотических организаций и газет, высказывает позитивные оценки в адрес лидеров левой оппозиции;

— произошли небольшие сдвиги в социальной политике, включая повышение пенсий и минимальной оплаты труда, хотя большая часть этих повышений была «съедена» инфляцией.

Это должна быть именно оппозиция, а не резкая критика отдельных фигур в

правительстве при умолчании относительно президента, поскольку есть серьезные доказательства того, что президент собирается продолжать праволиберальный курс, и даже сделать его еще правее. Такими доказательствами являются:

— программа Г. Грефа, предусматривающая дальнейшее сокращение социальных гарантий, бесплатной медицины, бесплатного образования, социальных льгот, повышение пенсионного возраста и приватизацию земли;

— Налоговый кодекс, по которому доходы «олигархов» будут облагаться по той же ставке, что и «доходы» рабочего, врача или работника культуры, отменяющий льготы для строительства жилья, производства и реализации медикаментов, а также для образования науки и культуры;

— проект федерального бюджета 2001 г., где на обслуживание долгов выделено 41%, а на всю социальную политику — около 15% расходной части, и где распределение доходов между центром и регионами предлагается не по принципу пятьдесят на пятьдесят, а в пропорции две трети к одной трети, разумеется, в пользу центра.

Более того, Владимир Путин пытается свернуть чуть ли не единственное достижение даже не ельцинского, а горбачевского периода, — и без того весьма ограниченную политическую свободу. К сожалению, часть моих товарищей по левому блоку не понимают, что по большому счету мы заинтересованы в демократии гораздо больше правых. Не пересказывая всех аргументов из социалистической классики, перефразирую лишь старый анекдот советского периода: «Берегите журналистов — с ними покончат, до нас доберутся!».

В итоге нельзя исключить сценария развития событий, когда режим Владимира Путина в известном смысле окажется хуже режима Бориса Ельцина и произойдет «негативная конвергенция» всего худшего из советской и постсоветской эпохи: из первой будет заимствован авторитарный режим, а из второй — экономический курс радикального либерализма, превращающий большинство населения в бедных. Однако левые должны считаться с тем, что 1) курс Владимира Путина окончательно еще не определился и 2) сам новый Президент достаточно популярен в широких слоях населения.

Возвращаясь к исходному парадоксу, можно утверждать, что реализация идеала демократического социализма равна произведению вероятностей разрешения человечеством противоречий, обозначенных выше. Если учесть, что число этих противоречий может быть расширено, а вероятность разрешения каждого из них невысока, то первое суждение парадокса о проблематичности реализации демократического социализма становится очевидным. Однако это отнюдь не снимает убедительности второго суждения, ибо в силе остаются все аргументы в пользу демократического социализма и главный из них: большая социализация является условием выживания человечества.

В итоге всего сказанного позволю себе следующий вывод. Вопрос о демократическом социализме XXI века остается открытым. Однако для левых это означает не индульгенцию на бездействие, а стимул к действиям. Популярная в России формула «За успех нашего безнадёжного дела!» — в данном случае вполне осмыслена, ибо, работая во имя своих социальных идеалов, левые тем самым работают и во имя выживания человечества.

Социально-философские аспекты государственной образовательной политики... Диссертация... доктора философских наук. М., 2001

РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ. НАЦИОНАЛЬНАЯ ДОКТРИНА ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ПРОБЛЕМА И КЛЮЧЕВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Среди первоочередных законов в системе образовательного законодательства автор

вполне сознательно поставил на первое место, установив, так сказать, суперприоритет, Федеральный закон «Об утверждении Национальной доктрины образования в Российской Федерации». Помимо общей аргументации, изложенной выше, следует иметь в виду, что принятие именно данного закона при соответствующей поддержке властных элит и образовательной общественности дало бы Президенту, Правительству и Парламенту шанс, во-первых, переломить негативные тенденции хронического недофинансирования образования и вывести его тем самым из экономического кризиса, а, во-вторых, преодолеть узкий горизонт политики в области образования 90-х годов (в том числе ее законодательных компонентов) и реализовать концепцию единой и целостной образовательной политики, включая все ее направления в комплексе.

Первоначальный проект Национальной доктрины образования в Российской Федерации был разработан представителями профильных парламентских комитетов, Министерства образования, Российского союза ректоров, Российской академии образования, Международной академии наук высшей школы при непосредственном участии автора, в июле 1999 г. передан рабочей группой в Правительство, а в середине января 2000 г. одобрен Всероссийским совещанием работников образования. Уже на этапе доработки в правительственной комиссии многочисленные согласования текста документа привели, с одной стороны, к неопределенности многих формулировок, а с другой — к элиминированию в значительной степени новаторского содержания, связанного со стремлением вывести проблематику образования в более широкий социокультурный контекст, используя данный институт как средство социостроительства, а в результате, по преимуществу, к традиционно ведомственному характеру документа, о чем автор и заявил на Всероссийском совещании работников образования. Тем не менее утверждение Доктрины федеральным законом даже в таком виде имело принципиальное значение для определения стратегии образовательной политики.

Однако 4 октября 2000 г. Доктрина была одобрена, во-первых, не законом, не указом Президента, но Постановлением Правительства РФ № 751, т. е. документом, имеющим наиболее низкий юридический статус среди всех названных, а, во-вторых, в радикально переработанном виде.

Радикальной переработке подверглись прежде всего нормы и нормативы финансового характера. Так, проектом Доктрины предлагалось уже на этапе 2001—2003 гг. обеспечить достижения уровня финансирования системы образования не ниже 6% от ВВП (против приблизительно 3,5% в настоящее время), а в дальнейшем довести этот показатель не менее чем до 10% от ВВП. При этом на финансирование образовательных учреждений федерального ведения на первом этапе предлагалось выделить не менее 1,5% от ВВП против 0,7% в настоящее время. В Постановлении же отсутствуют не только эти нормативы, но и гораздо более низкие показатели представленного в Госдуме варианта программы Центра стратегических разработок (программы Грефа), предлагавшей увеличение бюджетного финансирования образования за пять лет с 3,2% до 4,2% от ВВП.

Проект Доктрины предусматривал к 2003 г. введение ставок заработной платы педагогических работников на уровне, установленном федеральными законами в области образования. Постановление же содержит лишь норму об опережающем повышении заработной платы в сфере образования по сравнению с ее ростом в промышленности, причем анализ соответствующих норм Федерального закона «О федеральном бюджете на 2001 год» позволяет утверждать, что и это весьма неконкретное положение не будет реализовано.

Проект Доктрины предусматривал гарантию права всех педагогических работников образовательных учреждений для детей на получение государственной пенсии за выслугу лет при продолжении работы по специальности. Постановление заменило эту норму введением надбавки к заработной плате за соответствующий стаж работы. При этом, во-первых, не установлен конкретный размер надбавки; во-вторых, при действующем законодательстве финансирование выплаты надбавок должно осуществляться за счет региональных и местных бюджетов, не все из которых в состоянии выплачивать педагогам

даже нынешнюю заработную плату; в-третьих, как уже отмечалось, одной из функций пенсии за выслугу лет было обеспечение возможности опытному педагогу работать на неполную ставку, сохраняя прежний уровень жизни, тогда как надбавка данной функции выполнить не может, поскольку будет уменьшаться вместе с уменьшением педагогической нагрузки.

Проект Доктрины предусматривал поэтапное введение для профессорско-преподавательского состава и научных работников вузов пенсий не ниже 80% среднего размера оплаты труда по основному месту работы (что в основном соответствует Указу Президента РФ от 27 марта 1996 г. № 424). Напротив, Постановление предусматривает для названных лиц достойный уровень пенсионного обеспечения за счет средств отраслевой пенсионной системы и образовательных организаций. Тем самым, во-первых, снижается уровень социальных гарантий, во-вторых, ответственность за их реализацию снимается с государства, а в-третьих, педагогические коллективы стимулируются к действиям в направлении максимального развития платных образовательных услуг (в том числе, за счет бесплатных).

По сравнению с проектом Доктрины в Постановлении существенно ограничены (де-факто и (или) де-юре) и права граждан в области образования. Так, в разделе «Доступность образования» текст проекта гласил: «Всем гражданам Российской Федерации... обеспечивается:

— общедоступное и бесплатное среднее профессиональное образование (разработчики полагали невозможным снижать уровень гарантий прав в области образования по сравнению с действующей Конституцией.— **О. С.**);

— общедоступное дополнительное образование, для детей — на бесплатной основе (предполагает значительное расширение прав детей в области образования по сравнению с постсоветским, а отчасти — и с советским периодом.— **О. С.**)».

Эти положения в Постановлении заменены текстом: «Всем гражданам Российской Федерации... обеспечивается:

— бесплатное среднее профессиональное образование на конкурсной основе (соответствует Закону РФ «Об образовании» и фактическому положению вещей, однако противоречит действующей Конституции.— **О. С.**);

— дополнительное образование, для детей — на основе адресной финансовой поддержки детей из малообеспеченных семей (значительно сокращает сохранившуюся в постсоветский период систему гарантий прав детей в области дополнительного образования, не говоря уже о системе, существовавшей в период советский.— **О. С.**)».

Что касается стипендиального обеспечения, то вместо предусмотренного проектом Доктрины увеличения стипендий студентам не менее чем до 40% прожиточного минимума, а аспирантам — не менее чем до 70%, Постановление предполагает адресное предоставление академических и социальных стипендий без уточнения их размеров и круга получателей.

Таким образом, несмотря на формально высокую степень совпадения текста двух анализируемых документов, с точки зрения экономического и социального содержания они принципиально различны: проект Доктрины даже в «усеченном» его варианте сохранил ориентацию на осуществление модернизации страны по модели опережающего развития; Постановление, скорректировавшее Доктрину в соответствии с идеями правительственной концепции реформирования образования, также ориентировано на модернизацию страны, но по иной модели — догоняющей конвергенции.

Предложенная автором концепция российской национальной доктрины образования, даже в проекте, одобренном Всероссийским совещанием 15 января 2000 г., отразилась лишь отчасти и в весьма редуцированном виде. Однако она представлена в целом ряде публикаций, основные положения которых сводятся к следующему.

В концепции формирования системы российского образовательного законодательства национальная доктрина образования рассматривается как основополагающий государственный документ (нормативный правовой акт), устанавливающий приоритетный статус образования как социального института, стратегию развития образования на

ближайшие десятилетия и основные направления образовательной политики государства. Среди прочего, доктрина призвана определить:

- цели воспитания и обучения, выступающие как ориентиры для системы образования и педагогического сообщества, включая образ человека, гражданина, работника, который общество стремится получить «на выходе», т. е. в результате организованного образовательного процесса в соответствующих учреждениях;

- пути достижения поставленных целей посредством образовательной политики, включая приоритеты развития системы образования и образовательное воздействие всех направлений внутренней политики государства;

- ожидаемые результаты образовательной политики, включая основные параметры развития системы образования через 20—25 лет, обеспечивающие ее превращение в одну из лучших систем образования в мире, востребованность образования и формирование «культы образования» в обществе;

- социально-стратификационные ориентации системы образования (узкий круг экономической и политической элиты — либо самые широкие слои народа);

- характер управления системой образования (государственный, государственно-общественный, общественно-государственный и др.).

Разработка и утверждение доктрины необходимы современному российскому обществу, принимая во внимание:

- тенденции технологического и социального развития высокоразвитых государств, превращающие образование в важнейший фактор прогресса цивилизации, в условие ее выживания и устойчивого развития;

- глобальный кризис российского общества, выход из которого невозможен без наращивания интеллектуального потенциала нации;

- задачи обеспечения единства и национальной безопасности России, включая формирование системы патриотических гражданских ценностей.

Доктрина должна отвечать интересам всех граждан России — от дошкольника до ученого. Она призвана создать в стране условия для всеобщего образования, обеспечить максимально достижимое равенство прав граждан в области образования и возможности любому гражданину повышать образовательный уровень в течение всей жизни.

Согласно доктрине, образование признается сферой занятости, а не отвлечения ресурсов, сферой прибыльных долгосрочных инвестиций, а не растрачивания общественного богатства, сферой наращивания человеческого капитала, выраженного в способностях, трудолюбии, духовности, знаниях и нравственности.

Доктрина — вне- и надведомственный документ, обязательный для исполнения всеми органами государственной власти и местного самоуправления на территории Российской Федерации в соответствии с их компетенцией. Доктрина отражает решимость и волю государства совместно с образовательным сообществом принять на себя ответственность за настоящее и будущее отечественного образования.

Устанавливая стратегию образовательной политики, доктрина определяет необходимость и основные направления законотворческой деятельности, выступает как основа для разработки (переработки, уточнения) федеральной программы развития образования и федеральных целевых программ. Принятие нормативных правовых актов, противоречащих доктрине, в т. ч. снижающих уровень гарантий прав граждан в области образования и уровень его финансирования, не допускается.

Стратегия развития образования, утверждаемая в виде национальной доктрины и неуклонно проводимая в жизнь, должна содействовать переходу России от догоняющей модернизации к опережающему развитию. В противном случае страна рискует отстать навсегда.

Среди специалистов, поддерживающих необходимость принятия доктрины, существует широкий спектр мнений насчет того, кем и как она должна утверждаться, начиная от самых простых предложений утвердить доктрину постановлением Правительства или указом Президента и заканчивая самыми экзотическими — сделать это на съезде духовных лидеров России. На взгляд автора, доктрина должна приниматься

федеральным законом. Закон обеспечивает:

- наиболее демократическую процедуру принятия документа;
- более высокий (по сравнению с Постановлением Правительства и Указом Президента) уровень легитимации;
- большую степень согласия между общественными группами и политическими субэлитами относительно его содержания;
- относительно меньшую зависимость от политической конъюнктуры (смена Президента, Правительства или состава Парламента и т. п.) и относительно большие шансы быть исполненным.

На обсуждение общественности автором вынесен вопрос о возможности принятия доктрины на общенародном референдуме. Такая процедура возможна и без утверждения законопроекта Парламентом (что хуже), и в случае отклонения уже принятого закона Президентом (что может стать единственной формой преодоления вето). Не предвосхищая решение по этому вопросу Конституционного Суда, отметим: предварительная экспертиза показывает, что вопрос о принятии доктрины не принадлежит к кругу вопросов, проведение референдума по которым не допускается законом. Более того, Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации» (статья 3) предусматривает возможность вынесения на всенародное голосование законопроекта в целом. Однако, на взгляд автора, оптимальным с политико-юридической, морально-политической, политико- и юридика-технической точки зрения вариантом представляется вынесение на референдум основных положений национальной доктрины образования в Российской Федерации, о которых речь пойдет ниже.

Что касается возражений против вынесения доктрины на референдум, основывающихся на результатах социологических опросов, согласно которым проблемы образования в массовом сознании не занимают ведущих позиций, уступая по остроте восприятия проблемам уровня жизни, своевременности выплаты и размеров заработной платы, безработицы и т. п., то, во-первых, эти результаты вполне объяснимы, и в известном смысле могут рассматриваться как позитивные. Объяснимы — ибо потребность в образовании, в отличие, например, от потребности в пище, одежде и т. п., не связана напрямую с физиологией, а отсутствие заработной платы сказывается на непосредственной жизни человека несравненно быстрее, чем плохое образование. Позитив же состоит в том, что данные результаты могут рассматриваться и как косвенное свидетельство относительно более благополучного состояния системы образования по сравнению с иными социальными институтами. Во-вторых, социологические опросы показывают относительно низкий «рейтинг» образования лишь в тех случаях, когда вопрос формулируется абстрактно. Например, когда респондентов просят расположить проблемы, стоящие перед страной, по остроте и важности, образование оказывается на 10—12 месте. Когда же их просят оценить важность решения аналогичных проблем для своего ребенка, образование обычно входит в тройку приоритетов. Следовательно, поражение инициаторов вынесения на референдум доктрины отнюдь не предопределено. Напротив, как представляется, набрать необходимое число голосов его участников вполне возможно. Главная же трудность — добиться назначения такого референдума в условиях ослабления общественного влияния на политику.

Национальная доктрина образования, в особенности в ее ценностных аспектах, с необходимостью должна быть увязана с так называемой национальной идеей (термин «национальная» в применении и к доктрине, и к идее употребляется в данном случае в том же смысле, что и в словосочетании «национальная безопасность»). В постреволюционный период о необходимости разработки национальной идеи было много сказано и написано как в оппозиционных, так и в правительственных и околопрезидентских кругах. С приходом к власти нового Президента и началом периода реформирования режима проблема не утратила актуальности, хотя ее вербальное оформление на официальном уровне изменилось. Подобное стремление не случайно. В его основе лежат, как минимум, две причины.

Во-первых, потребность смысла жизни есть одна из фундаментальных потребностей

человека (К. Юнг, К. Обуховский, Л. Коган и др.). Вследствие этого общество не может долгое время эффективно развиваться в условиях ценностного вакуума либо ограничения набора ценностей лишь внесоциальными (ценностями узко трактуемой частной жизни) или антисоциальными. При этом система ценностей нации (национальная идеология) нередко приобретает форму национальной мифологии.

Во-вторых, как было показано выше, одной из закономерностей революции является экстраординарная мифологизация общественного сознания. Любая революция континентального или мирового масштаба в новое и новейшее время отмечена выдвиганием «великой идеи» — относительной продуктивной утопии. Однако новейшая российская революция, как уже отмечалось, уступала в этом отношении своим великим предшественницам, что особенно усиливает ценностный вакуум.

В отношении наиболее распространенных идеологических ориентаций, сосуществующих и (или) борющихся в настоящее время в России, можно сформулировать следующий парадокс: каждая из них содержит «зёрна истины», однако ни одна не может приниматься в «чистом» виде в качестве «национальной идеи» и не способна сама по себе создать великой продуктивной утопии, привлекательной хотя бы для относительного большинства населения. Выделим несколько типов мировоззренческих ориентаций и политических мифов, имеющих значительное число сторонников в современной России.

1. *Либерально-западническая ориентация* (точнее, либерально-американистская, поскольку в рамках западной цивилизации различия между американской и европейскими культурами, а равно и между самими европейскими культурами, весьма существенны). Достоинства этой ориентации состоят в том, что именно в рамках либерализма первоначально разработаны такие ценности, ставшие в настоящее время общецивилизационными, как политическая свобода, плюрализм, права человека и т. п. Однако в русле отечественного варианта той же идеологии был создан и активно распространялся контрпродуктивный миф об ущербности России и русского народа. И хотя в разные времена этот миф имел совершенно различный исторический смысл и был представлен идеологами с совершенно различными гражданскими позициями (от П. Я. Чаадаева до Ю. Н. Афанасьева), тем не менее содержание мифа вряд ли позволяет породившей его либеральной идеологии претендовать на роль «национальной идеи». Если к тому же принять во внимание, что попытка реализации либеральной экономической модели в российских условиях 90-х годов привела страну к крупнейшей в мирное время социально-экономической катастрофе, подобные претензии становятся и вовсе проблематичными.

Судьбу радикального либерализма разделит скорее всего и провозглашенная «молодыми реформато-рами» в 1997—1998 г. доктрина «народного капитализма». И не потому, что сам по себе народный капитализм так уж плох. Напротив, по сравнению с существующим, криминально-бюрократическим, он представлял бы собой несомненный прогресс. Однако подобно многим другим эта идея, механически перенесенная на российскую почву, изменилась до неузнаваемости. Под «народным капитализмом» «молодые реформаторы» понимали всего лишь равные «правила игры», равный доступ к бюджету для всех компаний и банков вне зависимости от степени их близости к функционерам в структурах исполнительной власти, что, впрочем, тоже было бы шагом вперед, но по сути представляет собой всё ту же идеологию либерального капитализма. Идея же «народного капитализма», как он понимался на Западе в 60-х годах, представлена скорее некоторыми сторонниками самоуправленческого социализма, и в частности С. Н. Федоровым, пропагандировавшим идею народных предприятий, где работники должны стать совладельцами имущества и хозяевами произведенного продукта.

2. *Консервативно-почвенническая (славянофильская) ориентация*, которая нередко, но не всегда, бывает связана с православием, а иногда — с мифом об избранности русского народа, о «народе-богоносце». К достоинствам этой идейной ориентации можно отнести стремление сохранить отечественную культурную традицию (тогда как либеральные западники вольно или невольно с ней порывают) и защитить государственные интересы России (без чего невозможно восстановление экономики). Слабыми сторонами данной ориентации выступают нередко проявляющиеся у ее

сторонников претензии на исключительность, на монопольное право представлять государственную идеологию, в том числе в форме государственной религии, а иногда — антимодернизационные тенденции и национализм.

При оценке перспектив данной ориентации статья российской «национальной идеей» следует также иметь в виду, что, вопреки распространенному мнению, абсолютное большинство граждан России не могут быть отнесены к православным в строгом смысле этого слова. Хотя, согласно некоторым опросам, таковыми признают себя свыше 50% всего населения, более глубокие исследования показывают, что преобладающей религиозно-философской ориентацией населения является скорее синкретизм, включающий в себя, наряду с православием, причудливую смесь верований и суеверий (экстрасенсы, инопланетяне, астрология, реинкарнация и т. п.).

3. *Мистически-восточная ориентация*: различные варианты буддизма и дзэн-буддизма, эзотеризма, разного рода синкретические верования. Несмотря на то, что именно в контексте восточных культур (особенно индийской и тибетской) накоплен чрезвычайно богатый опыт психофизиологической саморегуляции, — опыт, элементы которого могли бы принести пользу современному человеку вне зависимости от его культурной принадлежности; несмотря на то, что эта ориентация является преобладающей у ряда народов России (калмыки, буряты, тувинцы) и имеет определенные предпосылки в отечественной культурной традиции (Е. П. Блаватская, Н. К. и Е. И. Рерихи); несмотря на то, что некоторыми сторонниками этой ориентации выдвинут миф о предназначении России быть Родиной нового или синтетического философски-религиозного мировоззрения; несмотря даже на то, что восточные верования в причудливом сочетании с другими весьма широко распространились в массовом сознании современной кризисной России, а буддизм стал модой среди значительной части творческой интеллигенции; — несмотря на все это, шансы данной идеологической ориентации стать основой российской «национальной идеи» на порядок ниже шансов предыдущих ориентаций, если просто не близки к нулю. Почти невозможно представить себе, что большинство граждан России даже в условиях глубочайшего системного кризиса и аномии примут решение изменить веками складывавшуюся культурную идентичность. И уж совсем нереальной выглядит ситуация, когда бы такое решение было одобрено российской политической и идеологической элитой.

4. *Социалистически-коммунистическая ориентация*, в рамках которой «советским марксизмом» был разработан политический миф о предназначении России стать провозвестницей новой общественной формации — моделью будущего для всего человечества.

На взгляд автора, претензию марксизма как главного выражения этой ориентации на создание строго научной теории общественного развития удалось реализовать лишь частично — в аспекте исторического и социологического познания (с учетом исторической ограниченности возможностей последнего в XIX в.). Что касается глобального социально-политического прогноза, то, хотя Маркс и стремился изъять социальную науку от всякой мифологии и утопизма, это оказалось невозможным. Не только в середине XIX в., но и в настоящее время социальные науки не достигли такого уровня развития, когда они были бы в состоянии с абсолютной достоверностью предсказывать будущее. Максимум того, что до сих пор удавалось специалистам, — это разработка основных сценариев развития социальных систем и более или менее точное определение вероятности их реализации. В действительности под именем научного социализма последователи Маркса, подобно некоторым их предшественникам, пропагандировали великую продуктивную относительную утопию.

Доказательством относительной утопичности марксистской футурологии может служить сама социальная реальность, которая, во-первых, в советскую эпоху принципиально разошлась с теорией а, во-вторых, в эпоху постсоветскую вторично показала проблематичность реализации марксистского социального идеала в данных исторических условиях. Каковы бы ни были тому причины, попытки перестройки социализма в большинстве случаев обернулись разрушением системы.

В пользу относительности и исторической продуктивности марксистской футурологической утопии говорят следующие обстоятельства:

— сокращение в «социалистический» период развития разрыва в цивилизационном плане между наиболее развитыми странами и государствами «реального социализма» по сравнению с предреволюционным периодом, как правило, более высокие темпы экономического развития в «социалистическую эпоху» по отношению к досоциалистической и постсоциалистической (заслуживает внимания мысль А. А. Зиновьева о том, что в истории России советский период есть эпоха наивысшего относительного подъема и международного влияния, однако с поправкой на то, что именно в этот период наиболее полно проявилась отмеченная В. О. Ключевским тенденция российской истории, а именно: укрепление державы ценою страданий и перенапряжения сил народа);

— серьезное позитивное влияние социалистического движения на наиболее передовые в индустриальном отношении страны с точки зрения развития в них экономического регулирования, социальных гарантий, ограничения социального неравенства, повышения общеобразовательного и общекультурного уровня населения и т. п.;

— все более распространяющееся, в том числе и в международных организациях, представление, согласно которому модель «потребительского общества» не реализуема для человечества в целом, существенное совпадение по многим параметрам футурологических прогнозов сторонников как постиндустриализма, так и концепции «альтернативной цивилизации» с дружно отвергнутыми марксистскими прогнозами.

Что же касается гражданских войн, массовых репрессий и других проявлений насилия, то, как уже отмечалось, они были вызваны к жизни не столько специфической формой революционной идеологии в России (идеологии большевизма), сколько отражали ситуационные закономерности революции как таковой.

Несмотря на приведенные автором и иные серьезные аргументы в пользу относительности и продуктивности социалистически-коммунистической утопии, несмотря на то, что число людей, голосующих за коммунистические организации, достигает 1/3 и более, а в целом ряде регионов коммунисты вместе с союзниками добились законодательной либо исполнительной власти, данная идеологическая ориентация в «чистом» виде вряд ли способна стать российской «национальной идеей». Главная тому причина — сформулированные выше ситуационные характеристики и закономерности революции и в частности — революционное отрицание, которое, несмотря на маятникообразные колебания общественных настроений, в конце концов не позволяет вернуться к прежней системе или идеологии как таковой. Не случайно многие избиратели, настроенные значительно левее лидеров современной КПРФ, не голосуют за коммунистов из-за стойкого неприятия наименования партии. Не случайно многие лидеры КПРФ усиленно ищут новую идеологию в виде сочетания идей социальной справедливости, государственности, а нередко и религии.

Таким образом, приходится констатировать, что, с одной стороны, политические элиты и широкие слои народа достаточно остро ощущают необходимость объединяющей «национальной идеи», а с другой — существующие культурные (в т. ч. религиозные), политические и мировоззренческие ориентации скорее разъединяют, чем объединяют нацию. И хотя очевидно, что в условиях постреволюционных руин и конфликтов зона гражданского согласия может быть лишь весьма узкой, тем не менее не лишен смысла поиск такой культурной ориентации, которая, не устраняя различий и противоречий по другим вопросам, могла бы быть принята хотя бы относительным большинством идеологически активного меньшинства и следующими в фарватере этого относительного большинства общественными группами.

Представляется, что, как минимум, наравне с другими заслуживает обсуждения следующая гипотеза: в современных российских условиях роль относительной продуктивной утопии мог бы сыграть миф о российской духовности и постиндустриальной, духовно ориентированной российской цивилизации.

Под духовностью в данном случае понимается не определенный тип религиозного мировосприятия (духовность может быть как религиозной, так и безрелигиозной, в т. ч. атеистической) и не абстрактное представление о «духе народа». Напротив, духовность интерпретируется как исторически сформировавшийся тип культурной ориентации, при котором неутилитарные (человеческие, «постматериальные») ценности занимают высокое (или даже ведущее) место в ценностной иерархии общества и человека. Именно такой тип ориентации был характерен для российской культуры, причем как в досоветский, так и в советский периоды, для деятелей культуры различных политических направлений и религиозных верований.

Российская духовность характеризуется здесь как миф в указанном выше неаксиологическом смысле слова, ибо она представляет собой не столько выражение особой национальной ментальности, но в значительной степени не разрушенное окончательно наследие традиционного общества. Как у любого другого народа, эта духовность может быть уничтожена либо в результате гипертрофированного и диспропорционального развития технологической цивилизации, либо вследствие крайнего обнищания населения и варваризации условий его жизни. Основные аргументы в пользу того, что представление о постиндустриальной, духовно ориентированной российской цивилизации могло бы стать новой «национальной идеей» (или, по крайней мере, ее важным структурным компонентом), продуктивной относительной утопией, сводятся к следующему.

Во-первых, плюралистический характер идеи, ее приемлемость для широкого спектра организаций и общественных групп. С идеей постиндустриальной, духовно ориентированной российской цивилизации могут согласиться представители всех основных конфессий, религиозно-индифферентные группы населения и атеисты. Программы и выступления лидеров большей половины политически значимых общественных объединений убеждают в том, что эта идея в соответствующей интерпретации вполне может стать неким, хотя и весьма ограниченным, полем относительного согласия между ними. И, наконец, крушение мифа о быстром создании «потребительского общества» в России, перенасыщение информационных каналов пропагандой примитивного потребительства, голого прагматизма, не говоря уже о грубом насилии и дезертизированном сексе, создают сравнительно благоприятные условия для того, чтобы «маятник» качнулся в противоположную сторону — к духовным, человеческим ценностям.

Во-вторых, соответствие идеи постиндустриальной, духовно ориентированной цивилизации не только традициям отечественной культуры, но и перспективам развития человечества в целом. Еще в середине XX в. появились явные признаки того, что современная модель цивилизации себя исчерпала или близка к исчерпанию. Не случайно уже первые доклады Римскому Клубу произвели впечатление разорвавшейся бомбы на фоне радужных прогнозов приверженцев «технологического оптимизма». Вывод о необходимости смены парадигмы цивилизационного развития подтвердила конференция ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Иначе говоря, современная цивилизация поставлена (или в обозримой перспективе будет поставлена) перед альтернативой: либо изменение вектора развития в пользу непотребительских (человеческих, духовных) ценностей, либо глобальная катастрофа с мрачными последствиями, вплоть до возможного самоуничтожения. В таких условиях идея постиндустриальной, духовно ориентированной цивилизации выглядит уже не просто как продуктивная относительная утопия, но через несколько десятилетий может стать «категорическим императивом».

Будучи продуктивной относительной утопией, миф о постиндустриальной, духовно ориентированной российской цивилизации, как и любой другой политической миф, содержит в себе, наряду с мобилизационным потенциалом, и немалые опасности для общества. На определенном этапе в их числе может оказаться, например, представление политического руководства страны о том, что модернизация не является для России насущной необходимостью. В принципе данный миф может использоваться правящими

общественными группами и в целях идеологического подавления естественного стремления большинства населения к более или менее достойному уровню жизни. Поэтому продуктивность рассматриваемой утопии в качестве «национальной идеи» не абсолютна, но относительна, и может быть реализована лишь при условии ее координации с национальной доктриной образования и серьезной корректировки других направлений государственной политики.

В период концептуальной разработки и подготовки текста проекта Национальной доктрины образования в Российской Федерации в работах автора в систематизированной форме был изложен комплекс идей, которые могли бы войти (частью уже вошли) в концептуальное ядро этого документа. С точки зрения экономики образования, а равным образом — соотношения экономики и образования, к ним принадлежат следующие.

Во-первых, государство должно установить статус образования как в основном вне рыночного социального института, реализующего потребности общества и человека, используя рыночные механизмы в качестве дополнительных инструментов регулирования. Понятие социального заказа в данном случае не должно интерпретироваться в смысле редуцирования образования к одной из подсистем «сферы обслуживания» потребностей рынка вообще, а российского примитивного рынка с его разрушенными производственными структурами — в особенности. Хотя в сфере профессионального образования роль рыночных механизмов качественно отлична от образования дошкольного и общего (включая дополнительное общее), автор и в данном случае разделяет позиции, согласно которым термин «образовательные услуги» не отражает адекватно характера педагогических отношений. Образовательная политика, основанная на преимущественно рыночной интерпретации общественной роли образования, привела бы, по меньшей мере, к разрушению ценностных основ отечественной образовательной системы и еще большему ограничению права на образование лиц с низкими и средними доходами. Ввиду высокой длительности воспроизводственного цикла в образовании и его высокой инерционности восстанавливать разрушенные основы пришлось бы десятилетиями.

Во-вторых, сказанное не означает, что образование принадлежит к числу социальных институтов, лишь потребляющих ресурсы общества. Напротив, как уже неоднократно отмечалось, оно воссоздает главный ресурс — человеческий. Затраты на образование и должны рассматриваться как инвестиции в будущее.

В-третьих, необходимо, чтобы государственные и частные инвестиции в образование наращивались как в абсолютном, так и в относительном размерах (в том числе в процентах к ВВП, к расходной части бюджетов всех уровней и т. п.). При этом теоретически возможны три основные модели финансирования образования:

— модель первая — «по остаточному принципу» — использовалась в последние полтора десятилетия советского периода и в гипертрофированном виде — в период постсоветский и лишь отчасти преодолена в 2000—2001 гг. (последствия описаны выше);

— модель вторая — инфляционная, которую в начале 90-х годов пытался реализовать Верховный Совет России и его профильный комитет при противодействии исполнительной власти. При этом предполагалось, что ожидаемое увеличение уровня инфляции приблизительно в 5% в год (на фоне реального уровня в сотни процентов) многократно перекрывается в будущем экономическим и социальным эффектом от сохранения интеллектуального потенциала нации (аналогичная модель использовалась в период «шоковой терапии» в Польше);

— модель третья — инвестиционно-перераспределительная, которая связана с поисками дополнительных источников бюджетного и внебюджетного финансирования образования и требует нового курса экономической и социальной политики в целом, о чем речь пойдет ниже.

В-четвертых, на основе качественного роста уровня финансирования и изменения его модели должны быть введены новые финансовые схемы (включая предусмотренные Законом РФ «Об образовании»), предусматривающие, в частности:

— нормативное финансирование образовательных учреждений в расчете на одного обучающегося, причем в зависимости не только от типа, вида, категории и профиля

учреждения, но также от географического положения региона и, что еще более важно, от наличия или отсутствия родителей (лиц, их заменяющих), специальных потребностей, связанных с ограниченными возможностями здоровья, и уровня доходов в семье. В противном случае введение формально равных нормативов подушевого финансирования на практике привело бы лишь к усилению фактического неравенства возможностей граждан;

— в пределах средств, выделяемых регионам, частичная замена трансфертов субвенциями на цели развития образования;

— «прозрачность» финансовых схем и государственно-общественный контроль использования выделяемых средств.

В отношении целей и содержания образования к числу ключевых идей доктрины, на взгляд автора, необходимо отнести, как минимум, следующие положения.

1. *Научность*: разработка государственных образовательных стандартов и образовательных программ на основе устоявшихся научных парадигм и концепций; соответствие преподаваемого материала современным научным представлениям и критериям принадлежности к «актуальной культуре».

2. *Гражданственность и патриотизм*: отбор материала (в особенности по гуманитарным дисциплинам), а также организация образовательного процесса таким образом, чтобы у обучающихся формировались чувства любви к Отечеству, уважения к другим народам и государствам, стремление участвовать в делах общества, не ограничиваясь лишь эгоистическими интересами и т. п. Звучавшие же до недавнего времени из самых высоких властных структур стандартные призывы типа: «Позаботься о себе, своей семье — и тем самым ты позаботишься о стране» — лишь способствовали еще большей социальной атомизации, торжеству голого прагматизма и криминалитета.

3. *Светский характер образования* в государственных и муниципальных образовательных учреждениях. В условиях, когда представители различных конфессий стремятся внедриться в систему образования, принцип, установленный обеими редакциями Закона РФ «Об образовании», нуждается в подтверждении на уровне национальной доктрины. В культурологическом плане изучение истории и содержания мировых религий (причем в первую очередь — традиционных для России) совершенно необходимо. Однако открывать государственные и муниципальные образовательные учреждения для представителей конкурирующих религиозных идеологий — значит рисковать появлением новых конфликтов или новых форм дискриминации обучающихся. Российское законодательство создает достаточно возможностей для того, чтобы религиозное обучение и воспитание для желающих могло осуществляться в негосударственном секторе образования, в т. ч. образовательными учреждениями соответствующих организаций.

4. *Человековедческая направленность образования*. Оставляя в стороне теоретические споры о терминах «гуманитаризация образования», «гуманизация образования» и т. п., эта формулировка фиксирует главное: образование должно по возможности смягчить противоречия технической цивилизации, связанные с односторонним развитием наук о природе в ущерб наукам о человеке, с гипертрофированным рационализмом в ущерб нравственно-эстетическому развитию, должно содействовать реализации сократовского лозунга: «Познай самого себя», формировать любовь к культуре ради культуры. Подобная ориентация образования может реализоваться как через введение в образовательные стандарты и программы соответствующих образовательных областей и предметов (этика, эстетика, человековедение и т. п.), так и путем насыщения человековедческим материалом ныне существующих курсов, причем не только гуманитарного, но также математического и естественнонаучного циклов. Наиболее эффективным представляется сочетание двух названных путей.

5. *Сочетание обучения с разнообразными видами практики*, включая физическую культуру, обслуживающий труд и общественную деятельность. Без практики любая педагогическая система оказывается односторонней и неспособной подготовить

обучающихся к жизни. Не случайно практической стороне образования уделялось и уделяется громадное внимание самыми различными педагогическими школами (в т. ч. в XX в.— от Макаренко в СССР до ряда наиболее престижных учебных заведений в США и Японии), а, например, в Великобритании утвердилась интерпретация образовательных стандартов в качестве овладения определенными компетенциями.

6. «*Инновационное обучение*». Этот термин, предложенный теоретиками Римского Клуба, предполагает опережающую подготовку детей и молодежи к жизни в условиях формирующейся новой цивилизации. При этом предполагается не только введение в образовательные стандарты и программы курсов, не освоив которые, человек окажется функционально неграмотным в постиндустриальном обществе (например, информатика). Не менее важно изменение ценностного сознания таким образом, чтобы будущий гражданин оказался способным жить, не уничтожая себе подобных и собственную планету (формирование толерантности, экологической культуры и т. п.).

С точки зрения реализации прав граждан на образование, доктрина должна включить в себя, по меньшей мере, следующие концептуальные ориентиры:

— расширение возможностей получения гражданами образования, в т. ч. в перспективе переход: к реальной общедоступности и бесплатности дошкольного образования; от общедоступности и бесплатности к всеобщности среднего (полного) общего образования; к общедоступности среднего профессионального и высшего профессионального образования;

— создание дополнительных гарантий реализации права на образование для детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, лиц с ограниченными возможностями здоровья (включая инвалидов), лиц с низкими доходами, в т. ч. путем: квотирования учебных мест, облегченной процедуры прохождения конкурса, системы специальных стипендий и (или) социального кредитования обучающихся и т. п.;

— введение специальных нормативов, устанавливающих не только минимально допустимые параметры функционирования системы образования (как это имеет место в действующих законах), но и параметры оптимальные (например, показатели, достигнутые индустриально развитыми странами — см. раздел третий).

Специального обсуждения заслуживает вопрос о целесообразности включения в доктрину в качестве стратегических ориентиров на долгосрочную перспективу параметров развития образования, прогнозируемых специалистами в постиндустриальном обществе (например, не менее 60% дипломированных специалистов и научных работников в составе занятого населения).

Что касается «продукта» системы образования, то в качестве ориентира можно было бы принять: квалифицированного работника; гражданина России, осознающего свою принадлежность к человеческой цивилизации и долю ответственности за нее; личность с развитыми духовно-нравственными потребностями. Разумеется, человек, сочетающий все эти качества в одном лице, есть некий «идеальный тип», встречающийся в жизни сравнительно редко, а особенно редко — в последние годы российской истории. Однако само наличие ориентиров, выходящих за рамки решения чисто прагматических задач, дает шанс системе образования хотя бы немного приближаться к ним, тогда как отсутствие долгосрочных целей не позволяет даже выбрать направление дальнейшего пути.

В процессе обсуждения Доктрины представителями образовательного сообщества неоднократно высказывалась надежда на то, что ее принятие способно положить конец финансово-экономическому кризису в образовании и предотвратить разрушение системы. Однако непосредственно обеспечить решение таких задач Доктрина не может, даже если ее текст будет вновь насыщен содержательными нормами и утвержден федеральным законом. По самой своей природе доктрина должна охватывать преимущественно долгосрочные цели и основные направления политики, ведущие к ним и в значительно меньшей степени срочные антикризисные меры, которым место скорее в федеральной программе развития образования.

Однако особый характер утверждения Доктрины, вплоть до всенародного референдума, способен повлиять на решение, по меньшей мере, двух главных задач: во-

первых, настроить в пользу образования общественное мнение, средства массовой информации и значительную часть политической элиты; во-вторых, убедить или заставить управленцев, от которых зависит выбор курса социально-экономической политики, хотя бы частично скорректировать в интересах образования этот курс в целом.

Координация Национальной доктрины образования и «национальной идеи» должна быть двусторонней: не только Доктрина — под «идею», но и «идея» — под Доктрину. Если, например, в качестве государственной стратегии принимается под любым наименованием идея либерального капитализма (хотя либеральный капитализм в развитых странах давно превратился в социальный), доктрина должна быть ориентирована главным образом на обслуживание рынка труда и на подготовку экономической и политической элиты из представителей истеблишмента. Если же в качестве национальной стратегии избирается переход в перспективе к «альтернативной» цивилизации или к постиндустриальной, духовно ориентированной цивилизации, образование должно рассматриваться в качестве самостоятельной ценности и средства развития личности. При этом социальная эффективность инвестиций в образование должна получить приоритет по сравнению с эффективностью экономической.

На основе изложенных концептуальных представлений автором совместно с группой разработчиков предложено вынести на общероссийский референдум следующие вопросы:

1. Согласны ли вы с тем, что в Конституцию Российской Федерации должны быть дополнительно включены гарантии права граждан России на бесплатное и общедоступное обучение в старших классах средней школы и в профессионально-технических училищах и часть 2 статьи 43 Конституции Российской Федерации должна быть изложена в следующей редакции:

«Гарантируется общедоступность и бесплатность дошкольного, среднего (полного) общего и начального профессионального образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях».

2. Согласны ли вы с тем, что сокращение числа бесплатных учебных мест на 10000 граждан России в средних профессиональных и высших учебных заведениях, а также в аспирантуре должно быть запрещено законом?

3. Согласны ли вы с тем, что необходимо утвердить федеральным законом одобренную Всероссийским совещанием работников образования Национальную доктрину образования в Российской Федерации, которая в обязательном порядке должна содержать следующие положения:

— реальное государственное обеспечение бесплатного образования всем необходимым, в том числе учебниками и информационной техникой;

— государственная поддержка малообеспеченных семей, инвалидов и детей-сирот в целях обеспечения равных экономических возможностей получения гражданами образования всех уровней;

— средняя ставка оплаты труда работников образования не может быть ниже средней заработной платы в промышленности?

Что касается корректировки различных направлений государственной политики под Национальную доктрину образования, то уже сейчас можно назвать некоторые основные направления:

— поддержка отечественного товарного производства и прежде всего высокотехнологичных его отраслей.— Это обеспечит востребованность высокообразованных, высококвалифицированных работников и модернизацию страны;

— стимулирование развития таких форм собственности и организации труда, которые обеспечивают участие работника в распределении полученного дохода и управлении производством (одна из возможных моделей предложена С. Н. Федоровым в известном Федеральном законе «Об акционерных обществах работников (народных предприятиях)», который в Госдуме второго созыва получил поддержку не только левой оппозиции, но и части депутатов правой ориентации). — Это также потребует от работника повышения уровня образования, причем не только профессионального, но и общего, в т. ч. гражданского;

— формирование системы налогообложения, направленной одновременно на стимулирование производства и ограничение социального неравенства, которое превзошло критические для национальной безопасности страны показатели. При этом доходы от «ноу-хау» должны облагаться иначе, чем доходы от операций, связанных с вывозом сырья, а доходы, использованные гражданами на получение образования в отечественных образовательных учреждениях, в отличие от затрат на престижное потребление — в определенных пределах не должны облагаться вообще (эта давняя идея автора отчасти реализована в Налоговом кодексе). — Все это имеет не только экономическое значение (фактически дополнительные инвестиции в новейшие виды производства и развитие «человеческого капитала»), но и моральное (государство демонстрирует, каким именно видам труда оно отдает приоритетное значение);

— регулирование оплаты труда, при котором ее уровень в сферах, обеспечивающих воспроизводство и развитие человека (образование, медицина, наука, культура и т. п.), был бы, по крайней мере, не ниже, чем в сфере материального производства.— Это не только остановит отток квалифицированных кадров из бюджетной сферы, но в перспективе окупится даже с экономической точки зрения за счет создания новых технологий, квалификации работников и качества товаров;

— реализация принципа: коммерческому искусству — коммерческие цены, высокие налоги, контроль общественности; народному и классическому искусству — низкие налоги, государственная поддержка и общественное меценатство;

— прямое законодательное предписание государственным и муниципальным средствам массовой информации выделять часть эфирного времени образовательным программам, сделать их приоритетными по сравнению с развлекательными, — предписание, подкрепленное налоговыми льготами для всех СМИ в части реализации ими образовательных программ;

— государственно-общественный характер управления государственными и муниципальными СМИ. При этом создаваемые при них наблюдательные советы, в состав которых должны будут войти видные деятели культуры, философы, социологи, психологи, педагоги, должны, на взгляд автора, обеспечивать не столько представление в эфире различных политических взглядов, но прежде всего направленность «четвертой власти» не на деградацию и дегуманизацию личности, но на ее просвещение и развитие, на повышение престижа образования.

Совершенно очевидно, что данный перечень не исчерпывает всех основных направлений корректировки государственной политики, необходимой для того, чтобы приоритетное развитие сферы образования, провозглашенное Законом еще в 1992 г., из декларации стало реальностью, как не включает он и многих норм, которые уже вошли в действующее законодательство: их надо не обсуждать, а выполнять.

Не столь очевидно, но более важно другое: только принципиальная корректировка всей государственной политики с учетом ее образовательных аспектов сделает осмысленной разработку и принятие, а главное — позволит реализовать Российскую национальную доктрину образования. Одновременно такая корректировка является необходимым условием превращения в отдаленной перспективе постиндустриальной, духовно ориентированной российской цивилизации в качестве возможной «национальной идеи» в интернациональную реальность совместно с другими народами планеты.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Для того, кто прочёл или хотя бы внимательно просмотрел эту книгу, наверное, вполне ясен и смысл её названия. Озаглавив работу «Излом», я хотел ещё раз подчеркнуть главную мысль: крушение Советского Союза в конце XX века было одной из крупнейших в мировой истории катастроф, сравнимой по своему значению с падением как Западной, так и Восточно-Римской империи. Не случайно в качестве эпиграфа мною были выбраны строки Евгения Баратынского, а в качестве рабочего варианта заголовка значилось «Крушение третьего Рима». Эта всемирно-историческая катастрофа в социальном плане озаменовала гибель общественной системы, символизировавшей

надежды многих поколений на создание справедливого общества (хотя нередко и реализовавшей их в искаженной форме), а в плане геополитическом — крах одной из ведущих мировых цивилизаций.

Подзаголовок книги ещё прозрачнее для любого человека, интересующегося политикой или политической наукой. В самый разгар «перестройки», в 1988 году появился сборник работ группы её «прорабов» под заголовком «Иного не дано». Кстати, «прорабы» тогда были во многом правы, поскольку в большинстве своем имели в виду именно реформирование, а не революционное разрушение общественной системы, требовали перемен в рамках парадигмы «социализма с человеческим лицом». Увы, стремясь максимально ускорить и углубить «реформы», они вольно или невольно запустили механизм революции, превратив в её жертву страну, а быть может, и самих себя.

И хотя, как уже не раз говорилось, в России реализовался наиболее вероятный из четырёх основных сценариев политического развития, на вопрос «Было ли иное дано?» сегодня я с полной уверенностью отвечаю утвердительно: страна вполне могла избежать множественных катастроф, если бы вместо бюрократической революции «верхи» проводили действительные демократические и социальные реформы. Рассуждения же официальных идеологов о том, что Россия шла и продолжает идти «единственно верной дорогой», — это либо «жалкий лепет оправдания», говоря поэтическим языком, либо, говоря языком философским, пародия на теорию предустановленной гармонии, высмеянную ещё Вольтером. Его доктор Панглосс повторяет: «Всё к лучшему в этом лучшем из миров» даже тогда, когда его ведут на аутодафе.

Серьёзные специалисты не могут не понимать, что шансы России и её народа обрести достойное будущее минимальны по причинам социально-исторического и геополитического характера. С социально-исторической точки зрения попытка нового руководства в очередной раз «догнать цивилизацию», предварительно вернувшись к начальным этапам либерального капитализма, не может закончиться успешно, ибо противоречит как мировым тенденциям развития этой самой цивилизации, так и отечественной ментальности. Не являясь ни либеральным, ни социальным в подлинном смысле этого слова, нынешний курс будет лишь вновь и вновь воспроизводить «бандитский капитализм», крайне медленно повышая отброшенный уровень цивилизации и усиливая отставание от наиболее передовых стран Запада. Помимо всего прочего, отказ от органической модернизации в пользу «догоняющей конвергенции» чреват утратой достижений отечественной культуры, имеющих поистине мировое значение. Уже сейчас неоднократно приходится слышать от западных гостей: современная Россия всё больше напоминает ухудшенную Америку. Неожиданную актуальность в этой ситуации вновь приобретают строки Тютчева:

Напрасный труд!
Нет, их не вразумишь:
Чем либеральней, тем они пошлее.
Цивилизация для них — фетиш,
Но не доступна им её идея.
Как перед ней ни гниешь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы.

С геополитической точки зрения, как уже говорилось, Россия оказалась на рубеже трёх цивилизаций: западной, которая не готова сотрудничать с нами на равных; мусульманской, едва ли не самой пассионарной, но чреватой новыми конфликтами и рождающей исламский фундаментализм; китайской, геополитические притязания которой, весьма вероятно, будут нарастать пропорционально демографическому и экономическому росту.

В такой ситуации теоретическая и гражданская позиции автора нередко вступают в конфликт. Первая предполагает беспощадный анализ реальных проблем, а вторая — надежду на будущее и работу для него (хотя, конечно, эта надежда не может доходить до перефразированной тертуллиановой формулы: надеюсь — потому что абсурдно!). Именно

такую гражданскую позицию когда-то занимал Пётр Чаадаев, неверно истолкованный частью отечественных историков как «западник».

Тем же, кто увидит в этой книге «очернительство», «консерваторство», ностальгию по прошлому или непонимание «великих достижений» «независимой России», хочу ответить теми самыми строками, которые когда-то сделал эпиграфом к своей первой книге. Принадлежат они перу Байрона, а он был настоящий лорд, настоящий поэт и настоящий друг свободы.

Довольно демагогов без меня:
Я никогда не потакал народу,
Когда, вчерашних идолов кляня,
На новых он выдумывает моду.

Я варварство сегодняшнего дня
Не воспою, временщику в угоду,
Мне хочется увидеть поскорей
Свободный мир — без черни и царей.

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

Дорогие читатели!

Этот раздел пишется уже много лет. Наверное, еще долго люди будут говорить о народном депутате, докторе философских наук, инвалиде I группы по зрению Олеге Николаевиче Смолине. Он был избран от Омска и Омской области по одномандатным округам: в 1990 г. народным депутатом на съезд РСФСР, в 1993 г.— депутатом Совета Федерации первого созыва, в 1995 г.— депутатом Государственной Думы второго, а в 1999 г.— третьего созыва¹. О. Н. Смолин является председателем Подкомитета по образованию и заместителем председателя Комитета по образованию и науке Государственной Думы РФ, входит в Аграрно-промышленную депутатскую группу. О. Н. Смолин является членом федерального Координационного Совета Народно-патриотического союза России и председателем омского областного отделения НПСР; академиком Академии гуманитарных наук и Академии педагогических и социальных наук; членом Центрального правления Всероссийского общества слепых; входит в различные общественные организации России и Омской области.

По заказу Ассоциации «Интеграция» (г. Новосибирск) о нем были сняты телевизионные фильмы: «И вернуться снова журавли» (автор Н. Г. Данченко, 1995 г.) и «Преодоление» (автор М. Т. Когут, 1998 г.), идет работа над созданием нового фильма. Записанные при подготовке телефильмов интервью мы публикуем в сокращении и далеко не все, вы познакомитесь с коллегами О. Н. Смолина. К публикации материалы подготовлены М. Т. Когут. Автор-составитель использовал видеоматериалы 1995 г. Н. Г. Данченко и выражает благодарность Д. Г. Карапетяну и О. Е. Горькавой за помощь в создании данного раздела.

§ 1. «РОДА Я НЕ КНЯЖЕСКОГО...» (некоторые страницы биографии О. Н. Смолина)

Как-то я спросила у Олега Николаевича, каковы его корни, а он в шутку ответил:

— Рода я не княжеского и не боярского, вслед за тургеневским Базаровым могу повторить: «Мой дед землю пахал». Так вот, один дед пахал землю на Волге — Трофим Александрович Смолин, а другой — на Украине — Фома Ильич Коротков. Случилось так, что оба деда грамотные, оба политически активные, как бы сейчас сказали, пострадали в коллективизацию. Один — за длинный язык, другой — за то, что раздал зерно крестьянам. В моей памяти живет практически неграмотная бабушка-украинка как высокий образец культурной и бесконечно доброй русской женщины. А родители мои — интеллигенты в первом поколении. Мама — Анна Фоминична — слава Богу, жива, хотя и не очень здорова, всю жизнь проработала учительницей. Будучи уже больной, ездила со мной в Москву, помогала в Ленинской библиотеке собирать материалы для диссертации.

¹ На последних парламентских выборах О. Н. Смолина поддержали: Общественное политическое движение матерей «За социальную справедливость», Российская ассоциация профсоюзных объединений студентов, Российская медицинская ассоциация, ЦК и Омский областной комитет профсоюза работников агропромышленного комплекса, Всероссийское общество слепых, Всероссийское общество инвалидов, Всероссийское общество глухих (центральные и омские областные правления), Омское отделение Народно-патриотического союза России, Федерация Омских профсоюзов, профсоюз военнослужащих России (Омское отделение), Омский областной комитет профсоюза работников образования и науки, Омский областной Совет Союза пенсионеров, Совет ветеранов (пенсионеров) войны и труда, вооруженных сил и правоохранительных органов Омской области, ПО «Полет», Птицефабрика «Иртышская» Омского района Омской области, АО «Красный Октябрь» Черлакского района Омской области, АО «Куломзинское» Оконешниковского района Омской области, Горячеключевская участковая больница Омского района Омской области, городской драматический театр-студия Л. Ермолаевой, Омский государственный педагогический университет, Омский государственный

технический университет, Сибирская автомобильно-дорожная академия, детская школа искусств № 9.

Отец — Николай Трофимович — в военное время был пулеметчиком, став директором сельской школы, не только учил детей математике, водил их в походы. Он сделал все, что положено мужчине: сам построил дом, посадил сад, воспитал двух своих детей и тысячи сельских ребятишек, а позднее — тысячи детей в Омском «Порт-Артуре», где работал директором школы № 100. До сих пор мне нередко приходится слышать: «Здравствуйте, я ученик вашего отца!». Почти 3 года назад, похоронив его на Дружинском кладбище, мы написали на надгробии ключевые для его жизни слова: фронтовик, учитель, человек!

Они встретились с мамой в Омском пединституте, поехали на целину, как полагалось по законам того времени. Там, в селе Полудено Северо-Казахстанской области, в 200 километрах от Омска родилась сначала сестра Светлана, а потом и я — 10 февраля 1952 г. Думаю, те 50-е годы были лучшими в жизни моих родителей.

Анна Фоминична очень рано заметила, что сын слабо реагирует на улыбку, на игрушки, которые ему показывали. Ездили ко всем врачам, которые тогда были в Москве, в Одессе. Ученик уже больного тогда Филатова пообещал, что с возрастом зрение улучшится. Но посоветовал: если Олег будет видеть даже с первой парты в общей школе, ни в коем случае его туда не отдавать, если родители хотят, чтобы ребенок развивался нормально. Но зрение ухудшалось, а позднее появились страшные слова: «Инвалид первой группы по зрению». Родители старались научить Олега воспринимать мир. Николай Трофимович — большой садовод-любитель — первый в селе посадил яблони, виноград, цветы. Односельчане приходили, смотрели, учились. В 1995 году Николай Трофимович вспоминал: «Весной брал Олега в сад. Это для того, чтобы то, что он не видит, мог ощущать. Веточку потрогает — большая, маленькая. Он знал, у какого дерева какие листики и когда какая птичка прилетела. Гвоздик дашь ему заколотить. Пойдем повесим что-нибудь. С деревьями разговаривали — это было интересно. Я деревья сажу, кустики маленькие, и вдруг начал он просить: «Пойдем проверим, как они растут». Подходим, я начинаю изменять голос и говорить от имени этого деревца: «Да, полить бы надо меня бы». А Олег достаточно быстро стал подозревать, что что-то тут не так и задавать вопросы: «Почему, когда папа дома, деревья разговаривают, а когда его нет, они молчат?»

Олег был «заводилой» в детских играх, катался на велосипеде, но самое главное — невозможно было утолить его жажду к книгам.

«С сестрой Светланой,— вспоминает Анна Фоминична,— они в очень раннем возрасте разыгрывали сказки. Я, бывало, с работы прибегу, брошу коврик у печки, сяду для Светланы читать, а он сидит у меня где-то около бока, прижмется. Я считаю, что ему еще очень рано, а он все это слушает. Я потом начинаю переспрашивать у Светланы стихотворение, она может «споткнуться», а он ей подсказывает».

Школа, где отец работал директором, была для учеников родным домом. Николай Трофимович водил детей в походы, и каждый школьный бал открывал вальсом со старшеклассницей. Анна Фоминична вела литературный и драматический кружки, прекрасно пела. Не случайно Светлана и Олег стали учителями. Жена Олега Николаевича — Надежда — закончила филологический факультет, а сын Евгений (ему сейчас 27 лет) пошел по стопам отца: получил историческое образование в Омском государственном педагогическом университете. Друзья называют семью «педсовет Смолиных».

Очень благодарна Анна Фоминична школе. В 1959 г. Олега отдали в специализированную школу-интернат № 95 (теперь — № 14) в Омске. Через год всей семье пришлось перебраться в Омск поближе к Олегу и заново строить свой дом. Директор школы Блюм Глеб Дмитриевич, отставной военный строгих правил, привил умение работать. Сколько ребята перекопали лопатами школьный участок! Более всего на юношеское мировоззрение повлияли: Валерия Александровна Соколова — учитель литературы, Изольда Михайловна Кузнецова — учитель физики, Валентина Георгиевна Геронина — учитель истории, которые отдали своим ученикам часть своей души. Олег Николаевич вспоминает их с теплотой и не забывает поздравить в день учителя. Изольда Михайловна, которая, будучи лириком, на уроках физики могла спорить с ребятами и о

литературе, рассказывает:

— Олег всегда отличался большой любознательностью. На «отлично» шли все предметы. С одной стороны, у него блестящий ум, с другой — скромность. У Олега никогда не было зазнайства, высокомерия по отношению к тем, кто плохо учился. Он всегда помогал своим товарищам, делал это доброжелательно и очень умело. Мои ученики были подготовлены к практической стороне жизни: умели починить плитку, спираль соединить, пробки заменить, утюг отремонтировать. У него это отлично получалось. У него есть деловая хватка, которая нужна в нашей современной жизни. Я чувствую, что там, где он идет представителем от нашего Омска в Москве, он также точно схватывает самое нужное в данный момент, очень ясно и четко это формулирует и добивается воплощения на практике.

Олимпиады, областные конкурсы учащихся музыкальных школ, шахматные турниры, призовые места. Школьная любовь, которая превратилась в семейную жизнь. Пролетели 11 лет. Вручена единственная за 76 лет работы школы золотая медаль. Одновременно окончена музыкальная школа № 2 по классу баяна и тоже с отличием. Встал выбор: музыка или гуманитарные науки. Выбрал гуманитарные науки. Некоторые знакомые советовали матери отдать его на практическую работу — делать коробки. Но родители даже мысли не допускали, что Олег останется без высшего образования.

Вспоминает декан исторического факультета Омского педагогического института, доктор исторических наук, профессор В. Н. Худяков:

— Только 15 минут прошло, как мы посадили абитуриентов на вступительные экзамены, вдруг заходит ко мне молодой человек и спрашивает:

— Что мне делать? Я уже поступил на исторический факультет.

— Как Вы помогли поступить, ведь только 15 минут как начались экзамены!

— Я взял билет, без подготовки пошел отвечать, мне поставили «5», и поскольку у меня золотая медаль, я уже поступил.

Четыре года исторического факультета: читали все — сестра, мама, друзья. С однокурсниками возникла кооперация: у ребят были учебники перед глазами, а у Олега самые полные конспекты лекций. Прекрасные преподаватели, как говорит Олег Николаевич, «всегда везло на учителей», среди них и неизменный руководитель его избирательных кампаний В. Н. Худяков.

Ленинская стипендия, участие во всех шахматных турнирах (имел I разряд и, наверное, лучше его в институте никто в шахматы не играл). Руководил вокально-инструментальными ансамблями, увлекался философией, что переросло в научный интерес. Диплом с отличием в 1974 году.

Потом два года работал в вечерней школе № 4. Было бы неправдой, что легко прошел по конкурсу на кафедру родного вуза: некоторые сомневались из-за инвалидности. А он поступил на заочное отделение философского факультета Уральского университета и там же практически за год аспирантуры подготовил под руководством Льва Николаевича Когана и в 1982 году защитил кандидатскую диссертацию по философии. Стал доцентом.

— И так бы оно продолжалось по законам тогдашнего времени,— продолжал рассказ Олег Николаевич,— пока не началась перестройка. С 1987 года участвовал в работе политических клубов, читал лекции в обществе «Знание», писал статьи. И в 1990 году педагогический институт выдвинул мою кандидатуру в депутаты Российской Федерации. Так началась жизнь политическая. В 1990 году избран народным депутатом России, в 1993 году — депутатом Совета Федерации первого созыва, в 1995 — депутатом Государственной Думы второго, а в 1999 — третьего созыва.

— Мы хотели дать ему образование,— говорила мне Анна Фоминична за чаем,— а о каких-то высотах мы, конечно, не думали. Дальше он делал шаги абсолютно самостоятельно. Я хотела, чтобы он занимался наукой. На первых выборах даже проголосовала против. Как всякая мать, могла бы я гордиться, что он чего-то достиг, если бы это не было сопряжено с большим его трудом. За здоровье очень беспокоюсь, потому что это нагрузка дополнительная. Но если бы все начать сначала... Мне кажется, он не сделал в жизни какой-то большой ошибки, какую бы нужно было исправлять. Пусть бы так

и оставалось все.

— Анна Фоминична,— спросила ее я,— а чтобы Вы пожелали матерям?

— Я даже не знаю, имею ли я право что-то им желать. Я бы пожелала, чтобы у них дети были добрыми, чуткими, внимательными. В этом, думаю, материнское счастье.

И я вспомнила слова Олега: «Когда по ночам нервы бывают напряжены до предела, я вспоминаю сельский двор, детство. Даже не родительский дом, который построил мой отец и который мы оставили, а дом моих дедов — с русской печкой, с лежанкой в бабушкиной комнате. Становится спокойно. Наверно, все мы возвращаемся в детство, когда тяжелее всего».

Когут М. Т., кандидат исторических наук

§ 2. «ОН СТОЯЛ У ИСТОКОВ СОЗДАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПАРЛАМЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Н. М. Харитонов

(руководитель Аграрно-промышленной группы)

«ТАКИХ ПРОФЕССИОНАЛОВ НАДО ЦЕНИТЬ»

А. Н. Чилингаров

(заместитель Председателя Государственной Думы)

Варнавский В. А., заместитель председателя Совета Федерации
Федерального Собрания России

ПРИШЛО ВРЕМЯ ТАКИХ ПОЛИТИКОВ, КАК СМОЛИН

В современной обстановке О. Н. Смолин является образцом для подражания. В начале предвыборной борьбы в 1990 году в нем подкупало то, что на фоне оголтелой критики, когда кандидаты в депутаты набирали очки на отрицании всего и вся, Олег Николаевич ясно и четко понимал ситуацию. Наряду с критикой, а у него тоже были очень весомые аргументы, Смолин всегда говорил, что нужно сделать, чтобы выйти из этого состояния. Другое дело, что к нему мало кто тогда прислушивался. Глубина его мышления подкупала избирателей, а ведь у него в округе были очень именитые соперники, в том числе наш глава администрации Л. К. Полежаев. Качество бойца, огромное трудолюбие, честность, правдивость позволили Олегу Николаевичу вновь выиграть выборы уже в совершенно иных условиях. Это говорит о том, что люди поверили этому человеку, человеку удивительной чистоты, невероятной трудоспособности (я наблюдал за ним все эти годы). Его уважают как депутата не только в Омской области, но при том, что у него много оппонентов в Правительстве, его уважают и к нему прислушиваются в Правительстве. Именно Олег Николаевич способствовал подготовке и принятию законов об инвалидах, ветеранах, пенсионном обеспечении; много работал над законом об образовании, защищал в хорошем смысле этого слова Указ № 1 Президента о достойной заработной плате учителям. По многим вопросам на Первом съезде мы голосовали одинаково, потому что по многим позициям наши мнения совпадают. Мы не голосовали за пятую статью «Декларации о суверенитете», где говорилось о верховенстве российских законов над союзными. К сожалению, тогда многие не понимали, какая «мина» заложена в этом пункте. Смолин как ученый и политик предвидел, что за этим последует. Следом пошло расщепление не только Союза, но и России.

Сказать, что Олега Николаевича отличает «профессионализм» — это мало, потому что *он и был профессионалом*. Острота государственного мышления, предвидения ситуации — такие качества есть не у многих политиков. Я просто удивляюсь его прогнозам, которые чаще всего сбываются. Правда, я бы не хотел, чтобы некоторые из его прогнозов сбывались, но он дает правдивые прогнозы. Проводя параллель: человек — ученый — политик, можно сказать, что сейчас пришло время таких политиков, как Смолин. То есть это люди государственного склада ума, которые отражают интересы населения, защищают

их и стараются преобразить наше общество для того, чтобы жизнь в нашем обществе была достойной.

Со Смолиным очень приятно работать, общаться, но с ним и трудно, мы часто спорим. Трудно потому, что у Олега Николаевича всегда сила аргумента сильнее силы эмоций — это положительное качество. Когда он выступает, его все внимательно слушают, но беда таких людей в том, что они всегда на порядок выше других. Поэтому ему действительно трудно оппонировать. Политики, как правило, много говорят и ни о чем. У Олега все разложено: раз, два, три. И к тому же он предвидит, что будет за этим. Но его не всегда принимают и воспринимают, потому что он «неудобный».

Это очень обаятельный человек, у него очень хорошая семья, прекрасный сын. Он притягивает к себе. Действительно, когда говорят о политике, забывают о нем как о человеке. Смолин, когда он совершенно в другой обстановке, домашней, раскрывается по-новому — опять-таки как талантливый человек, который много читает, удивительно много слушает, прекрасно играет на гитаре, отлично спорит, играет в шахматы сразу с несколькими противниками и, как правило, их побеждает. Вот это Смолин!

(1995 г., председатель Законодательного Собрания Омской области)

**Чилингаров А. Н., Герой Советского Союза,
Заместитель Председателя Государственной Думы**

ТАКИХ ПРОФЕССИОНАЛОВ НАДО ЦЕНИТЬ

Я в Думе с первого созыва и до этого в Верховном Совете работал, так О. Н. Смолин — один из самых уважаемых депутатов. Я обязательно даю ему слово. Все его выступления высокопрофессиональны, практичны и в основном защищают интересы избирателей. Он беспокоится о своей ассоциации инвалидов, защищая и борясь за их права, потому что, к сожалению, каждый раз в бюджете вопросы социальной защиты инвалидов всё урезаются и урезаются. Он активно выступает, защищая интересы творческой молодежи и в целом творческих работников, работников культуры, просвещения. Всегда профессионально. Интеллигентный, высокопрофессиональный, принципиальный, твердый человек, несмотря ни на какие трудности, всегда отстаивает позицию, которую ему доверили избиратели. При необходимости Смолин идет на компромиссы, участвует во многих согласительных комиссиях, но он тверд, особенно по проблемам своего Комитета по образованию и науке, отстаивая интересы учителей, преподавателей, студентов; при ущемлении прав инвалидов — тоже тверд. Несмотря на то, что его иногда не поддерживают, он своей позиции не меняет. У меня один раз ситуация была. Я говорю: «Олег Николаевич, вы настаиваете?» — «Настаиваю».

Смолин четыре созыва работает в Парламенте. Таких профессионалов надо ценить и жалеть. Жалеть, именно жалеть. Эти люди, независимо от политической ориентации, в Государственной Думе очень нужны, это профессионалы.

(2001 г.)

**Лукиянов А. И., председатель Комитета Государственной Думы
по законодательству и судебной-правовой реформе**

ДЕЙСТВОВАТЬ В ИНТЕРЕСАХ ЛЮДЕЙ

О. Н. Смолин — человек довольно строгих правил, не щадящий себя для того, чтобы помочь людям. Есть в нем такое горение, внутреннее желание одолеть свой недуг и действовать, действовать в интересах людей. И этот дух помог ему выстоять и в блокадном Белом доме. Этот дух помогает ему сегодня, когда он, работая в Комитете по образованию, науке, культуре, так страстно поддерживает все новые веяния, все требования учителя, преподавателя, профессора, студента, учащегося. Для этого надо

иметь колоссальную энергию. И, казалось бы, очень трудно овладеть в этом случае информацией, а он оказывается информированнее, чем многие читающие своими глазами газеты и информацию. Казалось бы, страшно трудно выйти на трибуну, чтобы по памяти назвать важнейшие законодательные акты, когда они принимались, какие поправки надо внести, а он это умеет делать. Казалось бы, страшно трудно увидеть вдаль, а он это видит. Мне кажется, что омские избиратели не ошиблись, избрав этого далеко видящего человека депутатом Государственной Думы. И нам, многим депутатам, следовало бы поучиться у него преодолению самого себя для того, чтобы служить людям. Для политика более важной идеи, более важного приложения человеческих качеств, по-моему, нет.

(1998 г.)

Мельников И.И., *председатель Комитета Государственной Думы по образованию и наук.*

«ГЛАВНЫЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬ В РОССИИ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ»

В любом коллективе есть люди, которые являются опорной точкой, стержнем этого коллектива. В Комитете по образованию и науке Государственной Думы таким человеком является О. Н. Смолин. Если предположить, что О. Н. Смолина не стало в составе Комитета, это будет, огромный удар по нашей работе.

Я бы отметил исключительный профессионализм Олега Николаевича. Большинство законов, которые в последнее время принимались в Государственной Думе в области образования, были приняты по инициативе Смолина, и он был одним из основных разработчиков.

Смолин умеет слушать других и умеет аргументировать свою позицию. Это отчетливо проявляется и в законотворческой деятельности. Он обязательно согласовывает основные позиции законопроектов, с мнением тех слоев населения и коллективов, кого этот закон касается. Мне кажется, что для законодателя это исключительно нужное и полезное качество.

Политическая позиция Олега Николаевича в области образования мне очень близка. Иногда можно слышать, что депутаты выступают против реформирования системы образования. Да, действительно, мы говорим о том, что система образования сейчас больше нуждается не в реформировании, а в финансировании, это не значит, что мы выступаем против реформы системы образования. Мы за реформы, но за такие, которые будут улучшать ситуацию в системе образования, а не ухудшать ее. Мы за такие реформы, которые будут систему образования подстраивать не под настоящую ситуацию в стране, а наоборот, сохранять систему образования в основном как нерыночный сектор и дадут возможность большей части молодых людей получать образование за государственные средства.

О. Н. Смолина отличает интеллигентность, порядочность, исключительная обязательность. Это человек, на которого можно положиться в любом деле.

Часто представителям Комитета приходится выступать в различных коллективах. И после того, как Олег Николаевич побывает в каком-либо коллективе, мне всегда звонят и говорят: в следующий раз обязательно постарайтесь, чтобы к нам снова пришел О. Н. Смолин. Его манера общения с аудиторией, его знание того предмета, о котором идет разговор, его аргументированность, его ораторское искусство, безусловно, очень положительно влияют на его общение с аудиторией. Вот такой у нас Олег Николаевич Смолин.

(1998 г.)

О. Н. Смолин играет огромную роль не только в работе Комитета, но и в работе всей Государственной Думы — это любимец значительной части депутатского корпуса. Во-

первых, он умеет четко, аргументированно, ясно изложить свою точку зрения. Это большой талант — все четко разложить по полочкам, рассказать, объяснить и т. д. И второе: его острота ума и остроумие, огромная эрудиция.

Если случится так, что Олег Николаевич не будет депутатом Государственной Думы, то система образования потеряет очень много. Последние 8 лет Олег Николаевич — основной разработчик законов в области образования. Депутаты и педагогическое сообщество признают, что законы, которые нами приняты, очень качественные, хотя жизнь заставляет вносить в них коррективы, но это очень хорошие законы. И в этом очень большая заслуга Олега Николаевича. Но создать законодательную базу — это одно, а добиться, особенно при нашей Конституции, того, чтобы принятые законы работали — большая отдельная и очень трудная задача. Нам не всегда удастся сделать, чтобы нормы, прописанные в этих законах, действовали, так как исполнение законов в области образования однозначно влечет за собой необходимость изменения проводимого социально-экономического курса, необходимость внесения изменений в приоритеты деятельности государства, в те ценности, которые являются определяющими для нашего государства.

Олег Николаевич играет колоссальную роль в деле отстаивания интересов и сохранения системы образования — будь то заседания Правительства, правительственных комиссий, Государственной Думы, Совета Федерации, будь то разного рода встречи и обсуждения. У него очень велика сила аргументации. Это огромный дар депутата Смолина. В условиях, когда присутствуют различные политические силы, политические партии, нужно уметь убедить. И Олег Николаевич обладает особым талантом убеждать людей.

(1999 г.)

О. Н. Смолин не просто очаровательный, обаятельный, остроумный и очень эрудированный человек. Это человек, который работает исключительно продуктивно. О. Н. Смолин, абсолютно без всякой натяжки — главный законодатель в России в области образования. Фактически все основные законы, которые в последние годы вышли в свет, и, к сожалению, те законы, которые написаны, но по ряду причин не вышли в свет, появились благодаря тому, что над ними работал Олег Николаевич. Это две редакции Закона «Об образовании», Законы «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», «О сохранении статуса государственных муниципальных образовательных учреждений и мораторий на их приватизацию». Список законов мог бы продолжить. У этих законов есть одна очень важная особенность, они будут еще действовать очень многие годы. Законы отражают современную ситуацию, но написаны на перспективу, на развитие системы образования в России, по крайней мере, в ближайшие 10—15, даже 20 лет. И это главная, характерная особенность той работы, которую проводит Смолин.

У О. Н. Смолина всегда есть четкие аргументы. И мне кажется, что именно логически выстроенная им аргументация, строгое обоснование того, что нужно поступить так, а не иначе, позволяет нашему Комитету по образованию и науке при всей сложности тех законов, которые мы принимаем, достаточно успешно проводить их через пленарные заседания Государственной Думы.

(1999 г.)

**Рыжков Н. И., член Комитета Государственной Думы
по энергетике, транспорту и связи**

ЧЕЛОВЕК-УМНИЦА

О. Н. Смолин, являясь депутатом Государственной Думы второго созыва, входил в депутатскую группу «Народовластие». Он является одним из сильнейших специалистов в своей области. По вопросам образования мы всегда ориентируемся на него и его мнение является для нас окончательным.

Смолин много выступает на заседаниях Государственной Думы и очень тщательно готовится к этим выступлениям. Он прекрасно владеет речью, логично, четко излагает, и я не раз замечал, что после своего выступления, когда он аргументированно доказывал свою точку зрения, он как правило, добивался, поддержки депутатов.

Это очень скромный, хороший, порядочный человек. Большим уважением пользуется у нас в депутатской группе, хотя по многим вопросам занимает и свою позицию. Я не знаю, к какой политической партии он относится, но я знаю его жизненную и общественную позиции. Это человек, который болеет за свое государство, за свою Родину, за народ, это патриот своей Родины. И депутаты это ценят.

(1998 г., руководитель депутатской группы «Народовластие»)

Когда стоит вопрос о том, кто от имени нашей депутатской группы выступит на пленарных заседаниях Государственной Думы, или поддержит, или, наоборот, выступит против какого-то предложения по наиболее острым вопросам, он решается однозначно: от имени группы выступает О. Н. Смолин. Так было при обсуждении кандидатуры С. Кириенко и В. Путина, так постоянно происходит при формировании бюджета. Мы считаем, что это один из самых эффективно работающих депутатов не только в нашей группе, но и в Государственной Думе. Он пользуется авторитетом не только у нас, но и во всей Палате. Это умница, человек-умница.

(1999 г., руководитель депутатской группы «Народовластие»)

Выдрин С. Г., секретарь межпарламентской группы, заместитель начальника Управления межпарламентских связей аппарата Государственной Думы Российской Федерации

О. Н. Смолин стал одним из активных сторонников развития плодотворных связей между парламентариями России и латиноамериканских стран. Он возглавил одну из самых многочисленных, авторитетных групп Межпарламентской группы, которая является национальным членом крупнейшей, единственной в мире организации парламентариев всего мира — Межпарламентского Союза, группу по связям с парламентариями Аргентины, которая влилась в единую, многочисленную группу по связям и дружеским отношениям с парламентариями всего латиноамериканского континента. Смолин принимает активное участие во всех дискуссиях, встречах с послами, многочисленными делегациями латиноамериканских парламентариев, которые приезжают с официальными визитами в Государственную Думу.

В апреле этого года Олег Николаевич был членом межпарламентской делегации на 105-й конференции Межпарламентского Союза, членами которого сейчас являются парламентарии 141-й страны мира, в столице Кубы Гаване и произвел потрясающее впечатление. Выступление О. Н. Смолина на пленарном заседании Комитета, обсуждавшем проблемы образования в целом, проблемы, которые касаются людей всего мира, вызвало живой отклик и большой интерес его зарубежных коллег из многих стран. Я был свидетелем разговоров в кулуарах, видел на заседаниях самого Комитета, как зарубежные коллеги подходили к нему, поздравляли с прекрасным выступлением. Доклад содержал конкретные подходы к решению актуальнейших задач, которые стоят перед мировым парламентским сообществом: проблемы образования, науки, культуры — весь комплекс гуманитарных проблем, волнующих сейчас человечество.

Олег Николаевич проявил себя как прекрасный знаток культуры нашей многонациональной России. Он прекрасно поет, играет на музыкальных инструментах. Вспоминается незабываемый вечер в посольстве Российской Федерации в Гаване — Олег Николаевич, сев за рояль, начал петь под свой аккомпанемент и вовлек в свое пение и кубинцев, и россиян, и других зарубежных гостей, которые владели русским языком. Здесь были и «Калинка», и «Подмосковные вечера», и очень-очень много других песен, которые составляют сокровищницу нашей российской культуры и популярны во всем мире.

(2001 г.)

«ЧУВСТВО ГРАЖДАНСКОГО ДОЛГА»

В. И. Севастьянов

Севастьянов В. И., *председатель мандатной комиссии Государственной Думы, дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР*

ЧУВСТВО ГОСУДАРСТВЕННИКА

Олега Николаевича Смолина я знаю с первого съезда народных депутатов Российской Федерации. Мы все входили в политику без какого-то специального опыта. Какой, например, был у меня опыт, если я 30 лет проработал в отряде космонавтов, никогда не занимал никакой административной должности, кроме того, что был командиром отряда космонавтов-испытателей — и вдруг в политику. И он, преподаватель, тоже пришел в политику. В разговоре, когда мы коснулись темы, почему пошли в политику, меня поразил ответ Олега Николаевича: «А как было поступить иначе, когда чувствуется, что назревают тяжелые времена для Отечества». Вот с этим чувством гражданского долга Олег Николаевич и вошел в политику.

Уже в то время на фоне демократического угара, который буквально разъедал души и сердца многих депутатов, неправильных решений первого съезда народных депутатов РФ (я имею в виду «Декларацию независимости», когда российские депутаты вдруг приняли пятую статью этой «Декларации», провозглашавшую приоритет законов Российской Федерации над законами Советского Союза; я голосовал против), трезвые выступления Олега Николаевича звали к реальной платформе, к реальной жизни.

(1995 г.)

Его отличают чувство гражданского долга, чувство государственника, профессионализм ученого и теперь уже профессионализм политика, контактность, ум, прекрасный, образный язык, высокая культура. Интеллигент, идущий на компромиссы, но не допускающий компромиссов в решении государственных проблем, будь то вопрос приватизации или стратегические задачи сегодняшних дней: социальная защита народа, защита науки, защита детства, защита материнства, защита самых обездоленных и социальный поклон старшим поколениям, которых мы тоже должны защищать в нашей жизни. Он служит народу.

(1998 г.)

Безбородов Н. М., *заместитель председателя Комитета Государственной Думы по обороне*

ОН ВОСПРИНИМАЕТ ЧУЖУЮ БЕДУ КАК СВОЮ

Я считаю, что пока такие люди, как Олег Николаевич Смолин, во властных структурах есть, будущее за Россией обеспечено, поскольку это действительно Гражданин с большой буквы. Он воспринимает чужую беду как свою. Я многому у него учусь, советуюсь с ним, действительно разделяю абсолютное большинство его взглядов, позиций и оценок. Та настойчивость и последовательность, с которой Олег Николаевич отстаивает интересы образования, науки, экономики, развития промышленности, сельского хозяйства, обороны нашего государства и в целом государственности, достойна глубочайшего уважения и вызывает большое желание сотрудничать с ним.

(1998 г.)

Тулеев А. Г., *член Совета Федерации, губернатор Кемеровской области*

Я К НЕМУ ПОЙДУ ДОВЕРЕННЫМ ЛИЦОМ!

Олег для меня — личность и товарищ. Есть политики, которые говорят одно, думают другое, а делают третье. Смолин как выбрал государственную, патриотическую линию, так на ней и остался, не виляет. Человек имеет мужество, человек имеет хребет!

Смолин — большой профессионал и умнейший человек. Он знает, о чем говорит, и говорит не для того, чтобы сказать: «А вот я выступил». У него это идет из глубины души. Он мудрее и умнее нас во многих вещах. Я ему очень благодарен и многому у него учусь.

Сибиряки могут гордиться. Побольше бы таких Смолиных на всех уровнях Парламента, и еще неизвестно, какая политика и какой курс реформ на сегодняшний день были бы у нас.

(1995 г., депутат Совета Федерации, председатель Законодательного собрания Кемеровской области)

СНИСКАЛ К СЕБЕ УВАЖЕНИЕ ВСЕГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СООБЩЕСТВА

*Н. Д. Никандров
(президент Российской академии образования)*

Филиппов В. М., министр образования Российской Федерации

АВТОР ПРОЕКТА НАЦИОНАЛЬНОЙ ДОКТРИНЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Сегодня в огромной России Смолин номер один как специалист в области законодательства по образованию. Около 10 лет он причастен к этой работе. Мы можем гордиться тем, что сейчас, как ни парадоксально, имеем одно из лучших в мире законодательств в области образования. Мы целый ряд достижений получили с помощью этого законодательства. И это признано сейчас во всем мире. Прежде чем разработать Закон «Об образовании» 1992 года и особенно его новой редакции 1996 года, депутаты Государственной Думы, среди которых активную роль играл О. Н. Смолин, ознакомились с мировой практикой законодательства в области образования. Очень удачно они нашли определение образования в Законе «Об образовании»: «Образование — это целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах личности, общества и государства». Все приоритеты расставлены, как этого требует мировая практика. Не «подготовка кадров специалистов», а «воспитание личности». Это законодательство, которое рассчитано на ближайшую перспективу, на десятилетия.

Законодательство обеспечило вариативность образования, которое позволяет реализовать любую образовательную программу. Одновременно при вариативности образования мы ввели стандарты, и во многом, благодаря этому, сохранили единое образовательное пространство и систему образования. Сейчас это настолько общепризнанно в мире, что ЮНЕСКО выступает за стандарты везде. Клинтон создал в США «Государственный комитет по стандартам в области образования». Не случайно голландцы и немцы приезжают к нам и проводят на свои деньги международные семинары. Летом в Комитете по образованию и науке Госдумы по инициативе Совета Европы и Союза ректоров Германии мы проводили семинар немецких ректоров по проблемам образовательного законодательства. И основной доклад по их просьбе делал Смолин. Это признание международного авторитета Олега Николаевича.

Благодаря работе Олега Николаевича как депутата мы не только имеем законодательство, но мы сохранили систему образования. Комитет по образованию и науке Госдумы наложил мораторий на приватизацию. Приватизация коснулась всех отраслей. И мы имеем то, что имеем. В образовании был наложен мораторий на приватизацию, и мы сохранили даже количество учебных заведений. И как ни удивительно, мы имеем сейчас в России примерно 250 студентов на 10 тысяч населения. Это самый высокий показатель за все годы существования и Советского Союза, и России. Если бы мы не наложили мораторий на приватизацию, уже большинство ВУЗов, не говоря о ПТУ и техникумах, были бы приватизированы. И где было бы большинство зданий, и где были бы

сейчас наши дети? На улице! И я думаю, в этом огромная заслуга Комитета по образованию, подкомитета, которым руководит Олег Николаевич Смолин.

Много лет между Правительством и Думой была конфронтация. Сейчас мы работаем в тесном контакте с подкомитетом по образованию. На 1999—2000 годы мы получили лучшие бюджеты за последние 8 лет. Мы вовремя платим зарплату, преподаватели вузов получают ее в полном объеме, как это требовал Смолин в Думе, а не 70%, как планировало Правительство, в 2 раза увеличили стипендию студентам.

О. Н. Смолин стал автором проекта Национальной доктрины образования в России. Он руководил работой подготовительной комиссии из представителей Правительства, Совета Федерации, Государственной Думы, Академии наук и Академии образования. Мы договорились с О. Н. Смолиным, что утвердим эту доктрину федеральным законом, чтобы не было попыток при очередной смене Правительства придумать новую концепцию реформирования системы образования.

Если говорить о личных качествах О. Н. Смолина, то это отрезвляющая честность, потрясающие скромность и организованность в работе. Он один из тех депутатов в Думе, на которых лежит вся тяжесть работы и который тянет ее как «ломовая лошадь» на себе. Я его знаю несколько лет. Он полнедели проводит в Москве, а полнедели в Омске. Таких депутатов я еще не встречал. Такое расстояние, ночью, не имея сна... И с утра приступает к работе. Я думаю, это тоже его выделяет среди многих других депутатов нашего парламента.

Если вдруг случится беда и Олег Николаевич не окажется в Комитете по образованию и науке Госдумы, это будет колоссальная потеря для российского общества в целом. Я говорю так по крупному потому, что это будет большая беда для российской системы образования. Нам будет очень тяжело, всей системе образования, если мы лишимся того огромного колоссального опыта депутата, законотворца в процессе, реформирования системы образования. А система образования России — это та система, в учреждения которой каждый день приходят на работу или учебу 39 млн. 400 тыс. человек. Это не считая их пап, мам, бабушек, дедушек — а с ними вся страна.

(1999 г.)

Алфёров Ж. И., член подкомитета по науке Комитета Государственной Думы по образованию
и науке, вице-президент РАН, председатель Санкт-Петербургского научного центра РАН,
директор Физико-технического института им. А. Ф. Иоффе РАН, лауреат Нобелевской премии

В работе Комитета по образованию и науке О. Н. Смолин играет выдающуюся роль. Олег Николаевич к каждому вопросу подходит очень фундаментально и принципиально. Он старается охватить всю проблему целиком и находит в ней наиболее важные узловые моменты.

Олег Николаевич на самом деле любимец всех членов Комитета. Мы его любим как необычайно обаятельного, доброго и одновременно принципиального и требовательного человека. И если давать звание Героя, то давать его нужно Смолину. Олег Николаевич имеет очень серьезный физический недостаток, но в работе это не чувствуется, потому что он отдает себя целиком тому делу, которому посвятил свою жизнь. Я бы его не назвал политиком, в нем преобладает прежде всего патриот своей страны, настоящий человек и конечно ученый.

На самом деле это большое счастье, что во главе Подкомитета по образованию в нашем Комитете по образованию и науке Государственной Думы стоит О. Н. Смолин.

(2001 г.)

Никандров Н. Д., президент Российской академии образования

У О. Н. Смолина прекрасные ораторские навыки. По причинам понятным он полагается в очень большой мере на свою память, видимо, превосходную. Умение говорить, иногда очень образно, иногда жестко фактологически в сочетании с превосходной памятью — впечатляет.

Я увидел действительную озабоченность делами образования и науки. Я убедился, насколько добросовестно, с отдачей, с душой он отстаивает интересы образования, образовательного сообщества, детей и молодежи. Проблемы сейчас действительно очень серьезные. С одной стороны, понятно, что не реформировать, не изменять образование непрерывно невозможно, с другой стороны, мы все хотим какой-то стабильности. И вот в этой дилемме необходимых изменений — стабильности всегда очень не просто найти себя. Это не просто и для Олега Николаевича, но он знает свою четкую позицию — это действительно отстаивание интересов образования.

(1998 г.)

Он мне подарил свою книгу «Куда несет нас рок событий». Это сборник статей, которые были опубликованы в конце 80-х — начале 90-х. В то самое время, когда мы реформировались от Союза, живущего по плановой экономике, к новой России, которая хотела жить по законам рынка. Многим тогда казалось, что рынок решит наши проблемы. Прочитав эти статьи, я понял, что уже тогда были люди, которые понимали — неконтролируемый рынок с немедленным отпуском цен — это очень опасный путь. Этот путь вряд ли быстро приведет нас к успеху и, более того, влечет за собой и очень многие опасности. Относительно молодой человек видел то, что многим тогда казалось неясным.

(2001 г.)

В новой книге «Знание — свобода» О. Н. Смолину приходится касаться многих тем: доктрина образования, негосударственные вузы, сотрудничество ветвей власти и ученых в области образования, зарплата учителей, роль профсоюза. Из книги вы увидите, как идет работа над законами.

Придя совсем молодым человеком в систему законодательной власти, О. Н. Смолин сумел не только по праву надолго там остаться, но и снискал к себе уважение всего образовательного сообщества.

(1999 г.)

Садовничий В. А., ректор Московского государственного университета,
председатель Союза ректоров России

НЕОБЫЧАЙНО УВАЖАЕМЫЙ СРЕДИ РЕКТОРОВ ЧЕЛОВЕК

Я очень высоко ценю профессионализм О. Н. Смолина, его умение работать. Побольше бы русская земля рождала таких людей. Исключительный человек. Он патриот, любит университеты, любит систему образования. Очень логичен. Необычайно добросовестный, честный, порядочный человек, профессионал. Смолин даже часть своей зарплаты переводит в образовательные учреждения, считая, что много получает. Я не знаю больше другого такого человека.

Олег Николаевич — человек, который для высшей школы уже очень много сделал. Я не помню случая, чтобы у нас не было одной точки зрения, мы едины в стремлении помочь высшей школе. Я просто уверен, что человек с таким широким кругозором, таким высоким интеллектом украсил бы профессорский состав Московского университета.

Олег Николаевич — необычайно уважаемый среди ректоров человек.

(1998 г.)

Матросов В. Л., ректор Московского педагогического государственного университета,

*член-корреспондент Российской академии наук, академик Российской Академии образования,
председатель Совета по педагогическому образованию,
доктор физико-математических наук, профессор*

О. Н. Смолин обладает высокой работоспособностью, очень много делает для системы образования России. По тому, как он углубляется в систему образования, в законы, существующие по этой системе, наверное, сложно привести в пример какого-то другого человека, который бы обладал такими возможностями. Это умный человек. Имеет ли он недостатки? Наверное, как и все люди, но они подавляются его достоинствами.

О. Н. Смолин защищал докторскую диссертацию по философии в нашем Московском педагогическом университете, и Совет единогласно проголосовал за присуждение ученой степени доктора философских наук. У нас это не так часто бывает, потому что в нашем университете очень сильная школа философии, а отсюда вытекающие требования, которые предъявляются не только к докторам, но и к кандидатам наук, а Смолин защитил докторскую диссертацию. Огромное значение имеет его деятельность и практическая, и философская, теоретическая. На заседании Совета он выступал с исключительной точностью: я математик и могу сказать, насколько точны были его ответы — это просто, я бы сказал, из ряда вон выходящее событие. Наш университет, имеющий 128-летнюю историю, может похвалиться многими результатами, но защита докторской диссертации О. Н. Смолина — это действительно событие для вуза, для научных школ нашего университета, для научной школы философии.

(2001 г.)

Микешина Л. А., *председатель диссертационного совета Д 212.154.06
в Московском педагогическом государственном университете,
доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой МПГУ*

Защита докторской диссертации депутатом Государственной Думы необычна. Конечно, в первый момент думаешь, как он написал, что он написал, не придется ли, как говорят, дотягивать. Но мы поняли, что если мы имеем дело с О. Н. Смолиным, то все сомнения отпадают. Мы давно знаем О. Н. Смолина как прекрасного специалиста в области не только образования, педагогики, но культурологии и философии, причем универсального специалиста в этой области.

Когда такой человек, как О. Н. Смолин, не равнодушный ко всем нашим российским проблемам, увлеченный наукой, еще и многие годы работает в наших представительных органах, и сейчас в Государственной Думе, это сочетание дает блестящий результат. Предельная добросовестность, колоссальная работоспособность, эрудиция — все это вместе взятое конечно основание для блестящей защиты докторской диссертации. И если на поприще нашего образования работает такой знающий, умный, убежденный человек, стремящийся к решению проблем, то есть очень большая надежда, что и в России, и в системе образования все будет как надо.

(2001 г.)

Леднев В. С., *академик Российской Академии образования,
доктор педагогических наук, профессор*

Я считаю, верная, правильная традиция — оценивать диссертации с двух точек зрения. Во-первых, оценивать личность диссертанта и оценивать работу. Вот с этой точки зрения и диссертационная работа заслуживает самой высокой оценки, и личность О. Н. Смолина — уникальная личность. Это уникальный человек, заслуживающий самой высокой оценки своими бойцовскими качествами, своим умом, своим трудолюбием, своим

отношением к людям, к своему долгу гражданскому и т. д.

Работа О. Н. Смолина со всех точек зрения выходит за рамки обычной диссертационной работы. В своем заключении на заседании диссертационного Совета я сказал, что за эту работу можно присудить не только искомую ученую степень доктора философских наук, но можно было бы присудить степень доктора педагогических наук и доктора исторических наук. Диссертационная работа О. Н. Смолина во многом выполнена на педагогическом материале, а, с другой стороны, она охватывает конкретный исторический период, что следует из самого ее названия: «Социально-философские аспекты государственной образовательной политики в условиях радикальной трансформации российского общества», то есть берется конкретный исторический этап.

Мне хотелось бы пожелать Олегу Николаевичу больших творческих успехов на благо нашей Отчизны.

Залиханов М.Ч., заместитель Председателя Комитета Государственной Думы по образованию и науке, академик РАН

О НЁМ ОДНОБОКО НЕЛЬЗЯ ГОВОРИТЬ

Мы работаем в одном Комитете, и меня восхищают его работоспособность, широта знаний, глубокое знание предмета, по которому принимается закон, знание жизни школы, состояния образования в стране. Это очень одаренный и толковый человек. Обращаясь к архивам, я узнал, что многие законы, касающиеся образования, в предыдущие созывы Думы принимал и разрабатывал Смолин. Но о нем так однобоко нельзя говорить, его отличает очень высокая гражданственность и он по-настоящему болеет за Россию во всех областях деятельности Думы и государства.

Олега Николаевича очень уважают в Комитете, а наш Комитет по образованию и науке состоит из выдающихся людей: и академик Ж. Алферов, и профессора, и ректоры университетов. И среди них Смолин — особая фигура, у него особый авторитет. И в целом в Думе к нему с почтением относятся. Каждое заседание Комитета, которое он ведет, запоминается своей четкостью, оперативностью. Тот опыт, который есть у Смолина Олега Николаевича, я стараюсь внедрить в работу своей Комиссии.

Его блестящая защита докторской диссертации по социальной философии в МПГУ для нас была большим праздником. Мы радуемся его успехам, хотя делать ему все это очень трудно в силу здоровья. Олег Николаевич очень внимателен к своим коллегам, по моему, он очень любит свою супругу и семью. Он настоящий ученый, гражданин и депутат.

(2001 г.)

Мурашов В. И., заведующий кафедрой логики, этики, эстетики
Республиканского института повышения квалификации работников образования,
директор Центра интегральной педагогики

ЭТОТ ЧЕЛОВЕК ЕСТЬ «Я», «МЫ» — В ЛУЧШЕМ ВЫРАЖЕНИИ

Подлинность Смолина есть некий сгусток духовности. Она, как и высокодрагоценный камень, вырабатывается тягчайшим трудом, и эта работа выражена во времени. Эта подлинность есть плод его колоссального труда, плод тех людей, обстоятельств, окружения, в котором он произрастал. Во-первых, подлинность выражается в магнетизме его личности, она притягивает. А второй аспект заключается в том, что Олег Николаевич очень точен и искренен в речи, слове, жесте, деле, чувстве, отношении. В этом смысле можно без натяжки сказать: «Вот это есть подлинный интеллигент, аристократ духа».

Я наблюдал Олега Николаевича и в неформальной, как говорится, обстановке, я слышал, чувствовал, как он поет (внешне очень сдержанный, он и в пении в определенной степени сдержанный, но там чувствуется напряженность, контролируемая разумом

страсти, которая не выходят за рамки; и в этом, кстати, проявляется и подлинность искусства, ибо, как известно, Гайдн в юные годы учил Бетховена не выплескивать все сразу и представлять собой некий айсберг, три четверти которого под ватерлинией).

Что же касается разума Олега Николаевича, то книга, которую он написал — «Куда несет нас рок событий», — по существу является иллюстрацией человека высоко профессионального, политолога, социолога, я бы сказал, даже государственного деятеля. И в этом смысле Олег Николаевич не реализован сейчас. Это масштаб государственного деятеля, ибо по существу он снял специализацию, он универсален: он — экономист, он — блестящий философ, он — блестящий историк, социолог, политолог и все производное. Высочайшая эрудиция, великолепный стиль изложения, блестящее знание фактуры свидетельствуют о глубоком классическом образовании. Но более всего поражает мудрость этого человека, именно политическая и житейская мудрость, некая прозорливость. Там, где прозорливость, там интуиция. Смолин универсально видит живой организм, и то, что он пишет, его прогнозы, к несчастью, почти все они оправдались.

Корень, на котором удерживается подлинность,— это нравственность, порядочность, честность и конечно воля. Воля колоссальная, воля непроявленная, ибо все на воле: ум, который заработан, заработан волей, трудом, дисциплиной духа; честность, в которой приходится удерживать себя, находясь в гуще политических событий, требует большого мужества, постоянного процесса преодоления препятствий. Слабый человек не может быть ни политиком, ни гражданином вообще, ни товарищем, ни отцом. Но сильный во зле страшнее слабого, ибо сильный во зле есть разрушитель. Смолин — созидатель, в принципе. Олег Смолин есть свет в космической цепи света. И в этом смысле как свет он требует, чтобы те, кто считает себя светом и собирается вокруг него, понимали это, берегли этот свет, охраняли его.

Олег Смолин как личность — это наша совесть, которая удерживает нас, которая обеспечивает нам жизнь. Вот этих людей, этого человека и подобных ему невозможно ни купить, потому что они не продаются, они подлинны, не фальшивы. Их невозможно напугать, потому что они мужественны. Их невозможно обмануть, потому что они профессионально умны, они образованны. Они представляют собой не только личность, не только Ивановых, Петровых, Сидоровых и Смолиных, а, будучи депутатами, они представляют собой нас. Этот человек есть «я» в лучшем выражении, он есть то, что меня сохраняет, то, что обеспечивает мое будущее, будущее моих детей. И вот эти соображения должны быть поняты, и в этом смысле народ должен сохранять тех, кто сохраняет народ, кто защищает его, кто живет ради народа, кто делает все необходимое для того, чтобы Тьма была сокрушена (но она может быть сокрушена не тьмой и не Злом, а только усилением Света, усилением Добра, дисциплины Духа, Просвещения). И в этом смысле Олег Николаевич работает на самой важной ниве, в самой главной сфере — сфере духовного, разумно-нравственного преображения народа, в сфере тех корней, откуда по существу выходят ростки экономики, политики, социальной жизни.

Политический портрет Олега Смолина написан им самим, он о себе сказал: «левоцентрист», жизненная позиция — «социальный защитник». Я бы сказал более, может быть, точно — воин Света. Ибо Смолин есть существо духовное. Воин Света, который блестяще показал, как должно жить, в чем смысл политики. Смысл политики в служении, смысл политики в понимании самой жизни, смысл политики заключается в том, чтобы обеспечить жизнь не просто человеку, потому что и вор, и бюрократ, и «новый русский» — тоже человек. Но подлинный ли он человек, подлинный ли он русский, подлинный ли он политический деятель? И в этом смысле сама подлинность личности Смолина проявляется теперь в профессиональной, политической, научной деятельности. Он может ошибаться, ошибается каждый, но там нет фальши, там нет игры, там нет заискиваний ни перед кем. Достаточно открыть книгу и прочитать «Открытое письмо к Президенту», где мужественный человек говорит все, что он видит и что он думает, делает прогнозы, прогнозы с абсолютной точностью осуществляются.

(1995 г.)

УВАЖАЮТ НЕ ТОЛЬКО «ЛЕВЫЕ»

Мизулина Е. Б., депутат Государственной Думы, член фракции «Союз правых сил», доктор юридических наук, профессор Ярославского университета

ТАКИЕ ЛЮДИ ДЛЯ ПАРЛАМЕНТА РОССИИ БОЛЬШАЯ ЦЕННОСТЬ

С января 1994 года я очень много работала с О. Н. Смолиным в Совете Федерации в составе согласительных комиссий, рабочих групп, вместе мы были членами парламентской делегации Совета Федерации на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе, мне приходится с ним много работать по конкретным законам. Я считаю, что это — образец депутата, который действительно выражает волю и интересы народа, а не какой-то номенклатурной части общества.

Я — юрист, и для меня очень важно, чтобы все, кто участвует со мной в согласительных комиссиях, в дискуссиях, оперировали профессиональной аргументацией и свое возражение формулировали в виде достаточно действенных аргументов. Вот что отличает выступления Смолина? Всегда, во всех ситуациях — спокойствие, взвешенность, логика, профессиональная аргументация, очень сильная, всегда по существу, и мудрость. Это его характерные черты. Во всяком случае когда Смолин выступает в Совете Федерации, вся Палата замолкает, его слушают все.

Бывали ситуации, где мы расходились во мнениях, но спорить с такими людьми, как Смолин, мне лично легко. Потому что он слышит аргументы, он может признавать другую аргументацию, он может соглашаться, он способен на компромисс. Я также могу услышать профессиональную аргументацию, признать ошибочность своей позиции, и поэтому в спорах с Олегом Николаевичем у нас была и такая, и такая ситуация. Спорить с ним выгодно, потому что это всегда конструктивный спор.

Наша делегация покорила в Вене на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе — не только тем, что у нас были очень сильные доклады (один из сильных докладов на своем Комитете по вопросам экономики, науки, культуры сделал О. Н. Смолин), но мы покорили еще тем, как ведем себя в неформальной обстановке. И Олег Николаевич был здесь душой: он играл на фортепиано, мы пели русские романсы, песни, вокруг нас собирались все фракции и иностранцы.

Как депутат Олег Николаевич Смолин — один из самых сильнейших депутатов Палаты, это, бесспорно, гордость Палаты.

(1995 г. депутат Совета Федерации, заместитель Председателя Комитета по конституционному законодательству и судебно-правовым вопросам Совета Федерации)

К Олегу Николаевичу я отношусь с очень большим уважением и даже скажу так: в какой-то мере я очень люблю этого человека за его порядочность, грамотность, выдержанность, умение демонстрировать высокую культуру парламентария. Во всем, что связано с вопросами образования, науки, — это самый лучший для меня консультант, потому что всякий раз, когда встает вопрос о внесении каких-то законодательных инициатив, связанных с образованием, наукой, я всегда обращаюсь к О. Н. Смолину.

Я никогда не пытаюсь узнать, какая у него политическая позиция. Олег Николаевич прежде всего парламентарий, прежде всего профессионал, человек, который умеет защищать права других людей. Поэтому я считаю, что для Государственной Думы, для Парламента России такие люди, как О. Н. Смолин, это очень большая ценность.

(1998 г.)

Я глубоко уважаю этого человека, я признаю его профессионализм, он великолепно владеет законодательством в сфере образования, науки, культуры, во всем, что касается социальной защиты инвалидов. И он умеет это отстаивать. Когда Олег Николаевич выступает в Государственной Думе, вероятность того, что закон пройдет, очень велика, я не помню случая, чтобы поправка Смолина или законопроект, который он докладывал, не

прошли. Он много работает, он хорошо осведомлен в этой сфере, у него очень хорошие контакты, он знает практически всех, кто делает черновую работу, и тех, кто публично осуществляет этот вид деятельности, т. е. и в Правительстве, и в Думе, и в региональных структурах, и здесь, в Москве. Знание людей, законодательства, хороший опыт ему помогают, и для парламентария это очень хорошо. Чем больше опыт, тем депутат сильнее, тем больше вероятность, что он сможет на законодательном уровне помочь своим избирателям.

Мы с ним еще в Совете Федерации работали вместе. Не так просто набраться смелости и выступить, возразить Президенту республики или губернаторам. Олег Николаевич на эти вещи не обращал внимания, если он был убежден, что надо выступать, отстаивать, возражать,— он это делал. Делал очень корректно и очень убедительно и в Совете Федерации, и точно так же в Думе. Бойцовские качества у него великолепные. Не размахивая кулаками, он терпеливо и убедительно доказывает, вносит поправки. Он очень пунктуальный, не пропускает заседаний, в отличие от многих других депутатов.

Я вообще считаю, что омичам повезло, что у них такой добросовестный, скромный и очень грамотный депутат. В Думе он пользуется большим авторитетом.

(1999 г., заместитель председателя Комитета Государственной думы по законодательству и судебно-правовой реформе)

Боос Г. В., заместитель Председателя Государственной Думы

Смолин, бесспорно, человек мужественный, волевой и конечно боец.

Олегу Николаевичу гораздо тяжелее, чем другим, но он научился преодолевать свою трудную ситуацию и выходит из нее с честью.

(1998 г., начальник штаба избирательного объединения «Отечество — Вся Россия»)

Болдырев Ю. Ю.

Это, безусловно, мужественный человек. Человек очень высококвалифицированный, способный сделать, может быть, какой-то свой недостаток своим достоинством. Когда я слушаю его выступления, всегда поражаюсь четкости изложения и, я бы сказал, его уважению к другим людям. Предельная четкость, логика, предельная собранность сразу обращают на себя внимание.

(1995 г., депутат Совета Федерации)

Морозов О. В., член Комитета Государственной Думы по делам Федерации и региональной политики, руководитель группы «Российские регионы»

У НЕГО ЕСТЬ ПРИНЦИПЫ

Два с лишним года я просидел рядом с О. Н. Смолиным в зале пленарных заседаний и видел, как напряженно, как активно он выполняет свои депутатские обязанности. Пожалуй, не было ни одного вопроса социального профиля, а именно эти вопросы, как правило, находят самый живой отклик у избирателей, где бы Олег Николаевич не имел своей позиции, ясной, очень четкой, всегда блестяще сформулированной. Меня всегда удивляет, как человек, который не видит текст, может так блестяще его формулировать и четко, ясно, лаконично и понятно для зала излагать. Олег Николаевич обладает завидной волей и твердой позицией. Смолин не виляет, не придумывает какие-то оправдания тому, чтобы поменять свою позицию, поменять свой курс. У него есть принципы, и он неукоснительно этим принципам следует.

Работа депутата требует довольно серьезной физической нагрузки: это работа в Думе, работа в округе, работа с документами, работами с помощниками, работа с министерствами и ведомствами. Олег Николаевич как-то спокойно, без какого-то внешнего

эффекта преодолевает свой недуг и на равных, а я бы даже сказал, с неким перевесом над многими другими работает как депутат, неся на себе всю эту огромную физическую и моральную нагрузку.

(1999 г., заместитель Председателя Комитета Государственной Думы по делам Федерации и региональной политики, руководитель депутатской группы «Российские регионы»)

Рыжков В. А., член Комитета Государственной Думы по делам Федерации и региональной политики

ХОРОШИЙ ИМИДЖ

О. Н. Смолин — один из самых ответственных, талантливых и трудолюбивых законодателей. Этот человек всегда на острие проблем, особенно проблем образования, социальной сферы. Порой его бескомпромиссность даже вызывает раздражение у чиновников Правительства, администрации Президента. Еще в Первой Думе Олег Николаевич выступил и сказал, что невыполнение Указа № 1 Б. Ельцина, предусматривающего достойную зарплату работникам образования,— это безобразие. Его позиция — честная, открытая, бескомпромиссная, позиция поддержки общества, поддержки образования, поддержки простых людей — вызывает у всех огромное уважение и доверие, и это делает его человеком известным и в Государственной Думе, и в стране, человеком с очень хорошим имиджем.

О. Н. Смолин достаточно эффективен. Он не просто провозглашает какие-то цели, а доводит дело до конца. Он умеет вовремя написать закон, подготовить поправки и защитить их. Мимо его внимания не проходит ничего важного из того, что он считает принципиальным для себя, для избирателей, для страны, для тех, чьи проблемы он стремится решить.

Олег Николаевич — сибиряк, и я — тоже. Нас — сибиряков — не так много в Государственной Думе, но наш голос слышен, мы играем важную роль, и большой вклад в этом принадлежит О. Н. Смолину.

(2001 г.)

Дмитриева О. Г., заместитель Председателя Комитета Государственной Думы по бюджету и налогам

ЧЕЛОВЕК С ГОСУДАРСТВЕННЫМ МЫШЛЕНИЕМ

О. Н. Смолин — один из наиболее ярких и профессиональных депутатов Государственной Думы второго и третьего созыва. Во-первых, он — человек очень образованный, интеллигентный, что в политике большая редкость. Во-вторых, он — человек, который в политике преследует государственные интересы, а не какие-то свои личные и даже не региональные (хотя он, безусловно, заботится о своем регионе), он — человек с государственным мышлением, который последовательно отстаивает государственные интересы в своей депутатской деятельности.

Смолин — один из самых ярких ораторов. И, к сожалению, его очень мало показывают по федеральным каналам, хотя его выступления, его речи — одни из самых аргументированных. Я поражаюсь работоспособности Олега Николаевича, сколько он просматривает и активно участвует в подготовке огромного количества законопроектов. Он работает в Комитете по образованию и науке и вместе с тем довольно глубоко вникает в налоговое законодательство (причем не только по вопросам, которые он курирует: образование и социальная защита инвалидов, но и по малому бизнесу, и очень часто занимает активную позицию в его поддержку).

Смолин занимается вопросами пенсионного законодательства. По всем последним законам по пенсионному законодательству шла упорная борьба. О. Н. Смолин был одним из самых активных «штыков» в этой борьбе. У него помимо работоспособности,

профессионализма и яркости, еще и великолепные бойцовские качества, потому что он будет бороться за закон, за проект, который направлен на улучшение жизни народа, что называется «за народ», до конца. Это тоже свойственно очень небольшому количеству людей.

Особенно остро обсуждались вопросы о восстановлении в пенсионном стаже «нестраховых» периодов (время учебы, ухода за детьми, службы в армии), праве работающих пенсионеров получать пенсии в полном объеме. По каждой позиции мы разрабатывали сценарий: кто будет выступать первым, кто будет выступать вторым, кто будет просить слово, чтобы нам его обязательно предоставили, поскольку до «вето» Президента было 13 этапов и на каждом этапе шла борьба. Было несколько человек, которые боролись на всех стадиях, включая Совет Федерации. В Совете Федерации все обходили своих представителей, а Олег Николаевич ведь был членом Совета Федерации, у него там большой авторитет и многие люди знают. Представители Правительства (В. И. Матвиенко, М. Ю. Зурабов) давили на каждого члена Совета Федерации, обходили всех подряд, а потом всех подряд обходил О. Н. Смолин и убеждал в обратном. И прямо так по рядам ходили друг за другом. Члены Правительства предлагали наложить «вето» на Закон о пенсиях. Смолин и я, но в меньшей степени, потому что у меня нет такого авторитета в Совете Федерации, убеждали голосовать за этот закон. Это такой эпизод, который сложно, наверное, представить, его надо видеть.

Смолин — один из редких депутатов, у которого есть вся картина законодательства, вся картина проб-лем, но есть у него и своя позиция по большинству вопросов, которые рассматриваются в Государственной Думе, причем позиция активная.

(2001 г.)

«РЕДКОСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

*Г. Н. Селезнев
(Председатель Государственной Думы)*

Братищев И. М.

Олега Николаевича отличает воля, характер, умение быть выше любых обстоятельств. Поверьте мне, что для депутата эти качества очень важны, поскольку нам нужно быть не просто представителями своих групп избирателей, но и борцами за их интересы. Смолин постоянно адаптирует нужды своих избирателей и воплощает их интересы в форме законов, поправок к законам. Олега Николаевича отличает высокий профессионализм.

(1999 г., доктор экономических наук, профессор, председатель подкомитета Государственной Думы по проблемам социально-экономического развития регионов)

Плетнева Т. В., депутат Государственной Думы, член фракции Коммунистической партии Российской Федерации, член Комитета по образованию и науке

ВЛАСТЬ ЕГО СОВЕРШЕННО НЕ ИСПОРТИЛА

Обычно власть людей портит. Власть портит людей в том плане, что людям, привыкшим командовать или пользоваться какими-то льготами, потом очень тяжело от этого отвыкать. Многие ради этого идут во власть. Олега Николаевича власть совершенно не испортила. Я хочу подражать ему, его простоте, его человечности, доброте, порядочности, его заботе о людях. Однажды мы в Комитете собирались по какому-то поводу, и вдруг Олег Николаевич говорит: «Сегодня у меня праздник — День инвалида». Я не хочу кощунствовать, но у меня просто вырвалось: «Олег Николаевич, мы Вас не

считаем инвалидом». И на самом деле я иногда совершенно забываю, что у Олега Николаевича не видит. Абсолютно забываю, потому что он не привык жаловаться на судьбу, на свой недуг. Даже незнакомый человек может с ним долго общаться и не заметить этого.

Олег Николаевич — большая умница. По любому вопросу, если нужно проконсультироваться по работе, что-то выяснить, узнать по законотворческой деятельности, он всегда моментально отвечает. Я иногда думаю: просто как компьютер у него голова — настолько он много знает, такой эрудированный человек.

Олег Николаевич очень талантливый. Он прекрасно играет, поет. Своей жизнью он является примером для нас. Он знает, что мы его очень любим и ценим.

(1999, 2001 г.)

**Илюхин В. И., заместитель Председателя Комитета
Государственной Думы по безопасности**

ОН НЕСЕТ СВЕТ

Вряд ли у кого из депутатов или лиц, кто его знает, найдется какой-то хотя бы малейший штрих, который характеризовал бы Олега Николаевича с отрицательной стороны. Если говорить о профессиональных качествах, то удивительная порядочность, интеллигентность, тонкая интеллигентность уживаются с профессиональной настойчивостью, способностью четко ставить вопрос, добиваться достижения определенных целей. Я всегда с удовольствием слушаю выступления Олега Николаевича с трибуны Государственной Думы. Они всегда глубоко мотивированны, компетентны, и проблемы, которые он ставит, имеют исключительно важное значение не просто для какой-то небольшой группы людей, а в целом для страны. Меня поражает его умение донести до людей ту боль, ту проблему, о которой он говорит. Я всегда замечал, насколько аудитория внимательно слушает его.

Многие зрячие, многие абсолютно здоровые депутаты Государственной Думы и десятой части не делают того, что делает сегодня Смолин. Он несет пользу, свет и добрые начинания.

(1998 г., председатель Комитета Государственной Думы по безопасности)

**Мулдашев Э. Р., директор Всероссийского Центра глазной
и пластической хирургии**

Олегу Николаевичу Смолину присуще мужское, человеческое мужество и наше российское. В его положении, с его глазами только мощные российские мужики могут быть такими, как он. И как важно, чтобы пример Олега Николаевича — этого мягкого, теплого, человека, за много лет пребывания у власти не превратившегося в факсимильный аппарат, стал примером для других людей. Попробуйте закрыть глаза и представить себя так в окружающей реальности. А Олег Николаевич представляет, он смотрит и видит. Вот такие русские мужики и делают нормальную жизнь, и наша надежда в будущем России.

(2001 г.)

**Лапшин М. И., руководитель Аграрной партии,
член Комитета Государственной Думы по аграрным вопросам**

ЧЕЛОВЕК СОВЕСТИ

Я с первого съезда помню честное, искреннее выступление Смолина, очень грамотное с точки зрения депутатского дела законотворческого процесса. Я бы назвал его

не столько человеком политики, сколько человеком совести, высокой нравственности и четкой социальной ориентированности. Он расценивает ситуацию с точки зрения соответствия духу и букве Конституции, Закона, идее справедливости, чтобы прос-той человек был защищен, с позиции честности и совестливости. Его эмоциональные выступления, построенные на желании защитить правду, надолго остаются в памяти. Он вызывает у меня очень большое уважение.

Смолин высоко образован, это человек с великолепной памятью. Он впитал в себя все лучшее, что накопила к концу века идеология многих направлений: коммунистическая, социал-демократическая, даже, может быть, и либеральная.

Бесспорно, такой недуг, как у него,— это не орден, не украшение, но Олег Николаевич никогда не спекулирует на недуге. Он преодолел свой недуг. Мне он представляется и высокоинтеллигентным человеком, и человеком большого личного мужества.

(1995 г.)

Григоров С. А., президент Ассоциации «Интеграция» (г. Новосибирск)

Смолин — образец самореализации личности, которая проходила в экстремальных условиях его бытия. Результаты являются показателем реабилитации, и такие люди будут примером для подражания. Это целеустремленность, это преданность делу, в высоком смысле это патриотизм.

Олег Николаевич из категории тех людей, кто работает на XXI век. Грязь рыночной или спекулятивной экономики, которая захлестнула страну, сойдет, и будущее столетие станет расцветом человеческих способностей. Олег Николаевич работает над тем, чтобы процесс образования, в котором реализуются общечеловеческие ценности, стал достойным, протаптывает тропинку к этой великой цели, и поэтому можно с большим уважением относиться к человеку, который выбрал такой тернистый путь.

(1998 г.)

**Ломакин А. В., председатель Центрального правления
Всероссийского общества инвалидов**

... Характер у него очень бойцовский, ему в этом помогает прекрасное чувство юмора. Я ни разу не слышал выступления Олега Николаевича, когда бы он не заставил улыбнуться. Есть смех — смех сквозь слезы: люди начинают как-то глубже осознавать проблему, когда не просто сухим текстом чиновник что-то излагает, а когда депутат говорит о том, что он знает, и говорит так, что это доходит до слушателей. Если бы у него такого чувства юмора не было, я, думаю, работать депутатом ему было бы трудно.

(1998 г.)

Селезнев Г. Н., Председатель Государственной Думы

Сегодня в Государственной Думе О. Н. Смолин — один из наиболее уважаемых депутатов. Когда он выступает, то чувствуется, что человек умудрен опытом, знает предмет, прекрасно знает систему образования, знает, чего он хочет от того или иного закона, он говорит очень аргументированно, убедительно, публицистично. И если бы человек не знал, что Олег Николаевич Смолин не видит, он бы никогда в это не поверил. Когда Смолин стоит на трибуне, я вижу из-за спины, как бегают его пальцы по тексту, но он обращен в зал, он разговаривает с депутатами, складывается ощущение, что он каждого из нас видит, с каждым ведет диалог. Это огромнейшая работа над собой. Когда он говорит с министрами, когда он говорит с председателем правительства — я наблюдал такие сцены — те тоже забывают, что разговаривают со слепым депутатом. Пример Олега Николаевича, по-моему, должен вдохновлять каждого, потому что это редкостный человек.

(1998 г.)

«ОН ЛЮБИТ ЛЮДЕЙ»

Харитонов Н. М., *руководитель Агропромышленной депутатской группы Государственной Думы, заслуженный работник сельского хозяйства Российской Федерации, кандидат экономических наук*

ОТСТАИВАЕТ ИНТЕРЕСЫ ЧЕЛОВЕКА ТРУДА

Олег Николаевич Смолин — мой земляк. Я из Новосибирской области, он — из Омской. Я его знаю с начала 90-х годов. Нас, депутатов, которые трижды избраны по одномандатным округам в Государственной Думе, всего 16. Олег Николаевич Смолин — это само мужество, порядочность, воля, интеллигентность, образованность. Практически в одночасье, в одну минуту располагающий к себе собеседник.

О мужестве Олега Николаевича свидетельствуют события 1993 года, когда я возглавил вторую часть Десятого внеочередного чрезвычайного съезда народных депутатов РСФСР на Красной Пресне, когда 109 депутатов не смогли пройти в здание Верховного Совета РСФСР, потому что оно было оцеплено колючей проволокой и плотными шеренгами стояли воинские соединения. Он не спрятался, а пришел ко мне в первый день и прямо сказал: «Николай Михайлович, какая нужна помощь?»

Иногда кое-кто говорит: ну, вроде бы, что ему надо — и получает пенсию, и может чем-то другим заниматься (он великолепно владеет музыкальными инструментами и поет). Но именно в силу своей кипучей деятельности, видимо, унаследованной от предков, он постоянно борется за права человека. Он честно выполняет высокий профессиональный долг законодателя.

Он ориентируется в политической жизни. Он слепо ни за кем не идет. Он четко и ясно поддерживает идеалы Народно-патриотического союза России. Он очень уважаем, его по-человечески любят, потому что это кристально чистый, искренний человек. Но самое главное — он никогда не предаст честного труженика, честного интеллигента, он всегда будет отстаивать его интересы, интересы человека труда. Смолин зрелый, состоявшийся политик со своим лицом. И он действительно является новейшей политической историей России, новейшим представителем российского парламентаризма. Он действительно стоял у истоков создания профессионального Парламента Российской Федерации.

(1998—1999 гг., руководитель Аграрной депутатской группы Государственной Думы)

О. Н. Смолин вносит нравственную чистоту в работу Агропромышленной депутатской группы, в которую он входит в Государственной Думе третьего созыва. Его интеллект, мысли, знание предмета, конкретного дела заставляют людей рядом с ним в своей работе подтягиваться, не быть равнодушными. Это дисциплинирует, организует нашу депутатскую группу, потому что рядом с ним плохо работать, наверное, всем будет стыдно, потому что Смолин имеет собственное лицо, собственный взгляд, понимание того, что происходило последние десять лет в стране и происходит. Он своей гражданской позиции абсолютно не меняет.

Я родился в с. Резино Усть-Тарского района Новосибирской области на границе с Омской областью. Из омских депутатов первого созыва народных депутатов РСФСР 1990-х гг. он остался один, так же как и я остался один от Новосибирской. У него и у меня избиратели в основном из села, и даже наши избирательные округа граничат. Я знаю, что у православных таких случайных встреч не бывает, это по судьбе. И не случайно мы в одном объединении, в Народно-патриотическом союзе. И у нас одна бессмертная идея, и Смолин ее пропагандирует и защищает — это социальная справедливость. Вот, наверное, за что его избирают в четвертый раз омичи.

Смолин великолепно знает, лучше любого профессионала понимает проблемы села, он всегда участвует в обсуждениях, когда мы приглашаем представителей министерств, ведомств по работе в АПК. Он понимает, что чужим хлебом сыт не будешь. Он активно участвовал в обсуждении постановления о финансовом оздоровлении АПК, которое вышло

в июле 2001 г., хотя и не в той редакции, в какой бы нам хотелось. Когда он начинает выступать, зал в Государственной Думе затихает, потому что все знают, что выступление О. Н. Смолина будет неординарным. Помимо оценки, он всегда предлагает, что и как надо делать, а предлагают обычно люди, которые хорошо знают тему, знают предмет — он очень хорошо знает проблемы своих избирателей.

При обсуждении Земельного кодекса позиция О. Н. Смолина была очень жесткой. Он прекрасно понимает, что если и дальше пройдет Земельный кодекс с куплей-продажей пахотных земель, то большинство населения может оказаться рабами. Сегодня деревня переживает не лучшие времена, и я думаю, что О. Н. Смолин является очень активным защитником омских избирателей, которые в большинстве своем живут и работают на селе. Деревня — это совесть России, ее духовно-нравственные корни, поэтому не случайно деревня голосует за таких ярких представителей, каковым является О. Н. Смолин.

(2001 г.)

Карелова Г. Н., *первый заместитель министра труда и социального развития Российской Федерации*

ИНТЕЛЛЕКТ, ВОЛЯ, СОВЕСТЬ

Олег Николаевич — уникальный человек. Личность складывается из трех составляющих — это интеллект, воля и совесть. И как-то так бывает, что у одних людей, которые начинают заниматься политикой, есть интеллект и совесть или воля и интеллект. Олег Николаевич — человек, у которого присутствуют все эти качества, и присутствуют гармонично. Это, безусловно, совесть, порядочность — те качества, которые становятся у нас в дефиците. Сегодня, если говорить о мужской политике, мужчинам-политикам прежде всего присущи воля и интеллект. И вся политика сегодня в государстве — это волевая политика. Но нехватка, с одной стороны, женщин-политиков, нехватка таких людей, как Олег Николаевич, с другой, не позволяет привнести в политику такое качество, как совесть. То есть заботу о пожилых, заботу о детях — без этой совести ни одно Правительство, ни один Парламент существовать не может. И, безусловно, это огромное мужество — выходить с теми законопроектами, которые сейчас уже не так конъюнктурны. Каждая парламентская группа держится на том, что лоббирует интересы той или иной группы, а лоббировать интересы большинства — малоимущих категорий людей — это такая деятельность, которая никем не оплачивается и никогда не будет оплачиваться. И то, что Олег Николаевич это делает, я думаю, это внутренняя потребность и большое мужество.

Смолин вносит ряд законопроектов, в том числе законодательных инициатив по проблемам инвалидов, по проблемам пенсионного обеспечения, прежде всего то, что связано с коэффициентом по Омской области. Он вносил законопроекты, связанные с социальной защитой студентов, преподавателей, в целом работников бюджетной сферы. И я могу отметить, что Олег Николаевич всегда вносит законопроекты, прежде всего хорошо прописанные. Он — законодатель высокого класса, квалификация его такова, что ему легко переходить из одной сферы в другую, но я думаю, что в первую очередь это у него изнутри, он является реальным защитником реальных интересов людей, причем разных категорий людей.

Олег Николаевич — человек, который всегда готов прийти на помощь, всегда делает это деликатно, никогда не чувствуется, что сделал какую-то ошибку или не все учел. И поэтому нам повезло, что в нашей Палате есть такой прекрасный и уникальный человек. А когда он берет гитару (у нас бывают, очень редко, но бывают неформальные вечера, встречи с депутатами, других парламентов, дни рождения), то здесь ко всему еще добавляется и восхищение его талантом. Многогранная личность. Он вызывает уважение и восторженное отношение со стороны абсолютно всех людей, независимо от политической и партийной принадлежности, и мужчин, и женщин.

(1995 г., *председатель Комитета Совета Федерации по социальной политике*)

Губенко Н. И., народный артист СССР, председатель Комитета Государственной Думы
по культуре и туризму

ГЛАВНЫЙ СТЕРЖЕНЬ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА — СОСТРАДАНИЕ

Я причисляю Олега Николаевича к высоким умам Отечества. Извините за пафос, но это действительно так. И я вспоминаю эпизод борьбы Олега Николаевича за нормативы финансирования образования и культуры, его боевитость, смелость и открытость в борьбе. Большого проявления мужества, большого умения аргументировать необходимость сохранения тех или иных льгот для этой сферы и той степени страстности, которой он обладает, я не замечал ни в одном из депутатов последних двух созывов. Не знаю за счет чего это: за счет ли знания предмета, за счет ли действительно высокой образованности, высокого интеллекта, может быть, от некой поэтичности и нежности души (хотя я знаю, что он может быть и жестким, когда формулирует на пленарном заседании свои мысли), но, кажется, *главный стержень его как человека — это сострадание*. И в этом смысле он является, на мой взгляд, Великим русским человеком. Сострадание в нем превалирует. Сострадание по отношению к тем обездоленным, нищим, голодным массам, которых так обманули и которые нуждаются в помощи таких людей, как Олег Николаевич.

(2001 г.)

Яковлева Т. В., депутат от Ивановского округа, заместитель
Председателя Комитета Государственной Думы по охране здоровья и спорту

ОН ЗАЩИЩАЕТ ИНТЕРЕСЫ БОЛЬШИНСТВА

О. Н. Смолин много знает, настойчивый и упорный в достижении своих целей, честный. Он защищает интересы малообеспеченных людей — а их, к сожалению, очень много — значит, интересы большинства. Поэтому мы с ним сразу договорились о сотрудничестве. Когда я приезжаю в свой округ и говорю: «Я работаю со Смолиным», — это прибавляет мне авторитета, потому что Смолина знают и у нас в Ивановском округе.

(2001 г.)

Зюганов Г. А., председатель Народно-патриотического союза России,
руководитель фракции Коммунистической партии Российской Федерации в
Государственной Думе

ОЧЕНЬ ТОНКИЙ И НАСТОЯЩИЙ ПОЛИТИК

Олег Николаевич имеет внутренний стержень, который можно охарактеризовать двумя словами: любит людей. Хотя он незрячий, но он прекрасно видит все, что происходит, и не только видит, но и с помощью выработки законов в поддержку науки, образования уже очень многое сделал. Я не знаю ни одного крупного и серьезного документа, который выходил бы в последнее время из Государственной Думы и в подготовке которого Олег Николаевич не принимал бы участия.

Мне не раз приходилось бывать с ним в аудитории. Он прекрасно общается с людьми, умеет их слышать, чувствовать, видит их проблемы и умеет очень точно выразить настроения. Это свидетельствует о том, что он очень тонкий и настоящий политик.

(1998 г.)

О. Н. Смолин обаятельный человек, с ним приятно общаться, несмотря на некоторые трудности, которые у него есть. Тем не менее он очень подвижен, умеет выступать, у него есть всегда позиция, позиция, с одной стороны, жесткая, твердая, а с другой стороны — очень уважительная, поэтому его точка зрения, как правило, поддерживается. Вы можете

посмотреть: импичмент Ельцину — все пять пунктов — Смолин голосует за то, чтобы Ельцина отправить в отставку. Посмотрите все вопросы, связанные с поддержкой российского производства. Это очень легко сделать — распечатайте материалы том, как он голосует по всем проблемам. Образованный, грамотный человек, в Думе он по любому вопросу в состоянии разумно сориентироваться и принять верное решение. Я видел, как он встречается с учителями, преподавателями, ректорами вузов — они к нему относятся с симпатией и с уважением. Дай Бог, чтобы побольше было таких депутатов Государственной Думы.

(1999 г.)

Мне он очень симпатичен. У Смолина есть не просто жизненная философия, у него есть любовь к людям и очень хорошее мышление. Человек прекрасно, логично мыслит, хорошо чувствует боль людскую, понимает проблемы народного образования, знает жизнь не только сибиряков, но и в целом страны.

Это один из наиболее грамотных, уважаемых и достойных депутатов в нашей Государственной Думе. Без глубоких знаний, без научного подхода, без исследования опыта многих стран нельзя стать серьезным законодателем. У Олега Николаевича все это есть, и дано ему с лихвой. Я считаю, что он украсил бы любую фракцию, но меня очень радует, что он занимается именно народным образованием. У меня в роду десять человек почти триста лет преподавали различные предметы. И сегодня, когда обстановка крайне трудная, когда пытаются с помощью реформ разрушить нашу уникальную школу, он как скала стоит на пути этих разрушителей и очень много сделал для сохранения народного образования.

Дай Бог, чтобы у него было хорошее здоровье и чтобы он еще побольше поработал в стенах Государственной Думы.

(2001 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (Г. Н. Селезнев).....	3
К читателю	5
Раздел 1. Современная Россия: полигон или «кладбище» методологий? (Политико-ситуационный анализ как метод исследования радикальных трансформаций)	
Образование. Революция. Закон. Проблема законодательного обеспечения российской государственной образовательной политики 90-х годов. Глава I. Некоторые замечания о методологии исследования	9
Образование. Революция. Закон. Глава III. Революция как историческая ситуация: к проблеме ситуационных характеристик и закономерностей	15
Социально-философские аспекты государственной образовательной политики в условиях радикальной трансформации российского общества. Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора философских наук. М., 2001. Методы исследования	18
Социально-философские аспекты государственной образовательной политики... Диссертация... доктора философских наук. Из раздела «Проблема»	21
Раздел 2. Нет у революции конца? Радикальная трансформация российского общества как революционный процесс	23
Образование. Революция. Закон. Глава II. Основные понятия: попытка неидеологической интерпретации	23
Образование. Революция. Закон. Глава V. Революция как катастрофа. Противоположность объявленных целей и непосредственных результатов революции	29
Образование. Революция. Закон. Глава VI. Революция как отрицание. Феномен «маятника»	35
Образование. Революция. Закон. Глава VII. Революция как всеобщий конфликт	39
Образование. Революция. Закон. Глава VIII. Революция как аномия. Революционные социопатии	49
Образование. Революция. Закон. Глава IX. Революция как праздник. Негативная свобода и ситуативное расширение границ социального творчества	59
Образование. Революция. Закон. Глава X. Мифологизация массового сознания как феномен революции	67
Революционные утопии и реальное ускорение исторического времени	77
Образование. Революция. Закон. Глава XI. Смена политических элит как закон революции	83
Образование. Революция. Закон. Заключение	83
Раздел 3. Хроника необъявленной смерти: проблема периодизации российских трансформационных политических процессов	86
Из статьи «Радикальная трансформация российского общества как революционный процесс: политико-ситуационный анализ, периодизация, перспективы»	86
Раздел 4. Привет, демократия: диалектика демократических и авторитарных тенденций в российском социально-политическом процессе	109
Проблема демократии в посткоммунистической России: некоторые вопросы теории	109
Социально-философские аспекты государственной образовательной политики...	

Диссертация... док-	
тора философских наук. Раздел второй. Диалектика демократических и авторитарных тенденций в	
российском социально-политическом процессе	117
По пути демократизации	127
Выбор	130
Двух президентов Россия не выдержит	133
Спасёт ли нас Президент?	136
Дорога, но в какой век? Размышления над проектом Конституции Российской Федерации	139
Глас народа — глас Божий? Ещё раз о том, кто и как должен принимать новую Конституцию	
России	142
Плебисцит как средство утвердить мнение. Собственное	144
От фарса к трагедии, или четыре возможных пути выхода из кризиса. Текст произнесенного	
выступ-	
ления на IX (внеочередном) съезде народных депутатов Российской Федерации	147
Референдум: не в последний раз?	149
Съезд народных депутатов России: угроза тоталитаризма или гарант демократии?	152
Привет, демократия!	158
Не тоскуйте по Пиночету!	161
Три трагедии российской демократии	165
Сенат Республики или императорский Государственный Совет? О расстановке сил и	
перспективах	
российского Совета Федерации	169
«Импичмент» без отрешения: попытка четвертая — и последняя. К итогам работы	
Государственной	
Думы второго созыва	171
Вторая ошибка третьей Думы	193
Раздел 5. Ученые — свет: кто против? (Борьба реформистских и революционных тенденций в	
образо-	
вательной политике 90-х годов)	197
Социально-философские аспекты государственной образовательной политики...	
Диссертация... док-	
тора философских наук. Раздел третий. Политика в области образования и образовательная	
полити-	
ка: содержание понятий, тенденции и противоречия в России 90-х годов	197
Страсти о тресте. Выступление на пленарном заседании Государственной Думы 21 апреля 1995	
года211	
Образование и национальная безопасность России. Доклад на парламентских слушаниях.	
Государст-	
венная Дума Федерального собрания России. 21 мая 1996 года	214
Концепция очередного этапа реформирования образования: позиция парламентского комитета	220
Экономить на образовании — хуже, чем топить ассигнациями. Выступление на пятом съезде	
ректоров	
вузов России 26 июня 1998 года, МГУ им. М. В. Ломоносова	230
«Чем человек образованнее, тем он полезнее своему Отечеству». Выступление на пленарном	
заседа-	
нии Всероссийского совещания работников образования. Москва. Кремль. 14 января 2000 года	234
Платон с Ньютоном мне друзья, но истина дороже. Из стенограммы парламентских слушаний на	
тему:	
«Двенадцатилетнее образование: правовые и социальные аспекты». Москва, Государственная	
Дума.	
15 июня 2000 года	237
С большой головы на здоровую, или о тех, кто пытается стать «партией образования» только	
перед	
выборами. Открытое письмо педагогам, студентам, родителям – всем, кто учится и учит	
(проект)	240

Доклад и заключительное слово на парламентских слушаниях «О проекте федерального закона «О конституционных правах граждан на общее образование». Москва, Государственная Дума. 2000 год, 19 сентября	247
Элитарное образование — путь не в будущее, но в прошлое. Заключительное слово на парламентских слушаниях «О концепции реформирования образования в проекте программы Правительства Российской Федерации «Основные направления социально-экономической политики Правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу». Москва. Государственная Дума. 14 ноября 2000 г.....	256
Выступление на VI съезде Российского Союза ректоров. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. 7 декабря 2000 г.....	263
Паровоз для машиниста»? Или ещё раз о последствиях изменения статуса образовательных учреждений. Выступление на семинаре «О статусе образовательных организаций». Москва, Александр-хаус. 2001 г., 20 марта	269
Стратегия модернизации российского образования: альтернативы и законодательное обеспечение	272
Политические ориентации и отношение к образованию: программы и реальная позиция фракций и групп в Государственной Думе второго созыва	278
Рейтинг поддержки образования: кто есть кто	289
Раздел 6. Прогнозы, которым лучше бы не сбыться: проблема политического прогнозирования в условиях социальных бифуркаций	296
Образование. Революция. Закон. Глава IV. Революция как бифуркация. Особенности политического прогнозирования в революционных условиях (параграфы 1, 2)	296
Куда ж нам плыть? (Размышления у придорожного камня истории)	301
Почему я не голосовал «за».....	304
Кому и зачем нужен «третий путь»	306
Куда несет нас рок событий?	308
Из статьи «Современная Россия: политические альтернативы на завтра»	320
Раздел 7. Негативная конвергенция или маленький термидор? (Противоречия и перспективы постельцинского этапа российской истории)	328
Русская рулетка, или о том, что сулит нам год 2000-й	328
Нас ждет бонапартизм в российском варианте... ..	330
«Братская могила». Сначала — для социальных законов, а затем — для социально незащищенных людей?	332
Политика будет ужесточена. Интервью.....	337
Россия на рубеже веков и цивилизаций: требуется новый курс.....	339
Вместо заключения. «Национальная идея» будущего и будущее «национальной идеи»	345
Демократический социализм 21 века: шансы цивилизации и тактика левых в России. (Выступление на российско-германском семинаре «Раздумья о социализме в 21 веке». Москва, 19 сентября 2000 года.)	345
Социально-философские аспекты государственной образовательной политики... Диссертация... докто-	

ра философских наук. Раздел пятый Национальная доктрина образования в Российской Федерации	
как социально-философская проблема и ключевое направление законотворческого процесса	352
Об авторе: взгляд известных политиков и ученых	364
Послесловие	386